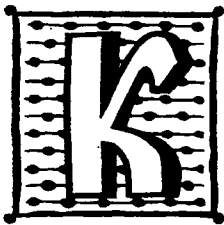

А. А. З И М И Н

Отричнина
Ивана
Грозного

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
« МЫСЛЬ »
МОСКВА • 1964

9 (C) 13
3-62

то из читателей не сохранил с детских лет в своей памяти мужественные образы купца Калашникова и князя Серебряного, верного слуги Васьки Шибанова, отважного Михайлы Репнина?! Кто не помнит византийски суровый облик царя Ивана Грозного у Васнецова, мудреца на престоле у Антокольского, обезумевшего от горя отца в бессмертных творениях Репина и Римского-Корсакова?! Кто не испытывал чувства досады за большого мастера киноискусства Сергея Эйзенштейна, который ходульной риторикой пытался изобразить жизнь и деятельность «государя всея Руси»?!

Трудно сейчас назвать имя хотя бы одного более или менее видного ученого прошлого, который при построении многоэтажного здания отечественной истории не остановил бы свой взор на опричнине, этом любимом детище царя Ивана.

Но позвольте, скажут читатели этой книги, если все это так, то стоит ли еще раз возвращаться к этому сюжету, хорошо известному всем по учебникам отечественной истории? Оказывается, стоит.

У опричнины удивительная судьба. Она долгое время являлась темой полупублицистических споров, социологических обобщений, но только не специальных исследований. Ведь до появления известной статьи С. Ф. Платонова, вошедшей позднее в его «Очерки Смуты», работ исследовательского характера об опричнине не было. Да и в настоящее время монографические разыскания на эту тему отсутствуют. Как известно, книга покойного П. А. Садикова представляет собой посмертный сборник статей главным образом о финансовых учреждениях и земельной политике в годы опричнины. Не завершили своих многолетних изысканий по эпохе Ивана Грозного и такие видные советские историки, как С. Б. Веселовский и И. И. Полосин, оставившие после себя лишь фрагменты ценнейших исследований в области опричных реформ.

Разномыслия по вопросам истории опричнины в исторической литературе не исчезли и до настоящего времени. Еще бытуют в зарубежной историографии чисто карамзинские представления, в которых история России 1565—1572 гг. рассматривается сквозь призму деяний «царя-тирана». В советской исторической литературе основное внимание уделяется социально-экономической сущности опричной политики. Однако в работах ряда историков, особенно в период культа личности, давался идиллический образ царя Ивана IV и приукрашенное представление об опричнине, ложившейся тяжелым бременем на трудящиеся массы Русского государства. Этому в немалой степени способствовали высказывания И. В. Сталина, безудержно восхвалявшего Ивана Грозного, забывая о тех неисчисли-

мых бедствиях, которые принесло народу распространение крепостничества в XVI в.

В последние годы стали выходить работы, дающие верное освещение ряда важных вопросов истории России периода 1565—1572 гг. Но обобщающего труда на эту тему еще не появилось. Все это и делает необходимым специальное исследование вопросов истории опричнины, которое и предлагается вниманию читателя настоящей книги. Имея самостоятельное значение, она вместе с тем примыкает к работе автора о реформах Ивана Грозного, составляя ее непосредственное продолжение. Именно поэтому в данной книге отсутствуют разделы, посвященные социально-экономическим предпосылкам опричнины. Со всеми этими вопросами читатель может ознакомиться во второй и третьей главах книги «Реформы Ивана Грозного»¹. Это же обстоятельство следует иметь в виду и при обращении к историографическому обзору темы опричнины, который лишь дополняет разбор взглядов историков на время Ивана Грозного, содержащийся в указанной книге.

Настоящая работа написана на основе всей совокупности сохранившихся источников, как опубликованных, так и рукописных². Не все проблемы освещены в ней равномерно. Основное внимание уделено социально-экономическому и политическому смыслу опричнины. Вопросы внешней политики России 60-х — начала 70-х годов XVI в., а также истории общественной мысли рассматриваются лишь в той мере, в какой они необходимы для понимания хода и значения опричных преобразований.

¹ А. А. Зимин, Реформы Ивана Грозного, М., 1960.

² Ссылки на источники даются в подстрочных примечаниях в ряде случаев в сокращенном виде. Список сокращений приводится в конце книги.

* *
*

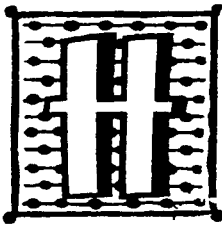
При подготовке книги к изданию автору оказали большую помощь М. Е. Бычкова, И. В. Ледовская, В. М. Покровская, Н. Я. Трофимова, В. Г. Шерстобитова, а также сотрудники научного кабинета Института истории АН СССР, архивов и рукописных отделов московских и ленинградских библиотек. Много ценных советов и замечаний на разных стадиях работы было высказано специалистами из научных учреждений Москвы и Ленинграда. Указатели составлены И. В. Ледовской. Всем этим своим друзьям автор приносит глубокую благодарность.

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Дореволюционная историография

ачало страстным спорам в историографии вокруг опричнины положили Иван Грозный и Андрей Курбский, с именами которых связано уже само становление нового этапа в истории Русского государства XVI в. В их эпистолярном поединке отчетливо выступают диаметрально противоположные оценки событий опричных лет, на долгое время определившие направление историографических споров. Окруженные цветистыми легендами историков различных направлений, эти крупнейшие политические деятели своего времени и талантливые публицисты, как правило, изображались в дворянско-буржуазной исторической науке носителями двух «начал» — самодержавия и крамольного боярского сепаратизма. Казалось бы, так и должно было быть — одну сторону представлял государь всея Руси, а другую — опальный вельможа, дерзнувший бежать «от царского гнева» в Литву. Но вот эта-то кажущаяся очевидность и привела к многочисленным недоразумениям, лишь затемнившим, а не просветлившим полемику царя и боярина, а вместе с тем и понимание опричных преобразований. Если в историческом споре Ивана Грозного и Андрея Курбского первый является нападающей стороной, когда речь захо-

дит о реформах правительственного компромисса середины XVI в., то уже при разговоре об опричнине державному повелителю приходится зачастую занимать оборонительные позиции. «Про что, царю, сильных во Израили побил, еси и воевод, от бога данных ти, различным смертем предал еси?»¹ — восклицает князь Андрей в своем первом послании московскому царю, с которого и началась полемика царя и боярина. И дело, конечно, заключалось не только в том, что Курбский принадлежал к кружку молодых энтузиастов, осуществлявших реформы середины XVI в., а в разгоряченном воображении грозного царя родилась идея опричнины, железной рукой претворявшаяся в жизнь во второй половине 60-х — начале 70-х годов. Иван Грозный не мог привести ни одного примера, ни одного факта (как это сделал Курбский для времени Избранной рады), для того чтобы показать самоценность опричных мероприятий: они приобретали в его устах смысл только как расплата за какие-то прошлые преступления бояр и княжат. Это могло лишь укреплять позиции Курбского, выступившего с обличением царя Ивана сразу же после своего бегства из Юрьева в 1564 г. Для него все существо опричнины сводилось к бессмысленному истреблению воевод, оклеветанных в изменах и чародействах. Этими гонениями и объясняет князь Андрей свой отъезд за рубеж².

Царь Иван в том же, 1564 г. направляет Курбскому пространный ответ. Поражает внутренняя неслаженность этого, по словам князя Андрея, «широковещательного и многошумящего» послания. Отвечая на обвинения Курбского, Иван IV старается доказать, что опричные репрессии вызваны были изменой бояр. Чего только он не приписывает «крамольным боярам»! Оказывается, «и Литовская брань улучилася вашею же изменою и недоброхотством», хотя сам же он пишет ниже, что Адашев и Сильвестр выступали против Ливонской войны³. С негодованием опи-

¹ «Сочинения князя Курбского», т. I.— «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. XXXI, СПб., 1914, стб. 1.

² Там же, стб. 1—7.

³ «Послания Ивана Грозного». Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.-Л., 1951, стр. 11; ср. стр. 49.

сывает он те обиды, которые якобы накопились у него на действия вельмож, Сильвестра и Алексея. Иван IV не отрицал самих гонений на бояр за «измены и чародейства». Отстаивая самодержавные права царя, он заявлял, что «жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»¹. Вот тут-то и коренилась двойственность образа Ивана Грозного: олицетворяя собой самодержавную власть, окруженную ореолом «святости», он в своей практике зачастую оказывался обыкновенным деспотом, от личной воли которого зависели жизнь и смерть его подчиненных. Следы удельной психологии в творчестве Ивана Грозного сильнее, чем это представлялось многим историкам. Он воюет не с боярством вообще, а с непокорными лично ему вельможами. Царь Иван отнюдь не сознательный выразитель интересов дворянства (каким был И. С. Пересветов). Ведь не кто иной, как он, возмущался Адашевым и Сильвестром, которые «молодых же детей боярских с вами (т. е. боярами.— А. З.) честию подобяще»². Он негодовал и на бояр, которые в малолетство царя «не по делу» жаловали детей боярских, «верстая не по достоинству», «рабы же свои, аки вельможа, сотвориша»³. Бегство Курбского продиктовано было, по его мнению, тем, что тот захотел «изменным обычаем быти Ероslавскому владыце»⁴. Жизнь заставила Ивана IV многое делать в интересах рядовых феодалов, но идеология его была куда противоречивее, чем та, которую в иконописных тонах воссоздавали ревнители российского самодержавия XIX в.

Красочную картину опричных зверств Курбский нарисовал в своей «Истории о великом князе Московском». Выступая апологетом Избранной рады, Курбский не разделял всецело взгляды консервативного боярства. Однако то, что было разумно в середине XVI в., в третьей четверти века постепенно становилось анахронизмом. Для Курбского, написавшего своеобразный реквием по убиенным в опричные годы, в это время на Руси ничего не происходило, кроме бессмысленной резни, объясняющейся лишь злой

¹ «Послания Ивана Грозного», стр. 30.

² Там же, стр. 37—38.

³ Там же, стр. 33—34.

⁴ Там же, стр. 10.

волей царя и наущениями его дурных советчиков¹. Рационалистские представления князя Андрея сталкивались с теократическими взглядами Ивана IV.

Опричнина сделалась достоянием историографии уже в начале XVII в., когда плеяда блестящих публицистов задумалась над причинами только что пережитого ими Смутного времени, казалось бы потрясшего самые основы государственного строя.

Составитель хронографа 1617 г., происходивший из аристократического окружения молодого царя Михаила Романова, с недоумением писал, что он не знает, почему многомудрый ум Ивана IV после смерти Анастасии заменился яростным нравом. Верноподданнические чувства не позволили автору объяснить «крамолу междуособную» вмешательством провидения, а вельможные симпатии заставили его все-таки с сокрушением отметить, что царь, «нача сокрушати от сродства своего многих, такоже и от вельмож сниклитства своего»².

Личные счеты с Иваном Грозным были у писателя князя И. М. Катырева-Ростовского, составившего в 1626 г. колоритную повесть о Смуте: в свое время грозный царь казнил одного из его родичей, Андрея Ивановича, и не раз «жаловал» опальными «милостями» других ростовских княжат. Катырев, как и Курбский, превозносил успехи Изыбранной рады, считает, что лишь позднее царь, «супротивен обретесе и наполнися гнева и ярости, наченше подвластных своих сущих раб зле и немилостивно гонити»³, безвинно истреблять воевод и других людей православного царства.

Талантливый и самобытный публицист дьяк Иван Тимофеев начинает свои воспоминания с характеристики опричнины. «От умышления же зельныя ярости на своя рабы» царь Иван «возненавиде грады земля своея и во гнев... всю землю державы своея, яко секирою, наполи некако разсече»⁴. Отдавая должное уму и талантам Ива-

¹ РИБ, т. XXXI, стб. 161—354.

² А. Попов, Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 183.

³ РИБ, т. XIII, СПб., 1909, стб. 561.

⁴ «Временник Ивана Тимофеева», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1951, стр. 11, 12.

на IV, Тимофеев вместе с тем скорбит, что царь уничтожил многих, даже расположенных к нему вельмож. Этот «велик раскол» и был причиной Смуты¹. Тимофееву, много лет служившему в Новгороде, особенно диким казался новгородский погром и гибель Владимира Старицкого.

С XVIII в. исторические события становятся объектом научного исследования. Виднейшим русским историком первой половины XVIII в. был В. Н. Татищев. Он не оставил целостного изложения событий царствования Ивана IV; тем не менее и по его единичным высказываниям мы видим, как отрицательно относился В. Н. Татищев к спесивому боярству, ко всему тому, что мешает «монаршему правлению», которое «государству нашему прочих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез прочия умаляется и гибнет»².

Являясь приверженцем петровского абсолютизма, Татищев и царствование Ивана Грозного расценивал положительно, осуждая «некоторых беспутных вельмож бунты и измены»³. Ненависть Татищева к боярству станет еще более понятной, если мы вспомним напряженную борьбу Петра I с боярско-аристократической оппозицией, чьим знаменем был царевич Алексей.

Поборнику дворянских привилегий князю М. М. Щербатову «самовластие» Ивана IV, равно как и «оттгание» от власти «знатных», «именитых» особ, не приходилось по вкусу. По его мнению, никакого конфликта между царем и боярами не было, а просто царь неизвестно почему порвал союз с боярством, заподозрив его без всякого основания в измене, превратился в тирана и привел государство к разрухе⁴. Сущность опричнины Щербатов пытался найти в военных нуждах правительства. Иван IV, оказывается, хотел создать из стрельцов «наиндежнейшие войска» и стремился при этом «сам быть их непосредственно первым начальником, и особливые отделил волости

¹ «Сим разделением, мною, нынешняя вся земля розгласие, яко прообразуя оттуда до зде» («Временник Ивана Тимофеева», стр. 12).

² В. Н. Татищев, История Российская с самых древнейших времен, кн. I, ч. 2, М., 1769, стр. 545.

³ Там же, стр. 544.

⁴ М. М. Щербатов, История Российская с древнейших времен, т. V, ч. 2, СПб., 1903, стр. 483—484.

на содержание их, которые были опричниной именованы»¹.

Суровое шербаатовское обличение самовластия царя-тирана Н. М. Карамзин облек в сентиментально-напыщенные формы.

Исходя из того что самодержавие и дворянство тесно связаны между собой, Н. М. Карамзин осудил борьбу Ивана Грозного с боярством, которое, по его мнению, и не сопротивлялось ему, ибо искони было привязано к самодержавию: «Бояре и народ во глубине души своей, не дерзая что-либо замыслить против венценосца, только смиренно молили господа, да смягчит ярость цареву, — сию казнь за грехи их!»

Кроме злодеев, озаменованных в истории названием опричники, все люди, знаменитые богатством или саном, ежедневно готовились к смерти и не предпринимали ничего для спасения жизни своей!»²

Давая общую отрицательную оценку царствования Ивана Грозного, мучителя, которого Россия сносила двадцать четыре года, «вооружаясь единственно молитвою и терпением»³, Карамзин в опричнине увидел только «предлог для новых ужасов» царя. Государь выделил себе в опричнину особый удел, желая «как бы удалиться от царства, стеснив себя в малом кругу частного владетеля», создать отряд личных телохранителей⁴.

Н. М. Карамзин ввел в научный оборот много архивных документов (Александрово-Невская летопись, сочинение Гваньини, послание Таубе и Крузе, переписка Грозного с Курбским), но его общая трактовка опричнины как результата действия только психологических факторов — «ужасной перемены в душе царя» после смерти его первой жены Анастасии, существования заговоров против Ивана «единственно в смутном уме царя» — даже в начале XIX в. была анахронизмом.

¹ М. М. Шербаатов, История Российская с древнейших времен, т. V, ч. III, СПб., 1789, стр. 219.

² Н. М. Карамзин, Записка о древней и новой России, СПб., 1914, стр. 13.

³ Н. М. Карамзин, История государства Российского, кн. III, т. IX, СПб., 1831, стр. 258.

⁴ Там же, стр. 47.

Карамзинская концепция царствования Ивана Грозного вызвала многочисленные отклики сторонников его взглядов и его идейных противников. Из числа последних Н. С. Арцыбашев (1773—1841), сторонник так называемой скептической школы, не оспаривал жестокости Ивана Грозного. Но «начало зла» в годы его правления он объяснял не дурными наклонностями царя, а действиями его приближенных, т. е. бояр, которые «исказили свойства монарха добродетельного и героя неустрашимого...»¹.

Новую страницу русской исторической науки составляют исторические взгляды декабристов, формировавшиеся в условиях начавшегося кризиса феодально-крепостнического строя. Дворянские революционеры подходили к оценке царствования Ивана IV с точки зрения своих общественно-политических взглядов, направленных на борьбу с самодержавным строем современной им России. Борьба Ивана Грозного с боярством рассматривалась декабристами как проявление тирании Ивана IV, обличая которую они в то же время осуждали произвол самодержавия вообще.

К. Ф. Рылеев в стихотворении «Курбский» называет Ивана Грозного «неистовым тираном» и «тираном отечества драгова»². Другой декабрист, М. С. Лунин, также решительно осуждает царское самодержавие царя Ивана, которое, «только что восстановленное в первоначальном виде своем, доставило русским Царя Бешеного (Иоанн IV), который 24 года (1560—1584) купался в крови подданных»³. «Долговременное тиранство» Ивана IV заклеил и М. А. Фонвизин, который вместе с тем отмечал преемственность самодержавия XIX в. от образа правления в России XVI—XVIII вв.⁴

В историческом мировоззрении декабристов первоосновой была их дворянско-революционная сущность. Ненависть к современному им самодержавно-крепостническому строю они переносили и на самодержавное правление

¹ Н. С. Арцыбашев, О свойствах царя Иоанна Васильевича.— «Вестник Европы», 1821, ч. СХХ, № 18—19, М., 1821, стр. 191.

² К. Ф. Рылеев, Полн. собр. соч., Л., 1934, стр. 154—155.

³ «Декабрист М. С. Лунин. Сочинения и письма», Пб., 1923, стр. 80.

⁴ М. А. Фонвизин, О подражании русских иностранцам, изд. «Библиотека декабристов», вып. 4, М., 1907, стр. 105.

Ивана Грозного и именно с этой точки зрения осуждали его царствование и опричный террор.

Официальная историография второй четверти XIX в. продолжала упорно придерживаться карамзинской точки зрения на опричнину. М. П. Погодин, младший современник Карамзина, выступил в 1828 г. с резко отрицательной оценкой опричной деятельности Ивана IV, сохранившейся у Погодина до конца дней его, с тенденцией все большего осуждения грозного царя.

Ненависть Ивана IV к боярам Погодин никак не оправдывал и считал ее корнем зла. Говоря об убийствах бояр, он как бы спрашивает царя: «За что? Было ли сопротивление? Были ль заговоры? Были ль какие-нибудь покушения свергнуть ненавистное иго? Ничего и ничего. Головы летят, пытки учащаются, и все тихо, спокойно, послушно, беспрекословно до последней минуты злодеевой жизни»¹. Мы видим у Погодина только навязчивое желание показать, что подданные русских самодержцев никогда и не мыслили себе возможности сопротивления своим государям.

Исторические построения Н. Г. Устрялова повторяют в основном и карамзинскую схему царствования Ивана Грозного², и его психологическую оценку борьбы с боярами царя Ивана, который в силу «причудливости нрава» под старость стал «грозою более подданных, чем врагов отечества». Говоря о перемене, происшедшей в Иоанне в 1560 г., которую якобы «изъяснить трудно», Устрялов писал: «Царь окружил себя людьми недостойными, в числе которых особенно замечательны как злейшие враги всех честных граждан Басманов, Малюта Скуратов, Вяземский»³. Осуждая опричников Ивана IV, Устрялов видел в

¹ М. Погодин, Царь Иван Васильевич Грозный. В кн.: «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», издаваемый Н. Калачовым, кн. 5, СПб., 1860, стр. 8 (отдел критики).

² В 1833 г. Н. Г. Устрялов издал сочинения князя А. М. Курбского, в вводной статье к которым он полностью солидаризируется с Карамзиным. Позднее эта публикация неоднократно переиздавалась («Сказания князя Курбского», СПб., 1833; изд. 2, СПб., 1842; изд. 3, СПб., 1868).

³ Н. Г. Устрялов, Русская история, изд. 3, ч. 1, СПб., 1845, стр. 245.

них только отряд телохранителей царя, главной заботой которого «было искоренение крамолы», причем мнимой¹.

Представители официального направления в дворянской историографии, считая дворянство опорой самодержавной власти, возмущались борьбой Ивана IV с «вельможеством». В условиях развивающегося революционного движения этим историкам переустройство стародавних обычаев, произведенное Иваном Грозным, казалось слишком резкой переменной в жизни государства, а опричнина приобретала характер своеобразного символа государственного разрушения.

Выразителями новой буржуазной концепции опричнины явились К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев, создатели так называемой государственной, или юридической, школы в русской дореволюционной историографии.

Кавелин оценивал государственное значение опричного периода царствования Ивана IV, исходя из представления о том, что в эпоху Ивана Грозного завершалась борьба между государством и удельными князьями, или «вельможеством». Иван Грозный, пишет Кавелин, «хотел совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкого происхождения, но преданными, готовыми служить ему и государству без всяких задних мыслей и частных расчетов. В 1565 году он установил *опричнину*. Это учреждение, оклеветанное современниками и непонятое потомством, не внушено Иоанну, как думают некоторые, желанием отделиться от русской земли, противопоставить себя ей... Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество,— на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства: мысль, которая под другими формами была осуществлена потом Петром Великим»².

Придавая опричнине значение государственное, Кавелин не порицает Ивана IV за то, что опричнина «принесла много зла», обвиняя во всем его приближенных и особенности нравов того времени.

¹ Н. Г. Устрялов, Русская история, изд. 3, ч. 1, стр. 246.

² К. Д. Кавелин, Взгляд на юридический быт древней России (К. Д. Кавелин, Собр. соч., т. I, СПб., 1897, стб. 52—53).

Кавелин возражал против исключительно психологического объяснения поступков царя: «Жестокости и казни Грозного — дело тогдашнего времени, нравов, положим даже личного характера, но сводить их на одни психологические побуждения, имея перед глазами целый период внутренних смут и потрясений, невозможно. Должны были быть глубокие объективные причины, вызывавшие Грозного на страшные дела»¹.

С. М. Соловьев рассматривал опричнину как следствие «враждебного отношения царя к своим старым боярам». Время опричнины у него — необходимый этап в борьбе старого родового строя со строем государственным, ответ на те «важные вопросы», которые задавал век государству, а «во главе государства стоял человек, по характеру своему способный приступать немедленно к их решению»².

Отстаивая идею закономерного характера русского исторического процесса (по преимуществу как развития государственности), Соловьев в духе гегельянского тезиса о разумности всего действительного склонен был оправдывать все проявления деспотизма.

Наряду с положительной оценкой опричнины Соловьев давал и психологическую характеристику личности самого Ивана: «Страшному состоянию души Иоанновой соответствовало и средство, им придуманное или им принятое». Морализируя по поводу опричнины, Соловьев считал, что «как произведение вражды» она «не могла иметь благого, умиряющего влияния...»³.

Славянофильскую концепцию царствования Ивана Грозного и опричнины изложил К. С. Аксаков. Мысль о том, что в патриархальной (допетровской) Руси могла существовать какая-то борьба, какое-то сопротивление самодержавию, абсолютно чужда Аксакову. Споря с Соловьевым, он писал, «что почтенный автор не совсем справедлив к боярам, многим из которых нельзя отказать в

¹ К. Д. Кавелин, Мысли и заметки о русской истории (Собр. соч., т. 1, стб. 640).

² С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. III, М., 1960, стр. 707.

³ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. III, М., 1960, стр. 707.

доблести... Древняя доблесть их ярко блещет в начале царствования Иоанна; имена их раздаются около стен Казани, на полях Ливонии, перед ними бегут крымские ханы... Но значение их миновало, и суд истории совершается над древнею дружиною»¹.

Аксаков признавал историческую необходимость уничтожения уделов в стране, раз явилось единодержавие. Он только выступал против средств, которыми это делалось, и против того, чтобы это называли борьбой, ибо, по мнению Аксакова, реально никто и не помышлял о том, чтобы вернуться ко времени уделов. Иван Грозный боролся с «идеей дружины», которая, как говорит Аксаков, «отвлеченная и молчаливая, стояла перед царским тронem»². Главной целью Грозного, по его мнению, было стремление разделить «Государство» и «Землю» для того, чтобы полностью себе подчинить первое³.

Пытаясь доказать славянофильский тезис о трогательном согласии в допетровской Руси между царем и народом, Аксаков старался подчеркнуть, что «Иоанн нападал на лица, именно на бояр» как представителей старой дружины, изжившей себя, «выгораживая постоянно народ»⁴.

В условиях революционной ситуации конца 50-х годов славянофильские идеологи искали в самодержавии защиту от революционной опасности. Поэтому и в трактовке опричнины они хотели показать, что в России не было (и не может быть) каких-либо внутренних потрясений, ибо самодержавие и народ на Руси якобы всегда жили в мире и согласии, никогда не мысля себе каких бы то ни было выступлений против государя. Опричнина была средством, не оправдываемым нравственно, ибо «суд истории» и без этого произносил свой приговор над «древнею дружиною», боярством, с которым вел свою мнимую борьбу Иван Грозный.

Дворянско-буржуазной историографии середины XIX в. противостояло революционно-демократическое направле-

¹ К. С. Аксаков, Сочинения исторические, т. I, М., 1889, стр. 135.

² Там же, стр. 136.

³ Там же, стр. 164—165.

⁴ К. С. Аксаков, Сочинения исторические, т. I, М., 1861, стр. 169.

ние, родоначальниками которого явились В. Г. Белинский и А. И. Герцен. В. Г. Белинский был первым, кто решительно выступил против карамзинской концепции царствования Ивана Грозного.

Считая Ивана Грозного «необыкновенным человеком», душой «энергической, глубокой, гигантской»¹, Белинский высказывает новый взгляд на царствование Ивана Грозного, оказавший затем большое влияние на исторические представления Кавелина о роли Ивана IV в русской истории. Деятельность Ивана Грозного Белинский рассматривал как продолжение политики Ивана III², тем самым объясняя исторической необходимостью борьбу Грозного с боярством, понятию Белинским как борьбу за укрепление Русского государства. Иван IV — «сильная натура, которая требовала себе великого развития для великого подвига», он «довершил уничтожение уделов, окончательно решил местный вопрос, многозначительный для России»; это царь, «тирания» которого «имеет глубокое значение»³. Белинский сумел понять широту политических мероприятий правительства Ивана Грозного, решительную борьбу с остатками удельной децентрализации. Вместе с тем он не свободен был от известной переоценки деятельности самого Ивана IV.

Со сходных позиций подходил к рассмотрению царствования Ивана Грозного и А. И. Герцен. Он считал, что московское правительство, занятое уничтожением уделов, «сложилось в мощную государственную силу при царе Иоанне Васильевиче»⁴, что при нем оно делает «первые самобытные, государственные шаги»⁵. Сравнивая свирепость Павла I с тиранией Ивана Грозного и Петра I, Герцен пишет, что «тирании Иоанна Грозного, Петра I могут оправдаться государственными целями»⁶. Таким образом,

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. II, М., 1953, стр. 108—110.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. III, стр. 20.

³ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, 1954, стр. 505; т. VII, 1955, стр. 57.

⁴ А. И. Герцен, Собрание сочинений в 30 томах, М., Изд. АН СССР (далее — Собр. соч.), т. XII, 1957, стр. 101.

⁵ А. И. Герцен, Собр. соч., т. III, 1954, стр. 339.

⁶ А. И. Герцен, Собр. соч., т. VI, 1955, стр. 416; т. I, 1954, стр. 132.

жестокая борьба Ивана Грозного с боярами связывается у Герцена с социально-политической обстановкой Московской Руси.

Но если, с одной стороны, Герцен, исходя из идеи закономерности исторического развития, понимал, что самодержавие Ивана Грозного — необходимый этап в развитии России, то, с другой стороны, тирания царя Ивана была для Герцена завалуированным материалом для обличения существующего самодержавного строя Николая I и для разоблачения допетровской Руси, идеализируемой славянофилами. Записывая 19 мая 1844 г. в дневнике рассказ паломника о том, как в Соловецком монастыре «монахи истязают арестантов ужаснейшим образом», Герцен добавлял: «Ну, в этом, я полагаю, славяноф[илам] не обвинить петровскую реформу. Это так и веет Русью ц[аря] Ивана Васильевича и прежними нравами ее»¹.

Осуждение Герценом опричных казней и кровавой расправы с Новгородом определялось в конечном счете отношением к самодержавию вообще. В этом проявился его страстный революционный темперамент обличителя.

Н. Г. Чернышевский также резко выступил против того, чтобы усматривать «гениальность и благотворность» в действиях Ивана IV, как это делал Соловьев². Он подчеркивал дворянский характер политики самодержавной власти и ее утверждение в годы правления Ивана IV³.

Но признание исторической неизбежности утверждения абсолютизма на известной ступени исторического процесса у революционеров-демократов не только не означало признания ими прогрессивности монархии вообще, а, напротив, связывалось с их страстной борьбой против современного им самодержавного государства и крепостнического строя.

Во второй половине XIX в., в период развития капиталистических отношений в России, либеральная дворянская и буржуазная историография, представленная западниками и славянофилами, все более и более сближается с официальным направлением.

¹ А. И. Герцен, Собр. соч., т. III, стр. 355; см. также т. II, 1954, стр. 47—48; т. VII, 1956, стр. 161, 191; т. XII, стр. 191.

² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, М., 1951, стр. 61.

³ Там же, стр. 324.

К. Н. Бестужев-Рюмин, испытывавший влияние как славянофилов, так и Соловьева, полагал, что «опричнина была важным шагом к развитию понятия о государстве», что она «знаменует собой высшую степень развития враждебных отношений Иоанна к боярству». Вместе с тем он все-таки считал ее «странным учреждением», олицетворяющим «в грубой форме отделение лично принадлежащего государю от государственного», учреждением, с недоверием встреченным самим народом, «страшною кровавою драмою»¹. Бестужев-Рюмин склонен был видеть в опричнине борьбу царя Ивана с удельными князьями².

Исходя из славянофильской доктрины об идиллическом единении царя и народа в допетровской Руси, К. Н. Бестужев-Рюмин оправдывал Ивана Грозного в его жестокостях и всю ответственность за них перелагал на самих бояр³.

Концепция опричнины К. Н. Бестужева-Рюмина получила свое дальнейшее развитие в трудах Е. А. Белова (1826—1895). Так же как и Бестужев-Рюмин, Белов рассматривал опричнину в плане борьбы Ивана Грозного с князьями на примере столкновения с рюриковичами и гедиминовичами. Опричниной Иван Грозный «отвратил от России опасность господства олигархии ее и не дал возможность восторжествовать боярскому элементу над великокняжеским»⁴. Белов заявлял даже, что Иван Грозный «на сто лет стоял целою головою выше бояр, в то время когда боярство все более и более проникалось узкими фамильными интересами, не думая об интересах Земли Русской»⁵. Сущность опричнины он ограничивал борьбой Ивана Грозного с удельными князьями. «Опричниной Иоанн уничтожил связи потомства князей Владимирова

¹ К. Н. Бестужев-Рюмин, Современное состояние русской истории как науки. Оттиск из журнала «Московское обозрение», кн. 1, стр. 115, 116.

² К. Н. Бестужев-Рюмин, Русская история, т. II, СПб., 1885, стр. 261—262.

³ К. Н. Бестужев-Рюмин, Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Иоанна Грозного.— Журнал «Заря», СПб., 1871, март, стр. 88.

⁴ Е. А. Белов, Об историческом значении русского боярства до конца XVII века.— «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1886, № 1—2, стр. 234.

⁵ Там же, стр. 279.

дома с их прежними уделами, что впоследствии старались переделывать. Он расселил вотчинников и помещиков из бывших княжеств в разные стороны, чем навсегда сокрушил мечты удельных князей»¹.

В полемику с историческими статьями Е. А. Белова, посвященными Ивану Грозному, вступил другой представитель официального направления в русской историографии — Д. И. Иловайский. Заимствуя у Карамзина его схему исторического процесса, Иловайский не отошел от него и в трактовке опричного периода царствования Ивана Грозного. Он писал: «Так называемая некоторыми писателями борьба Иоанна с боярским сословием в сущности никакой действительной борьбы не представляет, ибо мы не видим никакого серьезного противодействия неограниченному произволу тирана со стороны сего сословия»².

Таким образом, опричнина у Д. И. Иловайского — это только «бессмысленная тирания», «кроважидное самоуправство» Ивана Грозного, не имевшие под собой никаких оснований.

В условиях поднимающегося революционного движения и реакционных мероприятий правительства, направленных на борьбу с движением народных масс, Иловайский выступил со своими историческими воззрениями как выразитель монархическо-черносотенных взглядов реакционного дворянства. Представителю официальной науки Российской империи Иловайскому надо было показать, что в истории русского самодержавия никаких выступлений против царской власти никогда не было, что самодержавие всегда охраняло интересы своих подданных, и если было в истории России царствование Ивана Грозного, «исполненное громких событий и превратностей судьбы, в первой половине своей возвеличившее Россию, а потом доведшее ее до великого истощения и унижения»³, то все это потому, что государь этот был «натура испорченная, деспотическая, страстная», «свыше ниспосланная» наше-

¹ Е. А. Белов, Ответ моим критикам.— ЖМНП, 1889, № 3, стр. 219.

² Д. И. Иловайский, История России, т. III, М., 1890, стр. 263—264.

³ Там же, стр. 330.

му народу для его испытания, «для его закала в терпении и благочестивой преданности Промыслу»¹.

К. Н. Бестужев-Рюмин, Е. А. Белов и Д. И. Иловайский, несмотря на различия в их отношении к опричной деятельности Ивана Грозного, были представителями реакционной буржуазно-дворянской историографии. И эвлектические построения Бестужева-Рюмина (сочетание соловьевской схемы со славянофильской оценкой событий), и неприкрытая апология самодержавия Беловым, и возврат назад, к Карамзину, у Иловайского — все это вытекало из их реакционного по своему существу политического и исторического мировоззрения, изображавшего историю России как историю русского самодержавия.

Несколько по-иному рассматривали царствование Ивана Грозного представители либерально-буржуазной историографии Н. И. Костомаров и В. О. Ключевский.

Выступая против оценки личности Ивана Грозного, данной Бестужевым-Рюминым, Н. И. Костомаров берет за образец характеристику Ивана Грозного, вышедшую из-под пера Карамзина. Поэтому Иван Грозный снова выступает как «нервная натура», как «пьяный, развратный, кровожадный тиран», как «упрямый деспот и трус по натуре». В боярстве XVI в. Костомаров отказывается видеть какую бы то ни было оппозицию самодержавию. Вся борьба Ивана Грозного за упрочение своей власти не имеет никакого смысла, бесполезна и беспочвенна, ибо по существу никто ему не сопротивлялся, никто не роптал. «Царь Иван рубил головы, топил, жег огнем своих ближних слуг: народ не роптал, не заявлял ужаса и неудовольствия при виде множества казней, совершаемых часто всенародно»². «Учреждение опричнины, — по мнению Костомарова, — очевидно, было таким чудовишным орудием деморализации народа русского, с которым едва ли что-нибудь другое в его истории могло сравниться»³.

Не лучшими красками рисует Н. И. Костомаров и са-

¹ Д. И. Иловайский, История России, т. III, стр. 331.

² Н. И. Костомаров, Личность царя Ивана Васильевича Грозного (Н. И. Костомаров, Собр. соч., кн. V, т. 13, СПб., 1905, стр. 447).

³ Н. И. Костомаров, Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, отд. I, вып. 2, СПб., 1874, стр. 472.

мих опричников: «Новые землевладельцы, опираясь на особенную милость царя, дозволяли себе всякие наглости и произвол над крестьянами, жившими на их землях, и вскоре привели их в такое нищенское положение, что казалось, как будто неприятель посетил эти земли»¹.

Таким образом, политика Ивана IV оказалась целиком сведенной к проявлениям характера Ивана Грозного, который представлен как человек, одаренный «в высшей степени нервным темпераментом и с детства нравственно испорченный»². Однако, несмотря на идеалистическую ограниченность исторических взглядов Костомарова, нам понятно его отрицательное отношение к царствованию Ивана IV как выражение оппозиционности либерально-буржуазного историка, оценивавшего русское самодержавие с позиций буржуазного национализма.

С отрицательной оценкой деятельности Ивана Грозного и опричнины выступил и один из крупнейших буржуазных историков — В. О. Ключевский. В условиях нараставших экономических и социальных противоречий пореформенной России Ключевский сделал попытку пересмотра исторической концепции своего учителя С. М. Соловьева, внося в нее новое экономическое и социальное содержание.

Опричнина в концепции Ключевского не получила значения закономерного этапа в развитии Русского централизованного государства. Он отказался видеть в ней какое-либо проявление здравого смысла, а видел лишь плод «чересчур пугливого воображения царя»³. «Учреждение это, — писал Ключевский, — всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал... Если все это (т. е. утверждение или введение опричнины. — А. З.) не простое сумасбродство, то очень похоже на политический маскарад, где всем государственным силам нарочно даны несвойственные им роли и поддельные физиономии»⁴.

¹ Н. И. Костомаров, Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, отд. I, вып. 2, стр. 470.

² Там же, стр. 457.

³ В. О. Ключевский, Сочинения, т. II, М., 1957, стр. 183.

⁴ В. О. Ключевский, Боярская дума древней Руси, М., 1882, стр. 347.

Ключевский рассматривал борьбу Ивана Грозного с боярством как разрешение «несообразности», которая возникла между государем и боярством. Несообразность эта заключалась в том, что Московское государство в XVI в. было абсолютной монархией, «но с аристократическим управлением, т. е. правительственным персоналом». Одновременно с государственной властью, продолжает историк, росла и другая политическая сила, которая стесняла государственную власть, — аристократическая организация, «которую признавала сама власть»¹: «Обе стороны не могли ни ужиться одна с другой, ни обойтись друг без друга. Не умея ни поладить, ни расстаться, они попытались разделиться — жить рядом, но не вместе. Таким выходом из затруднения и была опричнина»². Ключевский совсем не склонен называть эти затруднения борьбой на том основании, что притязания бояр не были так решительны и радикальны, чтоб не оставалось никакой возможности примирения, да и «разлад обеих сторон имел собственно не политический, а династический источник. Дело шло не о том, как править государством, а о том, кто будет им править»³. Опричнина на основании такого объяснения ее генезиса оказывалась для Ключевского учреждением, политический смысл которого «все-таки довольно трудно понять», ибо затруднений между государем и аристократией она не разрешила⁴. Не лучше обстояло у Ключевского дело и с объяснением «назначения» опричнины. Он писал, что Иван IV, «не имея возможности сокрушить неудобный для него правительственный строй... стал истреблять отдельных подозрительных или ненавистных ему лиц. Опричники ставились не на место бояр, а против бояр, они могли быть по самому назначению своему не правителями, а только палачами земли». Опричнина получала, таким образом, значение орудия борьбы, направленного исключительно «против лиц, а не против порядка»⁵.

Попытка В. О. Ключевского найти в опричнине экономическое содержание привела его к пониманию опрични-

¹ В. О. Ключевский, Сочинения, т. II, стр. 180.

² Там же, стр. 181.

³ Там же, стр. 171.

⁴ Там же, стр. 180.

⁵ Там же, стр. 183.

ны как «пародии удела». «Опричнина царя Ивана была дворцовое хозяйственно-административное учреждение, заведовавшее землями, отведенными на содержание царского двора... Сам царь Иван смотрел на учрежденную им опричнину, как на свое частное владение, на особый двор или удел, который он выделил из состава государства; он предназначал после себя земщину старшему своему сыну как царю, а опричнину — младшему как удельному князю»¹.

Отрицая классовое содержание общественного развития, не одобряя каких бы то ни было резких выступлений против основ самодержавного строя, либерально-буржуазный историк Ключевский считал, что «опричнина, выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства»².

Подводя итог царствованию Ивана Грозного, Ключевский писал: «Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устройство пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нем и после него: важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены»³. В этих итогах видны политические убеждения типичного либерала пореформенной России с его боязнью социальных потрясений, с его желанием затушевать всякие противоречия и разрешить все животрепещущие вопросы мирным путем.

Исторические воззрения представителя либерального народничества 80—90-х годов Н. К. Михайловского (1842—1904) отражали его субъективно-идеалистические, народнические взгляды. Не понимая роли личности в историческом процессе, он отрывал деятельность Ивана IV от той обстановки, которая ее породила. Это вело к чисто психологической оценке грозного царя, тогда как деятельность его лишалась абсолютно всякого содержания. Михайловского интересует только «личная трагедия» Ивана Грозного, которого «посещали муки совести за совершен-

¹ В. О. Ключевский, Сочинения, т. II, стр. 177—178.

² Там же, стр. 185.

³ Там же, стр. 198.

ные им злодейства и безумства»¹. Шатаясь «из стороны в сторону, от греха к покаянию»², Иван Грозный, по мнению Михайловского, не мог сделать ничего хорошего. Поэтому опричнина не имела ни необходимости, ни целесообразности.

В 90-е годы XIX в. начинается переход к периоду империализма — эпохе загнивающего капитализма и борьбы за пролетарскую революцию. Поднимающийся пролетариат все настойчивее заявлял о том, что он является единственной прогрессивной силой общественного развития, способной сбросить иго ненавистного самодержавия и ликвидировать экономическую и культурную отсталость страны. В страхе перед нарастающим революционным движением буржуазия искала сделки с самодержавием, пытаясь найти в нем защиту от революции, т. е. переходила все более и более на реакционные позиции, превращаясь в открыто консервативную силу. Эта позиция буржуазии определила реакционность общественно-политических и исторических взглядов буржуазных историков, борьбу с которыми вели представители передовой подлинно научной мысли России.

Наиболее продуманную и развернутую оценку опричнины с буржуазных позиций мы находим в трудах С. Ф. Платонова. Но, по существу говоря, Платонов лишь дальше развивает точку зрения Бестужева-Рюмина и других историков, считая, что «опричнина направлялась против потомства удельных князей и имела целью сломить их традиционные права и преимущества»³.

Под политическое значение опричнины как орудия борьбы с «потомками владетельных князей», возбуждавшими «гнев и подозрение Грозного», Платонов пытался подвести социально-экономическую базу. Опричнина, по его мнению, «подвергла систематической ломке вотчинное землевладение служилых княжат вообще, на всем его пространстве»⁴. Но социальные моменты подчинялись у Пла-

¹ Н. К. Михайловский, Иван Грозный в русской литературе (Н. К. Михайловский, Полн. собр. соч., изд. 2, т. 6, СПб., 1909, стр. 220).

² Там же.

³ С. Ф. Платонов, К истории опричнины XVI века.— ЖМНП, 1897, № 10, стр. 261.

⁴ Там же, стр. 266.

тонова политическим целям, не выступали как проявление классовых противоречий и классовой борьбы. Если в первой специальной статье об опричнине Платонов еще мало говорил о последствиях опричной политики Ивана, то позднее ее трактовка тесно связывалась с социально-политической обстановкой в России конца XVI — начала XVII в., приведшей Русское государство к Смуте. Время царствования Ивана Грозного, падающее на вторую половину XVI в., т. е. включая и годы опричнины, получило у Платонова значение государственного кризиса, «последним выражением которого и было так называемое Смутное время»¹. Этот государственный кризис, который С. Ф. Платонов понимал прежде всего как политический, вытекал из заложенных «в основании московского государственного и общественного порядка» двух внутренних противоречий — противоречия политического и противоречия социального. Первое противоречие выражалось в столкновении «московской власти с родовитым боярством», а второе — в систематическом подчинении «интересов рабочих массы интересам служилых землевладельцев, живших насчет этой массы»². Опричнина «сокрушила землевладение знати в том его виде, как оно существовало из старины», «в опричнине... произошел полный разгром удельной аристократии»³.

Не сумев вскрыть классовую сущность социальных противоречий Русского государства XVI в., С. Ф. Платонов в конце концов выводит события так называемого Смутного времени из политического кризиса времени Ивана Грозного, создавшегося в результате борьбы царя с боярством.

Таким образом, несмотря на то что Платонов подметил ряд новых сторон в опричной, и прежде всего в земельной, политике Ивана IV, разобраться в ней до конца он не смог.

¹ С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). Переиздание, М., 1937, стр. 95.

² Там же, стр. 121.

³ Там же, стр. 119.

Но если в «Очерках по истории Смуты» Платонов еще отмечал социальные противоречия в жизни страны и рассматривал попытки их разрешения, то в позднейшей книге об Иване Грозном он все больше и больше их сглаживает. Менее отчетливо выступало и значение политической борьбы Ивана со знатью. При оценке деятельности Ивана Грозного и опричнины для Платонова возрастало значение психологических моментов¹.

Видный буржуазный историк конца XIX — начала XX в. Н. П. Павлов-Сильванский рассматривал эпоху Ивана Грозного как переходный этап от феодализма к сословной монархии. «Выросшее из удельного порядка Московское государство постепенно принижает княжат-феодалов, но окончательно сокрушает их силу и их «гордыню», по выражению Грозного, только тогда, когда отнимает у них наследственные удельные владения. Эта грандиозная конфискация наследственных «уделов» у княжат произведена была Грозным и его знаменитой «опричниной»... Царь Иван Грозный, взяв в 1565 году в свою «опричнину» остатки наследственных удельных владений княжат, окончательно обессиливает их, лишив опоры их политические притязания»². Таким образом, Павлов-Сильванский считает опричнину важным историческим событием в переходном времени от феодализма к сословной монархии, «знаменующим торжество государственного порядка».

Для своего времени исторические взгляды Павлова-Сильванского с идеей единства закономерности исторического развития России и Западной Европы были шагом вперед. Но в феодализме он видел только политическую, а не социально-экономическую сторону. отождествляя понятия феодальной раздробленности и феодализма как формации, Павлов-Сильванский опричнину делает рубежом между двумя периодами — феодализмом и сословной монархией. Но основы государства Ивана Грозного по-

¹ С. Ф. Платонов, Иван Грозный (1530—1584), Пб., 1923, стр. 128, 133, 135, 144.

² Н. П. [Павлов-]Сильванский, Феодализм в древней Руси, СПб., 1907, стр. 124; ср. его же, Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные (Н. П. Павлов-Сильванский, Сочинения, 2 изд., т. 1, СПб., 1909, стр. 60—63).

коились на феодальном способе производства и феодальных общественных отношениях. Поэтому говорить о конце феодализма в период опричнины, конечно, нет оснований.

Вслед за Павловым-Сильванским ограничивал период феодализма на Руси серединой XVI в. и Н. А. Рожков. Освещая ход исторического процесса с позиций экономического материализма, Рожков пытался объяснить явления общественной жизни, исходя непосредственно из хозяйственных условий времени¹.

Историю Московской Руси второй половины XVI в. Рожков рассматривал как первый этап дворянской революции, характеризующейся переходом «власти от удельной, княжеско-боярской, знати к дворянству в его массе»². Одним из основных моментов этой революции явился у Рожкова «хозяйственный переворот второй половины XVI века». Так как Рожков считал, что боярство определенно имело «тенденцию к политическому ограничению царской власти», то «опричнина Ивана Грозного сыграла роль первой решительной попытки уничтожить политические притязания боярства, и что в общем и целом политика правительства до конца века шла по той же стезе, т. е. в духе ограничения боярских притязаний в интересах дворянской массы»³. Возражая В. О. Ключевскому, Н. А. Рожков писал, что «опричнина была орудием не только личной, но и политической борьбы, не только губила людей, но и уничтожала враждебные самодержавию и дворянскому господству порядки»⁴. Итак, Рожков сразу указывает, в чьих интересах проводилась опричная политика Ивана Грозного. Но «опричнина имела еще более крупное значение вследствие того, что она стала включать в себя обширную территорию и произвела огромный земельладельческий и связанный с ним политический переворот»⁵. Но этот переворот повлек за собой хозяйственный

¹ Об исторической концепции Н. А. Рожкова см. А. А. Зимин, Реформы Ивана Грозного, стр. 27.

² Н. А. Рожков, Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, изд. 3, Пг.—М., 1923, стр. 5.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 134.

⁵ Там же, стр. 139—140.

кризис 70—80-х годов XVI в.: «Причины кризиса заключались в переходе от натурального хозяйства к денежному с обширным рынком и в несоответствии старых, унаследованных от прошлого форм землевладения новым условиям экономического развития страны.

Наконец, надо заметить, что и перемены в размерах владения, и мобилизация земельной собственности обнаруживали то же влияние новых экономических условий и в свою очередь содействовали хозяйственному упадку старинных областей государства»¹.

Первая попытка изложения курса истории России с марксистских позиций принадлежит М. Н. Покровскому. При рассмотрении опричнины он исходил из стремления вскрыть классовую сущность политики Ивана Грозного и найти социально-экономическое обоснование происходившим преобразованиям. Согласно его взглядам, на смену феодализму, которому соответствует натуральное хозяйство, в XVI в. идет самодержавное государство, которому соответствует господство торгового капитала. На развалинах разрушающейся крупной вотчины утверждается прогрессивное помещичье хозяйство, более тесно связанное с рынком: «Экспроприруя богатого боярина-вотчинника в пользу мелкопоместного дворянина, опричина шла по линии естественного экономического развития, а не против него»². «Опричина была лишь кульминационным пунктом длинного социально-политического процесса, который начался задолго до Грозного, кончился не скоро после его смерти и своей неотвратимой стихийностью делает особенно праздными всякие домыслы на счет «характеров» и «душевных состояний»³.

Но если «аграрный переворот», по мнению М. Н. Покровского, совершился в первой половине XVI в., а крупное вотчинное хозяйство уже было разрушено, т. е. победа среднего землевладения была обеспечена, то опричина как событие второй половины XVI в. теряет тогда свое значение, ибо бороться-то, собственно, надо с обессилен-

¹ Н. А. Рожков, Указ. соч., стр. 54.

² М. Н. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. I, М., 1933, стр. 176.

³ Там же, стр. 162.

ным уже противником. И хотя опричнина у Покровского и фигурирует как «государственный переворот, диктовавшийся объективно экономическими условиями», форма, которую нашел себе теперь этот переворот, заключалась в том, что «он должен был стать актом династической и личной самообороны царя против покушений свергнуть его и его семью с московского трона»¹.

Опричнина рассматривается Покровским в конце концов то как «акт династической и личной самообороны царя», то как учреждение, вызванное к жизни неудачами Ливонской войны, когда дворяне, неудовлетворенные в своих ожиданиях крупных земельных захватов в Ливонии, обратились к захвату боярских земель. Опричнина неожиданно оказывается переворотом, произведенным «коалицией посадских и мелкого вассалитета»². Так как раздача опричных земель этим «политическим вождям помещичьего класса» (так Покровский называет опричников) «не означала ничего другого, как то, что рядом со старым, боярско-вотчинным государством, обрезанным больше чем наполовину, возникло новое, дворянско-помещичье», то, считает Покровский, устанавливался «новый классовый режим»³. «Экономический переворот, крушение старого, вотчинного землевладения, нашел себе политическое выражение в смене у власти одного общественного класса другим»⁴. Но Покровский глубоко ошибался. Никакого «нового классового режима» не устанавливалось, ибо сменившие, по его мнению, друг друга классы не были разными классами, а представляли собой только две общественные группы одного и того же господствующего эксплуатирующего класса.

Следовательно, попытка Покровского вскрыть социально-экономическую сущность опричнины в конечном счете оказалась неудачной. Задача марксистского освещения истории России XVI в. была поставлена, но еще далеко не решена.

¹ М. Н. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. I, стр. 203.

² Там же, стр. 206.

³ Там же, стр. 212.

⁴ Там же, стр. 213.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции историческая наука в нашей стране вступила в новую фазу своего развития. Всемирно-историческая победа пролетариата повлекла за собой и полное торжество марксистско-ленинского мировоззрения.

Классики марксизма-ленинизма уделяли большое внимание истории России, и в частности ее феодальному периоду.

Ключом к пониманию условий, в которых могла появиться опричнина, служит блестящая характеристика Московского государства накануне «нового периода», данная В. И. Лениным. Говоря об «эпохе московского царства», В. И. Ленин указывал, что тогда «государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»¹.

В России XVI в. интенсивно росли предпосылки образования всероссийского рынка. Однако страна еще распадалась на отдельные земли и удельные княжества. Политическое единство страны не было еще в достаточной мере обусловлено единством экономической жизни. Поэтому борьба московского правительства с пережитками политической раздробленности наталкивалась на серьезные препятствия, определявшиеся экономическим уровнем, достигнутым страной в это время. Ленинская характеристика Московского государства предостерегает нас от преувеличенного представления о степени централизации в России XVI в., а следовательно, и о результатах объединительной политики русского правительства, достигнутых к исходу царствования Ивана Грозного.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

Опричнину нельзя понять, не учитывая наряду с внутренними условиями напряженную внешнюю обстановку, в которой находилась Россия. Действительные и мнимые заговоры бояр в воображении царя связывались с изменой. Необходимость напряжения всех сил для успешного ведения Ливонской войны побуждала Ивана Грозного как можно скорее навести порядок у себя дома. «Он был настойчив,— писал Маркс,— в своих попытках против Ливонии; *из сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой.* Вот причина, почему Петр I так им восхищался!»¹

Но наряду с дальновидностью внешнеполитических устремлений Ивана IV Маркс отмечал и «период сумасбродств Ивана»; он осуждал его за Новгородский поход, эту «кровавую баню», за последующие казни в Москве, где «произошли самые невероятные зверские сцены»².

В. И. Ленин применял термин «опричники», говоря о слугах самодержавия, палачах освободительного движения. В самый разгар революции 1905 г. он писал: «Старый порядок разбит, но он еще не уничтожен, и новый, свободный строй существует непризнанный, наполовину таясь, сплошь да рядом преследуемый опричниками самодержавного строя»³.

Опираясь на гениальные труды основоположников научного социализма, советские историки получили широчайшие возможности по-новому подойти к разрешению коренных вопросов истории России. С первых же дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции молодая марксистско-ленинская наука вела решительную борьбу с уходящей в прошлое буржуазной историографией. Буржуазные историки, труды которых появлялись еще в 20-е годы, если они вообще считали возможным видеть в опричнине какой-либо исторический смысл, сводили весь вопрос к борьбе царя с боярами и князьями. В центре внимания историков-марксистов, занимавшихся опричниной, сразу же стали вопросы ее социальной структуры и классового характера. Большую

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 165.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 115.

роль в выработке марксистского представления об опричнине сыграли труды М. Н. Покровского, который по праву считается одним из создателей советской исторической науки. В «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровский, как и в своих ранних трудах, стремился найти ключ к пониманию опричнины как явления социально-экономической истории русского общества XVI в.

С этих позиций подошел к рассмотрению опричнины уже в начале 30-х годов XX в. И. И. Смирнов, большой заслугой которого является изучение социальных противоречий в русской деревне во второй половине XVI в. На основании свежих материалов он показал классовый смысл опричной политики Ивана Грозного, которая приводила к экспроприации крестьянских земель, нарастанию борьбы «за рабочую силу крестьянина» и к обострению классовых противоречий в феодальном обществе¹. В книге о восстании Болотникова И. И. Смирнов прямо рассматривает опричнину как новый этап в развитии крепостничества. По его мнению, «можно отметить три момента, характеризующие изменения в положении крестьянина в связи с опричниной: 1) захват крестьянских земель; 2) обострение борьбы за крестьянина как рабочую силу; 3) рост крестьянских повинностей»². Вызванная к жизни обострением классовых противоречий, опричнина еще более углубила классовую борьбу между закрепощенными крестьянскими массами и феодалами-крепостниками.

В последнее время С. М. Каштанову удалось путем тщательного анализа иммунитетных грамот показать характер опричной политики по отношению к монастырям и городам, а также выявить конкретные особенности роста крепостничества в 60—70-х годах XVI в. Плодотворной является и его постановка вопроса о том, что опричнина была обращена своим острием против последних уделов³.

¹ И. И. Смирнов, Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.— «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 66.

² И. И. Смирнов, Восстание Болотникова 1606—1607, Л., 1951, стр. 44.

³ С. М. Каштанов, К изучению опричнины Ивана Грозного.— «История СССР», 1963, № 2, стр. 116—117.

Принципиальное значение для понимания опричнины имела работа Г. Н. Бибикова о социальном составе опричников¹. В ней автор путем внимательного разбора сведений из разрядных книг выяснил, что в опричнину брали не столько земли, заселенные княжатами и боярами, сколько те, которые находились во владении многих сотен рядовых помещиков и вотчинников, составлявших основу опричного войска. Этим самым был нанесен решительный удар по схеме С. Ф. Платонова, говорившего об антибоярской направленности опричнины. ✓

Исследование Бибикова в последние годы было продолжено В. Б. Кобриным, которому удалось не только по разрядным книгам, а на основании всей массы сохранившихся источников выявить около 300 опричников и проследить их биографии и социальное положение². Изучение В. Б. Кобриным состава опричного двора внесло много нового в историю создания опричного корпуса, в изучение землевладения опричников и их военной и административной деятельности. В. Б. Кобрин окончательно развеял легенду о мнимой «демократичности» основных кадров опричных военачальников, показав, что Иван IV формировал опричнину из тех же социальных слоев, которые составляли государев двор еще в середине XVI в. Очень важны наблюдения автора об изменениях в составе опричнины на протяжении 1565—1572 гг., о роли старомосковского боярства в создании опричнины и об изменении в руководстве опричниной, происшедшем около 1570—1571 гг. Составленный В. Б. Кобриным комментированный список опричников является незаменимым подспорьем для каждого, кто попытался бы изучить историю опричнины Ивана Грозного.

Большую работу по изучению внутривластной борьбы в начале 60-х годов XVI в. ведет Р. Г. Скрынников, ее результаты обещают быть весьма интересными. Его наблюдения о подготовке опричных мероприятий в 1561—

¹ Г. Н. Бибиков, К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного.— «Труды Государственного Исторического музея» (далее — «Труды ГИМ»), вып. XIV. Сборник статей по истории СССР XVI—XVII вв., М., 1941, стр. 5—28.

² В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 год», М., 1960, стр. 16—91.

1564 гг. и посланиях Курбского старцу Псковско-Печерского монастыря Вассиану, а также анализ Казанских и Свияжских писцовых книг 60-х годов XVI в. в связи с проблемой опричных опал 1565 г. заслуживают самого пристального внимания¹. Скрыпников убедительно показал, что первые земельные переселения связаны не столько с образованием территории опричного удела, сколько со ссылкой опальных княжат и детей боярских в Среднее Поволжье в мае 1565 г.

В сфере пристального изучения советскими историками находятся вопросы внешней политики в опричные годы.

В частности, много внимания уделяется взаимоотношениям с Крымом и Турцией². В своем капитальном исследовании А. А. Новосельский показал, как «именно в период Ливонской войны возникло особенно резкое обострение московско-татарских отношений, разрешившееся только к концу века установлением мира»³. Литва и Польша, боявшиеся усиления России, были заинтересованы в использовании татар против Русского государства в течение войны за Ливонию. России пришлось одновременно вести войну и с Ливонией, и с Крымом.

Е. Н. Кушева глубоко изучила сложные вопросы русской политики на Северном Кавказе, которая заключалась в том, чтобы, «опираясь на связи с народами Северного Кавказа и Кавказа, перерезать путь турецкой агрессии через Северный Кавказ в сторону Закавказья и удержать

¹ Р. Г. Скрыпников, Курбский и его письма в Псковско-Печерский монастырь.— «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР» (далее — «Труды ОДРЛ»), т. XVIII, М.—Л., стр. 99—116; *его же*, Опричная земельная реформа Грозного 1565 г.— «Исторические записки», кн. 70, 1961, стр. 223—250.

² А. А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, М.—Л., 1948; Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I, М., 1946; П. А. Садинов, Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.— «Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 132—166; Г. Д. Бурдей, Русско-турецкая война 1569 года, Саратов, 1962; *его же*, Молодинская битва 1572 года.— «Ученые записки Института славяноведения», т. XXVI, 1963, стр. 48—79.

³ А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 9.

в своих руках выходы через Каспийское море на Восток»¹.

Ряд специальных книг и статей появился о Ливонской войне и русско-английских отношениях². В частности, на большом материале показана героическая борьба России и народов Прибалтики с Ливонским орденом. Очень интересны новые данные, обнаруженные Г. А. Новицким, которые говорят о заинтересованности дворянства в присоединении Прибалтики к России³.

Первые обобщающие труды, посвященные опричнине и Ивану Грозному, появились уже в 20-х годах, когда происходило становление марксистско-ленинской исторической науки в напряженной борьбе с буржуазной историографией. В 1922 г. вышла книга Р. Ю. Виппера об Иване Грозном, в которой царствование Ивана Грозного рассматривалось на широком фоне международных отношений. Такой подход к изучению вопросов русской истории заслуживает самого пристального внимания. Однако для книги Р. Ю. Виппера характерна непомерная идеализация личности Ивана Грозного, доходящая до прямого прославления самодержавия. Автор изображал Ивана III и Ивана IV как «двух гениальных организато-

¹ *Е. Н. Кушена*, Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.— «Исторические записки», кн. 34, 1950, стр. 286. Ср. ее же, Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, стр. 325.

² *Я. Я. Зугис*, К вопросу о ливонской политике Ивана IV.— «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IX, № 2, 1952, стр. 133—143; *В. Д. Королюк*, Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в., М., 1954; *Н. Т. Накашидзе*, Русско-английские отношения во второй половине XVI в., Тбилиси, 1955; *А. А. Дербов*, К истории падения Ливонского ордена.— «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. XVII, 1947, стр. 157—174; *его же*, К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576).— «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. XXXIX, 1954, стр. 176—217; *его же*, Борьба Русского государства за Прибалтику и Белоруссию в 60-х годах XVI века.— «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. XLVII, 1956, стр. 149—181; *Я. С. Лурье*, Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. В кн.: «Послания Ивана Грозного», стр. 468—519.

³ *Г. А. Новицкий*, Новые данные о русском феодальном землевладении в Прибалтике в период Ливонской войны (1558—1582).— «Вопросы истории», 1956, № 4, стр. 134—138.

ров и вождей крупнейшей державы своего времени»¹. При этом взор историка в первую очередь привлекала «могучая фигура повелителя народов» Ивана Грозного. Он даже писал «об искусстве династии, сумевшей стать над классами и держать их в строгом порядке». Иван IV, по словам Виппера, поставил «громадную цель превращения полуазиатской Москвы в европейскую державу» и «сорвался на слишком крупной игре»².

То, что проблемы царствования Ивана IV, в том числе и опричнину, Р. Ю. Виппер рассматривал во всемирно-историческом аспекте, составляет его бесспорную заслугу. Но на решении вопросов опричнины в труде Виппера лежит печать буржуазной историографии. И это определяется самой сущностью его методологии, в которой, говоря словами В. И. Ленина, проявилось «прислужничество господствующей буржуазии»³. Существенным недостатком книги Виппера является почти полный отрыв политической истории России времени Ивана Грозного от социально-экономической истории и классовой борьбы. Опричнину Виппер называл «военной реформой», вызванной новой трудовой войной, и эта «военная реформа», «московская военная монархия», вообще военные события, «тяжелая, всепоглощающая война» заслонили у Виппера события внутренней истории России.

В 1942 г. Виппер перерабатывает и дополняет свою книгу об Иване Грозном, а в 1944 г. она вышла третьим изданием, которое с небольшой доработкой воспроизвело второе⁴. Виппер значительно расширил свой подход к разрешению проблемы опричнины. Он поставил вопрос о ее политическом, военном и социальном значении, о ее прогрессивности, «хотя бы и в сопровождении известных крайностей и преувеличений»⁵.

Вскрывая классовую сущность опричной политики Ивана IV, Виппер писал: «В политике Ивана Грозного, как внешней, так и внутренней, ясно выражен *классовый*

¹ Р. Ю. Виппер, Иван Грозный, М., 1922, стр. 21.

² Там же, стр. 52, 88, 106, 205.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 205.

⁴ Р. Ю. Виппер, Иван Грозный, 3 изд., М.—Л., 1944, предисловие.

⁵ Там же, стр. 81.

характер возрастающего самодержавия, причем следует отметить определенный социальный сдвиг, который особенно ярко обозначен учреждением опричнины 1564 г.: Грозный действует в интересах главным образом среднего поместного землевладения»¹.

Однако и здесь Р. Ю. Виппер дал одностороннее освещение проблемы. Уделив основное внимание международному положению России в XVI в., он, как и в первом издании книги, преувеличил роль внешнеполитического фактора в истории создания опричнины. Ливонская война превратилась у автора по существу в основную причину, вызвавшую реформы Грозного эпохи опричнины. «Пора понять, — пишет Виппер, — что учреждение опричнины было в первую очередь крупнейшей военно-административной реформой, вызванной нарастающими трудностями великой войны за доступ к Балтийскому морю, за открытие сношений с Западной Европой»². Иван IV снова предстает перед читателем в виде исполина, «повелителя народов и великого патриота»³.

Закономерным этапом созидания единого централизованного государства рассматривал опричнину в своих работах С. В. Бахрушин. «Дело шло не об одних только наследниках былых самостоятельных князей, — писал он в работе «Иван Грозный». — Опричнина была направлена против тех слоев феодального общества, которые служили помехой развитию сильной государственной власти, в первую очередь против крупных феодалов — титулованных и нетитулованных — и против той части их вассалов, которая поддерживала их сопротивление самодержавию. Опричнина должна была вырвать с корнем все пережитки феодальной раздробленности, сделать невозможным даже частичный возврат к ней и тем самым обеспечить военную оборону страны»⁴.

С. В. Бахрушин показывает социальные слои, которые служили опорой опричной политики царя. Это было, «во-первых, мелкое и среднее, преимущественно городское (провинциальное), дворянство, из которого он и стал

¹ Р. Ю. Виппер, Иван Грозный, 3 изд., стр. 65.

² Там же, стр. 58.

³ Там же, стр. 57.

⁴ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 300.

вербовать основную массу опричников... Поддержку своим начинаниям встретил царь и в посадских людях, заинтересованных в усилении централизации, которая гарантировала им и охрану от произвола «сильных» (т. е. феодальной знати), и широкие перспективы развития их торгов и промыслов»¹. Основной вывод С. В. Бахрушина сводился к тому, «что опричнина, несмотря на ряд темных сторон, достигла больших и положительных результатов в деле государственной централизации. Опричнина была, несомненно, прогрессивным явлением, поскольку она помогла ликвидировать остатки феодальной раздробленности и расчистила путь к созданию в будущем абсолютистского государства, которое в данных исторических условиях было необходимо для развития экономической и политической мощи русского народа»².

Так на конкретном историческом материале строилась концепция опричнины как необходимого этапа в сложном процессе укрепления Русского централизованного государства.

Подчеркивая прогрессивные стороны опричнины, С. В. Бахрушин меньше внимания уделял крепостнической сущности правительственной политики, что создавало одностороннее представление о классовой основе складывающегося самодержавия. Безусловной идеализацией деятельности Ивана Грозного было утверждение, что «его реформы, обеспечившие порядок внутри страны и оборону от внешних врагов, встретили горячую поддержку русского народа. Дворянство, крестьянские массы и городское население выигрывали от проведения в жизнь государственной централизации. Таким образом, в лице Ивана Грозного мы имеем... крупного государственного деятеля своей эпохи, верно понимавшего интересы и нужды своего народа и боровшегося за их удовлетворение»³. К концепции С. В. Бахрушина приближался и И. И. Смирнов.

Прогрессивные черты опричнины Ивана IV Смирнов видит в росте и укреплении самодержавной власти, как

¹ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. II, стр. 301.

² С. В. Бахрушин, Иван Грозный в свете новейших исследований («Научные труды», т. II, стр. 360).

³ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. II, стр. 319.

внешнеполитическом, так и внутригосударственном. «Эпоха создания Русского национального государства выступает перед нами как время острой и напряженной борьбы старого и нового, прогрессивных и реакционных сил, носителей национального развития и представителей феодальной реакции»¹. Цель опричной политики Смирнов усматривает в политическом разгроме княжеско-боярской реакции и ликвидации экономических основ могущества боярства². «Опричина окончательно и навсегда сломала боярство, сделала невозможной реставрацию порядков феодальной раздробленности и закрепила основы государственного строя Русского национального государства. В этом исторический смысл опричины. В этом ее основное прогрессивное значение»³. Вместе с тем Смирнов отмечает, что, «будучи особой формой проведения политики экономического и политического разгрома боярства, опричина явилась важнейшим этапом в усилении экономических и политических позиций дворянства, помещиков»⁴.

И. И. Смирнов, как и С. В. Бахрушин, не избежал идеализации деятельности Ивана Грозного и опричины. Так, например, он пишет о поддержке со стороны «самых широких народных масс» борьбы московских государей с боярством за укрепление самодержавия⁵, а сам Иван IV рисуется им также в виде исполина-правителя, понимавшего и чуть ли не предвидевшего ход исторических событий.

Плодом многолетней кропотливой научно-исследовательской работы по изучению проблемы опричины явилось посмертное издание статей и материалов П. А. Садикова на эту тему⁶. В опричнине он видел прежде всего орудие борьбы государственной власти, опиравшейся на среднепоместных феодалов, с «феодальной верхушкой»⁷. «Опричина,— писал Садиков,— ломала

¹ И. И. Смирнов, Иван Грозный, Л., 1944, стр. 18.

² Там же, стр. 90—91.

³ Там же, стр. 96.

⁴ Там же, стр. 95.

⁵ Там же, стр. 17.

⁶ П. А. Садиков, Очерки по истории опричины, М.— Л., 1950.

⁷ П. А. Садиков, Указ. соч., стр. 61.

решительно и смело верхушки феодального класса и поддерживала великокняжескую власть — этим в условиях времени она была, безусловно, прогрессивным историческим фактором, но в самой себе она таила уже острые социальные противоречия»¹.

Особый интерес в книге П. А. Садикова представляют очерки, посвященные территориальному составу опричнины и ее управлению. Наибольшее внимание автор уделяет происхождению и развитию финансово-административных приказов. Автор установил наличие в опричнине главных приказов (Разряда, Ямского, Казны и др.). В очерке «Опричнина и церковь» автор показал, в какой обстановке и по каким причинам происходил переход «государевых богомольцев» в опричнину. Скрупулезный анализ источников позволил Садикову выяснить конкретные явления, сопутствовавшие опричным переселениям и разгрому земельного могущества феодальной аристократии. При характеристике опричного аппарата Садиков исходил из мысли о том, что первоначально опричнина искала образцы управления в старых, удельных порядках. Государев удел (опричнина), по его мнению, «пародировал старинное управление»².

Но если П. А. Садикову удалось решить вопрос об опричнине как определенном этапе в процессе укрепления Русского централизованного государства, то вскрыть до конца классовый характер опричнины, показать ее значение в развитии классовой борьбы ему не удалось. Садиков был первым из исследователей опричнины, который в основу своей работы положил не свидетельства иностранцев и повествовательных источников, а огромный комплекс актовых материалов. Это позволило ему решить целый ряд больших конкретно-исторических вопросов.

Второе издание книги Р. Ю. Виппера, а также обобщающие труды С. В. Бахрушина, И. И. Смирнова и некоторые другие появились в 40-е годы XX в., в период, когда культ личности Сталина оказывал тормозящее влияние на развитие исторической науки. К характерным

¹ П. А. Садиков, Указ. соч., стр. 62.

² Там же, стр. 44, 86, 90.

чертам этого влияния следует отнести непомерное преувеличение исторической роли царей и полководцев, забвение классовой природы самодержавной власти. Все это приводило к воскрешению обветшавших буржуазных концепций истории России, противоречащих самому духу марксизма-ленинизма.

Наряду с безоговорочным признанием положительного значения опричнины, которое мы встречаем в трудах Р. Ю. Виппера, С. В. Бахрушина, И. И. Смирнова и других историков, в советской литературе явственно раздавались голоса, предостерегавшие от одностороннего решения этой столь трудной проблемы.

Сложной была эволюция взглядов И. И. Полосина на опричнину. Считая «настоящей социальной революцией» мероприятия Ивана IV, которыми «за счет крупного княженицко-боярского вотчинного землевладения необычайно усиливается землевладение мелкопоместное, служилое»¹, Полосин не связывал их с опричниной. Он полагал, что сложную систему мероприятий 40—70-х годов по организации служилого дворянства и дворянской конницы царь Иван осуществлял параллельно с загадочной и «бурной затеей опричнины». Таким образом, оторванная от социально-экономических мероприятий «по организации служилого дворянства» «за счет крупного княженицко-боярского вотчинного землевладения», опричнина для Полосина оставалась «психологически загадочной реминисценцией удельного быта»².

Оценка опричнины, данная Полосиным через двадцать лет, уже резко отличалась от вышеизложенной. Под опричниной в собственном смысле Полосин разумел государев двор, который сразу же после его оформления берет на себя общегосударственные функции³. Поэтому, в частности, он считал возможным говорить об опричнине и в Польше XVI в. (королевский двор), и в Рос-

¹ *Генрих Штаден*, О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Перевод и вступительная статья И. И. Полосина, Л., 1925, стр. 40.

² *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 42.

³ *И. И. Полосин*, Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569—1582). В кн.: *И. И. Полосин*, Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. Сборник статей, М., 1963, стр. 166.

сии XIX в. (императорская канцелярия) и т. п. Смысл опричнины Грозного И. И. Полосин видел «в ликвидации боярско-княжеской опричнины, в ликвидации удельного типа княжеско-боярских дворов, в реорганизации царской опричнины, в укреплении земщины силами царской опричнины»¹. Столь расширенное понимание опричнины как царского двора вообще лишало это понятие всякого конкретно-исторического содержания и превращало изучение особенностей правительственной политики в 60—80-х годах XVI в. в игру слов. Но, не раскрыв специфики опричнины, И. И. Полосин все-таки был прав, связав ее происхождение с государевым двором².

Одним из крупнейших исследователей опричнины был академик С. Б. Веселовский. Прекрасный знаток актовых источников, генеалогических материалов (синодиков, вкладных книг и т. п.), он уже в конце своего жизненного пути (в 40-х годах) выступил с целой серией работ, посвященных истории опричнины. Наибольшую ценность имели его источниковедческие разыскания. Его труд о синодиках опальных царя Ивана до сегодняшнего дня является основным подспорьем для всякого изучающего социальную направленность опричных репрессий³. Исследование С. Б. Веселовского о завещании Ивана Грозного 1572 г. представляет особый интерес тем, что автор сопоставил этот важнейший документ с фактами, свидетельствовавшими о начале охлаждения царя к опричнине⁴. Менее удачной оказалась обобщаю-

¹ И. И. Полосин, Указ. соч., стр. 171.

² Ряд ценных этюдов по истории опричнины, принадлежащих перу И. И. Полосина, вошел в указанный выше сборник его статей «Социально-политическая история России XVI—начала XVII в.». Здесь опубликованы: «Монастырские объезды Ивана IV. (Из истории военной политики России.)», «Что такое опричнина», «Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585)». В архиве И. И. Полосина, хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (далее — ГБЛ), находятся материалы для второго издания «Записок» Генриха Штадена и перевод актов по Балтийскому вопросу Форстена.

³ С. Б. Веселовский, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, М., 1963, стр. 323—478.

⁴ С. Б. Веселовский, Духовное завещание царя Ивана 1572 г., там же, стр. 302—322.

чая статья С. Б. Веселовского об учреждении опричного двора и отмене его в 1572 г.¹ Правда, и здесь приведен свежий материал об опричных конфискациях земель² и об изменении территории государева удела на протяжении 1565—1572 гг. В статье автор попытался обосновать тезис Ключевского о том, что «опричина и вообще опалы Ивана Грозного свелись к уничтожению лиц»³.

С. Б. Веселовский верно подметил ошибочность построения Платонова, сводившего опричину к борьбе Ивана Грозного с боярством. Но, отвергая платоновскую концепцию, Веселовский отказался вообще видеть какой-либо исторический смысл в опричных преобразованиях. С этим, конечно, согласиться нельзя.

К сожалению, С. Б. Веселовский не успел завершить свои работы по истории опричины. В его архиве сохранились лишь этюды и наброски, которые, по-видимому, должны были войти в задуманную монографию. В настоящее время они опубликованы в его книге «Исследования по истории опричины»⁴.

В 1956 г. в Институте истории Академии наук СССР состоялась дискуссия на тему об историческом значении деятельности Ивана Грозного⁵. Докладчик профессор С. М. Дубровский подверг строгой критике работы Р. Ю. Виппера, С. В. Бахрушина и И. И. Смирнова, которые идеализировали деятельность Ивана IV и оприч-

¹ С. Б. Веселовский, Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году.—«Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 86—104.

² Эти же вопросы С. Б. Веселовский рассматривал в статьях «Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в.» («Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 95—116) и «Последние уделы в Северо-Восточной Руси» («Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 101—131).

³ С. Б. Веселовский, Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году.—«Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 104.

⁴ Эти этюды: «Первые опалы и казни», «Болезнь и смерть царицы Анастасия», «Побеги за границу и поручные записи», «Отзывы о Грозном его современников», «Послужные списки опричников», «Известия иностранцев об опричнине» и др. (С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричины).

⁵ М. Д. Курмачева, Об оценке деятельности Ивана Грозного.—«Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 195—203.

нину¹. Идеализацию Ивана IV С. М. Дубровский не без оснований связал с периодом культа личности И. В. Сталина, с его известными высказываниями (в 1947 г. в беседе с С. М. Эйзенштейном и Н. К. Черкасовым) о том, «что Иван IV был великим и мудрым правителем», что опричнина играла прогрессивную роль, что одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он «не довел до конца борьбу с феодалами,— если бы он это сделал, то на Руси не было бы смутного времени...»².

Большинство участвовавших в дискуссии согласились с тем, что в исторической литературе допускалось непомерное преувеличение роли Ивана IV в истории России.

С поддержкой положений С. М. Дубровского выступил В. Н. Шевяков, посвятивший опричнине специальную статью³. Социально-экономическую сущность опричной системы, которая якобы продолжалась до смерти Бориса Годунова, автор усматривает в борьбе дворян-помещиков (оплота царского деспотизма) с боярами-вотчинниками. Ликвидация опричнины приводит к постепенному превращению в XVII в. помещиков в вотчинников. Проводя варварскую, реакционную политику, Иван IV стремился стать «восточным деспотом типа турецкого султана Магомета II. С этой целью он ввел опричнину»⁴. Однако власть государя еще при Василии III «была доведена до степени абсолютной монархии». Поэтому «никакой нужды в опричнине не было»⁵.

К сожалению, В. Н. Шевяков не подкрепил эти решительные суждения достаточным количеством конкретно-исторического материала. Поэтому они вызывают многочисленные недоуменные вопросы. Трудно, в частности, согласиться с тем, что борьба в годы опричнины шла между двумя формами феодального землевладения — поместным и вотчинным. Нет у нас и данных, позволяю-

¹ Эта часть доклада опубликована: С. М. Дубровский, Против идеализации деятельности Ивана IV.— «Вопросы истории», 1956, № 8, стр. 121—129.

² Н. К. Черкасов, Записки советского актера, М., 1953, стр. 380—382.

³ В. Н. Шевяков, К вопросу об опричнине Ивана IV.— «Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 71—77.

⁴ Там же, стр. 74.

⁵ Там же, стр. 72.

щих считать, что опричнина продолжалась до 1605 года: факты репрессий, обрушившихся на отдельных бояр при царях Федоре и Борисе, не дают оснований считать это время опричниной. Противоречит последним исследованиям по истории государственного аппарата XVI в. утверждение В. Н. Шевякова о торжестве абсолютизма в России еще в первой трети века.

Таким образом, попытка нового пересмотра истории опричнины, предпринятая В. Н. Шевяковым, оказалась неудачной.

Ценные для изучения истории России XVI в. наблюдения и выводы содержатся в обобщающем труде М. Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии». Исходя из ленинской характеристики периода «московского царства», М. Н. Тихомиров показал неизжитые следы экономической и политической раздробленности в стране. Ключ ко многим явлениям периода опричнины лежит именно в этих обстоятельствах. Так, характеризуя остатки новгородских вольностей в XVI в., М. Н. Тихомиров связывает поход Ивана Грозного на Новгород в 1570 г. со стремлением покончить с обособленностью этой земли¹. Жестокий разгром Твери опричниками также, по его мнению, «вызывался определенными политическими целями: борьбой против остатков феодальной раздробленности»². Эти соображения М. Н. Тихомирова позволяют лучше разобраться в сложных перипетиях политической борьбы опричных лет.

Зарубежная историография

За последние годы возрос интерес к истории России XVI в. в странах социалистического лагеря. В Чехословакии издан перевод последней советской публикации посланий Ивана Грозного³. Дискуссия по вопросам оценки деятельности Ивана Грозного, проведенная совет-

¹ М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 279—283.

² Там же, стр. 183.

³ «Listy Ivana I Hrošneho», Přeložili Hana Skolová a Bohuslav Flek, Praha, 1957.

скими историками, нашла отражение в ГДР и Польше¹. В Румынской Народной Республике издан обзор по изучению деятельности Ивана IV в советской историографии².

Большой интерес представляет специальное исследование польского историка А. Вавжинчик о торговых отношениях Руси с Польшей, которые существовали, несмотря на многочисленные войны между этими странами³. Экономическим, политическим и культурным отношениям Болгарии и Чехии с Россией посвятили свои труды И. Снегаров и А. Флоровский⁴.

Много работает по изучению Балтийского вопроса Э. Доннерт. Ему, в частности, принадлежит обстоятельный критический пересмотр литературы по русско-ливонским отношениям во второй половине XVI в.⁵

Что касается зарубежной буржуазной историографии, то она по своим методологическим позициям примыкает к идеалистическим направлениям русской дореволюционной исторической науки. Да и среди зарубежных ученых, занимавшихся опричиной, мы встречаем целый ряд белоэмигрантов (В. Б. Ельяшевич, Л. М. Сухотин, Г. П. Федотов и др.). Все это объясняет, почему буржуазная историография оказалась не в состоянии продвинуть вперед исследование коренных проблем опричины.

¹ P. Hoffmann, Ein Diskussion um Groznyi. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1957, Hf. 3, S. 637—640; T. Roslanowski, Z wydarzeń naukowych w ZSRR. «Kwartalnik Historyczny», t. LXIV, 1957, str. 227—229.

² R. Ciocan, Ivan IV in istoriografia Sovietica.—«Comunicări si conferite (Institutul de studii Romano-Sovietici)», Anul Academiei 1947—1948, Bucuresti, 1949, p. 45—51.

³ A. Wawrzynczyk, Studia z dziejow handlu Polski z wielkim księstwem Litewskim i Rosją w XVI wieku, Warszawa, 1956, 130 s.; A. Maczak, «Kwartalnik Historyczny», t. 64, 1957, N 2, str. 163—166.

⁴ И. Снегаров, Культурни и политични връзки между България и Русия през XVI—XVIII вв., София, 1953, 130 стр.;

A. V. Florovskij, Česko-ruské obchodni styky v minulosti (X—XVIII st.), Praha, 1954, 394 str.

⁵ E. Donnert, Livland und Russland in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts — «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR», Bd. 4, 1960, S. 215—234; ego же, Der livländische Ordensritterstaat und Russland, Berlin, 1963, 320 S.

Известный интерес представляют переводы на немецкий, французский, английский, датский и итальянский языки переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского, одного из важнейших источников по истории опричнины¹. Большое научное значение имеет издание рукописи записок Генриха Штадена². Издание снабжено тщательно выполненным комментарием, в котором содержится много самых разнообразных источниковедческих замечаний и библиографических указаний. В некоторых из этих публикаций учтены источниковедческие итоги работы советских историков.

Вообще советская историография находится в поле зрения зарубежной буржуазной исторической науки главным образом в специальных исследованиях или в историографических обзорах. Как правило, эти обзоры носят описательный характер³. Однако некоторые из них прямо заострены против марксистской методологии советских историков, которых они без каких-либо оснований обвиняют в преднамеренной модернизации событий далекого прошлого⁴.

Наибольший интерес представляют работы по истории Балтийского вопроса и торговли России в годы оприч-

¹ «Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürsten Kurbskij (1564—1579)». Herausgegeben von K. Stählin. «Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte», Hf. 3, Leipzig, 1921; «Der Briefwechsel zwischen Andrej Kurbskij und Ivan dem Schrecklichen», Herausg. von Helmut Neubauer und Joseph Schütz. Wiesbaden, Harralsovits, 1961, S. 67; Ivan le Terrible. Correspondance avec le prince Kourbski. Epîtres. Tr. par D.Olivier, Paris, 1959; «The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia, 1564—1579». Edited with a Translation and Notes by J. L. Fennel. Cambridge, 1955. «Ivan den Sraekkelige» Brevveksling med fyrst Kurbskij 1564—1579. Oversat af Bjarne Norretranders. Munksgaard, 1959, 140 p. «Le lettre di Ivan il Terrible con i commentarii della Moscovia di Antonio Possevino», Firenze, 1958, 354 s.

² *H. v. Staden*, Aufzeichnungen über den Moskauer Staat (E. Epstein, ed.), Hamburg, 1930, 62 + 308 s.

³ *G. H. Bolsover*, Ivan the Terrible in Russian Historiography. «Transactions of the Royal Historical Society». Fifth Series, vol. 7, London, 1957, p. 71—89; *B. Norretranders*, Ivan den Skraekkelige e russisk Tradition, 1956, 96 s.

⁴ *Leo Jaresh*, Ivan the Terrible and the Oprichnina. In: «Rewriting Russian History», N. Y., 1956, p. 224—241.

нины¹. Они ценны тщательно обработанными фактическими данными, извлеченными из зарубежных архивов, а также некоторыми содержащимися в них конкретными историческими выводами. Много работ появилось и о русско-английских отношениях в период правления Ивана IV².

Поскольку в нашей исторической литературе имеется обстоятельный разбор этих работ, сделанный А. Л. Хорошкевич, мы считаем возможным ограничиться тем, что отошлем читателя к его тексту³.

За последние годы за рубежом появилось в печати немало популярных книг об Иване Грозном⁴. Почти для всех них характерна крайняя тенденциозность, низкий

¹ A. *Atimann*, *Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik, 1558—1559*. Lund, Lindstedts univ, Bokhandel, 1944, 466 s.; W. *Kirchner*, *Die Bedeutung Narwas in 16. Jahrhundert. Ein Beitrag zum Studium der Beziehungen zwischen Russland und Europa*. «Historische Zeitschrift», 1951, Bd. 172, S. 265—284; W. *Kirchner*, *The Rise of the Baltic Question*, Delaware, 1954, 283 p.; см. X. X. *Круус*, «Балтийский вопрос» в XVI в. в зарубежной исторической литературе.—«Вопросы истории», 1959, № 6, стр. 108—119; см. его же: рецензия на книгу Свен Свенссона «Экономические причины нападения России на Ливонское орденовое государство в 1558 году».—«Вопросы истории», 1958, № 1, стр. 177—182.

² В том числе: M. S. *Anderson*, *Britain Discovery of Russia 1553—1855*, London, 1958, 245 p.; A. V. *Meyendorff*, *The Anglo-Russian Trade in the Sixteenth Century*. «The Slavonic and East European Review», vol. XXV, N 81, 1946, S. 109—121; K. H. *Ruffmann*, *Das Russlandbild in England Shakespeares*, Göttingen, 1952, 185 S.; T. S. *Willan*, *The Early History of the Russian Company 1553—1603*, Manchester, 1956, 295 p.; T. S. *Willan*, *The Muscovy Merchants of 1555*, Manchester, 1954, 141 p.

³ А. Л. *Хорошкевич*, Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии.—«Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 104—117; см. также С. А. *Фейгина*, По страницам зарубежных исследований внешней политики России в XVI—XVII вв.—«Вопросы истории», 1955, № 12, стр. 204—211.

⁴ H. *Eckardt*, *Iwan der Schreckliche*, Frankfurt a. M. 2 Aufl., 1947, 406 S.; H. *Eckardt*, *Ivan the Terrible*, New York, 1948; Ruiz *Nicolas Gonzalez*, *Ivan Terrible. Rasputin*, Barcelona, 1957, 148 p.; S. *Graham*, *Ivan le Terrible, le premier tzar*, Paris, 1933; J. *Menken*, *Ivan the Terrible*. «History to day», 1953, N 3; J. *Merlys*, *Ivan le Terrible*. Paris, 1942; K. *Schaffgotsch*, *Ivan der Schreckliche*, Wien, 1951, 454 S.; H. *Vallotton*, *Ivan le Terrible*, Paris, 1959, 325 p.

научный уровень и почти полное игнорирование трудов советских историков.

Разнообразным оценкам деятельности Ивана IV и характеристикам опричнины при всех видимых различиях присущи общие черты: это идеалистический подход к освещению событий русской истории XVI в. и непомерное (негативное или позитивное) преувеличение роли Ивана Грозного в жизни России 60—80-х годов XVI в. Примыкая по своим воззрениям на опричнину к русской буржуазной науке конца XIX — начала XX в. (В. О. Ключевскому, С. Ф. Платонову и др.); современные буржуазные историки, как правило, делают шаг назад в сторону субъективно-идеалистического подхода к опричнине. Так, повторяя построения С. Ф. Платонова, буржуазный историк В. Б. Ельяшевич результатом опричнины считает замену старого, вотчинного — княжеского и боярского — землевладения поместным¹. Впрочем, автор находит у Грозного и «благожелательное отношение к крестьянам», что могло якобы объясняться или «демократическими чувствами» царя, или желанием опереться на крестьянство в борьбе с боярами, или какими-либо иными мотивами². Попытка «приукрасить» Ивана Грозного путем изображения его чуть ли не «крестьянским царем» вступает в вопиющее противоречие с фактами усиления крепостничества в годы опричнины. Для другого буржуазного историка, В. Леонтовича, Иван Грозный чуть ли не был творцом «революции» в России, в ходе которой в стране вводился особый «крепостной режим», ибо указом 1556 г. якобы было положено начало прикреплению сословий (как знати, так и крестьянства)³.

Как правило, однако, Иван Грозный рисуется буржуазными авторами кровожадным тираном, и только, а его злой волей объясняются важнейшие события внутриполитической истории России в годы опричнины. Безудержная модернизация событий доходит подчас до смехотвор-

¹ В. Б. Ельяшевич, История права поземельной собственности в России, т. II, Париж, 1951, стр. 40, 45.

² Там же, стр. 77.

³ V. Leontovitch, Die Rechtsumwälzung unter Iwan dem Schrecklichen und die Ideologie der Russischen Selbstherrschaft, Stuttgart, 1950, S. 116—120.

ных сопоставлений Ивана Грозного и Распутина (в книге Гонзалеса) и других столь же нелепых исторических «аналогий».

С клерикальных позиций освещает ход опричнины Г. П. Федотов в книге о митрополите Филиппе. Для него конфликт митрополита с царем сводился к выступлению Филиппа против тирана за «исповедание правды»¹. Церковь для него была «единственной силой, которая могла ограничить произвол царя»². По существу оценка Федотова опричнины приближалась к карамзинской³, хотя в отдельных экскурсах книги он и пытался примирить ее с наблюдениями С. Ф. Платонова⁴.

Не скупится на резкие эпитеты по адресу Ивана Грозного автор обобщающей книги по истории России С. Г. Пушкирев. Для него Иван IV — «трусливый деспот» и «обезумевший царь». Прикрываясь авторитетом В. О. Ключевского, Пушкирев создает субъективно-идеалистическую концепцию истории опричнины, не имеющую ничего общего с точкой зрения Ключевского. Пушкирев открыто выступает против тех, кто пытается выяснить какие-либо объективные причины введения опричнины и ее социальную сущность. Все это, по его мнению, основывается «на том наивно-рационалистическом убеждении, что в истории нет ничего иррационального, случайного, бессмысленного»⁵. Автор считает, что в опричнине нельзя видеть борьбу царя с боярством, во-первых, потому, что власть московского государя уже при Василии III не была ограничена боярством; во-вторых, сам Иван IV «вовсе не отметал правительственной роли бояр», а «служебное и политическое положение

¹ Г. П. Федотов, Св. Филипп, митрополит Московский, Париж, 1928, стр. 8.

² Там же, стр. 94.

³ Федотов прямо писал: «Мы сходимся в оценке Грозного и опричнины с консервативными историками — Карамзиным и Иловайским» (там же, стр. 207).

⁴ Говоря об опричнине как о «социальном перевороте», «социальной революции», Федотов считал, что она имела только политическую цель замены боярства «новым служилым классом» (там же, стр. 125; ср. стр. 124).

⁵ С. Г. Пушкирев, Обзор русской истории, Нью-Йорк, 1953, стр. 186.

средне-служилого класса при Грозном нисколько не изменилось»; в-третьих, в «значительной своей части террор Грозного вообще не имел никакого отношения к пресловутой борьбе с боярством»¹. Для самого Пушкирева опричнина лишь «вахханалия убийств и грабежа»². Таковы научные откровения этого искателя начал иррационализма в русском историческом процессе.

Беспомощность идеалистической методологии наиболее ярко проявилась в работах Л. М. Сухотина, специально посвященных опричнине. Первая статья автора на эту тему появилась еще в 1911 г.³ Написанная с позиций школы Платонова, она тем не менее содержала свежий архивный материал о земельной политике в опричное время. Но основные исследования автора вышли в 30—40-х годах⁴. Внешним поводом для них было издание записок Генриха Штадена, которые, по мнению Сухотина, давали основание для пересмотра ряда вопросов истории опричнины. Работы Сухотина теперь уже своим острием направлены против конденции С. Ф. Платонова и даже вообще имеют целью «подорвать окончательно веру в государственный смысл опричнины и ее учредителя». Оказывается, «не реальная обстановка, а мания преследования, которой Грозный страдал, вызвала учреждение опричнины». Ее целью было «гонение на московскую знать», которая, однако, «как и все население русское, была необычайно предана своим госуда-

¹ С. Г. Пушкирев, Обзор русской истории, стр. 188—189.

² Там же, стр. 185; ср. стр. 190.

³ Л. М. Сухотин, К вопросу об опричнине.— ЖМНП, 1911, № 11, стр. 55—67.

⁴ Л. М. Сухотин, К пересмотру вопроса об опричнине, [вып.] 1, Белград, 1931, стр. 1—23; [вып.] 2—6, Белград, 1935, стр. 35—67; [вып.] 7—8, Белград, 1940, стр. 125—200 («Записки Русского научного института в Белграде», вып. 5, 13, 17); *его же*, Еще к вопросу об опричнине. 1. Опричнина в русской историографии. 2. Против отвода иностранцев и Курбского.— «Юбилейный сборник Русского археологического общества в Югославии», Белград, 1936, стр. 265—289; *его же*, Иван Грозный до начала опричнины. Несколько наблюдений о составе Боярской думы XVI века.— «Сборник Русского археологического общества в Югославии», т. III, Белград, 1940, стр. 67—100; *его же*, Список опричников.— Журнал «Новик», вып. III, Нью-Йорк, 1940; *его же*, Мои работы по истории опричнины.— «Новый журнал», т. XX, Нью-Йорк, 1948, стр. 294—300.

рям»¹. Опричнина — нелепая затея, порожденная больной психикой русского царя. Таков конечный вывод «пересмотра опричнины», проведенного Л. М. Сухотиным. Направление этого пересмотра ясно — от государственной школы Платонова к субъективно-идеалистическим представлениям Н. М. Карамзина.

Идеалистические основы буржуазной историографии, как мы видим, приводят к отказу от научного объяснения вопросов истории опричнины, попыткам субъективистской трактовки исторических явлений, объяснению их «злой» или «доброй» волей того или иного правителя.

* *
*

Обзор обширной литературы, посвященной опричнине, позволяет сделать ряд выводов. На основе специальных и обобщающих исследований советских ученых пришли к выводу о необходимости изучения опричнины как определенной политики господствующего класса, создавшего свой аппарат насилия над широкими массами крестьян и горожан. Историю опричнины также нельзя понять, если не учитывать процесс государственной централизации в условиях феодальной России и его незавершенность в XVI в.

Советской исторической науке надлежит дать решение еще многих вопросов, связанных с опричниной. Недостаочно изучены формы классовой борьбы в 60—70-х годах XVI в., особенности социальной политики Ивана IV. В частности, нуждаются в уточнении наши представления о направленности опричных репрессий. Не все еще сделано для понимания структуры опричнины, характера опричных учреждений и состава ее территории.

Настоящая книга и является посильной попыткой ее автора ответить на эти вопросы.

Обзор источников

Обращаясь к источникам по истории опричнины, исследователь сталкивается с чрезвычайными трудностями.

¹ Л. М. Сухотин, К пересмотру вопроса об опричнине, [вып.] 2—6, стр. 66.

Многие из важнейших видов источников для 60—70-х годов XVI в. почти целиком отсутствуют. Так, мы почти совершенно не располагаем законодательными материалами, уставными земскими и губными грамотами. 1567 годом обрывается официальное летописание. Только небольшими отрывками представлены писцовые книги. Другая трудность — это резкая тенденциозность памятников, содержащих оценку политики Ивана Грозного. Здесь мы сталкиваемся, с одной стороны, с откровенно выраженной враждебностью большинства иноземцев, бежавших с русской службы, а с другой — с полемической нетерпимостью Ивана Грозного и Андрея Курбского. Вместе с тем можно считать, что все основные сохранившиеся материалы по истории опричнины в настоящее время уже опубликованы.

Благодаря неутомимой и кропотливой работе П. А. Садикова историк теперь обладает значительным комплексом актов по истории земельной политики в годы опричнины¹. Несмотря на то что эти документы почерпнуты главным образом из монастырских фондов, они дают представление о характере «перебора» опричных земель и «людшек». В них обнаружилось совершенно новые данные о возврате земель дворянам после отмены опричнины².

В последние годы В. Б. Кобрину удалось найти несколько весьма интересных актов, рисующих земельные владения опричников Черемисиновых и обстоятельства конфискации земель у боярина И. П. Федорова³.

¹ П. А. Садилов, Из истории опричнины XVI в.—«Исторический архив», кн. III, М.—Л., 1940, стр. 113—303. Часть документов издана также в приложении к книге П. А. Садилова «Очерки по истории опричнины», ч. III, Документы, стр. 418—539.

² Первые сведения об этом см. в публикации: А. М. Сухогин, Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг.—«Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — «Чтения ОИДР»), 1911, кн. 4; *его же*, К вопросу об опричнине.—ЖМНПр., 1911, № 11, стр. 55—67.

³ В. Б. Кобрин, Несколько документов по истории феодального землевладения XVI в. в Юрьев-Польском уезде.—«Археологический ежегодник за 1957 год», М., 1958, стр. 467—477; *его же*, Из истории земельной политики в годы опричнины.—«Исторический архив», 1958, № 3, стр. 152—160.

Еще Д. Я. Самоквасов издал целый ряд писцовых выписей, послушные грамоты и другие памятники из остатков новгородского архива¹. До того времени мы не обладали столь красноречивыми свидетельствами беззастенчивого грабежа опричниками новгородских крестьян. Аналогичные факты теперь нам известны и для других районов Русского государства².

В. А. Кучкин недавно обнаружил сотную выпись по Мурому 1566 г.— один из интересных документов, рисующих состояние городов и посадского населения в опричные годы³.

Исключительное значение имеет Ярославская писцовая книга 1567—1569 гг., обнаруженная С. Б. Веселовским⁴. Это единственное описание земель центральных районов страны, дошедшее до нас от опричных времен. В книге содержатся сведения о землевладении в волостях Игрище, Черемхе, Едомской. Подробно описана огромная вотчина И. Ф. Мстиславского в Юхте, Слободище и Черемхе⁵. Ярославская книга позволяет по-новому поставить целый ряд проблем, связанных с земельной политикой в период опричнины.

Много разнообразных сведений находится в писцовых книгах городов Казани и Свияжска 1565—1568 гг.⁶

¹ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. I, М., 1905; т. II, 1909.

² «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.» (далее — АФЗиХ), ч. II, М., 1956, стр. 420—421, 440.

³ В. А. Кучкин, Материалы для истории русского города XVI в. Рукопись. В распоряжении исследователей есть также сотная грамота 1566/67 г. на посад Устюжны Железопольской.— Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА). Приказные дела старых лет, 1669, № 214.

⁴ ЦГАДА, ф. 1209, № 588, 7785; С. Б. Веселовский, Сошное письмо, т. II, М., 1916, стр. 64.

⁵ Датируется по указанию писца XVII в. («Книги Ярославские, а которого году и чьево писма, того не написано, начала и конца у них нет. А по досмотру се книги писма и меры Василия Фомина и Григория Сукина 76 и 77 году поместным землям». — ЦГАДА, ф. 1209, Писцовые книги, № 532, л. 1 а). О том, что В. Фомин и Г. Сукин описывали земли Ярославского уезда в 1568/69 г., см. И. А. Вахромеев, Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I, М., 1896, № XXXIX.

⁶ «Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани» (далее — «Материалы...»), Л., 1932. В этой пуб-

В частности, особый интерес представляют материалы по истории городского ремесла и данные о детях боярских, попавших в Казань и Свияжск в результате царской опалы. Писцовые книги Шелонской пятины 1571—1576 гг. рисуют состояние новгородских земель после опустошительного похода Ивана IV¹. В Веневских и Епифанских писцовых книгах 1571—1572 гг. обращают на себя внимание крупные княжеские вотчины на юге страны в годы опричнины (в частности, И. Ф. Мстиславского).

Ретроспективно сведения о служилом землевладении в годы опричнины можно почерпнуть из писцовых книг Московского уезда 1573—1574 и 1576—1578 гг., Коломенского уезда 1577—1578 гг. и некоторых других². Выпуклое представление о вотчине и служилых людях рязанского владыки дает сотная грамота 1567/68 г.³

В связи с почти полным отсутствием законодательных материалов⁴ для изучения финансовой и судебной политики чрезвычайное значение приобретают жалованные

ликации книги изданы, к сожалению, не полностью: опущены материалы, касающиеся церковного имущества, книг и вообще вкладов; ср. «Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. 1566—1568 гг.», Казань, 1877; см. также «Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда», Казань, 1909. Писцовые книги по Казанскому уезду 1565—1567 гг. и г. Лаишеву не опубликованы (ЦГАДА, ф. 1209, № 152; там же, № 643).¹ «Новгородские писцовые книги» (далее — НПК), т. V, СПб., 1905, а также «Писцовая книга Вотской пятины 1567—1568 гг., описание Орешка, Ладоги и Корелы 1568 г.» (ЦГАДА, ф. 137, № 7).

Недавно Ю. А. Тихонов обнаружил писцовую книгу XVI в. по Рузскому уезду (ЦГАДА, ф. 1209, № 426). Это и есть книга земельной переписи 1567/68 г. князя Михаила Литвинова-Мосальского и 1568/69 г. Григория Пильмова, которые упоминаются в источниках (АФЭиХ, ч. II, № 347). Она датируется временем не ранее лета 1568 г., ибо содержит упоминание о даче земель на оброк с 30 июля 1568 г. (л. 375 об., 327 об.).

² «Писцовые книги Московского государства» (далее — ПКМГ), ч. 1, отд. I—II, СПб., 1872—1877.

³ «Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв.», т. I, вып. 2, Рязань, 1900, стр. 425—464.

⁴ Из уставных грамот до нас дошли губной наказ 1571 г. белозерским старостам («Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией Академии наук» (далее — ААЭ), т. I, СПб., 1836, № 281) и новгородская таможенная грамота 1571 г. («Собрание государственных грамот и договоров» (далее — СГГид), ч. 2, М., 1819, № 43, стр. 53—62). Законода-

грамоты, выдававшиеся духовным феодалам. В них мы находим и упоминания о земельных вкладах, и определение объема судебного-финансовых привилегий, и сведения о дьяках, выдававших грамоты. Составленный С. М. Каштановым перечень иммунитетных актов 1548—1584 гг. является ценным подспорьем для исследователей жалованных грамот. В нем около 150 грамот относятся непосредственно к 1561—1572 гг.¹

За 60-е годы XVI в. монастырские приходо-расходные книги сохранились плохо. В нашем распоряжении имеются книги Кирилло-Белозерского монастыря за 1567—1568 гг.² и комплекс книг северного Николаевского Корельского монастыря (1560—1563, 1565, 1567, 1568—1571, 1572—1576 гг.), хранящиеся в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (далее — ЛОИИ)³. Представляют интерес книги Павлова Обнорского монастыря (декабрь 1568—январь 1570 г.)⁴ и фрагменты соловецких книг за 1571—1572 гг. (ЦГАДА, ф. 1201, № 207).

Из других хозяйственных книг, дающих картину феодальной эксплуатации в годы опричнины, отметим приходные книги 1564—1565 гг. и вытные книги конца 60-х годов небольшого Николаевского Антониева монастыря (Бежецкий Верх), недавно изданные А. Г. Маньковым⁵. Всего этого, конечно, явно недостаточно, чтобы проследить сложные экономические процессы, протекавшие в феодальной деревне и в городе в бурные опричные годы.

тельство представлено приговорами 15 января 1562 г. и 9 октября 1572 г. о княжеском землевладении («Памятники русского права») (далее — ПРП), вып. IV, М., 1956, стр. 529—532).

¹ С. М. Каштанов, Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. II.— «Археографический ежегодник за 1960 год», М., 1962, стр. 129—200.

² Н. Никольский, Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в., т. I, вып. 2, СПб., 1910, стр. LXVII—CI.

³ См. А. Г. Маньков, Цены и их движение в Русском государстве XVI века, М.—Л., 1951, стр. 250.

⁴ РИБ, т. XXXVII, Л., 1924, стб. 1—12.

⁵ «Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI века», Сборник документов, подготовленный А. Г. Маньковым, Л., 1955.

Случайные фрагменты дошли до нас и из состава Царского архива. Но и они представляют исключительную ценность, ибо помогают постичь цели опричной политики и пути их осуществления. Множество документов архива, к сожалению, безвозвратно пропали в годы иностранной интервенции и крестьянской войны начала XVII в. О них сохранились лишь самые смутные упоминания в описях Царского архива и Посольского приказа 1614 и 1626 гг.¹ В последней (изданной только в отрывках) сохранилось краткое изложение статейного списка «из изменного дела 78-го году» о Великом Новгороде².

Среди дошедших до нас материалов Царского архива находятся такие уникальные документы, как завещание Ивана Грозного 1572 г.³, меновые грамоты 1566 г. с князем Владимиром Андреевичем на земли старицкого удела⁴, поручные записи 1561—1571 гг. по ряду князей и бояр⁵, приговор земского собора 1566 г.⁶, приговор об избрании митрополита Филиппа⁷ и некоторые другие.

Дошедший до нас состав записей можно считать более или менее полным. Большинство из них перечислено в 39 ящике описи Царского архива, сделанной уже в 60-х годах XVI в.⁸ Отсутствуют только поручные по Д. Ф. Бельском, И. М. и А. М. Шуйским и И. И. Пронском. Но они вместе с названными выше есть в описи архива Посольского приказа 1614 г.⁹ Никаких других поручных записей по князьям и боярам в обеих описях нами не обнаружено, хотя они тщательно отмечают все документы подобного рода.

Опричина неразрывно связана с ходом Ливонской войны. Поэтому для ее изучения очень важны как раз-

¹ «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г.», под ред. С. О. Шмидта, М., 1960.

² «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее — ДиДГ). Подготовил к изд. Л. В. Черепнин, М.—Л., 1950, приложение II, стр. 480—481.

³ Там же, № 104, стр. 426—444.

⁴ Там же, № 102, 103, стр. 420—426.

⁵ СГГД, ч. 1, М., 1813, № 172, 174, 175 и др.

⁶ Там же, № 192, стр. 545—556.

⁷ Там же, № 193, стр. 557—558.

⁸ Там же, № 166.

⁹ «Описи Царского архива XVI века», стр. 23.

рядные книги, содержащие записи о назначенных на высшие военные должности и о походах русских войск, так и посольские книги, сохранившие сведения о мирных переговорах в 60—70-х годах XVI в. К сожалению, разрядные книги изданы явно неудовлетворительно. Только разряд Полоцкого похода 1562—1563 гг. представлен обстоятельной публикацией¹. Трижды публиковались различные разновидности краткой редакции разрядных книг: «Государев разряд» 1556 г. (с продолжением до конца 1565 г.)², краткая редакция 1585 г. (за 1556—1585 гг.)³ и сокращенная редакция 1605 г.⁴ К сожалению, пространная редакция остается еще не изданной, а именно она содержит наиболее обстоятельное описание военных служб 60—70-х годов⁵. Разрядные книги — основной источник для установления личного состава опричного корпуса, для изучения состава Боярской думы и служебной карьеры наиболее именитых лиц из верхушки московских феодалов.

Наряду с разрядными книгами для изучения военной истории России времени опричнины необходимо использовать отдельные документы разрядного характера. Так, изданы документы по организации сторожевой службы на южных окраинах в 70-х годах (и в том числе устав сторожевой службы 1571 г. князя М. И. Воротынского)⁶. Недавно В. И. Буганов опубликовал росписи воевод и другие новые материалы о победе русских войск при Моло-

¹ «Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563 г.».—«Витебская старина», т. IV, Витебск, 1885, стр. 27—78.

² П. Н. Милуков, Древнейшая разрядная книга официальной редакции по 1565 г. (далее — ДРК), М., 1901.

³ «Древняя Российская Вивлиофика» (далее — ДРВ), ч. XIII—XIV, СПб., 1790.

⁴ «Сибирский сборник», М., 1844; Об этой редакции см. В. И. Буганов, Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в., М., 1962, стр. 222—239.

⁵ Пространная редакция представлена списками: 1) ГИМ, Собр. Шукина, № 496 и 2) Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), Эрмитажное собрание (далее — Э), № 390. Подробнее о ней см. Д. Н. Альшиц, Разрядная книга Московских государей XVI в.—«Проблемы источниковедения», сб. VI, М., 1958, стр. 130—151.

⁶ «Акты Московского государства», т. I, СПб., 1890, № 1—15, стр. 1—18.

дах в 1572 г.¹ Разгром татарских отрядов земскими войсками сыграл важную роль в ликвидации опричнины.

Из дипломатических бумаг по истории сношений России с европейскими странами лучше всего сохранились книги, содержащие статейные списки и договоры с Польшей и Литвой (1560—1571 гг.)². Этот комплекс документов, конечно, особенно важен, потому что Великое княжество Литовское было той державой, с которой велись наиболее оживленные дипломатические сношения³.

В составе польских посольских дел находятся послания Сигизмунду II Августу, написанные от имени князей И. Д. Бельского, И. Ф. Мстиславского, М. И. Воротынского и И. П. Федорова, а на самом деле, вероятнее всего, составленные самим царем Иваном IV⁴. Неплохо представлены также и шведские дела за 1562—1572 гг.⁵ Балтийскому вопросу посвящен ряд специальных публикаций⁶. Некоторые документы по русско-датским отношениям извлечены из Копенгагенского архива⁷. Отдельные грамоты и донесения сохранились в Таллинском архиве⁸. Русско-английские переговоры можно

¹ «Документы о сражении при Молодях в 1572 г.»— «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 166—183.

² «Сборник Русского исторического общества» (далее — «Сборник РИО»), т. 71, СПб., 1892.

³ Аналогичный характер имеют опубликованные материалы из Литовской метрики («Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского...», кн. I—II, М., 1843).

⁴ Последний раз изданы по рукописи Я. С. Лурье в кн.: «Послания Ивана Грозного», стр. 241—277.

⁵ «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством», т. I, 1556—1586 гг.— «Сборник РИО», т. 129, 1910; статейный список И. М. Воронцова (1567—1569) недавно переиздан Я. С. Лурье по рукописи в кн.: «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», М.—Л., 1954, стр. 7—62.

⁶ Г. В. Форстен, Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях, СПб., 1889; вып. 2, 1893; Д. Чумиков, Осада Ревеля (1570—1571) герцогом Магнусом.— «Чтения ОИДР», 1891, кн. II, стр. 1—59.

⁷ «Русские акты Копенгагенского государственного архива».— РИБ, т. XVI, 1897; «Акты Копенгагенского архива», вып. 1, 1326—1569.— «Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, стр. 1—320; вып. 2, 1570—1576.— «Чтения ОИДР», 1916, кн. II, стр. 1—22.

⁸ «Русские акты Ревельского городского архива».— РИБ, т. XV, 1894.

изучить по дипломатической переписке, хранящейся в Англии¹.

Восточные дела дошли до нас в более полном виде. Это статейные списки посольства И. П. Новосильцева (1570 г.) и А. Ищеина (1571—1572 гг.) в Турцию². Очень обстоятельные крымские дела за интересующее нас время, к сожалению, не изданы³. А именно здесь находятся столь широко известные памятники, как переписка Ивана IV с опричником Василием Грязным, находившимся в крымском плену⁴, документы об измене Кудеяра Тишенкова и т. п. Ногайские дела сохранились лишь за самое начало опричнины, причем изданы они очень скверно⁵.

Основную массу сведений о казнях Ивана Грозного мы черпаем из царских синодиков — списков казенных лиц, рассылавшихся для поминовения по монастырям. Уже давно отброшены сомнения апологета опричной политики Е. А. Белова, считавшего синодики фальшивкой⁶. С. Б. Веселовским установлено, что только в начале 80-х годов Иван Грозный «пришел к мысли обеспечить души казенных поминовением»⁷ и направил в различные монастыри списки лиц, казенных во время опричнины, и большие денежные суммы «на помин души». Изучение синодиков сопряжено с большими трудностями, несмотря на то что С. Б. Веселовский составил алфавит лиц, упомянутых в них, который он сопроводил обстоятельным комментарием.

¹ Ю. Толстой, Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, СПб., 1875.

² Первый опубликован Я. С. Лурье в кн. «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», стр. 63—100; Статейный список А. Ищеина не издан (ЦГАДА, ф. 89, кн. 2).

³ ЦГАДА, ф. 123, кн. 10—14 (1562—1578 гг.).

⁴ Опубликована П. А. Садиковым (в его книге «Очерки по истории опричнины», ч. III, Документы, стр. 530—539).

⁵ ЦГАДА, ф. 127, кн. 5—7 (1557—1566); ср. «Продолжение Древней Российской Вивлиофики», ч. X—XI, 1791—1801.

⁶ Е. А. Белов, Предварительные замечания к истории царя Иоанна Васильевича Грозного.— ЖМНПр., 1891, № 2, стр. 371—378.

⁷ С. Б. Веселовский, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 340.

Узвнѣи ны дѣвоприимноу
 а прѣстѣз прѣи пона хн дѣву
 на . 3 . на нѣ четвѣргѣ попаце
 помани ги дѣш а оубо шѣи
 рабѣ з свои . израблѣнѣ . оуби
 инныхъ . кнѣзи . кнѣгнѣ .
 и естѣ правослабнѣ хрѣтіан
 мѣже сѣма поав . и же нѣ сѣа .
 и соу зѣ кнѣзи и мѣпискны .
 прѣкнаго соца на шего . игѣ
 мѣманнѣкона . кнѣза фео
 дора . днѣмитрѣа . георгі .

Запись в синодике Ивана Грозного о поминании убитых.

(По Троицкому списку XVI в.)

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

До сих пор изданы только отдельные списки синодиков, причем, как правило, очень небрежно. Это два кирилло-белозерских синодика¹, синодики Нижегородского

¹ Н. Устрялов, Сказания князя Курбского, изд. 3, СПб., 1868, стр. 373—391.

Печерского¹, Спасо-Прилуцкого² и Никитского Переяславского монастырей³.

Несколько очень важных текстов остаются вовсе изданными. Это указанные С. Б. Веселовским⁴ синодики: Троицкого монастыря⁵, Костромского Богоявленского (на л. 157—168 в одном из списков синодика Костромского областного архива), Чудова монастыря⁶ и дефектные списки Московского Богоявленского монастыря⁷. Д. Н. Альшин нашел рукопись XVII в. полного Богоявленского синодика 14 января 1584 г.⁸ Можно указать еще синодик Благовещенского Киржачского монастыря⁹ и копию XIX в. с синодика Свяжского Богородского монастыря¹⁰.

Трудность изучения синодиков вызвана самим характером записей в этих памятниках: синодики представляют собой перечни собственных имен для поминовения. Только в отдельных случаях между строк над тем или иным именем помещена фамилия (часто киноварью). Расшифровка этих перечней чрезвычайно затруднена. Дополнительным источником для изучения состава казенных Иваном Гроз-

¹ «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», Сборник, т. XV, вып. II, Нижний Новгород, 1913, стр. 7—32.

² «Тетрадь, а в ней имена писаны опальных при царе великом князе Иоанне Васильевиче, всеа России». — «Чтения ОИДР», 1859, кн. III, смесь, стр. 89—100.

³ А. А. Титов, Синодики XVII века Переяславского Никитского монастыря, М., 1903, стр. 11—18.

⁴ См. С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 352—354.

⁵ ГБЛ, Троицкое собр., № 818, л. 212—223 об.

⁶ ГПБ, FIV, № 104, л. 204—213 и др.

⁷ ГИМ, Епархиальное собр., № 706, л. 204—210; ГПБ, FIV, № 196.

⁸ ГПБ, QXVII, № 87, л. 127 об.—137 об. Начало: «В лето 7092-го генваря дал государь царь Иоанн Васильевич всеа Русии по опальным в дом к чюдному Богоявлению 400 рублей денег, а тех денгах недочет 23 рубли. Да по них же дать в 90-м в первом году 39 рублей». Список имен начинается с Козарина Дубровского.

⁹ ГБЛ, Троицкое собр., № 815, л. 46—50 об. Начало: «Роспись опальным лицам, которых поминать и по государеву сыну дано к Благовещению на Киржачи 400 рублей. Федора, Иоанна, Еустафия, Федора, Кирила, Исаака...», конец: «Леонтия, Святогора, Симона, Ульянии, 2-ж Екатерины».

¹⁰ ГИМ, Музейное собр., № 4117. Об этом синодике см. М. П. Погудин, Прогулка в Новгород, СПб., 1859, стр. 16—17.

ным могут служить вкладные книги монастырей с записями о суммах, данных «на помин души» того или иного лица. Записи дают сведения о времени смерти интересующего нас деятеля: поминальный вклад делали некоторое время спустя после смерти поминаемого, а число, когда раздавали монахам «корм», иногда совпадает с датой его смерти. Много вкладных книг издано, но не менее остается еще не опубликованными. Так, не издана важнейшая вкладная книга Троице-Сергиева монастыря (хранится в Загорском музее) ¹.

Вкладные книги Волоколамского монастыря изданы, но с серьезными искажениями (как, впрочем, и другие публикации А. А. Титова) ². Основной текст их написан еще в 1553/54 г., а отредактирован в 1563/64 г. Вассианом, бывшим архимандритом Тверского Вотмицкого монастыря. Позднейшие приписки в книгах доходят до 1572/73 г., т. е. захватывают время опричнины. Не меньший интерес представляют записные книги Волоколамского монастыря, составленные Ефимием Турковым в 1584/85 г. ³ Сложность изучения вкладных книг заключается в том, что обычно по истечении определенного срока поминования имя вкладчика вычеркивалось из них. В результате книги вскоре становились непригодными для употребления, их уничтожали, а оставшиеся имена переписывались в другие книги. Поэтому основная масса дошедших до нас книг относится не к XVI, а к XVII в. и в них очень мало сведений более ранних. Как правило, это только крупнейшие вклады царя и княжат (во вкладных книгах вообще записывались главным образом крупные вкладчики). Опубликовано несколько вкладных и кормовых книг, интересных для историка опричнины. Это книги монастырей: Кирилло-Белозерского ⁴, Нижегород-

¹ Копия с нее (XX в.) находится в Архиве Академии наук (Москва) в фонде С. Б. Веселовского (ф. 670, № 18).

² А. А. Титов, Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI в., М., 1906; ср. ГИМ, Епархиальное собр. № 418/686 и 419/687.

³ См. копию XVIII в. (ЦГАДА, ф. 181, № 141/196). Подлинник хранился до 1946 г. в Волоколамском монастыре (№ 34/685).

⁴ «Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря». С предисл. И. П. Сахарова.— «Записки отделения русской и славянской археологии Археологического общества», т. I, СПб., 1851, отд. III, стр. 46—139.

ского Печерского¹, Антониева Сийского², Ростовского Борисоглебского³, Брянского Свенского⁴ и некоторых других⁵. Не изданы вкладные книги Симонова монастыря с интересными сведениями о царских вкладах «опальной рухляди» (оружие, платье, иконы и т. п.)⁶.

Для того чтобы разобраться в сложных генеалогических взаимоотношениях русского дворянства, имевших столь важное значение для московской служилой лестницы чинов, необходимо внимательно изучить родословные книги и местнические дела⁷.

К сожалению, до настоящего времени не существует издания официальной родословной книги XVI в., которое бы отвечало современным археографическим требованиям⁸, а многие десятки списков разбросаны по различным архивохранилищам. Не опубликована основная масса родословных росписей, подававшихся дворянами в Разряд в конце XVII в.⁹

¹ «Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря». С предисл. А. А. Титова, М., 1898.

² А. Ф. Изюмов, Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576—1694, М., 1917.

³ А. Титов, Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях, Ярославль, 1881.

⁴ «Вкладная книга Брянского Свенского монастыря». — «Известия русского генеалогического общества», вып. IV, СПб., 1911, стр. 392—433.

⁵ Леонид, Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга. — «Чтения ОИДР», 1878, кн. III, стр. 1—38.

⁶ ГПБ, QIV, № 348-а, л. 17, 22, 24; см. С. В. Веселовский, Указ. соч., стр. 341.

⁷ Одно из интересных местнических дел 1572 г. было опубликовано недавно В. Б. Кобриным. См. В. Б. Кобрин, Из истории местничества XVI века. — «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 214—219.

⁸ См. так называемую «Бархатную книгу»: «Родословная книга князей и дворян российских» (далее — «Родословная книга...»), ч. 1—2, М., 1787, а также «Родословная книга великого Российского государства». — «Временник ОИДР», т. X, М., 1851.

⁹ ЦГАДА, ф. 240, кн. 1—163; ф. 286, кн. 241-а; см. «Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв.». Составлен В. Н. Шумиловым, М., 1954, стр. 79—82. Несколько актов, относящихся к истории опричнины, из этих росписей изданы А. И. Юшковым: «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разряд» (далее — «Акты Юшкова»), ч. 1, М., 1898.

После отстранения от власти Алексея Адашева официальное летописание постепенно приходит в упадок. Последние записи официального свода относятся к 1567 г.¹ В 224 ящике Царского архива помещались «списки, что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го»². Итак, действительно, летопись доходила до 1567 г. (7076 год начинался с 1 сентября 1567 г.). В этой летописи (которую по одному из списков иногда называли Александро-Невской) содержались такие ценные сведения, как изложение указа об учреждении опричнины, первые мероприятия, направленные против боярской крамолы, записи о ходе Ливонской войны.

Для изучения русской общественной мысли опричных лет и для характеристики политической направленности карательных мер правительства Ивана IV огромный интерес представляют вставки в Синодальный список лицевого (иллюстрированного) летописного свода и в Царственную книгу (копия). Интерполяции в официальное летописание, сделанные, как это убедительно показал Д. Н. Альшиц³, в канцелярии Ивана Грозного, относятся к событиям, совершившимся в малолетство царя и в годы правления Избранной рады (до 1557 г.). Но так как они составлялись уже много лет спустя, то раскрывают перед читателем происшедшие к тому времени разительные перемены в политических и личных симпатиях царя.

Редакционная правка Синодального списка лицевого свода, несомненно, связана с опалой на князя Владимира Андреевича Старицкого. В самом деле, согласно приписке,

¹ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. XIII, 2-я половина, СПб., 1906, стр. 303—408; ср. А. Е. Пресняков, Новые данные для изучения московских летописных сводов. — ЖМНП, 1895, № 6, стр. 466—475.

² «Описи Царского архива XVI века...», стр. 43.

³ Д. Н. Альшиц, Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — «Исторические записки», кн. 23, 1947, стр. 251—289; *его же*, Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. — «Исторические записки», кн. 25, 1948, стр. 266—292; *его же*, Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — «Труды Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина» (далее — «Труды ГПБ»), т. I(IV), Л., 1957, стр. 119—146.

относящейся к расследованию причин побега за рубеж князя Семена Лобанова-Ростовского, этот князь заявил «сыскной комиссии» следующее: «Ко мне на подворье приезжал ото княгини от Офросиньи и от князя Владимира Андреевича, чтобы я поехал ко князю Володимеру слушати ее и людей перезывал»¹. Князь Семен Лобанов-Ростовский в 1553 г. был, вероятно, глашатаем идеи воцарения князя Владимира после смерти Ивана IV. Но после какой опалы на князя Владимира (1563 или 1566 г.) появилась летописная версия, приписывающая инициативу старицкому князю в переговорах с Лобановым-Ростовским? Д. Н. Альшиц считает, что это было еще в 1563 г., когда царь Иван забрал себе для просмотра дела об отъезде князя Семена «во княж Володимерова деле Ондреевича»². В июне 1563 г. действительно Иван IV «опалился» на Владимира Старицкого³. Но все это само по себе еще не дает основания датировать приписки к летописи 1563 годом.

Не более основательны и другие аргументы автора в пользу предложенной им датировки. Синодальный список излагает события до августа 7075, т. е. 1567, г. Однако приписки делались на той части текста, которая доходит до 1557 г. Отсюда Д. Н. Альшиц заключает, что в момент редактирования рукопись Синодального списка обрывалась ранее 1567 г., по его соображениям, — 1560 г. Для доказательства этого необходимо было показать наличие палеографического рубежа (смены почерков) в тексте списка, но этого-то рубежа Д. Н. Альшиц не нашел, что исключает возможность многоэтапного составления Синодальной рукописи. Более того, Н. П. Лихачев показал, что этот текст лицевого свода написан на той же французской бумаге, что и книги дипломатических сношений с Польшей: № 9 (1570—1571) и № 10 (1575—1579)⁴, т. е. работа над составлением лицевой рукописи велась вряд ли

¹ ПСРД, т. XIII, 1-я половина, СПб., 1904, стр. 238.

² «Описи Царского архива XVI века...», стр. 35; Д. Н. Альшиц, Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — «Исторические записки», кн. 23, 1947, стр. 278—280.

³ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 368.

⁴ Н. П. Лихачев, Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1, СПб., 1899, стр. CLXIX, CLXXV—CLXXVI, 308—317.

многими годами раньше 1570 г., тем более что даже во Франции наиболее ранние документы на подобной бумаге датируются 1566 г. Поэтому дата 1560 г. для какой-то части Синодального списка невероятна.

Источниковедческие наблюдения Д. Н. Альшица показывают, что существовал первый вариант официальной летописи, протограф Синодального списка, оканчивавшийся 1560 г., но, что он был тождествен самой Синодальной рукописи (без дополнений за 1561—1567 гг.), доказать автору не удалось.

Не могут быть признаны убедительными и соображения Альшица об исправлении Синодальной рукописи до 1564 г. (точнее, около 1563 г.). Первое соображение автора касается оценки в летописи деятельности деда А. М. Курбского М. В. Тучкова. В приписке к Синодальному списку говорилось, что в 1539 г. Шуйские посадили «за сторожи» князя И. Ф. Бельского, а М. В. Тучкова сослали «в его село»¹. В Царственной книге сообщается, что в 1539 г. «бысть вражда между великого князя бояр», причем Шуйские стали враждовать с И. Ф. Бельским и М. В. Тучковым. О ссылке Тучкова уже не упоминается². Из этого Д. Н. Альшиц делал вывод, что М. В. Тучков «из жертв усобицы... превратился в одного из зачинщиков кровавых местнических споров». Поэтому он считает, что приписки к Синодальному списку сделаны были еще тогда, когда внук Тучкова А. М. Курбский «был в чести», т. е. до 1564 г., до побега князя Андрея и до первого послания Грозного Курбскому, где уже содержались нелестные отзывы о Тучкове³. Прежде всего необходимо внести уточнение: летом 1563 г. (когда, по Альшицу, делались приписки) князь Андрей был отнюдь не в чести, а находился в ссылке в Юрьеве. Но дело даже не в этом. И в рассказе Синодального списка Тучков представлялся одним из зачинщиков боярских распрей, каковым он выступает в Царственной книге, может быть только не так явно. Ничто не указывает на то, что во время составления синодального рассказа его внук князь Андрей был «в чести». В приписке под 1554 г. указано, что окольный А. Ада-

¹ ПСРД, т. XIII, 1-я половина, стр. 98.

² ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 432.

³ Д. Н. Альшиц, Указ. соч., стр. 263—264.

шев вел расследование по делу о князе Семене Ростовском. Если следовать ходу рассуждений Альшица, то и этот уже явный «крамольник» в 1563 г. пользовался у Грозного полным доверием: он считал возможным специально оговорить, что Адашев возглавлял следственную комиссию из преданных царю лиц. Не бóльшую весомость имеют и другие доводы Д. Н. Альшица¹.

Нам представляется, что Синодальный список правился уже тогда, когда он был закончен, т. е. после августа 1567 г. В приписке под 1554 г. среди сторонников князя Семена Лобанова-Ростовского названы лица, подвергшиеся репрессиям в 1565 г. (П. М. Щенятев, Д. И. Нагой и Куракины). Это, казалось бы, датирует Синодальный список во всяком случае временем более поздним, чем 1565 г. Подробный рассказ об «измене» князя Семена также уместно было вставить скорее после 1565—1566 гг., когда князь Семен был казнен, чем в 1563 г., когда он еще был жив.

Весьма вероятно, что работа над Синодальным списком производилась после августа 1568 г., когда царю были посланы «летописец» и «тетради» для просмотра².

«Летописец» в это время содержал рассказ также до 1560 г. (7068)³, а «списки новые, что писати в летописе»

¹ Д. Н. Альшиц, например, не находит в Синодальном списке следов влияния Степенной книги, обнаруживающихся в Царственной книге. А так как Степенная книга составлена до 1563 г., то и Синодальный список не мог, по его мнению, появиться позднее этого года (Д. Н. Альшиц, Указ. соч., стр. 266). Но почему Синодальный список *обязательно* должен был зависеть от Степенной книги и не мог составляться, когда она уже существовала?

² В Царском архиве хранились «списки, что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го». В описи архива под этим текстом находится помета: «В 76-м году августа летописец и тетради посланы ко государю в Слободу» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 43). Совершенно произвольно Д. Н. Альшиц считает «летописцем» текст за 7068—7074 гг., а «тетрадами» последующие до 7076 г. В описи «списками» названы «лета новые» (т. е. весь текст за 7068—7076 гг.), ведь их еще только следовало «писати в летописец».

³ Систематическое летописание оборвалось на 1560 г., времени опалы Адашева, который составлял «Летописец лет новых» («Списки черные... что писати в летописец лет новых, которые у Олексея взяты». — «Описи Царского архива XVI века...», стр. 43).

сец» или «тетради» повествовали о событиях 7068—7076 гг., после того как все эти материалы были взяты в Слободу и появился текст Синодального списка, подвергшийся правке по указаниям царя¹.

С канцелярией Ивана Грозного связывал интерполяции Царственной книги еще С. Б. Веселовский, считал, что «они сделаны лет 18—20 спустя после болезни царя 1553 г. при непосредственном близком участии самого царя и с определенной тенденцией — оправдать царя в казни старицких князей в 1569 г.»². Существенные коррективы в построения Веселовского внес Д. Н. Альшиц, доказавший, что приписки к Царственной книге появились не позднее 1570 г., т. е. до казни И. М. Висковатого, представляющего в этих текстах перед читателем в качестве верного сподвижника царя³. Но вот когда автор пытается уточнить датировку, то тут и возникают сомнения. Д. Н. Альшиц ссылается на сведения описи Царского архива, согласно которому царь в августе 1568 г. взял в Слободу «летописец и тетради»⁴. По мнению Альшица, в 1568 г. речь может идти только о просмотре текста за 7068—7076 гг. Более ранний текст редактировался, вероятно, ранее, т. е. Царственная книга составлена была до 1568 г.⁵ Выше мы показали, что Альшиц неудачно интер-

¹ В последнее время разгорелась полемика о том, кто был автором приписок: царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый. (См. Д. Н. Альшиц, Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый.—«Труды ОДРЛ», т. XVI, 1960, стр. 617—623; N. Andreyev, Interpolations in the 16-th century Muscovite Chronicles.—«The Slavonic and East European Review», vol. XXXV, N 84, 1956, p. 95—115; *его же*, Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного.—«Труды ОДРЛ», т. XVIII, 1962, стр. 117—148.) Н. Е. Андреев, в частности, обратил внимание на существенную разницу между приписками, где инициатором «мятежа» 1553 г. считается Сильвестр (ярый враг Висковатого), и посланиями Грозного, где все «злое» связывается не только с благовещенским протопопом, но и Адашевым. Так или иначе, но приписки восходят к канцелярии царя.

² С. Б. Веселовский, Последние уделы в Северо-Восточной Руси.—«Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 106.

³ Д. Н. Альшиц, Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени.—«Исторические записки», кн. 23, 1947, стр. 285—286.

⁴ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 43.

⁵ Д. Н. Альшиц, Указ. соч., стр. 282—283.

претирует запись составителя описи Царского архива. В 1568 г. составлялся, вероятно, Синодальный список. Работа над Царственной книгой проходила позднее¹. Исправления в текст Царственной книги (по не все интерполяции в лицевые летописи, как полагает Н. Е. Андреев) внесены между первым кварталом 1569 г. и июлем 1570 г.², т. е. уже после казни Владимира Старицкого и до расправы с Иваном Висковатым и другими лицами, изображенными в приписках сторонниками царя³. К тому же в 1569 г. был казнен И. И. Пронский, представленный в приписках сторонником Владимира Старицкого.

Д. Н. Альшиц обратил внимание на текстуальную и идеологическую близость приписок к лицевым летописям и первого послания Ивана Грозного к Курбскому⁴. Это чрезвычайно важное обстоятельство позволяет выяснить непосредственное воздействие Ивана IV на создание официального летописания⁵.

До нас дошло сравнительно мало летописных памятников, отразивших взгляды политических противников

¹ Досадным недоразумением является предположение Н. Е. Андреева о том, что Царственная книга начала слагаться в 1566 г. (*Н. Е. Андреев, Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного.* — «Труды ОДРЛ», т. XVIII, стр. 140). Ведь в Царственной книге целиком учтена правка Синодального списка, которая, даже по Н. Е. Андрееву, производилась после августа 1568 г.

² *N. Andreyev, Interpolations in the 16-th century Muscovite Chronicles.* — «The Slavonic and East European Review», vol. XXXV, N 84, 1956, p. 96.

³ Эти приписки, обвиняющие старицкого князя чуть ли не в государственной измене, вряд ли могли быть написаны до его казни даже «в связи с решением царя устроить князя Владимира» (*Н. Е. Андреев, Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного.* — «Труды ОДРЛ», т. XVIII, стр. 148).

⁴ *Д. Н. Альшиц, Указ. соч.*, стр. 268—274.

⁵ Ссылаясь на отсутствие в летописных вставках двух рассказов о князе Иване Шуйском из послания Ивана Грозного, Альшиц объяснил это тем, что они подверглись Курбским осмеянию (РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, стб. 113). Поэтому царь не решился включить их в летопись (*Д. Н. Альшиц, Указ. соч.*, стр. 274—275). Однако свой ответ Курбский до 1579 г. так и не отослал — «аз давно уже на широкоещательный лист твой отписал ти, да не возмогах послати» (РИБ, т. XXXI, стб. 135). Следовательно, царь в 60-х годах никак не мог «реагировать» на не полученное им послание князя Андрея.

Приписки к Лицевому своду XVI в. (Синодальный список.)

централизаторской политики Ивана IV. Это в основном летописи новгородского или псковского происхождения. В 1567 г. игумен Псковско-Печерского монастыря Корнилий дополнил и обработал свод 1547 г.¹ Составитель нового свода выступает как лицо, враждебно относящееся к московской власти. В духе обличения писал он о деятельности Ивана Грозного, а присоединение Пскова к Москве рассматривал как акт прямого насилия². Как известно, Корнилий принадлежал к числу монахов нестяжательского толка, был близок к Андрею Курбскому и в 1570 г. казнен Иваном Грозным³.

Новгородское летописание к концу XVI в. мельчает и как исторический источник теряет свое значение. К 80-м годам XVI в. относятся последние записи в так называемой Новгородской второй летописи⁴. Наибольший интерес представляет рассказ о походе Ивана IV 1570 г., в котором обстоятельно описан разгром Новгорода. Составлен летописец, очевидно, в канцелярии новгородского архиепископа⁵. Сухой перечень сведений, относящихся к деятельности новгородских епископов и архиепископов, содержит Краткий летописец новгородских владык, составленный, очевидно, в конце XV в. и пополнявшийся на протяжении XVI в.⁶ Материалы о церковной истории Новгорода XV—XVII вв. находятся в так называемом «Летописце новгородском вкратце, церквам Божиим...»⁷. В его

¹ Свод Корнилия 1567 г. (Псковская III летопись) издан А. Н. Насоновым («Псковские летописи», вып. 2, М., 1955, стр. 78—250).

² А. Н. Насонов, Из истории псковского летописания.— «Исторические записки», кн. 18, 1946, стр. 264—268; Н. Н. Масленникова, Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству, Л., 1955, стр. 167—177.

³ Н. Е. Андреев стремится Корнилия представить правоверным осифлянином. Но это противоречит всем фактам, свидетельствующим о позиции Печерского монастыря в годы опричнины (N. Andreyev, The Pskov-Pechery Monastery in the 16-th Century.— «The Slavonic and East European Review», vol. XXVI, N 99, 1954, p. 326).

⁴ «Новгородские летописи», СПб., 1879, стр. 1—122.

⁵ Аналогичен по составу и отрывок из новгородских летописей, охватывающих события 1510—1569 гг. («Новгородские летописи», стр. 123—129).

⁶ Там же, стр. 130—171.

⁷ Там же, стр. 172—390.

же составе дошел ряд повестей (в том числе Повесть о приходе Ивана IV в Новгород в 1570 г.).

О бурных событиях этих лет сохранились отдельные краткие записи, сделанные, вероятно, в Кириллово монастыре¹. Волоколамский летописчик Игнатий Зайцев сообщает о московском пожаре 1571 г. и о «море» 1568—1571 гг.² Велись краткие летописные заметки и в Соловцком монастыре, в них внесены сведения о смерти Владимира Старицкого, судьбе его семейства, Ливонской войне и т. п.³

Отдельные отголоски опричнины слышатся в лаконичных сведениях местных летописей — вологодских, великоустюжской и др.⁴ Свежие, хотя и не всегда точные, сведения находятся в Пискаревском летописце и хронографе 1617 г. О последнем из этих памятников мы уже упоминали, начиная историографический обзор.

Уже давно классическим источником по истории опричнины сделались сочинения Ивана Грозного и Андрея Курбского. В настоящее время мы имеем прекрасно выполненную Д. С. Лихачевым и Я. С. Лурье публикацию посланий Ивана Грозного⁵. Следует отметить тщательное выявление Я. С. Лурье рукописной традиции посланий Ивана Грозного Андрею Курбскому и изучение истории текста этих памятников. Сравнительно хорошо Г. З. Кун-

¹ М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники XVI в.—«Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 88—94.

² А. А. Зимин, Краткие летописцы XV—XVI вв.—«Исторический архив», кн. V, 1950, стр. 3—22.

³ М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники.—«Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 217—246. Несколько данных об опричниках есть в «Морозовском летописце», использованном еще Н. М. Карамзиным (ГПБ, FIV, № 228, л. 68 об.—69 об.), и в сходном с ним летописце (ГИМ, Собр. Уварова, № 593, л. 222—223).

⁴ А. А. Тихов, Летопись Великоустюжская, М., 1889; «Вытегодско-Вымская летопись».—«Историко-филологический сборник», вып. IV, Сыктывкар, 1958. На один синодальный летописец, № 364 (ныне — 783), л. 829, 830 и др., ссылается Н. М. Карамзин (*Н. М. Карамзин, История государства Российского*, т. IX, примечание № 321), но при проверке это оказалась позднейшая переделка «Истории о великом князе Московском» Курбского.

⁵ «Послания Ивана Грозного». Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, М.—Л., 1951.

цевичем изданы оригинальные труды Курбского¹, однако принадлежащие Курбскому переводы, снабженные интересными комментариями, еще ждут публикации. Не все, конечно, решены сложные источниковедческие вопросы, касающиеся полемики двух крупнейших публицистов и политических деятелей второй половины XVI в.² Не вполне ясны обстоятельства и время проникновения писем Курбского в рукописную литературу³. Не определена еще степень тенденциозности сведений, содержащихся в трудах обоих полемистов⁴.

Тревожную обстановку кануна опричнины рисует опубликованная М. Н. Тихомировым «Повесть о свершении большия церкви», в которой рассказывается о посещении Иваном Грозным Переяславля-Залесского в 1564 г.⁵

Весьма своеобразную группу источников составляют записки иностранцев. Советские историки много сделали для их изучения. В частности, ими изданы в русском переводе сочинения И. Таубе и Э. Крузе, А. Шлихтинга и

¹ «Сочинения князя Курбского», т. I. Сочинения оригинальные.— РИБ, т. XXXI.

² См. А. А. Зимин, Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — «Труды ОДРЛ», т. XVIII, 1962, стр. 305—308.

³ Недавно Н. Е. Андреев установил, что послания старцу Печерского монастыря написаны Курбским до бегства из России (*N. Andreyev, Kurbsky's Letters to Vasyan Muromtsev. «The Slavonic and East European Review» vol. XXXIII, N 81, 1955, p. 414—436*). Некоторые существенные коррективы к его статье сделаны Р. Г. Скрынниковым.

⁴ Отдельные критические соображения Е. А. Белова, сделанные в адрес Курбского, сохраняют свое значение и в настоящее время, но его вывод о том, что сочинения Курбского — «сплошное вольное и невольное извращение фактов», в такой же мере ошибочен, в какой является заблуждением дифирамб Л. М. Сухогина о «добросовестности» Курбского (см. Е. А. Белов, Предварительные замечания к истории царя Иоанна Васильевича Грозного.— ЖМНП, 1891, № 2, стр. 348—369; *его же*, Об историческом значении русского боярства до конца XVI в.— ЖМНП, 1886, № 2, стр. 270—277; Л. М. Сухогин, Еще к вопросу об опричнине, Белград, 1936, стр. 279; см. также обстоятельную книгу: А. В. Ясинский, Сочинения князя Курбского как исторический материал, Киев, 1889).

⁵ М. Н. Тихомиров, Новый материал об Иване Грозном.— «Труды ОДРЛ», т. XIV, 1958, стр. 247—255.

Г. Штадена, содержащие наиболее ценные рассказы по истории опричнины¹.

Таубе и Крузе — два лифляндских авантюриста, попавшие в плен к Ивану IV во время Ливонской войны в 1560 г. В 1564 г. они были отпущены на свободу, вели от имени царя переговоры с магистром Ливонского ордена Кеттлером и принцем Магнусом, но в декабре 1571 г. изменили царю и бежали в Польшу. Вскоре после этого они написали послание, адресованное польскому гетману Яну Ходкевичу. В своем послании они прилагали все усилия, чтобы завоевать доверие гетмана и оправдаться в «перелетах»; средством для этого и было изображение «ужасных злодеяний» царя московского в опричные (1564—1571) годы. Картинное описание казней, составленное обычно по слухам и рассказам очевидцев, занимает центральное место в послании. Позднее (в 1582 г.) оно было с небольшими изменениями перепечатано в виде отдельной брошюры неким Гоффом².

Померанец Альберт Шлихтинг попал в плен в битве у крепости Озериче (летом 1564 г.). Зная славянский язык, он сделался переводчиком у бельгийского врача Арнольда Лензея. Прожив на Руси около семи лет, он, проведая о грозящей его жизни опасности, осенью 1570 г. бежал в Польшу, где и составил свое «Сказание» (около ноября — декабря 1570 г.)³. Это произведение Шлихтинга широко использовал в 5-й главе веронец Гваньини в своем

¹ «Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе» (далее — *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ соч.). — «Русский исторический журнал», кн. 8, Пг., 1922, стр. 8—59; *Э. Вингер*, Два письма Иоганна Таубе. — «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 140—153; «Новое известие о России времен Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга», Л., 1934; *Г. Штаден*, Указ. соч.

² Об этом см. *А. И. Браудо*, Послание Таубе и Крузе к герцогу Кеттлеру. — ЖМНП, 1890, № 10, стр. 392—393.

³ 23 ноября 1570 г. в донесении аббата Цира уже говорилось о возвращении Шлихтинга из России (*В. Новодворский*, Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). Историко-критическое исследование, СПб., 1904, стр. 5). Дата подтверждается сведениями Шлихтинга о походе Сигизмунда, якобы состоявшемся три года тому назад (прибавив к осени 1567 г. три года, мы получим осень 1570 г.). Шлихтинг сообщает также о подготовлявшейся отправке в Польшу послов Григория Мещерского, князя Ивана Канбарова, Григория Путяты и Олифа (Осифа) Непеи (там же, стр. 59). Послы были

сочинении «Описание Московии»¹, а рассказ Гваньини в переработанном виде лег в основу соответствующей части трактата Павла Одерборна.

Вестфалец Генрих Штаден тоже некоторое время служил при московском дворе. Однако он попал на Русь не военнопленным, а сам в 1564 г. из Риги перебрался в Дерпт, откуда его отправили в Москву. Здесь его пожаловали поместьями и приняли в опричнину. Вместе с царем Иваном он участвовал в Новгородском походе 1570 г. После отмены опричнины Штаден отправился на север и в 1576 г. покинул Россию. Для своего шурина пфальцграфа Георга Ганса в 1577—1578 гг. он и составил «Описание Московии»² и фантастический проект оккупации России.

Несмотря на явную враждебность к Русскому государству, недостоверность многих источников информации, иноземцы — авторы записок — сообщили ценные известия о боярских заговорах (Шлихтинг), о выступлении членов земского собора 1566 г. (Таубе и Крузе), о приказном аппарате (Штаден) и о других фактах³.

Кроме переведенных на русский язык сохранился ряд сочинений иностранцев о России XVI в., не изданных

отправлены 10 января 1571 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 763). Состав посольства идентичен показаниям Шлихтинга, только дьяк назван другой — Петр Прокофьев.

¹ *Alexandri Gvagnini Veronensis, Moscoviae discriptio* «Historia Ruthenicae Scriptorum exteri saeculi XVI», vol. I, Berolini et Petropoli, MDCCXLI, s. 1—48. Об Альберте Шлихтинге и его отношении к Гваньини см. Е. Ф. Шмурло, Россия и Италия, т. 2, вып. 2, СПб, 1913, стр. 249—257.

² Недавно издан новый текст описания Штаденом русского Севера: *W. Niekerken, F. Epstein, W. Kirchner, Eine unbekannte Version der Beschreibung Nordrusslands durch Heinrich von Staden.*—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1960, Bd. 8, Hf. 2, S. 131—148; ср. *R. Seeberg-Elverfeld, Heinrich von Staden im Dienste Revels.*—Там же, 1962, Bd. 10, Hf. 3, S. 317—322.

³ Попытка Л. М. Сухотина отрицать тенденциозность сведений Штадена, Шлихтинга, Таубе и Крузе крайне неудачна (Л. М. Сухотин, Еще к вопросу об опричнине, стр. 279—289). О сочинении Таубе и Крузе см. замечания Е. А. Белова в его статье «Об историческом значении русского боярства до конца XVII в.»—ЖМНП, 1886, № 2, стр. 257—267, 295; см. также А. Н. Ясинский, Сочинения князя Курбского как исторический материал, стр. 165 и след.

в переводе: это Ф. Руджиери (1568)¹, Джерио (1571)², Гваньини (1581), Одерборн (1585)³ и некоторые другие.

Интересные данные о Ливонской войне и боярской крамоле имеются у польских хронистов Мартина Бельского⁴, Матвея Стрыйковского⁵ и прибалтийских историков Рюссова (1578), Геннинга (1595) и Ниенштедта⁶. Отдельные сведения об опричнине сообщают иностранные авторы, писавшие специально о России в 60—90-е годы XVI в.: Р. Барберини (1565)⁷, Рандольф (1568—1569)⁸, Пернштейн⁹, Кобенцель¹⁰, Ульфельд¹¹, Даниил

¹ «Historia Russiae Monumenta», t. I, Petropoli, 1841, s. 207—210. (Датировка в издании ошибочна.)

² «Historia Russiae Monumenta», t. I, s. 213—215; отрывки переведены Карамзиным в «Истории государства Российского», кн. IX, примечание № 329.

³ P. Oederborn, Ioannis Basilidis magni Moscoviae ducis vita. В кн.: «Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI», Vol. II, Berolini et Petropoli, MDCCCXLII, s. 187—272; П. Одерборна широко использовал в своем рассказе о России времени Ивана Грозного Петр Петрей (П. Петрей де Эрлезунда, Подлинное и подробное описание русских государей.— «Чтения ОИДР», 1866, кн. I, отд. IV).

⁴ Marcin Bielski, Kronika, t. II, Sanok, 1896.

⁵ Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi Macieja Strujkowskiego, t. II, Warszawa, 1846.

⁶ «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края» (далее — «Прибалтийский сборник», т. III, Рига, 1880, стр. 155 и след.; т. IV, Рига, 1881, стр. 35, 40 и след. Геннинг (Henning) на русский язык не переведен. «Scriptores Rerum Livonicarum, Bd. II, Riga und Leipzig, 1848, s. 193—368.

⁷ «Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г.».— «Сказания иностранцев о России в XVI—XVII вв.», изд. В. Любич-Романович, СПб., 1843.

⁸ С. М. Середонин, Известия англичан о России во второй половине XVI века.— «Чтения ОИДР», 1884, кн. IV, стр. 91—95.

⁹ «Донесения о Московии Иоанна Пернштейна».— «Чтения ОИДР», 1876, кн. I, стр. 1—20. «Записка Пернштейна» составлена по отчету Кобенцеля 13 марта 1575 г. (Д. Багалей, Записки о Московии Иоанна Пернштейна и принца Данила фон Бухау.— «Сборник сочинений студентов Киевского университета», т. I, вып. 1, 1880, стр. 77—99).

¹⁰ О нем см. Ф. Вержбовский, Донесения Иоанна Кобенцеля о Московии от 1576 г., Варшава, 1901; его же, Посольство Кобенцеля в Москву в 1575—1576 гг., Варшава, 1896.

¹¹ «Путешествие в Московию датского посланника Якова Ульфельдта в 1575 г.».— «Чтения ОИДР», 1883, кн. I, стр. 1—16; кн. II, стр. 17—40; кн. III, стр. 41—56; кн. IV, стр. 57—62.

Принц¹ (последние четверо писали о посольстве 1575—1576 гг.), Горсей², Флетчер³ (1591) и др.⁴

Таков краткий обзор источников по истории опричнины.

¹ «Начало и возвышение Московии». Сочинение Даниила Принца из Бухова.— «Чтения ОИДР», 1876, кн. III, стр. 1—40; кн. IV, стр. 41—75.

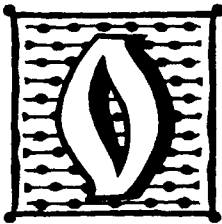
² «Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея», СПб., 1909.

³ Д. Флетчер, О государстве Русском, СПб., 1906; ср. С. М. Середонин, Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник, СПб., 1891.

⁴ См., например, рассказы английских современников о московском пожаре 1571 г. (Н. Стороженко, Материалы для истории России, извлеченные из рукописей Британского музея в Лондоне.— «Чтения ОИДР», 1870, кн. III, стр. III—IV, 6—7); Е. Шмурло, Известия Дживанни Тедадьди о России времен Иоанна Грозного.— ЖМНП, 1891, № 5, стр. 121—146, а также «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», М., 1937; Р. Гейденштейн, Записки о Московской войне (1578—1582), СПб., 1889.

Глава II

ПРЕДГРОЗОВЫЕ ГОДЫ

пала Адашева и Сильвестра в 1560 г. не была только проявлением патологической мнительности царя Ивана, в припадке отчаяния обвинившего своих старых друзей в гибели царицы Анастасии. Уже давно всемогущие временщики ожидали надвигавшейся грозы. Ушедший во время болезни царицы на покой в Кириллов монастырь Сильвестр еще раньше, в 1553—1555 гг., вызвал недовольство Ивана IV своими простарицкими симпатиями, а его близость к нестяжателям и даже в какой-то мере к «еретикам» использовалась «прелукавыми» — осифлянами, чтобы разжечь к нему вражду царя. «Прекословие» Адашева по вопросу о целесообразности Ливонской войны дорого стоило России: получив в 1559 г. благодаря заключению перемирия передышку, ливонские рыцари втянули в конфликт польского короля Сигизмунда II Августа, приняв его протекторат над Ливонией. Безрезультатность широко задуманного похода Даниила Адашева на Крым в 1559 г. могла вызвать только раздражение у своенравного монарха.

Но даже не в личной неприязни царя к деятелям Избранной рады и не в их отдельных просчетах кроется основная причина расхождения Ивана IV со своим ближайшим окружением. Дело заключалось в самом существе

правительственной политики и в тех силах, которые поддерживали Избранную раду и новых друзей Ивана Грозного из числа его свойственников (Романовы-Юрьевы).

В ходе реформы середины века дворянству удалось потеснить феодальную аристократию и добиться некоторого ограничения ее прав и привилегий, уходящих своими корнями во времена удельной раздробленности. Однако два важнейших требования рядовых феодалов не были удовлетворены: речь идет о земле и крестьянах. Вельможная знать не склонна была поступиться своими огромными латифундиями в пользу малоземельной служилой мелкоты. Обладая значительными денежными средствами, князата и бояре легко переманивали к себе крестьян от средних и мелких помещиков, а потому не стремились к скорейшей ликвидации крестьянского выхода.

Кичившаяся своей родовитостью княженецкая аристократия держала в своих руках наиболее доходные и почетные должности в государственном аппарате, суде и армии, а на долю приказного дьячества и служилого дворянства приходилась вся трудоемкая, сопряженная с каждодневными тревогами работа, которая не приносила обычно ни громкой славы, ни баснословных доходов. Потребность дальнейшего наступления на феодальную знать была очевидна и осознавалась такими дальновидными мыслителями, как И. С. Пересветов. Но это наступление могло проводиться только на основе завершения процесса объединения русских земель, ликвидации пережитков удельной раздробленности и утверждения абсолютной власти монарха.

Наиболее мощными форпостами удельной децентрализации в стране были Старицкое княжество и Великий Новгород. Ликвидация старицкого удела была поставлена на повестку дня еще во время малолетства Ивана Грозного, когда в 1537 г. «поимали», т. е. схватили, князя Андрея Ивановича и бросили его в темницу. Князь Андрей умер в заточении. Пришедшие вскоре к власти Шуйские в 1540 г. выпустили на свободу его сына Владимира, которому был возвращен старицкий удел. С князем Владимиром Андреевичем уже в середине XVI в. в определенных кругах княжат и бояр связывались надежды на изменение правительственной политики.

Старицкие князья как единственная реальная сила, могущая противостоять московскому самодержавию, являлись естественными союзниками новгородских помещиков, а также купцов, выражавших недовольство сокращением своих «прибытков» после ликвидации самостоятельности Господина Великого Новгорода. Выступления этих новгородцев в 1537 г. в поддержку князя Андрея, а в 1539 г. — Шуйских были не случайными эпизодами, а серьезным напоминанием московскому правительству, которое впоследствии не забыл Иван Грозный. Если старицкий князь выступал наиболее серьезным кандидатом в преемники Ивана IV, то Новгород являлся самым крупным экономическим соперником Москвы. Еще в 1549 г. Иван IV ликвидировал новгородские рядные грамоты, т. е. привилегии торгово-ремесленного населения Новгорода. Однако новгородские помещики сохраняли свою корпоративную особенность от служилых людей основных русских территорий. В своей массе они происходили из числа боярских послужильцев, испомещенных в землях Великого Новгорода Иваном III. Даже в середине XVI в. они продолжали считаться «помещиками» в отличие от московских, владимирских, переяславских и других детей боярских, владевших своими землями на вотчинном праве. Первая и вторая статьи новгородских помещиков приравнивались соответственно ко второй и третьей статьям детей боярских. В состав государева двора, судя по Дворовой тетради 1551—1560 гг., они не входили вовсе. Служилая и поземельная неполноправность должна была являться источником постоянного недовольства новгородского дворянства в XVI в.

Да и в своем управлении Новгород сохранял отдельные черты былой самостоятельности. Их хорошо показал в своей последней книге М. Н. Тихомиров¹. Новгородские наместники вели полусамостоятельные сношения с Ливонией и Швецией. Большую роль в управлении играл новгородский владыка. Сохранялись еще пятикончанские старосты и другие старые органы новгородской администрации. В Новгороде существовал собственный монетный двор, а выпускавшаяся им «новгородка» была наряду

¹ М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 279—283.

с «московкой» основной денежной единицей Русского государства. События начала XVII в., когда Новгород на время перешел под власть шведов, показали правильность настороженного отношения московского правительства к новгородским вольностям.

Интенсивный рост торгово-денежных связей в стране, приводивший к складыванию предпосылок всероссийского рынка, наталкивался на бесконечное множество феодальных перегородок, являвшихся прямым следствием неизжитости экономической и политической раздробленности. Русские горожане уже в восстаниях середины XVI в. заявили о своих требованиях, с которыми вынуждено было считаться правительство Адашева и Сильвестра. Дело шло в дальнейшем о создании более благоприятных условий для развития городов и торговли. Да и сами гости и другие торговые люди начинают принимать деятельное участие в государственном аппарате, входя в состав дьячества как наиболее осведомленные эксперты по финансовым вопросам. Им поручались ответственные миссии по торговым связям со странами Запада и Востока. Сидя в финансово-административных приказах и беря на откуп сбор податей в отдельных русских землях, они изыскивали способы для пополнения государственной казны. Однако это было лишь только началом — в Боярской думе и земском собрании почти не слышался голос даже наиболее именитых представителей третьего сословия, которых попросту третиговала московская аристократия.

Накануне введения опричнины на положении народных масс начинало уже сказываться перенапряжение сил, вызванное дорогостоящими войнами и перестройкой государственного аппарата. Однако в грядущей схватке с последышами феодальной раздробленности правительство Грозного могло рассчитывать на сочувствие крестьянства: крестьяне люто ненавидели своих господ, как вотчинников, так и помещиков; но, задавленные нуждой, они не могли еще отрешиться от своих наивно-монархических иллюзий. Экономический подъем страны давал в руки московской власти, казалось бы, достаточно ресурсов для проведения активных внешне- и внутривнутриполитических акций. Однако первые признаки спада сказались уже в 50-е годы, когда в северных и центральных уездах появились сначала спо-

радикально, а затем как грозное предзнаменование запустелые дворы и починки.

Сможет ли новое правительство преодолеть эти первые трудности и осуществить надежды, которые возлагали на него разные социальные слои русского общества? Последующие события дали ответ на этот вопрос.

* * *

Конец 1560 г. был ознаменован крупными успехами русской внешней политики. В сентябре 1560 г. в Москву пришли радостные вести о взятии в Ливонии воеводами князьями Иваном Федоровичем Мстиславским и Петром Ивановичем Шуйским городов Полчева и Тарваста¹. Эти победы облегчались продолжавшимися крестьянскими восстаниями в Прибалтике. Восставшие против ливонско-немецких поработителей эстонцы и латыши получали от русских серьезную помощь в борьбе с Орденом и ливонскими помещиками². Развал Ливонского ордена завершился подписанием 28 ноября 1561 г. акта в Вильне о подчинении орденских владений Сигизмунду II Августу, вассалом которого стал последний магистр Ордена Г. Кеттлер. Еще ранее, летом 1561 г., немецкое рыцарство Северной Эстонии присягнуло на верность шведскому королю Эрику XIV. Не рассчитывая на собственные силы в борьбе с крестьянской войной и русскими войсками, немецко-балтийские феодалы пошли на раздел Ливонии между соседними государствами, стремясь их использовать против грозного Московита³.

Летом 1561 г. новый шведский король Эрик XIV заключает перемирие на двадцать лет с московским правительством⁴. Русско-шведское соглашение должно было явиться ступенью в установлении союзнических

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 230; «Псковские летописи» (далее — ПЛ), вып. II, М., 1955, стр. 241.

² См. Я. Я. Зулис, К вопросу о ливонской политике Ивана IV. «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IX, № 2, 1952, стр. 140—141.

³ См. В. Д. Корольюк, Ливонская война, стр. 48—49.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 333; Э, л. 276 об.—277; «Сборник РИО», т. 129, стр. 83—105. Перемирие было подтверждено в 1562 г. («Сборник РИО», т. 129, стр. 106—123).

отношений в борьбе с общим врагом — польским королем.

К началу 60-х годов происходит дальнейшее развитие дружественных связей России с народами Северного Кавказа. В 1560—1561 гг. русские и черкасские войска совершают совместные налеты на Крым, вызвавшие тревогу как в Турции, так и в Польше. Виднейший кабардинский князь Темрюк, присягнувший на верность Русскому государству, уже в 1558 г. прислал в Москву своего сына Салнука (после крещения — Михаила), который уже вскоре стал одним из наиболее близких к Ивану Грозному лиц. Летом 1561 г. Иван IV вступает в брак с дочерью Темрюка Марией¹.

Только с Польшей и Литвой отношения остались враждебными после безрезультатных переговоров в Москве с послами Сигизмунда II Августа (в феврале 1561 г.)².

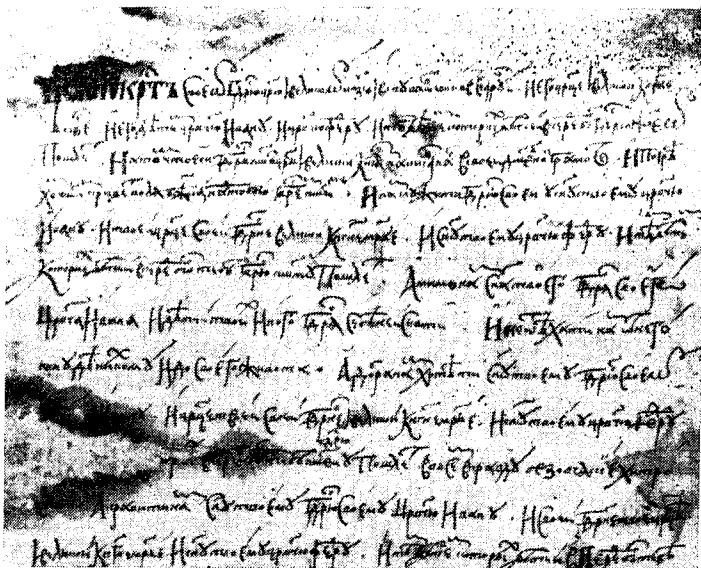
1561 год принес с собой первые предвестники будущей опричнины. Когда в сентябре Иван Грозный отправляется в двухмесячную поездку («объезд») «по селам», оставив в Москве царевича Ивана, то он велел последнему «о всяких делах, о воинских и о земских, во все свое государство... писати грамоты от себя»³. В этом распоряжении можно увидеть и опасение за судьбы престола в случае всяких неожиданностей с царем, и начало пристального изучения дворцового хозяйства, сделавшегося позднее основой опричнины, и хотя временный, но все-таки отход Ивана IV от общегосударственных дел.

Около 1562 г. Иван Грозный написал новую духовную грамоту, в которой определяет порядок престолонаследия и состав регентского совета при его сыне Иване. Регенты И. Ф. Мстиславский, В. М. Юрьев, И. П. Яковлев, Ф. И. Умный-Колычев, Д. Р. Юрьев, А. Телятевский, П. И. Горенский и дьяк Андрей Васильев приняли присягу

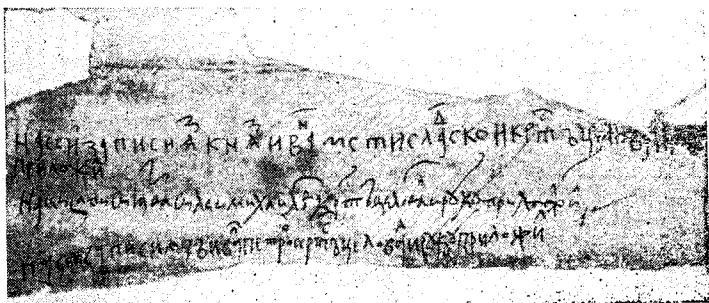
¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 333; подробнее см. *Е. Н. Кушева*, Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.— «Исторические записки», кн. 34, 1950, стр. 272—273.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 331; «Сборник РИО», т. 71, стр. 23—46.

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 339.

Крестоцеловальная запись членов регентского
 совета 1562 г. (начало).
 Центральный государственный архив древних актов.

Подписи членов регентского совета 1562 г.
 на обороте крестоцеловальной записки (фрагмент).
 Центральный государственный архив древних актов.

на верность царю¹. Все это наиболее доверенные лица царя. Двое из них возглавляли государев дворец: это дворецкий Д. Р. Юрьев и кравчий П. И. Горещский². Последний вместе с Иваном Петровичем Яковлевым во время Полоцкого похода конца 1562 — начала 1563 г. был дворовым воеводой³. Очень примечательны имена двух будущих опричников — А. П. Телятевского и Ф. И. Умного-Колычева⁴. Первый сравнительно недавно появился при дворе (он служил рындой в походе 1557 г.)⁵. Но уже в 1561 г. он выполнял ответственные поручения царя, про-

¹ СГГид, ч. 1, № 174, стр. 474—475. Крестоцеловальная запись составлена не ранее июля 1561 г. (женитьба Ивана IV на Марье Темрюковне) и не позднее 27 ноября 1564 г., когда умер Д. Р. Юрьев. Издатели датировали запись «около 1561 года». Мы склонны относить ее ко времени после 18 августа 1562 г., когда Андрей Васильев из-за отъезда в Данию Висковатого сделался думным дьяком, главой Посольского приказа (ср. С. А. Белокуров, *О Посольском приказе*, М., 1906, стр. 29). В 1562 г. бояре В. М. Юрьев и Ф. И. Умный как доверенные лица царя принимали присягу поручников по И. Д. Бельскому (СГГид, ч. 1, № 176, стр. 483). Возможно, запись составлена в связи с предстоящим походом Ивана IV на Полоцк.

² Упомянут как кравчий осенью 1564 г. (Э, л. 313). В марте 1564 — феврале 1565 г. — думный дворянин. Царь его держал «близко себя» («Сборник РИО», т. 71, стр. 322). См. С. Б. Веселовский, *Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник*. В кн.: С. Б. Веселовский, *Исследования по истории опричнины*, стр. 375.

³ «Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича. 1563 г.».— «Витебская старина», т. IV, 1885, стр. 38. В записи фамилия «Ивана Петрова», т. е. Ивана Петровича, отсутствует. В 1561—1562 гг. при дворе Ивана Грозного двое бояр носили это имя и отчество: Федоров и Яковлев. Фамилия интересующего нас Ивана Петровича устанавливается путем сличения подписей в крестоцеловальной записи (ЦГАДА, Гос. древлехранение, отд. 3, рубр. II, № 22) с подписями на обороте приговора земского собора 1565 г., где помещено рукоприкладство и Яковлева, и Федорова. Оказывается, что крестоцеловальную запись подписал И. П. Яковлев. Кстати, в обеих грамотах подряд идут три подписи: И. Ф. Мстиславского, В. М. Юрьева и И. П. Яковлева. К тому же в 1561—1562 гг. И. П. Яковлев был дворовым воеводой, т. е. близким лицом к царю, а И. П. Федоров находился в отдалении (об этом см. гл. V).

⁴ О них подробнее см. В. Б. Кобрин, *Состав опричного двора Ивана Грозного*.— «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 76.

⁵ ДРК, стр. 189.

изводи розыск о смерти Адашева в Юрьеве¹. Ф. И. Умный-Колычев начал службу свою сравнительно рано: в июне 1558 г. он уже окольный, а в июле 1561 — боярин².

Присяга шести сподвижников царя вызвана составлением недошедшей до нас духовной грамоты Ивана IV, согласно которой они назначались членами регентского совета («государь... написал нас в своей духовной грамоте»). Регенты обязывались верно служить наследнику престола царевичу Ивану, царице и другим детям царя в соответствии с завещанием и распоряжением царя («по душевной грамоте, такову грамоту ты, государь... написал о розряде своем государю нашему царевичу Ивану»)³. Царь явно боялся повторения мартовских событий 1553 г. и спешил обеспечить трон своему сыну, обезопасив его от возможных притязаний Владимира Старицкого. Назначение регентов из числа ближайших царю лиц дворцового ведомства явилось показателем недоверия Ивана Грозного к Боярской думе в целом.

Начало превентивных мероприятий Ивана Грозного против возможных политических соперников и даже претендентов на московский престол облегалось в старую форму составления крестоцеловальных и поручных записей.

Клятвенные записи с опальных или подозреваемых в крамоле княжат брались уже с начала XVI в. и имели большое политическое значение как действенное средство подчинения феодальной аристократии московскому правительству. В малолетство Ивана Грозного, когда власть находилась в руках феодальной аристократии, да и в годы правления Избранной рады почти никаких записей с княжат и бояр фактически не бралось. Практика взима-

¹ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 43.

² ЦГАДА, ф. Грамоты Коллегии экономии (далее — ГКЭ), Владимир, № 37/1819.

³ Еще во время майского похода 1562 г. (как и в 1561 г.) Иван Грозный на время приказал царевичу Ивану ведать «всякие свои земельские дела» (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 341). 13 октября 1562 г. царевич Иван Иванович писал Исмаилу: «Куды он (т. е. Иван IV) поидет на недруга, яз на его государстве оставяся» («Продолжение Древней Российской Вивлиофики», ч. X, СПб., 1795, стр. 241).

ния поручных и крестоцеловальных по княжатам возобновилась после падения правительства Адашева.

В июле 1561 г., когда в Москве происходили торжества по случаю предстоявшей свадьбы Ивана IV с кабардинской княжной Марией Темрюковной, двоюродный брат царя Василий Михайлович Глинский приносил торжественную присягу на верность Ивану Грозному и «царице» Марии (хотя свадьба состоялась только 21 августа!). Оказывается, что он в чем-то «проступил» перед царем, а поэтому «за свою вину бил челом государю», избрав своим посредником, как это часто бывало, митрополита и освященный собор. В чем состоял проступок Глинского, сказать трудно. Возможно, князь Василий, как и многие в придворной среде, выражал недовольство браком царя с «бусурманкой». Ведь именно со времени этой свадьбы Иван IV начал косо смотреть и на князя А. И. Вортынского¹. Как бы там ни было, но двоюродный брат царя представлял известную опасность для династии и решение взять с него «запись» имело целью обеспечить полную уверенность Грозного в преданности Глинского. Иван IV «для прощения и челобития» митрополита Макария «отдал вину» В. М. Глинскому. Со своей стороны князь обещал «не отъехати» к польскому королю, самостоятельно не вести с ним никаких переговоров и верно служить царю².

Стремясь окончательно обеспечить послушание своего родича, Иван IV возводит его в бояре (в конце 1561—начале 1562 г.)³, тем самым подчеркивая несоизмеримую разницу не только между Глинским и самим государем, но и удельными княжатами. Осенью 1562 г. князя Василия Михайловича мы встречаем третьим в «навысшей раде» (ближней думе), после И. Д. Бельского и И. Ф. Мстиславского, и вторым (после Бельского) в комиссии бояр, ведших переговоры с литовским посольством⁴.

¹ Царь «со свадьбы ж своей на него гнев великой держал» (ЦГАДА, ф. 181, № 365, л. 242).

² СГГД, ч. 1, № 172, стр. 470—473.

³ ДРК, стр. 227.

⁴ «Сборник РИО», т. 71, стр. 74, 85, 91, 93, 99, 197, 245 и др. Впервые в разрядах В. М. Глинский упоминается со званием

В. М. Глинский не был единственным при дворе, кто мог похвастаться родственными связями с царствующим домом. Виднейший боярин князь Иван Дмитриевич Бельский также находился в родстве (правда, отдаленном) с Иваном IV¹. К тому же он породнился с ближайшим царским окружением². Сам Бельский считался служилым князем и владел небольшим уделом, располагавшимся на Волге (город Лух с волостями, Кинешма, Чихачев, Вичуга и др.)³. И. Д. Бельский появляется среди дворовых воевод и первым воеводой Большого полка уже в 1555 г., когда он считается «честью выше» обычных бояр⁴. Вероятно, в 1560 г. И. Д. Бельского переводят на положение боярина⁵. В начале 1562 г. И. Д. Бельский совершает попытку бежать в Литву. Летопись говорит, что он даже «и опасную грамоту у короля взял». В результате в январе 1562 г. князя Ивана посадили «за сторожи», а двух близких к нему детей боярских подвергли торговой казни⁶. С. Б. Веселовский считает, что именно в этом году у Бельского был отнят его удел (г. Лух)⁷.

Впрочем, опала на И. Д. Бельского оказалась кратковременной. В марте — апреле князя «отпустили на пору-

стольника в 1556 г. (ДРК, стр. 182). В 1560 г. он уже воевода правой руки (ДРК, стр. 219). В Дворовой тетради (до начала 1561 г.) он еще помещен среди служилых князей, а не среди бояр.

¹ Он был женат на дочери Вас. Вас. Шуйского, который приходился двоюродным братом Ивану IV по женской линии («Родословная книга...», ч. 1, стр. 27, 48).

² Одна его сестра была замужем за М. Я. Морозовым, а другая — за В. М. Юрьевым.

³ С. Б. Веселовский, Последние уделы в Северо-Восточной Руси.— «Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 116—117.

⁴ ДРК, стр. 173, 177.

⁵ ДРК, стр. 218. До этого года он только один раз, вероятно по ошибке, назван боярином (там же, стр. 190). Как боярин он упоминается и в феврале 1561 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 26). Сведения Дворовой тетради, к сожалению, не проясняют вопроса о времени перехода И. Д. Бельского на положение боярина. Он помещен первым и среди бояр, и среди служилых князей с пометой «боярин». Во всяком случае из этого вытекает, что до 1561 г., когда прекращалось пополнение тетради, Бельский стал уже боярином.

⁶ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 339—340.

⁷ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 121.

ки», взяв по нем записи. Две поручные датируются 20 марта 1562 г.¹ Первая из них содержит обязательство поручителей уплатить 10 тысяч рублей в случае бегства Бельского за рубеж. Ручались за князя Ивана шесть бояр, получивших свое звание главным образом в 1560—1562 гг., т. е. пользующихся наибольшим доверием², и 28 дворовых детей боярских из разных районов Русского государства³.

Вторая поручная составлена в тот же день и, вероятно, заменяла первую. Она была близка по формуляру к поручной по князьям Шуйским 1528 г.⁴ и отличалась от первой большей сложностью структуры и содержания. Теперь уже группа дворовых детей боярских в 119 человек (включая старых поручителей) «выручают» И. Д. Бельского у шести уже известных нам бояр, а не поставлены с ними в один ряд. Строго указана материальная ответственность каждого поручителя (в счет уплаты 10 тысяч рублей). В дополнение к двум поручным и сам князь И. Д. Бельский в апреле 1562 г. дал крестоцеловальную запись в верности Ивану IV⁵.

Сложная иерархия поручительства давала возможность правительству персонифицировать ответственность за побег выручаемого лица. В первую очередь за него отвечали члены Боярской думы. Однако увеличение поручителей из числа дворовых детей боярских ставило под контроль деятельность и самого Бельского, и боярских гарантов. Так, в первых поручных записях 1561—1562 гг. проявились характерные черты дальнейшей (уже опричной) политики: реформа проводилась под флагом возврата к старине, хотя имела совершенно иное содержание. Основную опасность Иван IV усматривал со стороны возможных претендентов на московскую корону.

¹ СГГид, ч. 1, № 175, 176, стр. 475—483.

² П. И. Микулинский, Ю. И. Кашин, М. П. Репнин, В. В. Морозов, И. М. Троекуров, И. П. Звенигородский.

³ В том числе: один служилый князь, один стародубский, по два сына боярских из Коломны, Козельска, Каширы и Рязани, по одному из Владимира, Костромы, Можайска, Мосальска, Переяславля и Углича, по четыре из Москвы и Дмитрова.

⁴ СГГид, ч. 1, № 156, стр. 430.

⁵ Там же, стр. 484.

Взятие поручных записей было только одним из средств ограничения полновластия княжат и слуг. Другим средством осуществления той же цели являлось сужение их суверенных прав на земельные владения — основу их экономического и политического могущества. Приговором 15 января 1562 г. ярославским, стародубским и другим служилым князьям запрещалось продавать, менять и отдавать в приданое «вотчины их старинные» под угрозой их конфискации¹. Выморочные вотчины всех княжат отписываются отныне на государя, как было раньше, лишь в случае смерти удельных князей. Наследование их ближних родственников по завещанию владельца ставилось под контроль царя, который, «посмотря по вотчине и по духовной и по службе, кому которую вотчину напишет», учинит указ². Случалось, что княжата умирали, оставив после себя многочисленные долги. Правительство отныне брало уплату больших долгов («долг великой») на себя, но отписывало в казну вотчину такого сильно одолажавшего князя (конечно, в случае отсутствия у него прямых наследников).

Вторая часть приговора 1562 г. формально лишь подтверждала и развивала уложения Василия III и приговор 11 мая 1551 г., запрещавшие продажу княженецких земель иногородцам. Вотчины, купленные иногородцами без доклада царю за 15—20 лет в Твери, Торжке, Ярославле, Рязани, на Белоозере и в Романове, безденежно отписывались на государя³.

В отличие от приговора 1551 г. в законе 1562 г. ни слова не говорилось о запрещении княжатам делать вклады в монастыри без царского доклада⁴. Именно этим

¹ «Памятники русского права», вып. IV, под ред. Л. В. Черепнина, М., 1956 (далее РП), стр. 529—530.

² Вдовы сохраняли право владения вотчинами до своей смерти. Иван IV летом 1562 г. выдает специальные грамоты матери умершего князя И. В. Пенкова, подтверждавшие переход к ней села Переяславского уезда, принадлежавшего ранее ее сыну («Исторические акты Ярославского Спасского монастыря», изд. И. А. Вахромеевым, т. I, М., 1896, № XXVII—XXIX, стр. 34—38).

³ Вопрос о денежной компенсации за земли, купленные за 5—6 лет (во всяком случае менее 10 лет), подлежал специальному рассмотрению (докладу царю).

⁴ В одной из царских грамот 1578 г. упоминался «указ, как есмь не велели ярославских вотчин в монастыри давати, во

следует объяснить то обстоятельство, что стародубские княжата в годы опричнины смогли сделать большие земельные вклады в Спасо-Ефимьев и Троицкий монастыри. В ряде случаев подобные вклады санкционировались царем.

В мае 1562 г. Иван IV выдал специальную жалованную грамоту Спасо-Каменному монастырю, подтверждающую его право владения селами и деревнями, которые старцы получили по данным и духовным грамотам князей Пенковых¹. В начале 1566 г. власти Кириллова монастыря били челом Ивану IV о сельце Танище с деревнями Белозерского уезда. В 1560/61 г. князь Андрей Иванович Кривоборский эти земли дал «по душе» своего отца. Однако местные власти по государеву указу раздали их в поместья детям боярским. Царь отдал распоряжение после соответствующего досмотра «отказать» (передать) сельцо Танище в монастырь, а помещиков «выслать вон»². Что за «указ» имела в виду царская грамота — остается неясным. Но так или иначе правительство не считалось со своим же запрещением 1551 г. княжатам давать земли «на помин души». Нам известен и еще один пример такого же рода. После смерти вдовы князя Семена Стародубского в силу закона 1562 г. было отписано в январе 1569 г. на государя сельцо Кувезино. Но так как выяснилось, что княгиня успела завещать это село в Симонов монастырь, царь в феврале того же года распорядился передать село симоновским старцам³.

* *
*

Внешнеполитическая обстановка 1562 г. ничего существенно нового не внесла в ход Ливонской войны. Длительные переговоры с прибывшими в марте 1562 г. в рус-

70-м году» (П. А. Садиков, Из истории опричнины.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 78, стр. 294).

¹ «Дополнения к Актам историческим» (далее — ДАИ), т. I, СПб., 1846, № 115, стр. 162—163.

² «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России». Собрал и издал А. Федотов-Чеховский (далее — АГР), т. I, Киев, 1860, № 79, стр. 221.

³ П. А. Садиков, Из истории опричнины.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 34, стр. 232—233.

скую столицу представителями Сигизмунда II Августа вызвали в Москве только раздражение. Создавалось впечатление, что литовская сторона заинтересована лишь в их затяжке, а не в успешном завершении. Стремление польского короля добиться признания своих прав на Ливонию наталкивалось на решительное противодействие Ивана IV¹. Зато летние переговоры России с Данией увенчались заключением 7 августа союзного договора².

В марте 1562 г., когда кончался срок перемирия с Литвой, Иван IV отправил своих воевод И. В. Шереметева, И. М. Воронцова и татарских царевичей воевать «литовские места» у Орши, Дубровы, Копыси, Шклова и Мстиславля. Этот поход ничего, кроме «полона», не дал, но являлся разведкой сил противника. Такую же цель преследовал и набег на Витебск, совершенный в конце мая Курбским из Великих Лук³.

В мае 1562 г. «на свое дело Литовское» выступил сам царь Иван IV⁴. 24 мая он прибыл в Можайск, который сделался сборным пунктом русских войск для похода в Литву. Здесь царь за какую-то провинность посадил в тюрьму князя И. Ф. Гвоздева-Ростовского⁵. На этот раз

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 340; «Сборник РИО», т. 71, стр. 46—67; «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского», № 136—137.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 342—343; ЦГАДА, Датские дела, кн. 1, л. 72 и след.; РИБ, т. XVI, № 20—22, стр. 57—92; «Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, № 108—122 и др.; Г. В. Форстен, Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648), т. I, СПб., 1893, стр. 291; Ю. Шербачев, Два посольства при Иоанне IV Васильевиче.— «Русский вестник», 1887, июль, стр. 99—122; W. Kirchner, A Milestone in European History: the Danish-Russian Treaty of 1565.— «The Slavonic and East European Review», vol. 22, № 59 (American series III, № 2), 1944, p. 39—48.

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 340; ПЛ, вып. II, стр. 243. «Kronika Polska... Macièja Strujkowskiego», т. II, str. 412. Весной 1562 г. в ответ на поход русских войск «литовские люди» приходили к Опочке и «Себежщину вывоевали» (ПЛ, вып. II, стр. 242). Из Орши литовские отряды подходили к окрестностям Смоленска, а из Витебска — к стенам Велижа («Kronika Polska... Macièja Strujkowskiego», т. II, str. 412).

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 341.

⁵ Э, л. 288. Позднее И. Ф. Гвоздев-Ростовский, ставший «гофмаршалом», по приказу Грозного был отравлен (М. Г. Рогинский, Послание И. Таубе и Э. Крузе как исторический источник.— «Русский исторический журнал», кн. 8, Пг., 1922, стр. 54).

царский поход окончился неудачей. Дело в том, что в начале июля получено было известие о появлении под городом Мценском крымского хана Девлет-Гирея. Крымские войска опустошили южные окраины Руси. Судя по информации, полученной в Москве, поход Девлет-Гирея был согласован с польским королем¹. Однако, проведая о крупных соединениях русских войск, сосредоточенных в Можайске и Серпухове, хан, пришедший на Русь «в великой силе» (с ним было лишь 15 тысяч человек), повернул в степи.

Вскоре Московское государство постигли новые неудачи. В июле же пришла весть о том, что известный основатель Запорожской Сечи князь Дмитрий Вишневецкий (некоторое время находившийся на русской службе) «отъехал с Поля з Днепра в Литву к Польскому королю»². Почти одновременно с этими событиями литовские войска перешли в контрнаступление и произвели в августе 1562 г. нападение на русскую пограничную крепость Невель. Во время сражения был ранен русский военачальник Андрей Курбский³. Позже Грозный упрекал князя Андрея, что он с войском в 15 тысяч человек не мог победить четырехтысячного отряда литовцев⁴.

Осенью 1562 г. русские войска были вынуждены лишиться некоторых из тех приобретений, которые они сделали в Прибалтике год тому назад: в сентябре после шестинедельной осады литовские войска во главе с гетманом Николаем Радзивиллом взяли город Тарваст⁵.

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 342; «Archiwum Sanguszków», t. VII, Lwów, 1910, № LXXVI; А. А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, стр. 428.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 343.

³ ПЛ, вып. II, стр. 243; Э, л. 285 об.

⁴ «Послания Ивана Грозного», стр. 56. По сильно преувеличенным данным Мартина Бельского и Матвея Стрыйковского, у русских было 45 тысяч, а у литовцев — 1500 человек («Kronika Marcina Bielskiego», т. II, Sanok, 1856, str. 1152; «Kronika Polska... Maciëja Strujkowskiego», т. II, str. 413; К. Piwarski, Niedoszła wyprawa t. z. Radoszkowska Zygmunta Augusta na Moskwę (Rok 1567—1568).— «Ateneum Wileńskie», г. IX, 1927, str. 261).

⁵ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 339. Царь организовал тщательное расследование причин сдачи Тарваста. В его архиве хранилось: «Дело тарвастское, про Тарвастское взятие, как прихо-

В то же время «литовские люди вывоявали» псковские волости¹.

В сентябре 1562 г. после фактически не состоявшегося похода в Литву Иван IV вернулся в Москву². Летописец сообщает, что через день по возвращении в столицу царь «положил свою опалу на князя Михаила да князя Олександра на Воротынских за их измененные дела»³. Князя Михаила отправили в тюрьму на Белоозеро, а Александра заключают «за сторожи» в Галиче⁴. Удел князей Воротынских (Новосиль, Одоев, Перемышль и доля в Воротынске) ликвидируется. С. Б. Веселовский считал, что эта опала была «вызвана не служебной провинностью князей». Однако ссылка автора на рассказ Курбского, что Михаила Воротынского обвиняли в колдовстве, не может быть принята во внимание, ибо она относится к событиям 1573, а не 1562 г.⁵ Нет никаких данных и в пользу предположения Л. М. Сухотина, считавшего, что опала на Воротынских вызывалась «былой их близостью к Сильвестру и Адашеву», а сами репрессии на княжат произведены были «с согласия думы боярской»⁶.

Летом 1562 г. оба Воротынских находились в полках в Серпухове под верховным (но по существу номинальным) главенством князя Владимира Старицкого. Их недостаточное служебное рвение, вероятно, и показалось подозрительным Ивану IV, особенно в связи с тем, что он «гневался» на Александра Воротынского еще со времени своей женитьбы на Марии Темрюковне. Одиозная фигура Владимира Старицкого также наводила царя на тяжелые для Воротынских размышления. Когда Девлет-Гирей в

дил под Тарвас троетцкой воевода, и сыск детей боярских родства, которые были в Тарвасе во взятье» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 41).

¹ ПЛ., вып. II, стр. 243.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 343—344.

³ Там же, стр. 344. В архиве Посольского приказа еще в 1614 г. хранился «Сыскной список и роспросные речи боярина князя Михаила Ивановича Воротынского людей 71-го году» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 50).

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 344.

⁵ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 114.

⁶ Л. М. Сухотин, Иван Грозный до начала опричнины, Белград, 1940, стр. 81.

июле 1562 г. подошел к Мценску, то в Серпухов к М. И. Воротынскому с царским наказом прибыл Д. И. Хворостинин¹. В наказе, вероятно, содержалось предписание нанести удар по крымским отрядам. И действительно, получив распоряжение царя, воеводы из Серпухова направились к Мценску. Однако крымский хан отошел от города и попытка Воротынских и других воевод «со многими людьми» догнать его не увенчалась успехом². Это скорее всего и было непосредственной причиной опалы Воротынских. Впрочем, Воротынские как удельные княжата представляли большую опасность для царя (одних военных слуг у них насчитывалось несколько тысяч)³.

Виднейший русский военачальник времени Ивана Грозного князь М. И. Воротынский носил почетное звание «слуги» и считался званием выше всех бояр. Он, как и его брат А. И. Воротынский, в разрядах упоминаются с 1543 г.⁴ Впрочем, князь Александр уже в 1560 г. введен в состав Боярской думы⁵, совмещая боярский титул с удельнокняжескими правами.

В апреле 1563 г., через год после снятия опалы с А. И. Воротынского, по нем были взяты поручные записи. Поручные по А. И. Воротынском свидетельствовали о приближении грозовой бури опричных лет. Теперь особую запись дали восемь бояр⁶, причем уже в 15 тысяч рублей (а не в 10 тысяч, как по Бельском), и на такую же сумму — 100 княжат и детей боярских. При этом только половина их была до 1562 г. дворовыми детьми боярскими. Большинство остальных принадлежало уже не к верхам, а к рядовой массе дворянства⁷. Иван Грозный, вероятно, считал, что дворянская мелкота надежнее гаран-

¹ Э, л. 282 об.

² ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 342.

³ РИБ, т. XXXI, стб. 288; см. также С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 113—115, 127—131.

⁴ ДРК, стр. 117. В посольских делах упоминается под 1542 г. («Сборник РИО», т. 59, стр. 147).

⁵ Там же, стр. 217.

⁶ СГГид, ч. 1, № 178, стр. 487. В их числе И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, А. И. Ногтев, Ю. И. Кашич, А. Д. Басманов, Д. И. Немой, И. Я. Чеботов, М. П. Репнин.

⁷ СГГид, ч. 1, № 179. Помещены они в конце перечня поручников.

тирует верную службу опального князя, чем родовитые княжата. Но, простив А. И. Воротынского, царь удела ему не отдал, его старший брат еще продолжал находиться в опале¹.

Весной 1562 г. А. И. Воротынский уже назначается воеводой в полках². В июле боярин И. И. Пронский пожаловался царю на князя Александра, что тот не захотел быть «под ним» в воеводах, а «сказался болен». В записывающем челобитье Воротынский писал: «Мы, холопи твои, живем на твоих государевых службах и в твоих государевых службах и в твоих государевых разрядах. И кому мы, холопи твои, в версту, тебе, государю, известно»³. Вместе с тем князь просил: «Не выдай нас Пронскому князю Ивану, чтобы мы, холопи твои, в вековом позоре не были». Трудно сказать, чего больше в этом документе — низкопоклонства или родового чванства. Иван IV сурово ответил Воротынскому: «Тебе пригоже князя Ивана быти менши. И ты б знал себе меру и на нашей службе был по нашему наказу»⁴. Чем кончилось дело — не известно, но уже вскоре Воротынский постригся в монахи и умер⁵.

Почти одновременно с Воротынскими в опалу попал боярин князь Дмитрий Иванович Курлятев (октябрь 1562 г.), которого «за его изменные дела» вместе с сыном постригли в монахи и заточили в каргопольский монастырь⁶. Непосредственной причиной царского гнева могла быть служебная провинность князя Дмитрия⁷.

¹ В мае 1563 г. Иван IV совершает поездку по землям бывшего Воротынского удела. Он побывал в Оболенске, Калуге, Перемышле, Одоеве, Белеве, Козельске, Воротынске (ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 366—367).

² ДРК, стр. 229.

³ Э, л. 311 об.—312.

⁴ ДРК, стр. 250.

⁵ У С. Б. Веселовского ошибочно местническое дело датируется 1566 г. (*С. Б. Веселовский*, Указ. соч., стр. 114).

⁶ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 344. В Царском архиве находились «отписки о князе Дмитрее Курлятеве, и о княгине и о дочерех его, в Каргополе, в Челмьской монастырь» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 40). Позднее он был удушен (РИБ, т. XXXI, стб. 280).

⁷ В Царском архиве хранилась «грамота княж Дмитреева Курлятева, что ее прислал государь, а писал князь Дмитрей,

Боярский титул братья Дмитрий и рано умерший Константин Курлятевы получили сразу же после прихода к власти Избранной рады — в 1549 г.¹ О том, что именно Алексей Адашев добился назначения в думу Дмитрия Курлятева, позднее (в 1564 г.) с раздражением вспоминал Иван Грозный². Зато восторженную характеристику Дмитрию Курлятеву давал Курбский, называя его «муж совершенный и парочитый в разуме синклит»³. В 1553 г. он, склоняясь к кандидатуре Владимира Старицкого как преемника Ивана Грозного на русском престоле, сказался больным, когда надо было открыто заявить свое мнение⁴. Вероятно, с пострижением Курлятева началась волна опал на соратников Адашева.

Покончив с предполагаемыми виновниками военных неудач, Иван IV начал подготовку к новому походу в Великое княжество Литовское. Поздней осенью 1562 г. была отклонена попытка литовских панов рады добиться посредничества бояр ближней думы (И. Д. Бельского, В. М. Глинского, Д. Р. и В. М. Юрьевых) для продолжения мирных переговоров⁵, и одновременно с этим в ноябре 1562 г. начался поход русских войск во главе с Иваном IV на Полоцк⁶. Направление ударов на этот раз было

что поехал не тою дорогою» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 36). Здесь же находились «духовная князя Дмитрея Курлятева», а также «памяти князя Дмитрея Курлятева и книгини ево старицы Онисьи, всякие, писаны в 7071-м году» (там же, стр. 41, 48).

¹ ДРК, стр. 132, 140. Курлятевы принадлежали к старшей ветви князей Оболенских. У Константина Курлятева было четыре сына: Владимир, Юрий, Василий и Иван, у Дмитрия два: Иван и Роман («Родословная книга...», ч. 1, стр. 213). Последние двое, а также В. К. и Ю. К. Курлятевы входили в состав дворовых детей боярских еще в 50-х годах XVI в. Впрочем, на разрядные должности (до лета 1563 г.) назначался только князь Владимир, но именно он и погиб во время опричнины. Курбский ошибочно считает Владимира сыном Д. И. Курлятева (РИБ, т. XXXI, стб. 280, 305). Вотчина Д. И. Курлятева в Оболенске после опалы к 1571—1572 гг. попала в Новодевичий монастырь (С. А. Шумаков, Сотницы, вып. 3, стр. 29—30).

² «Послания Ивана Грозного», стр. 38.

³ РИБ, т. XXXI, стб. 280.

⁴ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 523.

⁵ Там же, стр. 344—345; «Сборник РИО», т. 71, стр. 88—120.

⁶ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 345.

выбрано весьма удачно: Полоцк являлся ключом к большому водному пути по Западной Двине и трамплином для дальнейшего движения к столице великого княжества — Вильне¹.

15 февраля 1563 г. после трехнедельной осады Полоцк капитулировал². Отзвуком этой большой победы русских войск, как это показал А. А. Новосельский, было успешное завершение в январе 1564 г. крымских переговоров Афанасия Нагого (отправившегося в Крым в апреле 1563 г.): Девлет-Гирей дал шерть (присягу) в верности московскому царю³.

* *
*

Крупное поражение под Полоцком заставило Сигизмунда II Августа принять новую попытку добиться мирного урегулирования отношений с Россией. В результате предварительных переговоров установлено было кратковременное перемирие, продолжавшееся до конца 1563 г.⁴ Однако посольство в Москву Юрия Ходкевича и Михаила Гарабурды (декабрь 1563 — январь 1564 г.) снова не дало никаких результатов: камнем преткновения оставался

¹ В. Д. Корольков, Ливонская война, стр. 55.

² Подробнее о полоцком походе см. «Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича. 1563 г.» — «Витебская старина», т. IV, стр. 27—76; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 345—346; ДРК, стр. 242—244; ПЛ, вып. II, стр. 243—244; «Пискаревский летописец». В кн.: «Материалы по истории СССР», вып. II, М., 1955 (далее — «Пискаревский летописец»), стр. 74—75; Г. В. Форстен, Акты и письма по истории Балтийского вопроса, ч. 1, № 33; Kronika Macieja Strykowskiego, t. II, str. 413—414; K. Piwarski, Op. cit., str. 261—262; R. Mienicki, Egzulanci Poloccy (1563—1580). — «Ateneum Wilenskie», г. IX, 1934, str. 33—35; Kronika Marcina Bielskiego, t. II, Sanok, 1856, str. 1145—1146; «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского», № 152; Г. В. Форстен, Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648), т. I, стр. 327—330, 470.

³ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 10, л. 17 и след.; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 366; А. А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, стр. 19.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 367; «Сборник РИО», т. 71, стр. 121—137; «Книга посольская Метрики...» № 153—157, 159.

вопрос о судьбах Ливонии, на которую обе спорящие стороны решительно предъявляли претензии¹.

В 1563 г. внутриполитическое положение России осложнилось. Волна репрессий против сторонников политики Избранной рады захлестнула когда-то видных деятелей. Еще на пути к Полоцку, остановившись в Невеле (19—20 января), Иван Грозный казнил князя Ивана Шаховского-Ярославского².

5 марта к царю в Великие Луки пришла весть о том, что стародубский наместник и воевода «хотят город сдать». Тотчас же было отдано распоряжение наместника князя Василия Фуникова и Ивана Шишкина, «с женами поймав, отослати к Москве»³. Шишкин происходил из костромских вотчинников Ольговых и приходился дальним родичем Алексея Адашева. Это, конечно, отягчало и без того серьезное обвинение, выдвигавшееся против него. В результате он был казнен вместе с женой и двумя дочерьми⁴. Казнь Шаховского и известие об измене Шишкина могли послужить поводом для опалы на князя

¹ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 374; «Сборник РИО», т. 71, стр. 137—302; «Книга посольская Метрики...», № 164—166.

² РИБ, т. XXXI, стб. 284—285; «Разрядная книга Полоцкого похода...». — «Витебская старина», т. IV, стр. 47; С. Б. Веселовский, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 469. В середине XVI в. среди ярославских княжат было несколько Иванов Шаховских: Иван Тимофеев, Иван Федоров, Иван Большой и Иван Меньшой Яковлевы дети Сомова (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в., стр. 122—123). По синодикам, казнены были Василий и Анна Шаховские. С. Б. Веселовский считает, что речь идет о Василии Юревиче Шаховском.

³ «Разрядная книга Полоцкого похода...». — «Витебская старина», т. IV, 1885, стр. 65—66. Еще в 1561/62 г. Василий Семенович Фуников был послан наместником в Стародуб, а с ним И. Ф. Шишкин «для осадного дела» (ДРК, стр. 230). Тысячник и дворовый сын боярский по Белоозеру Фуников упоминается в качестве воеводы уже осенью 1544 г. (там же, стр. 139). Был он городничим и третьим воеводой в Чебоксарах в 1557 г. (там же, стр. 160, 176). Ничем особенно не примечателен был И. Ф. Шишкин-Ольгов (ср. ДРК, стр. 221), тысячник по Галичу и дворовый сын боярский по Костроме.

⁴ РИБ, т. XXXI, стб. 278. В синодиках упоминаются также Андрей и Петр Шишкины (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 472).

Андрея Курбского, который 8 марта получил назначение «годовать» в далекий Юрьев Ливонский, куда был сослан незадолго до смерти Алексей Адашев.

П. А. Садиков и Р. Г. Скрынников весьма основательно относят к 1563 г. известие о казнях брата Алексея Адашева Даниила с сыном Тархом, тестя Даниила костромича Петра Ивановича Турова, а также Федора, Алексея и Андрея Сатиных (их сестра была замужем за Алексеем Адашевым) ¹.

Но все это было лишь предвестником дальнейшего наступления на силы феодальной реакции. Главный удар Грозный решил нанести по последним уделам ².

Вероятно, и после принесения в 1554 г. торжественного крестоцелования в верности Ивану IV и его детям старший князь сохранял какую-то смутную надежду на приход лучших для него времен, когда он будет увенчан шапкой Мономаха. Во всяком случае на правой кайме плащаницы, пожертвованной в 1560/61 г. его матерью княгиней Ефросинией Троице-Сергиеву монастырю, выткана была надпись, гласившая, что «сии воздух» сделан «повелением благоверного государя князя Владимира Андреевича, внука великого князя Ивана Васильевича, правнука великого князя Василия Васильевича Темного».

¹ РИБ, т. XXXI, стб. 278; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 354—355, 442, 472; П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 14; Р. Г. Скрынников, Курбский и его письма в Псковско-Печерский монастырь.—«Труды ОДРЛ», т. XVIII, стр. 104—105. Алексей, Андрей и Федор Посниковы дети Сатины в середине XVI в. были угличскими детьми боярскими (а первый из них и тысячником). Алексей Посников сын Сатин в 1560 г. был воеводой во Мценске (ДРК, стр. 218—220). Даниил Адашев в последний раз упоминается в разрядах в августе 1560 г., когда он был оставлен в Вильяне вместе с братом Алексеем (ДРК, стр. 225). Курбский сообщает о казни Даниила Адашева и других после известия о гибели Ивана Шишкина: «Потом по летех двух, або трех убиенна благороднии мужие» (РИБ, т. XXXI, стб. 278). Вероятно, два-три года надо отсчитывать не от гибели Шишкина, а от устранения Алексея Адашева от власти, т. е. от 1560 г. Мнение Л. М. Сухотина относительно казни сторонников Адашева в 1561—1562 гг. следует считать неверным (Л. М. Сухотин, Иван Грозный до начала опричнины, стр. 80).

² Удел слабоумного царского брата Юрия, восстановленный в августе 1560 г., перестал существовать в 1563 г.; 24 июня князь Юрий умер (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 329, 372).

Сходная надпись имелась и на плащанице 1564/65 г., пожертвованной в Кирилло-Белозерский монастырь («повелением благоверного князя Владимира Андреевича, внука великого князя Ивана Васильевича») ¹. Напоминая таким образом о своем происхождении от великих князей Василия II и Ивана III, старицкий князь тем самым недвусмысленно заявлял свои права на наследование московским престолом: он, так же как и Иван IV, был внуком Ивана III, а прецедент коронации внука великого князя существовал уже с 1498 г. ²

Еще возвращаясь из Полоцкого похода в марте 1563 г., царь пировал в Старице. 4 мая умер полуторамесячный сын Марии Темрюковны царевич Василий. Сразу же после этого Грозный направился в Оболенск, Калугу, Перемышль, Одоев, Белев, Козельск и Воротынский, т. е. в бывшие удельные земли Воротынских и Оболенских княжат, и в свои дворцовые села, находившиеся «в тех городах» ³. Затем, с конца мая до середины июля, Грозный находился в Слободе ⁴.

Буря разразилась вскоре, уже в июне, когда царь «положил был гнев свой» на княгиню Ефросинию Стариц-

¹ Н. А. Малцова, Мастерская художественного шитья князей Старицких.— «Сообщения Загорского госуд. историко-художественного музея-заповедника», вып. 3, Загорск, 1960, стр. 51, 56.

² Интересно, что в том же, 1560/61 г., когда была изготовлена троичная плащаница, другой «воздух» из мастерской княгини Ефросинии был передан в московский кафедральный Успенский собор (Н. А. Малцова, Указ. соч., стр. 49). Здесь уже в надписи властолюбивая княгиня не решилась напомнить о родстве ее сына с московским великокняжеским домом. В более поздних покровках 1578 и 1581 гг. подчеркивался удельный характер власти старицкого князя: «Княжа Владимира Андреевича княгини... удельная» (там же, стр. 62, ср. стр. 61).

³ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 365—367. И. И. Полосин склонен связывать эту, по его определению, «военно-инструкторскую поездку Ивана IV по западной окраине Замосковья» с Полоцким походом 1563 г. и ограничивать ее военными задачами Русского государства (И. И. Полосин, Споры об «опричнине» на польских сеймах XVI века (1569—1582). В кн.: И. И. Полосин, Социально-политическая история России XVI—начала XVII в., стр. 162). Это, конечно, очень односторонне.

⁴ Сюда 26 мая и в июне дьяк Посольской избы А. Васильев привозил важные документы Царского архива («Описи Царского архива XVI века...»), стр. 35—36. В издании опечатка: июнь 7079, в рукописи — июнь 7071).

кую и ее сына Владимира. Поводом была жалоба дьяка Савлука Иванова на то, что «княгиня Ефросиния и сын ее князь Володимер многие неправды ко царю и великому князю чинят и того для держат его скована в тюрьме». Царь Иван вилял извету дьяка и «положил был гнев свой» на Ефросинью, а 5 августа даже насильно постриг ее в монахини¹. Опале на некоторое время подвергся и князь Владимир Андреевич Старицкий. Наиболее преданные князю Владимиру бояре, дети боярские и дьяки переведены были в государев двор, а к старицкому князю представлены царские бояре и дворовые люди². Смена ближайшего окружения старицкого князя была проведена не впервые. Еще в 1541 г., после того как правительство выпустило князя Владимира из темницы, оно возвратило ему удел, заменив, однако, бояр и дворян его отца, скомпрометировавших себя во время открытого столкновения старицкого князя с Москвой в 1537 г.³ Именно поэтому в крестоцеловальной записи 1554 г. князь Владимир обязался «без бояр... никоторого дела не делати», не мстить им ни за какие их проступки и не сгонять их с вотчин⁴. И так,

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 368. Официальная версия о пострижении Ефросинии («по своему хотению») и смене бояр дана в посольских делах («Сборник РИО», т. 71, стр. 466—467). Материалы, касающиеся опалы княгини Ефросинии Старицкой и ее сына Владимира, хранились в Царском архиве: «Отпуск на Белоозеро, в Воскресенской монастырь княж Одреевы Ивановича княгини, во иноцех Евдокеи, о обиходе, как быти ей на Белоозере; и отписка, как государь со старицы Евдокеи и сына ее со князя Володимера Одреевича сердца сложил» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 40).

² «У князя Володимера Одреевича повеле государь быти своим бояром и дьяком и столником и всяким приказным людем... Бояр же его, и дьяков, и детей боярских, которые при нем близко жили, взял государь в свое имя и пожаловал их, которой же которого чину достоин» (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 368). В описи Царского архива находились «списки — имена детей боярских, которые приехали от князя Володимера Одреевича и которых царь и великий князь взял у князя Володимера Одреевича в свое имя» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 39).

³ Иван IV велел у князя Владимира «быти бояром иным и дворецкому и детем боярским, дворовым не отцовским» (ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 135, 140).

⁴ СГГид, ч. 1, № 168, 169.

«перебор» личного состава старицкого двора должен был обеспечить промосковскую политику князя Владимира или во всяком случае поставить его под неусыпный контроль московской администрации. В разгар опалы на князя Владимира Иван IV 20 июня 1563 г. «во княз Володимире деле Ондреевича» затребовал к себе материалы, касающиеся побега князя Семена Ростовского, наиболее рьяного защитника кандидатуры старицкого князя во время мартовских событий 1553 г.¹ Старица все время продолжала находиться под бдительным надзором. В сентябре — октябре 1563 г. царь снова ездил в старицкие, верейские и вышгородские дворцовые села². Вскоре после этого, в ноябре 1563 г., он выменял у князя Владимира г. Вышгород с уездом и ряд волостей в Можайском уезде, отдав ему взамен г. Романов на Волге³. По С. Б. Веселовскому, «эта мена имела исключительно хозяйственное значение и для князя Владимира была вполне безобидной»⁴. Более прав, по-видимому, П. А. Садиков, считавший, что уже с 1563 г. Иван Грозный начал готовиться к продолжению государственных реформ. Ежегодные поездки на богомолье и «потехи» могли использоваться царем для изучения организации удельного управления, опыт которого он использовал в недалеком будущем. С этим же замыслом как-то связывается и начало обмена землями с Владимиром Старицким⁵.

По данным С. М. Каштанова, и в иммунитетной политике правительства перелом наступает в 1563 г., когда начинается увеличение податных привилегий монастырей⁶. К этому году относят крупный поворот в политике Ивана IV и иностранные наблюдатели⁷. Неожиданная

¹ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 35.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 370.

³ Там же, стр. 372. О судьбах Вышгорода в XVI в. см. В. Б. Кобрин, Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.). — «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина», вып. 25, М., 1962, стр. 304—305.

⁴ С. Б. Веселовский, Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — «Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 108.

⁵ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 15.

⁶ ИРЦ, вып. IV, стр. 166.

⁷ А. Шлихтинг писал, что Иван IV после взятия Полоцка «начал замышлять, как ему уничтожить своих приближенных,

смерть царевича Василия также могла только вызвать в царе лишь новое раздражение против тех, кто высказывал недовольство царицей Марией и ее родней. Один русский летописец сообщает под 1562/63 г. (после рассказа об опале на Воротынских), что Иван Грозный «на бояр своих на многих и на детей боярских на многих опалы свои тяжкие положил грех ради наших»¹.

С этими наблюдениями можно сопоставить и сдвиги в составе Боярской думы в предопричные годы². К концу 1560 г. в ней насчитывалось 55 человек: 37 бояр и 18 окольничих. Накануне введения опричнины, т. е. в конце 1564 г., в думе было уже только 42 человека (33 боярина и 9 окольничих). Сокращение числа думных людей особенно заметно в 1563—1564 гг., когда из думы вышло 13 бояр и 4 окольничих, а прибыл всего один боярин (и то из окольничих). Боярами в начале 60-х годов сделались будущие опричники Ф. И. Умный-Колычев, Л. А. Салтыков, а окольничими — позднейший опричник З. И. Очин-Плещеев и И. М. Хворостинин (отец четырех опричников, умерший около 1564 г.).

1564 год начался тревожно. Возобновившиеся после длительной подготовки похода на Ригу военные действия с Литвой принесли уже вскоре первые серьезные неудачи³. Русские воеводы задумали смелый план обхода литовских войск гетмана Радзивилла, находившихся в районе Лукомля. Для этого армия в 17—18 тысяч человек во главе с командовавшим всеми русскими войсками, расположенными у западной границы, князем П. И. Шуйским должна была выйти из Полоцка и соединиться под Оршей в селе Боране («на Друцких полях») с армией князей В. С. и П. С. Серебряных, шедшей из Вязьмы. Затем соединенное войско должно было двигаться на Минск и Новогрудок. Князья Серебряные прибыли к месту встречи в назначенный срок. Иначе сложилась судьба армии

а особенно тех из них, кто отличался знатностью и древностью рода» (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 16).

¹ ЦГАДА, ф. 181, № 365, л. 242 об.

² См. А. А. Зимин, Состав Боярской думы в XV—XVI веках.— «Археологический ежегодник за 1957 год», М., 1958, стр. 69—72.

³ О подготовке похода Ивана IV на Ригу сообщает в письме от 24 ноября 1563 г. Иоганн Таубе (Э. Вингер, Два письма Иоганна Таубе.— «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 151).

Шуйского. На нее направили основной удар литовские главнокомандующие Николай Радзивилл и Григорий Ходкевич. 26 января на р. Уле (неподалеку от Полоцка) литовские войска нанесли тяжелое поражение русской армии. Сам П. И. Шуйский был убит. В плен попали воевода Захарий Плещеев и 700 человек «больших дворян и детей боярских»¹. Узнав о том, что Шуйский разбит, войска князей Серебряных после опустожительных набегов на мстиславские, кричевские, могилевские и шкловские места 9 февраля вернулись в Смоленскую Украину².

Как это часто бывало в предопричные и опричные годы, известие о военных неудачах, полученное в Москве, послужило сигналом для новых репрессий. 30 января 1564 г. были казнены князья Юрий Иванович Кашин (боярин с 1555 г.), князь Михаил Петрович Репнин (боярин с 1559 г.)³.

По широко известному рассказу Курбского, князя Михаила Репнина убили за то, что он отказался надеть «машкару» (потешную маску). Возможно, вместе с Репниным и Кашиным был казнен и третий представитель оболенских княжат — Дмитрий Федорович Овчинин (сын воеводы Ф. В. Овчины Телепнева, попавшего в плен в 1534 г., и племянник Ивана Телепнева, фаворита Елены

¹ Среди взятых в плен были дворовые дети боярские или их родственники: Воин Истомино сын Ржевский (Дорогобуж), Алфер Васильев сын Федцов, Афанасий Васильев сын Чихачев (Псков), Иван Афанасьев сын Арцыбашев (Новгород), новоторжец Дмитрий Кашкарев («Акты, относящиеся к истории Западной России» (далее — АЗР), т. III, СПб., 1848, № 35, стр. 134).

² ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 377—378; ПД, вып. II, стр. 245; «Пискаревский летописец», стр. 76; ДРК, стр. 242—243; «Письмо гетмана литовского Радзивилла о победе при Уле. 1564 г.» — «Чтения ОИДР», 1847, кн. III, № 3, стр. 1—18; Archiwum Sanguszków t. VII, N LXXXV; Kronika Polska... Macieja Strykowskiego, t. II, str. 414—415; Kronika Marcina Bielskiego. t. II, str. 1153; K. Piwarski, Op. cit., стр. 262—263; «Акты Копенгагенского архива», вып. 1, 1326—1569. — «Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, № 128, стр. 221—222; Г. В. Форстен, Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648), т. I, стр. 478.

³ РИБ, т. XXXI, стб. 278—279; «Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре...», М., 1880, стр. 18; С. Б. Веселовский, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 352—353, 433.

Глинской). По слухам, он заплатился жизнью за то, что попрекнул царского любимца Федора Басманова «нечестным деянием, которое тот обычно творил с тираном»¹. Подозрительной могла показаться царю и близость Оболенских к опальным князьям Воротынским. Около 1563/64 г. попал в опалу и казнен виднейший из стародубских княжат (боярин с 1559 г.) Дмитрий Иванович Хилков².

Трудно сказать, связаны ли все эти казни непосредственно с поражением на Уле, но в силу обостренного воображения царя всякие противодействия его воле рассматривались как крамола.

Вероятно, за поражение под Улой заплатился смертью Никита Васильевич Шереметев (с 1557 г. окольный, а через год уже боярин)³. Будучи в 1562—1563 гг. смоленским наместником, он вместе с другими воеводами отвечал за успех и неудачу военных действий с Литвой; к тому же глава русских войск под Улой П. И. Шуйский должен был идти к Орше вместе со смоленским и вяземским воеводами⁴. Казнь Никиты Шереметева повлекла за собой опалу его старшего брата — Ивана Большого,

¹ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 16—17; РИБ, т. XXXI, стб. 278; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 421. Последний раз Д. Ф. Овчинин упомянут в разрядах летом 1563 г., причем в одном полку с М. П. Репниным (ДРК, стр. 242). Сестра его была замужем за князем В. И. Воротынским (АГР, т. I, № 71, стр. 165). У Овчинина было поместье в Коломенском уезде (ПКМГ, ч. 1, отд. I, стр. 336).

² РИБ, т. XXXI, стб. 282; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 438. Последний раз в источниках упоминается как Юрьевский наместник в 1562 г. В 1563/64 г. уже составлялись отписные книги на его вотчины (ДиДГ, стр. 423).

³ Сообщение Пискаревского летописца о том, что Никиту Шереметева заколол холоп князя Татеева во время московского пожара 1571 г., очевидная ошибка («Пискаревский летописец», стр. 80).

⁴ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 373. Н. В. Шереметев упомянут как смоленский наместник в середине 1562 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 48). В грамоте царя 18 июня 1563 г. в Смоленске назван лишь один боярин М. Я. Морозов, но ранее сообщалось, что грамота посылалась ему и Шереметеву. В разряде 1563 г. говорилось, что царь расписал воевод по «годовым службам», причем Н. В. Шереметева назначили вторым наместником в Смоленск со «стретенья дня», т. е. со 2 февраля 1563 г. (ДРК, стр. 238; «Витебская старина», т. IV, 1885, стр. 69).

боярина с 1549 г. Этот крупный воевода имел несчастье разделять внешнеполитические взгляды Адашева, т. е. был сторонником борьбы с Крымом, а не с Литвой¹. Правда, в событиях 1553 г. он поддержал кандидатуру царевича Дмитрия, выдвинутую Иваном IV. Но прошлые заслуги мало помогли Шереметеву, как не спасли они и Адашева.

8 марта 1564 г. по Иване Большом Шереметеве (он еще до этого некоторое время находился в темнице) взята была поручная грамота, «что ему... не отъехать в Литву, ни в Крым». Порука была двустепенная: первую грамоту (с обязательством в 10 тысяч рублей) дали бояре И. П. Федоров, Я. А. Салтыков, И. В. Шереметев Меньшой, окольный А. А. Бутурлин, а также Н. И. Чулков, В. И. Наумов, И. А. и Ф. И. Бутурлины, Ф. И. Салтыков и В. В. Лошкин-Карпов². За этих лиц в свою очередь ручались 85 детей боярских (в той же сумме)³. Уже летом 1564 г. И. В. Шереметев Большой назначен воеводой правой руки в Калугу⁴, т. е. опала с него как будто была снята.

Казни Дмитрия Овчинина и других вельмож понудили бояр и митрополита обратиться к царю с просьбой «воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка». После этого Иван IV, говоря словами Шлихтинга, «в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии»⁵.

Но не только старицкий князь и его потенциальные сторонники из числа деятелей Избранной рады представлялись Ивану IV серьезной государственной опасностью.

¹ В наказе, данном в апреле 1563 г. русскому послу в Крым Афанасию Нагому, говорилось: «Которые, господине, люди ближние при государе: Иван Шереметев, Алексей Адашев, Иван Михайлович и иные люди государя нашего — с царем ссорили, и государь ради того сыскал и опалу свою на них положил» (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 10, л. 98). Об Иване Шереметеве не раз с глубоким уважением отзывался Курбский (РИБ, т. XXXI, стб. 219, 295—296).

² СГГид, ч. 1, № 180, стр. 496.

³ СГГид, ч. 1, № 181, стр. 497.

⁴ ДРК, стр. 247.

⁵ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 18.

Великий Новгород с его пережитками удельных вольностей казался все еще непокорным соперником Москве. Фактическим главой Новгородской республики в свое время был наряду с боярским советом архиепископ. Поэтому ликвидация земельного могущества новгородского боярства уже в конце XV в. сопровождалась секуляризацией земель «дома св. Софии». Однако политические позиции и идеологический престиж новгородского владыки, второго по значению церковного иерарха на Руси, и в XVI в. были очень прочными. Еще в конце XV в. при архиепископе Геннадии, инициаторе разгрома ереси, создается «Повесть о белом клобуке», согласно которой новгородский архиепископ рассматривался главой русской церкви.

Эти цезарепапистские тенденции главы новгородской церкви столкнулись с решительным противодействием московского правительства. Редко кто из новгородских владык спокойно доживал свой век на архиепископской кафедре. После открытого сопротивления секуляризационным проектам Ивана III на соборе 1503 г. был сведен с престола Геннадий. Его преемник Серапион низвергается за отлучение от церкви союзника Василия III Иосифа Волоцкого (1509 г.). 17 лет в Новгороде вовсе не было архиепископа. Только Макарию удалось заслужить благосклонность московской власти и сделаться даже митрополитом. Зато его преемник осифлянин Феодосий после Стоглава, как ярый противник правительственной программы церковных реформ, вынужден был покинуть архиепископский престол уже в 1551 г.¹ Назначение Пимена (с 1552 г.), вероятно, произошло не без прямого влияния Сильвестра: новый владыка происходил из среды кирилло-белозерских старцев, к которым особенно благоволил благовещенский протопоп. Падение Сильвестра поколебало расположение царя к Пимену. Еще в январе 1562 г. новгородский архиепископ, приехав в Москву, «чаял себе великой опалы», но «государь его помиловал, держав у себя много, и отпустил с любовию»².

¹ Об этом см. *М. Н. Тихомиров*, Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 48.

² ЦГАДА, ф. 181, № 365, л. 242. Это событие, возможно, находится в какой-то еще не совсем понятной связи с ликвида-

Вскоре полунезависимому положению новгородского владыки пришел конец. В феврале 1564 г. на заседании освященного собора и Боярской думы принимается решение о белом клобуке. Новгородская легенда получает московскую санкцию, но с весьма серьезными коррективами. Отныне белый клобук как знак высшей церковной власти должен был носить не только новгородский архиепископ, но и московский митрополит. В «утвержденной грамоте» специально подчеркивалось, что белый клобук не новгородское нововведение, а что его носили еще основатели московской митрополии Петр и Алексей. Другая привилегия новгородского архиепископа также ликвидируется: теперь печати красного воска к грамотам могли привешивать не только глава новгородской церкви, но и митрополит, и казанский архиепископ. Причем новое изобретение и надпись на митрополичьей печати утверждаются соборным решением. Так на церковном соборе московское правительство добилось правовой санкции подчинения новгородского архиепископа митрополиту всея Руси¹.

Правительственные мероприятия начала 1564 г. не только не задержали надвигавшиеся события, но их ускорили.

В ночь на 30 апреля 1564 г. в Литву бежал наместник Юрьева Ливонского князь Андрей Михайлович Курбский, крупный военачальник, боярин с 1556 г.²

цией летом 1562 г. наместничества в Новгороде (см. об этом главу VII). Наместничество, возможно, представлялось правительству институтом, усиливающим местную обособленность Новгорода.

¹ Р. Г. Скрынников видит в приговоре 1564 г. как бы уступку церкви, сделанную правительством Грозного в ответ на недовольство высшего духовенства начавшимися репрессиями («Труды ОДРЛ», т. XVIII, стр. 106—107). Однако никаких фактов этого «недовольства» автор не приводит. Его утверждение о том, что уложение о белом клобуке не носило характера «специально антиновгородской меры», так как Пимен «неизменно» пользовался расположением царя (там же, стр. 107), противоречит приведенной выше летописной записи 1562 г.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 383; «Прибалтийский сборник», кн. III, Рига, 1880, стр. 36. Sitzungsberichte den Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1897, Riga, 1898, str. 72. Г. З. Кунцевич, Акт Литовской

Непосредственным поводом для этого послужило полученное Курбским известие о готовящейся расправе с ним¹.

Польский хронист Мартин Бельский вслед за Гваньини объясняет бегство Курбского за рубеж тем, что он устрасился кары за неудачу под Невелем. Однако уже А. Н. Ясинский справедливо усумнился в достоверности этого рассказа². Сейчас трудно сказать, в какой степени побег был подготовлен сношениями Курбского с литовскими властями в Ливонии³. Во всяком случае польский король стремился всячески привлечь на свою сторону прославленного полководца⁴.

Пламенный поборник всех начинаний Избранной рады, личный друг семьи Адашевых⁵, Курбский уже давно ждал трагической развязки его конфликта с Иваном IV. В своих посланиях старцу Псковско-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву, написанных, как показали последние исследования Н. Е. Андреева, до бегства князя Андрея за рубеж⁶, он дал очень резкую критику

метрики о бегстве князя А. М. Курбского.— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XIX, кн. 2, 1914, стр. 281—285.

¹ «И учал государю нашему Курбской делати изменные дела, и государь был его хотел понаказати, и он, узнав свои изменные дела, и государю нашему изменил» («Сборник РИО», т. 71, стр. 321; ср. стр. 467—468, а также «Послания Ивана Грозного», стр. 10—12).

² А. Н. Ясинский, Сочинения князя Курбского как исторический материал, Киев, 1889, стр. 63—64.

³ А. Н. Ясинский категорически отрицает существование таких сношений (А. Н. Ясинский, Указ. соч., стр. 74). Р. Г. Скрынников считает, что если какие-либо переговоры и были, то не ранее начала 1564 г. («Труды ОДРЛ», т. XVIII, стр. 111—112).

⁴ В Юрьев ему посылали «закрытые листы» Сигизмунд II и Радзивилл («Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни», т. II, Киев, 1849, стр. 193); Курбский позднее писал, что прибыл в Литву, «получив королевскую охранительную грамоту» («Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни», т. I, Киев, 1849, стр. 233).

⁵ Еще в 1563 г. Курбский незадолго до гибели П. Турова (тестя Д. Адашева) посетил его в Москве (РИБ, т. XXXI, стб. 278).

⁶ N. Andreyev, Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev.— «The Slavonic and East European Review», vol. XXIII, N 81, 1955, p. 414—436. По мнению Р. Г. Скрынникова, второе послание Муромцеву

нового поворота политики Ивана Грозного. Мрачный тон этих произведений во многом объясняется тревогами Курбского за свое будущее, «понеже паки напасти и беды от Вавилона (читай: от Ивана IV.— А. З.) на нас кипети многи начинают»¹. Курбский бичует не только своих старинных врагов из осифлянской среды, но и весь политический строй современной ему Руси. Он писал «о нерадении же державы и кривине суда и о несытьстве граблении чюжих имений». Где тот святитель, восклицает он, который «возпрети царю или властелем о законопреступных... где лики пророк, обличающих неправедных царей?»². Церковники собирают себе «великие богатства» и мучат «убогих братьей» голодом и холодом. «Воинский чин» не имеет ни коней, ни оружия, ни даже пропитания. «Торговые люди» и земледельцы «безмерными данми продаваеми и от немилостивых приставов влачими и без милосердия мучими». Поэтому некоторые из них бегут из своего отечества, а другие продают своих детей в вечное рабство. Не видя выхода из создавшегося положения, Курбский призывает державного властителя к смирению, правому суду и милосердию³.

В послании Курбского Вассиану Муромцеву слышатся отзвуки публицистических споров середины XVI в.— горестные нотки Ермолая Еразма и Максима Грека (учителя князя Андрея) по поводу тяжелого положения «ратаев», негодование Пересветова приниженностью положения воинников и вообще напряженное раздумье передовых мыслителей тех времен, когда Избранная рада еще только приступала к своим преобразованиям.

Покинув пределы Московского государства, князь Андрей в городе Вольмаре пишет свою эпистолию царю Ивану, в которой, излагая «многие горести сердца», пытается оправдать свой побег в Литву. Курбский жалуется на гонения, которые он претерпел еще на Руси, и на то,

написано между февралем — апрелем 1564 г. («Труды ОДРЛ», т. XVIII, стр. 106), а третье — уже после побега Курбского из России, в мае — июне того же года.

¹ РИБ, т. XXXI, стб. 381.

² Там же, стб. 395—396.

³ Там же, стб. 395, 398.

Дие по расли сарисъ гдѣ Духомъ свѣтымъ
 Анолицеуе. Дослѣтѣ мѣне Иисъ набоудѣе И тако.
 А Исааи гдѣе Дѣлае. И Исхъ Исааи
 (по)дѣломъ арлато дѣсо Аста Сѣи' сѣлпсннѣе
 А бланѣ Исаиѣ Идѣ хрѣи М Сѣлпсннѣе И вѣ
 Сѣлаа (сѣе) нѣа нѣа Идѣ мѣрррррррррррррр
 И хрѣи сѣрррррррррррррр И хрѣи нѣа сѣррр
 И хрѣи нѣа сѣрррррррррррррр И хрѣи нѣа сѣррр

[Крѣпозовъ иже андрѣи курбскаго князя
 о бѣдѣ Иерусалима и о томъ въспоминаніи
 аки. Сѣе въ Иерусалимѣ сѣлпсннѣе
 иже іерусалима сѣрррррррррррррр
 нѣа сѣрррррррррррррр]

Епископа Пелага князя андрѣя курбскаго
 писана кѣрррр Иерусалима нѣа сѣрррррррррр
 лютого гдѣи гонѣннѣе сѣе

Прѣдѣла прѣдѣла Исааи гдѣе Дѣлае
 сѣе прѣдѣла сѣе Дѣлае нѣа сѣрррррррррр

Первое послание князя Андрея Курбского Ивану Грозному
 (начало; по списку XVII в.).
 Центральный государственный архив древних актов.

что теперь он, «всего лишен бых, и от земли божию туне отогнан бых, аки тобою понужден»¹.

Курбский был виднейшим «бегуном», но не единственным. Разбросанные по различным источникам отрывочные сведения не позволяют полностью воссоздать картину побегов за рубеж в связи с репрессиями Ивана IV. Видных деятелей среди беглецов было немного. Еще до октября 1563 г. бежали Владимир Семенович Заболоцкий² и, очевидно, тогда же его дальний родич Иван Иванович Ярый³. Первый был дворовым сыном боярским по Переяславлю. По этому же городу при дворе Ивана IV служит брат Ивана Ивановича Андрей. Владимир Заболоцкий принадлежал к московской знати. Его прадед Григорий Васильевич был дворецким и боярином уже в первой половине 60-х годов XV в. Двое сыновей Григория — Петр и Константин — дослужились только до чина окольников (первый — в 1495 г., второй — в 1503—1512 гг.). Отец Владимира Семен Константинович уже к 1550 г. сделался окольничим, а в последние годы жизни даже боярином (1552—1557 гг.). Возможно, в ходе событий 1553 г. он поддерживал Владимира Андреевича. Во всяком случае его племянник Данила Владимирович и двое детей его двоюродного брата Семена Петровича служили старицкому князю⁴. К тому же Заболоцкие были свойственниками Адашевых. Сестра Петра и Гаврилы Заболоцких была женой казненного в 1563 г. Федора Сатина⁵. Не исключена возможность, что побег Владимира Семеновича Заболоцкого и Ивана Ивановича Ярого и вызывался их опасной близостью к старицкому

¹ РИБ, т. XXXI, стб. 1—3.

² «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни», т. II, стр. 243 и след.; «Сборник РИО», т. 71, стр. 806—807; Я. С. Лурье, Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 г. (По материалам Венского архива.) — «Археографический ежегодник за 1957 год», стр. 456; «Послания Ивана Грозного», стр. 16, 212, 218; «Описи Царского архива XVI века...», стр. 41; АЗР, т. III, № 48, стр. 150—153.

³ «Родословная книга...», ч. 2, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 51, 52.

⁵ Архив АН СССР, Собр. Веселовского, Троицкая вкладная книга (далее — Троицкая вкладная книга), л. 122.

дому и кругу Алексея Адашева. В связи с их побегом, вероятно, находится казнь троих Заболоцких¹.

Во время осады Полоцка бежал в Литву Б. Н. Хлызнев-Кольчев². Бежали в это же примерно время сподвижники Курбского Тимофей (Тимка) Иванов сын Тетерин³ и Марк Сарыхозин с братом Анисимом⁴. Тимоха Тетерин был можайским дворовым сыном боярским, не раз служил головою в полках, но после 1558 г. его насильно постригли в Сийский монастырь, что и было причиной его бегства. Марк Сарыхозин, новгородский тысячник⁵, очевидно происходивший из семьи помещиков Деревской пятины, был учеником заподозренного в «еретичестве» старца Артемия, также волею судеб заброшенного в Литву. Побег Тетерина и Сарыхозина повлек за собой уничтожение их родичей «всеродне»⁶.

Возможно, вместе с Тетериным бежал кто-то из Кашкаревых, служивших при дворе в середине XVI в. по Кашину и Торжку⁷. В описи Царского архива хранится «дело Ондreja Кашкарова да Тимохина человека Тетерина Поздычка, что они Тимохиным побегом промышляли»⁸. К окружению Курбского принадлежал князь Михаил Ногтков-Оболенский⁹. Еще до февраля 1564 г. в Литве ока-

¹ РИБ, т. XXXI, стб. 303; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 383—384.

² ИСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 350.

³ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 43; «Памятники дипломатических сношений», т. X, СПб., 1871, стр. 226; «Послания Ивана Грозного», стр. 16, 212, 536—537; АЗР, т. III, № 48.

⁴ «Послания Ивана Грозного», стр. 415—420, 536; Г. Штаден, Указ. соч., стр. 94. Марк Сарыхозин бежал еще до ноября 1565 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 322, 468, 778). За рубежом оказалось несколько Сарыхозиных (АЗР, т. III, № 48).

⁵ Т. е. принадлежавший к «избранной тысяче» — ограниченному кругу дворян, которых по проекту 1550 г. предполагалось наделить поместьями под Москвой.

⁶ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 442; РИБ, т. XXXI, стб. 307, 415—420, 489, 549, 561; Г. Штаден, Указ. соч., стр. 39.

⁷ Курбский рассказывает о казни Тетериных после убийства Кашкаревых (РИБ, т. XXXI, стб. 304; «Сборник РИО», т. 71, стр. 807). Они были казнены, вероятно, в 1566 г. (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 121, 453—455). Дмитрий Кашкарев с 1564 г. находился в польском плену.

⁸ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 43.

⁹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 807. Михаил Андреевич Ногтков (Ногтев) в 50-х годах был дворовым сыном боярским. В мае

зались Семен Огилин (Огалин) и Семен Нащокин¹. Первый происходил из ярославских дворовых детей боярских, а второй, вероятнее всего, из новгородцев Нащокиных-Мотякиных². Осенью 1564 г. бежал «к литовским людям» новоторжец дворовый сын боярской Осьмой Михайлов сын Непейцын³. В Литву бежал и князь Иван Борисович Оболенский⁴. По родословцам, туда также отъехали князь Федор Иванович Буйносов-Хохолков (из ростовских княжат) и Василий Андреевич Шамахея Шестунов (из ярославских князей)⁵. В связи с казнями Квашниных (Невежиных и Разладиных) бежал в Литву Золотой (Севастьян) Григорьев сын Квашнин⁶. В страхе перед репрессиями служилые дети боярские бежали даже в Крым⁷.

До 1571 г. оказались за рубежом дворовый сын боярский по Ржеве и Старице Хотен Андреев сын Валуев и Ефим Варгасов Бутурлин, участник собора 1566 г.⁸ В на-

1568 г. он получил жалованную грамоту Сигизмунда II (АЗР, т. III, № 87, стр. 216).

¹ «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни», т. II, стр. 269—270.

² В середине XVI в. было четверо Семенов Нащокиных, служивших при дворе по Белоозеру, Вязьме и Новгороду (двое). В синодиках упомянуты шесть Мотякиных-Нащокиных, которые казнены скорее всего в связи с побегом Семена Нащокина, а не в новгородский погром, как полагает С. Б. Веселовский (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 314—315). Казнены были также двое Огалиных (там же, стр. 318).

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 390. В родословных книгах говорится, что «побежал в Литву» кн. Иван Дмитриевич Губка Шуйский («Родословная книга...», ч. 1, стр. 70).

⁴ «Родословная книга...», ч. 1, стр. 224.

⁵ «Родословная книга...», ч. 1, стр. 119. По синодику казнены Федор Иванович и Григорий (его брат) Хохолковы (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 433—436).

⁶ В. А. Квашнин в 1589 г. писал: «Видя... государскую на нас опалу в тежь поры пропал в Литве Золотой Григорьев сын Квашнин...» (Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования, СПб., 1888, приложение, стр. 16; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 121, 394—396).

⁷ См. главу X.

⁸ «Сборник РИО», т. 71, стр. 807. В синодиках записано восемь «убиенных» Бутурлиных (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 363—365). Курбский хорошо осведомлен о репрессиях, которым подвергали родичей «бегунов» в Литву. В своей «Истории» он говорит подряд о казнях Заблоцких, Бутурлиных, Сабуровых (Захарий Сабуров попал в плен в Литву в 1564 г.),

чале 1565 г. границу пересек князь Ю. И. Горенский¹. К сентябрю 1567 г. присягнул на верность Сигизмунду II изменник Никита Лихачев (из каширских детей боярских)². В Швецию попали целый ряд новгородских детей боярских, главным образом, очевидно, после похода царя Ивана IV 1570 г. Здесь находились какой-то Василий «с братьею» и Петр Разладины³, Леонтий Нащокин (возможно, из детей боярских Вотской пятины), князь Афанасий Васильевич Шемякин, Неждан Красулин, Никон Ушаков, Федор и Иван Вороновы (очевидно, из обонежских детей боярских) и др.⁴ Куда-то «в немцы» бежал дворовый сын боярский по Дмитрову Ратай Русинов сын Окинфов⁵. Основной причиной всех этих побегов были, как мы видим, предопричные и опричные репрессии.

Побег Курбского за рубеж заставил Ивана Грозного поспешить с проведением задуманных реформ. Сразу же после получения известия о бегстве князя Андрея (7 мая) царь выехал в сопровождении князя Владимира Андреевича Старицкого в Переяславль-Залесский на освящение

Кашкаревых и Тетериных (РИБ, т. XXXI, стб. 303—304). Эти сведения, конечно, получены князем непосредственно от других «бегунов».

¹ «Родословная книга...», ч. 1, стр. 221. В Литву бежал и двоюродный брат отца Ю. И. Горенского Иван Борисович Оболенский (там же).

² *Archivum Sanguszków*, t. VII, NCLXX.

³ Василий Васильевич Разладин был тысячником Деревской пятины; жену Василия Разладина летом 1572 г. постригли в монахини («Новгородские летописи», стр. 115). Василий Владимиров, сын Разладина, с братьями Пятым и Федором были в 1571 г. помещиками Шелонской пятины (*А. М. Андрияшев*, Материалы по исторической географии Новгородской земли.—«Чтения ОИДР», 1914, кн. III, стр. 128). О казни какого-то Василия Разладина сообщает Курбский (РИБ, т. XXXI, стб. 301—302).

⁴ Подробнее см. *С. В. Арсеньев*, Русские дворянские роды в Швеции.—«Летопись историко-родословного общества в Москве», вып. 2, М., 1905, стр. 6; *W. Niekerken, F. Epstein, W. Kirchner*, Eine unbekannte Version der Beschreibung Nordrusslands.—«Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Bd. VIII, Hf. 2, 1960, S. 133.

⁵ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 34. Окинфова мы встречаем в Дворовой тетради еще без каких-либо помет о его побеге. Судя по глухой записи «Описи Царского архива XVI века...», туда же бежали серпуховской сын боярский Русин Шишкин и кто-то из новгородцев Качаловых (там же).

каменной церкви Никитского монастыря, затем направился в Троице-Сергиев монастырь, после этого в Александрову слободу, Озерецкое село, Можайск и Можайский уезд, а оттуда в Вяземский уезд, в волость Олешню (принадлежавшую Владимиру Старицкому), и в дворцовые села в Верее и Вышгороде. Поездка в Можайск, возможно, вызывалась слухами о приближении к русским границам польско-литовских войск во главе с самим Сигизмундом-Августом¹. Вся эта поездка продолжалась два месяца: в Москву царь возвратился лишь 8 июля². В скором времени Можайск, Вязьма, Вышгород и Олешня (не говоря уже об Александровской слободе) войдут в состав опричных земель. Верею царь отдаст в обмен Владимиру Старицкому.

В июле 1564 г. по распоряжению Ивана IV началось новое большое наступление на Великое княжество Литовское, которое должно было быть ответом на поражение под Улой и на побеги изменников в Литву. Почти одновременно с этим царь 5 июля (еще во время своей поездки по дворцовым селам) написал пространный ответ на «эпистолию» князя Курбского. Этот важный публицистический памятник 60-х годов XVI в. представляет собой своего рода манифест перед введением опричины. Грозный не просто оправдывается, отвергая обвинения, выдвинутые Курбским, а сам переходит в наступление, обличая изменников. Неограниченность самодержавной воли монарха, санкционированная теократическим характером его власти, — вот лейтмотив всех рассуждений царя. Особое раздражение Ивана Грозного вызывают все покушения на суверенитет царской власти. «Доброхоты» Курбского во главе с Сильвестром и Адашевым оттого так ненавистны Ивану IV, что они «хотеша воцарити, еже от нас расто-

¹ М. Н. Тихомиров, Новый материал об Иване Грозном.— «Труды ОДРЛ», т. XIV, 1958, стр. 251. 14 мая Грозный присутствовал на освящении церкви в Никитском Переяславском монастыре (М. Н. Тихомиров, Указ. соч., стр. 252).

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 384. 19 мая Иван IV подписывал грамоты «на стану в селе в Слошине» («Исторические акты Ярославского Спасского монастыря», т. I, № XXX, стр. 39). 26 июня он был в селе Родилово, на следующий день — на стану на реке Рокитне, 30 июня — в Можайске, оттуда через Верею и Вышгород приехал в Москву (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 11, л. 7 об., 11, 31, 35, 35 об.).

По тѣмъ члвкъмъ годаси шибановъ гдѣ
 црѣю Іерузалѣмъ и сѣмъ казалъ прогдѣ
 спосѣго и нѣа шибановъ и змѣкнныи
 дѣла. тѣмъ гдѣ црѣю Іерузалѣмъ и сѣмъ
 думаша лѣмъ и шибановъ и змѣкнныи дѣла.
 ето шибановъ и нѣа шибановъ и змѣкнныи
 шибановъ и нѣа шибановъ и змѣкнныи
 шибановъ и нѣа шибановъ и змѣкнныи
 шибановъ и нѣа шибановъ и змѣкнныи
 шибановъ и нѣа шибановъ и змѣкнныи

Иван Грозный и Василій Шибанов.
 Миниатюра из Лицевого свода XVI в.
 Государственный Исторический музей.

шеся в колене, князя Владимира»¹, а самого царя отстранить от управления страной. Ивана Грозного возмущает, что Курбский и его сотоварищи стремились «на градех и властех совладети»². Еще бы! Ведь и родичи князя Андрея «многи пагубы и смерти» умышляли на деда и отца Ивана IV³, да и сам Курбский изменил царю, захотев сделаться «ярославским владыкою»⁴. Чувство меры все-таки не позволило Грозному обвинить князя Андрея в стремлении самому воцариться на Руси, однако и то, в чем царь упрекал Курбского, недалеко ушло от такого обвинения.

Все помнит царь Иван: и бегство в Литву Семена Бельского, и выступление Андрея Старицкого, поддержанного новгородцами и родичами Курбского, и хозяйничанье княжат Шуйских и деда князя Андрея Михаила Тучкова. Разгоряченное воображение Грозного склонно вообще считать изменниками всех бояр, правивших страной в годы Избранной рады⁵. Четко сформулированный тезис царя: «Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»⁶ — сделался уже вскоре программой опричнины. Этим апофеозом безграничного самовластия утверждалась необходимость полного подчинения божественной воле монарха всех подданных как бессловесных «холопей». Будущее покажет, какими средствами мыслил царь Иван утвердить самодержавие в своей стране. Но уже то, что Иван IV забывал завет Ивана Пересветова — «*воинниками царь силен и славен*», являлось тревожным предзнаменованием.

Задуманное наступление на Литву летом 1564 г. окончилось неудачей: походы Ю. И. Токмакова из Невеля и Озерища и В. А. Бутурлина из Смоленска к Мстиславлю носили характер пробы сил (основные русские войска не

¹ «Послания Ивана Грозного», стр. 40.

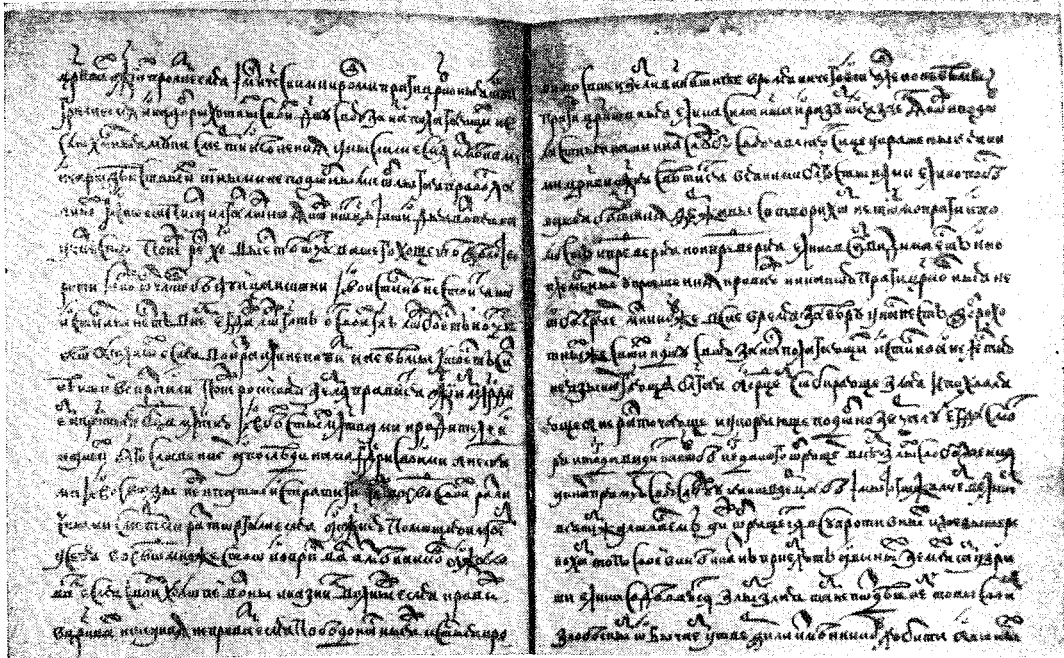
² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 29.

⁴ Там же, стр. 10. Это обвинение проскальзывает и в посольских делах, где говорится, что Курбский «с своими советники хотел на Ярославле государити» и умышлять над царем и Анастасией всякое «лихое дело» («Сборник РИО», т. 71, стр. 467, 468).

⁵ «Послания Ивана Грозного», стр. 35, 37.

⁶ Там же, стр. 30; ср. стр. 31. В посольских речах 1567 г. говорилось, что царь «лихих казнит, а добрых жалует великим своим жалованием» («Сборник РИО», т. 71, стр. 466).

Первое послание Ивана Грозного князю Андрею Курбскому (отрывок; по списку XVII в.).
Государственный Исторический музей.

были еще двинуты против Литвы) и никаких существенных результатов не дали¹. В Ливонии литовский гетман Александр Полубенский, выйдя из Владимирца (Вольмара), воевал в июне «юрьевские волости». В следующем месяце М. Я. Морозов в ответ на это воевал «немецкие пригороды». Набег литовских отрядов на псковские волости был с успехом отбит местными силами². Война с Литвой приняла затяжной характер. Ввиду этого русское правительство осенью 1564 г. пошло на заключение семилетнего перемирия со Швецией ценой временного признания шведского владычества над Таллином, Пярну и некоторыми другими городами на севере Ливонии³.

Осенью 1564 г. литовские войска и их крымские союзники начали контрнаступление. Под Черниговом появился литовский гетман Павел Сапега, под Полоцком — Николай Радзивилл с Андреем Курбским. На литовском театре военных действий обстановка сложилась для русских войск более или менее благоприятно: им удалось не только выдержать трехнедельную осаду Полоцка, но даже 12 ноября занять пограничную крепость Озерище⁴. Зато большую опасность представили действия крымского хана, вероломно нарушившего договор о перемирии. К началу октября 1564 г. Девлет-Гирей, рассчитывая, что Иван IV со своими войсками находится в полках «против литовского короля», подошел к Рязани. Удар с юга был нанесен согласованно с Сигизмундом II⁵.

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 385.

² ПЛ, вып. II, стр. 245—246.

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 385; Г. В. Форстен, Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648), т. I, стр. 479; В. Д. Королюк, Ливонская война, стр. 62. Сохранилось интересное известие, что в 1564 г. (после бегства Курбского) рижский совет (рат) хотел выяснить через И. Таубе вопрос об условиях перехода Риги под власть Ивана IV (Г. А. Новичук, Новые известия из истории дипломатической борьбы во время Ливонской войны.— «Вестник Московского университета», серия IV, история, № 3, 1963, стр. 37—38).

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 390—391; ДРК, стр. 250—252; ПЛ, вып. II, стр. 246; Kronika Polska... Macieja Strykowskiego, t. II, str. 41—57; «Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, № 137, стр. 235—236; К. Piwarski, Указ. соч., стр. 263.

⁵ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 387—390; ДРК, стр. 250—251; ПЛ, вып. II, стр. 241; А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 21—22, 428—429.

Поход под Рязань. 1564 г. Миниатюра
из Лицевого свода XVI в.
Государственный Исторический музей.

Набег Девлет-Гирея застал русское правительство врасплох. Полагаясь на шерть, принесенную крымским ханом, оно оставило на южных окраинах только немногочисленные заслоны, распустив воевод по домам. Только находчивость будущих опричников А. Д. Плещеева и его сына Федора, находившихся в момент татарского нападения в своих рязанских поместьях, спасла положение: возглавив наскоро собранные отряды местных служилых людей, они неожиданно ударили по крымским полкам¹.

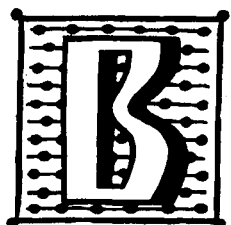
Получив весть о нападении Девлет-Гирея на Рязань, Иван IV, находившийся в то время в Суздале (он приехал в Покровский монастырь на празднование Покрова богородицы), быстро возвратился в Москву и в спешном порядке 17 октября послал свой «двор», т. е. личный царев полк, во главе с И. П. Яковлевым и И. П. Федоровым на Оку. Однако татары к этому времени уже от Рязани отошли, пробыв под ней всего только три дня.

В такой напряженной обстановке военных неудач, начавшихся многочисленных репрессий и побегов в Литву происходит введение опричнины.

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 389; «Сборник РИО», т. 71, стр. 303, 324; ЦГАДА, Крымские дела, кн. 11, л. 129; «Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, № 138, стр. 237—239.

Глава III

ВВЕДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ

воскресенье 3 декабря 1564 г. царь Иван Васильевич Грозный со своими детьми и царицей Марьей отправился в подмосковное село Коломенское праздновать Николин день (6 декабря). Выезды московских государей на богомолье были делом обычным. Но на этот раз жители столицы были удивлены. Царский «подъем» настораживал своей угрюмой торжественностью. Странным казалось уже то, что царь брал с собой не только «святость» (иконы и кресты), но и драгоценности, одежды и даже «всю свою казну». Царь отдал также распоряжение покинуть Москву вместе с ним избранным боярам, ближним дворянам и приказным лицам¹.

¹ По свидетельству Таубе и Крузе, с царем выехали бояре А. Д. Басманов, И. Я. Чеботов, будущий оружничий А. И. Вяземский и Михаил Салтыков (*И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 32). Басманов и Вяземский принадлежали в 1565—1566 гг. к числу наиболее преданных царю опричников. Иван Чеботов (позднее также вошедший в опричнину) и Михаил Салтыков еще на пути в Слободу отправлены были обратно в Москву; царь велел раздеть их донага и дал им послание митрополиту и сословиям (чинам), где писалось, что «ним же, его изменникам, передает он свое царство» (*И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 32). Л. М. Сухотин считает, что царя сопровождал боярин Л. А. Салтыков, а не Михаил (*Л. М. Сухотин*, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. VII—VIII, стр. 26). В пользу этого предположения говорит то, что Салтыкова Таубе и Крузе назы-

Все они должны были собираться в путь вместе с женами и детьми. Царя должен был сопровождать в его таинственной поездке «выбор» из дворян и детей боярских, причем в полном вооружении («с людьми и с конями, со всем служебным нарядом») ¹. Конечная цель этого выезда строго хранилась в тайне. Все понимали, что дело не ограничилось простой поездкой на богомолье ².

Пробыв из-за распутицы («безпуты») две недели в Коломенском ³, Иван IV направился в Троицкий монастырь (там он был 21 декабря), после чего наконец приехал в Александрову слободу ⁴.

вают «вышим маршалом». Павел Одерборн также именуется Салтыкова Львом (*Historiae Ruthenicae Scriptores*, vol. II, str. 216). Л. А. Салтыков накануне опричнины был оружничим и фактически ведал дворцовыми делами. И. Я. Чеботов в 60-е годы долгое время был в опале: после Полоцкого похода 1563 г. до мая 1570 г. он не упоминается в разрядах и других официальных документах (он присутствовал только на земском соборе 1566 г.). Возможно, в 1565 г. была взята по нем та «запись поручная», о которой упоминается в описи Царского архива («Описи Царского архива XVI века...», стр. 31). Упоминаемого Таубе и Крузе Ивана Чеботова А. Титов считает сыном Ивана Васильевича Чулкова-Чеботова (*А. Титов, Кто был в мире старец Иона Чеботов? — «Летопись историко-родословного общества в Москве»*, вып. 3, М., 1907, стр. 31). Но Ивана Ивановича Чеботова родословцы не звают.

¹ Датские представители в России 13 января 1565 г. сообщали, что царь выехал 3 декабря из Москвы на Белоозеро из-за того, что напугался нападения крымских войск на южнорусские земли («Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, № 138, стр. 237).

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 391.

³ Летописный рассказ о распутице, задержавшей Ивана IV в Коломенском, подтверждают Таубе и Крузе; по их сведениям, царь пробыв в Коломенском 10 дней (*И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч.*, стр. 32).

⁴ О причинах отъезда царя из Москвы сохранился довольно сбивчивый рассказ Таубе и Крузе. Так, они сообщают, что царь в 1566 г. уже после Николина дня (в воскресенье) передал «духовным и светским чинам» свое решение покинуть столицу. Оно якобы вызывалось тем, что эти духовные и светские чины «не желают терпеть ни его, ни его наследников». Поэтому царь и решил «передать им свое правление». Спустя 14 дней после того как были собраны иконы со всех церквей Москвы, Иван IV приказал «всем духовным и светским чинам» явиться в Успенский собор, простился с ними, а сам сел в сани и в сопровождении ближних бояр покинул столицу (*И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч.*, стр. 31—32).

Расположенная на крутом берегу речки Серой, на половине пути между Троицким монастырем и Переяславлем-Залесским, Александрова слобода возникла сравнительно недавно, в 1514 г., как удобное место по пути в Переяславль, на «великокняжескую потеху»¹. Неподалеку отсюда находилась Великая слобода, издавна ведавшаяся великокняжеским дворцовым ведомством. Василий III не раз бывал в своей новостроенной слободе (в 1528, 1529, 1533 гг., а может быть и ранее)². Слободу окружали владения Шуйских, Темкиных-Ростовских, Бутурлиных, Кашиных, Бельских, Челяднинных, Глинских, Шеиных, Басмановых и многих других. Словом, цвет московской знати стремился завести в Переяславском уезде хотя бы небольшие владения, чтобы сопровождать монарха во время его «потех». Александрова слобода и при Иване IV была надежной царской резиденцией³. Сюда, в частности, направлял царь на несколько дней Марью Темрюковну и своих детей в октябре 1564 г., когда узнал о приходе Девлет-Гирея под Рязань⁴.

Прибыв в слободу в декабре 1564 г., Иван Грозный «оцепил эту слободу воинской силой и приказал привести к себе из Москвы и других городов тех бояр, кого он требует»⁵.

Оставшиеся в Москве бояре, приказные люди и высшие церковные иерархи пребывали «в недоумении и во унынии», ибо их не поставили в известность ни о цели царского «подъема», ни о его причинах. Только 3 января Иван IV прислал с К. Д. Поливановым⁶ послание («список») митрополиту Афанасию, в котором разъяснялись

¹ Н. С. Стромиллов, Александрова слобода.— «Чтения ОИДР», 1883, кн. II, отд. VI, стр. 6. В Переяславле на посаде жили сокольники «сокольника пути» (ААЭ, т. I, № 147, стр. 119).

² ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 272, 280.

³ Во время сентябрьской — ноябрьской поездки царя по селам 1561 г. Иван IV 13 ноября был «в Новой слободе в Олександровской» (ГКЭ, Суздаль, № 40/11819). Здесь же он пробыл с конца мая по 17 июля летом 1564 г. (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 384).

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 389.

⁵ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 86.

⁶ О нем подробнее см. В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 64—65.

происшедшие события. Свой отъезд царь мотивировал «гневом» на государевых богомольцев, бояр, детей боярских и приказных людей. «Вины» различных сословий строго дифференцировались. В первую очередь царя прогневили «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государству его до его государьского возрасту»¹.

Боярские крамолы в государевы «несовершенные лета» Иван Грозный вспоминал уже не раз: и в своих речах на земском соборе 1549 г., и на Стоглаве, и в послании Курбскому. Тот же мотив звучал и в обеих редакциях официального Летописца начала царства. Оказывается, бояре и приказные люди в малолетство царя причинили «многие убытки и казны его государьские тощили». Бояре и воеводы «земли его государьские себе розоимали», не желая оборонять страну от крымского хана, Литвы и «немец». Грозный в своей грамоте, как мы видим, только обобщает тот перечень боярских вин, который уже содержался в его послании Курбскому².

Вина церковных иерархов, продолжает Грозный, состояла в том, что они совместно с боярами, приказными и служилыми людьми заступались за тех неудобных царю лиц, которых он хотел «понаказати». В данном случае, вероятно, царь имел в виду практику взятия на поруки

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 392. Мотивировка царского отъезда изменами бояр и других подданных носила официальный характер. Именно ее имеют в виду, очевидно, и Штаден, сообщавший, что царь выехал в слободу из-за мятежа (по мнению С. Б. Веселовского, правильнее перевести «из-за опасения мятежа»), и Таубе и Крузе, говорившие о решении Грозного покинуть столицу из-за измены светских и духовных чинов (см. *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 86; *С. Б. Веселовский*, Исследования по истории опричнины, стр. 55; *И. Таубе* и *Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 31). По Шлихтингу, царь заявил своим вельможам, что «тяготится своим владычеством, хочет сложить государеву власть, жить в отдалении и уединении, вести жизнь святую и монашескую» (*А. Шлихтинг*, Указ. соч., стр. 18).

² Уже в послании Курбскому царь возмущался, что боярские правители «казну деда и отца нашего безчисленну себе поймаша». Сильвестр, по его же словам, «вотчины ветру подобно роздал неподобно». Упрекал Грозный сторонников Адашева в сопротивлении Ливонской войне, обвиняя их и в других военных неудачах («Послания Ивана Грозного», стр. 34, 38, 49, 55).

опальных вельмож, распространившуюся в начале 60-х годов XVI в. Заканчивая свое послание светским и духовным чинам, царь объявлял, что, «не хотя их многих изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал, где вселиться, идеже его, государя, бог наставит». Иным было отношение царя к торгово-ремесленному люду столицы. В специальной грамоте, обращенной к «черным» жителям Москвы, Иван IV писал, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет»¹. В предстоявших реформах Грозный явно стремился заручиться поддержкой посадских людей.

Весть о том, что царь «государство свое отставил», была сообщена московскому населению 3 января, как это еще предположил Н. И. Костомаров, на импровизированном заседании земского собора². Бояре, окольные, дети боярские, приказные люди, «священнический и иноческий чин и множество народа» обратились к митрополиту Афанасию с просьбой быть ходатаем перед Иваном IV, чтобы он «государства своего не отставлял и своими государствами владел и правил, якоже годно ему». При этом они соглашались признать за царем полное право казнить и миловать «лиходеев». К служилым и приказным людям присоединились гости, купцы и посадское население Москвы. Они даже еще более энергично высказали пожелание, чтобы государь «наипаче же от рук сильных избавлял». Посадские люди выразили готовность сами уничтожать изменников («сами тех потребят»). В тот же день (3 января) митрополит Афанасий послал к царю в Слободу депутацию, возглавлявшуюся новгородским архиепископом Пименом и чудовским архимандритом Левкией, одним из наиболее близких к Ивану IV лиц³. Вместе с ними отправились другие члены освященного собора, бояре во главе с И. Д. Бельским и И. Ф. Мстиславским, приказные и служилые люди, а также «многие черные люди». В депутации, которое везла с собой депутация жителей Москвы, содержалась просьба сменить монарший гнев на милость

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 392.

² Н. И. Костомаров, Собрание сочинений, кн. VIII, т. XIX, СПб., 1906, стр. 185—186.

³ Курбский его особенно выделяет среди «ласкателей», «вселекуавых мнихов» (РИБ, т. XXXI, стб. 269).

и в дальнейшем править страной, «как ему, государю, годно; и кто будет ему, государю, и его государству изменники и лиходеи, и над теми в животе и в казни его государская воля»¹. Примерно так же излагают содержание челобития, поданного царю «представителями сословий», Таубе и Крузе².

5 января Иван IV в Слободе принял Пимена, Левкию и других членов освященного собора, думных и приказных людей. Собранным было объявлено о согласии царя вернуться к управлению государством. Грозный принимал к сведению безоговорочное согласие челобитчиков на то, чтобы царь по своему усмотрению налагал опалу и казнил изменников. Царь торжественно провозгласил, что бояре и приказные люди и впредь будут управлять государством «по прежнему обычаю». Одновременно было сообщено и о решении царя учредить в стране опричнину («учинити ему на своем государстве себе опришнину») ³. По замыслу Ивана IV ее суть сводилась к созданию нового государева двора, личный состав которого должен был обеспечиваться земельными пожалованиями в определенных территориях Русского государства. Опыт дворцового ведомства подсказывал формы нового учреждения, однако цели последнего (искоренение «крамолы») отличались от задач старого дворцового аппарата.

«На свой обиход» Иван Грозный забирал в опричнину ряд городов на западе, юге и в центре страны. Опричными становились обширные северные земли, некоторые слободы, волости и часть Москвы. Вотчинники и помещики, владения которых оказывались на опричной территории, но которые сами не зачислялись в опричнину, должны были выведены и наделены землей в «ыных городах». Из служилых людей создавался опричный корпус.

Все текущее управление государственным аппаратом возлагалось на Боярскую думу. Правда, «о больших делах» (ратных или земских) бояре должны были докладывать царю. Наконец, за «подъем» Иван IV налагал на земщину («из земскаго») огромную контрибуцию —

¹ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 393.

² И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 32.

³ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 394.

100 тысяч рублей¹. Так в России была введена опричнина.

Современники, привыкшие объяснять действия Ивана IV чьими-либо «наветами» или воздействием, считали, что и мысль об опричнине была подсказана царю. По Штадену, совет создать опричный корпус подала Мария Темрюковна². Составитель Пискаревского летописца инициативу создания опричнины приписывает двоюродному брату Анастасии Романовой В. М. Юрьеву, а также А. Д. Басманову³.

✓ К началу февраля Иван Грозный вернулся в Москву⁴. Введение опричнины ознаменовалось расправами с неугодными царю лицами. «За великие изменные дела» казнили боярина князя Александра Борисовича Горбатого с сыном Петром, окольного Петра Петровича Головина, князей Ивана Ивановича Сухово-Кашина и Дмитрия Федоровича Шевырева. В монахи постригают князей Ивана Андреевича Куракина и Дмитрия Ивановича Немого. Вместе с ними

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 394—395. Таубе и Крузе считают, что распоряжение о введении опричнины царь изложил собору, вызвав к себе «оба сословия» на следующий день после возвращения в столицу (*И. Таубе и Э. Крузе, Указ, соч., стр. 34—35*). Это весьма вероятно. Во всяком случае в Царском архиве хранился «указ, как государь приехал из Слободы, о опришнине» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 37).

² Г. Штаден, Указ, соч., стр. 85. В исторических песнях черкашени Кострюк-Мастрюк и его сестра Мария Темрюковна фигурируют как отрицательные персонажи. Поэтический образ Кострюка воспринял некоторые черты Михаила Темрюковича (см. А. А. Зимин, Историческая песня о Кострюке-Мастрюке.— «Slavia», 1962, год XXI, sez. 4, стр. 555—577).

³ «Пискаревский летописец», стр. 76.

⁴ Таубе и Крузе сообщают, что царь вернулся в «день сретенья», т. е. 2 февраля, а на третий день после его возвращения казнили Александра Горбатого и др. (*И. Таубе и Э. Крузе, Указ, соч., стр. 35*). С этим как будто согласуется сведение о казни П. Головина 4 февраля (*П. К[азанский]*, Село Новоспасское, Деденево тож, и родословная Головиных, М., 1847, стр. 116—117). К сожалению, источники этого сведения неясны. Горбатые, судя по троицким вкладным книгам, казнены до 12 февраля 1565 г. (Троицкая вкладная книга, л. 305 об.), а по списку надгробий — 7 февраля (*А. В. Горский, Исторические описания Свято-Троицкой лавры, ч. II, М., 1879, стр. 84*). По летописи, царь вернулся из Слободы в столицу уже после казни Горбатого и других лиц — 15 февраля (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 396).

в опалу попали какие-то «дворяне и дети боярские»¹. Таубе и Крузе среди казненных кроме А. Б. Горбатого называют «Ивана» Шевырева и Андрея Рязанцева².

О гибели почти всех этих лиц знает Курбский. Как Таубе и Крузе, он сообщает о том, что Д. Шевырев был посажен на кол. Он пишет о казни в один день В. Кашина, Александра Горбатого с сыном Петром³ и шурином Петром Петровичем Головиным⁴, о «погублении» Петра и Ивана Куракиных⁵.

Попытаемся разобраться в этом пестром списке казненных лиц.

Александр Горбатый, один из наиболее видных представителей суздальских княжат, занял прочное положение в Боярской думе уже в малолетство Ивана Грозного, во время хозяйничанья боярских временщиков: в 1538 г. он впервые упоминается в разрядах, а к 1544 г. получил звание боярина⁶. Горбатый находился в родстве со знатнейшими княжеско-боярскими фамилиями: одна его дочь была замужем за Н. Р. Юрьевым, а другая — за И. Ф. Мстиславским. Сам же князь Александр женился на дочери казначея П. И. Головина⁷. Во время событий 1553 г. он, вероятно, держал сторону Владимира Старицкого. Горбатый пользовался особенным уважением среди деятелей

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 395—396. По летописи, казнен Дмитрий Андреевич Шевырев, но это описка (см. «Родословная книга...», ч. I, стр. 225).

² И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 35. В синодиках упоминается какой-то Иван Рязанцев (С. Б. Веселовский, Синодик опальных дая Ивана Грозного. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 438). Если фамилия Андрея и Ивана указывает на их отношение к Рязани, то гибель этих лиц можно связать с набегом Девлет-Гирея на рязанские места 1564 г.

³ По Курбскому, Петру было 17 лет, а не 15, как пишут Таубе и Крузе (РИБ, т. XXXI, стб. 280—281).

⁴ Сообщение Курбского о том, что А. Б. Горбатый был казнен «тогда же», когда и В. Курлятев (там же, стб. 281), ошибочно, ибо Курлятев жив был еще в 1568 г. Об этих казнях см. также С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 373—375, 392, 403, 469—470.

⁵ РИБ, т. XXXI, стб. 283.

⁶ ДРК, стр. 105, 119. Владения А. Б. Горбатого находились в Суздальском уезде (ДиДГ, стр. 443).

⁷ Н. Мятлев, К родословию князей Мстиславских, М., 1915, стр. 6.

Избранной рады. До нас дошло послание к нему протопопа Сильвестра, написанное в бытность князя Александра казанским наместником¹. Курбский считал, что он был «муж глубокого разума и искусный зело в военных вещах»². Простарицкие симпатии и близость к Избранной раде после падения Адашева могли вызывать только неудовольствие Ивана Грозного. Поэтому уже с начала 60-х годов князь А. Б. Горбатый отстраняется от непосредственного участия в государственных делах³.

Шурин Горбатого Петр Петрович Головин (окольничий с 1560 г.) начал свою служебную карьеру еще в начале 50-х годов: его включили в состав тысячников и дворовых детей боярских по Москве. В 1552 г. он получил первую разрядную должность, а в 1560 г. стал окольничим⁴. Происходил П. П. Головин из известной семьи государевых казначеев Ховриных-Головиных⁵. Головины находились в самых тесных родственных связях с наиболее видными представителями московского боярства⁶. Во время боярских усобиц 30—40-х годов Головины держали сторону Шуйских⁷. Это, конечно, и сказалось на трагической судьбе П. П. Головина⁸. По сообщению датских резидентов в

¹ Д. П. Голохвастов и Леонид, Благовещенский протопоп Сильвестр и его писания.— «Чтения ОИДР», 1874, кн. I, стр. 88 и след.

² РИБ, т. XXXI, стб. 282.

³ Последний раз в разрядах упоминается в 1559 г. (ДРК, стр. 213). Не участвует в начале 60-х годов он и в посольских делах.

⁴ ДРК, стр. 157; «Сборник РИО», т. 129, стр. 75.

⁵ Его отец П. И. Головин был казначеем в 1519—1533 гг., брат Михаил Большой — некоторое время в 1541 г., другой брат — Иван Петрович — в 1544—1545 (позже стал окольничим), а племянник П. И. Головин стал казначеем с января 1576 г. (см. А. А. Зимин, О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV—XVI вв.— «Исторические записки», кн. 63, 1958, стр. 187, 191, 195, 199).

⁶ На двоюродных сестрах П. И. Головина, по сообщению старинного родословца, составленного, вероятно, в государственной казне, были женаты М. В. Горбатый и И. Г. Морозов (ГБЛ, Собр. Румянцева, № 349, л. 230—232). Сестра казначея И. И. Третьякова (родича Головина) была замужем за Д. В. Шениным, а дочь — за В. В. Горбатым (там же, л. 231 об.).

⁷ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 444.

⁸ По Курбскому, после Петра Головина казнен был и его брат Михаил Меньшой (РИБ, т. XXXI, стб. 281).

России от июня 1565 г., Головина казнили из-за какого-то письма шведского короля к царю¹.

Опала постигла целую плеяду княжат Оболенских. Если накануне опричины расположение к ним Ивана IV несомненно (среди приближенных к Грозному мы встречаем П. И. Горенского, Ю. И. Кашина, Д. Ф. Овчинина, М. П. Репнина, Серебряных и многих других)², то после 1565—1566 гг. при дворе остаются на некоторое время лишь Серебряные, М. М. Лыков и князь А. В. Репнин. Во время казней начала 1565 г. гибнут И. И. Суш (Сухово) Кашин (брат боярина Ю. И. Кашина) и Д. Ф. Шевырев (двоюродный брат бояр Серебряных). Боярин (с 1551 г.) Д. И. Немой (двоюродный брат Овчинина) постригается в монахи³. Возможно, все эти опалы связаны с гневом царя на Д. Ф. Овчинина-Оболенского и Ю. И. Кашина. Но, вероятнее всего, причины были более глубокими.

Оболенских связывала многолетняя близость к старицким князьям. Несколько князей Лыковых и Пенинских служили сначала при дворе удельного князя Андрея, а затем Владимира, причем Иван Андреевич Оболенский был боярином старицкого князя, а Юрий Андреевич Меньшой Оболенский — его дворецким⁴. Последний позднее был боярином князя Владимира и поддерживал деловые связи с Анфимом Сильвестровым⁵. К числу бояр князя Влади-

¹ В сообщении упоминаются нарвские воеводы «князья» Федор Иванович Шуйский и Петр Петрович («Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, № 136, 141). По-видимому, речь идет о Ф. И. Чулкове, который был ругодивским (нарвским) наместником в 1564 г.— октябре 1565 г. (ДРК, стр. 245, 253; РИБ, т. XV, № 75), и о П. П. Головине, наместничавшем там в 1563 г. (ДРК, стр. 238).

² Об этом см. *Л. М. Сухогин*, Иван Грозный до начала опричины, стр. 83.

³ Д. И. Немой был близок к Ю. И. Кашину (АФЗиХ, ч. II, № 316, стр. 334—335). Умер он вскоре после пострижения в монахи. Вклад по нем сделан в сентябре 1566 г. (Троицкая вкладная книга, л. 187). Владения Немого были в феврале 1565 г. конфискованы, но некоторые из них уже в начале 1566 г. попали в Волоколамский монастырь (АФЗиХ, ч. II, № 316).

⁴ «Родословная книга...», ч. I, стр. 219; *М. Н. Тихомиров*, Малоизвестные летописные памятники XVI в.—«Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 86.

⁵ АФЗиХ, ч. II, № 207, 208; ДРК, стр. 7.

мира принадлежали А. В. и Ю. В. Лыковы¹. В старицкую думу входил и князь Ю. А. Оболенский (Большой)². В 1537 г. Пенинские подверглись «торговой казни» за верную службу князю Андрею³. Во время событий 1553 г. ряд Оболенских поддержали кандидатуру Владимира Старичьего на русский престол (в том числе Д. И. Немой, Д. И. Курлятев и П. Серебряный).

В начале марта 1565 г. в страхе перед грядущей расправой бежали в Литву князья Петр и Юрий Ивановичи Горенские-Оболенские, которые уже некоторое время (вероятно, с осени 1564 г.) находились в отдалении от царя⁴. П. И. Горенский был думным дворянином и кравчим царя⁵. Если побег князя Юрия удался, то его брата «на рубеже» схватили и казнили⁶. Вероятно в связи с побегом Горенских, находилась гибель упомянутых в синодиках

¹ «Родословная книга...», ч. I, стр. 225; ДРК, стр. 7.

² ПСРД, т. VIII, стр. 294.

³ Там же.

⁴ В конце 1565 г. в посольском наказе побег П. И. Горенского объяснялся следующим образом: «Князя Петра государь пожаловал великим жалованьем и держал его близко себя, и князь Петр во государьских делах учал быти не по государскому приказу. И государь наш хотел ево посмирить, учал ево держати от себя подале и послал ево на свою службу, и князь Петр, узнав свои вины, побежал в Литву» («Сборник РИО», т. 71, стр. 322). О побеге Ю. И. Горенского в Литву см. «Родословная книга...», ч. I, стр. 221.

⁵ Еще осенью 1564 г. по разрядам не заметно охлаждения к нему даря (Э, л. 313). В марте 1564 г. он упоминается среди особенно близких царю других дворян (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 10, л. 370). При дворе Горенский начал службу с февраля 1547 г. (ДРК, стр. 3).

⁶ Казнь его произошла между 29 февраля и 14 марта (Троицкая вкладная книга, л. 465 об.; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 375). О его побеге и смерти подробно рассказывает в своем сочинении А. Шлихтинг (стр. 36). С. Б. Веселовский ошибочно относит этот рассказ к бегству князя Юрия. Неверно датируют гибель П. И. Горенского временем казни А. Б. Горбатого Таубе и Крузе (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 35). П. А. Садилов пишет, что Горенский бежал, предварительно «сославшись» с вражескими военачальниками (П. А. Садилов, Очерки по истории опричнины, стр. 23). Горенский осенью — зимой 1564 г. действительно воевал в районе Великих Лук, где находились литовские отряды князя Корейского и Андрея Курьбского («Сибирский сборник», М., 1844, стр. 5), но данных о сговоре с ними Горенского у нас нет.

Никиты и Андрея Федоровичей Черных-Оболенских (отцы их и Горенских были двоюродными братьями) ¹.

Наконец, с казнью А. Б. Горбатого, П. П. Головина и нескольких Оболенских в феврале 1565 г. постригается в монахи князь И. А. Куракин (боярин с 1556 г.). Братья Куракины, находившиеся в свойстве с опальными Оболенскими ², вызвали недовольство царя также тем, что во время мартовской болезни царя в 1553 г. «всем родом» поддержали в качестве преемника Ивана IV Владимира Старицкого. Старший из братьев, Ф. А. Куракин (боярин с 1547 г.), уже долгое время пребывал в почетной ссылке на новгородском наместничестве ³. Д. А. Куракин (боярин с 1559 г.) наместничал во Пскове ⁴. П. А. Куракин (боярин с 1559 г.) и его брат Григорий отправляются наместниками в далекую Казань ⁵. Летописец после сообщения о пострижении И. А. Куракина и Д. И. Немого сообщает, что «дворяне и дети боярские, которые дошли до государьские опалы, и на тех опалу свою клал и животы их имал на себя; а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье з женами и з детьми» ⁶.

¹ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 316—317. По Таубе и Крузе, Никита и «Василий» Оболенские повешены вместе с А. Горбатым, П. Горенским и др. (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 35). У Никиты Оболенского был опальный двоюродный брат Василий Андреевич, которого, возможно, и казнили. П. Ф. Оболенский последний раз упоминается в серпуховском разряде 1565 г. («Местничество и дела, собранные П. И. Ивановым», — «Русский исторический сборник», т. II, изд. ОИДР, кн. 1—4, М., 1839, стр. 348).

² Теткой жены Ф. А. Куракина была княгиня «старица» Анна Щепина-Оболенская (Троицкая вкладная книга, л. 338).

³ Там он находился еще в 1562 г. («Сборник РИО», т. 129, стр. 84, 106). В Новгороде он был и в июле 1566 г., когда последний раз упоминается в источниках (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 403).

⁴ ДРК, стр. 264. В июле 1565 г. он последний раз упоминается в разрядах, после чего сходит в безвестность.

⁵ ДРК, стр. 255; Э, л. 327 (лето 1565 г.). П. А. Куракин погиб значительно позднее, во время осенних казней 1575 г. Очевидно, Курбский, говоря о том, что Иван IV погубил «единокольных братию» Щенятева — князей Петра и Ивана Куракиных (РИБ, т. XXXI, стб. 283) — имеет в виду не казнь, а пострижение И. А. Куракина и ссылку его брата Петра в Казань. (О Куракиных см. С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 403.)

⁶ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 396.

Это было только начало опальных переселений в «подрайскую Казанскую землицу». Уже в мае 1565 г. «послал государь в своей государеве опале князей ярославских и ростовских и иных многих князей и дворян и детей боярских в Казань на житье, и в Свяжской город, и в Чебоксарской город»¹. Некоторые из сосланных все еще сохраняли видимость своих старых привилегий. Так, наместниками и воеводами назначались: в Казань — П. А. и Г. А. Куракины, Ф. И. Троекуров, Д. В. Ушатый, А. И. Засекин-Сосунов; в Свяжск — Андрей Иванович Катыврев-Ростовский, Никита Дмитриевич Янов-Ростовский, Михаил Федорович Бахтеяров-Ростовский, Никита Михайлович Стародубский; в Чебоксары — И. Ю. Хохолков-Ростовский, И. Ф. и В. Ф. Бахтеяровы-Ростовские². В Нижний-Новгород воеводой послали С. В. Звягу Лобанова-Ростовского³. Ссылка ярославских княжат вызывалась, конечно, побегом Курбского и мнительностью Грозного, который, как уже отмечалось, подозревал князя Андрея чуть ли не в стремлении стать ярославским удельным властителем.

Ростовские княжата заплатились, очевидно, за то, что Семен Васильевич Лобанов-Ростовский в 1553 г. был инициатором выдвижения кандидатуры Владимира Старицкого в качестве наследника Ивана IV. Вместе с Андреем Ивановичем Катывревым он в 1554 г. неудачно пытался бежать за рубеж⁴. Оба боярина уже давно находились в почетной отставке⁵. Через несколько лет после ссылки

¹ Правда, ровно через год «государь пожаловал, ис Казани и из Свяжского опальных людей дворян взял; а приехал в Казань з государевым жалованьем Федор Семенов сын Черемисинов мая в 1 день. А другую половину дворян взял и пожаловал государь после» (Э, л. 327 об.). Но амнистия касалась только части опальных дворян. При этом многие из них, как мы увидим ниже, позднее были казнены.

² Э, л. 327 об.

³ ДРК, стр. 254.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 237—238, 525; «Сборник РИО», т. 59, стр. 452—453; «Послания Ивана Грозного», стр. 40.

⁵ В 1563 г. дело о побеге Семена Ростовского царь снова пересматривал («Описи Царского архива XVI века...», стр. 35). С. В. Лобанов не встречался в разрядах после 1553 г., а А. И. Катыврев после 1557 г., когда впервые упоминается с боярским титулом (ДРК, стр. 161, 178, 188). В описи Царского архива хранилось «дело князя Ондрея Катыврева с воеводами юрьевскими, как приходил майстр ливонской к Юрьеву» («Описи Царского

в Поволжье они были казнены¹. По сильно преувеличенным сведениям Шлихтинга, царь «умертвил весь род Ростовского, более 50 человек», да и вообще из всего «семейства Ростовских» погибло около 60 человек². В синодиках упомянуто, по неполным данным, примерно полтора десятка ростовских княжат, казненных на протяжении опричнины в разные годы и по различным причинам.

Казни и опалы первой половины 1565 г., как мы видим, направлены были в первую очередь против тех, кто еще в 1553 г. поддержал Владимира Старицкого, оказав сопротивление прямо выраженной царской воле³. Однако это было не просто запоздалым возмездием крамольным боярам, а, скорее, превентивным мероприятием, которое ставило своей целью подорвать основную опору старицкого князя среди московской аристократии.

Казнями и насильственным пострижением в монахи не исчерпывались репрессии, которые Иван Грозный обрушил на феодальную знать сразу же после введения опричнины. Не меньшее значение царь придавал насильственному отрыву княжат от их старинных владений. То, чего правительство не достигло указами 1551 и 1562 гг., теперь пытались осуществить путем массового переселения опальных княжат и детей боярских на окраины Русского государства и конфискации их земель в центре России.

Следы «свода» княжат, воскрешавшего аналогичные мероприятия Ивана III, сохранились в дошедших до нас

архива XVI века...», стр. 38). Это позволяет думать, что А. И. Катыреву могли инкриминироваться обвинения в сношениях с ливонскими немцами или попытка снова бежать за рубеж.

¹ С. В. Веселовский относит сведения Шлихтинга о казни князя Ростовского, жившего в Нижнем Новгороде, к Андрею Ивановичу (С. В. Веселовский, Указ. соч., стр. 434). Это ошибка: в Нижнем Новгороде воеводой еще до 13 марта 1565 г. был С. В. Ростовский (ДРК, стр. 254). А. И. Катырев-Ростовский находился в Свияжске еще в ноябре 1567 г. («Список с писевой и межевой книги города Свияжска и уезда», Казань, 1909 (далее «Список...»), стр. 3).

² А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 21; РИБ, т. XXXI, стб. 283.

³ См. также Г. Н. Бибиков, К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного.— «Труды ГИМ», вып. XIV, 1941, стр. 220—221.

Казанской и Свияжской писцовых книгах 1564—1568 гт.¹ Выше было приведено распоряжение царя о ссылке в Казань и Свияжск ярославских и ростовских княжат «и иных многих князей и дворян». Посмотрим теперь, как оно выполнялось. Основная часть писцовой книги по городу Казани составлена, вероятно, в 7074 г. (1565/66 г.)², ибо в ней уже находим многих казанских жителей из числа сосланных туда в мае 1565 г.³ Поместья они получили по октябрьскому «отделу» 1565 г.⁴ После возвращения части княжат и дворян пересмотр владений произведен был в октябре 1566 г.⁵ Большинство опальных княжат и детей боярских, помещенных в книге, исчезают из разрядных книг после 1564 г., несмотря на то что часть из них были возвращены в 1566 г. в столицу.

Одной из наиболее размножившихся ветвей ярославских княжат были Засекины (Баташевы, Солнцевы, Жировые, Ноздруковы, Черные, Сандыревские). В 50-х годах в государеве дворе их числилось 39 человек (девять умерли в те же годы). В казанской книге у нас есть сведения о ссылке следующих Засекиных: Семена Ивановича Баташева, Ивана Ивановича Владимирова, Андрея и Ивана Ивановичей Черных, Андрея Ивановича Ноздрукова, а также Дмитрия Петровича, Ивана Юрьевича Смелого, Михаила Федоровича, Льва Ивановича и Ивана Андреевича,

¹ Подробнее об этом мероприятии см. Р. Г. Скрынников, *Опричная земельная реформа Грозного. 1565 г.*— «Исторические записки», кн. 70, 1961, стр. 223—250.

² В заголовке копии XVII в. указано: «Список с писцовых книг окольного Микиты Васильевича Борисова да Дмитрия Одреева сына Кикина 74-го, и 75-го, и 76-го годов». В 7075 и 7076 гг. книга, вероятно, только дополнялась (см., например, «Материалы...», стр. 59). Во всяком случае городской торг описывался уже в октябре 1565 г. («Материалы...», стр. 56). Казанский и Свияжский уезды описывались в 1567/68 г. (ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 134 об.; «Список...», стр. 3).

³ «На посаде ж дворы князей и детей боярских, которым государь велел быть в Казани на житье, а давали им по государеву наказу в 73-м году казанские воеводы боярин князь Петр Андреевич Булгаков и все воеводы, дворы белые оцены...» («Материалы...», стр. 13).

⁴ «Список...», стр. 79, 84.

⁵ ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 134 об.; «Список...», стр. 84, 86 и др.

всего десяти человек¹. Василия Федоровича, Василия и Ивана Дмитриевичей Жировых, Дмитрия Васильевича Солнцева, Андрея Лобана Петровича и Ивана Гундорова Засекиных мы находим в Свияжске². Почти все они входили в состав государева двора 50-х годов XVI в.

В Казани находим на жительстве ростовских детей боярских — потомков ярославских князей Ивана и Дмитрия Дмитриевича Шестуновых³. В начале 1565 г. за какую-то служебную провинность были сосланы в Казань Данило Юрьевич Сицкий и Иван Поярков сын Квашнин (сын боярский по Клину)⁴. (Обоих позже мы находим в синодиках.)⁵ Данила Юрьевич и его племянник Юрий Иванович действительно в 1565/66 г. проживали в Казани⁶. Иван Поярков сын Квашнин в 1565 г. тоже владел казанским поместьем⁷. Из ярославских княжат мы также находим в Казани Данилу и Ивана Васильевичей, Федора Даниловича и Семена Юрьевича Ушатых⁸, Ивана Григорьевича и Семена Александровича Щетинина (дворовый сын боярский по Ржеву) и Андрея Федоровича Аленкина⁹.

¹ «Материалы...», стр. 8—10, 14, 15, 25, 26, 28, 29; ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 187 об. Из них казнены были Семен Баташев и Семен Иванович Засекин. Убиты были также Иван Баташев, Михаил и Борис Глебов (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 385—386). Иван Борисов Жировой-Засекин в 1570 г. был опричником (В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 39).

² «Список...», стр. 88.

³ «Материалы...», стр. 20, 22. Мы отождествляем Дмитрия Шестунова писцовой книги с Дмитрием Дмитриевичем, так как окольный Дмитрий Семенович Шестунов исчезает из источников еще в 1558 г. О бежавшем в Литву сыне их двоюродного брата Василия Андреевича Шемахее говорилось выше.

⁴ «Государь на князя Данила Сицкого и на Ивана Квашнина опалу свою положил и послал их в Казань на житье» (Э, л. 316).

⁵ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 394—395, 445.

⁶ «Материалы...», стр. 28—29.

⁷ ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 187; «Материалы...», стр. 27, 28.

⁸ ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 78, 140 об., 179 об. По словам Курбского, Иван IV «погубил всеродне» Ушатых (РИБ, т. XXXI, стб. 285). В синодиках упоминается только Данила Чулков Ушатый (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 462).

⁹ «Материалы...», стр. 8, 11, 12, 18; ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 181 об. В 1559 г. Аленкин годовал воеводой в Казани. Казнен после апреля 1567 г. (РИБ, т. XXXI, стб. 307; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 355).

Измельчавшая ветвь ярославских княжат Морткиных в середине XVI в. владела землями в Бежецком Верхе и в Ржеве. Бежичане Василий Иванович, Лев Васильевич и два Ивана Морткиных на некоторое время попали в Свияжск в 1565/66 г.¹ Обзавелись дворами и поместьями в Казани опальные Иван и Михаил Григорьевичи, Дмитрий и Иван Юрьевичи Темкины-Ростовские².

Основная масса ростовских княжат была испомещена в Свияжске. Здесь дворами в городе и поместьями в уезде владели еще в 1567/68 г. боярин Андрей Иванович Катыв-Ростовский, Михаил Федорович Бахтеяров-Ростовский, Никита Дмитриевич Янов-Ростовский³. Осенью 1565 г. поместья получили Иван Васильевич Темкин-Ростовский, Федор Дмитриевич Янов, Роман Андреевич Приимков с сыном Владимиром, Михаил Андреевич Приимков с сыном Дмитрием, Василий Васильевич Волк-Ростовский, Андрей Матвеевич Бычков, Иван Семенович и Федор Михайлович Лобановы-Ростовские⁴.

Стародубские княжата в Казани были представлены Никитой Ивановичем и Иваном Ромодановскими, Афанасием Нагаевым, Владимиром Ивановичем, Иваном и Федором Семеновичами и Юрием Юрьевичем Гагаринскими (первый служил по Клину, второй по Твери, последние двое по Вязьме)⁵. В Свияжске находились Никита Михайлович Стародубский, Андрей, Василий Большой, Василий Меньшой и Федор Ивановичи Кривоборские⁶. Неко-

¹ «Список...», стр. 82.

² «Материалы...», стр. 28; ЦГАДА, ф. 1209, л. 152—152 об., 178 об. Дядя последних двух князей Ростовских Василий Иванович Темкин попал в литовский плен и, после того как в 1567 г. был выпущен на свободу, стал на недолгое время опричным боярином, но в 1571 г. казнен. По местному преданию, Дмитрий и Иван Юрьевичи Темкины также «замучены в опричину» (В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 77; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 433—435).

³ «Список...», стр. 8, 68—70, 78—81.

⁴ Там же, стр. 70, 71, 78, 79, 83—86, 93, 99.

⁵ «Материалы...», стр. 17, 23, 24, 28, 30. Владимир Гагарин был записан в синодик (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 372). Никита Ромодановский в 1569—1570 гг. был воеводой в Перми («Акты исторические» (далее — АИ), т. I, СПб., 1841, № 179, стр. 340—341).

⁶ «Список...», стр. 16, 67, 73.

торое время владели казанскими поместьями вязьмичи Андрей и Дмитрий Шемяка (Юрьевы дети) Гагарины с «братью и племянники»¹. Некоторое время находились в казанской и свияжской ссылке Андрей Иванович, Иван Васильевич, Василий и Иван Дмитриевичи и Роман Иванович Гундоровы². Из Пожарских там мы находим Семена, Михаила и Петра Борисовичей и Федора, сына Ивана Ивановича Меньшого³. Ярославский помещик князь Иван Семенович Ковров также в 1565—1566 гг. был в Свияжке⁴. Здесь же были поселены Иван и Петр Андреевичи Ковровы⁵.

К Оболенским княжатам принадлежал попавший на жительство в Среднее Поволжье Андрей Иванович Стригин (Казань)⁶, а также Василий Борисович Тюфякин с детьми Михаилом и Василием, в 1565—1566 гг. владевшие поместьем в Свияжке⁷. Потомками черниговских княжат были «новые казанские жильцы» Борис и Семен Ивановичи Мезецкие (последний в середине XVI в. дворовый сын боярский по Мурому)⁸.

Ссылке на поселение в Казань и Свияжск подверглись и родичи Алексея Адашева. В Свияжке оказались многочисленные костромичи Ольговы-Шишкины (Федор Никифоров, Федор Семенов, Никита, Василий, Кислый и Десятый Федоровы дети, Константин, Федор и Пятой

¹ ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 145 об.

² Там же, л. 239; «Список...», стр. 75, 88.

³ «Список...», стр. 82, 84; см. *Л. М. Савелов*, Князя Пожарские. Родословие.— «Летопись историко-родословного общества в Москве», вып. 2 и 3, М., 1906, стр. 18, 19, 21. Еще в 1556 г. в Свияжке городничим служил другой Пожарский, Федор Иванович (Третьяков) (ДРК, стр. 185). В 1602 г. его внук Дмитрий Пожарский (позднее прославленный герой), говорил, что «в те, государь, поры» (т. е. в 1555/56 г.— А. З.) его дед был «сослан в Казань в вашей государственной опале» («Сборник Муханова», изд. 2, СПб., 1866, стр. 160). Здесь какая-то неясность. Пожарские попали в опалу летом 1565 г. Еще в марте этого года Ф. И. Пожарский-Третьяков выступал поручителем по И. П. Яковлеву (СГГид, ч. I, № 184, стр. 508).

⁴ «Список...», стр. 75, 89.

⁵ Там же, стр. 74.

⁶ «Материалы...», стр. 15. А. И. Стригин упоминается позднее в разрядах 1570 г. («Синбирский сборник», стр. 26).

⁷ «Список...», стр. 79.

⁸ «Материалы...», стр. 14, 15, 27.

Васильевы)¹. Свяжскими помещиками сделались и Путиловы², родственники Ольговых³. Вероятно, переселение Ольговых и Путиловых имел в виду Курбский, когда писал, что царь велел многих «сродников» Адашева «ото именеи их из домов изгоняти в дальные грады»⁴. В Казани мы находим Василия и Федора Михайловых детей Турова (родственников казенного в 1567 г. костромича Петра Ивановича Турова)⁵. Вероятно, большинство родичей бежавшего в Литву Тимохи Тетерина оказались в Казани⁶. В 1557 г. обрывается карьера костромича Тихона Гаврилова Тыртова, которого мы сначала видим живущим в Казани, а затем имя его встречаем в синодиках Ивана IV⁷. В Казани и Свяжске оказались следующие дворовые дети боярские: князь Василий Григорьевич Чесноков Андомский (вероятно, с Белоозера)⁸, князь Борис и Иван Дмитриевичи Бабичевы (Романов)⁹, Михаил Андреевич Безнин (Можайск)¹⁰, Замятия Андреевич Бестужев

¹ «Список...», стр. 20, 79, 89, 90, 92, 95, 98.

² В том числе Богдан Суворов сын, Иван, Василий и Федор Семеновы дети, Остафий и Федор Захарыны, Михаил Яковлев («Список...», стр. 17, 22, 47, 79, 87, 93, 94, 95). Один из Путиловых (Авксентий) попал в синодик опальных (*С. Б. Веселовский*, Указ. соч., стр. 432).

³ *П. А. Садиков*, Очерки по истории опричнины, стр. 121.

⁴ РИБ, т. XXXI, стб. 276—277. Р. Г. Скрынников полагает, что со сподвижником Адашева Вешняковым были связаны многочисленные Онучины, проживавшие в 1565 г. в Казани (*Р. Г. Скрынников*, Опричная земельная реформа Грозного. 1565 г.—Исторические записки, кн. 70, 1961, стр. 237).

⁵ «Материалы...», стр. 30; ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 179.

⁶ В писцовой книге упоминаются: Василий Гундоров, Василий Иевлев, Григорий Гундоров, Михаил, Осиф, Семен, Ширый Тетерины, «с братью и племянники» — 11 человек (ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 151, 152 об.). Все они, по данным синодиком и Курбского, позднее были казнены (РИБ, т. XXXI, стб. 304; *С. Б. Веселовский*, Указ. соч., стр. 453—455). Карьера Тетериных обрывается, судя по разрядам, после 1558 г., возможно, в связи с опалой на Адашева еще до побега Тимохи. А казни Тетериных могли быть ответом на бегство Тимохи в Литву.

⁷ «Материалы...», стр. 14. Здесь же, в Казани, находим костромича Тарха Гаврилова и Васюка и Бориса Злобинных детей Тыртовых («Материалы...», стр. 16; ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 147).

⁸ «Материалы...», стр. 28.

⁹ Там же, стр. 15, 30.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 193.

(Суздаль)¹, Михаил Образцов сын Бестужев Рогатого (Кострома)², Василий Никитич Бороздин (Кашия)³, Рудак Неклюдов сын Бурцев (возможно, из псковичей)⁴, Иван Михайлов сын Головин (Москва)⁵, Федор Услюмов сын Данилов (Москва)⁶, Никифор, Семен и Хабар Васильевичи Дуровы (Москва)⁷, Андрей Васильевич Дятлов (Боровск)⁸, Федор Васильевич Еропкин⁹, Феодосий Терентьев Заболоцкий (Переяславль-Залесский)¹⁰, Федор Семенов сын Змеев (Клин)¹¹, Яков Федорович Кашкарев (Торжок)¹², Андрей и Мамай Ивановичи и Андрей Михайлович Киреевы¹³, Иван Елизаров сын Михнев (Тула)¹⁴, князь Василий Андреевич Молосков (вероятно, Молоцкий)¹⁵, Семен Ярцев и Отай Нармацкие (из владимирских детей боярских) и Яков Стромиллов (Юрьев)¹⁶, Афанасий Дмитриевич Ржевский¹⁷, Иван Никитин, Василий и Федор Даниковы дети Сотницкие (Кострома)¹⁸, Гордей

¹ «Материалы...», стр. 29.

² «Список...», стр. 80, 82, 83. Позднее казнен (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 360).

³ «Материалы...», стр. 28. Позднее казнен (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 361).

⁴ «Список...», стр. 80. Казнен был Дорофей Бурцев (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 363).

⁵ «Материалы...», стр. 15.

⁶ Там же, стр. 27. Позднее казнен (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 376).

⁷ «Список...», стр. 78, 93.

⁸ «Материалы...», стр. 27. В Казани имели дворы еще «старые жильцы» Григорий и Меньшик Васильевы дети Дятловы (из Боровска). А. В. Дятлов казнен после 1564 г. (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 381—382).

⁹ «Список...», стр. 78, 84.

¹⁰ «Материалы...», стр. 15. О его казни пишет Курбский (РИБ, т. XXXI, стб. 303).

¹¹ «Материалы...», стр. 28.

¹² «Список...», стр. 78, 80, 84. Андрей и Азарий Кашкаревы погибли в опричнину (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 393—394).

¹³ «Список...», стр. 48, 79, 95—97.

¹⁴ «Материалы...», стр. 27.

¹⁵ Там же, стр. 21.

¹⁶ Там же, стр. 28, 8.

¹⁷ «Список...», стр. 81. Иван Ржевский был занесен в синодики (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 433).

¹⁸ «Материалы...», стр. 28, 29. Последние двое занесены в синодики (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 446—447). Несвитаи

Борисович Ступишин (Переяславль-Залесский)¹, Мансур Матвеев сын Товарищев (Суздаль)², Юрий Андреев Феллатев³, Юрий и Василий (вероятно, Дмитриев) с сыном Ширяем Хвостовы (Суздаль)⁴, Василий Шереметев сын Хлуднев (Переяславль)⁵, Андрей Иванович и Михаил Юрьевич Шеины (Москва)⁶, Петр Васильевич Шестов (из ржевских детей боярских)⁷, Елизар Романов сын Шушерин (Дорогобуж)⁸.

Трудно сказать, какими конкретными провинностями вызывалось в каждом случае переселение этих княжат и детей боярских в Казань. Прямой связи с выселением из опричных уездов усмотреть нельзя, ибо подавляющее большинство их служили не с земель, вошедших в опричнину. Переселениями в Поволжье Иван Грозный продолжал репрессии против сторонников Избранной рады и тех, кто, по его представлениям, мог поддержать претензии Владимира Старицкого на московский престол. Система «свода», кстати говоря, применялась и к посадским людям. В Казани встречаются сведенцы — торговые люди и ремесленники из Твери, Костромы, Владимира, Вологды, Рязани, Пскова, Углича, Устюга, Москвы и Нижнего Новгорода. Переселенческая политика правительства Ивана IV свидетельствовала о стремлении русифицировать новоприсоединенные районы Среднего Поволжья.

Сотницкий числился казанским «старожильцем» («Материалы...», стр. 28). Третьяк Яковлев и Борис Окинфов Сотницкие испомещены были в Свияжске («Список...», стр. 79, 100, 101).

¹ «Список...», стр. 80, 81. Позднее казнен (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 449).

² «Материалы...», стр. 28. Последнее сведение о нем — 1564 г. Четверо Товарищевых казнены (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 455—456).

³ «Список...», стр. 103.

⁴ «Материалы...», стр. 31, 32. Все Хвостовы были казанскими старожильцами. Более десятка Хвостовых-Пыжовых казнено (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 464—465).

⁵ ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 181. Василий Хлуднев (Хлуднев) упоминается в синодиках (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 466).

⁶ «Список...», стр. 69, 72. Оба они позднее казнены (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 470).

⁷ «Материалы...», стр. 29.

⁸ Там же, стр. 27. Занесен в синодики (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 473); «Список...», стр. 80.

Обстановку опричных выселений наглядно изображают Таубе и Крузе. «Представители знатных родов,— пишут они,— были изгнаны безжалостным образом из старинных унаследованных от отцов имений... Эти бояре были переведены на новые места, где им были указаны поместья». Особенно туго пришлось переселенцам из Костромы, Ярославля, Переяславля и других областей, «в которых жило больше 12 000 бояр», а в опричнину пошло не более 570. «Остальные должны были тронуться в путь зимой среди глубокого снега... Если кто-либо из горожан в городах или крестьян в селах давал приют больным или роженицам хотя бы на один час, то его казнили без всякой пощады. Мертвый не должен был погребаться на его земле, но сделаться добычей птиц, собак и диких зверей»¹.

Испытанным средством обеспечения благонадежности крупных политических деятелей продолжала служить порука. В 1565—1566 гг. были взяты три поручные грамоты: по Л. А. Салтыкове, И. П. Яковлеву и М. И. Воротынском.

Лев Андреевич Салтыков принадлежал к числу опытейших московских администраторов середины XVI в. Наследовав в 1549 г. после своего отца дворовую должность оружничего, он последовательно поддерживал Ивана Грозного в его начинаниях. В марте 1553 г. Лев Салтыков, вероятно вместе с братом Яковом, отстаивал кандидатуру царевича Дмитрия в качестве наследника Ивана IV и в том же году получил звание окольного². В конце 50-х — начале 60-х годов XVI в. он уже становится боярином³. Это было время расцвета его деятельности.

¹ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 36. Таубе и Крузе, как мы видим, различают по времени первоначальные переселения 1565 г. и те, что произошли «следующей зимой», т. е. зимой 1565/66 г. Однако, говоря о более тяжелых условиях, в которых происходило выселение служилых людей из Костромы, Переяславля и других городов, они не делают различий между выселением по январскому указу 1565 г. и тем, которое вызывалось личной опалой.

² ДРК, стр. 161.

³ В декабре 1558 г. он еще окольный (В. Г. Добронравов, История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславль-Залесском. Сергиев-Посад, 1908, приложения, отд. I, № 13, стр. 31), а в 1560—1561 гг.— боярин (С. А. Шумаков, Обзор грамот Коллегии экономии (далее — Обзор...), вып. IV, М., 1917, № 240. 1453, стр. 100, 525).

Во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов Л. А. Салтыков фактически вершил дела в государеве дворце. В частности, он «приказывал», т. е. выдавал, многочисленные жалованные грамоты¹, вел судебные дела по земельным вопросам², выменивал царю земли³, подписывал сотные выписи на дворцовые села с установлением норм крестьянских повинностей⁴. В его канцелярию направлялись памяти с законодательными предписаниями⁵.

Как мы уже писали, Салтыков при утверждении опричнины попал в опалу и был лишен звания оружничего⁶. Очевидно, поручная по Салтыкове, датированная 7073 г., относится к концу 1564 — началу 1565 г.⁷ Грамота очень лаконична: 84 детей боярских ручались, что Л. А. Салтыков и его дети Михаил и Иван никогда не отъедут и не побегут. В случае же их отъезда поручители обязались уплатить 5 тысяч рублей.

В марте 1565 г. поручные берутся по И. П. Яковлеву⁸. Получив первые разрядные должности уже в 1547 г.,

¹ ААЭ, т. I, № 249; *И. А. Вахромеев*, Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I, № XXX, стр. 38—39; *С. А. Шумаков*, Обзор..., вып. IV, № 1305, 1453, 1454; *В. Г. Добролюбов*, Указ. соч., № 13, стр. 31; См. также *В. Б. Кобрин*, Состав опричного двора Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 71—72.

² *С. А. Шумаков*, Обзор..., вып. IV, № 240, стр. 100—101.

³ Там же, № 1131, стр. 410—411.

⁴ *С. А. Шумаков*, Обзор..., вып. I, стр. 120—123.

⁵ ПРЦ, вып. IV, стр. 547.

⁶ Еще 11 декабря 1564 г., т. е., очевидно, до опалы, ему как боярину (фактически исполнявшему обязанности дворецкого) направлялись грамоты о «бережении» князя М. И. Воротынского (АИ, т. I, № 174, стр. 333—336). В июне 1566 г. оружничим уже именуется А. И. Вяземский («Сборник РИО», т. 71, стр. 353). В грамотах 10 апреля, 19 мая и 12 сентября 1564 г. Л. А. Салтыков называется просто боярином без указания на оружничество (*С. А. Шумаков*, Обзор..., вып. IV, № 1454, стр. 525; вып. III, стр. 133; *И. А. Вахромеев*, Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I, № XXX), но, судя по характеру документов, он все еще продолжал выполнять дворцовые функции.

⁷ СГГид, ч. I, № 185, стр. 514.

⁸ СГГид, ч. I, № 182—184. 28 марта «крест целовал» сам И. П. Яковлев, чтобы государь ему «вины отдал» (№ 187); вторая грамота — отписка новгородского архиепископа Пимена — дати-

Яковлев стал в 1550 г. тысячником первой статьи по Коломне, в 1557 г. — окольным, а в 1558 г. — боярином. Опала на боярина И. П. Яковлева, вероятно, вызывалась его нерадивой деятельностью во время нашествия Девлет-Гирея осенью 1564 г. Кстати, и на этот раз пострадал боярин при номинальном командующем вооруженными силами Владимире Старицком¹. Возможно, в то же время бросили в темницу В. В. Морозова (окольный с 1551 г., боярин с 1561/62 г.), который при Яковлеве был воеводой сторожевого полка².

В том же, 1565 г. поручную по боярине В. С. Серебряном дали около 170 детей боярских и даже четверо торговых людей³. Увеличение числа поручников сопровождалось привлечением к поручке менее знатных представителей дворянства, служивших не по дворовому, а городовому списку. В. С. Серебряный, ставший боярином еще в 1549 г., вероятно, как и его брат Петр, в 1553 г. поддерживал князя Владимира Андреевича. По разрядам нельзя проследить ни обстоятельств, вызвавших недоверие царя к Серебряному, ни каких-либо изменений в его служебном положении⁴.

Взятие поручки в 1565—1566 гг., как правило, кончало опалу и возвращало выреченного боярина в число доверенных лиц царя. Так было, например, с З. И. Очиным-Плещеевым и И. П. Охлябининым, по которым в 1566 г.

рована 2 июня 1565 г. (№ 183); третья — поручная бояр И. Д. Бельского, И. И. Пронского, И. П. Федорова, окольного А. А. Бутурлина и более 130 детей боярских.

¹ ДРК, стр. 251.

² Э, л. 315. Он долго содержался в тюрьме (РИБ, т. XXXI, стб. 303; А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 33). Л. М. Сухотин относит заключение Морозова к 1564 г. и к этому же году казнь Д. И. Хилкова (Л. М. Сухотин, Иван Грозный до начала опричнины, стр. 85; ср. С. В. Веселовский, Указ. соч., стр. 438). Д. И. Хилков последний раз упоминается в разрядах в 1561/62 г. (ДРК, стр. 212). Никаких известий о его казни в синодиках нет. Сведение шереметевского списка о том, что Хилков «выбыл» из думы в 1563/64 г., подкрепляется только сообщением А. М. Курбского о казни Дмитрия Ряполовского (Хилкова).

³ СГГД, ч. I, № 186, стр. 518—525.

⁴ В 1565—1566 гг. и апреле 1567 г. он, как обычно, занимал высокие разрядные должности (Э, л. 334; ДРК, стр. 267; «Синбирский сборник», стр. 18).

Царь Иван Васильевич Грозный. Парсуна XVI в.
Копенгаген.

после возвращения из литовского плена взяты были полусимволические поручные записи¹. Оба они сразу же вошли в состав опричнины².

1565 год был заполнен строительством опричного аппарата, персональным отбором «людишек», испомещением «верных слуг», переселениями лиц, внушавших опасение.

¹ СГГид, ч. I, № 194, 195.

² В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 54, 60—61.

Царь подолгу жил в Слободе, разъезжал по своим новым владениям¹, строил осенью каменную крепость в опричной Вологде, свозил туда к весне «всякие запасы». Вологда занимала выгодное положение на путях к Холмограм, важнейшему торговому порту на севере России. Строителем вологодского кремля был Размысл (Негг Аямус)², который известен как один из выдающихся инженеров, отличившийся при взятии Казани³. Уже летом 1566 г. английский дипломат Антоний Дженкинсон сообщал, что по распоряжению царя в Вологде строится кремль величиной в 2400 саженьей⁴.

Все это не позволило русскому правительству предпринимать сколько-нибудь широкие внешнеполитические акции. Весной 1565 г. завершились переговоры о семилетнем перемирии со Швецией⁵. Местного характера столкновения происходили в Псковщине (под Красным городком и Воронечем)⁶. Небольшие стычки русских и литовских войск летом в смоленских, полоцких, рославль-

¹ Первая поездка продолжалась с 6 июня по 3 июля: царь был в Троице-Сергиевом монастыре, затем 17—20 июня — в Александровой слободе, 22 июня — в Переяславле, 26—27 июня — в селе Андреевском (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 11, л. 300, 301, 305, 305 об.; С. А. Белокуров, Сношения России с Кавказом, М., 1849, стр. LXII; ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 396, 397). Вторично царь выехал из Москвы 21 сентября, а вернулся 27 декабря (ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 399, 400), побывав в Троице-Сергиевом монастыре, Александровой слободе, Переяславле, Ростове, Ярославле и Вологде.

² *E. W. Niekerken, F. Epstein, W. Kirchner*, Указ. соч., стр. 145. У Розмысла Петрова сына было поместье в Коломенском уезде (ПКМГ, отд. I, ч. I, стр. 485). Повесть о взятии Казани называет его «родом литвин» (*А. Н. Насонов*, Новые источники по истории Казанского «взятия». — «Археографический ежегодник за 1960 год», М., 1962, стр. 19).

³ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 506.

⁴ *И. Х. Гамель*, Англичане в России в XVI и XVII столетиях, СПб., 1865, стр. 72. По Вологодскому летописцу приготовления к строительству вологодской крепости начались еще в 1564/65 (7073) г., а основание ее было заложено на следующий год («Вологодский летописец», Вологда, 1874, стр. 23).

⁵ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 396.

⁶ ПЛ, вып. II, стр. 247; *Kronika Marcina Bielskiego*, т. II, стр. 1155; *Kronika Polska... Macièja Strykowskiego*, т. II, стр. 416. 12 февраля под Красный отправлены были воеводы И. В. Шереметев Большой и И. А. Шуйский (Э, л. 315 об.).

ских и псковских местах не внесли изменений на западном фронте. Дело началось, по донесению русских воевод, успешным поиманием «языков»¹. В июне по распоряжению правительства из Юрьева вывели «бурмистров и посадников и ратманов — всех немец», по официальной версии, «за их измены» (во Владимир, Нижний Новгород, Кострому и Углич)². Летом и осенью шел усиленный обмен гонцами с ногаями и Крымом³.

Несколько активизировались военные действия осенью. Под Болховом в октябре появился Девлет-Гирей, но и на этот раз ненадолго⁴. Почти одновременно, как и год тому назад, начались столкновения на западе. Литовские отряды совершали набеги в район Заволочья (в Ржевский уезд), полоцких и озеричских волостей⁵. В свою очередь и русские воеводы ходили в Литовскую землю из Смоленска⁶.

Эти походы не внесли ничего нового в ход Ливонской войны. Они интересны лишь тем, что в военных действиях впервые принимали участие опричные полки. Так, под Болхов осенью 1565 г. наряду с земскими воеводами направлены были «из опришнины» А. П. Телятевский, Д. И.

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 397, 398; ПЛ, вып. II, стр. 247—248; ДРК, стр. 264.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 397; «Прибалтийский сборник», т. IV, стр. 36; т. III, стр. 155. Во Пскове игумен Корнилий по этому поводу писал: «Не ведаем за што, бог весть, изменив прямое слово, што воеводы дали им, как Юрьев отворили, што было их не изводить из своего города или будет они измену чинили» (ПЛ, вып. II, стр. 248). Генрих Штаден пишет, что юрьевский наместник Михаил Морозов «оболгал лифляндцев перед великим князем так, что великий князь приказал вывести всех немец с женами и детьми из Лифляндии, из Дерпта, Феллина и Нарвы в свою землю, в 4 города: Кострому, Владимир, Углич и Кашин» (*Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 87). Федору Ивановичу Умному, отправившемуся с посольством в Литву, предложено было говорить, что «юрьевских немец перевести велел государь того дня, что они ссылались с маистром ливонским, а велели ему придти под город со многими людьми и хотели государю нашему изменить» («Сборник РИО», т. 71, стр. 469).

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 396, 398.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 399; ДРК, стр. 267—268; А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 22, 429.

⁵ «Сборник РИО», т. 71, стр. 320.

⁶ Э, л. 328 об.

и А. И. Хворостинины (из Москвы), а также Д. И. Вяземский и М. Белкин (из Белева)¹. Не питая доверия к земским воеводам, царь составлял смоленский разряд (осенью того же года) так, чтобы в каждом полку были преданные ему лица из опричнины или близкие царю татарские царевичи. Так, в большом полку первым воеводой назначен был царевич Ибак, вторым — земский боярин князь В. С. Серебряный; в полку правой руки — царевич Кайбула, вторым — боярин П. С. Серебряный; в передовом полку — князь П. Д. Щепин и опричник И. П. Охлябинин; в сторожевом полку — боярин И. В. Шереметев Меньшой и опричник И. И. Очин-Плещеев; в левой руке — опричник З. И. Очин-Плещеев и А. Гундоров². Кроме контроля над действиями земских военачальников таким смешанным разрядом достигалось «повышение чести» опричных воевод³.

Осенью или зимой 1565 г. в опалу попал боярин князь Петр Михайлович Щенятев⁴. Непосредственные обстоятельства этого события выяснены П. А. Садиковым⁵.

¹ ДРК, стр. 268.

² Э, л. 328 об.—329.

³ Неясным остается вопрос о калужском разряде лета 1565 г. Здесь мы встречаем среди воевод одних опричников (Э, л. 325). В. Б. Кобрин считает дату сомнительной, ибо В. И. Темкин в это время был в плену (В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 17). Однако в разряде упоминается не Василий Иванович, а его сын Иван Васильевич Темкин, появившийся в разрядах в 1570 г. Гораздо более серьезным обстоятельством служит то, что Ф. М. Трубецкой, до октября 1570 г. земский воевода, в октябре он также «возглавляет опричные войска в Калуге, как и в записи 1565 г.» («Сибирский сборник», стр. 252). Сомнительным кажется В. Б. Кобрину и слишком раннее деление опричных войск на пять полков (сначала там было три полка). Мы уже указывали также на путаницу в пространной редакции разрядов под 1566 г.

⁴ Об опале и казни Щенятева см. А. Тигов, Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях, Ярославль, 1881, стр. 26; РИБ, т. XXXI, стб. 383; И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 41; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 400; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 473—474. С. Б. Веселовский считает, что Щенятева казнили 5 августа 1565 г. Но эта дата ошибочна, ибо князь еще упоминается здравствующим в сентябрьском разряде 1565 г. (ДРК, стр. 266, 268). Курбский сообщает, что перед казнью Щенятев постригся в монахи.

⁵ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 25.

Во время набега Девлет-Гирея на Болхов (октябрь 1565 г.) П. М. Щенятев вместе с И. В. Шереметевым (Меньшим) были назначены воеводами передового полка. Однако воеводы разместились, и Ивану IV пришлось двинуть против крымского хана опричные полки¹. Вероятно, после этого Щенятев попал в немилость и его владения (до февраля 1566 г.) были конфискованы², а сам Щенятев постригся в монахи. В апреле 1566 г. Иван IV побывал в Болхове и, очевидно, расследовав обстоятельства местничества бояр, подверг Щенятева пытке, от которой тот и скончался (в августе того же года). Впрочем, у царя были уже давно причины относиться с подозрением к Щенятеву. Трюродный брат опальных князей Куракиных Щенятев возвысился еще в годы боярского правления, принадлежал к сторонникам боярской группировки И. Ф. Бельского (последний был женат на его сестре)³. Во время событий 1553 г. Щенятев поддерживал кандидатуру Владимира Старицкого.

К началу 1566 г. Иван Грозный решил наконец нанести новый серьезный удар старицкому князю Владимиру Андреевичу. Поводом к этому, возможно, была бездеятельность князя Владимира (может быть, вынужденная, ибо царь сам же вслестически лишал своего родича какой-либо инициативы) во время осеннего набега Девлет-Гирея. В сентябре старицкий князь, сопровождаемый недавно прощенными боярами М. И. Воротынским и И. П. Яковлевым, должен был стоять «для бережения от воинских людей на Туле». При этом полки находились под командованием бояр, «а князю Володимеру Андреевичу ходит по вестем, только придут на которые места царевичи, по его наказу»⁴. Вероятно, старицкий князь ничего не сделал (не мог сделать или не хотел — остается неясным) ни для

¹ ДРК, стр. 268.

² «Село Собакино, что было княже Петровское Щенятева» упоминается среди тех земель, которые царь отдал в феврале 1566 г. Владимиру Старицкому (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 400).

³ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 140—141; *Н. П. Лихачев*, Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий. — «Известия Русского генеалогического общества», вып. I, СПб., 1900, стр. 71.

⁴ ДРК, стр. 265—266.

предотвращения набега крымского хана, ни для разгрома его сил. Вскоре после этого наступило время расплаты. Если в 1563 г. у князя был «переменен» весь состав его двора, то в начале 1566 г. Иван IV сменил всю территорию его удела. В январе, сразу же после возвращения царя в Москву после двухмесячного отсутствия в столице, у Владимира Андреевича в обмен на Дмитров забрали его основную резиденцию — Старицу¹. В феврале произошел обмен Алексина на Боровск и, наконец, в марте выменяли Верею и замосковные волости на Звенигород² и Стародуб Рязоловский с селами. Владимир Андреевич получал старинные удельные земли, разбросанные в разных частях государства³. Царь рассматривал Владимира Андреевича как знамя антиправительственных сил и стремился обеспечить полное подчинение себе неудачного претендента на московскую корону.

Обмен землями, лишивший князя Владимира прочной опоры в лице старицких вассалов, знаменовал собой решительное наступление на крупнейшее удельное княжество, оставшееся к тому времени на Руси.

Таким образом, уже предыстория опричнины и первый год ее существования показывали, что правительство Ивана IV своим основным политическим противником считало старицкого князя и тех влиятельных представителей феодальной аристократии, которые могли быть его опорой.

Государственные мероприятия, осуществленные в первый год опричнины, русское правительство рассматривало как необходимое предварительное условие для решения вопроса о дальнейшем ходе Ливонской войны. Еще в августе 1565 г. в Москву прибыл гонец из Литвы с грамотой от

¹ Царь вернулся в Москву 27 декабря, а 15 января была составлена меновая грамота на Старицу (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 400; СГГид, ч. I, № 187, стр. 526).

² Звенигород некоторое время находился в уделе казанского царя Семиона (Едигера) Касаевича до его смерти в августе 1565 г. (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 398). Позднее, после гибели Владимира Старицкого, до 1572 г. в Звенигороде «княжил» Михаил Кайбуляч (ДиДГ, № 104).

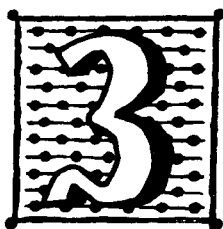
³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 400; СГГид, ч. I, № 187, 188; С. Б. Веселовский, Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г.— «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 90—91; *его же*, Последние уделы в Северо-Восточной Руси.— «Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 108.

литовских панов радных к московским боярам с предложением продолжать мирные переговоры¹. Военные действия были прекращены, в Литву был направлен в ноябре 1565 г. русский посланник В. М. Желнинский с «опасной грамотой» для польских послов². 30 мая 1566 г. в Москву прибыли большие литовские послы во главе с гетманом Ходкевичем³. Русское правительство стояло перед дилеммой — или продолжение затяжной войны, или мир и отказ от дальнейших территориальных приобретений в Ливонии и Литве. Для решения этого вопроса летом 1566 г. и созывается земский собор, постановления которого должны были сыграть важную роль в дальнейших судьбах Русского государства.

¹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 302—315; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 398.

² «Сборник РИО», т. 71, стр. 315—327; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 394—400; «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского», № 167—168.

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 402; «Сборник РИО», т. 71, стр. 346; «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского», № 169.

Земский собор, заседания которого начались 28 июня 1566 г., должен был решить вопрос, на каких условиях московскому правительству следует добиваться заключения мира с великим княжеством Литовским.

Переговоры с литовскими послами в конце 1563 — начале 1564 г., происходившие после взятия русскими войсками Полоцка, не дали никаких результатов, поскольку обе стороны заняли непримиримые позиции. Возобновившиеся военные действия не были уже столь успешными для России. Взятие пограничной крепости Озерища (ноябрь 1564 г.) было лишь слабой компенсацией за поражение, понесенное русскими войсками на реке Уле. Война принимала затяжной характер и не сулила радужных перспектив ни Литве, ни России.

Положение в Великом княжестве Литовском накануне открытия мирных переговоров с Россией было крайне напряженным. Продолжительные войны привели к истощению государственных финансов, усилению налогового гнета. На Виленском (ноябрь 1565 г.) и Берестейском (апрель 1566 г.) сеймах были приняты решения о сборе «поголовщины» для уплаты денежного жалованья наемным

войскам¹. Рост корпоративных привилегий литовской шляхты препятствовал созданию боеспособного войска. Согласно статуту 1566 г. государь ничего нового не мог ввести в стране без санкции сейма. По польскому образцу укреплены были сословные земские и городовые суды. Литовское дворянство, убедившись в невозможности выиграть войну с Москвой без серьезной поддержки со стороны польских войск, все более и более решительно ставило вопрос об унии с Польшей. Однако крупное магнатство, стоявшее у власти в Великом княжестве, медлило с заключением унии, рассчитывая добиться у короля сохранения своих старинных прав.

Тревожным было и внешнеполитическое положение Литвы: продолжавшиеся конфликты со Швецией из-за Ливонии и необеспеченность южных границ от крымских набегов были чреваты серьезными осложнениями в случае расширения военных действий с Россией.

Направляя в Москву новое посольство, литовское правительство вряд ли думало об установлении мирных отношений, ибо по опыту переговоров 1563 г. оно знало неприемлемость для Ивана IV литовских условий мира. Новая дипломатическая акция Сигизмунда II преследовала более скромные цели — заключение долголетнего перемирия. Королю Литвы нужна была передышка, чтобы в спокойных условиях осуществить унию с Польшей и устранить внутренние неурядицы в стране.

Несколько иная складывалась обстановка в России. Русскому правительству удалось осенью 1564 г. добиться заключения перемирия со Швецией. Дело шло к установлению союзнических отношений между этими государствами. Набеги крымского союзника Литвы на южные окраины России уже не казались столь опасными благодаря целой системе укреплений, возведенных к этому времени («засечная черта»), и регулярной дозорной службе, за исправным ведением которой внимательно следило русское правительство. С конца апреля по конец мая 1566 г. сам Иван IV совершил объезд Козельска, Белева, Болхова, Алексина и других порубежных мест, которым угрожали

¹ М. К. Любавский, Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно, изд. 2, М., 1915, стр. 269; *его же*, Литовско-русский сейм, М., 1901, стр. 738 и след.

крымские набеги¹. А. И. Яковлев считает это «досмотром если не всей, то большей части засечной черты, которая, вероятно, была закончена именно к этому времени»².

Крепостной барьер, противостоявший литовским городам-крепостям, должен был преградить путь и на Запад в случае повторения походов литовских войск на Русь. В июле 1566 г. завершили строительство крепости Усвят недалеко от недавно завоеванного Озерища³. С севера и юга Полоцк обороняли крепости Сокол (на Наровской дороге) и Ула (отстроенные к октябрю 1566 г.), а с лета 1567 г. и построенная крепость в Копье⁴. В эти же годы сооружены были крепости Суша (лето 1567 г.)⁵, Ситна (на Великолукской дороге), Красный и Касьянов (на реке Оболе). Все они прикрывали водные пути, шедшие к Полоцку⁶. Позднее, к 1571 г., выстроили крепость Нецгерду⁷. Строительство этих укрепленных пунктов на недавно присоединенной земле означало, что Россия считала вопрос о ее будущем уже решенным.

Как будто благоприятствовала Ивану IV и внутриполитическая обстановка. После казней боярина А. Б. Горбатого и других видных деятелей к первой половине 1566 г. поутихли опричные репрессии, что вносило некоторое успокоение в жизнь страны. Весною 1566 г. был возвращен из ссылки опальный князь М. И. Воротынский. В русскую армию вернулся один из виднейших полководцев. Гарантией лояльности князя должны были стать поручные грамоты, взятые по нем в апреле того же года. Воротынский присягнул в том, что никогда не отъедет и не станет

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 401—402.

² А. И. Яковлев, Засечная черта Московского государства в XVII в., М., 1916, стр. 19. В 1566 г. был построен г. Орел (П. Смирнов, Орловский уезд в конце XVI в. По писцовой книге 1594—95 г., Киев, 1910, стр. 49).

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 401; М. К. Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 756.

⁴ «Сборник РИО», т. 71, стр. 441; М. К. Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 757; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 408.

⁵ «Archiwum Sanguszkow», t. VI, N CXXXVIII.

⁶ М. Г. Рабинович, Археологическая разведка в Полоцкой земле.— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 81, 82.

⁷ Э, л. 366. См. также о русских городках Р. Гейденштейн, Записки о Московской войне (1578—1582), стр. 52.

хотеть «лиха» государю¹. Поручные грамоты дали и бояре И. П. Федоров, В. Ю. Траханиотов, И. А. Шуйский, окольные М. И. Кольчев, Н. В. Борисов, а также несколько княжат. Они ручались за Воротынского 15 тысячами рублей и своими «головами». В свою очередь у этих лиц Воротынского «выручили» около 120 детей боярских². Помялованному князю вернули жребий в Воротынке, но с полунезависимого положения «слуги» низвели до боярина³. В мае 1566 г. возвращена была значительная часть опальных казанских жильцов⁴. В том же месяце царь «пожаловал» Владимира Андреевича: разрешил ему построить в Москве двор на том месте, где он был ранее, и даже придал ему дворовое место И. Ф. Мстиславского⁵. Словом, создавалось хотя и не вполне устойчивое, но все-таки относительно спокойное состояние, которое давало возможность московскому правительству в нормальной обстановке рассмотреть вопрос об условиях мира с Великим княжеством Литовским.

Литовские послы Ю. Ходкевич «с товарищи» прибыли в Москву 30 мая 1566 г., а 9 июня 1566 г. с ними начались переговоры⁶. Так как Иван IV не вполне доверял Боярской думе, где пользовались влиянием сторонники Адашева, выступавшего в свое время против Ливонской войны, он поручил вести переговоры наиболее доверенным лицам. Это были боярин В. М. Юрьев, оружничий А. И. Вяземский, думный дворянин П. В. Зайцев, печат-

¹ СГГид, ч. 1, № 189. По разрядным книгам, Воротынский получил назначение в полки уже в сентябре 1565 г. (ДРК, стр. 265). Однако здесь какая-то неясность: еще 17 февраля 1565 г. он находился в ссылке на Белоозере (АИ, т. I, № 174).

² СГГид, ч. 1, № 190, 191.

³ ДиДГ, стр. 435.

⁴ Вряд ли следует эту амнистию непосредственно связывать с созывом собора, как это делает Р. Г. Скрынников («Исторические записки», кн. 70, 1961, стр. 249), поскольку в мае 1566 г. еще не было известно, что произойдет в ходе июньских переговоров.

⁵ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 401. Двор Владимира Андреевича Иван IV забрал себе по указу 1565 г. (там же, стр. 395), но в ночь на 1 февраля двор при песяных обстоятельствах сгорел (там же, стр. 396). На эти факты наше внимание обратил В. Б. Кобрин.

⁶ «Сборник РИО», т. 71, стр. 346—347.

ник И. М. Висковатый и думные посольские дьяки А. Васильев и Д. Владимиров¹, т. е. преимущественно опричники, выражавшие прежде всего точку зрения самого Ивана IV. Кроме В. М. Юрьева, одного из инициаторов опричнины, к 1566 г. уже были опричниками Вяземский, Зайцев и Владимиров. И. Висковатый хорошо был известен как сторонник решительной борьбы за Ливонию.

Главной задачей переговоров было решить территориальный вопрос. Первоначально русские представители, как и во время переговоров 11 декабря 1563 г., обусловили заключение мира передачей России Киева, Любича, Орши, Могилева, Луцка, Ровно, Бреста, Галича, Каменца, Львова, а также всей Ливонии («Ви́фляндской земли») ². Московское правительство твердо заявило ту программу воссоединения русских, украинских и белорусских земель, которую оно упорно продолжало отстаивать и впоследствии, в XVII в. В этот максимальный план, как и в 1563 г., уже вскоре были внесены коррективы: Иван IV дал согласие на заключение мира в случае возвращения древних русских земель — Киева, Гомеля, Витебска и Любича, а также Ливонии ³. Размер уступок, на которые могло пойти литовское посольство, был гораздо скромнее: передача давно уже находившегося в составе России Смоленска, а также Полоцка, Озерич и той части Ливонии, которую в момент переговоров занимали русские войска ⁴.

17 июня состоялось заседание Боярской думы, которая выслушала сообщение комиссии о ходе переговоров и приговорила (приняла решение): поскольку литовская сторона не согласна на возвращение древнерусских земель, мира не заключать, а ограничиться перемирием.

Камнем преткновения на этот раз оказалась Ливония. Русские представители в переговорах 19, 21 и 25 июня настаивали на том, что «Ви́флянская земля — вотчина государя нашего от прародителей его» ⁵. Россия

¹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 353—354. В. М. Юрьев вместе с А. Д. Плещеевым вел переговоры с литовским посольством еще в 1563/64 г.

² Там же, стр. 361—362.

³ Там же, стр. 372.

⁴ Там же, стр. 376.

⁵ Там же, стр. 385.

стремилась получить всю Ливонию до рек Лива и Двины¹. Видя непреклонную позицию литовского посольства, Иван IV пошел на серьезные территориальные уступки. Он согласился оставить за великим княжеством часть ливонских городов между реками Западной Двиной и Эвстом (гг. Влех-Мариенгаузен, Резекне-Режица, Лудзен-Лужа, Динабург-Невгин). Его главная цель состояла в присоединении Риги, обладание которой давало колоссальные возможности в развитии экономических связей со странами Западной Европы². Литовское посольство соглашалось подписать перемирие с Москвою только на условиях сохранения существовавшего в 1566 г. положения вещей.

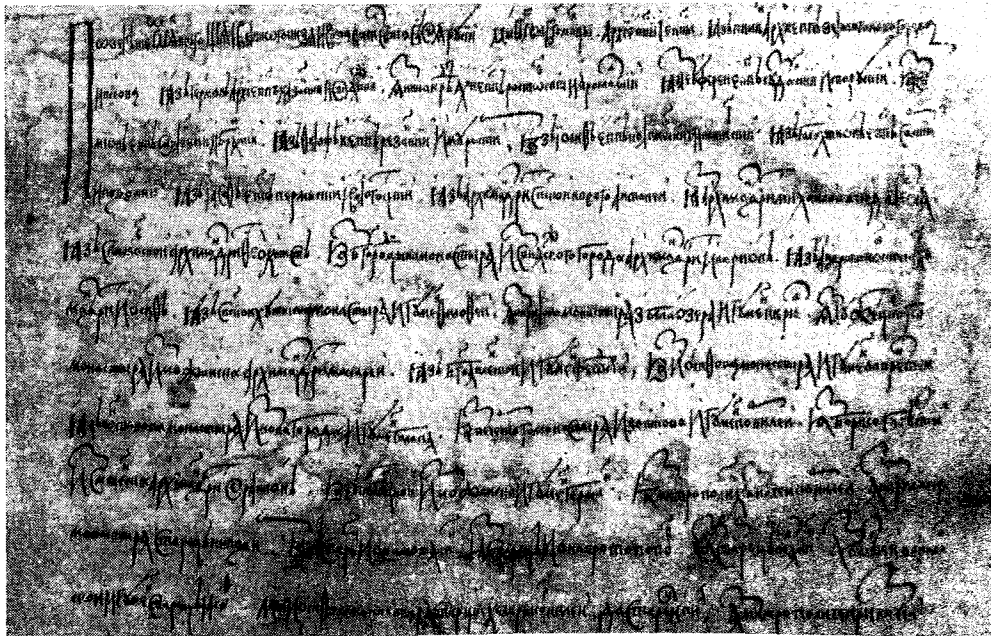
Длительные споры велись и о русско-литовской границе у Полоцка³. Русская сторона требовала передачи городов и волостей Полоцкого повета, лежащих по левобережью Западной Двины в 25—30 км от Полоцка⁴, с целью обеспечения безопасности этой важной крепости, а «поступалась» городами Дрысь, Лепль, Белмеки, Кобец и другими, которые и без того находились под литовской властью. Литовская сторона соглашалась лишь на установление границы по Двине, в 5 верстах севернее Полоцка (по реке Оболи) и в 15 — южнее его (до реки

¹ О тех же переделах Ливонии шла речь и при обсуждении вопроса о перемирии в 1563 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 283, 294).

² В. Д. Корольков, *Ливонская война*, стр. 64.

³ Полоцкие рубежи были тщательно зафиксированы в особых «тетрадах», составлявшихся в июне 1563 г. и в апреле 1566 г. (См. «Тетрадь, а в ней писаны рубежи городу Полоцку и Полоцкому повету 7071 года». — «Временник ОИДР», т. 24, М., 1856, стр. 1 и след.; ПКМГ, ч. 1, отд. II, стр. 421—455). В Царском архиве хранились «чертежи» (карты и схемы) полоцкие и озеридские, дорожные и т. п., составленные в связи с переговорами о мире с Великим княжеством Литовским («Описи Царского архива XVI века...», стр. 42); ср. также Н. Н. Оглоблин, *Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во 2-й половине XVI в.* — «Сборник Археологического института», кн. III, СПб., 1880, стр. 3—64; кн. IV, 1880, стр. 3—75; R. Mienicki, *Egzulanci Poloccy (1563—1580 r.)*. — «Ateneum Wilenskie», г. IX, 1934, стр. 52—85.

⁴ В Задвинье границей непосредственно против Полоцка должна была служить Глубокая дорога (30 км от города), на севере, в Задвинье, граница должна была проходить в 30 км от города, а на юге — в 25 км («Сборник РИО», т. 71, стр. 391).

Приговор земского собора 1566 г. (начало).
Центральный государственный архив древних актов.

Ропницы)¹. Но этот спор не имел существенного значения. Стремясь получить Ригу, Иван IV предлагал даже вовсе очистить занятую русскими часть Полодского повета, Озериде и Усвятскую волость.

Вопрос, следовательно, сводился к следующему: или отказ русского правительства от Риги и заключение долгосрочного перемирия или разрыв переговоров и продолжение напряженной Ливонской войны.

Вот для решения этого важнейшего вопроса уже понадобился созыв не Боярской думы, а земского собора, более широко представлявшего интересы господствующего класса России². Этим созывом правительство хотело добиться санкционирования своей твердой позиции в переговорах и возложить на членов земского собора ответственность за последствия их возможного срыва.

Всего на земском соборе присутствовало 374 человека. Духовенство (так называемый освященный собор) представляли три архиепископа, шесть епископов, 14 игуменов и архимандритов, девять старцев³ и келарей — всего 32 человека. Боярская дума, также принимавшая участие в соборных заседаниях, состояла из 30 человек (17 бояр, трех окольных, двух казначеев, одного «у бояр в суде», шести думных дьяков и одного печатника). 204 человека входили в состав дворянских представителей (96 детей

¹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 394.

² Понятие «земский собор» в XVI в. не употреблялось: оно появилось позднее. В летописи говорится о том, что царь «говорил» на заседании 28 июня 1566 г. с высшими церковными иерархами и другими чинами, которые в свою очередь «приговорили», т. е. вынесли «приговор», решение (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 402). В самом тексте соборного приговора последний именуется также грамотою, «речами» отдельных чинов («в сей грамоте к своим речам руки свои приложили»). В Царском архиве XVI в. хранился как сам приговор, так и его «список черный»: «приговор архиепископов, и епископов, и всего собора, да бояр, и дворян... о Ливонской земле... тому приговору список черный, а грамота у государя, на чем государю дали правду» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 43).

³ На соборе присутствовал старец Богоявленского монастыря Иона Протопопов — сын духовника Василия III протопопа Благовещенского собора Василия (*Никодим*, Описание Московского Богоявленского монастыря.— «Чтения ОИДР», 1876, кн. IV, стр. 168—169).

боярских первой статьи¹, 99 детей боярских второй статьи, три торопчанина и шесть лучан). Дьяков и приказных людей было 33. Представители «третьего сословия» образовали крупную группу участников в 75 человек (гостей — 12, торговых людей москвичей — 41, смолян — 22). Наглядное представление о составе собора дает следующая таблица:

Т а б л и ц а I

СОСТАВ СОБОРА 1566 г. ПО «ЧИНАМ»

«Чины» собора	Количество участников	
	абсолютно	в процентах
Освященный собор	32	8,5
Боярская дума	30	8,0
Дворяне	204	54,7
Приказные люди	33	8,8
Торговые люди	75	20,0
Всего	374	100

Таким образом, на земском соборе 1566 г. мы видим решительное преобладание дворянства. Это является несомненным свидетельством возросшей политической активности широких кругов класса феодалов, укрепивших свои социально-экономические и политические позиции в середине XVI в. Отсутствие на соборе крестьян и рядовых посадских людей лучше всего показывает чисто феодальный состав соборных представителей, выразивших интересы господствующего класса.

Сословная кастовость на соборе 1566 г. проявилась в подаче обособленных мнений духовенством, боярами, детьми боярскими первой и второй статьи, приказными людьми и торговыми. Особенности созыва собора и организации служилого люда, а также другие обстоятельства накладывали свой отпечаток на группировку его участников при подаче мнений. Рассмотрим состав каждого из «чинов», участвовавшего в заседании собора 1566 г.

¹ Ф. И. Бутурлин помещен в списке дважды.

В июле 1566 г. в Москве находился весь освященный собор, который после ухода на покой митрополита Афанасия 20—24 июля избрал главою русской церкви соловецкого игумена Филиппа (Колычева)¹. Из высших церковных иерархов не было митрополита и полоцкого архиепископа (он умер незадолго до собора) и серьезно болевшего глубокого старика тверского епископа Акакия².

Если сравнить список игуменов и архимандритов, присутствовавших на соборе 1566 г., с аналогичным списком, помещенным в приговоре 1580 г.³, то увидим, что большинство настоятелей крупнейших монастырей в земском соборе 1566 г. не участвовало: на нем было всего 14 настоятелей, тогда как в 1580 г. их было 39, в том числе отсутствовавшие на земском соборе 1566 г. архимандриты Троице-Сергиева, Спасо-Ярославского, Спасо-Ефимьева (Суздальского), Нижегородского, Печерского, Юрьевского Новгородского монастырей, игумены Пафнутьева, Боровского, Ферапонтова, Спасо-Прилуцкого и других монастырей. Конечно, поскольку собор 1580 г. был церковным и решал дела, касавшиеся монастырского землевладения, главы духовных корпораций, как это отметил М. Н. Тихомиров, приняли в нем более широкое участие. Что касается земского собора 1566 г., то на нем главным образом присутствовали старцы московских монастырей (15 человек), а также монастырей запада и северо-запада (6 человек)⁴ — картина, аналогичная, как мы увидим ниже, составу дворянских представителей.

Наиболее сложным является вопрос о характере дворянского представительства на земском соборе 1566 г. Прежде всего рассмотрим деление соборных представителей — дворян — на статьи сравнительно с составом дворян по тысячной книге 1550 г. Среди 204 дворянских представителей на соборе 1566 г. было 83 тысячника и

¹ СГГД, ч. 1, № 193, стр. 557—558; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 403.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 403.

³ СГГД, ч. 1, № 200, стр. 583—587.

⁴ М. Н. Тихомиров, Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в.— «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 15.

13 сыновей тысячников¹. Дети боярские собора 1566 г. подразделялись на две, а тысячники в свое время — на три статьи.

В. О. Ключевский считал, что дворянские представители на соборе «распределялись по статьям только при обсуждении предложенных собору вопросов и при подаче мнений, но это распределение не выражало их представительного значения». По своему служебному положению они, как считает Ключевский, принадлежали к высшему столичному дворянству, делившемуся, судя по тысячной книге, на три ранга или статьи².

Для того чтобы решить вопрос, соответствовали ли статейные рубрики приговора 1566 г. делению тысячников, составим следующую таблицу:

Таблица 2

	1-я статья детей боярских приговора 1566 г.		2-я статья детей боярских приговора 1566 г.	
	Соборные представители	Их отцы	Соборные представители	Их отцы
Дети боярские — тысячники				
1-я статья		1		1
2-я статья	6	2		1
3-я статья	35	1	25	5
Новгородские, псковские и торопедские помещики — тысячники				
1-я статья	2			
2-я статья	11		2	
Итого .	54	4	27	7

¹ Не учитываются дети бояр: И. М. Морозов, А. Д. и Б. Д. Палецкие, Ю. Ф. Нагой и И. П. Шуйский. Четверо лучан и торопчан (двое тысячников первой статьи и двое детей тысячников второй статьи) в следующую далее таблицу № 2 не помещены, ибо они находятся вне статейного деления участников собора.

² В. О. Ключевский, Соч., т. VIII, М., 1959, стр. 33.

Налицо полное соответствие статей тысячной книги 1550 г. статьям приговора 1566 г. Тысячники первой статьи к изучаемому времени получили уже думные чины. Только двое сборных представителей (Д. Ю. Кашин и В. Г. Салтыков) были детьми таких тысячников. Новгородские, псковские и торопедские тысячники, помещики первой и второй статьи, как известно, по своему окладу приравнивались соответственно к тысячникам-детям боярским второй и третьей статьи. Но если так, то, судя по приведенной таблице, вторая и третья статьи детей боярских тысячной книги (и первая и вторая статьи северорусских помещиков) соответствовали двум статьям сборного приговора 1566 г.¹

Вторая статья тысячников (и первая статья северорусских помещиков) на соборе 1566 г. представлена очень слабо (восемь человек). Среди детей боярских второй статьи приговора таких, естественно, не было ни одного, ибо эта статья соответствовала третьей, а не второй статье тысячной книги: тысячникам второй статьи «не вместе» было присутствовать на соборе среди детей боярских второй статьи. Большая половина тысячников на соборе 1566 г. принадлежала к первой статье, хотя в 1550 г. они еще числились по третьей, т. е. теперь повысились в чине по крайней мере на один ранг. Трудно сказать, существовала ли к 1566 г. третья статья детей боярских. Во всяком случае в приговоре земского собора о ней не упоминается.

В. О. Ключевский был неправ, когда он говорил, что группировка детей боярских по статьям была произведена только при подаче ими мнений: это деление, как это следует из сопоставления тысячной книги с приговором, было весьма устойчиво. Судя по тысячной книге и другим разрядным документам, деление детей боярских на статьи производилось по тем «окладам», т. е. земельному и денежному жалованию, которым дворяне верстались во время смотров. Оклады же назначались в полном соответствии с местническими законами XVI в., т. е. по

¹ Об этом в одном из примечаний к своей работе вскользь писал В. О. Ключевский (см. *В. О. Ключевский*, Соч., т. VIII, стр. 464—465).

«породе», службе и землевладению. Статьи, как было показано выше, не составляли какой-то неподвижной, замкнутой в себе группы. Дети отцов, записанных по более высоким статьям, иногда вначале служили по низшей статье и только со временем могли перейти в более высокую. Переход из одной статьи в другую отнюдь не был «заказан» для служилого человека в XVI в. Успешная служба на поле брани и при дворе, рост земельных богатств и другие условия содействовали его продвижению по иерархической лестнице.

В литературе уже давно возник недоуменный вопрос, почему в приговоре отдельно упоминаются луцкие и торопецкие помещики¹. Ключевский, например, их выделение склонен был объяснить тем, что составитель приговора руководствовался классификацией 1550 г. и поэтому не знал, куда поместить торопчан и лучан: ведь они по тысячной книге делились всего на две статьи, а дети боярские других городов — на три².

Военные действия с Великим княжеством Литовским особенно интересовали служилый люд Великих Лук и Торопца. Но это не могло служить достаточным основанием для их обособления. Можайск, Вязьма, Псков и Новгород также принадлежали к числу районов, которые находились под угрозой вторжения с Запада, однако они не удостоились помещения в отдельную рубрику. Здесь нужно учитывать обычную традицию составления аналогичных служилых документов. Оказывается, и в тысячной книге торопецкие и луцкие помещики помещены в самом конце текста также после новгородцев и псковичей, как и в приговоре. В Дворовой тетради нет ни Пскова, ни Новгорода, ни Великих Лук, ни Торопца. Интересно, что терминология всех трех документов устойчива: служилые люди по северо-западным районам именуется не детьми боярскими, а помещиками или дворянами, ибо они владели своими землями (поместьями) в результате

¹ Два торопецких землевладельца М. Б. и Н. З. Чеголовы по непонятным причинам находятся не в статье «торопецкие помещики», а среди детей боярских второй статьи. Они к 1566 г. могли потерять свои торопецкие поместья или приобрести земли в дополнение к ним в каких-либо других районах страны.

² В. О. Ключевский, Соч., т. VIII, стр. 464—465.

испомещений, произведенных в конце XV — первой половине XVI в.

Июль 1566 г.— это уже второй год существования опричины, внесшей существенные коррективы в земельно-служилые отношения дворянства. Однако к лету 1566 г. опричные переселения еще заметно не сказались на положении лиц, участвовавших в земском соборе. Сравнение данных Дворовой тетради с источниками 70—90-х годов XVI в. говорит о том, что служба и владения дворянских представителей собора 1566 г. располагались в тех же районах, как и в 50-х годах XVI в.¹ Основная масса соборных детей боярских принадлежала государеву двору, т. е. входила в состав дворовых служилых людей: из 197 человек таковых мы обнаружили 154. Подавляющее большинство соборных представителей в той или иной мере также связывается с государевым двором².

Следующая таблица показывает, как распределялись по городам дворянские участники соборных заседаний³.

Таблица 3
СЛУЖИЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРЯНСКИХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОБОРА 1566 г.

	1-я статья	2-я статья
Бежецкий Верх	—	4
Белая —	3	3
Белев	—	—
Белоозеро	—	—
Боровск	—	2
Владимир	—	1
Волоколамск	1	1
Воротыньск	—	—
Вязьма	7	6
Галич	—	3

¹ Подробнее см. А. А. Зимин, Земский собор 1566 г.— «Исторические записки», кн. 71, 1962, стр. 203—210.

² См. там же, стр. 210.

³ В таблице помещены не все русские города, а лишь те, в которых в середине XVI в. числились дети боярские, участвовавшие в соборе 1566 г. Не учтены торопецкие и луцкие помещики, находившиеся на соборе вне статейного деления детей боярских.

Продолжение табл. 3

	1-я статья	2-я статья
Дмитров	1	1
Дорогобуж	—	1
Звенигород	—	—
Зубцов	—	—
Калуга	1	2
Кашин	1	—
Кашира	1	6
Клин	—	—
Козельск	—	4
Коломна	1	1
Кострома	3	—
Медьнь	—	—
Мещовск	—	—
Можайск	7	5
Мосальск (князья)	1	6
Москва	6	10
Муром	1	3
Новгород	10	11
Оболенск (князья)	4	—
Одоев (князья)	1	—
Переяславль	13	1
Пошехонье	—	—
Псков	4	1
Ржева	—	2
Романов	—	1
Ростов	—	3
Руза	1	—
Рязань	—	3
Серпухов	—	—
Старица	—	—
Стародуб (князья)	5	—
Суздаль	5	1
Таруса	—	2
Тверь	1	1
Торжок	2	2
Торопец	2	—
Тула	—	2
Углич	1	—
Юрьев	—	2
Ярославец Малый	2	—
Ярославль (князья)	8	—
Ярославль (литва дво- ровая)	1	—

Ко времени заседания земского собора в России было примерно 160 городов. Не имели дворянского представительства те города, где не было совсем или слабо было развито вотчинное и поместное землевладение. Это север и северо-восток страны, Поморье и Прикамье. Вероятно, порядок дворовой службы сложился еще в первой трети XVI в. В составе дворовых городов середины XVI в. нет тех, которые возникли в 20—30-х годах XVI в. (в Поволжье, Рязанской земле и на западных окраинах страны). Эти города находились там, где развивалось поместное, а не вотчинное землевладение. В состав же государева двора входили дети боярские, т. е. преимущественно вотчинники (исключая помещиков северо-запада)¹. В списке городов отсутствует Смоленск. Возможно, это объясняется особым положением Смоленской земли, сложившимся после ее включения в Московское государство².

На земском соборе присутствовали дети боярские и помещики из 42 городов³. Не было служилых людей девяти городов, феодальная знать которых входила в государев двор⁴. Таким образом, принципа обязательности представительства от каждого города в 1566 г. не существовало. Но так как земский собор представлял верхнюю прослойку дворянства — дворовых детей боярских всех основных русских земель, то его в полной мере можно назвать сословно-представительным учреждением.

Это не было простое совещание правительства с его агентами, поскольку в отборе лиц само правительство вынуждено было считаться с корпоративным устройством дворянства. Попадая в состав государева двора, дворяне не теряли своих владельческих связей с теми районами, где находились их вотчина и поместье. Когда они получали назначения на военные должности или призывались для всевозможных совещаний, правительство рассматривало их как представителей дворянства на местах и как дворовых детей боярских. Именно поэтому составитель

¹ А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 211.

² Об особом положении Смоленска см. М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, стр. 348—350.

³ 41 по таблице и Великие Луки.

⁴ Звенигород, Верея и Воротынец не были представлены, возможно, потому, что находились в уделах.

описи царского архива XVI в., перечисляя участников земского собора 1566 г., называет «детей боярских из городов», т. е. считает их представителями местного дворянства¹.

Представительство от отдельных городов (как административных центров уездов) не определялось общим составом дворовых детей боярских по этим районам. Так, по Можайску в середине XV в. служило свыше 170 человек, по Торопцу — около 160, по Бежецкому Верху — около 230, а по Угличу — свыше 160. На соборе было четыре торопчанина, 12 детей боярских из Можайска, один угличанин, четыре человека из Бсжецкого Верха.

Больше всего представителей дал Новгород — 21 человек, помногу дали Вязьма (13 человек) и, как уже говорилось, Можайск. Да и вообще города, расположенные по западной окраине², как наиболее заинтересованные в решении вопроса о войне с Великим княжеством Литовским были наиболее широко представлены на соборе: северо-западные города, составлявшие 25% всех городов, имевших сборных представителей, дали 83 человека из 191, т. е. свыше 43% всех участников земского собора.

Вторую большую группу представителей на соборе дал центр государства: Москва (16 человек) и Переяславль (14 человек) — основная цитадель дворянской шляхты.

Непосредственных сведений о порядке созыва собора у нас не сохранилось. Несмотря на то что московская практика уже в середине XVI в. знала выборное начало при комплектовании местных учреждений (губных и земских органов управления), выборов на земский собор 1566 г., вероятнее всего, не происходило. В литературе установлено, что только в XVII в. под влиянием событий, связанных с крестьянской войной и иностранной интервенцией, утвердилась практика выбора представителей на «совет всей земли», т. е. земский собор. Созыв дворовых детей боярских из разных городов на собор 1566 г. вряд

¹ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 43.

² Таких городов было 11: Бежецкий Верх, Белая, Великие Луки, Вязьма, Дорогобуж, Можайск, Новгород, Псков, Ржев, Торжок и Торопец.

ли подчинялся какому-либо определенному порядку. За это говорит и отсутствие представителей от многих городов и неравномерное число участников собора, прибывших от отдельных русских земель. Да и мысль о созыве земского собора пришла правительству, вероятно, уже в ходе переговоров с литовским посольством, когда для вызова в Москву представителей со всех мест просто не хватило бы времени. Правительству необходимо было подкрепить свою позицию мнением, земского собора — представительного учреждения, которое могло быть противопоставлено сейму Великого княжества Литовского. Скорее всего, земский собор составил из числа тех детей боярских, которые к моменту его созыва находились в Москве «для государевы службы». Но сколь случаев персональный состав дворянских представителей, столь же строго определена та среда, к которой они принадлежали: ею был государев двор.

Сборы детей боярских в Москву для смотров и для рассылки на службу по городам и на театр военных действий происходили регулярно. Об одном таком сборе весной 1565 г. сообщает мать одного из детей боярских Феодосия Григорьевна Матафтина: «И в лето 7070 в третьем году в великий пос[т] на первой неделе по государеве присылке к Москве... велено быти детям боярским, служилым и неслужилым»¹.

Разрядные назначения выдавались широко к сентябрю, т. е. к началу нового года, и скопление в Москве в июле детей боярских было обычным явлением. С. О. Шмидт считает также, что летом 1550 г. собор составил из детей боярских, находившихся по служебным делам в Москве². Присутствие в Москве значительного числа дворян из граничащих с Литвою районов объяснялось тем, что именно эти районы выносили в первую очередь тяжесть военных действий.

Выразившие готовность продолжать Ливонскую войну многие участники земского собора 1566 г. уже вскоре должны были отправиться на театр военных действий.

¹ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», кн. III, 1940, стр. 181.

² С. О. Шмидт, Соборы середины XVI века.— «История СССР», 1960, № 4, стр. 75—80.

Роспись воевод 7075 г. составлена была весной — летом 1567 г.¹

В Смоленск к воеводам боярину П. В. Морозову и А. И. Татеву² были назначены Афанасий Кольчев (Можайск)³, Иван Лыков (Белев) и Григорий Образцов (Можайск). Двое из них и брат Образцова Федор были участниками земского собора. Обращает на себя внимание факт назначения воеводами дворян из районов, пограничных с Великим княжеством Литовским. Особенно ярко это видно из росписи воевод в ливонских и порубежных городах. Так, в новопостроенную крепость Сокол назначены В. Разладин и В. Щербинин (оба из Новгорода), в Себеж направляется новгородец В. Ю. Сабуров, Невель — торопчанин М. Б. Чеглоков, Озерище — торопчанин А. И. Яхонтов, Усвят — А. М. Старого (Москва) и Д. Пушкин (Новгород), Велиж — В. Ф. Кольчев (Можайск) и Е. Ржевский (Волок), Торопец — М. М. Троекуров (Ярославль), Великие Луки — П. И. Татев (Стародуб) и Р. Г. Плещеев (Вязьма), Ржеву и Заволочье — новгородцы М. И. Засекин и М. К. Бровцын, Опочку — новгородец Д. Б. Приемков, Красный — З. Отяев (Псков) и И. Л. Ширяев (Новгород), Алыст — И. Елецкий (Новгород или Белая) и Семен Трусов (Новгород), Говье — Д. Кропоткин и М. Ододуров (оба новгородцы), Вильян — Г. П. Сабуров (Новгород), В. К. Овцын (Белая), В. Сухово-Кобылин (Новгород), Полчев — И. П. Сабуров (Новгород), Д. Нащокин. В Юрьев наряду с воеводами боярином П. Д. Пронским и окольным М. М. Лыковым⁴ назначение получили Данил Засекин (из семьи новгородцев), И. Щербатый, В. Вислоухов-Сабуров (Псков), Ракобор — Н. Кропоткин (Можайск) и Ф. Елагин (Новгород), Ругодив — новгородцы Г. Забо-

¹ «Синбирский сборник», стр. 18. В середине росписи помещена грамота 25 июля. Разряды 7075 начинаются с апреля (ГИМ, Щукинское собр., № 406, л. 464—464 об.).

² Оба они присутствовали на земском соборе, возможно, потому, что находились в Смоленске. О П. В. Морозове см. «Сборник РИО», т. 71, стр. 328 и след.

³ Здесь и далее в скобках указаны города, по которым служили дворовые дети боярские.

⁴ Оба они не были на земском соборе и, вероятно, находились в это время в Юрьеве.

лоцкий и Г. Неклюдов-Путятин, Ивангород — И. Овцын (Новгород), князь И. Канбаров, Д. Г. Плещеев (Вязьма).

Из этого списка наместников и воевод было 12 участников земского собора, остальные почти все дворовые дети боярские.

В 50-х годах XVI в. по Дворовой тетради номинально числилось 74 дьяка (64 «больших» и 10 дворцовых). Фактически же их было всего 67¹. Из них на соборе 1566 г. присутствовало всего 19 человек из 39 дьячих участников соборных заседаний². Если даже учесть, что несколько дьяков умерло еще в 50-х годах XVI в.³, то все равно процент отсутствовавших на земском соборе дьяков весьма велик. Поэтому пометы «в опале» или «взят в опале», поставленные против нескольких лиц в Дворовой тетради, показывают истинные причины отставки большинства дьяков.

Обе группы дьяков, участвовавшие в соборе 1566 г., по своему социально-экономическому положению были близки к цвету московского дворянства. Первую группу дьяков больших П. А. Садиков считает думной⁴, так как она помещена после думных чинов. Среди них названы: разрядный дьяк Иван Клобуков, Семен Путила Михайлов сын Нечаев (в то время поместный дьяк), Андрей Васильев (посольский дьяк), Ишук Бухарин (ранее новгородский дьяк), Андрей Щелкалов, который в 1570 г. сидел в Разряде, и Иван Юрьев. Все названные дьяки в Дворовой тетради 50-х годов XVI в. именуются большими (кроме отсутствующего там А. Щелкалова).

Среди второй группы дьяков имеется также много видных приказных дельцов. Это прежде всего Иван Никифоров Булгаков-Корнев, ведавший долгое время Большим Приходом, и один из руководителей Поместного

¹ У. Львов помечен дважды среди больших дьяков. Шесть дворцовых дьяков помещены также и среди больших.

² Трое (А. и В. Щелкаловы и И. Дубенской) числились в 50-х годах дворовыми детьми боярскими. И. М. Висковатый в 1566 г. был печатником и в состав дьяков уже не входил.

³ По пометам списка ГИМ (Музейное собр., № 3417), умерли: В. Мелов, Д. Скрипицын, П. Микифоров; «в черницах» был П. Путятин. Несколько человек было «почернено» (т. е. выбыло по неизвестным причинам).

⁴ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 283, 289.

приказа, Василий Степанов. Первый еще в середине XVI в. был дворцовым, а второй — даже большим дьяком. Таким же большим дьяком был и Василий Борисов сын Колзаков. В Казанском дворце работали в 1566 г. Петр Иванов Шестаков-Романов и Иван Никифорович Дубенской, происходившие из среды детей боярских¹. Из этой среды вышли Василий Яковлевич Щелкалов и Мясоед (Константин) Семенович Вислово². Некоторое время они работали в Разбойном приказе. Губные старосты, как известно, выбирались из детей боярских. Поэтому и для контроля над их деятельностью во главе Разбойного приказа поставлены были такие лица, вышедшие из дворянской среды. Мясоед Вислово уже в 50-х годах стал сначала дворцовым, а затем большим дьяком.

Деловые отношения с дьяком Мясоедом Вислово и Петром Шестаковым еще в 1567—1568 гг. поддерживал дьяк Рахман (Парфений) Иванов сын Житков, происходивший из белозерских вотчинников³. В середине XVI в. он был сначала дворцовым, а потом — даже большим дьяком. Р. И. Житков в декабре 1566 — январе 1567 г. сидел вместе с боярином В. Ю. Траханиотовым в каком-то приказе, ведавшем поземельными сделками. Возможно, ямскими делами ведали большой дьяк Иван Мануйлов и Иван Семенов сын Мацнев. Небольшие поручения по Посольскому приказу выполнял Семейка Иванов сын Архан-

¹ Петр Шестак сын Романов происходил из костромских вотчинников (*П. А. Садиков*, Очерки по истории опричнины, стр. 120—121). У него самого в 1567—1569 гг. было поместье в Ярославле, в Черемховской волости (ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 297). И. Н. Дубенской еще в 50-х годах был дворовым сыном боярским по Можайску. Участвовал Дубенской и в Полоцком походе и в приемах послов (ДРК, стр. 235; «Сборник РИО», т. 71, стр. 349). В 1566/67 г. он подписал как послух данную грамоту И. П. Федорова (*В. Б. Кобрин*, Из истории земельной политики в годы опричнины.— «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 154—155). В 1569/70 г. вместе с боярином П. В. Морозовым составлял десятию владимирских детей боярских (ЦГАДА, ф. 199, портфель 127, № 4).

² В 50-х годах Щелкалов был еще дворовым сыном боярским по Владимиру, а Вислово — по Белоозеру.

³ *П. А. Садиков*, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», т. III, 1940, № 25, 27, стр. 220—224; *В. Б. Кобрин*, Указ. соч., стр. 154—155.

гельский. В Поместном приказе, вероятно, работал дьяк Постник Суворов.

Большой дьяк Осип (Непея) Григорьев известен нам по описи Царского архива. Он привозил грамоту «английского короля» после посольства 1567/68 г. в Англию¹. По Тверскому дворцу еще в июне 1566 г. служил, вероятно, Андрей Никитич Батанов, происходивший из новгородских помещиков.

Несколько дьяков как специалисты по вопросам, непосредственно связанным с Ливонской войной, на собор 1566 г. были вызваны с мест.

Долгое время находился в Смоленске дьяк Анфим, сын благовещевского протопопа Сильвестра. Вместе с ним смоленскими делами, во всяком случае до января 1564 г. (а скорее всего, и позднее), ведал дьяк Истома Кузьмин. После собора Истома снова попал в Смоленск. Есть сведения о том, что Истома Кузьмин некоторое время служил в Казанском дворце с князем М. И. Вороным-Волынским. Это было во время составления И. М. Висковатым одной из описей Царского архива². Поскольку М. И. Вороной возглавлял Казанский дворец примерно с 1557 г., то и опись Висковатого не могла быть написана ранее этого времени³. У Истома в Казани был свой двор⁴. Служивший в 1566 г. в Дворцовом (земском) приказе Василий Ступа Андреев еще в середине XVI в. был большим дьяком⁵.

¹ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 35, 37, 40, 48; «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 71, 199—200.

² Согласно помете на описи Царского архива, ящик с документами «По Иванову писму Михайлова, отдан дьяку Истома Кузьмину, как ему велел государь быти в Казанской избе с Михайлом Вороным» («Опись Царского архива XVI века...», стр. 32).

³ А. А. Зимин, О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в.— «Исторические записки», кн. 63, 1958, стр. 198; С. О. Шмидт датирует памятник 50-ми годами XVI в. (С. О. Шмидт, К истории составления описей Царского архива XVI века.— «Археографический ежегодник за 1958 год», стр. 65).

⁴ «Материалы...», стр. 8, 9, 12.

⁵ В середине 50-х годов он, вероятно, был казенным дьяком и ведал Двину (П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 234). В Земском дворце В. Андреев служил и позднее (см.

О некоторых дьяках у нас сохранились лишь отрывочные сведения. Кузьма Васильев сын Румянцев с осени 1567 г. служил дьяком в Новгороде. Второй Бунков был, очевидно, сыном новгородского ямского дьяка¹. В середине XVI в. большими дьяками были Иван Юмин и Тимофей Яковлев сын Горышкин². Опричный дьяк Дмитрий Михайлов сын Пивов происходил из землевладельцев Ярославского уезда. Владел небольшой вотчиной в том же уезде в 1568—1569 гг. дьяк Никита Мотовилов³. Из коломенских детей боярских вышел Петр Иванов сын Шерефединов⁴, родственник опричного дьяка Андрея Васильевича Шерефединова. О восьми дьяках нам ничего не известно⁵.

Но даже из приведенного краткого обзора видно, что на земском соборе присутствовали главы основных приказов. Дьяки, как мы видим, по своему социально-экономическому положению происходили, очевидно, из дворянской среды. Этим в значительной степени и объясняется общность их позиции с детьми боярскими по вопросу о Ливонской войне на соборе 1566 г.

Кроме освященного собора, думы, дворянства и приказных лиц в соборных заседаниях 1566 г. впервые принимали участие представители «третьего сословия» — купечества.

О 12 московских гостях — высшем слое купечества — мы, к сожалению, знаем очень мало. Вероятно, из Новгорода вышел первый из названных в приговоре гостей —

грамоты 20 января 1567 г.) (С. А. Шумаков, Обзор., вып. IV, № 1455, стр. 526).

¹ С. Б. Веселовский, Синодик опальных царя Ивана Грозного. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 363.

² «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века», стр. 115, 117. Вероятно, Т. Горышкин еще в 1540 г. сидел в Дмитровском дворце (АГР, т. I, № 53, стр. 74). В 1555 г. Горышкин подписал правую грамоту (там же, № 71, стр. 190).

³ П. А. Садилов, Очерки по истории опричнины, стр. 126; Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования, стр. 312.

⁴ С. Б. Веселовский, Указ, соч., стр. 471. В 1557/58 г. он скрепил правые грамоты по земельным делам (АГР, т. I, № 70, стр. 165; № 71, стр. 190).

⁵ Подробнее о соборных дьяках см. А. А. Зимин, Земский собор 1566 г. — «Исторические записки», кн. 71, 1962, стр. 212—214.

Юрий Борисович Глазев. Много гостей, как установил В. Е. Сыроечковский, происходило из числа купцов-сурожан¹. Родичем сурожанина Федора Родионовича Сузина (умер в 1490 г. в Кафе) был гость Василий Сузин: он в 1541—1554 гг. вел торговые операции с виленцами². Участник собора 1566 г. гость Михаил Петрович Подушкин, вероятно, приходился родичем Ивану Владимировичу Подушке, который в конце XV в. был близок к Казенному двору, ведавшему торговлей с Югом.

В 80—90-х годах XV в. с Крымом вел торговые операции Семен Хозников. Среди видных гостей, участвовавших в земском соборе 1566 г., мы находим Алексея Алексеевича Хозникова³. По мнению М. Н. Тихомирова, он происходил из псковских гостей Хозиных⁴. Гость Алексей Алексеевич Хозников в июне 1567 г. ведал сбором таможенных пошлин в Нижнем Новгороде. В 1569 г. он был отправлен послом к персидскому шаху⁵.

Григорий Федорович Тараканов происходил, вероятно, из старинной московской купеческой фамилии. Его предки еще в конце XV в. были переведены в Новгород, где сделались крупными торговыми людьми. Владимир Тараканов еще в 1502 г. был старостой. Филат Тараканов в 1530 г. вел дела с литовскими купцами. Староста Василий Никитич Тараканов и его дети построили в 1520—1538 гг. две церкви⁶. Позднее Таракановы снова попали в Москву⁷. Один из Таракановых (Петр) был в

¹ В. Е. Сыроечковский, Гости-сурожане, М.—Л., 1935, стр. 121 («Известия ГАИМК (Государственной Академии истории материальной культуры)», вып. 127).

² «Сборник РИО», т. 59, стр. 439, 440. В Царском архиве хранилась поручная запись по Василии Сузине («Описи Царского архива XVI века...», стр. 31).

³ На его московском дворе в 1594 г. был поставлен сибирский царевич Шаим (АИ, СПб., 1841, т. II, стр. 201).

⁴ М. Н. Тихомиров, Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в.—«Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 13.

⁵ В 1533 г. его отец был в Москве городовым приказчиком (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 412).

⁶ Подробнее см. А. П. Пронштейн, Великий Новгород в XVI в., Харьков, 1957, стр. 145—146.

⁷ Возможно, из их семьи происходил годовой таможник Матвей Тараканов, служивший в Казани осенью 1565 г. («Материалы...», стр. 56).

середине XVI в. большим дьяком¹. В 1569 г. в Москву «вывели» 150 семей новгородских купцов, среди которых было пять семей старых «москвичей», т. е., вероятно, и Таракановых². Во всяком случае новгородский двор гостя Федора Тараканова (вероятно, отца Г. Ф. Тараканова) был отдан Б. Я. Бельскому³.

Еще в 1487—1500 гг. среди торговых людей, ведших то крупные, то мелкие операции со странами Востока, мы встречаем Дмитрия и Гавриила Котковых. А в числе «гостей» на соборе 1566 г. присутствовал Иван Котков. Среди них же мы находим Ивана Иванова сына Афанасьева. В конце XV в. крупными купцами-суроужанами были Гридя Афанасов и его дети Семен и Аксен. Афанасьевы торговали в Суроужском ряду и много времени спустя — еще в XVII в.⁴ Устойчивость крупных купеческих фамилий XVI в. — примечательное явление в социально-экономической жизни России, свидетельствующее о возросшей роли торгового капитала. Летом 1567 г. гость Иван Афанасьев был отправлен в Антверпен⁵. Весной того же года в «Святую-гору» послали двух других участников собора 1566 г. — гостя Ивана Коткова и «смоляннина» Афанасия Глядова. Оба они названы в летописном рассказе купцами⁶.

Вторую группу торговых людей на соборе 1566 г. составляли торговые люди москвичи и смоляне. Исходя из того что на соборе 1598 г. присутствовали гости и

¹ «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», стр. 115. В Царском архиве хранилось «дело Петра Тороканова с Хозяином с Тютиным» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 41).

² «Новгородские летописи», стр. 129.

³ А. П. Пронштейн, Великий Новгород в XVI в., стр. 149. Дьяк Василий и Алексей Таракановы вели в 80-х годах XVI в. торговые операции с английскими купцами («Сборник РИО», т. 38, стр. 206, 207, 222, 240).

⁴ Подробнее см. В. Е. Сыроечковский, Гости-суроужане, стр. 120.

⁵ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 408; А. Попов, Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, стр. 184; «Описи Царского архива XVI века...», стр. 40; РИБ, т. XVI, № 23, стр. 91—93.

⁶ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 407—408; А. Попов, Указ. соч., стр. 185.

старосты (сотские) гостиной, суконной и черных сотен, В. О. Ключевский предположил, что «москвичи — торговые люди» в 1566 г. представляли гостиную, а «смолянiane» — суконную сотни¹. В. Ф. Владимирский-Буданов, С. Л. Авалиани² считали «смолянiane» людьми торговыми из Смоленска. К ним присоединился и М. Н. Тихомиров³. С. В. Бахрушин видит в смолянianeх сведенцев в Москву из Смоленска. Он возражает Ключевскому, считавшему, «будто смолянiane явились ядром будущей гостиной (описка; надо: «суконной». — А. З.) сотни»⁴.

То, что смолянiane происходили из смоленских сведенцев, устанавливается документально. В Дмитров, как сообщает грамота 1549 г., «приезжают торговати сведенцы смолянiane, паны Московские, Тиша Смывалов да Федько Кадитробов с товарами»⁵. Тимофей Смывалов — это смолянiane из приговора 1566 г. В 1567 г. он вместе с Иваном Афанасьевым поехал с торговой миссией в Антверпен. «Смолянiane» из Смоленска и «московских жильцов» знали орешковская (1563 г.) и новгородская (1571 г.) таможенные грамоты⁶. Кстати, такими же сведенцами были, наверное, Поспей Угличанин, Григорий и Андрей Переславцы и Иван Чудинов сын Костромитян. Именно из смоленских сведенцев и образовалась суконная сотня, привилегированная торговая корпорация, ведущая торговлю с Западом.

С конца XV — начала XVI в. лондонские («лувские») сукна на Руси начинают преобладать над всеми остальными сортами этих тканей. Английские ткани поступали на Русь по преимуществу через Литву⁷, с которой торговля сосредоточивалась в Смоленске и Москве. Поэтому

¹ В. О. Ключевский, Соч., т. VIII, стр. 41—43; А. И. Заозерский, К вопросу о составе и значении земских соборов. — ЖМНП, 1909, № 6.

² С. Авалиани, Земские соборы, Одесса, 1910, стр. 44.

³ М. Н. Тихомиров, Указ. соч., стр. 14.

⁴ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. I, М., 1952, стр. 163.

⁵ ААЭ, т. I, № 223, стр. 213.

⁶ ДАИ, т. I, № 116, стр. 163—168; ААЭ, т. I, № 282, стр. 320—328.

⁷ Подробнее см. А. Л. Хорошкевич, Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках, М., 1963, стр. 201.

у «смольян» в Москве был свой «суконный ряд»¹. Если о москвичах торговых людях мы знаем крайне мало (Борис Чуркин к 1598 г. стал гостем), то несколько больше осталось известий о смольянах. Афанасий Юдин к 1598 г. сделался уже гостем и крупным торговым человеком. Вероятно, родичами Игнатия Твердикова были гость Григорий (1598 г.) и Максим (1610 г.) Твердиковы. Степан Твердиков был дьяком на Казенном дворе при царе Федоре. Он вел также торговые операции с англичанами². Возможно, связи с ними он установил в 1567 г., когда москвич торговый человек Федор Погорелый и Степан Твердиков были посланы в Англию. Степан Твердиков еще до этого побывал в Антверпене и в 1566 г. в Москве вел переговоры с голландским купцом Симоном ван Салингеном.

На рубеже XV в. торговали с Крымом и Востоком Иван Погорел с братом, Васюк Дмитриев сын Трубицын, три брата коломенчей Казаковых, Захар Степанов сын Шитяков, жогаичи братья Иван и Михаил Глядковы (Гладковы). Их потомки также были видными торговыми людьми. На земском соборе 1566 г. среди «московских торговых людей» упоминаются Матвей и Федор Погореловы, Федосий Трубицын и Михаил Козаков, а среди смольян — Захар Степанов сын Шитяков и Афанасий Глядов. Кирил Дмитриев сын Гладков в 1638 г. был купцом суконной сотни³. Это лишний раз подтверждает наблюдения В. О. Ключевского о преемственности купцов суконной сотни от купцов-смольян.

Среди смольян встречаем трех Котовых. Один из них, Степан Котов, с 1589 г. ведал сбором таможенных пошлин и к 1598 г. сделался гостем. Участие «смольян» в заседаниях собора 1566 г. объяснялось, конечно, особой важностью вопроса о войне или мире с Великим

¹ И. Е. Забелин, *Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы*, ч. 2, М., 1891, стб. 1101.

² «Сборник РИО», т. 38, стр. 241. В мае 1568 г. С. Твердиков сделал небольшой вклад в Николаевский Карельский монастырь (Ленинградское отделение Института истории АН СССР, Рукописные кн., № 939, л. 308).

³ «Росписной список города Москвы 1638 года». — «Труды Московского отделения русского военно-исторического общества», т. I, М., 1911, стр. 125.

княжеством Литовским для развития внешней торговли России¹.

В целом соборное представительство торгово-ремесленных слоев населения было аналогично представительству служилых людей. На соборе присутствовал верхний слой русского «третьего сословия», который образовал своеобразный «государев торговый двор», поставивший кадры административно-финансовых дельцов, так же как из «служилого двора» формировался основной контингент военно-административных деятелей. Этот «торговый двор» фактически представлял «третье сословие» в целом, так же как и «служилый двор» — русское дворянство: значительную часть московских торговых людей составляли сведенцы из различных городов, не порывавшие деловых связей с теми торгово-ремесленными центрами, из которых они происходили.

* *
*

Заседания земского собора 1566 г. происходили с 28 июня по 2 июля². О содержании соборных прений мы знаем из краткой летописной записи и из соборного приговора. Членам собора были предложены царские вопросы («а по другому вопросу... сказали»), на которые освященный собор, Боярская дума и представители других сословных групп дали обстоятельные ответы. Такая практика работы соборов сложилась уже с середины XVI в. Так, уже в феврале 1550 г. Иван IV предложил митрополиту и боярам вопросы, содержавшие программу внутренних реформ. На Стоглавом соборе 1551 г. царь тоже поставил перед участниками соборных заседаний ряд вопросов, касающихся церковной жизни. Ответы участников собора составили целую книгу (Стоглав).

Судя по приговору, 2 июля обсуждению подверглись две связанные между собой проблемы, вытекавшие из не-

¹ Подробнее о гостях и торговых людях на земском соборе см. А. А. Зимин, *Земский собор 1566 г.* — «Исторические записки», кн. 71, 1962, стр. 214—217.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 402—403; СГГид, ч. 1, № 191.

необходимости решить общую задачу: «как нам стоять против своего недруга, короля польского». Первая проблема — следует ли соглашаться на полоцкий рубеж, предложенный литовскими послами, и вторая — продолжать ли борьбу за Ливонию. Соборные представители получили также возможность ознакомиться с «выписью» о переговорах боярской комиссии с литовскими послами. Ответы различных сословий в основном совпадали, менялось только их обоснование: на сужение территории Полоцкого повета не соглашаться и стоять нерушимо за присоединение Ливонии (в территориальных рамках последних предложений московского правительства).

Идеологические основы этой программы сформулировали члены освященного собора. Они подчеркнули «государское великое смирение» Ивана IV, который «поступался» королю целым рядом городов в Полоцком повете (Дрысь, Лукомль и другие), городом Озерищем, Усвятой волостью, а в Курской земле (Курляндии), за Двиной, 16 городами да 15 городами «на сей стороне Двины». Итак, «государская перед королем правда великая». Поэтому следует твердо настаивать на присоединении к России городов Риги, Кеси, Владимирда и других, захваченных польским королем (права России на ливонские города, занятые русскими войсками, считались само собою разумеющимися). Соборные старцы подчеркивали, что если король укрепится в Риге и других городах, то «не токмо государевым городом Юрьеву и иным городам ливонским государским и Пскову тесноты будут великие, но и Великому Новгороду и иных городов торговым людем торговли затворятца». Интересы развития внешних торговых сношений — вот основное, чем должно руководствоваться русское правительство, предъявляя свои претензии на Ригу.

Далее соборные старцы обращали внимание на то, что польский король держит ливонские города «за собою во обороне не по правде» только потому, что, когда русский царь вступил в Ливонию и взял «города Ливонские, свою вотчину», остальные немцы «заложились» за короля. Ливонская земля — наследие русских князей («от великого государя Ярослава Владимерича»). На основании всего этого освященный собор считал, что Риги и других горо-

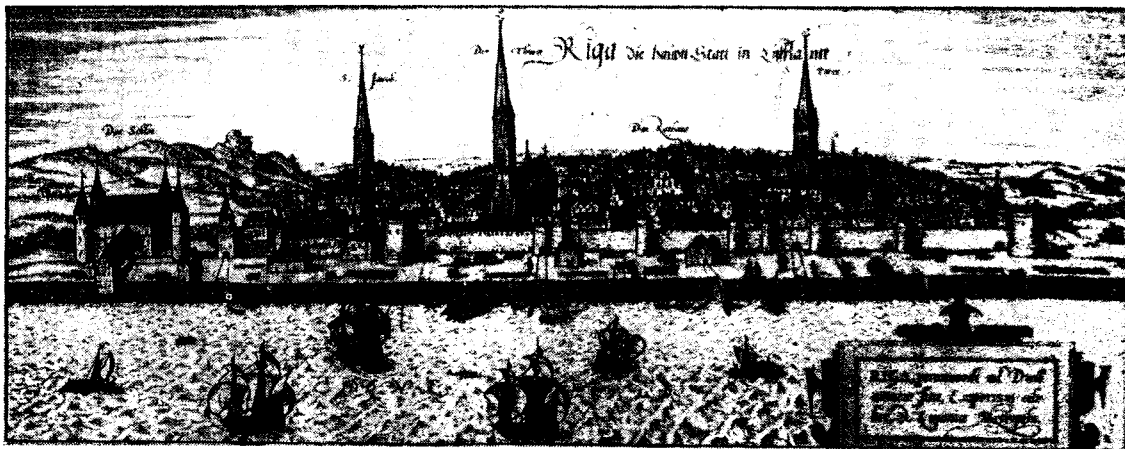
дов «отступиться непригоже, а пригоже государю за те города стояти». Уклоняясь прямо от решения вопроса о войне и мире, освященный собор замечал также, что полоцкий рубеж, предложенный литовскими послами, неприемлем, ибо он означает, что город остается фактически без уезда.

Более откровенно высказалась Боярская дума: она понимала, что речь шла или об отказе от Риги и от других ливонских городов, или о войне за эти города. Члены Боярской думы подтвердили свое старое мнение по вопросу о мере уступок во время переговоров, изложенное в приговоре 17 июня 1566 г. Дальнейшие уступки были чреваты серьезными последствиями. Полоцким «заречьем» поступать невозможно, и не только потому, что «лучшие места Полоцкого повета все за Двиною», но главным образом потому, что в результате потери Заречья самый город оказывался как бы в осаде. После истечения перемирных лет «литовские люди» смогут построить крепости непосредственно вблизи Полоцка, который, если начнутся военные действия, не сможет долго держаться. Отказ же от Риги и других ливонских городов в случае возобновления русско-литовской войны мог привести к потере Юрьева и создать серьезную угрозу Пскову.

Боярская дума, как мы видим, отдавала себе полный отчет в недолговечности перемирия с Литвой и трезво излагала тяжелые военно-стратегические осложнения, которые связаны были с принятием литовских условий перемирия.

Считая дальнейшие переговоры не только бесполезными, но и вредными, Боярская дума возражала против «съезда» делегаций обеих сторон на русско-литовском рубеже. «Послы литовские,— говорилось в боярских «речах»,— все говорят о съезде, чтобы мало переманити, и с людьми ся пособрати, и с яхи постановление учинити, и Ливонская земля укрепити, и в ней рати прибавити, чтоб впредь больше своего дела королю искати». И действительно, заключение в 1569 г. унии Польши с Литвой немало осложнило ход Ливонской войны. Но в 1566 г. из-за «брани» с цесарем королю еще было «недосуг»¹,

¹ Сведения о «брани» цесаря с польским королем получено было, вероятно, от агента императора Максимилиана II, побывавшего в конце мая — начале июля 1566 г. в Москве. Поводом

Рига. Гравюра 1572.

что, казалось бы, создавало благоприятные условия для дальнейшего наступления русских войск на Литву.

Особое мнение к приговору приложил печатник И. М. Висковатый — фактический глава русской дипломатической службы, отличавшийся самостоятельностью суждений.

Стремясь получить от литовской стороны согласие на перемирие, Висковатый советовал Ивану IV отказаться от прямого требования о присоединении Риги и других ливонских городов. Вместо этого он предлагал добиваться вывода литовских войск из Ливонии. Литва должна была также дать обязательство не помогать Риге (даже по истечении «перемирных лет») в том случае, если бы московский государь захотел «искать себе» ливонские города. Подобное дипломатическое хитросплетение, конечно, не могло обмануть Сигизмунда-Августа, который не желал отказываться от Ливонии.

Более прямолинейно высказались дети боярские первой статьи. Они заявили, что если король не отдаст полотцкого Задвинья, то «перемирью быть нельзя», ибо Полотцку «в такой тесноте без полотцких поветов впредь стояти не мочно». Изложив в духе мнения освященного собора историю того, как «король через (т. е. нарушив.— А. З.) перемирные грамоты до урочных лет в Ливонскую землю вступился и многие города за себя поимал», дворянские представители назвали эти действия польского короля «неправдой» и решили, что «государю нашему приходе за то за все стояти».

В том же духе высказались и дети боярские второй статьи, утверждавшие, что они «готовы для его государева дела головы свои класти и помереть готовы за государя

для отсылки имперского представителя к Ивану IV явилась очередная просьба об освобождении ливонского магистра Фюрстенберга, истинная же цель ее заключалась в попытке втянуть Россию в войну с Турцией. Иван Грозный в своем послании Максимилиану соглашался освободить магистра лишь на условии признания русского протектората над Ливонией. От вступления в антитурецкий союз царь уклонился, стремясь в свою очередь заручиться поддержкой империи в борьбе с Сигизмундом II (*М. Крашенинников*, *Неизданное письмо Иоанна Грозного к императору Максимилиану II.*— ЖМНП, 1896, № 1, стр. 200—223).

своего и за его детей, за государей наших за царевичев, и за их вотчины»¹.

Помещики пограничных районов Великих Лук и Торопца, выносившие наряду с новгородцами и псковичами основные лишения, связанные с войной, заявляли даже: «Мы, холопы его государевы, за одну десятину земли Полотцкого и Озерицкого повету головы положим, чем нам в Полотцке помереть запертым. А мы, холопы его государские, ныне на конех сидим, и мы за его государское (дело) с коня помрем».

Итак, мнение дворянских представителей собора 1566 г. давало московскому правительству уверенность, что в случае отказа литовской стороны принять его условия перемирия дворянское войско активно поддержит дальнейшую вооруженную борьбу с великим княжеством Литовским.

Не менее важной была и позиция торгово-промышленных верхов страны. В своем ответе торговые люди, повторив доводы о «неправдах» польского короля, изложенные другими чинами, со своей стороны добавили, что отказываться от ливонских городов «не гоже» еще и потому, что «государь наш, доступаючи тех городов, да и все люди животы свои положили». Ливонская война, действительно, была сопряжена с огромными поборами, тягость от которых «третье сословие» ошутимо чувствовало на своих плечах. Уклоняясь от прямого ответа о необходимости продолжения военных действий, гости и московские торговые люди считали также необходимым обеспечить безопасность Полоцку, которому «будет великая теснота», если король рядом с ним настроит новых городов. Этот довод поддержали и смоляне, благосостояние которых зависело от нормальных торговых сношений с Западом через Полоцк и Смоленск, добавив, что «только будет около Полотцка королева земля, и король около Полотцка города поставит, и дороги отымет и Полотцко стеснит». Выступая защитником могущества Русского государства, именитые представители «третьего сословия» выразили готовность положить «за государя» не только

¹ Очень близко к этому мнению дьяков и приказных людей, сказавших в заключение: «А мы, холопы, к которым его государским делом пригудимся, головами своими готовы».

«животы» (имущество.— А. З.), но и головы, «чтобы государева рука везде была высока».

Так, на соборе 1566 г., как и при учреждении опричнины, торгово-ремесленное население выступало с поддержкой важнейших правительственных мероприятий.

2 июля члены земского собора подписали приговор¹, а 5 июля посольству Сигизмунда-Августа было официально заявлено о бесперспективности дальнейших переговоров в Москве². После обсуждения вопроса о возможности «съезда» обоих монархов в пограничных городах для переговоров о заключении перемирия решено было ограничиться отправкой русского посольства ко двору польского короля с изложением точки зрения московского правительства на условия мирного соглашения с Великим княжеством Литовским. 22 июля литовское посольство покинуло столицу Русского государства³. Как известно, миссия Ф. И. Умного-Колычева в Литву (февраль — сентябрь 1567 г.) не увенчалась успехом, и осенью 1567 г. начался новый поход русских войск в пределы Великого княжества.

Зная ход последующих событий, легко осуждать решение московского правительства и земского собора, которое привело к неудачному исходу Ливонской войны. Но летом 1566 г. это трудно было предвидеть: обстановка, казалось, благоприятствовала дальнейшему развитию борьбы с Великим княжеством Литовским. Иван IV и члены земского собора, переоценивая внешне- и внутриполитические трудности Польши и Литвы, имели все же основание надеяться на успешное завершение Ливонской войны.

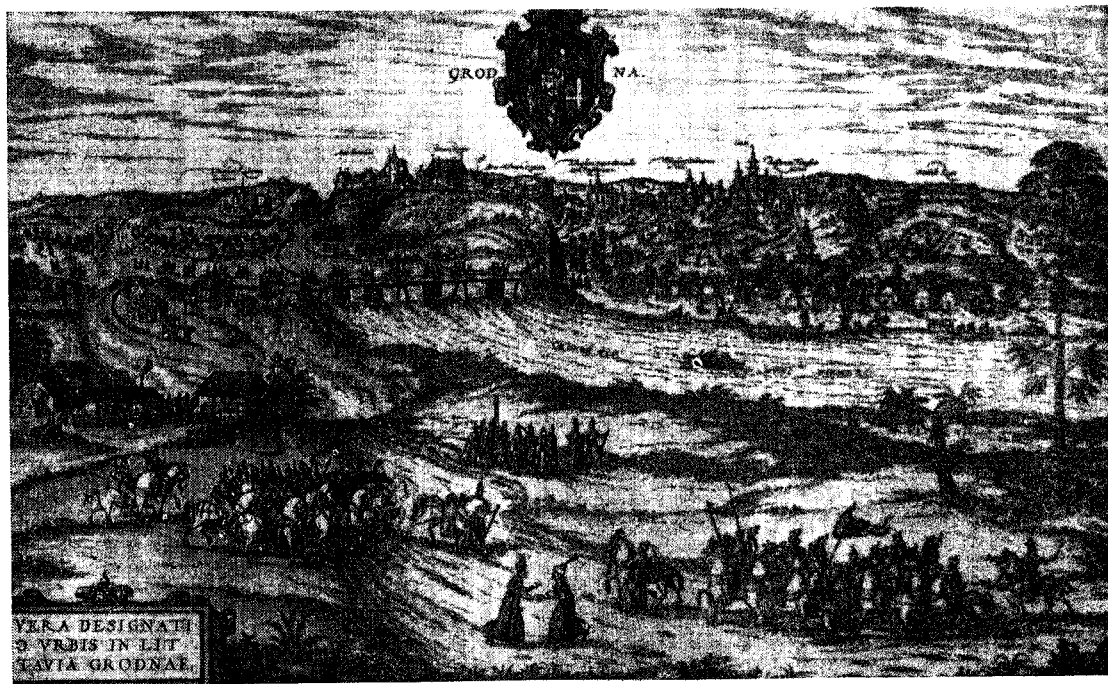
* *
*

Земский собор 1566 г. собрался в годы опричнины, когда уже многие родовитые вельможи почувствовали тяжелую десницу Ивана Грозного. В дореволюционной литературе о соборе обычно писали так, как будто вовсе

¹ СГГид, ч. 1, № 192, стр. 555—556.

² «Сборник РИО», т. 71, стр. 395.

³ Там же, стр. 423.

Встреча русского посольства в Гродно в 1567 г. Гравюра XVI в.

не существовало никакого деления страны на опричную и земскую территории, ни «кромешной» политики царя, опиравшегося на свой государев удел». Так рассматривать земский собор 1566 г. теперь уже нельзя. Вопрос о его отношении к опричнине имеет несколько аспектов. Нужно попытаться выяснить, созывались ли для принятия решения о войне с Литвою служилые люди из земских и опричных городов или на соборе присутствовало только дворянство одной из двух половин Русского государства. Впервые Л. М. Сухотин высказал предположение о том, что на соборе опричников не было¹. Применительно к дьякам тот же вывод сделал П. А. Садиков². Наконец, совсем недавно В. Б. Кобрин попытался обосновать его на основе изучения состава опричников³. Не поддаваясь гипнозу позднейшей терминологии («земский собор»), мы попытаемся еще раз пересмотреть источники, чтобы уяснить, в какой мере на соборе 1566 г. представлены опричные и земские районы России.

Вместе с тем не менее важно определить и влияние самой политики Ивана IV на личные судьбы соборных представителей и отношение последних к проводившейся царем практике истребления его действительных и мнимых политических противников.

Среди городов, которые представляли участники соборных заседаний 1566 г., мы находим целый ряд попавших в опричнину при ее утверждении в 1566 г. Это Вязьма, Галич, Козельск, Можайск и Суздаль, которые дают примерно 37 соборных представителей.

Если придерживаться буквы указа об утверждении опричнины, то соборные представители от Вязьмы и других городов должны быть опричниками⁴. Однако в списке опричников, составленном В. Б. Кобриным, они не

¹ Л. М. Сухотин, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. VII—VIII, стр. 141.

² П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 283.

³ В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 18—19.

⁴ Из городов, от которых в середине XVI в. служили дети боярские в государевом дворе, на соборе 1566 г. не представлены были опричные — Белев и Медынь, а также земские — Белоозеро, Воротынский, Звенигород, Клин, Пошехонье, Серпухов и Старица.

числятся. Следовательно, или этот список неполон, или в опричных районах к середине 1566 г. еще не ввели те порядки, которые были прокламированы указом 1565 г., и в лучшем случае опричники там еще соседствовали с земскими людьми.

Основная сложность при размежевании опричной и земской служб дворянства в 1565—1566 гг. коренится в состоянии источниковедческой базы. Наиболее полные сведения о принадлежности к опричнине, как установил В. Б. Кобрин в своей превосходной реконструкции состава опричного двора, дают разрядные записи. Однако только с сентября 1567 г. до начала 70-х годов XVI в. в разрядных книгах есть более или менее точное размежевание опричных и земских полков. До этого лишь осенью 1565 г. при рассказе о походе к Болхову указывается, что «из опришнины» в Москву были посланы князь А. П. Телятевский, Д. И. и А. И. Хворостинины, а из Белева (опричный город) — князь Д. И. Вяземский и Михаил Белкин¹. Перед исследователем совершенно естественно встает вопрос, было ли вообще четкое размежевание опричных и земских полков до осени 1567 г., т. е. не является ли запись 1565 г. исключением. Если же это размежевание было, то делались ли всегда в разрядах указания на службу воевод «из опричнины», или эти заметки носят случайный характер. Допустим, что опричные воеводы уже в 1565—1566 гг. не могли возглавлять земские полки и участвовать в совместных походах с земскими военачальниками. Но тогда получается, что основная масса воевод попала в опричину только к 1567 г., ибо ранее об их опричной принадлежности нет никаких упоминаний.

В списке В. Б. Кобрина среди опричников, несомненно входивших в состав государева удела в 1565—1566 гг., мы найдем всего-навсего около десятка имен, главным образом дьяков, подьячих и т. п. К ним автор добавляет 58 лиц из поручных записей 1565—1566 гг. по князю И. П. Охлябину и З. И. Очине-Плещееву². Оба

¹ ДРК, стр. 268.

² СГГид, ч. I, № 194, 195, стр. 558—561. В это число включаем поручителей самих Охлябина и Очина-Плещеева и лиц, у которых они «выручены».

эти лица после поражения под Оршей (январь 1564 г.) попали в плен и к весне 1565 г. уже вернулись домой¹. Уже Г. Н. Бибилов предположил, что обе записи представляют собою документы, составленные в опричнине². Аргументация автора сводится к следующему. Оба лица — видные опричники, среди поручителей (главным образом из дворянской мелкоты) встречается ряд опричников и их родственников. Следовательно, обе записи (тесно связанные одна с другой) можно считать опричными документами, а всех поручителей — опричниками.

Но дело оказывается гораздо более сложным, если, анализируя записи 1565—1566 гг., разобрать каждое из лиц, занесенных в их текст³. Из 58 поручителей только о 12-ти можно уверенно сказать, что они в разное время были опричниками, причем лишь один из них наверняка был опричником в 1566 г. Состав лиц из поручителей записей по И. П. Охлябинине и З. И. Очине-Плещееву не дает оснований для вывода о том, что на соборе 1566 г. опричники не присутствовали: во-первых, записи могли быть и не чисто опричными документами, а, во-вторых, большинство поименованных в них лиц принадлежало к городскому дворянству, т. е. уже по одному этому не включалось в состав соборных представителей.

Теперь следует обратиться к тексту соборного приговора и выяснить, в какой мере он дает основание для вывода о земском составе участников собора 1566 г.

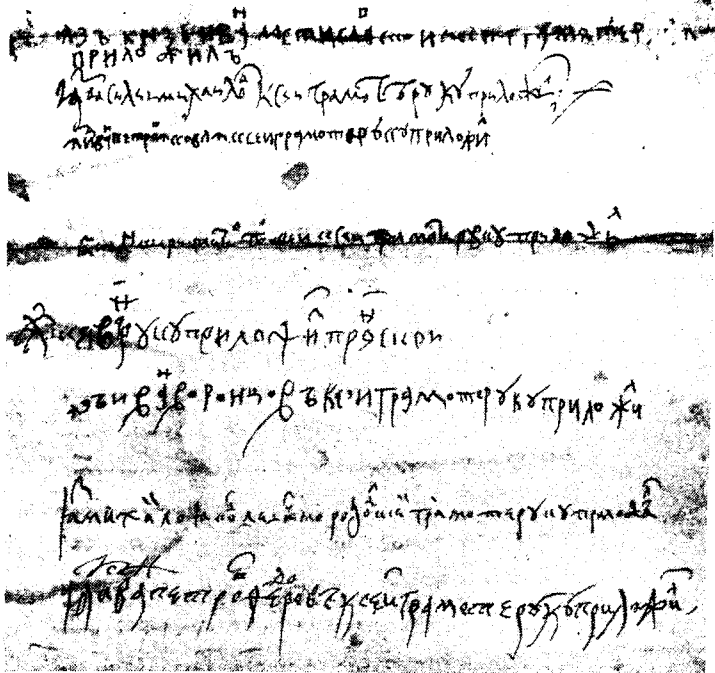
Среди 17 бояр, подписавших приговор⁴, обращают на себя внимание два лица: В. М. Юрьев и И. Я. Чеботов.

¹ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 377. В апреле 1565 г. З. И. Очин-Плещеев уже упомянут в источниках. См. также о них в июле 1566 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 398).

² Г. Н. Бибилов, К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного.— «Труды ГИМ», вып. XIV, 1941, стр. 7—8. К Бибилову в последнее время присоединился В. Б. Кобрин (В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 17).

³ Подробнее см. А. А. Зимин, Указ соч., стр. 224—226.

⁴ И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, И. П. Яковлев, И. И. Пронский, И. В. Шереметев (Большой), И. В. Шереметев (Меньшой), В. С. Серебряный, Н. Р. Юрьев, М. И. Воротынский, И. М. Воронцов, М. Я. Морозов, В. М. Юрьев, И. Я. Чеботов, В. Д. Данилов, В. Ю. Малый-Траханиот, С. В. Яковлев. Подписал приговор также И. П. Федоров, но в перечне бояр его имя отсутствует.

Подписи участников земского собора 1566 г.
на обороте соборного приговора (фрагмент).
Центральный государственный архив древних актов.

Их прямое отношение к опричнине несомненно. Первого современники считали (наряду с А. Д. Басмановым) инициатором опричной политики¹. Второй был известным

¹ «Пискаревский летописец», стр. 76. Дочь В. М. Юрева была замужем за опричником Михаилом Темрюковичем (М. Г. Рогинский, Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе.— «Русский исторический журнал», кн. 8, 1922, стр. 41). Во время переговоров с посольством Сигизмунда II боярин В. М. Юрев называется «наместником ржевским», Афанасий Вяземский — «наместником вологодским», П. В. Зайцев — «козельским»,

опричником (в мае 1570 г.¹), хотя о времени его перехода в опричнину прямых данных у нас нет.

14 бояр на соборе не присутствовали. Большинство из них выполняли воеводские и наместничьи функции. П. В. Морозов в июле 1561 г. был наместником в Смоленске². Возможно, А. И. Ногтев, как и летом 1565 г., был наместником в Полоцке³, а Ф. А. Куракин — в Новгороде⁴. П. С. Серебряный мог находиться «в полках» на театре военных действий⁵. В Юрьеве Ливонском в 1566 г. воеводой был близкий царю П. Д. Пронский⁶. Из бояр только двое, М. И. Вороной-Волынский и Ф. И. Умный-Колычев (опричник уже к концу 1566 г.), во время собора находились в Москве, но в соборных заседаниях не участвовали⁷.

Отсутствие имен П. А. и Д. А. Куракиных (позднее казненных) объясняется тем, что после пострижения в монахи И. А. Куракина в феврале 1565 г.⁸ ряд его родичей находились в опале. Возможно, в частности, что в «почетной ссылке» находились и двое названных выше Куракиных (на Казанском и Псковском воеводствах)⁹. По неизвестным причинам не названы братья Я. А. и Л. А. Салтыковы (последний опричником стал лишь к

Ф. И. Умный-Колычев — «наместником суждальским» («Сборник РИО», т. 71, стр. 234, 354, 568—569 и др.). Но Колычев, Зайцев и Вяземский были опричниками, и поэтому они фигурируют в качестве наместников опричных Козельска, Суздаля и Вологды. Однако и Ржев уже в 1565 г. частично входил в опричнину (см. гл. VI). Следовательно, «ржевское наместничество» В. М. Юрьева (он именуется «ржевским наместником» уже с 1563 г.) является также аргументом в пользу принадлежности его к опричнине. От сентября 1567 г. есть сведения о службе в опричнине его сына Протасия (В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 89).

¹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 665, 666.

² Там же, стр. 338—341.

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 398. Впрочем, его отсутствие могло объясняться и тем, что он в 1566 г. считался боярином Владимира Старидского (СГГид, ч. 1, № 188).

⁴ Там же, стр. 403.

⁵ ГБЛ, Музейное собрание, 1585, л. 434 и др.

⁶ ГИМ, Собр. Щукина, № 406, л. 462 об.

⁷ «Сборник РИО», т. 71, стр. 349; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 403.

⁸ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 395—396.

⁹ Об этом см. А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 227.

1570 г.¹). Только один явный опричник, А. Д. Плещеев-Басманов, не присутствовал на соборе. Но он вообще после октября 1564 г. не выполнял никаких разрядных и сходных с ними служб.

Итак, из разбора состава бояр нельзя сделать вывода о какой-либо «дискриминации» опричников. То же следует сказать и в отношении окольных. На соборе присутствовало трое окольных². Не было на соборе шестерых окольных; все они (кроме И. И. Чулкова) были опричниками, но время поступления их в «царскую гвардию» остается неясным. З. И. Очин-Плещеев, как уже говорилось выше, среди опричников упоминается лишь в сентябре 1567 г. Тогда же впервые названы опричниками окольные В. П. Яковлев, В. А. Сидкий и В. И. Умный-Колычев³. Если о первых двух более ранних сведений об их разрядных службах нет, то В. И. Умный-Колычев в марте 1565 г. и несколько позднее получил ряд воеводских назначений в Коломне, Торопце и т. п.⁴, которые не дают оснований считать его опричником. Еще позднее, осенью 1570 г., опричником стал Н. В. Борисов⁵. До этого в 1566/67—1569/70 гг. он упоминается в земских разрядах и ведет большую земскую деятельность⁶.

Явились на собор и высшие дворцовые чины. Здесь были дворецкий Н. Р. Юрьев, казначей Н. А. Фуников-Курцев, печатник И. М. Висковатый. Правда, особенно приближенных к царю дворцовых деятелей-опричников (кравчий Ф. А. Басманов, оружничий А. И. Вяземский, ловчий Г. Д. Ловчиков, думный дворянин П. Зайцев) на соборе незаметно.

Из шестерки думных дьяков только Иван Ишук Бухарин-Наумов может быть прямо связанным с опричниной: во всяком случае уже в 1567 г. он числился опричником⁷, однако он же ведал земским Белоозером в 1568 г.

¹ «Новгородские летописи», стр. 341, 399; «Сборник РИО», т. 71, стр. 522—523.

² А. А. Бутурлин, Д. Ф. Карпов, М. И. Лобанов-Колычев.

³ «Синбирский сборник», стр. 20.

⁴ ДРК, стр. 257, 264; «Синбирский сборник», стр. 10, 12, 14.

⁵ «Синбирский сборник», стр. 28.

⁶ В. Б. Кобрин, Указ. соч., т. 27—28.

⁷ «Синбирский сборник», стр. 24.

Во второй группе дьяков и приказных людей приговора 1566 г. поименовано 33 человека. Среди них только один дьяк в 1569 г., несомненно, был опричником. Это — Д. М. Пивов (о его деятельности в 1565—1568 гг. данных у нас нет)¹. Зато отсутствуют упоминания о восьми опричных дьяках. Федор Рылов уже в ноябре 1565 — июле 1566 г. возглавлял опричную (Каргопольскую) четь². С августа 1566 г. его преемником стал Дружина Владимиров³, который в июне — июле 1566 г., вероятно, был еще вторым дьяком Посольского приказа⁴, т. е. мог и не входить в состав опричников. По мнению В. Б. Кобрин, он определенных функций не имел. Дворцовый дьяк Петр Григорьев уже в феврале 1566 г. выдавал «из опричины» жалованные грамоты⁵. О службе в опричнине дьяков Н. С. Путилова (сын Путилы Михайлова), В. В. Дядина, Т. Нардукова и Л. В. Ефимиева (конюшенного) сохранились сведения осеннего разряда 1567 г. О их деятельности в 1565—1566 гг. мы не располагаем никакими данными⁶. Наконец, трудно сказать, когда стал опричником приближенный, по словам Штадена, к царю дьяк Осип Ильин. К сожалению, не сохранилось прямых сведений о деятельности в 1562—1568 гг. дьяка У. Л. Пивова, который в 50-х годах возглавлял приказ Большого дворца, а с 1569 г. был опричным казначеем. По предположению П. А. Садикова, он мог быть в это время печатником⁷.

Конечно, в приговоре отсутствуют не только опричные дьяки. Нет, например, ни известного дьяка Юрия Сидорова, который в 1562—1569 гг. находился в Пскове, ни дьяка Казарина Дубровского, нет также дьяка Григория

¹ В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 57.

² П. А. Садиков, Очерки по истории опричины, стр. 313—315.

³ ДАИ, т. I, № 118, стр. 172.

⁴ Н. П. Лихачев, Библиотека и архив московских государей в XVI столетии, СПб., 1894, стр. 109.

⁵ П. А. Садиков, Из истории опричины.— «Исторический архив», кн. III, 1940, № 6, стр. 188.

⁶ «Синбирский сборник», стр. 26; ДРВ, ч. XIII, стр. 390.

⁷ П. А. Садиков, Очерки по истории опричины, стр. 285—286.

Шапкина и многих других¹. Фрагментарность сохранившихся источников не позволяет и на этот раз сделать категорический вывод о специальной «дискриминации» опричников на соборе 1566 г. Некоторые опричные дьяки могли отсутствовать потому, что находились в Александровой слободе, будучи заняты текущими делами по устройству государева двора.

Среди участников земского собора около десятка лиц в разное время входили в опричный двор. В их числе назovem М. В. Годунова. В опричнине, по данным В. Б. Кобрин, служили пять Годуновых и, возможно, все остальные. Прямые данные об их опричных службах относятся уже к сентябрю 1567 г.² Ф. М. Денисьев-Булгаков упомянут как опричник только в апреле 1570 г.³ Данных о его службе в 1564—1569 гг. у нас нет. Поэтому трудно сказать, был ли он к моменту заседаний собора опричником или нет. С 1571 г. входил в государев двор знаменитый опричник Р. М. Пивов⁴. Наиболее ранние сведения об опричной службе А. М. Старого-Милюкова относятся к 1571 г.⁵ П. И. Барятинский опричником был в 1569—1570 гг.⁶ О его более ранних разрядных службах ничего не известно. Р. В. Алферьев, несомненно, был среди опричников в октябре 1567 г.⁷ О его службе в 1566 г. сведений не сохранилось. К 1570 г. относит В. Б. Кобрин включение в опричнину князя Н. Р. Одоевского⁸, считая, что в 1569—1570 гг. и в более раннее время он еще был земским воеводою⁹. Четверо Охлябинных служили в опричнине. Один из них, князь Роман Васильевич, участвовал в соборных заседаниях 1566 г. Самые ранние сведения о его опричной службе относятся

¹ Подробнее о дьяках см. А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 228—229.

² В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 34—35.

³ «Сибирский сборник», стр. 27.

⁴ ДРВ, ч. XIII, стр. 349—350; В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 56.

⁵ «Новгородские летописи», стр. 105.

⁶ Д. Я. Самоковасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 306, 328; ДРВ, ч. XIII, стр. 397.

⁷ ДРВ, ч. XIII, стр. 393.

⁸ «Сибирский сборник», стр. 28.

⁹ В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 53.

к сентябрю 1567 г.¹ Однако о том, был ли он опричником или земским в 1566 г., мы ничего определенного сказать не можем. К сожалению, нет никаких сведений о службах в 1566—1568 гг. В. И. Телятевского, который в 1569 г. уже, бесспорно, был опричником. Его племянник А. П. Телятевский вошел в опричнину при ее учреждении. В опричнине со времени ее введения находился Федор Семенович Черемисинов и во всяком случае с 1570 г. его племянник Демид.

Таким образом, категорически утверждать, что среди соборных представителей не было опричников, мы не можем. На соборе 1566 г. могли присутствовать служилые люди и дьяки государева двора. Их могло быть, конечно, немного, но это объяснялось тем, что в 1566 г. опричная политика переживала еще свою начальную стадию: ее расцвет относится к 1567—1569 гг.

Важность самих вопросов, подлежащих рассмотрению собора, их общегосударственное значение также говорят скорее о том, что круг лиц, присутствовавших на соборе, не должен был ограничиваться земщиной. К тому же самый состав участников (с преобладанием дворянства западных районов страны) свидетельствовал о том, что при созыве собора деление страны на опричные и земские районы не было принято во внимание.

После окончания заседаний земского собора произошло событие, которое оказало большое влияние на ход дальнейшего развития опричной политики Ивана IV. Уже П. А. Садиков предположил, что вскоре после назначения митрополитом Филиппа Колычева (25 июля 1566 г.) состоялось выступление ряда участников земского собора против опричнины. В результате этого выступления в конце 1566 г. были казнены В. Ф. Рыбин-Пронский, И. М. Карамышев и К. С. Бундов². Все трое действи-

¹ «Сибирский сборник», стр. 20.

² П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 29. Садиков, а также Веселовский (С. В. Веселовский, Указ. соч., стр. 363, 390 и 432) считают, что речь идет об И. Ф. Карамышеве, но это заблуждение, так как известно, что И. Ф. Карамышев еще в 1568 г. получил в кормление г. Ряжск, следовательно, он был в это время жив («Акты Юшкова», ч. I, № 194, стр. 176—178).

тельно участвовали в земском соборе 1566 г.¹ Карамышев и Рыбин-Пронский были казнены до 2 февраля 1567 г. В дипломатических документах их казнь объяснена тем, что «они мыслили над государем и над государскою землею лихо»². Однако и И. Таубе, и Э. Крузе связывали их казнь с публичным обличением Ивана Грозного митрополитом Филиппом, которое произошло в марте 1568 г.³ То, что выступление Рыбина-Пронского и других состоялось именно в 1566 г., явствует из сопоставления свидетельств Шлихтинга и Курбского. Шлихтинг пишет, что «в 1566 году сошлись многие знатные лица, даже придворные», в числе более 300 человек и обратились к Грозному со словами протеста против опричных репрессий. Ответом на это были казни некоторых выступавших⁴. Курбский, сообщив о казни В. Рыбина-Пронского, прибавляет: «В той же день и иных не мало благородных мужей нарочитых воин, аки двести, избиенно; а нещии глаголют и вящеи»⁵. Таким образом, предположение П. А. Садикова о выступлении в 1566 г. ряда членов земского собора следует признать вполне обоснованным. Оно подтверждается и свидетельством обнаруженного О. А. Яковлевой Пискаревского летописца, сообщавшего (правда, без точного указания на время), что «и бысть в людях ненависть на царя от всех людей и биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему быти»⁶.

Л. М. Сухотин, ссылаясь на Шлихтинга и Одерборна, считает, что в 1566 г. выступила знать с прошением о прекращении казней. Во главе ее якобы находился боя-

¹ СГГД, ч. I, № 192, стр. 549, 550, 551; Рыбин-Пронский и Карамышев — дети боярские первой, а Бундов — боярский сын второй статьи.

² «Сборник РИО», т. 71, стр. 465. О казни Карамышева уже сообщается в «памяти», врученной боярину Ф. И. Умному, который 2 февраля 1567 г. отправился в Польшу (там же, стр. 447).

³ М. Г. Рогинский, Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе как исторический источник. — «Русский исторический журнал», кн. 8, 1922, стр. 43. Именно в марте 1568 г. Филипп начал «вразговати о опришнине» («Новгородские летописи», стр. 98).

⁴ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 38—39.

⁵ А. Курбский, Сочинения. — РИБ, т. XXXI, стб. 285.

⁶ «Пискаревский летописец», стр. 76.

рин князь Телятевский¹. Однако боярин Петр Иванович Телятевский умер уже к началу 1565 г., а остальные Телятевские — его дети Андрей и Иван и брат Василий служили в опричнине еще в 1569 г.² Одерборн, источниками которого были Таубе, Крузе и Гваньини, соединил сведения о выступлении участников собора 1566 г. и о «заговоре Челяднина». Поэтому самостоятельного значения его рассказ не имеет.

Среди известных в настоящее время лиц, протестовавших в 1566 г. против опричных казней, значительный интерес представляет фигура В. Ф. Рыбина-Пронского, выступление которого, возможно, связано с семейными простарицкими традициями. У родоначальника Пронских Ивана Владимировича было три сына: Федор, Иван Нелюб, Андрей Сухорук. Первая ветвь оборвалась на правнуках Федора, которые сбежали по неизвестным причинам в Литву. Правнук Нелюба — Иван Шемяка около 1544 г. был назначен боярином и вскоре после этого умер. Его дети Юрий и Иван служили в 50-х годах на Тарусе. Первый около 1555 г. получил звание боярина и вскоре умер, второй, вероятно в 50-х годах, постригся в Троицкий монастырь³. Юрий, Иван, а также Никита Пронские в родословных показаны бездетными. Все четыре внука Андрея Сухорука получили боярский титул: Юрий и Иван (умер в плену после битвы под Оршей 1514 г.) — у Василия III, а Федор — у Андрея Ивановича (вместе с ним после событий 1530 г. умер в темнице⁴) и, наконец, Данила Дмитриевич, женатый на сестре Владимира Старицкого⁵. Князь Данила некоторое время (с 1547 по 1551 г.) боярствовал у царя.

В. Ф. Рыбин-Пронский был внуком Юрия Дмитриевича. Его двоюродным братом был известный боярин И. И. Турунтай-Пронский, погибший вскоре после 1568 г. Служебные связи последнего со старицким домом послу-

¹ Л. М. Сухомин, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. VII—VIII, стр. 139; «Historiae Ruthenicae Scriptorum», Берлин — СПб., 1842, р. 233—239.

² В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 76.

³ Последний раз он упоминается в разрядах 1551 г.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 97.

⁵ В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 66.

жили причиной поддержки им в 1553 г. кандидатуры Владимира Андреевича, что и привело в конечном счете его к гибели. Сын Федора Дмитриевича Константин был воеводой князя Андрея Ивановича во время похода войск Елены Глинской на Старицу в 1537 г.¹, а его дети Андрей и Василий служили в 50-х годах в государеве дворе на Старице. Наиболее благоприятно сложилась судьба детей Д. Д. Пронского Петра и Семена, в середине века служивших при дворе по Юрьеву, а позднее ставших опричными боярами².

О самом Василии Федоровиче Рыбине известно немного. В 50-х годах XVI в. он служил в государеве дворе сначала по Костроме, потом по Рузе. Материальные дела его не были блестящими, иначе бы он не заложил в 1559 г. свое село в Пошехонье (за 300 рублей) Кириллову монастырю³. В 1564/65 г. его имя мы находим в списке поручителей по боярине Л. А. Салтыкове и его детям⁴. Семейные связи В. Ф. Рыбина-Пронского во многом напоминают родовое окружение митрополита Филиппа: род Колычевых был близок князьям старицкого дома, причем некоторые из них вошли в опричнину, резко улучшив свое служебное положение.

Выступление В. Ф. Рыбина-Пронского в 1566 г., как уже говорилось, могло быть вызвано старицкими симпатиями. Но не исключена тут и личная обида. Дело в том, что в роду князей Пронских, уже со времени Василия III неизменно входивших в состав Боярской думы, он был ближайшим (по старшинству) кандидатом, которого следовало произвести в бояре. Однако в опричные годы Иван IV вообще не склонен был расширять состав этого учреждения — оплота феодальной аристократии. Когда же он назначал бояр, то главным образом из числа

¹ М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники XVI в. — «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 87.

² В 1558/59 г. «князь Петр в удел дан», т. е. становится боярином старицкого князя («Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», стр. 151; ДРК, стр. 209). Возможно, он вошел в состав государева двора после роспуска людей князя Владимира. Подробнее о Пронских см. В. В. Кобрин, Указ. соч., стр. 66—67.

³ РИБ, т. XXXII, Пг., 1915, № 210, стб. 432—434.

⁴ СГГид, ч. I, № 185, стр. 514.

опричников. Боярином сделался уже в 1565—1566 гг. П. Д. Пронский, опричник (из младшей ветви фамилии)¹, а назначение В. Ф. Рыбина-Пронского в Думу так и не состоялось.

Другой казенный, И. М. Карамышев, принадлежал к верхнему слою московского дворянства². В 50-х годах полтора десятка Карамышевых считались дворовыми детьми боярскими, служившими по Волоколамску, Ржеве, Стародубу и Бежецкому Верху. Интересующий нас сын боярский первой статьи Иван Михайлович Карамышев, вероятно, служил по Пскову³. Его отец и дяди Яков, Иван (дворовый сын боярский по Волоку) и Никита (дворовый сын боярский по Ржеве) еще при Василии III получили в кормление новгородские городки Демон и Березовец⁴.

Если Рыбин-Пронский происходил из известной княжеской фамилии, Карамышев из старинной дворянской, то родословную Крестьянина Бундова нельзя проследить далее его отца. Государев конюх сын боярский Бунда Быкасов в 1536 г. описывал землю новгородских околородных монастырей⁵. Это был, следовательно, обычный послужилец из несвободной великокняжеской челяди, каких много выдвинулось на арену политической жизни в конце XV — начале XVI в. Чиновная деятельность Бунды Быкасова в Новгороде, вероятно, не осталась без вознаграждения. Во всяком случае его внуки известны нам как новгородские помещики. Детей Степана Бундова Якова и Крестьянина уже в 1550 г. включили в состав тысячников по городу Юрьеву, а в 50-х годах XVI в. они числились дворовыми детьми боярскими по тому же го-

¹ П. Д. Пронский упоминается как боярин уже в 1565/66 г. (Э. л. 462 об.), во всяком случае в апреле 1566 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 335).

² Семья Карамышевых была как-то связана с Колычевыми: Федор Колычев в феврале 1556 г. сделал вклад в Троицкий монастырь по В. А. Карамышеве (Троицкая вкладная книга, л. 410 об.).

³ А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 231—232.

⁴ «Акты Юшкова», ч. I, № 62.

⁵ ПСРЛ, т. VI, СПб., 1855, стр. 299; ЦГАДА, ф. 1209, № 707, л. 1 и след.

роду¹. В марте 1559 г. Яков Степанов сын Бундов участвовал в качестве головы стрельцов в походе Данилы Адашева. Но в этом же году его московский двор передается в Кириллов монастырь². Очевидно, тогда же он умер³. Послухом в данной грамоте 1559 г. был брат Якова, один из инициаторов выступления служилых людей на земском соборе — Крестьянин Степанович Бундов.

Было и еще одно обстоятельство, возбуждавшее В. Ф. Рыбина-Пронского и К. С. Бундова против опричнины: первый в середине XVI в. принадлежал к костромским дворовым детям боярским, а ближайшие родственники второго владели вотчинами в Ярославле. Но, как мы помним, служилые люди именно этих двух уездов в первую очередь испытали на себе всю тяжесть опричных опал (казней и переселений в Среднее Поволжье), и конечно, выступление Рыбина-Пронского и Бундова вполне отвечало их настроениям.

Июль — август 1566 г. были временем интенсивной выдачи льготных грамот Владимира Старидкого на земли его удела. В январе — марте 1566 г. произошла мена земель, в результате которой удел князя Владимира образовался на территории Дмитровского и Звенигородского уездов. Однако до середины июля им было выдано всего две небольших льготных грамоты Симонову монастырю (март — апрель)⁴. Совсем по-иному обстояло дело летом 1566 г., когда за какие-то полтора месяца он выдал 15—16 грамот Чудову, Троице-Сергиеву и, возможно, Иосифо-Волоколамскому монастырю⁵. Столь подозрительная

¹ В Ярославском уезде до 1550 г. находились поместные деревни Басалая, Чудина и Михаила Буновых (ГИМ, Симоновское собр., 58, л. 399 об.). Подробнее о Буновых см. А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 232. См. также С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 363.

² ДРК, стр. 208; РИБ, т. XXXII, № 209, стр. 431—432.

³ По Якове 1 августа 1559 г. сделал вклад в Троицкий монастырь Трофим Степанов сын Бундов (Троицкая вкладная книга, № 453).

⁴ С. М. Каштанов, Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века», ч. II.— «Археографический ежегодник за 1960 год», М., 1962, № 866, 871.

⁵ Там же, № 865, 877—885, 887—892. Ср. В. Б. Кобрин, Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.).— «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 25, М., 1962, стр. 316—317.

щедность удельного князя, возможно, связана с выступлением против опричнины ряда членов земского собора, среди которых были близкие ему лица.

Соборные представители, подавшие царю челобитную о ликвидации опричнины, рассчитывали, вероятно, что, дав согласие на продолжение Ливонской войны, они добьются удовлетворения своих требований. Результат оказался обратный. Выступление служилых людей — этой, казалось бы, верной опоры царя — против опричнины заставило Ивана IV серьезно заняться укреплением государева удела.

В августе 1566 г. Иван Грозный проводил какую-то не вполне еще ясную работу по пересмотру своего архива. В описи Царского архива сохранились пометы о том, что он затребовал к себе (между 4 и 14 августа) около 30 ящиков и ларцев с документальными материалами. В описи есть пометы начиная с 1562 по 1574/75 г., но подавляющее большинство их относится к августу 1566 г.¹

Обращает на себя внимание отсутствие разрядов за вторую половину 1566 и первые три месяца 1567 г.² Осенних назначений на «годованье» воевод и наместников не было³. Не исключено, что правительство, напуганное выступлениями участников земского собора из среды дворовых детей боярских, решило повременить с военно-административными назначениями до произведения тщательной проверки причастности к этому выступлению лиц из состава государева двора, откуда черпались кандидаты на высшие военные должности.

К сожалению, у нас нет более или менее точных данных, в какой мере суровые репрессии опричных лет коснулись участников земского собора. Сведения синодиков Ивана Грозного, иностранцев и Курбского, обработанные С. Б. Веселовским⁴, неполны и касаются только наибо-

¹ Подробнее об этом см. А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 233.

² Последний разряд за 1566 г. датирован концом июня, а первый за 1567 г. — апрелем («Сибирский сборник», стр. 18).

³ См. осенние назначения в 1564 и 1565 гг. (ДРК, стр. 251, 264).

⁴ С. Б. Веселовский, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник; в кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 354—478.

лее именитых представителей дворянских фамилий. Но все же некоторые выводы сделать можно¹. Из 17 бояр и трех окольничих, присутствовавших на соборе 1566 г., в разные годы казнено девять², один пострижен в монахи (И. В. Шереметев Большой), т. е. репрессиям подверглись примерно 50% лиц. Казнены оба казначея (Н. А. Фуников и Х. Ю. Тютин) и печатник И. М. Висковатый. Печатник («у бояр в суде») Б. И. Сукин репрессий избежал.

В годы опричнины несколько раз обновлялся дьяческий аппарат, несший непосредственную ответственность за все сдвиги правительственной политики. Поэтому в синодиках мы находим трех из шести думных дьяков и 11 из 33 дьяков и приказных людей³. Это, безусловно, очень большой процент. Зато почти никого из гостей и торговых людей в синодиках мы не найдем. Это, конечно, объясняется не только спецификой памятника, куда вносились лишь наиболее именитые лица, но и тем, что верхи торгово-ремесленного населения пользовались покровительством Ивана IV.

С разгромом Новгорода, возможно, связана казнь Андрея Тараканова (родственника Г. Ф. Тараканова)⁴. В годы опричнины погиб и гость П. Цвилинев⁵. В 1554 г. он был писцом Балахны. В царском архиве хранился «список праведной» на Прокофия Цвилинева⁶. Возможно, в меньшей степени пострадали дворянские представители земского собора. Определенно известно о казнях только 29 человек из 204. Трое из них казнены, бесспорно, в связи с выступлением 1566 г., 10 — не ранее 1567 г., когда они еще исполняли разрядные и иные должности⁷. Служебная карьера 16 опальных обрывается земским

¹ Об отношении правительства Ивана Грозного к высшей церковной иерархии сказано будет в следующей главе.

² Бояре И. П. Яковлев, И. И. Пронский, М. И. Воротынский, М. Я. Морозов, И. П. Федоров, И. Я. Чеботов, В. Д. Давилов, С. В. Яковлев; окольничий М. И. Колычев.

³ А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 234.

⁴ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 452—453.

⁵ Там же, стр. 466.

⁶ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 41, 44.

⁷ А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 237.

собором 1566 г. Их участие в выступлении В. Ф. Рыбина-Пронского, И. М. Карамышева и К. С. Бундова весьма вероятно.

* *
*

Земский собор 1566 г. был важным этапом в истории сословно-представительных учреждений на Руси. В их практику он внес целый ряд новых моментов. На соборе 1566 г. подавляющее большинство принадлежало представителям господствующего класса феодалов. При этом заметно усилилась роль верхней прослойки дворянства — дворовых детей боярских, в чем нельзя не видеть одного из серьезных сдвигов в социально-политической жизни государства. Не менее интересно и участие представителей «третьего сословия» на земском соборе 1566 г. — факт, тоже неизвестный соборам середины XVI в. Объяснение этому следует искать не только в заинтересованности торговых людей в решении ливонского вопроса, но и в росте удельного веса городов в социально-экономической жизни страны. О возросшей политической активности горожан свидетельствует и участие их в земских учреждениях и волна городских движений середины века.

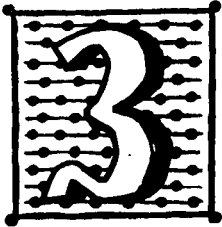
Насколько можно судить по случайно сохранившимся данным середины XVI в., первые соборы созывались для заслушивания правительственных деклараций (например, собор 1549 г.) и санкционирования законодательных и иных мероприятий (на соборе 1551 г.). Активной роли соборных представителей в выработке политической линии московского правительства еще не заметно. Только члены собора 1566 г. выступили со своими суждениями по внешнеполитическому вопросу, в которых слышался голос их реальных социально-политических требований. Решения собора, соответствовавшие плану самого Ивана IV, неукоснительно выполнялись в последующие годы. Земский собор 1566 г. — один из поворотных пунктов Ливонской войны, определившей на много лет политику московского правительства. Вместе с тем собор оказал заметное влияние и на судьбы опричнины. Ободренные обращением правительства к сословиям в поисках поддержки внешне-

политических мероприятий, дворянские представители осмелились даже выступить с требованиями прекратить опричные репрессии. Ответом на это было усиление опричного террора, принесшего неисчислимые бедствия стране.

В соборе 1566 г., как и в прежних соборных заседаниях, никакого участия не принимали широкие круги населения — крестьянство и посадские люди. Это особенно ярко показывает классовую природу земских соборов как сословно-представительных учреждений, выражавших интересы феодальных кругов русского общества, поддержанных верхушкой купечества. Сословно-представительное начало в составе земских соборов еще не сочеталось с выборным. Только события иностранной интервенции и крестьянской войны начала XVII в. внесли дальнейшие изменения в структуру и функции русских сословно-представительных учреждений.

Глава V

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП И ОПРИЧНИНА

аседания земского собора 1566 г. и выступление группы его членов против опричнины совпали по времени с началом длительной борьбы Ивана Грозного с Филиппом Колычевым, ставшим в июле митрополитом всея Руси, т. е. главою всей русской церкви.

Образование Русского централизованного государства в конце XV в. поставило на повестку дня вопрос о ликвидации в стране последних очагов политической раздробленности. Одним из своеобразных феодальных образований внутри единого государства была полунезависимая от светской власти церковь с ее огромными земельными владениями, включавшими до трети всех населенных мест России. Широкие иммунитетные права церкви, которых светские землевладельцы, как правило, были лишены, препятствовали осуществлению государственных финансовых и судебных полномочий в вотчинах духовных феодалов. Идеологи сильной воинствующей церкви склонны были отводить монарху подчиненную роль по сравнению с духовными иерархами. Сходство социально-экономического положения крупных церковников с феодальной аристократией порождало между ними и идеологическую близость. Именно поэтому в ранний период своей деятельности Иосиф Волоцкий выступал трубадуром волоколамского удельного князя, а глава воинст-

вующих церковников новгородский архиепископ Геннадий самым ходом событий становился знаменем антимосковских сил в некогда Великом Новгороде. С таким положением вещей московские государи не могли и не хотели мириться. Поэтому вся первая половина XVI в. наполнена упорной борьбой московского правительства, направленной к полному подчинению церковного аппарата светской власти. Формы этой борьбы и пути, по которым она протекала, менялись в связи с различными обстоятельствами, но суть оставалась одна.

Уже в годы реформ Избранной рады был нанесен сильный удар по экономическим основам могущества церкви — иммунитетным привилегиям, а также несколько сокращены источники дальнейшего расширения монастырского землевладения. Однако рост классовой борьбы в стране и реформационного движения заставил правительство на время воздержаться от дальнейшего наступления на привилегии церкви, которая оказывала самую энергичную поддержку правительству тем, что искореняла вольнодумие и проповедовала идею послушания властям. Опыт Стоглава также показал, что путь подчинения церкви через проведение секуляризационных мероприятий, предложенный Сильвестром, встречает самое решительное сопротивление верхов церковной иерархии, в первую очередь освященного собора. Епископы, выходявшие, как правило, из среды игуменов и архимандритов, не были склонны допустить ликвидацию материальных основ идеологического и политического престижа церкви. Епископат обладал не только крупными земельными владениями. В его распоряжении был значительный штат военных слуг — бояр и детей боярских. Дети боярские рязанского владыки в 1567 г. владели многими селами и деревнями¹. Были свои бояре у новгородского архиепископа и вологодского и тверского епископов². Еще в 1591/92 г. в списке служи-

¹ Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв., т. I, вып. 2, стр. 425—463.

² ПКМГ, ч. I, отд. II, стр. 249, 267. Выписки из кормовой книги Кирилло-Белозерского монастыря. — «Известия археологического общества», т. II, СПб., 1863, стб. 20; Б. Д. Греков, Описание актов книг, хранящихся в архиве Археографической комиссии. — «Летопись занятий Археографической комиссии за 1915 год», вып. 28, Пг., 1916, стр. 89—113 и др.

лых людей были включены многие десятки детей боярских крупнейших церковных иерархов Русского государства¹. Особенно значительная группа светских вассалов находилась при дворе московских митрополитов². Возглавлялись они своеобразной митрополичьей боярской думой, ведавшей хозяйством митрополии. Особые наместники, волостели, тиуны, доводчики составляли аппарат главы русской церкви, который по своему могуществу не уступал крупнейшим удельным князьям. Целый ряд ограничений монастырского землевладения, осуществленных в середине XVI в., не коснулся привилегий крупных духовных феодалов, а их судебно-административные prerogatives даже укрепились после решений Стоглава. Таким образом, для того чтобы правительство могло рассчитывать на осуществление своих планов ликвидации экономической и административной обособленности духовных феодалов, нужно было прежде всего сломить сопротивление руководителей русской церкви. Сам царь Иван уже в 1564 г. отчетливо сознавал, что церковники должны быть отстранены от управления страной. «Нигде же обрящеши,— писал он Курбскому,— еже не разорится царству, еже от попов владомому»³. Таковы были реальные предпосылки столкновения Ивана Грозного с митрополитом Филиппом Колычевым.

* *
*

Митрополит Филипп происходил из младшей ветви старомосковского боярского рода Колычевых, начальные страницы истории которого тесно связаны с борьбой московских князей за объединение Руси⁴. Колычевы, как и Романовы, вели свое происхождение от некоего Андрея Кобылы. Уже Федор Колыч (внук Кобылы), живший во

¹ «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», стр. 237.

² О них писал Курбский (РИБ, т. XXXI, стб. 316).

³ «Послания Ивана Грозного», стр. 22.

⁴ Подробнее см. А. А. Зимин, Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв.—«Археографический ежегодник за 1963 год» (в печати),

второй половине XIV в., был крупным землевладельцем. В бурные годы правления Ивана IV острая борьба за централизацию государства привела к серьезным изменениям в судьбах многочисленных потомков Федора Колыча. Некоторые из Колычевых сделали вассалами старицкого князя Андрея Ивановича. У этого князя, судя по родословцам, служил Петр Андреевич Лошаков-Колычев¹. Как сложился его жизненный путь после заточения старицкого князя, мы не знаем. Но многозначительное замечание родословцев о его бездетности говорит, как кажется, в пользу того, что он почувствовал на себе тяжелую руку великого князя и провел остаток жизни в опале. «Поимание» в 1537 г. Андрея Ивановича Старицкого сопровождалось многочисленными и суровыми мерами против его сторонников. В 1537 г. торговой казни был подвергнут сын боярский И. И. Умный-Колычев, заседавший в думе у князя Андрея; еще в 1530 г. он был дворецким в Старице². Особенно жестокие кары обрушились на новгородских помещиков, пытавшихся изменить Ивану IV и перейти на сторону старицкого князя. Среди них были казнены Гаврила Иванович Пупков-Колычев и Андрей Владимирович Колычев³.

Старшая ветвь этого боярского рода — Колычевы-Хлызныевы — после гибели под Казанью в 1552 г. Никиты Борисовича ко времени oprичнины была представлена Иваном Борисовичем и его сыном Иваном Ивановичем, участниками земского собора 1566 г. Сын Никиты Хлызнева Богдан в январе 1563 г. бежал с поля боя в Литву⁴, что, конечно, сыграло свою роль в трагической биографии его ближайших родственников. Этот побег, возможно, был связан с подготовлявшейся опалой на Владимира Старицкого (август 1563 г.)⁵. Хлызныевы — близкие люди к старицким князьям. Иван Борисович еще в 1533 г. присутствовал на свадьбе князя Андрея⁶, в 1537 г. помогал ему в борьбе с Еленой Глинской, а в 1550—1558 гг. среди

¹ «Родословная книга...», ч. II, стр. 107.

² «Акты Юшкова», ч. I, № 128.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 295.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 350.

⁵ Там же, стр. 368.

⁶ ДРК, стр. 6.

воевод старицкого князя упоминался его сын Владимир¹. Поэтому никто из Хлызневых не вошел в состав «избранной тысячи», ни в дворовые дети боярские. В августе 1563 г. Иван IV «взял в свое имя» бояр и детей боярских, которые «блиско жили» при князе Владимире Старицком, и «пожаловал их, которой же которого чину достоин»². Так Хлызневы оказались в государеве дворе.

Целая группа Колычевых, верных централизаторской политике московского правительства, в середине XVI в. попадает в число тысячников и дворовых детей боярских. Видным деятелем времен Ивана IV был окольный Михаил Иванович Колычев (сын Ивана Семеновича Хромого), получивший свой чин около апреля 1565 г.³ Ни одно из семейств колычевского рода не пережило столько взлетов и падений, как дети и внуки Ивана Андреевича Лобана. Наиболее крупных успехов достигли двое из пяти сыновей Лобана — Иван Рудак и Иван Умный. И. И. Рудак-Колычев к концу 1540 г. сделался уже окольным⁴. Последний раз в источниках он упоминается в начале 1550 г.⁵ Вероятно, вскоре после этого он умер.

Младший из братьев Лобановых Иван Иванович Умный начал свою служебную карьеру при дворе Андрея Старицкого. После того, как этот князь был «поиман», Ивана Умного подвергли торговой казни⁶. Однако вскоре, в 1542 г., он снова присутствует на приеме послов как сын боярский из Старицы⁷. К концу 1547 г. его прикомандировывают в качестве конюшего ко двору слабоумного брата Ивана IV Юрия⁸. В марте 1549 г. он уже сделался окольным; в последний же раз упоминается в разрядах летом 1553 г.⁹ Вскоре после этого Иван Умный постро-

¹ М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники XVI в.— «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 87; ДРК, стр. 140, 195.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 368.

³ СГГид, ч. 1, № 190, стр. 537; «Сборник РИО», т. 71, стр. 331.

⁴ «Русские акты Ревельского городского архива». — РИБ, т. XV, № 50, стб. 90—91.

⁵ ДРК, стр. 140.

⁶ ПСРЛ, т. VIII, стр. 259.

⁷ «Сборник РИО», т. 59, стр. 148.

⁸ ДРК, стр. 129.

⁹ Там же, стр. 132, 163.

гается в Кириллове монастыре под именем Иоасафа и до 4 июня 1554 г. (когда сделан «по его душе» вклад) умирает¹. О его пребывании в Кириллове монастыре с раздражением вспоминал Иван Грозный в своем послании кирилловскому игумену Козьме (1573 г.), когда уже род Колычевых подвергся суровым репрессиям².

Двое сыновей Ивана Умного стали видными деятелями уже в годы опричнины. Их биография хорошо изучена В. Б. Кобриным³. В 1547 г. Федор Иванович Умный, как и его отец, еще служил при дворе брата Ивана IV Юрия⁴. Получение им боярского чина в канун опричнины (1562 г.)⁵, несомненно, связано с особой близостью Ф. И. Умного к царю: после учреждения опричнины Ф. И. Умный входит в состав ведущих деятелей государственного удела. Последний раз Умный упоминается в источниках в 1571—1572 гг.⁶ Младший брат Федора Василий становится окольным вскоре после создания опричнины⁷. Последний раз он упоминается в апреле 1574 г.⁸

✓ Итак, Колычевы — представители верхнего слоя класса феодалов, как правило, энергично поддерживавшие правительственную политику. Близость некоторых из них к дому Андрея Старицкого и их новгородские симпатии влекли для них не раз тяжелые последствия. Политика московского правительства в XVI в. направлялась на постепенную ликвидацию пережитков политической раздробленности, которые наиболее отчетливо проявлялись в существовании уделов и в обособленности Новгородской земли. Именно в этом нужно видеть характерные черты перипетий политической борьбы в XVI в., а не в пресловутом противоборстве бояр и дворян, о котором столько писалось в исторической литературе.

¹ Троицкая вкладная книга, л. 429.

² «Послания Ивана Грозного», стр. 173.

³ В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 43—45.

⁴ ДРК, стр. 4, 126.

⁵ СГТД, ч. 1, № 176; ДРК, стр. 234.

⁶ В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 44.

⁷ ДРК, стр. 257, 261, 263, 264.

⁸ Д. Н. Альшиц, Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года.— «Исторический архив», кн. IV, 1949, стр. 20, 63.

Колычевы в годы опричнины разделили судьбу многих дворянских фамилий: те из них, которые были особенно близки к мнительному и жестокому монарху, в конечном счете заплатили дорогой ценой за дни фавора. Ни о каком специальном истреблении членов колычевского семейства не может идти речи. В разное время гибли те Колычевы, которых грозный царь подозревал в близости к опальным вельможам. Опричные казни коснулись их выборочно. По данным синодиков, погибло всего 11 Колычевых¹. Этим, конечно, дело не ограничивалось. Сюда кроме митрополита Филиппа нужно добавить Ивана Борисовича Хлызнева, о казни которого писал Курбский, сообщая, что вместе с ним погибло около 10 Колычевых². Отождествляя Ивана Борисовича с племянником Филиппа Колычева Венедиктом (упоминавшемся в синодиках), Леонид находит в рассказе Курбского ошибку³. М. Л. Боден-Колычев заметил, что Венедикт не мог быть убит, как Иван Борисович, при жизни митрополита Филиппа, ибо упоминается еще в 1573 г. Сам Боден-Колычев склонен отождествлять «Ивана Борисовича» с другим племянником Филиппа — Петром⁴, и это явное недоразумение. Речь должна идти о совершенно конкретном лице — И. Б. Хлызнев-Колычеве⁵.

В житии митрополита Филиппа говорится о казни М. И. Колычева, «брата его от родных», после низложения митрополита в 1568 г.⁶ Отождествляя этого Михаила Ивановича с окольным М. И. Лобановым, некоторые исследователи (Леонид и М. Л. Боден-Колычев) усматривали в тексте жития ошибку, ибо Лобанов приходился не братом, а дядей Филиппу. Поэтому рассказ жития, по их мне-

¹ Андрей, Василий, Василий Умный, Венедикт, два Ивана, Тимофей, Михаил с тремя сыновьями.

² РИБ, т. XXXI, стб. 299—301. В Троицком синодике (№ 2, л. 91) под 1569 г. отмечена смерть Ивана Борисовича Колычева и его сына Ивана (*М. Л. Боден-Колычев*, Боярский род Колычевых, СПб., 1883, стр. 430).

³ *Леонид*, Жизнь святого Филиппа, митрополита Московского и всея России, М., 1861, стр. 166.

⁴ *М. Л. Боден-Колычев*, Указ. соч., стр. 144—145.

⁵ Г. П. Федотов и рассказ жития ошибочно относил к И. Б. Колычеву (*Г. П. Федотов*, Св. Филипп, митрополит Московский, стр. 167).

⁶ ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 123 об.—124.

нию, не мог относиться к Михаилу Ивановичу. Они считают, что в житие вкралась ошибка и имя казненного родственника должно быть изменено в соответствии с рассказом Курбского о гибели Ивана Борисовича Колычева¹.

Действительно, и в рассказе Курбского, и в житии говорится о посылке Филиппу головы казненного родственника. Но нет оснований считать, что в житие вкралась ошибка. О казни Михаила Ивановича Колычева согласованно говорят три независимых друг от друга источника: Таубе и Крузе, синодики и Курбский, что дает гарантию достоверности этого факта. С Михаилом Ивановичем, очевидно, погибли его дети, а также бездетные двоюродные братья Иван и Василий Андреевичи². Казнен был, действительно, Михаил Иванович, но не Лобанов, а сын И. С. Хромого, приходившийся троюродным братом митрополиту Филиппу. Правда, по Шереметевскому списку он показан выбывшим только в 1570/71 г., т. е. после смерти Филиппа. Но, скорее всего, это — обычная для Шереметевского списка неточность. Последнее сведение о М. И. Колычеве отнесено к июню 1568 г.³ В родословцах трое братьев Михаила Ивановича (Иван, Петр и Федор Корелка) показаны бездетными. Возможно, что они также погибли с Михаилом в связи с делом митрополита Филиппа.

Узнав по слухам о страшной казни одного из родственников митрополита Филиппа, Курбский ошибочно отнес это сведение не к М. И. Колычеву, а к И. Б. Хлызеву, который, как ему стало известно, также погиб в 1569 г.

С делом митрополита Филиппа могла быть связана загадочная судьба трех братьев Немятых (Юрия, Афанасия и Ивана), а также внуков Г. А. Носа Колычева — Алексея

¹ Леонид, Указ. соч., стр. 106; М. Л. Боденко-Колычев, Указ. соч., стр. 145.

² В синодиках говорится о гибели Михаила и его трех сыновей; родословцы знают лишь одного сына — Ивана. Отождествление С. Б. Веселовским Василия из синодиков с В. Ф. Лошаковым, упоминающимся в источниках до 1571 г., сомнительно (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 299).

³ «Сборник РИО», т. 71, стр. 567. Таубе и Крузе говорят о гибели Михаила Колычева сразу же после описания расправы над И. П. Федоровым, казненным в сентябре 1568 г. (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 40). Вероятно, тогда же погиб и М. И. Колычев.

и Григория, сошедших с исторической сцены в 1568—1570 гг.¹ С. Б. Веселовский считает, что бездетные племянники Филиппа Венедикт и Петр погибли в связи с низложением их дяди². Это предположение может быть принято только для Петра³, но для Венедикта не подтверждается, ибо он упоминается еще в источниках 1573—1576 гг.⁴ Гибель бездетных двоюродных братьев Тимофея (Даниловича) и Андрея (Третьякова сына), скорее всего, явилась следствием похода Ивана Грозного 1570 г. на Новгород⁵. Их братья — новгородские помещики — хорошо известны источникам 70—80-х годов. О самих Тимофее и Андрее уже в 60—70-х годах упоминаний не сохранилось⁶. Последний из Колычевых, о насильственной смерти которого сообщают источники, — Василий Иванович Умный погиб не ранее 1575 г. по неясной причине⁷.

Итак, каких-либо специальных гонений на Колычевых в годы опричнины не было. Некоторые из их обширной семьи входили в гвардию телохранителей Ивана IV (после марта 1573 г. таковых было по меньшей мере девять че-

¹ И. Н. Немытый мог быть одним из Иванов Колычевых, поминавшихся как убиенные в синодике опальных.

² С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 298—299.

³ В синодике Успенского собора есть под 1568/69 г. запись об умершем иноке Паисие Умном (ГИМ, Успенское собр., № 64, л. 51).

⁴ Д. Н. Альшиц, Указ. соч., стр. 21; НПК, т. V, стр. 555, 626; «Известия Русского генеалогического общества», вып. 1. СПб., 1900, отд. III, стр. 11. Поэтому нельзя согласиться с Л. М. Сухотиным, считающим, что Венедикт погиб вместе с В. Умным в 1575 г. (Л. М. Сухотин, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. II—VI, стр. 59).

⁵ Бездоказательно предположение Л. М. Сухотина о том, что Т. Д. Лошаков погиб в 1575 г. (там же, стр. 58).

⁶ Не исключено, впрочем, что Андреем, упоминаемым в синодиках, был бездетный помещик Андрей Иванович, дядя названных выше Тимофея и Андрея Лошаковых.

⁷ 28 апреля 1575 г. он еще сделал вклад в Троицкий монастырь (В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 44). По мнению Веселовского, в связи с опалой на Филиппа постригся в монахи Ф. И. Умный-Колычев (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 299). Но Ф. И. Умный упоминается еще в мае 1570 и 1571/72 гг. и, как правильно полагает В. Б. Кобрин, его уход в монастырь связан с другими событиями (В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 44). Во всяком случае в 1573/74 г. селом Неверовым владел уже не он, а его жена (АФЭиХ, ч. II, № 422).

ловец¹). Значительное число Колычевых несло обычную службу с новгородских и московских поместий. Не известно, пострадал ли кто-либо из старшей ветви Хлызневых, т. е. из детей и внуков Никиты Борисовича. Из остальных же ветвей колычевского рода гибли, как правило, отдельные представители в связи с совершенно различными обстоятельствами. Дело митрополита Филиппа было только одним из них.

* * *

*

Будущий русский митрополит Филипп, до пострижения Федор Степанович Колычев, родился 11 февраля 1507 г.²

Основной источник для изучения жизни и деятельности Филиппа — Федора Колычева — его житие, к сожалению, все еще остается неизданным³, хотя представляет собою очень интересный исторический документ. Автор этого памятника жил в конце XVI в. Он происходил из среды соловецких монахов, был очевидцем перенесения «мощей» митрополита Филиппа в Соловецкий монастырь (1591)⁴. Да и писал житие он, вероятно, в 90-х годах XVI в.⁵

¹ Это упомянутые в списке служилых людей 1573 г. окольный В. И. Умный, Г. Г. Колычев, М. В. Колычев, М. Т. Лошаков, В. Б. Колычев, О. И. Колычев, И. Ф. Колычев, В. Ж. Колычев, А. Н. Колычев (*Д. Н. Альшиц*, Указ. соч., стр. 20—22).

² «Летописец Соловецкого монастыря...», М., 1790, стр. 14; ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 84.

³ См. пересказ его с извлечениями в кн.: «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы», вып. IV. Славяно-русский пролог, ч. II, СПб., 1898, стр. 9—13; см. также «Жития святых российской церкви», 1857, январь, стр. 50—150. В середине XVII в. соловецкий старец Герасим Фирсов написал житие, слово и службу митрополиту Филиппу (*Н. Никольский*, Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам.— «Памятники древней письменности и искусства», вып. 188, СПб., 1916, стр. 3—64). Для изучения биографии Филиппа эти произведения новых сведений не дают.

⁴ ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 127.

⁵ Первое из «чудес», следующее за текстом жития, написано со слов соловецкого монаха вскоре после перенесения «мощей» Филиппа в Соловецкий монастырь (ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 129 об.).

Митрополит Филипп. Миниатюра XVII в.
Государственный Исторический музей.

В основу изложения им были положены рассказы современников, по-видимому, главным образом соловецких монахов. Клерикальная тенденциозность повествования чувствуется в каждой строке жития, но впечатления людей, перед глазами которых произошло драматическое

столкновение царя и митрополита, переданы обстоятельно и живо¹.

Второй источник, к которому мы будем обращаться в дальнейшем не раз, — Соловецкий летописец — по составу еще более сложен. До нас он дошел в двух редакциях, но обе они относятся к XVIII в., т. е. к очень позднему времени². Не все сведения летописца могут быть признаны достоверными, многие из них позднейшего происхождения и заимствованы, вероятно, из актового материала (упоминания о льготах, выданных Иваном IV), из данных Соловецкой казны (сведения о вкладах) и т. п. Но точность отдельных датировок и известий, поддающихся проверке по другим источникам, заставляет нас внимательно подойти к тексту этого летописного памятника³.

Отец Федора Колычева Степан Иванович около 1495 г. владел поместьем в Деревской пятине⁴. Судя по его прозвищу — Стенстур, встречающемуся в родословных книгах, Степан Иванович принимал участие в русско-шведских сносениях, которые в XVI в. велись новгородскими наместни-

¹ А. Н. Насонов в статье «Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы)» («Проблемы источниковедения», вып. IV, М., 1955, стр. 269) указывает на два летописца, содержащие сведения о Филиппе: ГИМ, Музейное собр., № 3058 и ЦГАДА, ф. 181, № 522. В эти летописцы включены краткие извлечения из жития Филиппа.

² А. А. Савич, Соловецкая вотчина XV—XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем севере в древней Руси), Пермь, 1927, стр. 10—11.

³ Ниже ссылки, как правило, даются на первое издание памятника («Летописец Соловецкого монастыря...», М., 1790), ибо в третье издание («Летописец Соловецкий...», М., 1833) его издатель Досифей внес без каких-либо оговорок много дополнений, источники которых не вполне ясны. Третье издание ниже используем в том случае, когда Досифей приводит данные из других списков летописца.

⁴ НПК, стб. 431, 433, 434. По сведениям жития, Филипп «рожение имея Великаго Новаграда», т. е. он был новгородец по рождению (ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 84 об.). Н. П. Лихачев считает это предание недоказанным, полагая, что «оно ошибочно отнесено к более известному Колычеву вместо его двоюродного брата Ивана Андреевича» (Н. П. Лихачев, Родство Колычевых с новгородцами. — «Известия Русского генеалогического общества», вып. 1, стр. 123). Ни сведения жития, ни догадки Лихачева при настоящем состоянии источников проверены быть не могут.

ками. Экзотические прозвища были распространены на Руси в придворных сферах конца XV в. Так, например, великокняжский дьяк Михаил Григорьев Мунехин, побывавший в Египте, именовался «Мисюрем»¹. В конце XV — начале XVI в. в Швеции было два Стен Стура: старший правил Швецией в 1470—1497 и 1501—1503 гг., а Стен Стур младший был регентом в 1512—1520 гг. Поскольку первый из них был активным врагом России, то свое прозвище Степан Колычев получил скорее всего потому, что имел какое-то отношение ко второму регенту². Возможно, что это было связано с заключением в мае 1513 г. в Новгороде договора со Швецией³. Более сомнительно известие о том, что С. И. Колычева приставили дядькой к слабому брату Ивана IV Юрию Васильевичу⁴. Во всяком случае умер Колычев-отец ранее 1561 г., когда сын по «его душе» сделал вклад в Соловецкий монастырь⁵.

В общем перед нами один из тех служилых людей, которые составляли опору московской политики в первой половине XVI в. Именно поэтому к нему, очевидно, и благоволил Василий III⁶.

Федор Колычев получил образование, вполне достаточное для молодого представителя видной служилой фамилии: он «вразумляется» и «книжному учению», и «воинской храбрости»⁷. Некоторое время он находился с другими дворянскими юношами при великокняжеском дворе, однако в 1537 г. неожиданно покидает Москву⁸. Исследователи уже давно связывали его бегство из столицы с «по-

¹ А. А. Шамагов, Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и хронограф редакции 1512 г.— «Известия отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1899, кн. 1, стр. 200—222.

² В послании 1573 г. Иван IV спрашивал: «Стен Стур давно ли был правитель на Свейской земле?» («Послания Ивана Грозного», стр. 153).

³ ЦГАДА, ф. 96, 1513, № 1. См. также Н. Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России по 1800 г., ч. IV, М., 1902, стр. 117.

⁴ М. Л. Бодя-Колычев, Указ. соч., стр. 54.

⁵ «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 24.

⁶ ГБД, Троицкое собр., № 694, л. 84 об.

⁷ Там же, л. 85 об.—86.

⁸ По словам автора жития, он ушел из Москвы, «егда приспев 30 лет совершение возраста» (там же, л. 87 об.).

иманием» старицкого князя Андрея (весна 1537 г.), когда пострадал дядя Федора Колычева Иван Иванович Умный и были казнены несколько его новгородских родичей¹. Некоторое время Федор скрывался в селении Кижэ на Онежском озере, где он работал пастухом у крестьянина Суботы². Наконец около 1538—1539 гг. он попал в Соловецкий монастырь и постригся в монахи под именем Филиппа³. Прошло примерно 10 лет, и престарелый игумен Алексей передал свою паству Филиппу, который отныне стал во главе монашеской братии Соловецкого монастыря⁴.

Игумен Филипп начал свою кипучую деятельность в трудное для Соловецкого монастыря время. Огустошительный пожар весной 1538 г.⁵ истребил все монастырские строения («монастырь згорел весь до основания»), и в марте 1539 г. правительство малолетнего Ивана IV пожаловало соловецким старцам 13 луков «землицы» в Выгозерской волости, чтобы те могли поправить свои сильно пошатнувшиеся дела⁶. Выдача жалованной грамоты 1539 г. находилась в общей связи с иммунитетной политикой князей Шуйских, находившихся тогда у власти. Путем дарования льгот северным духовным корпорациям Шуйские

¹ *Леонид*, Указ. соч., стр. 20; *А. А. Савич*, Указ. соч., стр. 48.

² Спасский погост в Кижэ помещался на северном побережье Онежского озера. Еще в 1563—1566 гг. на Кижском острове в черносошной волостке проживал крестьянин Сидорка Степанов Субота («Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.», Л., 1930, стр. 131).

³ *Леонид*, Указ. соч., стр. 2.

⁴ В житии говорится, что Филипп до пострижения прожил в монастыре «лето и пол и вице». Затем он прожил девять лет до назначения игуменом (ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 90, 93). Но и став уже игуменом, Филипп на полтора года уступил свою должность Алексею: «Алексею же начальствующу лето едино и пол» (там же, л. 96). Первый документ, где упоминается игумен Филипп, датируется ноябрем 1547 г. (*Досифей*, Географическое, историческое и статистическое описание... Соловецкого монастыря., ч. 3, М., 1836, стр. 7—17). А. А. Савич относит начало игуменства Филиппа к 1546 г. В Соловецком летописце указана дата 1547/48 г., но в некоторых текстах явная описка — 1542 г. («Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 15; *А. А. Савич*, Указ. соч., стр. 48).

⁵ *Леонид*, Указ. соч., стр. 37.

⁶ *Досифей*, Указ. соч., ч. 3, стр. 1—3. Об этих владениях см. «Писцовые книги Обонежской пятины...», стр. 162—163.

стремились заручиться поддержкой новгородских феодалов¹.

Прошло немного времени, и в феврале 1541 г. Соловецкому монастырю, благосостояние которого во многом зависело от соляных промыслов, выдается льготная грамота, разрешавшая ему беспошлинную продажу 6 тысяч пудов соли². Соловецкая грамота 1541 г. резко отличалась от других подобных актов, выданных правительством нового временщика И. Ф. Бельского, которые, как правило, характеризовались сдержанностью в предоставлении податных привилегий. Объяснение этому С. М. Каштанов ищет в попытках правительства И. Ф. Бельского распространить свое влияние на один из крупнейших северных монастырей, склонных поддерживать князей Шуйских³.

Но наибольших податных льгот удалось добиться новому игумену — Филиппу, и это несмотря на то, что правительство Адашева в середине XVI в. проводило серьезные мероприятия по ограничению монастырских привилегий. Уже в октябре 1547 г. освобождается от уплаты податей двор Соловецкого монастыря, находившийся в Новгороде на Щитной улице⁴. В ноябре того же года по челобитью игумена Филиппа, из-за того что в монастыре «братии прибыло много и прокормитца им нечем», Иван IV увеличил монастырю беспошлинную торговлю солью на 4 тысячи пудов, доведя ее до 10 тысяч пудов. 17 мая во время общего пересмотра иммунитетных актов и ликвидации тарханых привилегий грамота Соловецкому монастырю была подтверждена без каких-либо ограничений⁵.

В июне 1550 г. в связи с началом строительства каменной церкви в монастыре Филиппу удалось получить у Ивана IV две деревни в Выгозерской волости (девять

¹ С. М. Каштанов, Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548 гг.).— «Исторические записки», кн. 66, 1960, стр. 249.

² Досифей, Указ. соч., ч. 3, стр. 3—7.

³ С. М. Каштанов, Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548 гг.).— «Исторические записки», кн. 66, 1960, стр. 250.

⁴ С. М. Каштанов, Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. I.— «Археографический ежегодник за 1957 год», М., 1958, стр. 372, № 557.

⁵ Досифей, Указ. соч., ч. 3, стр. 7—12.

обеж) с восемью варницами и островок на реке Суме с тремя непашенными дворами. Правда, обежную дань, ямские деньги и примет крестьяне этих деревень должны были платить в государеву казну, но варничный оброк (32 гривны «в ноугородское число») и наместнич и волостелин корм шли уже теперь в пользу монастыря¹. На следующий год (в июне 1551 г.) соловецкие старцы получили уже запустевшую Троицкую дерковь в Выгозерской волости (где когда-то умер один из основателей Соловецкого монастыря, Савватий) и деревню при устье реки Сорочи (один из рукавов реки Выга) у моря (одна обжа) с несудимыми привилегиями². Позднее с этих владений (где на реке Сороче был ез для рыбной ловли) царев оброк был вовсе снят³.

В июне 1555 г. монастырю пришлось на время поступиться своими основными тарханскими привилегиями. На «монастырский обиход» они могли покупать и впрямь беспрошленно «хлеб и всякий запас», но за продажу соли они уже должны были платить тамгу и другие пошлины «как и с торговых людей»⁴. Серьезный ущерб был в известной мере компенсирован тем, что царь пожаловал монастырю 26 деревень Сумской волости, когда-то принадлежавшие Марфе Борецкой (77½ обеж), и 33 сумские варницы (ранее платили восемь с половиной рублей оброку)⁵. В феврале 1556 г. соловецким старцам удалось исклопотать грамоту на село Пузырево Бежецкого Верха: отныне в эту

¹ *Досифей*, Указ. соч., ч. 3, стр. 17—21. Около 1563 г. с варниц (две монастырских, шесть крестьянских, одна пустая) соловецким старцам шло 5 руб. 13 алтын 2 деньги («Писцовые книги Оболенской пятины...», стр. 165).

² *Досифей*, Указ. соч., ч. 3, стр. 21—23.

³ «Писцовые книги Оболенской пятины...», стр. 165.

⁴ *Досифей*, Указ. соч., ч. 3, стр. 12—17. В январе 1559 г. уточнены размеры этого запаса: 3 тысячи четвертей ржи, 300 четвертей пшеницы, 200 четвертей овса, 540 четвертей ячменя, толокна, гороха и прочих круп, 6 тысяч аршин сукон, 300 пудов масла и др. (там же, стр. 25—30).

⁵ «Писцовые книги Оболенской пятины...», стр. 159—162. «Отказную грамоту» на эту волость подробно разбирает А. А. Савич (А. А. Савич, Указ. соч., стр. 173—174). Вероятно, волость была передана монастырю в связи с начавшимся ее запустением. По «Отказной грамоте» там насчитывалось уже 14 пустых дворов.

вотчину мог въехать для суда лишь один данный пристав, да и только в два срока (на Рождество и Петров день)¹. В том же году монастырь снова начал получать тарханские привилегии: был сложен оброк с девяти виремских варниц².

Не менее щедрыми были вклады царя деньгами и ценными вещами. Лучшие псковские «колокольные литцы» изготовили для Соловецкого монастыря медные колокола на денежные пожалования царя и вельмож. В сентябре 1547 г. для храма Преображения изготовлен колокол псковичем Тимофеем Андреевым. В 1557 и в 1558/59 гг. Матвей и Кузьма Михайловы, дети знаменитого псковского мастера Михаила Андреева³, отлили еще два колокола⁴. Один колокол весил 180 пудов и стоил 870 рублей, второй — 95 пудов (300 рублей), да и малые колокола стоили 50 рублей⁵. В 1557 г. царь дал на строение Преображенского собора тысячу рублей, а на следующий год — золотой крест с «мощами»⁶.

¹ *Досифей*, Указ. соч., ч. 3, стр. 24—25.

² «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 20; «Писцовые книги Обонежской пятины...», стр. 164—165.

³ О нем см. *В. А. Богусевич*, Литейный мастер Михаил Андреев.— «Новгородский исторический сборник», вып. 2, Л., 1937, стр. 83—104; *Э. С. Смирнова*, Два памятника псковского художественного литья XVI в.— «Советская археология», 1962, № 2, стр. 243 и след.

⁴ Возможно, при описании колокола, отлитого в 1557 г., отчество Матвея ошибочно названо «Григорьев» («Начертание жития, подвигов и изречений святителя Филиппа II, митрополита Московского и всея России чудотворца», М., 1860, стр. 144—147).

⁵ *Досифей*, Указ. соч., ч. 1, М., 1836, стр. 224; «Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени...», изд. 3, М., 1833, стр. 24. На приобретение большого колокола было истрачено также 370 руб., полученных монастырем от А. И. Воротынского.

⁶ «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 20. В изготовлении этого креста принимал участие богатейший новгородский купец и дьяк Ф. Д. Сырков, пожертвовавший монастырю 210 рублей (о Сыркове см. *А. П. Пронштейн*, Великий Новгород в XVI в., стр. 146—148, 218—220). В 1560 г. царь еще пожаловал два колокола по 25 рублей, а в 1561/62 г.— снова золотой крест. Царем сделаны были вклады в Соловецкий монастырь «по душе» Анастасии Романовны (100 рублей), брата Юрия (100 рублей), Марии Темрюковны (100 рублей) и Марфы Собакиной (70 рублей). См. «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 23.

Новоприобретенные соляные варницы и земли, льготы и денежные вклады были только частью средств подъема экономики Соловецкого монастыря. Не меньшее значение придавал Филипп перестройке самого хозяйства, введению целого ряда технических новшеств. Так, при посеве теперь стала употребляться особая сеялка с десятью решетками, причем работал на ней всего один старец¹. Мало того, «доспели решето, само сеет и насыпает и отруби и муку розводит розно да и крупу само же сеет и насыпает и разводит розно крупу и высейки».

Если ранее в Соловецкой вотчине рожь сами монахи и служебники носили веять, то Филипп «нарядил ветр мехами в мельнице веять рожь». Вообще Филипп уделял большое внимание мельничному делу («мельницы делал да ручьи копал к мельницам, воду проводил к монастырю»). Сложное приспособление изготовлено было и для варки квасов. Раньше на варке занята была «вся братия и слуги многие из швални», теперь с этой работой справлялись один старец и пять слуг. Квас выпаривали, и он «сам сольется изо всех щанов да вверх подойдут, ино трубою пойдет в монастырь да и в погреб сам льется да и по бочкам разойдется сам во всем».

Наряду с применением технических усовершенствований использовалась в хозяйстве и рабочая сила скота. Раньше копали глину на кирпич вручную, а при Филиппе, когда строительная работа приобрела невиданный до того размах, — «волоом орут одним, что многие люди копали и глину мяли на кирпичи людьми, а ныне мнут глину на кирпич коньми»².

Соляной промысел, железодельное и кирпичное производства находились также в поле зрения хозяйственного и инициативного игумена. Он завел варницу в Солокурье, на Луде, а также в Кодемже (по два прена)³. Соружена была сложная водная система (объединяющая многочисленные озера), необходимая для развития мельничного дела⁴. На проведение протока из Пертозера в озе-

¹ «Доспел севальню, десятью решеты один старец сеет» («Летописец Соловецкий...», изд. 3, стр. 34).

² Там же, стр. 32, 34—35.

³ «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 26.

⁴ «Горы бо великия прокопа и юдолия избразди, и воду теши от езера во езеро претвори к двадцетим бо пятьдесят

ро Святое Филипп истратил из своих личных денег 40 рублей¹. К 1566 г. уже действовало на острове три водяных мельницы².

Развивая хозяйственную деятельность Соловецкого монастыря, игумен Филипп принимает срочные меры по регламентированию поборов с крестьян в пользу монастырских служебников³. 15 августа 1548 г. он «жалует» «Виремские волости и Шиженские, и сухонаволочан, и сумлян и слободку монастырских крестьян» особой уставной грамотой⁴. Возможно, нормы этой грамоты распространялись в той или иной форме на всю монастырскую вотчину. Крестьяне Виремской волости должны были давать с лука⁵ «поминки» монастырскому приказчику по четыре деньги, доводчику — по две деньги, а келарю — одну деньгу. Бобыли и казаки платили соответственно в два раза меньше⁶. Все натуральные поборы переводились на деньги, и их размер строго ограничивался. В той же градеции устанавливались и судебные пошлины: приказчику с рубля по десяти денег, а доводчику хоженного на версту — по полуденьге⁷. Запрещалось доводчикам брать с крестьян всякие посулы и поминки.

Большое внимание в грамоте уделялось казакам, наемным людям, которых было много на соляных варницах мо-

езером число и два источника сотвори и под монастырь во езеро приведе. От езера же воду испусти, внуть киновии приведе. Толчею же и мелею ко упокоению братскому сотвори» (ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 97 об.—98).

¹ «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 24.

² А. А. Савич, Указ. соч., стр. 52.

³ «При Филиппе же игумене слугам и доводчикам определено жалованье» («Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 28).

⁴ ААЭ, т. I, № 221, стр. 209.

⁵ Лук на севере часто приравнивался к обже. В писцовой книге 1551 г. прямо говорилось, что «луки написаны обжами» (Досифей, Указ. соч., ч. 3, стр. 15); ср. «лук — обжа» в грамоте 1551 г. (там же, стр. 22). Лук, как правило, был единицей обложения неземледельческого населения русского севера (С. В. Веселовский, Сошное письмо, т. I, М., 1915, стр. 3).

⁶ В Сумской волости около 1563 г. было много «бобыльских дворов беспашенных, варят наимуючи по варницам соль» («Писцовые книги Обонежской пятины...», стр. 161).

⁷ По ст. 8 Судебника 1550 г. судебные пошлины шли: с рубля — боярину, дьяку и подьячим — всего 20 денег.

настыря. Когда «казак незнаемой» приходил в Соловецкую волость, он должен был платить явку приказчику (две московки) и доводчику (одну московку) и соответствующую пошлину при уходе. Торжественно провозглашалось, что если приказчик или доводчик «изобидят» в чем-либо крестьянина или казака, то на них вдвое доправлялась пошлина.

Уставная грамота отражала стремление соборных старцев Соловецкого монастыря как-то выйти из того состояния экономического упадка, в котором находилась их вотчина. Таксация поборов (по типу доходных списков и кормленых грамот наместников) должна была предотвратить возможность крестьянских движений, волной прокатившихся по Руси в середине XVI в. Севернорусские земли не представляли в этом отношении исключения. Формула о безурочной поимке лихих людей, распространенная в жалованных грамотах, выданных новгородским монастырям в 1547—1548 гг., свидетельствовала также об активизации антифеодального движения в Новгородской земле¹.

Основной формой эксплуатации крестьян в соловецкой вотчине была денежная рента. В условиях развития солеваренного промысла и широко поставленной торговли это означало сравнительно высокую степень развития социально-экономических отношений. Кроме того, Филипп широко использовал вольнонаемный труд казаков в солеваренном производстве, в транспортировке соли и других товаров на продажу.

В 1552 г. Филипп приступил к строительству больших каменных зданий, не прекращавшемуся до конца его пребывания на посту соловецкого игумена: в этом году по его распоряжению закладывается Успенская церковь с трапезной для монахов, келарней и с приделом Усекновения главы Иоанна Предтечи (патрона Ивана IV)². Под келарней располагались хлебопекарня и мукосейня, а под

¹ С. М. Каштанов, Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548 гг.).— «Исторические записки», кн. 66, 1960, стр. 265.

² М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники.— «Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 221—223; «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 18.

Успенский собор 1552—1557 гг. и трапезная
в Соловецком монастыре. Фото.

трапезною — хлебный и квасный погреб. В августе 1557 г. закончили строительство комплекса сооружений Успенской церкви. Размеры собора превышали 82 кв. саженей¹.

Этим при Филиппе Колычеве было лишь положено начало каменному строительству в Соловецком монастыре. В мае 1552 г. закладывается главный соловецкий храм — Преображенский собор, оконченный уже в бытность Филиппа митрополитом — в августе 1566 г.² Сооружали и другие не столь пышные, но также важные здания: избы и чуланы для монахов и служебников. В кельях появились заморские новшества — узорные стекла «с круги и каймами». Монастырский двор в Новгороде капитально отремонтировали («палаты поделывали, своды сводили»), а в Суме построили заново. Для того чтобы обеспечить строительство известью, снаряжались экспедиции на Двину (в 1553 г. в одну из подобных экспедиций было отправле-

¹ А. А. Савич, Указ. соч., стр. 50.

² «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 21—22; М. Н. Тихомиров, Указ. соч., стр. 223—224.

по 15 людей)¹, где на Орледах (в 30 км выше Холмогор) монастырь получил разрешение «камень белый известный ломати и лес на дрова сечи и известь жечь»². На строительство соборов привлечены были специалисты — мастера («художник, имущу разум») из Новгорода³.

Деятельность Филиппа совпала по времени с периодом роста реформационного движения. В начале 50-х годов в Новгородской земле получила распространение наиболее радикальная ересь — «новое учение» Феодосия Косого. В 1554 г. в Соловецкий монастырь был сослан обвиненный в еретическом вольномыслии старец Артемий. Одним из средств идеологического воздействия на массы было открытие мощей русских святых и распространение легенд о «чудесах», якобы исходивших от новых «чудотворцев». В начале 1553 г., например, сообщили о «нетлении» мощей архиепископа новгородского Никиты⁴. Не отставал от руководителей новгородской церкви и соловецкий игумен. При нем было пополнено «чудесами» житие Зосимы и Савватия⁵. Стремясь поднять церковное значение Соловецкой обители, Филипп разыскивает реликвии, оставшиеся после основателей монастыря, и делает их предметами особого почитания (иконы богородицы и каменный крест Савватия, псалтырь и ризы Зосимы)⁶. Когда летом 1553 г. во время бури в Белом море разбилось 15 людей, плывших с Двины, Филипп сделал объектом поклонения обнаруженные трупы погибших монахов⁷.

В результате всех этих усилий соловецкая вотчина в середине XVI в. переживала расцвет, а престиж монастыря необычайно возрос. «Монастырю,— писал позднее автор жития Филиппа,— убо распространяющуюся изобильством потребным, полаты благостройны содела двоекров-

¹ «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 25.

² А. А. Савич, Указ. соч., стр. 50.

³ «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 26—28; «Летописец Соловецкий...», изд. 3, стр. 33; ГМЛ, Троицкое собр., № 694, л. 98 об.

⁴ Подробнее см. А. А. Зимин, И. С. Пересветов и его современники, М., 1958, стр. 188 и след.

⁵ Леонид, Указ. соч., стр. 44—45.

⁶ «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 15. На каменном кресте в 1555/56 г. была сделана надпись «взысканием и потружением» Филиппа (Досифей, Указ. соч., ч. 1, стр. 292).

⁷ «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 23.

ны и троекровны в соблюдение потреб монастырских»¹. Увеличилось поголовье скота (коней, волов, оленей) и количество сена (на 1500 копен)². В монастырских житницах хранилось 5500 четвертей ржи³. В монастырь стали привозить огурцы и рыжики, готовить «щи с маслом, да и масленые приспехи разные, блины, пироги и оладыи и кружки рыбные, да и кисель и яишница»⁴.

Если даже снять явное приукрашивание результатов деятельности митрополита Филиппа, исходившее от его позднейших панегиристов, то все равно останется бесспорным факт, что в годы игуменства этого незаурядного организатора соловецкая вотчина находилась в состоянии процветания. В монастыре, по словам летописца, «прибыло людей» (в 1566 г. в нем жило не менее 200 монахов⁵).

Огромные строительные работы и хозяйственные усовершенствования потребовали от начальствующих лиц Соловецкого монастыря мобилизации всех его финансовых ресурсов и одновременно привели к усилению крепостного гнета. Это вызвало недовольство среди монахов и соловецких крестьян, жаловавшихся на рост поборов. Накануне строительства Преображенского собора монахи говорили: «О отче, недостатком в кивовии суде и оскудение велику, градовом не прилежащи, откуда имаши злато на воздвижение великия церкви? аще и не хотяще, но покоряющеся наставнику своему»⁶. Еще больше, вероятно, были недовольны крестьяне соловецкой вотчины.

В феврале 1556 г. Соловецкий монастырь получил от Ивана IV жалованную грамоту на село Пузырево Бежецкого Верха, перешедшее в монастырь «на помин души» И. В. Полева⁷. В конце апреля — начале мая крестьяне

¹ ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 98.

² «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 23.

³ Для сравнения укажем, что в 1514 г. было всего тысяча четвертей, а в 1570 г. — 4 тысячи (А. А. Савич, Указ. соч., стр. 52).

⁴ «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 26.

⁵ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 83. Ту же цифру называет и сам Филипп в послании 1568 г. («Грамоты святого Филиппа, митрополита Московского и всея России в Соловецкую обитель», М., 1861, стр. 14).

⁶ ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 98 об.

⁷ Досифей, Указ. соч., ч. 3, стр. 23—25.

этого села отправили к игумену своего челобитчика Клевнева, жалуясь на то, что монастырские приказчики взимали оброк и пошлыны сверх жалованных грамот и окладов. В частности, приказчик давал хлеб в заем «в насоп» (под проценты) из расчета на два — третий, требуя при этом себе поминки, заставлял пахать пашню «сверх окладу» и т. п.

В результате соловецкие власти в специальной грамоте 2 мая 1561 г. установили новый оклад повинностей. Крестьяне должны были с выти давать по 4 четверти ржи и овса («в новую меру в городецкую») ¹, не считая натуральных сборов (сыры, яйца и др.), и исполнять подворные повинности. В год им следовало пахать на монастырь с выти по четверти ржи да полчетверти овса ².

Устанавливались и регламентировались пошлыны доводчику. Вводилось обязательное присутствие на суде пяти-шести крестьян добрых или средних. Судебная пошлина уже устанавливалась с рубля по алтыну, а езд доводчику на версту — по деньге (в 1548 г. за это полагалось полденьги). Крестьянам строго-настрого предписывалось «приказщика слушати во всем и на монастырское дело ходити на солнечном восходе, как десяцкой весть подаст». Вместе с тем подтверждалось право крестьян меняться дворами и землями и продавать их с доклада приказчику и с обязательной уплатой похоромного и других пошлин ³.

В середине XVI в. в Соловецком монастыре резко увеличилось число наемных людей. В условиях роста податного гнета вставал вопрос о распределении налогов между крестьянами и казаками. В сентябре 1564 г. монастырским властям подана была челобитная от крестьян и казаков Сумской волости, которые говорили о том, что «в Суме о волостных розрубех и о всяких тяглых промеж собою смущенье живет великое». Поэтому игумен Филипп с братьею 30 сентября 1564 г. составляют специальную уставную грамоту — «указ о всяких розрубех и о тяг-

¹ Новая четверть равнялась $1\frac{1}{2}$ или $1\frac{1}{3}$ старой (И. И. Смирнов, Очерки политической истории Русского государства, стр. 462).

² Наиболее распространенная выть равнялась 12 четям доброй земли (С. Б. Веселовский, Сошное письмо, т. II, стр. 449, 450).

³ ААЭ, т. I, № 258, стр. 285.

лех»¹. Постановлено было, чтобы расклад повинностей («разруб») производили выборные люди: по два человека из лучших, середних, меньших крестьян и из казаков. Таким образом, монастырь стремился как-то переложить на самих крестьян ответственность за раскладку платежей. При этом «кого чем те окладчики обложат земских людей и казаков, и те б люди платили однолично без всякого переводу смущенья».

Чрезвычайные налоги, вызванные трудностями военного времени, частично перекладывались и на казаков. Пример² (обежные деньги) должны были платить только земские люди (по обжам). Но «службу ратчину» несли и крестьяне, и казаки. Если в «приметных же отписех» написаны будут наместничьи и дьячие деньги, полоняничные и посошные и городовое дело, то их обязаны были платить и земские люди, и казаки лишь в том случае, если не было установлено «ратчины». «А которого году лучится служба ратчина», то казаки, платившие этот налог, освобождались от уплаты остальных податей, т. е. «двоих бы денег одного году не платили». Если у казаков были свои дворы и хозяйства, то их следовало «по рассуженью, которой чего достоин», класть в выти. «Головщина» раскладывалась по головам без различия между казаками и волостными людьми.

Итак, фактически казаки прочно втягивались в уплату государственных налогов.

Усиление феодального гнета в соловещкой вотчине проявилось также в ограничении крестьянского солеварения, которое наносило ущерб промысловой деятельности монастыря как прямой конкуренцией, так и отвлечением рабочих рук. Теперь в Сумской волости крестьяне могли варить соль «сто ночей да шестьдесят ночей», причем запасать дров можно было лишь на год и не более 600 саженьей. К работам на монастырь начинали привлекаться даже дети и подростки для охоты, сбора грибов и ягод³. Крепостническое ярмо все туже и туже затягивалось над

¹ ААЭ, т. I, № 268, стр. 303.

² *Примет* — в данном случае дополнение к обычным налогам (С. Б. Вессловский, Сошное письмо, т. I, стр. 143).

³ «А у которых земских людей дети или племянники, а будут поспели промышляти зверь, и птицу и рыбу ловити, и яго-

когда-то вольными людьми, нанимавшимися на соловецкие промыслы.

Четыре дошедших до нас послания Филиппа в Соловецкий монастырь лишний раз подтверждают то, что хозяйственные мероприятия проводились в монастырской вотчине не только от его имени, но и по его инициативе. Первые три послания написаны Филиппом сразу же после избрания его на митрополичий престол (около августа 1566 г.). В них он сообщает о посылке в монастырь полученных им ценных вкладов. Он дает распоряжение относительно новгородца Тучка Цветного, который решил передать свой двор и сад в монастырь с тем лишь условием, чтобы ему разрешили сохранить свое владение до смерти и добились обеления двора от оброка¹. В послании 30 января 1568 г. Филипп пишет, что им послано 10 рублей на чистку недавно выкопанного пруда: «А покинути его, ино от бога будет грех, а от людей сором, а жаль прежних трудов и убытков, а уже готов и плотина сделана, только вычистить»². В пруду он советовал развести рыбу. Для проведения всех этих начинаний следовало «людей наймовати и хлебом кормити своим»³.

К сожалению, у нас не сохранилось прямых данных, которые помогли бы отчетливо представить себе общественно-политические взгляды соловецкого игумена. Настоящие повторяющиеся просьбы в упомянутых посланиях о том, чтобы монахи молились во здравие царствующего дома, носят трафаретный характер и не прибавляют ничего существенного к облику Филиппа. Торжественно напыщенный тон звучит и в послании 1567 г., написанном по случаю нового похода в Ливонию⁴.

Скорее всего, митрополит Филипп принадлежал к числу нестяжательских сторонников Сильвестра. За это говорят уже то, что монастырь пользовался особенными привилегиями в середине XVI в., когда у власти находился всеильный благовещенский протопоп. Сильвестр, как и ды и губы брати, и вы б на тех клали против казаков» (ААЭ, т. I, № 268, стр. 304).

¹ «Грамоты святого Филиппа, митрополита Московского и всея России в Соловецкую обитель», стр. 5—15.

² Там же, стр. 14.

³ Там же.

⁴ ААЭ, т. I, № 275, стр. 312—313.

ближайшие родичи Филиппа Колычева, благоволил к старичьим князьям и происходил из новгородской среды¹. То, к чему призывал Сильвестр в своем наказании сыну², позднее в условиях Соловецкой вотчины осуществлял ее предприимчивый игумен.

Основное острие полемики нестяжателей было направлено не столько против монастырского землевладения вообще, сколько против хищнической эксплуатации крестьянского труда во владениях духовных феодалов⁴. Если в начале XVI в. Вассиан Патрикеев и Максим Грек писали о необходимости личного труда монахов в их селах, то в середине XVI в. Сильвестр поставил вопрос об использовании труда наймитов (правда, в условиях городского хозяйства).

После смерти царицы Анастасии (1560 г.) Сильвестр, уже находившийся в опале, был переведен из Кириллова монастыря в Соловецкий⁴, где и умер. Уже Н. М. Карамзин высказал мысль о том, что он кончил свои дни «любимый, уважаемый Филиппом»⁵. Это не исключено. Весьма вероятно, что Филипп принимал участие в заседаниях Стоглавого собора⁶. Бывал он в Москве и раньше, в 1550 г.⁷

¹ Подробнее см. А. А. Зимин, И. С. Пересветов и его современники, стр. 42—50.

² «Домострой по Коншинскому списку и подобным», М., 1908, стр. 60.

³ Вассиан Патрикеев выступал против того, чтобы «села многонародна стяжавати и порабощати христиан» (Н. А. Казакова, Вассиан Патрикеев и его сочинения, М.—Л., 1960, стр. 255). Негодование князя-инока вызывало владение «селами», а не просто «землями».

⁴ РИБ, т. XXXI, стб. 265.

⁵ Н. М. Карамзин, История государства Российского, кн. III, т. IX, СПб., 1843, стр. 54; Леонид, Указ. соч., стр. 61.

⁶ Леонид (Указ. соч., стр. 59—60) обратил внимание, что в грамотах царя 1548, 1550, 1556 гг. говорится, что ему «били челом» игумен Филипп и братья (Досифей, Указ. соч., стр. 8, 17, 24), а в июньской грамоте 1551 г.—«бил им челом... сказал» игумен Филипп с братией (там же, стр. 21), т. е. как будто сам Филипп в 1551 г. лично говорил с царем. В 1550/51 г., по сообщению Соловецкого летописца, велено выдать Филиппу Колычеву деньги на проезд в Москву и записывать их в книги у дворедкого Давила Романовича Юрьева («Летописец Соловецкого монастыря...»), стр. 17—18).

⁷ Согласно житию Зосимы и Савватия, Филипп получил от царского казначея два покрыва на их гробы, будучи сам в Мо-

В январе 1554 г. в Соловецкий монастырь сослали под надзор обвиненного в ереси троицкого игумена Артемия, который стремился развить учение основателя течения нестяжателей Нила Сорского¹. Однако, вероятно, уже вскоре «Ортем побегал с Соловков» в Литву². Возможно, что игумен Филипп или имел прямое отношение к организации этого побега, или посмотрел на него сквозь пальцы. Во время собора, обвинившего Артемия в ереси, двое соловецких старцев поддержали бывшего троицкого старца и не дали обвинительных показаний, которых домогались осифлянские судьи; это были Феодорит и Иоасаф Белобаев³.

Вот, собственно говоря, и все, что нам известно о Филиппе Колычеве до того, как он принял сан митрополита.

* *
*

19 мая 1566 г. Афанасий покинул московский митрополичий престол, по официальной версии, «за немощь велию»⁴. Впрочем, дело заключалось, очевидно, не в одной немощи.

Андрей Протопопов (будущий митрополит Афанасий), духовник царя, в середине века принадлежал к числу наиболее доверенных лиц Ивана IV. Он близко стоял к деятелям Избранной рады. Гонения на сторонников Адашева в 1561—1562 гг. могли быть одной из причин, почему Андрей в 1562 г. постригся в Чудовом монастыре в монахи под именем Афанасия. После смерти митрополита Макария (31 декабря 1563 г.) Афанасий стал его преемником

скве, а по Соловецкому летописцу, эти покровы получены в 1550 г. («Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 17; *Леонид*, Указ, соч., стр. 60).

¹ ААЭ, т. I, № 239, стр. 249—256.

² «Описи Царского архива XVI века...», стр. 42.

³ ААЭ, т. I, № 239; РИБ, т. XXXI, стб. 337—339.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 401. Курбский пишет о назначении митрополитом Филиппа или «по умертвии» Афанасия, «или по изшествию его волею от престола» (РИБ, т. XXXI, стб. 310). По словам автора жития Филиппа, Афанасий также «остави сам митрополичество» (ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 100 об.).

(с 5 марта 1564 г.)¹. Уход Афанасия с митрополичьего престола мог быть вызван его недовольством опричными репрессиями, обрушившимися на близких к нему политических деятелей. Шлихтинг сообщал, что после казни Овчины-Оболенского «некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздерживаться от столь жестокого пролития крови»². Правда, это сведение относится еще к кануну опричнины. Но и в декабре 1564 г. Афанасий выступал ходатаем перед царем за бояр и горожан Москвы. Впрочем, сам он в Александрову слободу ехать не решил, а отправил новгородского архиепископа Пимена³.

Б. Н. Флоря недавно высказал предположение, что одной из причин конфликта Ивана IV с Афанасием являлась ликвидация в июне 1564 г. податных привилегий митрополичьего дома⁴. У нас нет данных, которые могли бы установить, было ли это наступление на митрополичий иммунитет следствием или причиной расхождений царя с митрополитом. Так или иначе, но после отставки Афанасия Иван Грозный предложил его пост осифлянину Герману Полеву⁵.

Происхождение Германа Полева не вполне ясно. Курбский пишет, что это был «светла рода человек, яже Поле-

¹ Подробнее об Афанасии см. А. А. Зимин, Митрополит Филипп и опричнина.— «Вопросы истории религии и атеизма», сборник 11, М., 1962, стр. 278—280.

² А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 17—18.

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 392—393.

⁴ «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.» (далее — АФЗиХ), ч. III, М., 1961, № 11, ср. также стр. 375.

⁵ По сообщению Курбского, он занял митрополичий престол до Филиппа, но пробыл на нем только два дня, после чего его убили (РИБ, т. XXXI, стб. 317—318). Курбский впадает в явную ошибку: Герман Полев погиб уже после того, как собор 4 ноября 1568 г. осудил Филиппа. Было бы заманчиво считать, что Полева назначили митрополитом после отставки Филиппа: тогда «два дня» его пребывания на митрополичьем престоле, о которых говорит Курбский, приходились бы на 4—6 ноября 1568 г. Но это не увязывается со сведениями жития Филиппа. Согласно житию, Герман выступал в защиту Филиппа Кольчева, поэтому вряд ли можно предположить, что митрополитом провозгласили иерарха, противопоставившего себя воле царя и большинства церковного собора.

вы нарицаются та шляхта по отчине»¹. Герман обычно считается одним из тех Полевых, которые происходили от Александра Борисовича Поле, потомка смоленских князей. Действительно, в духовной волоцкого князя Бориса Васильевича (1477 г.) мы встречаем внука Александра Борисовича Федора с сыном Васильем (? Большим), которые уже потеряли не только княжеский титул, но на время даже и земли в Волоцком уезде². Внуку Федора Ивана Васильевича около 1514—1515 гг. принадлежало сельцо Власьево Рузского уезда, а в 1525—1526 гг. он с детьми Иваном и Михаилом владел землями в Зубцовском уезде³. Иван Иванович Полев, будучи дворовым сыном боярским по Ржеву, владел в 1555/56 г. также селом Авдотьиным Волоцкого уезда⁴. В этом же уезде находились земли и младшей ветви Полевых (внуков Василия Федоровича Меньшого). Осип Владимирович с сыном Григорием и Иван Владимирович в 50-х годах числились дворовыми детьми боярскими по Костроме. Однако вдова Осипа и его другой сын Иван в 1571/72 г. передали «на помин души» в Волоколамский монастырь большое село Быково Волоцкого уезда⁵. Из этой семьи Полевых происходил известный старец Нил Полев (Никифор, сын Василия Большого), находившийся в Волоколамском монастыре еще при жизни его основателя Иосифа Санина⁶.

¹ РИБ, т. XXXI, стб. 318.

² ДидГ, № 71, стр. 249—251. Правда, Борис Васильевич, вероятно, вернул земли Полевым и наказывал жене и сыну не вступаться в их владения, которые он «поотимал в своей вине». Василий Федорович и его сын Иван упоминаются в акте 1508—1515 гг. (АФЗиХ, ч. II, № 42, стр. 43). В. Ф. Полев служил уgliedкому князю Дмитрию Ивановичу (*Леонид*, Село Полево.—«Чтения ОИДР», 1872, кн. IV, стр. 2).

³ АФЗиХ, ч. II, № 60, 96.

⁴ АФЗиХ, ч. II, № 259, стр. 263.

⁵ АФЗиХ, ч. II, № 354, стр. 394. Осип Владимирович Полев в 1554/55—1561/62 гг. упоминался среди московских воевод (ДРК, стр. 176, 231). Григорий Осипович входил в состав опричников (*В. Б. Кобрин*, Состав опричного двора Ивана Грозного.—«Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 63).

⁶ *Леонид*, Село Полево.—«Чтения ОИДР», 1872, кн. IV, стр. 2. См. переписанный им экземпляр «Просветителя» Иосифа Волоцкого 1514 г. (ГПБ, Соловевское собр., № 346/326). В 1507 г. он уже был соборным старцем (АФЗиХ, ч. II, № 37, стр. 39).

Труднее сказать, какое отношение к этому семейству имел Герман Полев. Братья Хрестьянин и Федор Иванов, дети Гавриила Полева, появляются как мелкие волоцко-рузские вотчинники уже в 20-х годах XVI в.¹ Федор (по прозвищу Садырь) Иванов около 1530—1531 гг. постригся в Волоколамский монастырь под именем Филофея, дав на помин души своих родичей небольшую деревеньку в Волоцком уезде². В 1547/48 и 1552/53 гг. он уже был казначеем монастыря³, а позднее, в 1553/54—1554/55 гг., входил в состав соборных старцев и участвовал в совершении земельных сделок⁴. В 1555/56 г. он выступает одним из духоприказчиков по известном нам уже И. В. Полеве⁵. В 1553 г. ему поручается досмотреть «житие», т. е. произвести следствие по делу еретика Матвея Башкина⁶. В декабре 1561 г. он был при весьма странных обстоятельствах зарезан, причем «наряжали (подговаривали.— А. З.) два старца соборных, а третьей, не соборной, тот делал»⁷.

Так вот сыном этого Филофея и был Герман (в миру — Григорий) Полев. Григорий постригся в Волоколамский монастырь в 30-е годы XVI в.⁸ В 1551 г. его уже назначают архимандритом Старицкого Успенского монастыря.

¹ Хрестьянин Полев упоминается в актах 1527/28—1554/55 гг. (АФЗиХ, ч. II, № 106, 123, 143, 146, 150—152, 158, 182); Федор Гаврилов — в 1526/27—1528 гг. (там же, № 100, 106). Сын Хрестьянина Иван был дядею волоцкого вотчинника Г. И. Морина (там же, № 357, 381). О родственных связях Гавриловых-Полевых с Мориными см. там же, № 386, 390, 393, 433.

² АФЗиХ, ч. II, № 118, стр. 110.

³ «Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века», М.—Л., 1948, стр. 13, 46.

⁴ АФЗиХ, ч. II, № 246, 248, 252, 254; то же в акте 1551/52 г. (АФЗиХ, ч. II, № 236).

⁵ АФЗиХ, ч. II, № 283.

⁶ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 232.

⁷ А. А. Зимин, Краткие летописцы XV—XVI вв.—«Исторический архив», кн. V, 1950, стр. 24.

⁸ Дошедшее до нас житие Германа не дает никаких дополнительных биографических сведений о нем: оно написано было очень поздно — между 1657—1672 гг. («по благословению» архиепископа казанского Лаврентия). В распоряжении автора не было никаких достоверных данных о Германе, кроме житий митрополита Филиппа и Гурия Казанского. Текст жития Германа см. ГИМ, Собр. Уварова, № 792, л. 70 и след.

Связи со Старицей у Полевых были старинными¹. Через два с половиной года Герман Полев снова вернулся в Волоколамский монастырь, где в 1554 г. мы уже видим его казначеем². Герман Полев пользовался, очевидно, доверием у монастырского начальства, так как именно ему было поручено в декабре 1553 г. привести в монастырь еретика Матвея Башкина³. Уже вскоре, в 1555 г., Герман Полев был назначен архимандритом в Свияжский монастырь, где стал правой рукой первого архиепископа казанского, бывшего игумена Волоколамского монастыря Гурия Руготина. После смерти Гурия (4 декабря 1563 г.) Герман Полев, как его ближайший сподвижник, 12 марта 1564 г. был назначен казанским архиепископом⁴.

Когда московский митрополит Афанасий ушел «на покой» и его место сделалось вакантным, Иван Грозный без колебаний остановил свой взор на Германе Полеве, который в это время находился в Москве⁵. И в самом деле, представитель «прелукавых осифлян», поддерживавших опричную политику царя, лютой враг еретического вольнодумия, мелкий дворянин по происхождению Герман Полев уже проявил себя в Казани ревнителем православия, сделавшись сначала правой рукой архиепископа Гурия, пользовавшегося особым доверием царя⁶, а затем продолжателем его политики насильственной христианизации.

¹ Об этом см. «Материалы для истории города Старицы Тверской губернии», собр. И. Крыловым, вып. I, Старица, 1905, стр. 108—113, а также Г. З. Елисеев, Жизнеописание святителей Гурия, Германа и Варсонофия казанских и свияжских чудотворцев, Казань, 1847, стр. 31.

² «Книга ключей и Долговая книга...», стр. 46, 51. В 1551/52, в 1553/54 и в 1554/55 гг. он участвует в приобретении монастырем земель (АФЗиХ, ч. II, № 236, 246, 247, 252).

³ А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 20.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 382.

⁵ Еще в апреле 1566 г. Герман был в Москве, когда он поручился по князе М. И. Воротынском (СГГид, ч. I, № 189). Участвовал он и в заседаниях земского собора 28 июня—2 июля 1566 г. (СГГид, ч. I, № 192; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 402).

⁶ Сохранилось послание Ивана IV Гурию Руготину («Продолжение Древней Российской Вивлиофики», ч. V, 1789, стр. 241—244).

Но совершенно неожиданно Герман сразу же после занятия митрополичьего престола выступил с менторским поучением, в котором пригрозил царю, что его ждет страшный суд за содеянные им поступки¹. Речь, конечно, шла об опричных гонениях. Трудно сказать, чем объяснялся такой поворот дела. Может быть, тем что Герман сохранил свою старую близость к старицкому двору, над которым все больше и больше сгущались тучи. Возможно, сыграло роль и то, что он «Максима Философа мало нечто отчасти учения причастен был»². Максим Грек был учителем Сильвестра и Андрея Курбского, т. е. руководящих деятелей Избранной рады. Под непосредственным влиянием опричной среды Иван Грозный уже через два дня после восшествия Германа на митрополичий престол отстранил его от исполнения этих новых его обязанностей.

На этот раз Иван IV остановился на кандидатуре Филиппа Кольчова. П. А. Садиков считает, что она была, по-видимому, приемлема для всех: будущий митрополит принадлежал к старому боярскому роду, из которого, однако, по крайней мере двое стали опричниками. Лично известный Грозному, Филипп снискал известность незаурядными организаторскими способностями, проявившимися во время его игуменства в Соловецком монастыре³. По мнению В. Б. Кобрин, царь долго убеждал Филиппа стать митрополитом, «не желая, вероятно, резко рвать с некоторыми кругами боярства»⁴.

К этому можно добавить, что неудача с осифлянским претендентом на митрополичью кафедру (Германом Полевым) заставила Грозного обратить взор на другую мо-

¹ РИБ, т. XXXI, стб. 317—318.

² Там же, стб. 318—319. В бытность Германа архимандритом Старицкого монастыря (1551—1555) тверским епископом, в подчинении которого он находился, был другой осифлянин — Акакий, который, однако, покровительствовал Максиму Греку.

³ П. А. Садиков, Очерки по истории опричины, стр. 27. О том, что соловецкая деятельность Филиппа содействовала его новому назначению, говорит автор его жития (ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 100 об.).

⁴ В. Б. Кобрин, Укрепление Русского централизованного государства во второй половине XVI в.— «Преподавание истории в школе», М., 1960, № 5, стр. 41.

гущественную группировку среди высших иерархов — заволжских старцев¹. Но из лидеров нестяжателей только две крупные фигуры могли рассматриваться как будущие митрополиты: это новгородский архиепископ Пимен и соловецкий игумен Филипп. Первый, несмотря на все его расположение к царю, вызывал у Ивана Грозного к себе крайне настороженное отношение, ибо представлял тот самый Новгород, который, по мнению московского государя, таил в себе крамолу и постоянную готовность к мятежу. Оставалась кандидатура Филиппа, который еще в середине века пользовался расположением царя. В пользу соловецкого игумена высказался и освященный собор, тем более что в его состав входило очень мало правоверных осифлян².

По пути из Соловков в Москву Филиппа около Новгорода («яко за три поприща») встретила делегация новгородцев с дарами, умоляя его выступить ходатаем за них перед царем, «уже слуху належашу, яко царь гнев держит на град той»³. И действительно,

¹ Близкий к нестяжателям Кирилло-Белозерский монастырь в 1567—1568 г. получил от царя обширные иммунитетные пожалования (*С. М. Кашинов*, Хронологический перечень, № 903, 907, 919, 920 и др.).

² Из 11 архиепископов и епископов постриженниками или игуменами Иосифова монастыря были Герман Полев, епископ крутицкий Галактион, епископ тверской Акакий. Последний по причине глубокой старости не принимал участия в соборных делах. Место полоцкого архиепископа в июле 1566 г. (после смерти Трифона Ступишина) оставалось вакантным. Близок к осифлянам был ростовский архиепископ Никандр.

³ ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 101 об. О том, что какие-то подарки Филиппу делались новгородцами, свидетельствует его послание в Соловецкий монастырь, направленное вскоре после приезда в Москву: Филипп сообщал о посылке креста, складня и 35 рублей, которые ему передал в Новгороде Семен Ермилин сын Трусов («Грамоты святого Филиппа, митрополита Московского...», стр. 7—8). Новгородцев Григория и Ивана Трусовых мы встречаем в синодиках Ивана IV (*С. Б. Веселовский*, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник.— В кн.: *С. Б. Веселовский*, Исследования по истории опричнины, стр. 457—458). Брат Семена Григорий Еремеев сын Трусов (новгородский тысячник) в 1561 г. был отправлен в ссылку вместе с другими тарвасскими воеводами за то, что сдали город «литовским людям» («разослал их государь по городом в тюрьмы, а поместья их и вотчины велел государь поимать

Новгород все время находился под угрозой царского гнева¹.

Филипп прибыл в Москву после 2 июля 1566 г.², а уже 20 июля был составлен приговор о его избрании митрополитом. Из этого в высшей степени интересного документа узнаем, что Филипп просил, «чтобы царь и великий князь отставил опришнину; а не отставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитех быти не возможно». Упрямый и суровый соловецкий игумен грозил даже не подчиниться решению собора, если царь не примет его требования об отставке опричнины. Царь милостиво «гнев свой отложил», но решительно заявил, чтобы игумен Филипп «в опришнину и в царьской домовый обиход не вступался, а на митрополью бы ставился»³. Церковному собору и боярам (по свидетельству жития) удалось упросить Филиппа не отказываться от митропольей кафедр. В приговор было внесено, что «в опришнину ему и в царьской домовый обиход не вступатися, а по поставленьи, за опришнину и за царьской домовый обиход митропольи не отставливати»⁴. Однако приговором устанавливалось, чтобы Филипп впредь «советовал бы с царем и великим князем», как и прежние митрополиты с Иваном III и Василием. Подтверждение старинного права «совета» фактически означало уступку Ивана Грозного митрополиту, который получал теперь больше

и в роздачу роздать»). В конце 1562 — начале 1563 г., когда начался полоцкий поход, Иван IV «старвасских воевод велел пожаловать, ис тюрьмы повымать» (Э, л. 279). Сам С. Е. Трусев в 1561 г. был приставом, встречавшим в Новгороде свейских послов («Сборник РИО», т. 129, стр. 84), а в 1567 г. находился в Алясте («Синбирский сборник», стр. 19).

¹ П. А. Садиков, Указ. соч., стр. 28. Еще в 1564 г. Грозный вспоминал, что новгородцы «отступили» от великого князя, когда князь Андрей с «изменниками» в 1537 г. «пошел было к Новгороду» («Послания Ивана Грозного», стр. 32).

² Он не участвовал еще в заседаниях земского собора 1566 г. (СГГид, ч. I, № 192, стр. 545—556).

³ СГГид, ч. I, № 193, стр. 557—558.

⁴ Выражение «и в царьской домовый обиход» могло означать уточнение понятия опричнины: «т. е. домовый обиход» (И. И. Полосин, Споры об опричнине на польских сеймах XVI в.— В кн.: И. И. Полосин, Социально-политическая история России XVI — начала XVII в., стр. 165).

возможностей ходатайствовать за опальных перед царем, смягчать остроту опричного террора¹.

24 июля Филиппа ввели «на митрополичий двор», а 25 числа состоялась торжественная церемония поставления Филиппа на митрополичий престол². ↙

Первые распоряжения Филиппа имели целью упрочить его собственное положение в высшем церковном учреждении — освященном соборе. Только опираясь на поддержку крупнейших иерархов, мог он начать свою борьбу против опричнины. 11 августа 1566 г. архиепископом полоцким назначается бывший игумен Кирилло-Белозерского монастыря и бывший епископ суздальский Афанасий, происходивший из семьи стародубских князей Палецких³. Палецкие не склонны были выступать в защиту опричнины. Боярин Д. Ф. Палецкий еще во время собора 1553 г. принадлежал к числу сторонников кандидатуры Владимира Старицкого на московский престол⁴. 19 января 1567 г. архиепископом Ростовским стал митрополичий казначей Корнилий⁵.

Взаимоотношения Филиппа с царем в скором времени, по-видимому, осложнились. Еще в ноябре 1567 г. Филипп рассылал по монастырям послания, призывая

¹ Г. П. Федотов, Св. Филипп, митрополит Московский, стр. 106. С. Б. Веселовский писал, что «первое условие, которое царь поставил духовенству и всей земщине, учреждая Опричный двор, был отказ от печалования и всяких ходатайств за опальными» (С. Б. Веселовский, Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник.— В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 312). Однако в январском указе 1565 г. говорится лишь о праве царя казнить изменников, но об отмене от печалования еще ни слова не говорится. О том, что подобные печалования были, свидетельствуют апрельские поручные записи по М. И. Воротынском, составленные в присутствии и фактически за порукой митрополита Афанасия и ряда бояр (СГГид, ч. I, № 189, 191).

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 403. На поставлении 25 июля присутствовало девять иерархов. Это в основном те же, кто подписали приговор земского собора 2 июля, только вместо Иоасафа Коломенского в летописи ошибочно назван Варлаам. Соборную грамоту подписали лишь семь иерархов: не было там Германа Полева (возможно, из-за размолвки с Иваном Грозным) и Елеуферия Суздальского.

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 403.

⁴ Там же, стр. 523.

⁵ Там же, стр. 406.

молиться за царя, который отправился в поход воевать «за святые церкви»¹. Вместе с тем уже тогда же он начал уговаривать тайно и наедине великого князя не совершать тиранств².

Трудно сказать, что побудило московского митрополита, несмотря на явное неравенство сил, упорно противоборствовать опричнине. Причины для этого могли быть различные. Главным мотивом было сопротивление высших церковных иерархов централизаторской политике правительства Ивана IV. В. И. Ленин видел характерные черты «чистого клерикализма» в следующем: «Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного. Церковь не прощает государству секуляризации церковных имуществ. Церковь требует себе первенствующего и господствующего положения»³. Именно в силу своего стремления к осуществлению этой программы клерикализма церковники должны были выступить и выступали против попыток Ивана Грозного покончить с пережитками феодальной раздробленности. Кровавая поступь опричнины отталкивала своенравного Филиппа не только как главу русской церкви, но и как одного из тех Колычевых, которые уже давно были известны своими простарицкими и новгородскими симпатиями. Чувствуя в московском митрополите своего союзника, старицкий князь Владимир в феврале 1567 г. дает ему несудимую грамоту на все митрополичьи владения Дмитрова, Боровска, Звенигорода, Романова и Стародуба Рязоловского⁴.

Вопрос о том, когда Филипп открыто выступил против опричнины, очень запутан. Автор жития митрополита сообщает, что после занятия Филиппом митрополичьего престола «неколько время православная вера во благочестии зело цветуще»⁵. Но вот грянул гром — начались между боярами распри. Тогда царь, послушавшись злых советов своих «сродников и приятелей», созывает в Мо-

¹ ААЭ, т. I. № 275.

² И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 42; Г. Штаден, Указ. соч., стр. 89.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 431.

⁴ АФЗиХ, ч. III, № 14.

⁵ ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 106.

скве «совет» из освященного собора и всех бояр¹, на котором «возвещает им свою царскую мысль, чтобы ему свое царство разделить и свой царский двор учинити и на се бы его благословили»².

✓ Посоветовавшись с членами освященного собора, Филипп решил «против такового начинания стояти крепце». Но коалиция высших церковных иерархов сразу же дала трещину: один из них, «славолюбив сый, епископские сан имущу» (возможно, Пимен), донес о результатах совещания царю, и когда пришлось высказать свое мнение об опричнине на соборе, одни промолчали, а другие выступили против Филиппа: «Вси же страха ради глаголати не смеючи, овии же, желающе славы мира сего, молчаше».

Но Филипп, если верить автору жития, все-таки обратился к Ивану Грозному со следующими словами: «Державный царю! Престани от такового неудобнаго начинания... Аще царство на ся разделится, запустеет. И ина глагола многа». С горечью Филипп укорял своих собратьев по собору: «На се ли совокупистесь, отцы и братия, еже молчати? Что устрашаетесь, еже правду глаголати... И на се ли взираете, еже молчит царский синклит? Они бо обязалися куплями житейскими и вождедели мира тленнаго»³. Но и это обращение не возымело действия. Архиепископ новгородский Пимен, суздальский епископ Пафнутий, рязанский епископ Филофей и духовник царя благовеценский протопоп Евстафий⁴ поддержали во всем

¹ «Не токмо утоляшеся в простых человецех те вражии наветы, но и до самые царевы советныя полаты дойде и велможи меж себя содеяша ненависть за возлюбление и гордость вознесоша и злыми своими гнусными умышлени друг на друга, аки змии, распыхахуся и всякая злая вещь соплетесе, не удобь писанию предати. И самого благочестиваго царя возмущиша зеле, на гнев и ярость сами на ся воздвигоша, и человеконенавистием подстрекашесе. И от тех злых советов верных своих слуг и известных сродник и приятелей страхуется и на бояр же своих неукротимо гневашесе. И ради таковых злых соблазнов сотворяет совет и собирает весь священный собор... и вся бояре своя» (ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 107—108 об.).

² Там же, л. 107 об.

³ Там же, л. 108—108 об.

⁴ Евстафий, как один из близких царю лиц, сопровождал его во время новгородского похода 1570 г. («Новгородские летописи», стр. 341).

царя («творяше угодне царю»), а остальные промолчали. Только Герман Полев, как мы знаем, и ранее выступавший против опричнины, высказался в поддержку Филиппа. В результате якобы царь разгневался на митрополита и попустил по-своему, введя опричнину¹.

Историков давно вводил в смущение этот рассказ жития Филиппа: как митрополит мог возражать против учреждения опричнины, когда она была введена за полтора года до занятия им митрополичьего престола? Вопрос становится еще более запутанным, если в поисках его решения мы обратимся к составу иерархов, которые, по словам автора жития, присутствовали на соборе. Из одиннадцати высших иерархов в житии упоминаются девять². К сожалению, вторая половина 60-х годов XVI в. — темное время в истории церковной иерархии, и данные П. М. Строева неполны и сбивчивы.

Трое владык занимали свои кафедры в 1566—1568 гг.: архиепископ новгородский Пимен, казанский — Герман и епископ рязанский Филофей³. Четверо иерархов получили назначения лишь с 1567 г.; это ростовский архиепископ Корнилий⁴, тверской епископ Варсонофий⁵, вологод-

¹ «Которые князи и бояре и прочии велможи ему, государю, годе, называше бо их опришницами, сиречь дворовыми, и иных же князей и бояр и прочих велмож нарицаше земскими. Тако же и всю землю свою державства раздели» (ГБД, Троицкое собр., № 694, л. 109 об.).

² Нет епископов коломенского и полоцкого. О них см. А. А. Зимин, Митрополит Филипп и опричнина. — «Вопросы истории религии и атеизма», сборник 11, М., 1962, стр. 286.

³ По данным П. М. Строева, последний «в исходе 1568 (или в начале 1569 г.) лишен сана» (П. М. Строев, Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви, СПб., 1877, стб. 414). Это сведение, возможно, взято из жития Филиппа. С 1569 и во всяком случае до 1572 г. епископом был Сергей (ААЭ, т. I, № 284).

⁴ Занимал кафедру с 19 января 1567 г. (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 406) до 1574 г.

⁵ Его предшественник Акакий умер 14 января 1567 г. (там же). В ноябре 1567 г. Варсонофий был уже тверским епископом (Г. Елисеев, Жизнеописание святителей Гурия, Германа и Варсонофия... стр. 53). Варсонофий назначен из архимандритов Казанского Спасо-Преображенского монастыря, куда ушел на покой, по данным Строева, в 1570 г. (П. М. Строев, Указ. соч., стб. 442). Летом 1571 г. в Твери на кафедре мы находим уже Савву (СГГид, ч. I, № 196).

ский епископ Макарий¹ и суздальский епископ Пафнутий².

Герман Крутицкий получил свою епархию в 1568 г. (во всяком случае до апреля 1572 г.)³. В Смоленске, по Строеву, до 28 июля 1567 г. епископом был Симон, в 1568 г.—Феофил⁴, а с 1572 г. на смоленской кафедре находился Сильвестр⁵.

Словом, судя по списку иерархов, помещенных в житии, собор об опричнине происходил во второй половине 1567 — в начале 1568 г. П. К. Тихомиров приводит следующее загадочное сведение: «В 1567 г. архиепископ Пимен присутствовал на соборе в Москве, на котором

¹ С 1560 г. на Вологде епископом был Иоасаф, умерший в 1570 г. (*П. Е. Строев, Указ. соч., стб. 730*). Он действительно упоминался в этом сане 22 марта 1565 г. и 19 июля 1567 г. (Троицкая вкладная книга, л. 465 об.; «Архив Строева», т. I.—РИБ, т. XXXII, № 249) и умер около сентября 1570 г. (Троицкая вкладная книга, л. 94). Однако, по Вытегодско-Вымской летописи, в 1564/65 г. епископом назначен был Макарий, умерший в 1576/77 г. («Историко-филологический сборник», вып. IV, Сыктывкар, 1958, стр. 206). При Макарии в 1568 г. заложен Вологодский Софийский собор (ГПБ, Ф XVII, № 68, л. 89 об.). Был епископом еще в 1572 г. («Вологодский летописец», стр. 25). По Строеву, Макарий был в Перми лишь в 1571—1575 гг. Вероятно, данные Строева неполны.

² По данным Строева, исправленным по летописи, Суздальскую кафедру с декабря 1564 по 1567 г. занимал Елеуферий (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 393; *П. М. Строев, Указ. соч., стб. 655*). Последний раз в летописи он упомянут в июле 1566 г. на поставлении Филиппа (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 403). В 1566/67 г. Елеуферий сделал вклад в Троицкий монастырь (Троицкая вкладная книга, л. 98). Его преемником, по Строеву, с 1567 по 26 ноября 1569 г. был Пафнутий. По данным вкладных книг Махрищского монастыря, в 1570 г. суздальским епископом сделался игумен этого монастыря Варлаам, который умер в 1585 г. («Чтения ОИДР», 1873, кн. III, стр. 10).

³ ЦГАДА, ф. 197, портфель 3, № 76. Он сменил осифлянина Галактиона (1565—1568). (*П. М. Строев, Указ. соч., стб. 635*). Герман упомянут летом 1571 г. (СГГид, ч. I, № 196).

⁴ Так в Румянцевском списке (ГБЛ, собр. Румянцева, № 361, л. 222 об.), в Троицком списке имя пропущено. Феофил (Филофей) был в Смоленске еще в июле 1569 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 605).

⁵ *П. М. Строев, Указ. соч., стб. 590*; ЦГАДА, ф. 197, портфель 3, № 76. Сведения о Феофиле могли быть почерпнуто Строевым из жития митрополита Филиппа.

рассуждалось о причинах разделения государства, и был царю угождающим»¹. По всей вероятности, это сообщение восходит к житию Филиппа². Но на каком основании оно датируется 1567 годом, остается неясным.

Положение еще более осложняется, когда знакомимся с рассказом Таубе и Крузе о выступлении Филиппа. По этому рассказу, митрополит Филипп в Успенском соборе в присутствии духовенства и всех бояр заявил: «До каких пор будешь ты проливать без вины кровь верных людей и христиан... Татары и язычники и весь свет может сказать, что у всех народов есть законы и право, только в России их нет... Подумай о том, что хотя бог поднял тебя в мире, но все же ты смертный человек, и он взыщет с тебя за невинную кровь, пролитую твоими руками». На следующий день царь приказал схватить тех лиц, которые, как он думал, «побудили митрополита к этому увещанию». Среди казненных были В. Ф. Рыбин-Пронский и др.³

К вопросу о публичном обличении Ивана Грозного мы еще вернемся. Сейчас для нас важно, что Таубе и Крузе связывают выступление Филиппа против опричнины с казнью Рыбина-Пронского и «сторонников и приближенных» митрополита после земского собора 1566 г. Семья Рыбина-Пронского, как и Филиппа Колычева, была издавна связана со старицкими князьями. Поэтому весьма соблазнительно предположить, что как Таубе и Крузе, так и автор жития Филиппа смешали воедино два выступления митрополита: первое, происшедшее непосредственно после земского собора 1566 г., и второе — в 1568 г.

Во второй половине 1566 и в 1567 г. после казни Рыбина-Пронского и других «челобитчиков» репрессии на время поутихли. Возвращена была даже основная масса

¹ П. К. Тихомиров, Кафедра новгородских святителей, т. II, Новгород, 1895, стр. 180. Автор ссылается на рукопись № 2 о новгородских владыках, стр. 22, из его собственной библиотеки.

² Прямо по житию излагает рассказ о соборе митрополит Платон (*Платон*, Краткая церковная российская история, т. II, М., 1805, стр. 58).

³ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 43.

ростовских и ярославских княжат, сосланных в Казань и Свияжск летом 1565 г. Казалось бы, настало время снова поставить вопрос о полной ликвидации опричнины. Незадолго до нового и на этот раз решающего столкновения с царем, 30 января 1568 г., Филипп пишет послание в Соловецкий монастырь¹. Печальный колорит этого письма и забота его автора о благоустройстве монастырской вотчины показывают, что Филипп уже в начале 1568 г. думал покинуть митрополичий стол и найти пристанище в Соловецкой обители.

О выступлении Филиппа весной 1568 г. сохранилась краткая летописная заметка: «Лета 7000 семдесят шестаго, месяца марта 22 день... учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опричнины, и вышел из митрополича, и жил в монастыре у Николы у Старого»². Вероятно, именно об этом выступлении подробно рассказано в житии. Однажды в Успенский собор во время службы митрополита явился царь «со всем своим воинством, вооружен весь, наго оружие нося». Филипп обратился к нему с речью. Он сказал, что своей властью царь подобен богу, но ему не следует «возноситься» надо всеми. «От начала убо несть слышано благочестивым царем свою им державу возмущати... сия еже твориши, ни во иноязыцех тако обреташеся». Царь резко оборвал Филиппа: «Что тебе, чернцу, до наших царских советов дело. Того ли не веси, мене мой же хотят поглотити». Поэтому благослови нас. На это последовал ответ: «Наше молчание грех души твоей налагает». Филипп протестовал против двух следствий опричнины: против разделения страны на две части («не разделяти, твоя бо есть единая держава», если же царство разделится, то оно запустеет) и против казней («учинен бо еси от бога, еже разсудити людей божия вправду, а не мучительски сан держати»). Царь в гневе покинул Успенский собор. По мнению автора жития, особенно негодовали на митрополита опричники «Молота Скуратов да Василий Грязной со своими единомысленики»³.

¹ «Грамоты святого Филиппа, митрополита Московского...», стр. 12—25.

² «Новгородские летописи», стр. 98.

³ ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 109 об.— 112 об.

Опричные казни после выступления Филиппа не уменьшились, а даже увеличились. К лету 1568 г. стали усиленно распространяться тревожные вести, что среди бояр зреет заговор, имевший целью посадить на царский престол Владимира Старицкого. Возможно, уже был брошен в темницу бывший конюший И. П. Федоров, которого называли главой заговорщиков. Все чаще недовольные казнями стали обращаться за поддержкой к митрополиту. Снова во время службы в соборе Филипп выступает с поучением царю: «Отнюду же солнце в небеси, несть се слышано благочестивым царем свою им державу возмущати»¹.

Третью речь против опричнины Филипп произносит 28 июля в Новодевичьем монастыре (в день Прохора и Никанора)². Поводом для очередного столкновения послужило то, что Филипп увидел в соборе кого-то из опричников в «тафье» (шапке восточного покроя). Митрополит с сарказмом произнес: «Се ли подобает благочестивому царю агаряньский закон держати?» Царь усмотрел в этом недостойный выпад, ибо он был женат на кабардинской княжне, а в его ближайшем окружении было много татар и черкесов. Наша терпение его переполнилась. Отдано было распоряжение о подготовке процесса против строптивого митрополита. В сентябре 1568 г., т. е. когда в Москве казнили И. П. Федорова, в Соловецкий монастырь посылали специальную комиссию во главе с суздальским епископом Пафнутием, архимандритом Феодосием, опричником Василием Темкиным-Ростовским и дьяком Дмитрием Пивовым³ с детьми боярскими («многих от воиньскаго чину») для расследования деятельности Филиппа⁴.

¹ ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 113, 114 об.

² Там же, л. 117 об.

³ О В. Темкине и Д. Пивове см. В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 55—57, 76—78.

⁴ В Соловецком летописце ошибочно 7076 г. вместо 7077 г. («Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 29; «Летописец Соловецкий...», изд. 3, стр. 35—36; ср. также ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 118—118 об.

Митрополит был обвинен в «порочном поведении»¹, его временно отстранили от дел и отправили в Богоявленский монастырь (за Ветошным торгом, в Китай-городе)². В Соловецком монастыре во время ревизии опечатали казну³. Нашлись и жесвидетели⁴. Среди них был соловецкий игумен Паисий, ученик митрополита, которому якобы посулили епископский сан за выступление против Филиппа. Василий Темкин и Феодосий составили обвинительный акт, который Пафнутий не захотел подписать⁵.

Суд над Филиппом состоялся на импровизированном заседании земского собора, на который, однако, самого митрополита не допустили («ни со оклеветавшими его постави») ⁶. 4 ноября его «из святительского сана свергоша»⁷. Поддерживавший Филиппа архиепископ казанский Герман 6 ноября был казнен⁸.

¹ По словам Таубе и Крузе, царь вызвал «ложных свидетелей против митрополита, которые показывали, что он ведет неподобающую порочную жизнь» (*И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч.*, стр. 43).

² ГВЛ, Троицкое собр., № 694, л. 120.

³ «Летописец Соловецкий...», изд. 3, стр. 36.

⁴ Иван IV, по словам Курбского, «посылает по своей тамо Русской земле ласкателей своих скверных... ищущие и набывающие на святого епископа изметных вещей; жесвидетелей же многими дарьми и великими властей обещаньми, где бы обрести могли, тамо и овамо обзирающе, со прилежанием изыскиют» (РИБ, т. XXXI, стб. 311).

⁵ ГВЛ, Троицкое собр., № 694, л. 118 об.

⁶ Царь «вызывал представителей всех духовных и светских чинов и потребовал, чтобы они отрешили от сана порочного митрополита и привлекли его к публичному суду и приговорили бы к смерти» (*И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч.*, стр. 43).

⁷ ГВЛ, Троицкое собр., № 694, л. 119 об.

⁸ О причине и времени смерти Германа Полева в литературе существует разногласие. Патриарх Гермоген писал в житии Гурия: «Престави бо ся сей преподобный архиепископ Герман в царствующем граде Москве в лето семь тысяч седмдесять шестаго, ноября в 6 день» (*П. Любарский, Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств...*, Казань, 1868, стр. 16; ср. *Житие Германа, ГИМ, собр. Уварова, № 792, л. 112 об.*). Это свидетельство Гермогена принималось рядом исследователей (*Г. Елисеев, Жизнеописание святителей Гурия, Германа и Варсонофия...*, стр. 43; *Макарий, История русской церкви, т. VI, стр. 300*). В то же самое время Курбский писал: «Овый глаголют удушenna его тайне... овы же ядом смертоносным уморенна» (РИБ, т. XXXI, стб. 318). Позд-

Не зная о соборном решении или не желая ему подчиниться, митрополит 8 ноября (в Михайлов день) произносит очередную проповедь. В это время в церковь ворвались опричники во главе с А. Д. Басмановым (по Таубе и Крузе — Малютой Скуратовым), сорвали с Филиппа облачение и отправили митрополита в монастырь Николы Старого (или Богоявленский), а затем в Тверской отрочь монастырь¹. 11 ноября новым митрополитом избирается архимандрит Троице-Сергиева монастыря Кирилл².

нее вскрытие «мошей» Германа показало, что у него была отсечена голова («Материалы для истории города Старицы Тверской губернии», вып. 1, стр. 112—113). Но тогда следует, что дата смерти Германа (1567 г.), сообщенная Гермогеном, ошибочна, хотя ее принимают ряд историков, в частности С. В. Веселовский («Исследования по истории опричнины», стр. 372). Гермоген указывает, что Герман был архиепископом 3 года 8 месяцев, т. е. умер в 1568 г. Он же отмечает, что во время его смерти в Москве не было митрополита: это было как раз в ноябре 1568 г., когда Филипп был сведен с престола. Курбский сообщал о насильственной смерти Германа через два дня после его неудачного вступления на митрополичий престол (РИБ, т. XXXI, стб. 318). Курбский спутал хронологию событий, но из его рассказа явствует, что Герман был убит через два дня после какого-то выступления против правительственной программы. Из житий Германа и Филиппа мы знаем о таком его выступлении на соборе в защиту митрополита Филиппа: «Взят бо святыи к Москве на собор, на иже священнаго Филиппа извержение и тамо много поборая по оном исподвизаяся ему. И тамо по извержении оного ко господу отиде» (ГИМ, Собр. Уварова, № 792, л. 34). Правда, в житии Филиппа говорится о поддержке Германом Филиппа на первом соборе, т. е., возможно, еще в 1566 или в 1568 г. (ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 109). Суммируя все эти данные, мы полагаем, что Герман Полев был казнен 6 ноября 1568 г.

¹ «Новгородские летописи», стр. 98; *И. Таубе* и *Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 44; ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 119 об.—224; РИБ, т. XXXI, стб. 313—316. По Соловецкому летописцу, изгнан из митрополии и сослан в Тверской монастырь 9 января («Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 30); «Новгородские летописи», стр. 87. Вместе с Филиппом пострадали и его сторонники из соловецких монахов: «В опале взяты из Соловков» Зосима и другие, всего 10 человек («Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 30).

² «Новгородские летописи», стр. 98. Уже 13 ноября, стремясь заручиться поддержкой крупнейшего в стране Троицкого монастыря, Кирилл делает туда денежный вклад (Троицкая вкладная книга, л. 70).

23 декабря 1569 г. во время похода Ивана IV на Новгород бывший митрополит Филипп, как передавала из уст в уста народная молва, был задушен Малютой Скуратовым за то, что отказался благословить царя на разгром «новгородских изменников»¹.

* *
*

Столкновение митрополита Филиппа с Иваном Грозным было наиболее ярким эпизодом борьбы между церковью — этим «государством в государстве» — и самодержавной властью за политическое преобладание.

Исследуя особенности иммунитетной политики в опричные годы, С. М. Каштанов установил, что именно тогда происходит восстановление тарханских привилегий монастырей, уничтоженных еще в период правления Избранной рады². С. М. Каштанов объясняет этот парадоксальный факт стремлением правительства заручиться поддержкой церковных феодалов в борьбе с княжеско-боярской оппозицией. Однако этого объяснения недостаточно. Несомненное возвращение к удельной старине, обнаруживающееся в опричной политике Грозного и проявившееся, в частности, в иммунитетных мероприятиях, объясняется тем, что царь выбирал старые формы для осуществления новых целей. А одной из новых задач, которые поставлены были в опричные годы, стало полное подчинение церкви государству. Поэтому в широкой практике раздачи льгот духовным феодалам нельзя не увидеть стремления Ивана IV привязать к себе монастыривотчинники, противопоставить их высшей церковной иерархии — митрополиту и епископату: митрополиту царь (в отличие от Владимира Старицкого) так и не выдал ни одной жалованной грамоты. С. М. Каштанов обратил внимание на тот примечательный факт, что после 1563 г.

¹ ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 124 об.—125; И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 48; РИБ, т. XXXI, стб. 316; «Летописец Соловецкого монастыря...», стр. 30.

² К сходному выводу также пришел В. Б. Кобрин (*В. Б. Кобрин, Две жалованные грамоты*, стр. 308).

отменялась подсудность монастырских властей в светских делах митрополиту и епископам, прокламированная еще Стоглавом. Отныне тяжбы настоятелей со светскими лицами подлежали светскому суду¹. Только при помощи и поддержке со стороны могущественных духовных корпораций можно было сломить сопротивление руководящей верхушки русской церкви. Лишь после того как эта цель была достигнута, Иван IV снова (в середине 70-х годов) ставит вопрос о сокращении монастырских привилегий.

Гибель Филиппа сопровождалась почти полным «перебором» церковных иерархов.

Сторонника строптивого митрополита полоцкого архиепископа Афанасия Палецкого еще 17 мая 1568 г., т. е. в самый разгар борьбы царя с митрополитом, отправили в Кирилло-Белозерский монастырь (место его пострижения). В том же году произошла смена крутицкого епископа: вместо осифлянина Галактиона владыкой становится Герман.

Во время новгородского похода Иван IV приказал «огрбить догола тверского епископа»². Варсонофий, как известно, был сподвижником Германа Полева. Он покидает тверскую епархию и уходит «на покой» в Казанский Спасо-Преображенский монастырь. Тогда же сведен с престола один из основных противников Филиппа — архиепископ новгородский Пимен. Его сослали в монастырь в Веве, где он вскоре и умер. По словам автора жития Филиппа, гонениям подверглись все враги митрополита: архиепископа рязанского Филофея также «из сана извергше»³. Последний раз 22 ноября 1569 г. упоминается коломенский епископ Иосиф⁴. По данным П. М. Строева, 26 ноября 1569 г. умер пресловутый враг Филиппа суздальский епископ Пафнутий. Странное совпадение этих ноябрьских дат со смертью Филиппа и новгородской экспедицией Ивана IV нельзя считать случайным. Не со-

¹ ПРП, вып. IV, стр. 164.

² И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 48.

³ ГВЛ, Троицкое собр., № 694, л. 126.

⁴ В синодики царя Ивана IV запесены боярин и дьяк коломенского владыки («Сказания князя Курбского», изд. 3, СПб., 1866, стр. 374). Это как бы говорит за то, что и сам владыка попал в опалу.

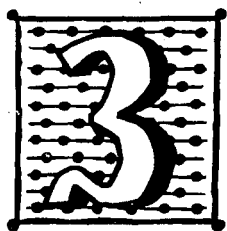
всем ясны данные о вологодском епископе. В 1568—1571 гг. произошел смена смоленского епископа. Только архиепископ ростовский Корнилий благополучно перенес все опричные бури.

Опалы, постигшие как сторонников митрополита, так и его противников из среды высших церковных иерархов, показывают, что дело митрополита Филиппа отнюдь не сводится к личному противоборству с ним царя Ивана IV. Это была одна из последних страниц той длительной борьбы, которую вела сначала великокняжеская, а потом царская власть за включение церкви в государственный аппарат. Неизбежность и закономерность ее исхода определялась тем, что русская церковь в XVI в. представляла собой один из наиболее стойких рудиментов феодальной раздробленности, без трансформации которого не могло быть и речи о полном государственном единстве. Союз с представителями сильной воинствующей церкви на Руси существовал лишь до тех пор, пока он был необходим московским государям в их борьбе за установление единодержавия. Как только эта задача была выполнена, а практика монастырей-вотчинников (их крупное землевладение) и церковно-политическая теория (превосходство духовной власти над светской) вошли в резкое противоречие с теорией и практикой русского самодержавия, этот союз сначала дал глубокую трещину, а потом и рухнул.

Подавив открытое сопротивление церкви правительственным мероприятиям, Ивану IV удалось достигнуть крупного успеха в централизаторской политике. Но лишь в XVII в., после столкновения Никона (кстати говоря, поднявшего на щит митрополита Филиппа¹) с царем Алексеем Михайловичем и в результате реформ Петра I, церковь была окончательно включена в бюрократический аппарат абсолютистского государства.

¹ В 1652 г. «мощи» Филиппа торжественно перенесли в Московский Успенский собор (Леонид, Указ. соч., стр. 119 и след.). Организовал церемонию доставки «мошей» в Москву новгородский митрополит Никон, проживавший ряд лет в Соловецком монастыре.

Глава VI
КОНЕЦ УДЕЛА
ВЛАДИМИРА СТАРИЦКОГО
И РАЗГРОМ НОВГОРОДА

емский собор 1566 г. поставил перед правительством Ивана IV сложную внешнеполитическую задачу — продолжение борьбы за присоединение Прибалтики к России.

Первая половина 1567 г. прошла в подготовке нового похода на Литву, в сложных дипломатических переговорах и в строительстве опричного управления страны. После взаимных уступок, сделанных царем и митрополитом при избрании Филиппа Колычева на митрополичий престол, поутихли репрессии. 3 февраля Иван IV отправился в очередную поездку по опричным территориям, в первую очередь на Вологду, куда он прибыл «досмотрити градсково основание... и всякого своего царского на Вологде строения». Только 29 июня царь вернулся в Москву¹.

Международная обстановка для России в 1567 г. складывалась благоприятно. Мирные отношения с Крымом в 1567—1568 гг. нарушались только отдельными набегами крымских мурз, не подчинявшихся Девлет-Гирею. Афанасий Нагой настойчиво вел в Бахчисарае переговоры

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 407. 27 февраля царь был в Слободе. На Вологде Иван IV вел текущее управление страной: он 20 апреля выдал, в частности, одну из жалованных грамот (П. А. Садиков, Из истории опричнины. — «Исторический архив», кн. III, 1940, № 188, стр. 21). Побывал царь в Троицком и Кирилло-Белозерском монастырях.

с дряхлеющим ханом об установлении прочного мира на юге страны, столь необходимого России для окончательного решения Балтийского вопроса¹. Внешнеполитические позиции Русского государства на северо-западе также упрочились после заключения 17 февраля 1567 г. в Москве союзного договора со шведским посольством Нильса Гюленштерна. Условием утверждения договора со Швецией была выдача сестры польского короля Екатерины Ягеллонки замуж за Ивана IV². Царь считал, что этой женитьбой он приобретает право на польский престол. Такие «детали», как наличие мужа Екатерины — герцога финляндского Юхана и царицы Марии Темрюковны, в расчет, конечно, не принимались. Чтобы закрепить достигнутое соглашение, в Швецию было отправлено большое посольство во главе с боярином Иваном Михайловичем Воронцовым³.

К 1567 г. относится попытка Ивана Грозного укрепить дипломатические отношения с Англией — потенциальным союзником России и Швеции на международной арене. Речь шла, таким образом, о создании русско-шведско-английского союза⁴. Еще 20 августа 1561 г. в Москву по пути в Персию прибыл английский торговый агент Антоний Дженкинсон. Здесь он пробыл до весны следующего года, когда, получив от царя разрешение на проезд по Волге, отправился в дальнейший путь⁵. Ровно через два года после этого визита в Москву Дженкинсон на обратном пути в Англию снова посетил русскую столицу. Он передал Ивану IV товары, которые были приобретены им в

¹ А. А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в., стр. 23—26, 429, 430.

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 407.

³ Э, л. 333 об.; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 407; Г. В. Форстен, Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648), т. I, стр. 490—497. Посольство отправлено было, вероятно, сразу же после заключения договора, ибо только к 18 мая оно доехало до Упсалы («Статейный список И. М. Воронцова» в кн.: «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», М.—Л., 1954, стр. 7—62).

⁴ Я. С. Лурье, Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. В кн.: «Международные связи Руси (до XVII в.)», М., 1961, стр. 429—431.

⁵ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 199—200.

Персии для царя, и прожил зиму в Москве, ведя торговые переговоры с царем. 28 июля 1564 г. он направился в Англию¹.

Вскоре после того как Дженкинсон покинул Россию, летом 1565 г., в Москву явился с рекомендательными письмами от королевы Елизаветы и испанского короля Филиппа итальянец Рафаэль Барберини (житель Антверпена), дядя папы Урбана VIII². Ему удалось добиться больших торговых льгот от московского правительства, что вызвало крайнее недовольство Лондона³, косо смотревшего на своих нидерландско-испанских соперников. В Россию снова был отправлен предприимчивый Дженкинсон, который прибыл в Москву 23 августа 1566 г. Посланец английской королевы вызвался исполнить поручение царя доставить ему искусного архитектора, а также врача, аптекаря и мастеров, умеющих разыскивать серебро и золото⁴. Дженкинсон отбыл обратно в Англию, и в 1567 г. эти люди были уже в России.

Готовясь к решительной схватке с Сигизмундом II, Иван IV в апреле 1567 г. отправил в Англию своих купцов Степана Твердикова и Федора Погорелого, а 22 сентября 1567 г., т. е. через два дня после того, как Иван IV выступил в новый Ливонский поход, англичане получили большие торговые привилегии. Они включали, в частности, позволение вести торговлю в Казани, Астрахани, в Поморье, Юрьеве и других районах России. Это было монопольное право, ибо гавани для купцов, не принадлежавших к английской Московской компании, закрывались⁵.

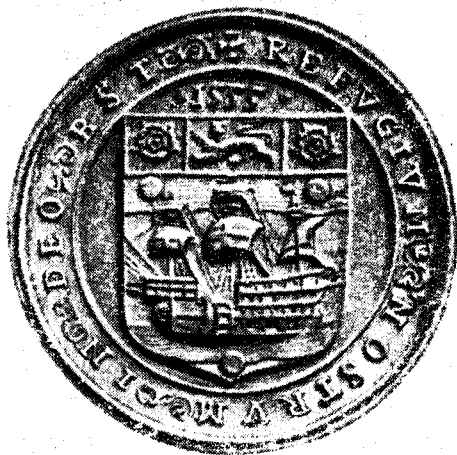
¹ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 213—214. См. подробнее *T. S. Willan, The Early History of the Russia Company, 1553—1603.* Manchester, 1956, p. 57—58.

² См. составленную Р. Барберини «Реляцию о Московии» («Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году». — «Сказания иностранцев о России в XVI—XVII вв.»).

³ *Ю. Толстой, Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553—1593*, СПб., 1875, № 7—8, стр. 26—27.

⁴ Толстой ошибочно датирует письмо царя Ивана от 16 сентября, содержащее просьбу выслать на Русь специалистов, 1567-м, а не 1566 годом (*Ю. Толстой, Указ. соч.*, № 11, стр. 36; ср. *Указ. соч.*, стр. 88).

⁵ *И. Любименко, История торговых сношений России с Англией*, вып. I, XVI век, Юрьев, 1912, стр. 42—43.

Печать Московской компании.

Условием предоставления этой привилегии было заключение политического союза России с Англией¹. В ноябре 1567 г. Дженкинсон писал Елизавете: «Царь требует, чтобы ея корол. вел-во и он были заодно соединены (против всех своих врагов)». Иван IV настоятельно просил «соединиться с ним заодно против поляков», прислать мастеров, умеющих строить корабли. Царь просил согласия на заключение тайного договора о предоставлении права временного убежища тому из договаривающихся монархов, с кем случится «какая-либо беда»². Судя по этой просьбе, новые переговоры с Дженкинсоном происходили тогда, когда царь вернулся после неудачного похода и уже мысль о боярских изменах снова заняла его воображение.

Убедившись в невозможности добиться присоединения Риги путем переговоров с польским королем и сознавая

¹ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», М., 1955, стр. 276.

² Ю. Толстой, Указ. соч., № 12, стр. 39—40.

трудности вооруженной борьбы за Прибалтику, русское правительство в 1567 г. попыталось решить Балтийский вопрос путем создания в Ливонии государства, зависимого от России. Рига, находившаяся в вассальных отношениях к польскому королю, все время испытывала угрозу потери своей призрачной самостоятельности. Этим и хотел воспользоваться Иван IV, строя свои расчеты на поддержке орденских кругов.

Весною 1567 г. литовский гетман Ходкевич предпринял неудачную попытку осадить Ригу¹. Как сообщает Штаден, узнав об осаде Риги, царь послал за находившимся в русском плену Вильгельмом Фюрстенбергом². Бывший ливонский магистр находился в почетной ссылке, получил поместье и, как писал Вейт Зенге, пользовался

¹ Это было «на Троицу», т. е. в апреле 1567 г. («Прибалтийский сборник», т. III, 1880, стр. 158).

² У Штадена рассказ не вполне ясен. Он сообщает, что Иван IV «шел к литовской границе в Порхов» с целью «забрать Вильну в Литве, а если нет, так Ригу в Лифляндии». После этого идет следующий текст: «Кровавый дикарь» (der rote Wilde) стоял под Ригой в Лифляндии и думал взять ее лаской или хитростью. Но это не удавалось, и он решил взять город силой. Тогда под Ригой пало несколько тысяч поляков. Узнав об этом, великий князь приказал послать за Вильгельмом Фюрстенбергом». Если бы последний согласился на предложение Ивана IV, «он должен бы отправиться с великим князем под Ригу» (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 88—89). Вряд ли под словами «кровавый дикарь» Штаден подразумевает Ивана IV, как это думает И. И. Полосин (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 158): Грозный в 1567 г. до Риги не доходил. Да и по Штадену, царь был на пути к Порхову, когда узнал, что «кровавый дикарь» осадил Ригу. Он должен был прибыть к Риге позднее с Фюрстенбергом. Поэтому мы считаем, что «кровавым дикарем» Штаден в данном случае называет командующего литовскими войсками. Это делает понятным текст «под Ригой пало несколько тысяч поляков». Эпитет «rote» Ф. Эпштейн склонен отнести к Николаю Радзивиллу Рыжему («Rudy» = «Rote»), гетману Виленскому (H. Staden, Aufzeichnungen über den Moskauer Staat, Hamburg, 1930, S. 29). В дополнение к этому следует заметить, что у Штадена Вильна называется Wilde. Поэтому «Der rote Wilde» лучше передать словами не «кровавый дикарь», а «Рыжий из Вильны» (имел в виду, конечно, непереводимую игру слов). По донесениям из Орши, уже к 1 сентября 1567 г. между Иваном IV и Фюрстенбергом велись «переговоры» («Archiwum Sanguszków, t. VII, N CLIII).

вниманием царя¹. По словам Штадена, он получил в кормление г. Любим².

Расчет царя на создание буферного государства в Ливонии на этот раз не осуществился: Фюрстенберг отказался стать во главе Ливонии и был снова отправлен в Любим, где вскоре и умер³.

Итак, открытая вооруженная борьба за Ливонию была неминуема.

Неудачный исход русско-польских переговоров 1566—1567 гг. повлек за собою возобновление военных действий. Царь Иван Грозный рассчитывал, что задуманный им большой поход в Ливонию принесет новые успехи русскому оружию и заставит правительство Великого княжества Литовского быть уступчивее, чем оно было до тех пор. Решение о новом походе было принято 3 сентября. Отправив 12 сентября надежные опричные полки в Калугу (для обеспечения южного фланга русских войск), сам царь 20 сентября с ближайшим опричным окружением поехал к Троице, откуда 23 сентября направился к Новгороду. Как обычно, царя должен был сопровождать Владимир Старицкий, получивший приказ «сходитца» с ним в Твери. Земским воеводам назначались два сборных пункта: Боровск и Великие Луки. В Боровск должны были прибыть с дворянскими войсками И. Ф. Мстиславский (из Коломны) и И. П. Яковлев (из Серпухова). Отсюда им предстояло двигаться через Вязьму в Великие Луки, с тем чтобы успеть туда к Дмитриеву дню, т. е. к 26 октября. В Великие Луки также подтягивались Смоленские войска Л. А. Салтыкова, дорогобужско-вяземские И. А. Шуйского и ржевские И. И. Пронского. Из Великих

¹ Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. IX, примечание 166; Г. В. Форстен, Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648), стр. 471.

² Г. Штаден, Указ. соч., стр. 125.

³ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 88—89; «Прибалтийский сборник», т. IV, 1881, стр. 38—39. И. И. Полосин, а вслед за ним В. Королюк датируют попытки Ивана IV возродить Ливонский орден 1564 годом на основании ошибочного сведения о смерти Фюрстенберга в 1565 г. (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 45; В. Д. Королюк, Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в., М., 1954, стр. 60—61).

Лук решено было «сходитца всем на дворцах». Сюда же «к дворцам» прибыл и царь с опричниками¹. Уже когда поход фактически начался, на Русь явился литовский посланник Юрий Быковский, которого царь принял 5 октября «в шатрах на полях» в селе Медне, объявил ему «неправду» литовского государя и посадил «за сторожи»².

22 октября Иван IV и Владимир Старицкий через Торжок добрались до Новгорода, где они пробыли восемь дней³. План похода был таков: царь с опричным войском идет с севера через ливонские города Режицу и Лужу и сходится на Ршанском (Оршанском) яме с великолукским (зёмским) войском И. Ф. Мстиславского⁴.

Однако совершенно неожиданно царь решил поход в Ливонию не начинать⁵. На совещании на Ршанском яме присутствовали Иван IV с царевичем Иваном, Владимир Старицкий и бояре И. Ф. Мстиславский, И. И. Пронский, И. В. Шереметев Меньшой, И. П. Яковлев, Л. А. Салтыков, П. С. Серебряный, М. И. Вороной-Волынский. На совете был поставлен вопрос: продолжать ли поход «к немецким городам» или его «отставить»? Выяснились серьезные недостатки организации похода. Артиллерия (наряд) двигалась «неспешно». Многие пососные люди к наряду «не успели, а которые пришли, и те многие разбежались, а которые остались, и у тех лошади под нарядом не идут»⁶. Сказывалась осенняя непогода. Без артиллерии рассчитывать на успешную осаду немецких крепостей было

¹ Э, л. 339—339 об.; «Сборник РИО», т. 71, стр. 554. «Дворцы» находились на Ршанском (Оршанском) яме: «Того же году как государь з дворец воротился с Оршанского яму на Луки Великие» (Э, л. 343 об.; «Сборник РИО», т. 71, стр. 562—563). По Новгородской летописи, царь из Москвы выехал 21 сентября («Новгородские летописи», стр. 90).

² «Сборник РИО», т. 71, стр. 562—565, 567.

³ «Новгородские летописи», стр. 96. По материалам «Посольских дел», царь приехал в Новгород 24 апреля и пробыл там неделю («Сборник РИО», т. 71, стр. 562).

⁴ «Сборник РИО», т. 71, стр. 562.

⁵ «И пришел государь на дворцы и поговоря з бояри да пошел з дворец назад к Москве, а в Литву не пошел, а бояр и воевод своих с собою к Москве взял» (Э, л. 341; «Сибирский сборник», стр. 20).

⁶ По некоторым данным, царь приказал собрать для обслуживания наряда пососы до 40 тысяч человек («Archiwum Sanguszków», t. VII, N CLIII).

нельзя, оставалось только ждать ее подхода. Большие трудности испытывали царские полки с продовольствием: им «в украинских городех прокормитись не мочно». Вместе с тем из пограничных городов и от лазутчиков приходили неутешительные сведения, что король собирает войско не то в Минске, не то в Городке и рассчитывает прибыть в Николин день или как только «путь станет» в Борисов. В Борисове, Чашниках, Лукомле и других местах находились «со многими людми» литовские гетманы. Король, как сообщали перебежчики, намеревается идти к Полоцку, или к другим русским порубежным крепостям (Уле, Копью), или даже к Великим Лукам. Создавалась реальная угроза удара в тыл царским войскам. Поэтому продолжать поход в Ливонию уже не имело смысла. Царь решил повернуть в Москву. Часть воевод была оставлена на Луках и в Торопце для прикрытия рубежей от возможного наступления «литовских людей»¹. 13 ноября царь уже был в Красном Городке (на Псковщине), откуда направился в Москву².

О причинах поспешного возвращения Ивана IV с театра военных действий сохранились и другие весьма сбивчивые рассказы современников.

Еще к лету 1567 г. четверо виднейших московских бояр — И. Ф. Мстиславский, М. И. Воротынский, И. Д. Бельский и И. П. Федоров получили через слугу Воротынских И. П. Козлова письмо от Сигизмунда II и литовского гетмана Григория Ходкевича с предложением перейти «под королевскую руку». В письмах польского короля выражалось лицемерное сожаление, что в России «нужа» творится как над «великими людми, так середними и меньшими». Пытаясь сыграть на феодальной спеси московских вельмож, Сигизмунд II удивлялся, как это так Иван Грозный «унизил» И. Д. Бельского, сделав его всего-навсего владимирским наместником, а И. Ф. Мстиславского — новгородским. Лстя М. И. Воротынскому, король писал, что его род по своей знатности не уступает великим князьям московским. Он вспоминал, как еще отец князя Михаила хотел со своим уделом перейти в Литву, за что был посажен в заточение на Белоозеро, где и умер. Не забыл

¹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 563.

² «Новгородские летописи», стр. 96.

король и того, что Иван IV хотел «кровопроливство вчинити» над И. П. Федоровым. Всем этим вельможам за измену московскому царю сулили почести и даже «удель» в Литве, а гарантией исполнения обещаний являлся пример Курбского. В июле — начале августа от имени бояр были изготовлены ответы, содержавшие резкую отповедь королю и гетману¹. Исследователи уже со времени Н. М. Карамзина справедливо связывали составление этих ответов с самим Иваном Грозным².

Но это была лишь внешняя сторона дела. В Литве и на Руси поговаривали, что русские вельможи (и в их числе И. П. Федоров) вступили в какие-то тайные сношения с Сигизмундом II. Польский хронист Мартин Бельский рассказывает следующее. В 1568 г. (дата ошибочна: надо — 1567 г.) Сигизмунд II, собрав невиданное до того войско, пришел под Радошковичи (в 24 милях от Вильны), откуда он решил совершить поход на Москву. Польский король получил известие от своего посла Козлова, москвитина по происхождению, что знатнейшие московские вельможи хотят перейти под его покровительство и выдать царя, как только король появится с войском. Однако царь узнал об этом и посадил Козлова на кол. Тогда, бесплодно простояв в Радошковичах, Сигизмунд распустил часть войска, а сам вернулся в Гродно³.

¹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 497—521; «Послания Ивана Грозного», стр. 241—277.

² Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. III, т. IX, примечание 181; И. Н. Жданов, *Сочинения*, т. I, СПб., 1904, стр. 125; А. Н. Ясинский, *Сочинения князя Курбского как исторический источник*, стр. 187—189; Л. М. Сухогин, *К пересмотру вопроса об опричнине*, вып. VII—VIII, стр. 143—144; «Послания Ивана Грозного», стр. 575.

³ „Był, tu niejaki Kozłōw Moskwiċin, który się ożenił w Litwie, Kosakównę pojął; ten będąc posłem od króla do moskiewskiego spraktykował był niemal wszystkie przedniejsze pany w Mockwie, że się Królowie chcieli poddać, by tylko król się im ukazał z wojskiem, a kniazia moskiewskiego związawszy wydać; dla czego tenże Kozłōw był tam od króla (wrzeczy do mockiewskiego z listy) poslan; jednak gdy to moskiewski przęczuł, Kozłōw był na palu. Zaczem król strawiwszy czas próżno pod Radkowicami, część wojska rospuścił, a sam do Grodna się wrócił i

Автор ливонской хроники Кельх (конец XVII в.) под 1567 г. сообщает о заговоре «ближайших родственников» царя и «знатнейших бояр» (речь шла у него о Владимире Стариком, Михаиле Темрюковиче и других). Поход Сигизмунда II был якобы продиктован желанием «ободрить» этих заговорщиков. Дело кончилось тем, что один из заговорщиков «открыл все царю, надеясь избежать этим наказания»¹. Возможно, этот рассказ через Гваньини восходит к Шлихтингу.

Еще более запутанна другая прибалтийская версия, которую мы находим в донесении 1578 г., обнаруженном в Ревельском архиве. «Когда московит намеревался идти (войной) на Полоцк и его осадить, то, не доходя 10 миль до этого места, было получено им известие — грамота или запечатанное приказание, что там в Москве 7600 бояр согласились убить великого князя и решились на то за его ужасное тиранство. Известясь о сем, бросил он войско и по почте² возвратился в Москву, так что, как всем известно, в то время осада была оставлена. И получив донесение, московит составил особый народ, названный им опричниной, предоставив власть убивать всех тех бояр с их семьей и приятелями, которые против него замыслил. И те опричники, одетые во все черное, продолжали несколько лет неистовствовать»³.

В этом сообщении при всей его хронологической путанице (взятие Полоцка и учреждение опричнины были еще до 1567 г.) слышится все та же версия о боярском заговоре во время какого-то похода Ивана IV на Литву. Примерно осенью 1570 г. А. Шлихтинг писал польскому королю в своей записке: «Когда, три года тому назад, в. к. в. были в походе, то много знатных лиц, приближи-

część nad Uję posłāi» (Kronika Marcina Bielskiego, t. II, Sanok 1856, str. 1165). О походе Сигизмунда в 1568 г. (?) под Радомковичи пишет и Матвей Стрыйковский («Kronika Macieja Strzykowskiego», t. II, str. 417).

¹ Chr. Kelch, Liefländische Historia, Reval, 1695, S. 280; Л. М. Сухогин, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. VII—VIII, стр. 147.

² Очевидно, речь идет о ямской службе.

³ «Акты Ревельского городского архива 1450—1610 гг.», сообщил А. Чумиков.— «Чтения ОИДР», 1898, кн. IV, отд. IV, № 12, стр. 18—19.

тельно 30 человек с князем Иваном Петровичем (Шуйским¹) во главе вместе со своими слугами и подвластными письменно обязались, что передали бы великого князя вместе с его опричниками в руки в. к. в., если бы только в. к. в. двинулись на страну». Как только в Москву пришли вести, что король отступил, «многие пали духом». Тогда Владимир Старицкий, И. Д. Бельский и И. Ф. Мстиславский взяли у Федорова список заговорщиков «под тем предлогом, якобы имелись еще другие, которые хотят записаться». На самом же деле список был передан царю, который якобы по нему и «по сей день казнит всех записавшихся или изъязвивших согласие, равно как лиц из псковских и новгородских областей»².

Очень сбивчив рассказ, содержащийся в «Записках» Генриха Штадена. Выступление недовольных опричниною, по Штадену, было прямым следствием расправы с И. П. Федоровым: «У земских лопнуло терпение! Они начали совещаться, чтобы избрать великим князем князя Володимира Андреевича, на дочери которого был женат герцог Магнус; а великого князя с его опричниками убить и извести. Договор был уже подписан»³.

Как видим, этот рассказ не согласуется с известием Шлихтинга — Мартина Бельского о «заговоре 1567 г.». Во-первых, по Штадену, заговор земских возник после казни И. П. Федорова. Во-вторых, Штаден говорит не о переходе на сторону польского короля, а о стремлении поставить на престол князя Владимира. Штаден в данном случае сближается с Пискаревским летописцем, где говорится, что «стали уклоняться князю Володимеру Андреевичю»⁴. Наконец, в-третьих, упоминание о «договоре» скорее согласуется с рассказом Новгородской летописи о начале похода 1569—1570 гг. на Новгород: подложное «челобитье», состряпанное Петром Волинецем в Софии (в нем якобы изложено «всех новгородцев желание со всем уездом королю оному поддаться») ⁵, может быть сопоставлено с «договором» недовольных земских людей.

¹ Речь идет об И. П. Федорове.

² А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 61—62.

³ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 87.

⁴ «Пискаревский летописец», стр. 76.

⁵ «Новгородские летописи», стр. 468.

В приведенных рассказах не все, однако, ясно. Почему, например, царь на протяжении трех лет казнил виновных в измене, когда он мог расправиться с ними сразу: ведь их список был у него под рукой. Странно также, что Иван IV не подверг наказаниям уже в 1567—1568 гг. Владимира Старицкого, И. Ф. Мстиславского и И. Д. Бельского за их участие в «заговоре». Наконец, совсем необъяснимо полное умолчание о «заговоре» Таубе и Крузе, входивших в опричнину, т. е. как будто весьма осведомленных лиц. Нет никаких сведений о «заговоре» И. П. Федорова и в русских источниках и у Курбского. Рассказ Мартина Бельского раскрывает перед нами политические расчеты польского короля в начале его похода, полагавшегося больше на поддержку московской аристократии, чем на военные успехи¹. Сообщение Шлихтинга, адресованное Сигизмунду II, учитывает эти надежды польского монарха, приводя их в соответствии с официальной версией русского правительства о причинах казни «изменников».

Словом, все рассказы иностранных авторов о «заговоре» И. П. Федорова передают лишь разнообразные слухи об изменах, распространявшиеся в России и за ее пределами. Сами они не дают еще оснований считать, что эти слухи соответствовали реальным фактам.

События осени 1567 г. можно восстановить примерно так. Сигизмунд II Август, готовя поход на Полоцк, стремился отвоевать назад земли, захваченные незадолго до этого Иваном IV. Особенную опасность он видел в тех выстроенных русскими в 1566—1567 гг. крепостях (Ула, Копье и др.), которые служили для России оборонительным поясом на Западе и вместе с тем плацдармом для наступления в глубь Литвы. Польский король рассчитывал также на поддержку со стороны московской вельможной оппозиции опричнине. Побег в Литву Курбского и его сподвижников, казалось бы, давал для этого некоторые основания.

¹ В сентябре 1567 г. в польском войске распространялись фантастические слухи о том, что «Московия отпадет от своего тирана», как только королевское войско перейдет границу (K. Piwarski, *Niedoszła wyprawa, t. zw. Radoszkowicka Zygmunta Augusta na Moskwę (Rok 1567/68)*. — «Ateneum Wileńskie», rocz IV, 1927, str. 276—278; rocz V, zes. 14, 1928, str. 100).

Польский король выступил с войском, которое по одним данным насчитывало 60 тысяч человек (Кельх)¹, а по другим — даже 100 тысяч (Стрыйковский)². По более точным сведениям, в войске было около 47 тысяч человек³. С 20 октября по 21 ноября Сигизмунд-Август пробыл в Лебедеве, далее двинулся на юго-восток. С конца ноября до середины декабря он находился в Радошковичах, а затем, отправив войско в Борисов, Сигизмунд перебрался в Койданы, где находился до 18 января 1568 г.⁴

С целью подготовки почвы среди той части московской знати, которая вышла из литовско-русских родов, в Москву еще до выступления в поход был направлен с доверительными письмами короля к московским вельможам Козлов. Ответа король, очевидно, не получил, Козлов же, как уже говорилось, был казнен⁵. Недостаточно тщательная подготовка похода и опасное движение польско-литовских войск по направлению к Полоцку лишили Ивана IV надежды добиться победой над Ливонией того, чего он не смог получить дипломатическим путем. Вернувшись с театра военных действий, царь и решил найти виновников постигнувших его неудач. Одной из причин провала похода в Ливонию было то, что посольные люди не обеспечили своевременную доставку артиллерии. Когда царь вернулся из Великих Лук, опричники по его приказу казнили известного дьяка Казарина Дубровского по обвинению в получении посулов с княжат и детей бояр-

¹ Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. IX, примечание 227.

² М. Strzykowski, t. II, str. 417. См. также К. Piwarski, Указ. соч., стр. 102.

³ *Bohniak* St. Z wyprawy radoszkwickiej na Moskwę w roku 1567/68. — «Ateneum Wileńskie», rocz. VII, 1930, zes. 3—4, str. 800.

⁴ И. Лалло, Литовско-русский сейм. — «Чтения ОИДР», 1901, кн. II, стр. 780. Подробнее см. К. Piwarski, Указ. соч., стр. 85—119.

⁵ Сведения Мартина Бельского о казни Козлова в какой-то степени подтверждает Дженкинсон. Он в ноябре 1567 г. писал, что «прошлым летом был захвачен лазутчик с письмами от короля польского на имя английских купцов в России... Из признания лазутчика (когда он был казнен) открылось, что это были козни короля польского» (Ю. Толстой, Указ. соч., № 12, стр. 40).

ских, в результате чего «перевозка пушек выпадала на долю возчиков самого великого князя, а не воинов или графов»¹. Казарин Юрьев сын Дубровский, происходивший из среды новгородских детей боярских², уже в 50-х годах был большим дьяком и вместе со своим сыном Романом числился дворовым сыном боярским по Москве³. В 1554—1557 гг. он служил дворцовым дьяком в Новгороде⁴. В 1558—1559 гг. Дубровский считался московским дьяком, принимал участие в посольских делах⁵. В 1564—1565 гг. он уже сделался одним из астраханских воевод⁶. Наконец, в 1566 г. он вместе с Никитой Фуниковым, находясь на Казенном дворе, принимал крымских и ногайских послов⁷.

Царь не ограничился только расправой с Дубровским. На память ему пришли письма короля Сигизмунда к московским вельможам. «При возвращении своем в Москву, — сообщает Шлихтинг, — в то время, когда польский король, разбив лагерь у Радошковиц, желал преследовать его с войском, тиран счел подозрительными для себя некоторых из воинов и среди других князя Иоанна Петровича»⁸. Судя по Шлихтингу, на И. П. Федорова постарались возвести самые нелепые обвинения И. Д. Бельский и

¹ А. Шлихтинга, Указ. соч., стр. 24—25. Истреблено было все семейство Дубровских (С. Б. Веселовский, Синодик царя Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 379—380).

² НПК, т. IV, стб. 510, 553; т. V, стб. 518; т. VI, стб. 442, 838, 980.

³ «Тысячная книга 1555 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», стр. 116, 128.

⁴ ДАИ, т. I, № 47 и др.; Д. Самоковасов, Архивный материал, т. I, № 95, 107, 108, 122; «Сборник РИО», т. 129, стр. 2, 23, 44, 46. См. также А. П. Пронштейн, Великий Новгород в XVI в., стр. 220.

⁵ «Сборник РИО», т. 59, стр. 556, 560; ДРК, стр. 213.

⁶ ДРК, стр. 254; «Продолжение Древней Российской Вивлиофики», ч. XI, 1801, стр. 93.

⁷ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 12, л. 274; Н. П. Лихачев, Библиотека и архив Московских государей в XVI столетии, стр. 110; В. Саваа, О Посольском приказе в XVI в., вып. I, Харьков, 1917, стр. 395; «Продолжение Древней Российской Вивлиофики», ч. XI, 1801, стр. 172.

⁸ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 21. Этот рассказ Шлихтинга позднее использовали для своих произведений Гваньини и Одерборн.

И. Ф. Мстиславский (всем троим писали в 1567 г. польский король и гетман Ходкевич). Это было сделано, возможно, с целью отвести от себя всякие подозрения (тем более что самого Федорова в Москве не было: он находился в Полоцке). К ним присоединился и Владимир Старичский, долгие годы пребывавший в страхе за свою жизнь. Участь Федорова была решена.

И. П. Федоров вызывал подозрения царя не только тем, что к нему писал польский король¹, но и всей своей политической деятельностью.

Иван Петрович Федоров происходил из старинной боярской фамилии, обосновавшейся при великокняжеском дворе еще в начале XIV в. У внука известного боярина Акинфа Гавриловича Андрея Ивановича было восемь сыновей; из них вторым по счету был Иван Хромой, четвертым — Иван Бутурля и восьмым — Михаил².

Внук Ивана Андреевича Хромого и дед И. П. Федорова Федор Давыдович уже в 1475—1477 гг. был видным боярином при дворе Ивана III³. Федор Хромой, как, впрочем, и его отец, владел землями на Белоозере⁴, которые позднее унаследовал И. П. Федоров. Его двое детей — Григорий и Петр принадлежали к числу известных деятелей времени Василия III, хотя в особом приближении и не были. Г. Ф. Давыдов к 1501 г. стал окольным, а к

¹ Подобные письма И. П. Федоров получал еще в Юрьеве Ливонском осенью 1562 г. от того же Ходкевича («Сборник РИО», т. 71, стр. 68—78). Тогда Федоров получил строгое предписание: «Без государевы обсылки Иван к Григорию Хоткеву грамоты от себя не посылал, а присылал бы те грамоты ко государю часа того».

² Михаил, по преданию, бытовавшему еще в первой половине XVI в., после бегства Акинфа в Тверь был найден в «челядней» — помещении для слуг; «того ради прозваша его Михайло Челядня» (ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. II, Л., 1925, стр. 478). Впрочем, Челядней в родословцах именуется только сын Михаила Федор. Да и сама легенда хронологически не увязывается с тем фактом, что Федор Михайлович был боярином Василия II.

³ ДРК, стр. 11, 13. Умер он до 1492 г. См. «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» (далее — АСЭИ), т. II, М., 1958, № 284, стр. 191—192.

⁴ АФЭИХ, ч. I, М., 1951, № 301—302, стр. 253.

1506 г.— боярином¹. В 1507—1509 гг. он наместничал в Новгороде, где в 1508/09 г. заключил перемирие со Швецией². Ездил он также с посольством в Литву и переписывался с литовскими представителями³. Последние сведения о нем относятся к 1521 г.⁴ Его младший брат П. Ф. Федоров сделался одновременно с ним окольным (в 1501 г.), но боярское звание так и не получил, сравнительно рано сойдя с исторической сцены (последний раз упомянут в источниках в 1509 г.)⁵. Петр Федорович женился на дочери ярославского князя Семена Романовича⁶. Возможно, этим обстоятельством объясняется давняя близость его сына к А. М. Курбскому.

Более громкой была судьба потомства младшего сына Андрея Ивановича Михаила. Федор Михайлович Челядня сделался боярином Василия Темного и получил от него еще до 1451—1456 гг. в вотчину земли Бежецкого уезда⁷. В 1462 г. он выполнял важную дипломатическую миссию московского правительства, будучи послан великим князем в Новгород⁸. Он же являлся одним из лиц, ведавших судом по земельным делам⁹, и вместе с Иваном Юрьевичем Патрикеевым подписал в 1461/62 г. духовную Василия II¹⁰. Умер Ф. М. Челядня вскоре после вокняжения Ивана III¹¹.

¹ АФЗиХ, ч. I, № 309, стр. 265. Ошибочно упомянут среди «бояр» под 1498 г. в хронографе (С. О. Шмидт, Продолжение хронографа редакции 1512 г.—«Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 273).

² РИБ, т. XVII, СПб., 1898, № 358; ДРК, стр. 56; «Описи Царского архива XVI века...», стр. 80.

³ «Сборник РИО», т. 35, стр. 350 и след.

⁴ Там же, стр. 608.

⁵ ДРК, стр. 28, 43; «Сборник РИО», т. 35, стр. 489.

⁶ АСЭИ, т. II, № 284, стр. 191; Н. П. Лихачев, Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий.—«Известия Русского генеалогического общества», вып. I, стр. 110—111.

⁷ ДиДГ, № 58, стр. 180.

⁸ ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889, стр. 207.

⁹ См. акты 1447—1455 гг. (АСЭИ, т. I, № 201, стр. 144); 1448—1461 гг. (АФЗиХ, ч. I, № 116, стр. 108); 1450—1454 гг. (АСЭИ, т. II, № 153-а, стр. 90); 1456—1462 гг. (АСЭИ, т. I, № 277, стр. 198).

¹⁰ ДиДГ, № 61, стр. 199.

¹¹ Около 1464—1473 гг. его вдова Аграфена с детьми Петром и Андреем дают на помин его души землю в Ростовском уезде (АФЗиХ, ч. I, № 11, стр. 28—29).

Боярин Петр Федорович Челяднин промелькнул в источниках 70-х годов XV в.¹ О его сыне Иване Петровиче до нас вовсе сведений не дошло, вероятно, в связи с его ранней смертью. Зато дети Андрея Федоровича при Василии III были виднейшими деятелями. Боярин и конюший (с 1508 г.) Иван Андреевич Челяднин после взятия Пскова в 1510 г. некоторое время был там наместником², в 1514 г. он попал в плен во время битвы под Оршей и в 1516 г. умер на чужбине. Его брат, Василий Андреевич, примерно к 1507 г. стал дворецким, а в 1513 г. получил еще и боярское звание. Он также умер в начале 1516 г. Женат он был на сестре И. Ф. Телепнева-Оболенского, временщика в годы регентства Елены Глинской. Сын Ивана Андреевича Иван (шурин кн. Ю. В. Глинского) только в 1539 г. унаследовал звание конюшего и боярина и, очевидно, около 1541 г. умер. Его сестра была замужем за Д. Ф. Бельским.

После смерти Ивана Ивановича в семье Челядниных не осталось больше лиц мужского пола. Но дочь Василия Андреевича вышла замуж за своего дальнего родича Ивана Петровича Федорова (сына И. Ф. Давыдова)³, который таким образом стал единственным наследником громадных владений и сословных привилегий Давыдовых и Челядниных⁴.

Жизнь Ивана Петровича поначалу складывалась не очень удачно. Ранняя смерть отца, не успевшего достичь тех почестей, которые выпали на долю его дальних родичей, заставила самого Ивана Петровича долго и настойчиво бороться за сохранение своего места среди москов-

¹ ДРК, стр. 11, 13. Упоминается также как боярин в грамоте 1465—1471 гг. (АСЭИ, т. II, № 464). В 1477/78 г. он наместничал в Устюге («Устюжский летописный свод», под ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950, стр. 92).

² ПЛ, вып. I, стр. 96. «Андрей Федорович» (вероятно, Челяднин) упомянут в хронографе под 1498 г. среди «бояр», но это сведение недостоверно (С. О. Шмидт, Продолжение хронографа редакции 1512 г.—«Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 272).

³ Н. П. Лихачев, Указ. соч., стр. 76—77.

⁴ И. П. Федорова Челядниным именуется Штаден (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 79); Федоровым-Челядниным он назван в одной разрядной записи 1561/62 г. (ДРК, стр. 228). Обычно он именовался Федоровым.

ской аристократии. Появившись в разрядах в качестве первого воеводы правой руки весной 1536 г., он становится непременным участником походов 1536—1541 гг.¹ В марте 1542 г. он еще упоминался среди тех сравнительно многочисленных княжат и детей боярских, «которые в думе не живут, а при послах в избе были»².

Время получения Федоровым боярского звания и семейного для Челяднинных титула конюшего точно неизвестно. Возможно, что это было как-то связано с возвышением Воронцовых, которые, как и Иван Петрович, принадлежали к старомосковским боярам. Во всяком случае, когда в июле 1546 г. Иван IV казнил И. И. Кубенского, Ф. С. и В. М. Воронцовых, в опалу попал боярин и конюший И. П. Федоров. Ему удалось избежать смерти потому, что «он против государя встреч не говорил, а по всем ся виноват чинил»³.

Но даже эту опалу и ссылку на Белоозеро (где находились его родовые владения) Федоров сумел использовать для дальнейшего продвижения по служебной лестнице. Судя по приписке к Царственной книге, сделанной, вероятно, уже после казни Федорова, Иван Петрович принял участие в заговоре коалиции Ростовских-Захарьиных, которым удалось в ходе народного восстания 1547 г. свергнуть правительство Глинских и временно прийти к власти⁴. Годы правления Избранной рады отмечены деятельным участием И. П. Федорова в политической жизни страны. Он снова получает чин боярина и конюшего⁵. А кто был конюшим, тот считался «честью», первым среди бояр⁶. Во время событий 1553 г. Федоров твердо поддерживал кандидатуру сына Ивана IV на русский престол.

Казалось бы, именно после этого следовало бы ожидать дальнейших успехов Федорова при дворе. Однако

¹ ДРК, стр. 98, 102, 109, 111, 113.

² «Сборник РИО», т. 59, стр. 147.

³ М. Н. Гухомиров, Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.—«Исторические записки», кн. 46, 1954, стр. 286; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 449.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 456.

⁵ Последние данные о Федорове как о конюшем относятся к августу 1553 г. (ДРК, стр. 162).

⁶ Г. Котошилин, О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1906, стр. 81.

жизнь его сложилась иначе. Примерно на десять лет он удаляется из Москвы, получает назначения на почетные, но далекие от столицы наместничества и в довершение ко всему теряет звание конюшего¹. В апреле 1554 г. Федоров наместничает в Пскове². В 1555 г. Иван Петрович воюет где-то «в черемисах»³, а весной 1556 г. он появляется в качестве воеводы и наместника в Свияжске⁴. В феврале 1559 — апреле 1560 г. Федорова мы застаем в той же роли, но уже в Смоленске⁵. В сентябре 1562 — феврале 1563 г. его переводят в Юрьев Ливонский, где он находится до прибытия князя Андрея Курбского⁶.

Разгадку этого неожиданного поворота в судьбе Федорова следует искать в той роли в политической жизни, которую играл конюший, т. е. фактический глава Боярской думы. В 1582 г. Антоний Поссевин вскользь упоминал, что в Москве уже 30 лет не было конюшего, который являлся обладателем права выбирать царя в том случае, когда государство остается без правителя⁷. В какой мере Поссевин правильно понял существо полномочий конюшего, сказать трудно. После мартовских событий 1553 г., когда Боярская дума пыталась в вопросе о наследнике престола проявить своеволие, царь решил обезглавить «боярский синклит», ликвидировав звание конюшего, а И. П. Федорова отослать подальше от столицы Русского государства.

Когда в 1563 г. русское правительство решительно встало на пути к введению опричнины, И. П. Федоров снова оказался среди царских приближенных. Осенью 1563 и летом 1566 г. он принимает участие в переговорах с литовскими послами⁸. В это время его резиденция находится «на Казенном дворе», т. е. он ведал государевой

¹ А. К. Леонтьев ошибается, говоря, что должность конюшего «осталась вакантной» лишь после смерти И. П. Федорова (А. К. Леонтьев, Образование приказной системы управления в Русском государстве, М., 1961, стр. 69).

² ГВЛ, собр. Румянцева, 54, л. 31—31 об.

³ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 246.

⁴ ДРК, стр. 184; ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 269.

⁵ «Сборник РИО», т. 59, стр. 563, 625.

⁶ «Сборник РИО», т. 71, стр. 69; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 344, 363.

⁷ Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. IX, примечание 614, стр. 222.

⁸ «Сборник РИО», т. 71, стр. 168, 414.

канцелярией, казной. Осенью 1564 г. Федорова направляют с царским двором «на берег», а в сентябре 1565 г., наоборот, оставляют для ведения государственных дел в Москве¹. В марте 1564 г. И. П. Федоров подписал поручную грамоту по боярине И. В. Шереметеве и в апреле 1566 г.— по М. И. Воротынском². В январе и марте 1566 г. он по распоряжению царя вместе с дворецким Н. Р. Юрьевым производил обмен земель с Владимиром Старицким³.

В первые два опричных года Федоров принимает деятельное участие в заседаниях Боярской думы и земского собора 1566 г. Он упоминается среди бояр, вынесших в феврале 1564, в мае 1565 и в июне 1566 г. приговоры по восточным и польским делам⁴. Оставаясь в Москве во время поездки Ивана Грозного «по селам» в 1565 г., Федоров 20 июня писал ему грамоту в связи с крымскими делами⁵. Все это подтверждает правильность замечания Штадена о том, что Иван Петрович «был первым боярином и судьей на Москве в отсутствии великого князя»⁶.

Федоров принадлежал к числу крупнейших землевладельцев России середины XVI в. Его родовая белозерская вотчина в середине XVI в. (села Старая и Новая Ерга), по вычислению А. И. Копанева, насчитывала более 120 деревень, расположенных на территории в 100 кв. км.⁷ Значительные владения Федорова находились в Коломенском и Бежецком уездах. Курбский писал, что Федоров «зело много отчины имел»⁸. Современники давали высокую

¹ ДРК, стр. 251, 266.

² СГГид, ч. 1, № 180, 190.

³ СГГид, ч. 1, № 187, 198.

⁴ ЦГАДА, Ногайские дела, кн. 7, л. 70 об.; Крымские дела, кн. 10, л. 369 об.—370; «Сборник РИО», т. 71, стр. 380.

⁵ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 11, л. 300.

⁶ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 79, 86, 137. И. П. Федорова, по словам Шлихтинга, царь обычно даже «оставлял вместо себя в городе Москве, всякий раз, как ему приходилось отлучаться из-за военных действий» (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 21).

⁷ А. И. Копанев, История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., М.—Л., 1951, стр. 127.

⁸ РИБ, т. XXXI, стб. 295. Жене Федорова принадлежало село Кипкино-Челядино Коломенского уезда, которое она в 1562/63 г. перевела в Троицкий монастырь (ГБЛ, Троицкая книга, 530, Юрьев, № 7; ср. ПКМГ, ч. I, отд. 1, стр. 440). О бежецких владениях Федорова см. С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 349.

оценку деятельности Федорова, а Штаден даже писал, что «он один имел обыкновение судить праведно»¹.

После того как Федоров среди других бояр подписал приговор земского собора 1566 г., он в последний раз покидает Москву: мы его застаем в июле — августе 1567 г. в Полоцке, что является признаком нового охлаждения царя к престарелому боярину². В 1566/67 г., чувствуя приближение трагического конца своей многолетней службы при дворе Ивана Грозного, Иван Петрович Федоров передает свою родовую вотчину — село Воскресенское Белозерского уезда в Кириллов монастырь с оговоркой, что «до своего живота» он сохраняет за собою право владения этим селом. Для придания сделке большей прочности грамоту подписали два дьяка — И. Н. Дубенской и Р. И. Житкого³. Впрочем, прошло не более года после этого вклада, как Федоров был казнен⁴. Вернувшись из неудачного Ливонского похода, Иван Грозный, который, по словам Шлихтинга, среди некоторых «воинов» заподозрил также и И. П. Федорова, «отнял все, что у того было», и приказал опальному боярину «отправиться на войну против татар». По возвращении Федорова с

¹ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 76, 81—87.

² «Сборник РИО», т. 71, стр. 521; «Сибирский сборник», стр. 19. В конце марта 1567 г. там находился еще боярин П. В. Морозов («Сборник РИО», т. 71, стр. 496). В Эрмитажном и некоторых других списках разрядных книг под 7074 г. помещен разряд, согласно которому Федоров и другие воеводы уже тогда «годовали» в Полоцке (Э, л. 333 об.). Но эта запись деликом совпадает с разрядом, помещенным после грамоты 25 июля 1567 г. (Э, л. 336). То, что вслед за первой записью идет сообщение о посылке Воронцова в Швецию (не ранее февраля 1567 г.), также не позволяет ее отнести к 1565/66 г.

³ В. Б. Кобрин, Из истории земельной политики в годы опричнины.— «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 154—155. На таких же условиях в 1565/66 г. передала в Новодевичий монастырь свое вотчинное село Борисоглебское Бежецкого уезда жена Челяднина Марья (С. Шумаков, Обзор грамот Коллегии экономии, вып. I, М., 1899, стр. 22). И. П. Федоров в 1566/67 г. сделал также вклад на помин души по опальному М. П. Головине (Леонид, Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга.— «Чтения ОИДР», 1873, кн. III, стр. 11).

⁴ Дата казни Федорова, как выяснила М. Е. Бычкова, подтверждается одной из редакций родословных книг XVI в., в которой говорится, что Федоров «казнен в 77-м году в сентябре» (ЦГАДА, ф. 181, № 76, л. 261).

театра военных действий Иван Грозный позвал его во дворец и заставил занять царский трон. Затем он обратился к боярину со словами: «Ты имеешь то, чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московии и занять мое место». После этого царь собственноручно заколол Федорова¹. Из этого рассказа явствует, что бывший конюший обвинялся в покушении на царский престол. Одновременно с ним погибло много его слуг и крестьян².

В начале июня 1568 г. крымский хан Девлет-Гирей направил своих царевичей войной на русские окраины³. В этом же году были посланы «города ставить» в Данков князь Владимир Константинович Курлятев и Григорий Степанович Сидоров (дворовый сын боярский по Коломне). По официальным данным, они «того же году... умерли»⁴. Но имена обоих воевод занесены в синодики, а Курбский прямо говорит об убийстве их опричниками⁵. После их гибели город Данков подвергся сначала нападению татарского войска (по Курбскому, численность его достигала 10 тысяч), а затем новой карательной экспедиции опричников.

А. Шлихтинг с известным преувеличением пишет, что царь «почти год» объезжал поместья Федорова, производя повсюду истребление, опустошение и убийства⁶. Воз-

¹ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 22, 62; И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 40.

² А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 22—23; Г. Штаден, Указ. соч., стр. 86—87; РИБ, т. XXXI, стб. 294—295; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 462—463.

³ А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 430.

⁴ Э, л. 345.

⁵ Курбский сообщает, что «тогда же и того дня», когда были убиты Курлятев и Сидоров, погибли рязанцы: дворовый сын боярский по Туле Данила Григорьев сын Чулков-Ивашкин и рязанский дворовый сын боярский Федор Булгаков сын Денисьев «в новопоставленном граде на самом Танансе», т. е. в Данкове находившемся, действительно, на Дону (РИБ, т. XXXI, стб. 305—306). См. также С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 403—404, 444.

⁶ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 22. В конце июля оршанский ротмистр Селицкий сообщал, что царь разделил Москву на две части, причем одну «за отпритщину себе взявши, в ней мешкают (т. е. живут), а в другой половицы города сыны его мешкают. А предсе, ден, с ними валчит не престал, одно ж, деи, при

можно, это сведение связано с не вполне ясным рассказом Таубе и Крузе о том, как в полночь 19 июля 1568 г. царь послал своих доверенных лиц (в их числе Афанасия Вяземского, Мажоту Скуратова, Василия Грязного и других), которые должны были вместе с несколькими сотнями стрельцов забрать многих жен князей, бояр, воевод, дьяков и купцов и выслать их из Москвы. Вслед за этим царь в течение шести недель совершал карательную экспедицию по подмосковным владениям бояр и князей, истребляя «все, что имело дыхание»¹.

У нас нет определенных данных, которые бы связывали казнь Федорова с репрессиями против кого-либо из других членов Боярской думы. Мы уже писали, что примерно осенью 1568 г. был казнен окольный М. И. Колычев. Но расправа с ним могла быть связана с делом Филиппа Колычева (в сентябре 1568 г. царь решил покончить со строптивым митрополитом)².

Не исключена возможность, что в 1568—1569 гг. казнены были долгое время находившиеся в темнице боярин В. В. Морозов и его дальний родич А. И. Шеин, незадолго до того (к апрелю 1568 г.) получивший боярский чин³.

сынех, яко уведеных бояр, так и посполитого человека болш застало, вижли при отцы, а опричники деи с ынным подданным великое, а неслыханное окрутянство чинят» (Archiwum Sanguszków, t. VII, N CCXXI).

¹ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 41—42.

² Об этом подробнее говорилось в главе V. Л. М. Сухотин склонен отнести к 1568 г. казнь И. И. Пронского, П. М. Щенятева, М. П. Головина, И. И. Чулкова и Хозяина Тютиня (Л. М. Сухотин, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. VII—VIII, стр. 151). Но Щенятев умер еще в 1565 г., М. П. Головин — даже в 1564 г.; И. И. Чулков последний раз в источниках упомянут около весны 1568 г. («Синбирский сборник», стр. 22), но вряд ли он был казнен, ибо его не упоминают синодики и кто-либо из современников, говорящих об опричных казнях. И. И. Пронский последний раз упомянут в разрядах в Великих Луках весной или летом 1568 г. (Э, л. 346 об.) и в польских делах в апреле 1567 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 563). О его казни сообщают Таубе и Крузе (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 41), а также Курбский (РИБ, т. XXXI, стб. 285). Поскольку Пронский некоторое время перед казнью провел в монастыре, мы скорее склонны связать его гибель с концом старицкого князя в 1569 г., к которому Пронский был близок.

³ О казни В. В. Морозова сообщает вслед за рассказом о гибели А. И. Шеина Курбский (РИБ, т. XXXI, стб. 303). Последний

Сразу же после рассказа о гибели Федорова Шлихтинг сообщает о смерти после пыток «Дмитрия Васильевича» (ниже — Василия), «который был начальником над воинскими орудиями». Бежавшие из плена польские стрельцы на допросе показали, «что, мол, Василий отправил их в Литву»¹. Возможно, речь идет о боярине (с 1563 г.) В. Д. Данилове, который после земского собора 1566 г. в источниках уже не упоминается².

Таковы все сведения о лицах, подвергшихся репрессиям в 1568 г.

* * *

Конец 1568 и 1569 год принесли с собой ухудшение внешнеполитических позиций России.

Еще осенью 1568 г. была взята литовскими войсками недавно построенная крепость Ула на Западной Двине³. В январе 1569 г. литовские люди приходили «ко Пскову, пригороду Изборску и город взяли изменою, оманом»⁴. Гетман Александр Полубенский с отрядом в 800 поляков, переодетых опричниками, при помощи изменников Марка и Анисима Сарыхозиных и Тимофея Тетерина вошли в крепость и удерживали ее две недели⁵. Только посылка земских и опричных воевод, которым удалось воз-

раз Шейн упоминается в источниках в 1567/68 г. («Синбирский сборник», стр. 21). Шлихтинг говорит, что «воевода Владимир» (Морозов) был казнен из-за ложного обвинения в «заговоре с Курбским» и переписке с ним (*А. Шлихтинг*, Указ. соч., стр. 38; подробнее о Шейне см. *С. Б. Веселовский*, Указ. соч., стр. 470).

¹ *А. Шлихтинг*, Указ. соч., стр. 35—36. У Гваньини — Василий Дмитриевич. У Одерборна — это один из воевод, участников взятия Казани (там же, стр. 55).

² О нем см. *С. Б. Веселовский*, Указ. соч., стр. 376—377. Последний раз в источниках весной 1567 г. упоминается и боярин Д. А. Куракин, бывший в это время псковским воеводой («Синбирский сборник», стр. 19). Его дети записаны в синодик опальных (*С. Б. Веселовский*, Указ. соч., стр. 403).

³ «Kronika Macieja Strykowskiego», t. II, str. 447; ср. АЗР, т. III, N 41; Archiwum Sanguszków, t. VII, N CCLIII, CCCIV.

⁴ Э, л. 348; «Синбирский сборник», стр. 23. «Литва взяла Изборск оманом, впрошались отпритчиною, генваря в 11 день» (ПД, вып. II, стр. 261).

⁵ *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 94; *К. Piwarski*, Указ. соч., стр. 116.

вратить обратно этот город, несколько поправила положение на Западном фронте¹. После этого случая были казнены дьяки и приказные люди как из самого Изборска, так и из Феллина, Тарваста и Мариенбурга, якобы хотевшие сдать эти крепости полякам².

Но не столько военные столкновения (как правило, местного значения), сколько Люблинская уния, подписанная 1 июля 1569 г., имела серьезные последствия для дальнейшего хода Ливонской войны. Отныне Русскому государству противостояло объединенное польско-литовское государство, которое обладало значительным военным потенциалом и представляло собою серьезную угрозу на западных рубежах России.

Не осуществлялись и надежды Ивана IV на тройственный русско-англо-шведский союз. В разгар борьбы Ивана IV с митрополитом Филиппом, после казни Ивана Петровича Федорова, в конце сентября 1568 г. в Москву прибыл английский агент, опытный дипломат Томас Рандольф³. Уклоняясь от заключения военного союза с Россией, королева Елизавета все дело стремилась свести к увеличению торговых привилегий Московской компании⁴. Только 20 февраля 1569 г. Рандольф был принят царем. После нескольких аудиенций (в феврале и апреле)⁵ Рандольфу удалось 20 июня 1569 г. в опричной Вологде исколотать новую привилегию Московской компании. Английские купцы отныне переходили в опричное ведомство, т. е. под особое покровительство царя. Ричард Джемс позднее с явным преувеличением писал, что среди опричников «англичане могли тогда делать, что им угодно, не получая ни от кого ни распоряжений, ни взысканий»⁶. Подтверждалось право Московской компании на бесплош-

¹ Э, л. 348; «Сибирский сборник», стр. 23; «Сборник РИО», т. 71, стр. 584—586, 592, 597, 606, 653.

² Г. Штаден, Указ. соч., стр. 94. О казненных «в изборском деле» сообщают синодики опальных (А. А. Титов, Синодики XVII в. Переславского Никитского монастыря, стр. 15).

³ С. М. Середонин, Известия англичан о России во второй половине XVI века.—«Чтения ОИДР», 1884, кн. IV, отд. III, стр. 93; подробнее см. *Willan*, Указ. соч., стр. 95—111.

⁴ Ю. Толстой, Указ. соч., № 15, 16, стр. 46—64.

⁵ С. М. Середонин, Указ. соч., стр. 95.

⁶ Б. А. Ларин, Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619), Л., 1959, стр. 188—189.

линию торговлю по всей России, исключая Казань, Астрахань и Нарву, право свободного проезда в Персию и многие другие. Привилегия 1569 г.— кульминационный пункт успехов Московской компании в России¹. Щедрость Ивана IV в значительной степени объяснялась тем, что царь переживал серьезные затруднения внутри страны. На повестке дня стояла ликвидация удела Владимира Старицкого.

Одновременно с выдачей привилегий 20 июня царь направил своего посланника Андрея Григорьевича Совина к Елизавете для продолжения переговоров².

Слухи о русско-английских переговорах распространялись по стране. Говорили, например, что английский лекарь — астролог Елисей Бомелий «на русских людей царю возложил сверепство, а к Немцам на любовь преложи... и много множества роду боярского и княжеска взусти убити цареви. Последи же и самого приведе наконец еже бежати в Англинскую землю и тамо женитися, а свои было боляре оставшие побити»³.

Русское посольство И. М. Воронцова в Стокгольме тщетно дождалось ратификации договора о дружбе. Дело кончилось тем, что 25 сентября 1568 г. полубезумный Эрик XIV был свергнут с престола его братом герцогом Юханом Финляндским (мужем Екатерины, сестры Сигизмунда II), ярким врагом России. Это, конечно, осложнило русско-шведские отношения. Посольство Воронцова вскоре покинуло Стокгольм⁴. Неудача в Стокгольме и внутренние неурядицы, не позволившие предпринять серьезные военные акции в Прибалтике, заставили русское правительство вернуться к проекту создания в Ливонии буферного государства. На этот раз в апреле 1569 г. царь через посредничество ливонских дворян Иоганна Таубе

¹ *И. Гамель*, Англичане в России в XVI и XVII столетиях, стр. 89—93; *И. Любименко*, История торговых сношений России с Англией, вып. I, XVI в., стр. 44—46; *ее же*, Проекты англо-русского союза в XVI и XVII веках.— «Исторические известия», № III—IV, М., 1916, стр. 29—53; текст жалованной грамоты см. *В. Н. Кашин*, Торговля и торговый капитал в Московском государстве, Л., 1926, стр. 83—95.

² *Ю. Толстой*, Указ. соч., № 19, 20, стр. 67—71.

³ ПЛ, вып. II, стр. 262.

⁴ «Путешествие русских послов XVI—XVII вв.», стр. 7—62.

и Элерта Крузе обратился к брату датского короля герцогу Магнусу с предложением стать во главе королевства Ливонии¹. (С 1559 г. остров Эзель и прилегающие к нему районы северной Эстонии перешли под власть Дании. Магнус находился на Эзеле с 1561 г.)

Иван IV рассчитывал этим шагом создать вассальное королевство в Прибалтике и одновременно укрепить русско-датские отношения: Дания, находившаяся в состоянии войны со Швецией, в 1568—1569 гг. вела в то же время упорную борьбу с Литвой и Польшей, противодействовавшими «нарвскому плаванию», и нанесла ряд поражений каперскому флоту Сигизмунда II². Герцог Магнус, испытывавший постоянную угрозу нападения шведских войск, решил принять русское предложение. В сентябре 1569 г. в Москву прибыло его посольство, которое 27 ноября, т. е. накануне похода Ивана IV на Новгород, получило в Слободе от царя грамоту, содержавшую русскую программу создания Ливонского королевства³.

После нескольких лет затишья на южных окраинах тревожные вести стали поступать из Крыма.

Присоединение Астрахани к Русскому государству, присяга на верность кабардинских и черкесских князей Ивану IV и постройка русских городков на Северном Кавказе вызвали беспокойство не только в Крыму, но и в Турции⁴. Оттоманская Порта с тревогой смотрела на нараставшее русско-иранское сближение. Стремясь вбить клин между Россией и Ираном, заблокировать важнейшую торговую артерию на востоке России — Волгу, в 1569 г. турецкое правительство предпринимает большой поход на Астрахань.

¹ «Акты Копенгагенского архива», вып. I, 1326—1569.— «Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, № 146 и след.

² В. Д. Корольюк, Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в., стр. 70—73.

³ К. Н. v. Busse, Herzog Magnus von Holstein und sein Livländisches Königthum.— «Beiträge zur Liv-, Ehst- und Kurlands», 8 Bd., 2 Hft., Riga, 1857, S. 243, 256—261; «Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, № 160; Г. В. Форстен, Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648), т. I, стр. 535—538.

⁴ Подробнее см. Е. Н. Кушева, Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.— «Исторические записки», кн. 34, 1950, стр. 282—284.

Сборным пунктом турецкого войска, насчитывавшего до 80 тысяч человек, сделалась Кафа, куда уже в марте 1569 г. прибыли турецкие корабли с янычарами. 31 мая главнокомандующий этим войском Касим-паша начал движение через Азов к Астрахани. Вести о предполагавшемся походе турок к Астрахани заставили русское правительство усилить оборону на юго-востоке¹. Весной 1569 г. в Астрахань был отправлен окольныйчий Д. Ф. Карпов, а на переволоку «для турских людей приходу» — боярин П. С. Серебряный. В Нижний Новгород послали князя Владимира Андреевича и боярина П. В. Морозова². Основные земские войска были сосредоточены в Коломне и Рязани, а в Калуге — опричные³.

Турецкий поход оказался неудачным. Девлет-Гирей не склонен был поддерживать астраханскую авантюру султана, опасаясь дальнейшего усиления его власти. Турецкие войска не смогли прорыть канал между Волгой и Доном и, не решившись штурмовать Астрахань, 26 сентября поспешно отступили от города⁴.

Тяжелые и бесперспективные войны на западе и юге, бесчинства опричной гвардии в обстановке непрекращавшихся эпидемий и голодовок создавали гнетущую обстановку в стране.

С осени 1568 г. Иван Грозный под влиянием слухов о боярских заговорах и опасаясь «мора» все больше и больше времени проводил в Александровой слободе и на

¹ Тревожно было и на юге. Еще в январе 1569 г. «крымские люди» совершили набег на одоевские, черньские и белевские места (Э, л. 347 об.).

² Э, л. 349 об.; *И. Таубе* и *Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 45.

³ «Синбирский сборник», стр. 22—23.

⁴ В разрядных книгах сохранилась запись, что турки численностью в 100 тысяч приходили к Астрахани «об Ильине дни» (20 июля), стояли 4 недели и пошли прочь, «никоторые шкоды не зделали» (Э, л. 354). Об Астраханском походе подробнее см. *П. А. Садилов*, Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.— «Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 132; *Н. А. Смирнов*, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I, М., 1946, стр. 100 и след.; *А. А. Новосельский*, Указ. соч., стр. 24, 27, 430; *Г. Д. Бурдей*, Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962; *А. П. Новосельцев*, Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в.— В сборнике «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 449.

Вологде¹, приезжая в столицу главным образом для приема посланников².

Вероятно, в это время начали раздаваться голоса, говорившие про государя «непригожие речи» и о необходимости замены Ивана Грозного Владимиром Старицким: «Стали уклоняться князю Володимеру Андреевичу». Царь решил расправиться с этим возможным претендентом на московский престол. Еще одно обстоятельство нужно учитывать, говоря о завершающем эпизоде жизни старицкого князя. 6 сентября 1569 г. скончалась вторая жена Ивана Грозного — Мария Темрюковна³. С ее смертью могла быть как-то связана гибель князя Владимира⁴. Ведь еще в

¹ В Александровой слободе он был 27 октября 1568 г., в начале февраля — 24 февраля, 1 марта и 15 мая 1569 г. 22—25 мая 1569 г. он был в Кириллове монастыре, затем отправился на Вологду, где мы застаем его во всяком случае с 12 июня по 7 августа. По Пискаревскому летописцу, царь поехал на Вологду, отправив князя Владимира в Нижний. Некоторое время, до 10 сентября, царь был в Слободе, 9 октября, когда погиб князь Владимир, царь был на Богане (ям у Слободы). В Слободе он был 27 ноября и в начале декабря 1569 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 570, 579, 587, 598, 603, 604, 610, 612; т. 129, стр. 177; *П. Садиков*, Из истории опричнины.— «Исторический архив», 1940, т. III, № 37; *М. Н. Тихомиров*, Малоизвестные летописные памятники.— «Исторический архив», т. VII, 1951, стр. 224; «Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, № 160; «Пискаревский летописец», стр. 78; «Записки Отделения русской и славянской археологии Археологического общества», т. I, СПб., 1851, отд. 3, стр. 88—89). В одном летописце под 1569/70 г. говорится, что «государь тогда жил в своем селе в слободе Александровской» (*М. Н. Тихомиров*, Малоизвестные летописные памятники XVI в.— «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 92).

² В Москве царь был 18—22 февраля (может быть, если верить сведениям жалованных грамот, 7—8 и 16 марта), приезжал в Москву 20 марта (оставаясь в ней до 10 апреля), 5 мая, затем снова приехал 10 сентября и пробыл здесь во всяком случае до 26 сентября (*С. М. Середонин*, Указ. соч., стр. 94—95; «Синбирский сборник», стр. 24; Э, л. 350—351 об.; *П. Садиков*, Указ. соч., № 33—36; «Сборник РИО», т. 71, стр. 578, 579, 598, 612, 615). От имени Ивана IV составлена грамота «на Москве» 11 ноября 1569 г. (*В. Г. Добронравов*, История Троицкого Данилова монастыря., приложение, стр. 32, № 14).

³ *В. Б. Гиришберг*, Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв.— «Нумизматика и эпиграфика», вып. I, М., 1960, стр. 58.

⁴ *О. А. Яковлева*, Примечания к Пискаревскому летописцу, стр. 161.

1560 г. царь Иван обвинял в отравлении Анастасии Романовой Адашева и Сильвестра. Подобные обвинения могли царем высказываться и в связи со смертью царицы Марии, которую ненавидели в княжеско-боярской среде¹.

Как мы помним, князя Владимира послали в Нижний Новгород, где он должен был номинально возглавлять русские войска, направленные против турок². По пути он остановился в Костроме, где жители устроили ему торжественную встречу (костромичи особенно были раздражены опричными репрессиями и давно уже проявляли недовольство)³. После отступления турок от Астрахани, т. е. после 26 сентября, царь приказал схватить Владимира Андреевича и доставить в Слободу. Князь Владимир прибыл на Боганский ям (у Слободы)⁴. Здесь царь обвинил своего двоюродного брата в покушении на его жизнь и заставил выпить яд⁵. Так 9 октября 1569 г. погиб последний старицкий князь вместе с женою и младшей

¹ По некоторым сведениям, царь «тогда же опоил царицу Марью Черкаскову», когда отравил и Владимира Старицкого («Пискаревский летописец», стр. 78, 79). В Соборном приговоре 1572 г. говорится, что Мария «вражим злокозньством отравлена бысть» (ААЭ, т. I, № 284, стр. 329). В исторических песнях отравление Марии связывается с тем, что она сама хотела умертвить Ивана IV (*С. Шамбинаго*, Песни времени царя Ивана Грозного, Сергиев-Посад, 1914, стр. 56—57). Горсей пишет, что «Иоанн развелся с своей женой черкешенкой, постриг ее в монахини, отправил в монастырь» («Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея», стр. 26). Сведения, впрочем, весьма сомнительное.

² Позднее заподозренных в сочувствии князю Владимиру нижегородцев мы находим в царских синодиках («Тетрадь, а в ней имена писаны опальных при царе и великом князе Иоанне Васильевиче, всеа России». — «Чтения ОИДР», 1859, кн. III, отд. V, стр. 94, 95).

³ *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 45.

⁴ «Archivum Sanguszków», t. VII, N CCLXXXV.

⁵ *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 46—47. Об убийстве Владимира Старицкого см. также РИБ, т. XXXI, стб. 285—286; «Прибалтийский сборник», т. III, 1880, стр. 185; «Временник Ивана Тимофеева», стр. 23; *Р. Гейденштейн*, Записки о Московской войне (1578—1582), стр. 26; «Путешествие в Россию датского посланника Иакова Ульфельда в 1575 г.» — «Чтения ОИДР», 1883, кн. I, отд. III, стр. 13; *P. Oderborn*, Script. Ext., t. II, p. 232—233.

Приписки к Царственной книге XVI в.
Государственный Исторический музей.

дочерью¹. 20 октября была задушена и его мать². Сын князя Владимира Василий прожил еще несколько лет, а старшая дочь Мария в 1573 г. была выдана замуж за датского герцога Магнуса.

Вероятно, в связи с казнью Владимира Андреевича погиб боярин И. И. Турунтай-Пронский, один из виднейших военачальников и деятелей Боярской думы (боярин с февраля 1547 г.)³. Пронский давно вызывал к себе напряженное отношение Ивана IV: в 1547 г. он пытался бежать за рубеж, а в 1553 г. поддерживал кандидатуру Владимира Старицкого. Князь Иван Турунтай был к тому же близким родственником В. Ф. Рыбина-Пронского, инициатора выступления 1566 г. против опричнины.

Гибель князя Владимира означала завершение длительной агонии последнего сколько-нибудь значительного удельного властителя на Руси.

Стремясь задним числом обосновать государственную необходимость казни Владимира Старицкого, царь отдает распоряжение внести в официальную летопись новый

¹ В. Б. Гиршберг, Указ. соч., стр. 59; «Записки Отделения русской и славянской археологии Археологического общества», т. I, отд. 3, стр. 58. По кормовой книге Спасского Ярославского монастыря, Владимир Старицкий умер 12 октября («Исторические акты Ярославского Спасского монастыря». Дополнение. Книга кормовая, стр. 3). По Новгородской летописи, князь Владимир погиб 6 января 1569 г., причем «мнози по нем людие восплакашася» (М. Н. Тихомиров, Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы, М., 1962, стр. 159); по Штадену — после возвращения Ивана IV из Новгорода (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 91). В других летописях об этом сообщается под 7078 г. (М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники XVI в. — «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 92; М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники. — «Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 224, 225). О том, что князь Владимир был казнен «с княгинею и со дщерью», сообщают синодики («Чтения ОИДР», 1859, кн. III, стр. 95).

² В. Б. Гиршберг, Указ. соч., стр. 60; «А мать князе Володимерова, княгиня Евдокея, жила в Горах на Белоозере в девичье монастыре у Воскресения. И он послал по нее, а велел ей привести к Москве, да на дороге велел ея уморити в судне в избе (В. Б. Кобрин читает: в Судной избе. — А. З.) в дыму» («Пискаревский летописец», стр. 78).

³ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 41; РИБ, т. XXXI, стб. 285; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 431. Жена И. И. Турунтай-Пронского умерла 20 октября 1570 г. (В. Б. Гиршберг, Указ. соч., стр. 37).

рассказ о мартовских событиях 1553 г., когда началась «вражда велия государю с князем Владимиром Ондреевичем, а в боярех смута и мятеж, а царству почела быти в всем скудость»¹. Причиной этой смуты объявляются претензии князя Владимира на московский престол и поддержка его некоторыми крамольными боярами. Неудачный претендент на московский престол теперь в летописи именуется не «братом» царя (как в более ранних летописях), а просто «князем»². Среди тех, кто горячо поддерживал царя Ивана в 1553 г., летописец выделяет Захарьиных-Юрьевых, И. Ф. Мстиславского, В. И. Воротынского, И. М. Висковатого, Л. А. Салтыкова. В 1569 — начале 1570 г. или они сами, или их родичи принадлежали к ближайшему окружению царя.

Как в 1537 г. ликвидация Старицкого удела повлекла за собою репрессии против новгородских сторонников князя Андрея Ивановича, так в 1569 г. вслед за гибелью его сына Владимира Иван IV обрушил свой гнев на Великий Новгород. Новгородцам, судя по статейному списку о изменном деле, предъявлялись обвинения в том, что они хотели «Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси хотели злым умышленьем извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича»³. Официальная версия проникла и на страницы летописных произведений. Так, один из летописцев писал, что царь «громил новгородцев и пскович за измену великую, что новгородцы и псковичи хотели здати Новыград и Псков с пригородки своими королю литовскому о московском великом моровом поветрии»⁴. То же самое на разные лады

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 526. О датировке вставок см. главу I.

² На это впервые обратил внимание А. Е. Пресняков *А. Е. Пресняков, Царственная книга, ее состав и происхождение*, СПб., 1893, стр. 20).

³ ДидГ, стр. 480. Русские послы в Польше должны были на вопрос о причинах казни новгородцев заявлять: «О котором есте лихом деле з государьскими изменники лазучеством ссылались, и бог тое измену государю нашему объявил» («Сборник РИО», т. 71, стр. 777).

⁴ ГПБ, FIV, № 228, л. 69 об.; *М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники XVI в.—«Исторические записки»*, кн. VII, 1951, стр. 89. В повести о приходе царя в Новгород

повторяли и иностранцы¹. В народной песне об Иване Грозном поход на Новгород также связывался с изменой. Царь якобы говорил: «Повывел и измену с каменной Москвы, уже я выведу измену из Нова-города»².

В Новгороде сохранилось предание, что новгородский поход был вызван доносом царю Петра Волинца, который «на весь град сердясь и то отмстить хочаши, диавольским советом ложно челобитную от всего Великаго Новграда (тайно сложив) о предании полскому королю, в которой всех новгородцев желание со всем уездом королю оному поддаться, написал»³. Тот же мотив встречается и в одном из вариантов песни о Грозном и сыне: некий волшебник подбросил Ивану IV письмо, в котором говорилось, что «Новгород отказывается прочь от его... Царь рассердился и стал казнить людей занапрасно»⁴.

Эту версию В. Б. Кобрин сопоставляет с глухой записью описи Царского архива. Здесь упомянута некая

поход объясняется наветом «о предании града инопленником» («Новгородские летописи», стр. 394. Ср. стр. 398).

¹ Таубе и Крузе писали, что царь 20 января 1569 г. (месяц назван ошибочно, надо, очевидно, 20 декабря) вызвал к себе в Александрову слободу всех опричников и сообщил им «будто бы город Новгород и все епископы, монастыри и население решили предаться его королевскому величеству королю польскому» (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 47). Ульфельд сообщал, что Иван IV думал, будто новгородцы «с убитым его братом согласились и о погублении его умышляли» («Путешествие в Россию датского посланника Иакова Ульфельда в 1575 г.» — «Чтения ОИДР», 1883, кн. II, отд. III, стр. 24). По Горсею, Иван IV разгневался на Псков и Нарву из-за того, «что эти два города с Новгородом составили заговор убить его и действовали заодно с неприятелем» («Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея», стр. 24). Джерио пишет о том, что поход на Новгород был вызван тем, что царь открыл изменническую переписку новгородцев («Historia Russiae monumenta», t. I, N CLIX, str. 214). Члены польского посольства в Москве (1570 г.) также говорили, что новгородский погром мотивировался в русских кругах заговором новгородцев с Владимиром Старицким (Е. Ф. Шмурло, Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. II, вып. 2, стр. 245); о том, что царь новгородцев «подозревал в расположении к брату», писал Гейденштейн (Р. Гейденштейн, Указ. соч., стр. 26).

² «Исторические песни XIII—XVI веков», М.—Л., 1960, № 206.

³ «Новгородские летописи», стр. 468.

⁴ «Исторические песни XIII—XVI веков», № 228.

«челобитная безымянная, подали ее в Челобитную избу на Петрово имя Волынского, что будто Петр слышал у Федора у Новосильского про государя непригожие речи». Эту челобитную «взял» к царю дьяк В. Щелкалов в ноябре 1569 г., т. е. как раз накануне новгородского похода¹.

Новгород уже давно как бы находился под подозрением у царя Ивана. Еще в 1568 г. в Вологде начали строить Софийский собор. Люди вологодско-пермского епископа получили название софиян. Строительство продолжалось два года и не было завершено². Опричная Вологда должна была явиться как бы противовесом земскому Новгороду с его софийским архиепископским домом³. Возможно, именно в это время к вологодской епископии передаются опричные Двина, Вага и Каргополь, до того находившиеся в ведении новгородского архиепископа⁴. Около того же 1568 г. по распоряжению царя в Синодальный список к летописному тексту о выступлении в 1542 г. Шуйских против И. Ф. Бельского приписано, что их поддерживали «ноугородцы... городом»⁵. Весною 1569 г. царь «свел» в Москву полтораста семей новгородцев и пятьсот семей псковичей⁶.

Карательная экспедиция на Новгород, которую должны были осуществить опричные полки, готовилась тщательно и в полной тайне. Штаден говорит, что «все города, большие дороги и монастыри от слободы до Лифляндии были заняты опричными заставами»⁷. Вероятно, уже к 30 декабря 1569 г. Иван IV с пятнадцати-

¹ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 37. Петр Иванович Волынский в марте — апреле 1570 г. был приставом при литовских посллах («Сборник РИО», т. 71, стр. 626—638). Волынские еще в 1569 г., владели поместьями в Новгороде (*Д. Самюквасов*, Архивный материал, т. II, ч. 2, 1909, стр. 49). См. также рецензию В. Б. Кобрива на кн.: «Описи Царского архива XVI века...» — «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 146.

² «Вологодский летописец», стр. 23—24; *И. Суворов*, Описание вологодского кафедрального собора, М., 1863, стр. 4.

³ Ср. *М. Н. Тихомиров*, Россия в XVI столетии, стр. 245.

⁴ ААЭ, т. III, № 123, стр. 170. Этот переход, возможно, связан с «Басаргиным правеем» на Двине в 1568 г. (*П. А. Садиков*, Очерки по истории опричнины, стр. 199).

⁵ ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 141.

⁶ «Новгородские летописи», стр. 129.

⁷ *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 89; *А. Шмидтинг*, Указ. соч., стр. 28.

тысячным отрядом прибыл в Клин, где учинена была дикая расправа¹. Среди жертв было 470 торговых людей, которые прибыли туда, направляясь по распоряжению царя из Переяславля. Та же картина повторилась и в Торжке, Твери и Вышнем Волочке. В Торжке были убиты содержавшиеся в темнице пленные немцы, поляки и татары. Одновременно с этим в монастырях и церквах царь реквизировал деньги и ценности².

Беспощадное истребление тверичей, совершившееся в течение пяти дней, произвело огромное впечатление на современников. Назывались фантастические цифры жертв: от 60 тысяч³ до 90 тысяч⁴ человек. По более правдоподобным сведениям, в Твери погибло «несколько тысяч людей»⁵. Возможно, тверской разгром послужил поводом к созданию песни о Щелкане.

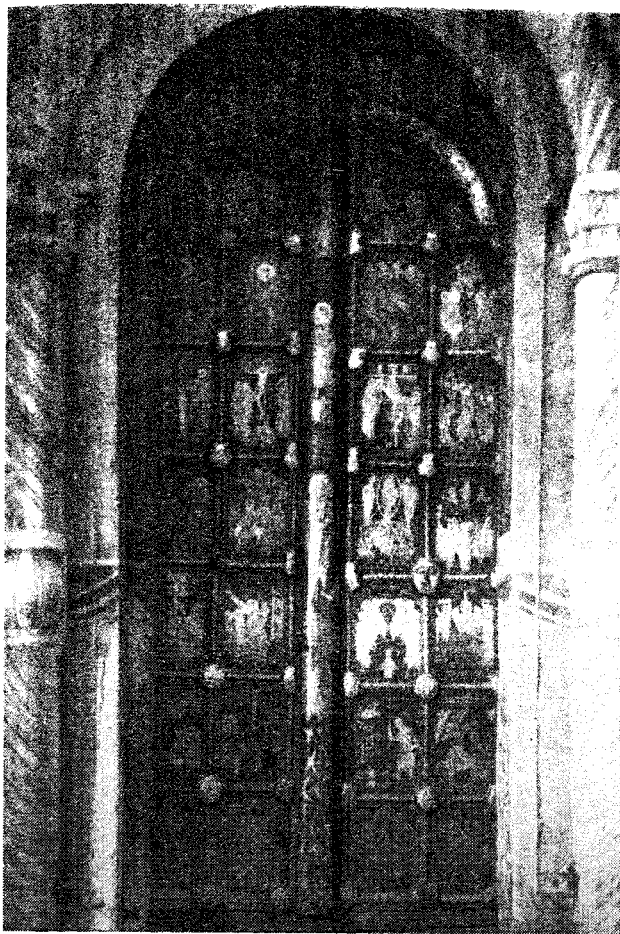
¹ Таубе и Крузе называют дату «30 числа того же месяца» (*И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 48). Полагаем, что и в данном случае речь идет о декабре. В шведских посольских делах при сообщении о посылке 10 декабря грамоты к царю из Новгорода прибавлено: «А в то время пошел царь и великий князь в свою отчину в Великий Новгород» («Сборник РИО», т. 129, стр. 177).

² «Новгородские летописи», стр. 339; *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 48—49. Кровавые следы царского похода сохранились в синодике Ивана IV: «В Торжку сожжен Невзор Лягин» (*А. А. Титов*, Синодик XVII века Переславского Никитского монастыря, стр. 17); «В Клине каменщика Иоанна. На Медне пскович с женами и с детьми ста и девяностыи человек» («Тетрадь, а в ней имена писаны опальных...» — «Чтения ОИДР», 1859, кн. III, отд. V, стр. 95).

³ «Сборник материалов по русской истории начала XVII в.», СПб., 1896, стр. 35—36.

⁴ *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 49. Впрочем, в брошюре некоего Гоффа (1582 г.), положившего в основу своего произведения послание Таубе и Крузе, цифра более реальная — 9 тысяч человек (*А. Браудо*, Послание Таубе и Крузе к герцогу Кетлеру, ЖМНП., 1890, № 10, стр. 395).

⁵ «Прибалтийский сборник», кн. III, 1880, стр. 185. В 1575 г. датский посланник Яков Ульфельд во время своей поездки по дороге из Новгорода в Торжок и Тверь мог наблюдать, что «по всей той дороге все почти деревни московский князь разорил, так и по другой стороне Новгорода» («Путешествие в Россию датского посланника Иакова Ульфельда в 1575 г.» — «Чтения ОИДР», 1883, кн. II, отд. III, стр. 24; ср. кн. I, отд. III, стр. 13). В одном из летописцев рассказывается, что царь во Твери «многи люди поби, чрез Волгу ряду в два и в три» (ГПБ, собрание Погодина, № 1953, л. 119. Сообщил В. Д. Пазаров).

Васильевские двери 1336 г., вывезенные в 1570 г.
из Новгорода в Александрову слободу. Фото.

М. Н. Тихомиров справедливо пишет, что этот разгром «не был только царской прихотью, но вызывался определенными политическими целями: борьбой против остатков феодальной раздробленности», которые долго сохранялись в Твери¹.

По дороге («идучи во Тверь») царь отдал распоряжение Малюте Скуратову справиться с опальным митрополитом Филиппом, который и был задушен в Тверском Отроче монастыре 23 декабря.

Передовой полк во главе с Василием Григорьевичем Зюзиным достиг Новгорода 2 января². Опричные воеводы «около Великаго Новаграда учиниша великия сторожы и крепкия заставы... Кабы ни един человек из града не убежал»³. Главой новгородских заговорщиков царь считал архиепископа Пимена. Поэтому прежде всего репрессиям подверглось новгородское духовенство. По царскому повелению опричные дети боярские разъехались по окрестным монастырям, конфисковали их богатства и поставили на правеж до 500 старцев. Такая же участь постигла и торговых людей Новгорода. Ничем не прикрытый грабеж новгородского населения должен был поправить сильно пошатнувшиеся государственные финансы.

6 января в город приехал сам Иван Грозный с основными войсками и отрядом в 1500 стрельцов⁴. Среди его приближенных были боярин Л. А. Салтыков и окольничий В. И. Умный-Колычев⁵. Подробно обстоятельства разгрома Новгорода изложены в Повести о приходе царя

¹ М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, стр. 183.

² «Новгородские летописи», стр. 395. В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного. — «Археологический ежегодник за 1959 год», стр. 39; В Псковской летописи говорится: «Декабря в 27 день (в другом списке — 26) оклеветаша злые люди Великий Новгород и Псков царю... будто ся хотят отложитися Литве; и прииде с великою яростию в Великий Новгород» (Пл, вып. I, стр. 115).

³ «Новгородские летописи», стр. 395.

⁴ Там же, стр. 339. По явно преувеличенным данным Горсея, в Новгород было введено 30 тысяч татар и 10 тысяч стрельцов («Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея», стр. 25).

⁵ «Новгородские летописи», стр. 341; «Русский исторический сборник», под ред. Погодина, т. V, М., 1842, стр. 297.

Ивана IV в Новгород, составленной в новгородской клерикальной среде.

Царь распорядился схватить архиепископа Пимена, который якобы хотел «Великий Новъград предати ино-племенником, королю Полскому». Начались пытки и казни¹. Автор Повести о приходе царя Ивана в Новгород сообщает, что ежедневно в течение пяти недель топили в Волхове по 1000—1500 человек. «А тот убо день благодарен, коего дни въвергут в воду пятьсот или шестьсот человек». Если же кто пытался спастись из воды, то опричники «прихватывая багры, людей копии и рогатыни прободающе и топоры секуще, и во глубину без милости погружаху, предающе горцей смерти»². Опричники совершали также карательные рейды по новгородским окрестностям в радиусе 200—300 км, захватывая помещичье, монастырское и крестьянское имущество, сжигая хлеб, убивая людей, уничтожая скот³. Многие тысячи людей были обречены на голодную смерть.

13 февраля царь покинул многострадальный город, погрузив на возы награбленное имущество, захватив с собою «достальных новгородцев опалных людей», которые позднее частью были казнены, а частью отправлены «по иным градом»⁴. Архиепископ Пимен был сослан в Вене-

¹ Среди жертв новгородского разгрома Курбский называет Андрея Тулупова и Неудачу Цыплятева (РИБ, т. XXXI, стб. 319). Тысячника Шелонской пятинны Андрея Васильевича Тулупова с семьей и владычного дворецкого Никиту Неудачина Цыплятева с другими родичами (Монастыревыми) мы находим и в синодиках Ивана Грозного (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 413—414, 458). О гибели в Новгороде известных гостей Федора и Алексея Дмитриевичей Сырковых сообщает Шлихтинг и синодики (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 30—31; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 451—452). Федор Сырков был в 1551—1556 гг. новгородским дьяком, поэтому Шлихтинг его называет «главным новгородским секретарем». В синодиках мы находим также множество других новгородцев, детей боярских, дьяков, подьячих, ремесленников и торговых людей.

² «Новгородские летописи», стр. 342—343.

³ «Новгородские летописи», стр. 343—344; «Прибалтийский сборник», кн. III, стр. 185; И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 50. Подробнее об этом см. главу X.

⁴ «Новгородские летописи», стр. 345. По Таубе и Крузе, Грозный пробыл в Новгороде шесть недель (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 50); по Шлихтингу — «поход продолжался почти семь недель» (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 28).

ский монастырь, где вскоре и умер¹. О баснословном обогащении опричных участников новгородского разгрома можно судить по запискам Штадена. «Когда я выехал с великим князем, — рассказывает этот опричный авантюрист, — у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ью, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра»².

В народной памяти новгородский поход запечатлелся навеки как страшное время произвола и насилия, когда царь Иван Грозный, как лютый зверь, «всех сек, и колол, и на кол сажил». Город был опустошен: «коею улицею ехал Грозный царь Иван Васильевич, тут кура не поет»³.

Число новгородцев, погибших во время похода 1570 г., определить трудно. Источники в данном случае дают очень разнородные цифры. Наиболее баснословную цифру называет Горсей, говорящий о 700 тысячах погибших мужчин и женщин⁴.

Псковский летописец называет 60 тысяч «мужей и жен и детей», которых царь Иван «в великую реку Волхов вмета, яко и реки запрудитися»⁵. Таубе и Крузе считают, что одних «именитых людей» в Новгороде погибло 12 тысяч да более 15 тысяч простого люда⁶. Но только в одной «скудельнице» (могиле) находилось 10 тысяч убитых⁷. По свидетельству Джерио, в Новгороде погибло всего 18 тысяч человек⁸. Однако Курбский считает, что всего лишь в один день царь перебил 15 тысяч, не считая жен и детей⁹. По Шлихтингу, в Новгороде погибло «2770 из более знатных и богатых, не считая лиц низко-

¹ Умер он 24 (25) сентября 1571 г. (*М. Н. Тихомиров*, Малоизвестные летописные памятники.— «Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 226; «Новгородские летописи», стр. 107).

² *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 145.

³ «Исторические песни XIII—XVI веков», № 206, 215, 218 и др. «Которыми мы с тобою улицами ехали, секли-рубилы до единого» (там же, № 205). Подробнее см. *В. К. Соколова*, Русские исторические песни XVI—XVIII вв., М., 1960, стр. 48—50.

⁴ «Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея», стр. 25.

⁵ ПЛ, вып. I, стр. 115.

⁶ *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 50.

⁷ «Новгородские летописи», стр. 101.

⁸ «Historia Russiae Monumenta», t. I, N CLIX, str. 214.

⁹ РИВ, т. XXXI, стб. 319.

поставленных и беспредельного количества черни, которую он (т. е. царь.— А. З.) уничтожил всю до полного истребления»¹. Новгородское предание называет ту же цифру (2770 человек), но как число убитых по приказанию царя только в первый день после его приезда². Во время только одной «малютинские ноугородские посылки» убито было 1505 человек³.

Противоречивы не только показания источников о размерах избиения новгородцев, но и выводы ученых по этому вопросу. Основываясь на сведениях Повести о приходе царя Ивана в Новгород, А. Г. Ильинский высчитал, что в Новгороде погибло не менее 40 тысяч человек⁴. П. Л. Гусев также падение Новгорода связывает с репрессиями Ивана Грозного⁵. Обоим этим исследователям возражает А. М. Гневушев, считавший, что «опала и казни Грозного обрушились главным образом на духовенство»⁶. Он ссылается на данные писцовых книг, где 7078 год не выделяется ничем среди других дат заступления новгородских дворов⁷. Но при этом автор не учитывает очень важного обстоятельства, а именно что после разгрома 1570 г. по распоряжению Грозного в Новгороде были поселены многие жители других городов и деревень, конечно, во дворах старых новгородцев. Во время

¹ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 29.

² «Новгородские летописи», стр. 469. Возможно, источником такого удивительного совпадения был Гваньини, известный на Руси уже с XVII в.

³ «Тетрадь, а в ней имена писаны опальных...» — «Чтения ОИДР», 1859, кн. III, отд. V, стр. 94.

⁴ А. Г. Ильинский, Городское население Новгородской области в XVI в.— «Историческое обозрение», т. IX, СПб., 1897, стр. 37.

⁵ П. Л. Гусев, Писцовая книга Великого Новгорода 1583—1584 гг.— «Вестник археологии и истории», вып. XVII, СПб., 1906, отд. II, стр. 128.

⁶ А. М. Гневушев, Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в.— «Сборник новгородского общества любителей древности», вып. 6, Новгород, 1912, стр. 18.

⁷ См. там же, стр. 31. К сходным выводам на основании тех же писцовых книг пришел и О. Ф. Терешкевич в статье «Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в.»— «Юбилейный сборник статей историко-этнографического кружка при университете св. Владимира», Киев, 1914, стр. 184, 206.

мора 1571 г. и в последующие годы гибли не только коренные новгородцы, но и эти переселенцы.

Горсей пишет, что Грозный приказал «своим ратным начальникам и офицерам тащить силою из городов и деревень на расстоянии пятидесяти миль кругом народ всякого звания... на поселение в обширный и разоренный Новгород». Однако «многие из них умирали от моровой язвы»¹. Из этого явствует, что сведения писцовых книг 1583 г. недостаточны для определения степени разоренности Новгорода после похода 1570 г. Впрочем, даже в них мы находим следы переселений из других городов — жителями Новгорода были многие «московские веденцы» (сведенцы)², «тверитин»³, полоцкий сведенец⁴ и т. п.

Для Новгорода 40-х годов XVI в. А. П. Пронштейн дает цифру 25 тысяч жителей. Эта цифра минимальная. К 60-м годам XVI в., конечно, новгородское население насчитывало более 30 тысяч человек. Но в таком случае вывод А. Г. Ильинского о гибели 40 тысяч жителей Новгорода и его окрестностей не будет казаться чрезмерным преувеличением.

После разгрома «новгородских крамольников» царь Иван послал карательную экспедицию в Нарву и Ивангород⁵, а сам направился в Псков⁶. Псковичи во главе с заместником Юрием Токмаковым встречали Грозного хлебом и солью. Это несколько смягчило суровый нрав царя. Впрочем, казней псковичам избежать не удалось. Во Пскове погибли игумен Псковского Печерского монастыря Корнилий и келарь (вероятно, упоминающийся в синодиках Вассиан Муромцев)⁷. Игумен Корнилий давно

¹ «Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея», стр. 26.

² «Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г.», М., 1930, стр. 21, 79, 144, 145 и др.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 149.

⁵ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 31; «Прибалтийский сборник», кн. III, 1880, стр. 185—186; РИБ, т. XXXI, стб. 321.

⁶ По Псковскому летописцу, Иван IV был в Пскове «в великой пост на первой недели», т. е. между 6 и 13 февраля (ПД, вып. I, стр. 115), что противоречит Новгородской летописи, согласно которой царь покинул Новгород около 13 февраля.

⁷ «Пискаревский летописец», стр. 79; РИБ, т. XXXI, стб. 320—321; А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 32; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 400, 417—418. В одном из летописцев смерть Корни-

уже был известен антмосковскими настроениями, а с Вассианом Муромцевым находился в переписке злейший враг царя Ивана князь Андрей Курбский. Дальнейшие казни, как рассказывают современники, прекратил непредвиденный случай. Псковский юродивый Никола якобы пришел к Ивану IV и сказал: «Ивашка, Ивашка, до каких пор будешь ты без вины проливать христианскую кровь. Подумай об этом и уйди в эту же минуту или тебя постигнет большое несчастье»¹. Мнительный царь тотчас покинул Псков, направившись в Слободу². Дело, конечно, было не столько в юродивом Николе, сколько в том, что Псков русское правительство обычно рассматривало своим союзником в борьбе с новгородскими крамольниками. Не случайно именно во Псковской земле жил такой сторонник самодержавия, как создатель теории «Москва — третий Рим» старец Филофей.

Новгородский поход завершился успешным возвращением царя в Александрову слободу.

Заключительным аккордом новгородской эпопеи явилось взятие в опричнину в 1571 г. двух пятин Новгородской земли (Бежецкой и Обонежской) и Торговой стороны самого города и вывод новгородских помещиков из этих пятин. Одновременно в 1570/71 г. из ведомства

лия датирована 20 февраля 1570 г. (*Н. М. Карамзин*, История государства Российского, т. IX, примечание 485). В синодике упомянуты также 190 человек «на Медни пскович з женами и з детьми...» и еще 30 псковичей («Сказания князя Курбского», изд. 3, 1868, стр. 383).

¹ *И. Таубе* и *Э. Крузе*. Указ. соч., стр. 50.

² Псковский летописец излагает примерно ту же версию: «Блаженный же, поучив его много ужасными словесы, еже престаи от велия кровопролития и не дерзнути еже грабити святых божия церкви; царь же преже сия глаголы нивочто же вменив, повеле у святых Троица колокол сняти, того же часа паде конь его лутчи по пророчеству святого, и поведаша сия царю; он же ужасен вскоре бежа из града. И повеле грабити имение у граждан, кроме церковного причту, и стоял на посаде немного и отъиде к Москве» (ПЛ, вып. I, стр. 116). Ту же версию о гибели царского коня сообщает и автор Пискаревского летописца («Пискаревский летописец», стр. 79). О Николе пишут также Штаден, Флетчер и Горсей (*Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 91; «Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея», стр. 24—25; *Д. Флетчер*, О государстве Русском, стр. 101—102). Знают его и народные легенды (*П. И. Якушкин*, Сочинения, СПб., 1884, стр. 243).

новгородского архиепископа к Вологодской епархии причислили находившиеся в опричнине Двину, Каргополь, Турчасов, Вагу с уездами¹. Судя по таможенной грамоте 1571 г., в это же время ликвидированы были податные привилегии сурожан — привилегированной группы новгородских торговых людей². 100 семей «веденых гостей» (т. е. сурожан) переселили из Новгорода в Москву³. Так фактически прекратила существование в Новгороде когда-то мощная купеческая корпорация.

В чем же причины и каково историческое значение этой кровавой экспедиции Ивана IV? В исторической литературе удовлетворительного ответа на этот вопрос, к сожалению, мы не найдем. Одни историки осуждали царя за бессмысленное уничтожение тысяч и тысяч ни в чем неповинных людей и объясняли все дело свойственной Ивану IV манией преследования или его кровожадным нравом; другие оправдывали поход 1570 г. как необходимое мероприятие в борьбе с боярской изменой⁴. И то и другое объяснения далеки от действительного положения вещей. Сейчас трудно установить, пытались ли новгородцы войти в какие-либо предательские сношения с Литвой. Ясных сведений на этот счет не сохранилось. Скорее всего, это было вымышленным предлогом.

Гибель многих тысяч новгородских крестьян и ремесленников, конечно, ничем не может быть оправдана. Таковы были варварская сущность феодального строя и разбойный характер власти феодальных правителей. И в этом отношении Россия не была исключением. Многими тысячами гибли горожане и крестьяне во Франции в период религиозных войн. То же самое происходило и в других странах. Конечно, на характер новгородского похода наложила печать и личность его инициатора — царя Ивана IV. Мстительный и кровожадный правитель без всякой нужды залил кровью безвинных людей новгородские улицы и севернорусские деревни. Бессмысленность тех форм, в кото-

¹ ААЭ, т. III, СПб., 1836, № 123, стр. 170.

² ААЭ, т. I, № 282, стр. 325; на этот факт наше внимание обратил Б. Н. Флора.

³ «Новгородские летописи», стр. 110—111. Подробнее см. В. Е. Сыроечковский, Гости-сурожане, стр. 113—118.

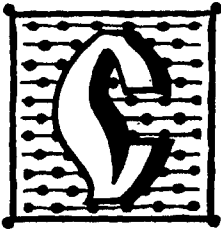
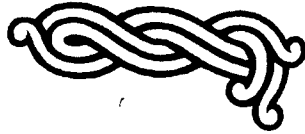
⁴ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 33—34.

рые вылилась завершающая страница борьбы Москвы с Новгородом, совершенно очевидна.

Но тем не менее нельзя не признать тот факт, что ликвидация обособленности и экономического могущества Новгорода являлась необходимым условием завершения борьбы с политической раздробленностью страны. В своей интересной книге о России в XVI в. М. Н. Тихомиров верно подметил, что, «игнорируя сведения об особой новгородской старине и вольностях XVI в., историки не могут объяснить крайнюю свирепость Ивана Грозного по отношению к новгородцам в 1570 г.»¹. Для Ивана IV Новгород представлял опасность и как крупный феодальный центр, и как союзник старицкого князя, и как потенциальный сторонник Литвы, и как крупнейшая цитадель сильной воинствующей церкви. Не доверял он и новгородскому дворянству (из его состава ни один не вошел в состав опричнины). Именно поэтому столь сокрушительным был удар, нанесенный царем в 1570 г. по новгородским землям. Этот удар по своей форме напоминал новгородские походы деда Ивана Грозного Ивана III, но его сущность и последствия были уже отличными. Новгород после погрома 1570 г. превращался из соперника Москвы в рядовой город Русского централизованного государства, всецело подчиненный московской администрации.

¹ М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, стр. 281.

Глава VII
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ
ОПРИЧНИНЫ

оздавая в 1565 г. государев удел, Иван Грозный назвал его «опришнию». Слово «опричина» к середине XVI в. уже редко употреблялось в деловом языке. Происходило оно от предлога «опричь», т. е. кроме. Поэтому Андрей Курбский и называет опричников «кромешниками», намекая одновременно на тьму кромешную и на ее неперемennого спутника — нечистую силу¹. В XIV—XV вв. словом «опришня» обозначали «особую», «обособленную» часть целого. «Опричными» назывались «сторонние» люди, не находившиеся под юрисдикцией феодала или государственного чиновника².

В более узком смысле «опришнию» в XIV—XV вв. называли особое владение князя, отличное от великого княжения. Понятие «оприщина» для XVI в., может быть даже в большей степени, чем «удел», было уже архаич-

¹ РИБ, т. XXXI, стб. 283, 369.

² В августе 1564 г., т. е. накануне опричнины, указывалось, чтобы «опричные товарные люди с товары с митрополичим запасом беспошлинно не проезжали» (АФЗиХ, ч. III, дополнения, № 2, стр. 362). Ср. Каргопольскую таможенную грамоту 1554—1555 г.: «А таможенником иным опричным людям, оприч тех таможинов, не имати» (А. А. Зимин, К изучению таможенной реформы середины XVI в.—«Исторический архив», 1961, № 6, стр. 133).

ным. Но, очерчивая в 1565 г. контуры своего особого владения, Грозный предпочел его назвать не уделом, а опричниною¹. Это, впрочем, понятно: уж слишком одиозным было понятие «удела» во второй половине XVI в. Используя для своей реформы старые удельные образцы, Иван IV все же стремился выбрать из них те, которые давали больший простор для осуществления намеченных им мероприятий, наносивших решительный удар по старине. И все же сама сущность преобразований противоречила формам, в которые они облекались. В этом заключалась одна из причин неуспеха опричнины.

В исторической литературе (нередко у одного и того же автора) термином «опричнина» называют разнообразные явления.

Наиболее правильным, пожалуй, будет употреблять термин «опричнина» в двух смыслах: в узком — для обозначения государева удела — двора в 1565—1572 гг. и в широком — как политику московского правительства в эти годы, направленную на ликвидацию в России пережитков политической раздробленности².

* *
*

Январский указ 1565 г., вводя в стране опричные порядки, предусматривал переход на царский «обиход» целого ряда земель, которые должны были образовать государев удел³. Наиболее обстоятельный анализ первоначального состава этого удела принадлежит С. Б. Веселовскому⁴. Он выделил три категории земель, вошедших в опричнину уже в 1565 г. Это, во-первых, «владения двор-

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 394—395.

² Подробнее о термине «опричнина» см. *И. И. Полосин, Социально-политическая история России XVI — начала XVII в., М., 1963, стр. 132 и след.; А. А. Зимин, Преобразование центрального государственного аппарата в годы опричнины. — «Исторические науки», 1961, № 4, стр. 115—119.*

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 394—395.

⁴ *С. Б. Веселовский, Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году. — «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 86—90.*

цового хозяйства» — волости Алешня и Хотунь (на реке Лопасне) Московского уезда (первая на границе с Дмитровским, вторая — с Коломенским уездами). Во Владимире царь отписал себе волость Гусь (на юге) и Муромское сельцо, в Переяславле — Аргуновскую волость¹, расположенную неподалеку от опричного центра — Александровой слободы, в Московском уезде — дворцовую волость Гжель (на юго-востоке) и деревни, когда-то принадлежавшие ордынцам².

Государев удел должен был быть обеспечен необходимыми припасами. Поэтому в него взяли Балахну с дворцовыми землями на Узоле, Старую Русу и Тотьму, откуда поступала в казну соль³.

Прекрасные пастбища представляли собой заливные луга на реке Пахре (дворцовая конюшенная Домодедовская волость Московского уезда). Рыба должна была идти с озера Селигер (волость Вселуки)⁴, с Ладожского

¹ Позднее в 70—80-х годах также была дворцовой волостью (В. И. Корещкий, Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю. — «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 21, М., 1959, стр. 202 и след.).

² Эти земли правительство уже в 1550 г. пыталось использовать для поселения тысячников.

³ Позднее неоднократно отписывали к дворцовым волостям отдельные села и деревни опальных владельцев или просто при межевании земель. В Тарусе, например, по челобитью «дворцовых мужиков» отписано «в опришнину» к дворцовым землям поместье Т. Г. Хомякова (Л. М. Сухотин, Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг. — «Чтения ОИДР», 1911, кн. IV, стр. 66). До апреля 1567 г. к дворцовому селу Чаронде Белозерского уезда «в опришнину» приписан ряд деревень Кириллова монастыря (П. А. Садинов, Указ. соч., № 5, 9). До 1569/70 г. царь взял «в свою царскую светлость в опришнину» вотчину Раковых в Углицком уезде (ЛОИИ, собрание Лихачева, опись II, картон 61, № 2. Сообщил В. Д. Назаров).

⁴ В опришнину входила только часть Ржевского уезда. Другая часть была подведомственна земскому Тверскому двору. Н. Р. Юрьев 1 июля 1566 г. выдал, как тверской дворецкий, грамоту на деревню Хлебникову Ржевского уезда (ГБЛ, Собр. Белева, № 131). Поскольку Н. Р. Юрьев в посольских делах именуется тверским наместником, а В. М. Юрьев — ржевским, ясно, что управление частью Ржевского уезда уже к июлю 1566 г. не входило в компетенцию Н. Р. Юрьева. Речь, очевидно, должна идти об опричной части Ржевского уезда.

озера (погост Ладожский порог на реке Волхове)¹ и с Волги (Белгород в Кашинском уезде). Погост Ошта (река Ошта впадает с юга в Онежское озеро) был богат железом².

Взятие в опричнину части новгородских земель кроме чисто экономического имело также стратегическое значение. Ошта, Ладожский погост, Руса и Двина образовывали плацдармы на подступах к Великому Новгороду, решительное столкновение с которым назревало уже в 60-е годы.

Вторую категорию земель, вошедших в опричнину, по С. Б. Веселовскому, составляли северные районы страны с чернососным или дворцовым крестьянским населением. Это поморские волости и уезды — Устюг, Двина, Каргополь, Вага³, Вологда⁴ и Галич, а на Волге — дворцовый Юрьевецкий уезд, Плесская волость и Буйгород⁵.

¹ К нему был присоединен Михайловский погост, земли «помещиковы и своеземцовы и церковные и монастырские отмежеваны в государеву опричнину к Порогу» (*Д. Я. Самоквасов*, Архивный материал, т. II, стр. 363—364, ср. стр. 48—50).

² «История Карелии», т. I, Петрозаводск, 1952, стр. 143.

³ Среди северных земель, не отмеченных в летописи, опричными были и Пинега с Мезенью, а после Басаргина правяжа 1568 г. к ним «примежевали» Варужскую волость, Олему и Малую Немьюшку. В одной из писцовых книг говорится, что князь Григорий Вяземский отмежевал названные волости «к Пинеге и к Мезени... в опричнину» (*М. М. Богословский*, Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, М., 1909, стр. 17). По другим сведениям, Олема вместе с некоторыми другими волостями была отмежевана к Мезени Афанасием Вяземским еще в 1566/67 г. («князь Афанасей Вяземской... отписал повосты Удорский на усть-Вашке, и Карашельское, и Олему, и Пенезку и Кебское присуду Мезенскому на опричнину»). См. «Историко-филологический сборник», вып. IV, стр. 266).

⁴ См. Грамоту от 18 февраля 1566 г. (*П. А. Садиков*, Указ. соч., № 3).

⁵ Последние две волости есть только у Таубе и Крузе (*И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 36). Летописные сведения о взятии Поморья, Соли Вычегодской и других волостей в опричнину подтверждаются их подведомственностью опричной Каргопольской четверти (*П. А. Садиков*, Очерки по истории опричнины, стр. 314 и след.) и свидетельством Таубе и Крузе о Холмогорах (*И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 36). О Галиче говорилось уже выше (см. также *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 36). В изложении указа 1565 г. говорится, что Иван IV взял в опричнину также «круг Клинский». В Клинском

Все эти районы, а прежде всего Двина, уже давно были связаны с государевым дворцом и казною, куда они платили деньги за «наместнич и волостелин доход». Взятие Севера в опричину и преследовало по преимуществу фискальные цели. Впрочем, иногда дворцовые и черные земли шли в опричную раздачу. Так было, например, на Вологде еще до июня 1567 г., где опричник Петр Таптыков получил в поместье ряд черных обнорских земель¹.

Наконец, третью категорию земель составляют районы поместного и вотчинного землевладения — Можайск², Вязьма, Козельск³, Перемышль (два жребия)⁴, Белев⁵, Лихвин, Малый Ярославец, Медынь, Опаков на реке Угре, Суздаль с Шуйей⁶ и Вышгород (в Верее)⁷. Прежде всего и здесь было много дворцовых сел, в которых побывал царь Иван, прежде чем он издал указ о введении опричины. Здесь предполагалось испоместить основную массу

уезде еще в начале XVII в. находились дворцовые волости Копытовская и Сологинская. В. Д. Назаров обнаружил интересную грамоту 1605 г., в которой упоминается о передаче в опричину («что у них взята в опришнину») вотчины детей П. Витовтова в Клинском уезде для раздачи в поместья (ГБЛ, собрание ОИДР, акты № 26/25).

¹ В. В. Кобрин, Из истории земельной политики в годы опричины. — «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 155—156.

² В сентябре 1567 г. Иван IV дал Симонову монастырю жалованную грамоту на села и деревни Можайского уезда, в которой говорилось, что монастырских людей будет судить он сам «или иной боярин, введенный в опришнину» (П. А. Садилов, Из истории опричины. — «Исторический архив», 1940, т. III, № 20, стр. 214).

³ «Наместником козельским» в посольских делах 1566 г. назывался опричник П. В. Зайцев («Сборник РИО», т. 71, стр. 354).

⁴ В грамоте 19 сентября 1566 г. говорилось, что Шаровкина монастырь находился «в Перемышле в опришнине» (П. А. Садилов, Указ, соч., № 7, стр. 193).

⁵ В 1565/66 г. уже ряд сел Шаровкина монастыря был отмежеван «к опришнему городу к Белеву» (там же, стр. 194).

⁶ В правой грамоте 1585 г. говорилось, что «Суздальский уезд был в опричьнине» (АГР, т. I, № 83, стр. 232). В 1566 г. в посольских делах опричник Ф. И. Умный-Колычев назван «наместником суздальским» («Сборник РИО», т. 71, стр. 448).

⁷ В жалованной грамоте Симонову монастырю 18 февраля 1566 г. на село Дикое Вышгородского уезда говорилось, что монастырских людей судит царь или боярин «в опришнине» (П. А. Садилов, Указ, соч., № 2, стр. 183). См. также В. В. Кобрин, Две жалованные грамоты, стр. 309, 320.

Колокольня Успенского монастыря
в Александровской слободе (около 1565 г.). Фото.

опричников, выселив тех землевладельцев, которые по тем или иным причинам не принимались в состав государевых телохранителей: «А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов; и поместья им подавал в тех горо-

дех, с одною, которые города поимал в опришнину; а вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в иных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особно»¹.

Уже давно историкам бросалось в глаза сходство летописной записи о наделении поместьями тысячи опричников с указом 1550 г. об испомещении «избранной тысячи». По мнению С. Ф. Платонова, в 1565 г. Грозный лишь «повторил то, что было сделано им же самим за 15 лет перед тем»². Более осторожно высказал ту же мысль М. В. Довнар-Запольский, писавший, что «основная мысль», руководившая переселением служилых людей в 1550 г., была та же, которая руководила Грозным при устройении им опричнины, но Избранная рада эту идею проводила мягче и осторожнее»³. С. Ф. Платонов и М. В. Довнар-Запольскому резко возражал С. Б. Веселовский, решительно отрицавший какую-либо связь между указом 1550 г. и учреждением опричнины. Однако его отрицание преемственности между проектом реформы середины XVI в. и преобразованиями 60-х годов основывалось на неверном понимании существа предполагавшегося испомещения тысячников, которое автор сводил лишь к увеличению кадров «ответственных исполнителей центрального правительства»⁴. На самом же деле то, что не удалось осуществить в 1550 г. Избранной радой, в изменившихся исторических условиях и иными средствами достиг Иван Грозный в годы опричнины. В обоих указах сходна их основная социальная сущность — стремление упрочить экономические позиции дворянства, т. е. тех кругов класса феодалов, которые являлись опорой централизаторской политики. Как в 1550, так и в 1565 г. правительство хотело укрепить владельческое положение наиболее преданной ему части дворянства путем персонального от-

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 395.

² С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., М., 1937, стр. 109.

³ «Русская история в очерках и статьях», под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. II, Киев, 1913, стр. 219—220.

⁴ С. Б. Веселовский, Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном.— «Исторические записки», кн. 15, 1945, стр. 57, 61 и др.

бора. Это укрепление оно видело в наделении служилого люда поместьями. Но дальше начинаются уже существенные различия, объясняющиеся изменившимися социальными и политическими условиями, в которых проходило в стране введение опричных порядков. В 1550 г. Избранная рада предполагала ограничиться дополнительным наделением значительной части дворовых детей боярских (т. е. верхушки дворянства) подмосковными землями из резервного государственного фонда (земли числяков, ордынцев и т. п.). Осуществить эту реформу не удалось, так как для дворцовых земель даже для дополнительного наделения тысячников не хватало. В 1565 г. решено было обеспечить опричников не столько за счет государственного фонда в центре страны, сколько путем испомещения их на окраинах страны и перетасовки земли внутри самого класса феодалов. В отличие от проекта 1550 г. в состав тысячи наиболее преданных «слуг» наряду с дворовыми детьми боярскими — этим наиболее аристократическим слоем господствующего класса — включалось также и городовое дворянство, т. е. самые широкие круги феодалов. Это означало дальнейший шаг правительства по пути осуществления дворянских пожеланий.

Наряду с черными, дворцовыми и владельческими землями в опричнину был взят юго-западный район города Москвы, главным образом тот, где сосредоточены были дворцовые службы: Чертольская улица, Арбат и половина Никитской. Перешли в государев удел и дворцовые слободы у Воронцова поля (Ильинская, под Соsenками, Воронцовская и Лышиковская). Предписывалось, чтобы во всех этих улицах и слободах жили только бояре, дворяне и приказные люди, «которых государь поймал в опришнину, а которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в быные улицы на посад»¹.

Первоначально царский опричный двор предполагалось построить в Кремле на заднем дворе, на месте, где ранее были хоромы царицы и двор Владимира Андреевича². Однако 1 февраля 1565 г. хоромы князя Влади-

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 395.

² Там же, стр. 396.

мира сгорели¹ и царь отдал распоряжение соорудить себе дворец с каменной оградой за пределами Кремля «меж Арбатские улицы и Никитские». Новый двор находился на Воздвиженке против теперешнего Манежа². Опричный дворец располагался на месте двора Михаила Темрюковича (двор сгорел еще весной 1564 г.³), и, возможно, именно с этим обстоятельством связана легенда о том, что брат жены Ивана IV нашептал ему мысль о введении опричнины. Опричный двор сделался центром управления государева удела. Здесь размещалось здание приказов, располагались караулы. Впрочем, все дворцовые сооружения сгорели во время московского пожара 1571 г.⁴

Не вся программа, начертанная в указе о введении опричнины, в жизни была осуществлена. Перечисленные в нем земли действительно вошли в состав государева удела. Но следов выселений из опричных территорий сохранилось немного. Подобные факты известны по преимуществу в земских уездах и связаны главным образом с опалами. С опричных земель выселялись лица, так или иначе связанные со старицким домом. Так, выселения производились в Вышгороде, до 1563 г. принадлежавшем князю Владимиру Андреевичу. В марте 1566 г. Федор Григорьевич Желтухин получил земли в волостях Вохне и Раменейце взамен своих вышгородских владений⁵. Из Можайска был выслан уже до 2 октября 1567 г.

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 395. По сообщению другого летописца, дарь в 1566 г. «перевезся жити за Неглину реку на Воздвиженскую улицу, на Арбат, на двор князь Михайловской Темрюковича, и изволил государь на том дворе хоромы себе строити царские и ограду учинити, все новое ставити» (*М. Н. Тихомиров*, Малоизвестные летописные памятники XVI в.— «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 89; ГИМ, Собр. Уварова, № 593, л. 1222 об.; ГПБ, FIV, № 228, л. 69).

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 401; *И. Забелин*, Опричный дворец царя Ивана Васильевича (с планом).— «Археологические известия и заметки», изд. Московским археологическим обществом, т. I, № 11, М., 1893, стр. 416.

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 382.

⁴ *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 107—109. Позднее он был построен «за Неглинною на Петровке» («Пискаревский летописец», стр. 76).

⁵ *П. А. Садиков*, Указ. соч., № 4, стр. 185. Позднее эти владения были проданы им Б. Н. Беклемишеву (ГБЛ, Троицкое собр., № 530, док. № 76—78). Ф. Г. Желтухин еще в 1562 г. полу-

Яков Молчанов сын Кишкина¹. Выселен был также в 1565/66 г. из родового суздальского сельца Петрова городища Иван Семенович Черемисинов, а сельцо получили опричники Семен и Тимофей Вяземские². Андрей Иванович Румянцев взамен своего суздальского владения получил вотчину в Ярославском уезде³. Суздальцам уже к 1566/67 г. раздавались земли в Кашине⁴. Из Суздаля до 1566/67 г. выселено несколько Хвостовых (в опале) и Краснослеповых⁵. Впрочем, переселение Хвостовых находится, возможно, не столько в связи со взятием Суздаля в опричнину, сколько с опалой на них. Из семейства Пыжовых-Хвостовых было казнено более десятка лиц, многие из которых служили даже не по Суздалю, а по Новгороду и Торжку. Что речь должна идти не о «новгородской измене», а более ранней опале, ясно вытекает из испомещения опальных Хвостовых в казанской земле в 1565/66 г. После снятия опалы несколько Хвостовых (Марья Ивановна с детьми Богданом, Иваном и Баженом) уже к 1566/67 г. получили «против суздальские вотчины» землю в Муромском уезде⁶, которую в 1574/75 г. переуступили Троице-Сергиеву монастырю⁷.

Взятие в опричнину Можайска и Вязьмы не имело никакого отношения к разгрому княжеско-боярских вотчин, ибо в этих районах вообще не существовало крупного привилегированного землевладения. После присоединения Смоленска и Вязьмы местные феодалы в значительной части («литва дворовая») оттуда были выселены, на их место поселены служилые люди из центральных районов страны, а много земель оставалось еще лежащими втуне. Сходные условия были в Козельске, Белеве

чил от князя Владимира иммунитетную грамоту на свои вышегородские владения (там же, док. № 136).

¹ П. А. Садиков, Указ. соч., № 21, 24, а также № 26.

² АГР, т. I, № 84, стр. 237—238. О Черемисинове подробнее см. В. Б. Кобрин, Несколько документов по истории феодального землевладения в XVI в. в Юрьев-Польском уезде.— «Археологический ежегодник за 1957 год», стр. 477.

³ ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 43 об.

⁴ Л. М. Сухогин, Земельные пожалования...— «Чтения ОИДР», 1911, кн. IV, стр. 12.

⁵ П. А. Садиков, Указ. соч., № 8, 10, 58.

⁶ Там же, № 10, стр. 200.

⁷ Там же, № 65, 68.

и Перемышле, где в результате русско-литовских войн и крымских набегов много земель были залежными. Все основные уезды, изобиловавшие вотчинами феодальной аристократии (Москва, Стародуб, Ярославль, Переяславль-Залесский и др.), оказались за бортом опричнины.

С. Б. Веселовский убедительно доказал, что взятие в государев удел Суздаля также не связано с искоренением там землевладения потомков удельных княжат (как то думал С. Ф. Платонов)¹. Да и вообще вряд ли Суздальский уезд был «сплошь» опричным². Но конечно, нельзя сказать, что образование первоначальной территории опричного двора «определилось исключительно хозяйственными и организационными мотивами»³. Речь шла об укреплении экономической базы основной социальной опоры государева двора — мелкого и среднего землевладения опричников. В опричину брались районы, дававшие простор для испомещения государевых детей боярских.

Если с включением в опричину уездов и волостей, перечисленных в указе 1565 г., все как будто более или менее ясно, то история дальнейшего роста опричной территории представляется чрезвычайно сложной.

Таубе и Крузе сообщают, что «спустя короткое время» после учреждения опричнины Иван Грозный взял к себе «княжества Ростов, Вологду и Белоозеро», а следующей зимой (т. е. в самом конце 1565 г.) Иван IV взял «области Кострому, Ярославль, Переяславль, Галич, Холмогоры, Кашин (Кассина), Плес и Буй (Бой)», в которых жило больше 12 000 бояр, из коих взял он в свою опричину не свыше 570. Остальные должны были тронуться в путь зимой среди глубокого снега»⁴.

¹ С. Б. Веселовский, Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году.— «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 88—90.

² П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 128.

³ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 90.

⁴ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 36. Это сведение очень путанно: Ростов и Кашин в опричину вовсе не входили. Вологда и Холмогоры взяты были, вероятно, при ее учреждении, а Белоозеро много позднее (и то не полностью). Рассказ Таубе и Крузе интересен как свидетельство современников, наблюдавших опальные и опричные переселения во всех этих землях, но не понявших их смысл.

Это сведение породило самые противоречивые оценки в исторической литературе. С. Ф. Платонов считал, что Ярославль и Переславль-Залесский попали в опричнину примерно в середине 70-х годов XVI в.¹ Публикация дел Поместного приказа 1611 г. дала основания Л. М. Сухотину пересмотреть эту точку зрения. Л. М. Сухотин в ранней работе датировал переход Ярославля в опричнину временем между 7073 (1564/65) и 7077 (1568/69) гг.², а позднее принял дату Таубе и Крузе³. К 1567—1568 гг. относит этот переход С. Б. Веселовский, оговариваясь, что выселение носило «характер персонального пересмотра людей и их землевладения»⁴. По П. А. Садикову, «в Ярославле опричнина начала действовать, по-видимому, с 1565 г.»⁵. Наконец, недавно В. Б. Кобрин пришел к выводу, что до 1568/69 г. Ярославль не мог быть опричным и в 1567—1569 гг. составлялись особые писцовые книги в связи с предполагавшимся переходом Ярославского уезда в государев удел⁶. Во всяком случае еще летом 1567 г. в Ярославле размежевывали земли князей Фуниковых и Кемских, которые никогда опричниками не были⁷.

↓ Обратимся к источникам. По данным писцовых книг 1564/65 г., в Ярославском уезде владели селами, деревнями следующие князья Засекины: Михаил Федорович Засекин Черный, Андрей Лобан Петрович Солнцев, Дмитрий Васильевич Солнцев⁸. Сельцо Любимово М. Ф. Засекина было взято «в опришнину» и еще до московского пожара 1571 г. («как государь... опришнину отставил») передано Ивану Андрееву Долгово-Сабурову, вотчины

¹ С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., стр. 108, 114.

² Л. М. Сухотин, К вопросу об опричнине.— ЖМНП., 1911, № 11, стр. 55—67.

³ Л. М. Сухотин, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. VII—VIII, стр. 133.

⁴ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 91—98.

⁵ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 189.

⁶ В. Б. Кобрин, К вопросу о времени включения в опричнину Ярославского уезда.— «Краеведческие записки Ярославло-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника», вып. 4, Ярославль, 1960, стр. 94—97.

⁷ Там же, стр. 95.

⁸ Л. М. Сухотин, Земельные пожалования...— «Чтения ОИДР», 1911, кн. IV, стр. 1, 4, 5.

которого царь в свою очередь «в опришнину... велел поимати, а нас из Ярославля велел выслати вон». Это было в 1568/69 г.¹ Обычно считается, что речь идет о взятии в опришнину всего Ярославского уезда. Основанием для этого служит послушная грамота 1576 г., в которой говорится, что царь пожаловал князя Данила Ивановича Засекина, дал ему ряд деревень Владимирского уезда «против его Ярославские вотчины, что у него взято с городом с Ярославлем вместе»². Этот текст породил представление о том, что потери князьями Засекиными родовых вотчин связаны с переходом Ярославля в опришнину³. П. А. Садилов обратил внимание также на то, что в 7073 г. подьячий Максим Трифонов «отписывал вотчины ярославских князей» и составлял «отписные книги», т. е. в Ярославле опричные понятия вводились уже в 1564/65 г.⁴ Этот довод справедливо отвел В. Б. Кобрин, заметивший, что земли княжат могли отписываться и без того, чтобы весь уезд становился опричным⁵.

Материалы казанских, свияжских и ярославских писцовых книг позволяют рассеять тот туман, которым окутана судьба Ярославля в годы опричнины. После того как в мае 1565 г. царь Иван «опалился» на многих ярославских, стародубских и других княжат, уже к осени опальные люди получили поместья в Казани и Свияжске. Среди

¹ Л. М. Сухогин, Земельные пожалования...— «Чтения ОИДР», 1911, кн. IV, стр. 30, 31. По писцовой книге 1577/78 г. мы узнаем, что вдова Ивана Владимировича Засекина княгиня Дарья получила вместо ярославского села Новленского (принадлежавшего ее сыну Ивану) вотчину в Коломенском уезде (ПКМГ, ч. 1, отд. I, стр. 546).

² ААЭ, т. I, № 290, стр. 355. В грамоте, кстати, не говорится ни об опричнине, ни о том, когда была взята на государя ярославская вотчина Д. И. Засекина. В связи с этим С. М. Каштанов замечает: «...не было ли порождено выражение «з городом вместе» в грамоте 1576 г. ... взятием Ярославля в удел в 1576 г.?» (С. М. Каштанов, О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича.— «Труды МГИАИ», т. 16, стр. 431).

³ П. А. Садилов, Очерки по истории опричнины, стр. 158.

⁴ И. А. Вахромеев, Исторические акты Ярославского Спаского монастыря», т. I, № XXXVII (упоминается в грамоте от ноября 1565 г.); П. А. Садилов, Указ. соч., стр. 159—160.

⁵ В. Б. Кобрин, К вопросу о времени включения в опришнину Ярославского уезда.— «Краеведческие записки...», стр. 94.

свяжских помещиков находился упоминавшийся выше Д. В. Солнцев¹ Владения князей, сосланных в Казань, забирались на государя — именно в этой связи, и ни в какой другой, составлялись «описные книги» Максима Трифонова, который, кстати сказать, отписывал и вотчины опальных стародубских княжат². Исследователей смущал странный факт, почему Солнцевы позднее настаивали, что им до «московского пожара» вотчин «не давано нигде», хотя Сабуровы утверждали обратное³. И действительно, Солнцевы вотчин не получали, их пожаловали поместьями, но об этом они предпочитали умалчивать.

Итак, Ярославль в опричнину не был взят. Оттуда в 1565 г. выселили значительное число княжат и детей боярских (но отнюдь не всех)⁴, а земли их пустили в раздачу. Получали ли поместья в Ярославле опричники, сказать трудно, но бесспорно то, что туда поселяли земских людей. Так, в январе 1569 г., в Ярославле испоместили Г. Б. Васильчикова, у которого забрали владения в Переяславле и Вязьме («против переславсково да вяземсково поместья»)⁵. Известно также, что из Ярославля служилые люди выводились в опричнину. Так, деревня Поповская уже к 1567—1569 гг. была придана «в пашню» к «Михаилу и к Архангелу... А была та деревня в поместье за князем Григорьем за Белоком. И князь Григорий взят в опришнину»⁶. Сведения Таубе и Крузе и

¹ ЦГАДА, ф. 1209, № 432, л. 178—178 об. О судьбе Солнцевых-Засекиных см. также Р. Г. Скрынников, Опричная земельная реформа Грозного. 1565 г.—«Исторические записки», кн. 70, стр. 225—226.

² С. В. Рождественский, Служилое землевладение в Московском государстве XVI века, СПб., 1897, стр. 175.

³ Л. М. Сухотин, Земельные пожалования...—«Чтения ОИДР», 1911, кн. IV, стр. 4—5.

⁴ В 1572 г. Иван Грозный писал: «У которых князей ярославских их вотчин не имал, и сын мой Федор тех вотчин не отнимает у них» (ДиДГ, № 104, стр. 442).

⁵ Л. М. Сухотин, Указ. соч., стр. 31.

⁶ ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 473—473 об. Уже к 1566 г. опричником сделан ярославский помещик Михаил Тимофеевич Плещеев. Он так же, как Григорий Бельский, теряет свое владение в Ярославле и в ноябре 1572 г. получает поместье в Новгородской Шелонской пятине (Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. I, отд. II, стр. 55—57). Впрочем, ярославское поместье Пле-

грамоты 1576 г. надо понимать только в том смысле, что из Ярославля в 1565 г. производилось выселение многих служилых князей.

В подтверждение нашего наблюдения сошлемся на ярославские писцовые книги 1567—1569 гг. Здесь среди помещиков находился целый ряд опальных людей, которые в 1565 г. были сосланы в Казань и Свияжск, а в 1566 г. (или позднее) — возвращены обратно. В большинстве случаев это не коренные ярославцы, а служилые люди различных уездов, испомещенные по преимуществу в одной черной волости. В одном случае прямо говорится, что поместье Давыда Ильина сына Аминева находится «за казанским жильцом»¹.

Ивану Матвееву сыну Товарищеву когда-то принадлежало ярославское поместье деревня Вакулово. Затем оно было по царской грамоте «отделено в вотчину» костромичам Михаилу и Борису Образцовым детям Рогатого, вернувшимся из ссылки в Свияжск. Однако и у них Вакулово было «описано на государя», как это отмечено на полях писцовой книги 1567—1569 гг.² Позднее Михаил Образцов Рогатого сын Бестужев и И. М. Товарищев были казнены, а их имена записаны в «синодике опальных» царя Ивана IV.

Все это не значит, что в Ярославле вовсе не было опричников. Напротив, несколько видных деятелей опричнины имели там вотчины или поместья. В Ярославском уезде вотчинами владели Иван и Василий Федоровичи Воронцовы³. Впрочем, И. Ф. Воронцов числился сыном боярским по Переяславлю-Залесскому и владел землями в Московском и других уездах. По Переяславлю-Залесскому и по Ярославлю служил Афанасий Демьянов⁴, ставший к 1571 г. опричным дьяком. Из ярославских княжат Иван

Матвеев мог получить уже в годы опричнины (судя по Дворовой тетради, Плещеевы в середине века по Ярославлю не служили).

¹ ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 250. Подробнее см. А. А. Зимин, Земельная политика в годы опричнины (1565—1572 гг.). — «Вопросы истории», 1962, № 12, стр. 67.

² ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 47 об.

³ ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 166 об. — 176 об.

⁴ Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования, стр. 156—157.

Борисович Жировой Засекин и Андрей Иванович Морткин удостоились чести быть принятыми в опричнину (последний в середине XVI в. служил по Твери).

Четверо Охлябининых также происходили из рода ярославских княжат, но служили Охлябины в середине XVI в. по Кашину и Калуге, где у них и были владения. Потомком ярославских княжат был окольныйчий, а позднее боярин Василий Андреевич Сицкий с двумя детьми. Ярославец Р. М. Пивов также имел владения в Ярославском (как и в ряде других) уезде и служил по Ярославлю. Попасть в опричнину он мог как человек, близкий к царю, а не как ярославец. По Ярославлю в середине XVI в. служили двое князей Телятевских. А. П. Телятевский стал опричником уже к октябрю 1565 г., когда говорить о переходе Ярославля в опричнину не приходится¹.

Таковы все сведения об опричниках, имеющих какое-то владельческое или служилое отношение к Ярославлю. Из названных выше лиц во всяком случае половина уже в середине XVI в. служила не по Ярославлю. Большинство остальных попали в опричнину не по военно-служилому положению в уезде, а по положению при дворе: окольныйчий В. А. Сицкий, Р. М. Пивов, царский приближенный князь А. П. Телятевский и дьяк Афанасий Демьянов. Следовательно, анализ ярославцев из состава опричников также не дает никаких данных для утверждения о том, что Ярославль был взят в опричнину, и об испомещении там опричников.

Относительно судеб Костромы в годы опричнины сохранилось сообщение Таубе и Крузе, говорящих, что ее взял себе Иван IV зимой 1565/66 г.² Эту дату принял

¹ См. В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 76. В. Б. Кобрин не учел еще нескольких ярославцев Малыгиных, служивших в опричнине. В 1567/68 г. Богдан Хвостов писал, что его отдали «на поруку от Малыгиных из опричнины» (П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 28, стр. 225). У Образца Третьякова сына Малыгина «с братьею» в 1567—1569 гг. была вотчина в Ярославле, которую они старались расширить за счет земель дьяка Никиты Мотовилова. «На Москве перед бояры искал на Никите из Опричнины Образец Малыгин» (П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 126).

² И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 36.

Л. М. Сухотин¹. С. Ф. Платонов и С. Б. Веселовский датируют переход Костромы в государев удел 1567 г.² Основанием для этого явилась послушная грамота 1577 г. со следующим упоминанием о костромской вотчине Алексея и Михаила Зубатых: «В 75-м году та у них вотчина взята на нас (т. е. царя.— А. З.) з городом вместе и в раздачу роздана»³. В аналогичной послушной 1575 г. то же говорится и о селце Фатьянове с деревнями, принадлежавшими Сахару Константиновичу Писемскому («в прошлом в 75-м году та вотчина взята была на нас з городом вместе и отдана была в поместье Ивану Салманову») ⁴. Однако мы уже на примере ярославской послушной 1576 г. говорили о невозможности рассматривать опричные порядки середины 60-х годов на основании терминологии 70-х годов XVI в. Возможно, повторяющееся в грамотах выражение «с городом» родилось в какой-то связи с событиями 1575—1576 гг., приведшими к выделению в государев двор новых земель (городов). По существу оно означало выселение не за персональную «опалу», а выселение со всей дворянской корпорацией уезда. П. А. Садиков пытается уточнить дату перехода Костромы в опричнину. 14 февраля 1567 г. Кострома, вероятно, находилась в земщине⁵ (ибо она противопоставляется опричному Галицкому уезду), но к 9 марта 1567 г., по его мнению, Кострома стала опричной⁶. 9 марта Иван IV послал грамоту в де-

¹ Л. М. Сухотин, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. VII—VIII, стр. 133.

² С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., стр. 108; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 91.

³ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.—«Исторический архив», 1940, кн. III, № 71, стр. 280. Аналогичное выражение («вотчина взята была у них на нас з городом вместе») встречается и в грамоте 1577 г., касающейся Белоозера (там же, № 75, стр. 290).

⁴ П. А. Садиков, Указ. соч., № 67, стр. 276.

⁵ Там же, № 11.

⁶ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 185. Из Костромы в «опале» выселены были и другие Федчищевы-Зубатые, в их числе Алексей и Михаил (П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.—«Исторический архив», 1940, кн. III, № 71), Василиса Иванова жена Зубатого и сын ее Степанец (там же, № 44). Василий Федчищев упоминается в синодиках Ивана Грозного (С. Б. Веселовский, Синодик опальных

ревню Борисово Московского уезда, которая была дана дочери Степана Третьякова сына Зубатого Марье (по мужу Аргамаковой) вместо ее приданой костромской вотчины, отписанной на царя¹.

Но при такой трактовке мартовской грамоты мы сталкиваемся с серьезными трудностями: как за две-три недели февраля — марта правительство умудрилось уже вывести вотчинников из Костромского уезда и даже приискать землю для столь срочно выселенных землевладельцев? К тому из грамот, относящихся к делу Марии Зубатой-Аргамаковой, отнюдь не явствует, что вся Кострома в это время была уже приписана к государеву уделу.

В первые годы опричнины многие дети боярские — костромичи выселялись из своих родовых вотчин. Об этом можно судить по писцовым книгам 1566/67 г., где сообщалось о раздаче им черных земель в Кашине².

Судьба выселенных костромских землевладельцев напоминает судьбу ярославских переселенцев. Вероятно, основная масса их была отправлена из Костромы в казанскую ссылку еще весной 1565 г. Во всяком случае в Казани и Свияжске в 1565—1568 гг. мы находим многочисленных костромичей — Ольговых, Туровых, Шишкиных, их родичей Путиловых, а также Тыртовых, Сотницких, стародубских князей Гундоровых. Подавляющее большинство этих служилых людей были родственники Алексея Адашева и близких ему лиц, казненных еще в 1563 г. Многие из костромичей, казанских переселенцев, позднее также погибли. Судьба некоторых из них небезынтересна и рисуется несколько в ином свете, чем то было изображено П. А. Садиковым. Так, по Садикову, из Костромы на

царя Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: *С. Б. Веселовский*, Исследования по истории опричнины, стр. 463—464.

¹ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 14, ср.: «А меня, Марью, тою вотчиною пожаловал царь и великий князь в отмен моей старинные костромские отчины место, што у мене взял государь приданую мою отчину на Костроме в опричнину» (там же, № 15, стр. 207). Необходимо еще определить, когда выражение «в опричнину» означало переход земель в состав опричнины, а когда просто конфискацию в годы опричнины.

² Л. М. Сузогов, Земельные пожалования...— «Чтения ОИДР», 1911, кн. IV, стр. 12.

Белоозеро потянулись Михаил Яковлев сын Путилов и его «брат» Федор Никифоров сын Ольгов¹. Дело было сложнее. В 1565—1566 гг. этих лиц насильно переселили в Казань². После того как с них была снята опала, Ф. Н. Ольгов получил в качестве компенсации земли в Ярославле³ и на Белоозере. Здесь же на Белоозере царь пожаловал «против... старинные костромские вотчины», дал землю и М. Я. Путилову. Впрочем, оба новых белоозерских землевладельца, вероятно, сразу же (в 1567/68 г.) предпочли продать эти свои владения Мясоеду Вислому, округлявшему свою вотчину на Белоозере⁴.

Не двойное, как думал П. А. Садиков, а тройное переселение испытал князь Роман Иванович Гундоров. В мае 1565 г. он с братом Иваном Васильевичем в числе других стародубских княжат был выселен в Казань, а его вотчины отписаны на государя. В 1566 г. он уже был прощен и получил владимирскую волость Вешкирец «в стародубские его вотчин место». Двое Гундоровых участвовали летом 1566 г. в заседаниях земского собора. Уже 29 марта 1567 г. земли Романа Ивановича снова были обменены⁵ и Гундоров получил черные деревни Московского уезда Пехорского стана, некоторое время находившиеся в поместье за И. Ф. Воронцовым. Московские земли даны были Гундорову временно, «доколе его старую стародубскую вотчину село Меховицы... отпишут и измеряют пашцы наши»⁶.

Новые земли Гундорова, вероятно, были не первосортными, ибо они уже побывали в поместье у И. Ф. Воронцова, который их бросил, перейдя в опричнину. Во всяком случае уже в 1569/70 г. Гундоров продал их за 500 рублей

¹ П. А. Садиков, Указ. соч., № 22, 23; его же, Очерки по истории опричнины, стр. 121—122.

² ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 243 об., 255.

³ ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 265 об.

⁴ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 22, 23.

⁵ Иван IV писал, что волость Вешкирец Владимирского у., принадлежавшая Гундорову, была взята «в опричнину» (там же, № 17). Но Владимир в опричнине не был, поэтому формально выражение «взята в опричнину» в данном случае означает не переход земель Гундорова в состав опричных, а конфискацию их в период опричнины.

⁶ П. А. Садиков, Указ. соч., № 17, стр. 209.

высезему человеку Константину Юрьевичу Греку, а тот на следующий год передал их по завещанию (а частично продал) в Троицкий монастырь¹.

Из опальных людей во Владимире временно поселен был не один Гундоров. В 1566/67 г. роздали в поместья целую Богаевскую волость. Причем ряд деревень получили костромичи Тихон, Иван и Тарх Гавриловы дети Тыртова². Тихона Гаврилова мы встречаем среди казанских жильцов 1565—1566 гг.³

Еще до 1570/71 г. из Костромы был выселен Исак Иванов сын Раков⁴.

В 1578/79 г. Иван Васильевич сын Будаев продал Д. И. Годунову село Исаковское Костромского уезда. В купчей грамоте он сообщал, что половина села в свое время принадлежала его дяде (по матери) Г. И. Синцеву-Вельяминову, а вторую Будаев купил у Ивана и у Федора Васильевых детей Вельяминовых. Однако эту вотчину «взял государь на себя з городом вместе, а не в опале, как государь взял Кострому в опричнину, а дяде моему и мне государь велел против тое вотчины в-ыных городех дати, где прищем»⁵. Следовательно, Кострома как будто была действительно взята в опричнину. С. Б. Веселовский при этом прямо пишет, что И. В. Будаев и Г. И. Синцев «в 1567 г. были выселены из своих вотчин и не получили за них никакого эквивалента»⁶. Будаев и Синцев (или один Будаев) могли получить компенсацию за свою вотчину, а после отмены опричнины Будаеву Ивановское могло быть возвращено. Дело в том, что Евдокия Вельяминова дала в 1571 г. в Ипатьев монастырь пустошь Лапаково Московского уезда взамен отобранной у нее вот-

¹ П. А. Садиков, Указ. соч., № 45, 47. О судьбе Р. И. Гундорова см. также Р. Г. Скрынников, Указ. соч., стр. 236—237.

² В. И. Корецкий, Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю.— «Записки отдела рукописей ГВЛ», вып. 21, стр. 204.

³ ЦГАДА, ф. 1209, № 152, л. 145 об.

⁴ П. А. Садиков, Указ. соч., № 46.

⁵ Там же, № 81.

⁶ С. Б. Веселовский, Из истории древнерусского землевладения.— «Исторические записки», кн. 18, 1946, стр. 67. П. А. Садиков менее категоричен: «Кажется, Будаев и Вельяминов так ничего и не «прискали» себе» (П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 119).

чины Костромского уезда. К сожалению, об этом факте можно судить лишь по описи монастырского архива, так как самой грамоты не сохранилось¹. Скорее всего это та самая Евдокия, жена Ивана Ивановича Вельяминова, которая еще в 1564/65 г. дала в тот же Костромской Ипатьев монастырь половину уже знакомого нам села Ивановского «по душе» своего мужа и сына Григория Ивановича². Но если это так, то Вельяминовы получили какую-то компенсацию за свои костромские владения. Но этого мало. Будаев пишет, что, после того как село было отписано на царя, он и Григорий Вельяминов могли «приискать» себе земли в других уездах. Но Григорий Вельяминов умер еще до конца 7073 г. (т. е. до августа 1565 г.). Следовательно, или Кострома была взята в опричнину не в 1567 г., а еще в 1565 г., или она вовсе не попала в нее, а составитель грамоты 1578 г. фактически писал об опальном выселении. Может быть, наконец, и еще один вариант объяснения судеб села Ивановского: вотчина отписана в 1567 г. в связи с переходом Костромы в опричнину (часть взята у Будаева, часть у Ипатьева монастыря³), а Будаев ошибочно написал, что в этот момент Г. Вельяминов был еще жив.

Все эти костромские переселения сопровождались сложными процессами создания и разрушения земельных богатств вотчинников. Так, дьяк Петр Шестаков в 1567/68 г. променял своему коллеге дьяку Рахману Житкого (который в годы опричнины пытался сколотить себе крупную вотчину на Белоозере) белозерские земли своих родичей и соседей, полученные ими от царя «противу их старинных костромских вотчин»⁴.

¹ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 67.

² П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, приложение 1, стр. 301. Что это то село Ивановское, о котором писал Будаев, вытекает из упоминания Вельяминовой о ее совладельцах Федоре и Иване Васильевиче Вельяминовых, а когда принадлежавшая ранее Григорию Вельяминову половина села Ивановского попала к Будаеву, остается не вполне ясным.

³ Так думал П. А. Садиков (см. его «Очерки по истории опричнины», стр. 140).

⁴ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 25. Садиков, однако, ошибается, полагая, что сам Петр Шестаков поселился на Белоозере («Очер-

Один факт конфискации земель у какого-нибудь служилого человека не может быть прямо и непосредственно связан с переходом уезда, где они помещались, в опричнину.

Если обратиться к списку опричников, составленному В. Б. Кобриным, то и тут мы не почерпнем достаточных данных об «опричной Костроме». Среди опричников костромских землевладельцев почти нет. Костромской вотчинник Федор Андреевич Писемский уже в середине XVI в. числился среди дворовых детей боярских по Галичу и Кашире, т. е. в служилом отношении с Костромюю не был связан. То же самое можно сказать и об опричнике Д. И. Годунове и его брате Федоре (отце опричников Бориса и Василия), служивших в середине XVI в. не по Костроме, а по опричной Вязьме. Остаются только Г. О. Полев, костромской сын боярский (владевший, кстати, еще вотчинами в Московском, Волоколамском, опричных Старицком и Кашинском уездах¹), и Афанасий Вяземский с его родичами, которые, конечно, могли попасть в опричнину и без того, чтобы за собою потянуть весь Костромской уезд².

Попытаемся теперь суммировать все данные о судьбах костромского землевладения в годы опричнины. Уже в 1565 г. из Костромского уезда выселили многих вотчинников в Среднее Поволжье главным образом в связи с опричными репрессиями, применявшимися к старожилам и родичам Адашева. Поскольку две грамоты говорят о том, что в 1566/67 г. Кострома была отписана на государя, то возможно, что в 1567 г. (после 14 февраля) Костромской уезд попал в опричнину³. Переход ее в государев удел

ки по истории опричнины», стр. 121); на самом деле он в 1567—1569 гг. продолжал владеть землей в Ярославле (ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 997).

¹ В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 69.

² В. Б. Кобрин относит к опричникам К. А. Измайлова, который в 1567/68 г. «отписывал в опричнину земли Костромского у.» (В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 40). Но Измайлов отписывал вотчины Ольговых «к дворцовому селу Писцову» (С. Шумаков, Обзор грамот Коллегии экономии, вып. IV, № 612 стр. 182). Об опричнине в документе нет ни слова.

³ В марте 1569 г. царскую грамоту в Костромской уезд подписал опричник дьяк Осип Ильин (П. А. Садиков, Из истории

соединял в единую территорию Суздальские и Галицкие опричные земли. Но если это так, то само собой напрашивается предположение о связи перехода Костромы в опричину с антиопричным выступлением группы участников земского собора 1566 г. во главе с лидером костромского дворянства князем В. Ф. Рыбиным-Пронским. Впрочем, оба сведения довольно поздние, поэтому вопрос о судьбах Костромы после 14 февраля 1567 г. нуждается в дополнительном исследовании.

Во всяком случае и на Костроме, как и в других опричных уездах, вероятно, была чересполосица владений. Так, еще в 1560 г. И. В. Шереметев (Меньшой) получил село Борисоглебское Костромского уезда¹. Это владение находилось в роду Шереметевых еще в XIX в. О том, что оно когда-либо отписывалось на государя, не говорит в своем завещании 1645 г. сын Шереметева Федор². Шереметевы же никогда в опричину не входили.

Трудно сказать, когда перешел в опричину Гороховед, принадлежавший в 1568/69 г. опричнику Михаилу Темрюковичу Черкасскому.

В 1577 г. Ростов, Пошехонье и Дмитров в жалованной грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю названы «дворовыми»³. На этом основании С. Ф. Платонов датирует их переход в опричину 70-ми годами⁴. Ссылку на «дворовые порядки» 1577 г. нужно отвести, ибо они устанавливались в результате реформы 1575/76 г. С. Б. Весе-

опричины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 35; В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 40). В грамоте 1569/70 г. говорится, что царь взял одну костромскую вотчину «в свою царскую светлость в опричину» (П. А. Садилов, Указ. соч., № 41).

¹ Обращает на себя внимание и тот факт, что в Смоленской десятине 1574 г. упоминаются 305 переведенцев из 40 с небольшим городов. Из каждого города названо от одного до 17 человек и только из Новгорода переведено 40, а из Костромы — 36 человек (подсчитано по кн.: В. Мальцев, Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.), Смоленск, 1940 г.). Такое значительное число костромичей в Смоленске могло быть вызвано лишь событиями опричных лет. Не ясно, появились ли эти костромичи в Смоленске в связи с переселением 1565 г. или в связи с тем, что Кострома в 1567 г. попала в опричину.

² А. П. Барсуков, Род Шереметевых, кн. I, СПб., 1881, стр. 255.

³ П. А. Садилов, Указ. соч., № 72, стр. 280.

⁴ С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., стр. 108.

ловский справедливо писал, что «отожествление так называемых дворовых городов, которые упоминаются после отмены опричнины, с городами, которые действительно были в опричнине, внесло большую путаницу в представления историков по этому вопросу»¹. П. А. Садиков для перехода Пошехонья в опричнину дает дату 1565—1571/72 гг.², С. Б. Веселовский — 1567—1568 г.³ Аргументация первого сводится к следующему. В 1571/72 г. В. Ф. Воронцов дал в Троицкий монастырь село Ольявидово Дмитровского уезда «с новою придачею, что государь пожаловал те деревни в вотчины наши место села Никольского в Пошехонье»⁴. Следовательно, дмитровскими деревнями пожаловать дарь мог только в 1565—1566 гг. или после 1569 г., когда был казнен «дмитровский» удельный князь Владимир Андреевич. Однако из отписки пошехонской вотчины Воронцова на царя никак нельзя сделать вывод, что все Пошехонье было в опричнине⁵.

Уже П. А. Садиков показал неправильность мнения С. Ф. Платонова, полагавшего, что сразу же после казни Владимира Андреевича в опричнину был взят Дмитров⁶. Действительно, компенсация В. Ф. Воронцова и И. Ю. Грязного (опричником он не был) около 1571/72 г. землями в Дмитровском уезде вместо отобранных у них владений противоречит утверждению о том, что этот уезд в годы опричнины попал в государев удел.

О высылке вотчинников из Переяслава на следующий год после введения опричнины писали Таубе и Крузе⁷.

¹ С. Б. Веселовский, Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году.—«Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 91.

² П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 190.

³ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 91. К сожалению, этот свой вывод С. Б. Веселовский ничем не обосновывает.

⁴ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.—«Исторический архив», 1940, кн. III, № 55, стр. 260.

⁵ Впрочем, какие-то опричные земли в Пошехонье могли быть. В Ярославской писцовой книге 1567—1569 гг. упоминается владение вдовы Даниила Романовича в Черемошской волости на Волге (т. е. на границе с Пошехоньем), находившееся «на оприштинском рубеже» (ЦГАДА, ф. 1209, № 7785, л. 177).

⁶ С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., стр. 108; П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 266.

⁷ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 36.

Это сообщение Л. М. Сухотин¹ принимает за сведение о переходе Переяславского уезда в опричнину. Но и в данном случае речь идет об опалах, а не об опричных переселениях (переяславцев мы находим в Казани). На основании актов князей Засекиных С. Ф. Платонов датирует переход Переяславля в опричнину 70-ми годами XVI в.² С. Б. Веселовский относит взятие этого уезда в государев удел к 1568 г.³ П. А. Садиков дает более широкую дату — 1565—1571 гг.⁴ В подтверждение своего вывода он приводит два факта. В 1573/74 г. князь Д. И. Засекин дал в Троицкий монастырь земли, которыми царь его «пожаловал против переславские вотчины селца Козлова»⁵. Но Засекины были выселены в Казань в 1565 г., и потеря ими переяславских земель не может быть объяснена взятием Переяславля Залесского в опричнину. Не более убедителен и второй пример, приводимый П. А. Садиковым, — потеря И. Ю. Грязным переяславского села Шубина до 1571 г.⁶ «По Кирилло-Белозерской тарханной грамоте 1577 г., — пишет П. А. Садиков, — Переяславль значителен «дворовым», следовательно, благодаря поступлению города во «двор» и потерял свою старую вотчину Грязной»⁷. Выше мы уже говорили, что состав дворовых городов 1577 г. не может служить надежной опорой для выяснения опричной территории в 1565—1572 гг. Поэтому приведенное рассуждение П. А. Садикова не убеждает исследователя в правильности зачисления Переяславля-Залесского в опричные города.

С мнением П. А. Садикова о переходе в опричнину какой-то части Московского уезда также нельзя согласиться, ибо он ссылается лишь на то, что у трех московских детей боярских Паховых еще до февраля 1567 г. была «отписа-

¹ Л. М. Сухотин, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. VII—VIII, стр. 133.

² С. Ф. Платонов, Указ. соч., стр. 108.

³ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 91.

⁴ П. А. Садиков, Указ. соч., стр. 190.

⁵ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в. — «Исторический архив», 1940, кн. III, № 62, стр. 270.

⁶ Н. П. Лихачев, Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. I, СПб., 1895, стр. 583.

⁷ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 166.

на на... царя» деревенька Дедернина этого уезда¹. Но владение Паховых могло быть просто конфисковано у них «в опалу» точно так же, как лишился деревни Дедерниной ее предшествующий владелец конюх Герасим Быкасов. Герасим, вероятно, пострадал за антиопричные выступления своего родича члена земского собора 1566 г. Крестьянина Бундова (отцом последнего был Бунда Быкасов).

Уже С. Б. Веселовский обратил внимание на казавшийся ему парадоксальным факт «полного несоответствия» упоминания духовной грамоты Ивана Грозного (1572 г.) об отобранных царем вотчинах стародубских князей с фактами продажи и дачи по душе этих же земель их бывшими владельцами².

Причины кажущегося несоответствия духовной Ивана IV с владельческой практикой 60—70-х годов XVI в. можно объяснить следующим образом. В мае 1565 г. многие из стародубских княжат были выселены в Казань и Свияжск, а их земли отписаны на царя. Среди «казанских жильцов» находятся упомянутые в духовной Грозного Иван Васильевич и Роман Иванович Гундоровы, Афанасий Андреевич Нагаев, Никита Михайлович Стародубский, Михаил Борисович, Петр и Семен Пожарские, Семен Иванович Мезецкий, Иван Ромодановский, Андрей Кривоборский.

В завещании Ивана IV встречается также село Залесье Никиты и Силы (в духовной описки — Амы) Григорьевичей Гундоровых и село Палех Дмитриевых детей Палецкого. Гундоровы, вероятно, попали в опалу из-за несчастного разгрома русских войск под Оршей, в которых они сражались. В этой же битве участвовали Федор и Семен Дмитриевичи Палецкие³.

¹ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в., № 12, стр. 204; его же, Очерки по истории опричнины, стр. 170, 190.

² С. Б. Веселовский, Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в.— «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 98, 99. Подробнее об этом см. А. А. Зимин, Земельная политика в годы опричнины, стр. 73—75.

³ М. Strykowski, Kronica Polska, t. II, str. 415. Правда, С. Г. Гундоров уже весной 1567 г. снова появляется в разрядах («Сибирский сборник», стр. 18), а Давыд Васильевич Гундоров, тоже участник битвы на реке Уле, вовсе не пострадал: он упоминается в разрядах лета 1565, 1566 и 1567 гг. (ДРК, стр. 263; «Сибирский сборник», стр. 18, 20).

В июле 1567 г. во время сражения с литовскими войсками был взят в плен князь Василий Дмитриевич Палецкий, который вскоре после этого умер от ран¹. В 1566/67 г. по распоряжению царя вотчина Дмитрия Федоровича Палецкого (умер около 1556 г.) и его детей Василия, Семена и Андрея, находившаяся в Бежецком Верхе и Костроме, была роздана в поместья. Конфискация земель Палецких вызывалась не только пленением Василия, но и давнишней близостью этих князей к Старицкому дому². Позднее эта опальная раздача была признана недействительной и Андрей Палецкий получил свою вотчину обратно³.

Когда весной 1566 г. из белозерской ссылки вернулся князь Михаил Воротынский, то он получил то ли в удел, то ли в вотчинное владение земли всех стародубских княжат, упомянутых в духовной Ивана IV. Это было кратковременное пожалование, ибо уже почти в то же время значительную часть княжат из числа «казанских жильцов» амнистировали и начали постепенно возвращать на свои места⁴. Конфискованные ранее у них владения были отписаны у князя Михаила на Ивана IV («Остались за мною у князя Михаила Воротынского»⁵). Процесс возвра-

¹ М. Strykowski, Указ. соч., т. II, стр. 115.

² Б. И. Палецкий, еще в 1535 г. был коношим Андрея Старицкого (ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 97). Д. Ф. Палецкий занимал колеблющуюся позицию в 1553 г., когда рассматривался вопрос о преемнике Ивана IV.

³ РИБ, т. XXXII, № 290.

⁴ В 1566/67 г. Афанасий Нагаев уже упомянут снова как владлец села Татарова. Афанасию Нагаеву тогда же принадлежала половина села Никольского (другая половина была уже за Михаилом Богдановичем Ромодановским), которое по духовной Ивана IV принадлежало Нагаеву деликом (ГКЭ, Суздаль, № 52/11831. На эти факты наше внимание обратил Б. Н. Флоря).

⁵ То, что речь шла о передаче царю лишь верховных прав на стародубские села (а не о праве владения), можно проследить по межевым грамотам 1566/67 г. на Стародуб. В них специально оговаривалось, кому реально принадлежала царская земля и земля князя Владимира Андреевича. Например, «земля и лес царя и велико[о] князи вотчина князя Ондreja Ивановича Стригина, а наделе земля и лес государя князя Володымера Ондреви[ча] Спаского Еуфимева монастыря села Богоявленского» (Л. М. Савелов, Князья Пожарские. Родословие.— «Летопись историко-родословного общества в Москве», вып. 2—3, стр. 61).

та земель их прежним стародубским владельцам или их наследникам шел очень медленно. Его можно проследить на случайно сохранившихся грамотах. О том, что еще до 29 марта 1567 г. временную компенсацию за село Меховицы («доколе его... опишут и измеряют») получил князь Роман Иванович Гундоров, уже приходилось упоминать. 25 мая 1568 г. по царской грамоте владимирский городовой приказчик отделил бывшему казанскому жильцу Ивану Васильевичу Гундорову к полуселу Воскресенскому ряд деревень (из бывшей вотчины Федора Гундорова) ¹. Эту половину села И. В. Гундоров через несколько лет передал в Спасо-Ефимьев монастырь.

К январю 1569 г. постриглась в монахини и вскоре умерла вдова князя Семена Стародубского Ефросинья. Она завещала в Симонов монастырь сельцо Кувезино. После ее смерти эта вотчина была отписана на царя, но 7 февраля 1569 г. Иван IV по челобитью симоновского архимандрита Феоктиста велел это сельцо «записати к монастырю» ². Однако сам же Иван Грозный упоминает его в своем завещании в числе тех сел, которыми он «благословлял» своего сына Ивана Ивановича ³. И вообще в составе лиц, за кем были стародубские села по завещанию Ивана Грозного, много княжат, живших в 60-х годах, зато нет ряда владельцев 1570—1572 гг. Скорее всего текст о стародубских селах в духовной царя, так сказать, «делопроизводственного происхождения», т. е. он попал туда из какого-то более раннего документа. Таким документом могли быть книги Максима Трифонова 1564/65 г., «как он отписал стародубских князей вотчины» ⁴. Во всяком случае в них мы находим запись о том, что И. С. Коврову принадлежала «треть сельца Васильевского да к селцу деревни, деревня Каменное» и другие,— текст, близкий к духовной царя Ивана IV.

В 1566—1568 гг., вероятно, основная территория государева удела не претерпела сколько-нибудь значительных изменений. Отписаны были в опричину лишь некоторые

¹ ГКЭ, Суздаль, № 55/11834.

² П. С. Садиков, Указ. соч., № 34, стр. 232—233.

³ «Село Куве[зино], что было княгини Афросиньи княж Семенова Стародубского» (ДиДГ, № 104, стр. 435).

⁴ П. А. Садиков, Указ. соч., № 43, стр. 245.

северные волости (в том числе Соль Вычегодская)¹ и, может быть, Кострома (1566/67 г.). Это объяснялось некоторым спадом опричных репрессий в 1566—1567 гг. и тем, что потребность опричников в земле удовлетворялась в это время за счет конфискованных царем владений в земских уездах без того, чтобы эти районы зачислять в опричнину. Отступление от первоначального плана земельного обеспечения опричных людей продиктовано было самой жизнью: массовые выселения служилых людей из каких-либо уездов, как показал опыт 1565 г., не давали должного эффекта, да и не могли быть полностью осуществлены. Создание же опричных форпостов на территории земщины ставило под контроль опричного руководства фактически всю территорию Русского государства. В этом было несомненное преимущество земельной политики Ивана IV 1566—1568 гг. по сравнению с планами 1565 г. Но одновременно в ней содержались уже элементы, подготавливавшие ликвидацию территориальной обособленности государева удела, т. е. отмену опричнины.

Однако в 1569—1571 гг. в связи с обострением внутриполитического положения в стране наметился новый сдвиг в земельной политике. Иван IV забирает в опричнину уже ряд уездов. Это мероприятие по своим целям резко отличалось от задач создания опричной территории, как они мыслились в 1565 г. Теперь дело шло о том, чтобы путем опричных переселений в уезды, которые царь рассматривал как очаги смуты, ликвидировать в них социальную базу возможных заговоров и мятежей.

Уже в 1569/70 г. опричной стала часть Белозерского уезда². В царских грамотах 1577 г. говорилось, что деревни Кнutowo, Кудиново и Пирогово Надпорожского ста-

¹ В грамоте 16 августа 1566 г. говорилось, что «мы взяли Вычегодскую Соль к себе в опричнину» (ДАИ, т. I, № 118, стр. 172). Около 1568/69 г. к Каргополю была отмежевана Водлазерская волость Обонежской пятины (И. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 327—328).

² Отдельные белозерские дворцовые села вошли в опричнину сразу же или вскоре после ее создания. Опричным еще до 28 ноября 1566 г. стало дворцовое село Чаронда, находившееся вблизи озера Воже (И. А. Садиков, Указ. соч., № 9). По Таубе и Крузе, Белоозеро взято в опричнину вскоре после ее учреждения (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 36).

на Белозерского уезда принадлежали Семому и Печаяу Васильевым детям Ергольского и Андрею Ивановичу сыну Бурухицу. Однако «в 78-м году Семой, да Нечай, да Ондрей из Белозерского уезда высланы, а та их вотчина отписана на нас»¹. Этими деревнями завладел опричник Иван Васильевич Головленков².

Этот факт можно было бы истолковать как обычную конфискацию земель, происходившую без распространения опричного суверенитета на какую-то часть Белозерского уезда. Однако из губной грамоты 1571 г. известно о сосуществовании на Белоозере двух губных управлений: земского и опричного³. Поэтому выселения 1569/70 г. имеют прямое отношение к переходу в опричнину части Белозерского уезда. Взятие в 1569/70 г. в опричнину части Белоозера, возможно, связано было с казнью И. П. Федорова, крупнейшие владения которого находились на Белоозере и частью попали во дворец⁴. Кстати, и сам Надпорожский стан (о котором речь шла в грамоте 1577 г.) непосредственно примыкал с севера к федоровским владениям.

Переход Старицы в состав опричнины И. И. Полосин, С. Б. Веселовский и П. И. Садиков относят к 1566 г. (т. е. ко времени обмена земель с князем Владимиром Андреевичем)⁵. П. А. Садиков ссылается при этом на конфискацию земель в Старицком уезде у детей боярских Житовых. Действительно, Житовы в годы опричнины потеряли свои родовые владения, а в 1568/69 г. Иван IV пожаловал их другими землями взамен их «старицкие и ярославские вотчины»⁶. Но переселение Житовых, возможно,

¹ П. А. Садиков, Указ. соч., № 74, 75, стр. 289.

² О нем см. В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 35—36.

³ ААЭ, т. I, № 281, стр. 316—320.

⁴ В. Б. Кобрин, Из истории земельной политики в годы опричнины.— «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 156—158.

⁵ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 46; П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 190; С. Б. Веселовский, Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году.— «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 90.

⁶ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 38, стр. 237, ср. № 31, 64.

было вызвано близостью их к Старицкому дому¹ и опалой из-за бегства за рубеж одного из Кашкаревых (переселенка Татьяна Ивановна Житова была дочерью Ивана Павловича Кашкарева)². Выше уже говорилось, что новоторжский сын боярский Я. П. Кашкарев был сослан в Казань, затем получил компенсацию за свои земли в Ярославском уезде. Что-то вроде этого могло произойти и с Житовыми. Словом, переселение их в Волоколамский уезд к 1568/69 г. может объясняться скорее опалой и конфискацией земли, происходившей в 1565 г., за которой последовало прощение и возмещение убытков, чем переходом Старицы в государев удел.

Впрочем, и это объяснение не единственно возможное. Обращает на себя внимание дата документов, относящихся к землевладению Житовых, — 1568/69 г. и 2 июля 1569 г., т. е. канун расправы с князем Владимиром Старицким. Не исключено, что именно в это время Старица и сделалась опричной.

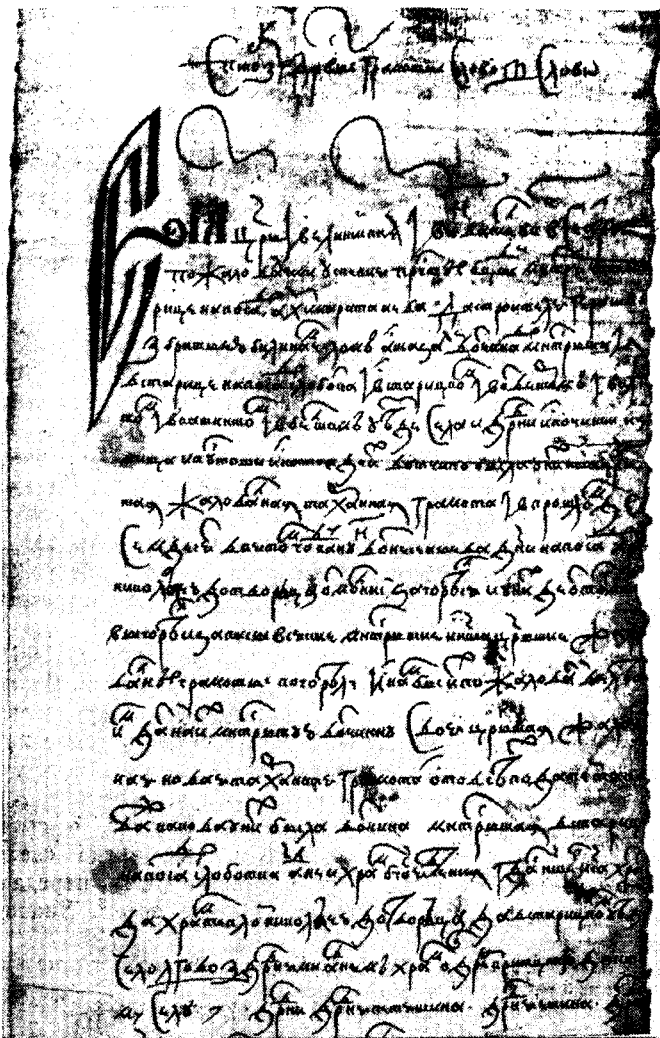
В мае 1569 г. царь Иван выдал жалованную тарханно-несудимую грамоту Успенскому Старицкому монастырю на его владения в Старицком, Кашинском, Тверском, Бельском и Клинском уездах³. Старица здесь фигурирует среди вполне земских уездов, а самую грамоту подписал дьяк Юрий Сидоров, который во всяком случае до июня 1569 г. опричником не был (он служил в январе — июне 1569 г. во Пскове), а более поздних сведений, кроме записи в синодиках, о нем не сохранилось⁴. Ведал Успенским монастырем Большой дворец («А оприч Болшаго дворца в Старице и по иным городом не судят их ни в чем»). Старица, следовательно, до мая 1569 г. в опричнине еще не была. Во всяком случае в 1566 г. она, веро-

¹ О старицких связях матери переселенца Луки Житова подробно писал П. А. Садиков («Очерки по истории опричнины», стр. 138).

² П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 31, стр. 229.

³ ГРЗ, Симбирск, № 23/11663; С. М. Каштанов, Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. II.— «Археографический ежегодник за 1960 год» № 930.

⁴ С. Б. Веселовский, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 444.

Жалованная грамота Ивана Грозного 1569 г.
Старицкому Успенскому монастырю (начало).
Центральный государственный архив древних актов.

ятно, еще не входила в государев удел, ибо размежевание старицких земель в это время производил вполне земский боярин И. П. Федоров¹. В пользу этого предположения можно привести и еще один факт. В Старицу выселен был (до 2 октября 1567 г.) из опричного Можайского уезда Я. М. Кишкин, позднее переселенный на Белоозеро². Следовательно, Старица некоторое время была земской.

В пользу того предположения, что Старицкий удел вошел в опричнину только в 1569 г., можно привести и некоторые другие доказательства. Боярин князя Владимира Андреевича (во всяком случае до 1564 г.) князь Петр Данилович Пронский и его брат Семен стали опричниками, по изысканию В. Б. Кобриня, около 1568—1569 гг.³ Дворецкий (до 1564 г.) и родственник старицкого князя Андрей Петрович Хованский стал опричником в первой половине 1570 г.⁴ В 1570 г. в опричнину вошел Никита Романович Одоевский, шурина князя Владимира⁵. Переход в опричнину около 1568—1570 гг. крупнейших представителей старинной аристократии нельзя объяснить только казнью князя Владимира (они уже давно не служили ему), а следует связывать с распространением опричных порядков на Старицу.

Все это, конечно, не означает, что уже после 1566 г. в Старице не могли быть помещены опричники. Факты такого рода известны. Так, Генрих Штаден получил свое первое старицкое поместье — сельцо Тесмино, ранее принадлежавшее одному из дворцовых людей князя Владимира Андреевича, вскоре по прибытии в Москву.

Штаден рассказывает о «чуме» в Москве, о своих частых встречах с царем и о том, что, когда «великий князь взял в опричнину Старицу», ему передали «все вотчины и поместья князей Depelenski»⁶. Значит,

¹ СГГид, ч. I, № 187. См. В. Б. Кобрин, Две жалованные грамоты, стр. 313.

² П. А. Садилов, Указ. соч., № 21, 24, стр. 215—216.

³ В. Б. Кобрин, Состав опричного двора царя Ивана Грозного. — «Археологический ежегодник за 1959 год», стр. 67.

⁴ Там же, стр. 83.

⁵ Там же, стр. 53.

⁶ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 125, 130, 134—135. Неясно, о каких князьях идет речь. И. И. Полосин по созвучию полагал, что, возможно, это были Оболенские (там же, стр. 166). В то

как будто и, по Штадену, Старица взята была в опричнину не сразу, а через некоторый промежуток времени. Поэтому ее переход в государев удел можно отнести ко времени последней опалы на князя Владимира Андреевича.

Наконец, в опричнину после новгородского похода царя Ивана в феврале 1571 г. взяли Торговую сторону Великого Новгорода и две пятины — Бежецкую и Обонежскую¹. Этому предшествовал еще весной 1570 г. вывод опричных людей из земских пятин Новгорода². После включения Бежецкой и Обонежской пятин в состав опричнины оттуда выселили тех, кого Иван IV не считал возможным включить в опричнину³.

П. А. Садиков считает, что в опричнину вошла также Шелонская пятина Новгорода (во всяком случае Псковское околородье)⁴. Он при этом ссылается на отрывок из Шелонской писцовой книги 1576 г., где описываются владения Ивана IV как «московского князя»⁵. Но это наблюдение относится к другому времени и связано с поставлением на престол Симеона Бекбулатовича в 1575/76 г. В 1571 г. Шелонская пятина еще не входила в опричнину. В писцовой книге за этот год мы находим несколько единообразных записей об опустевших деревнях лиц, взятых в опричнину. Например: «Были те деревни в поместье за Петром Гавриловым сыном Шулепникова, а Петр взят в государеву опришнину»⁶. Все эти записи относятся к Лосицкому погосту, который, следовательно, в опричнину не попал.

же время в Дворовой тетради среди детей боярских по Старице числились князья Андрей и Василий Константиновичи Пронские, родичи В. Ф. Рыбина-Пронского, казенного в 1566 г.

¹ Это произошло после приезда в Новгород опричных дьяков С. Ф. Мишурина и А. М. Старого-Милокова. В летописи говорится: «Торговую сторону взял в опришную, две пятины, Обонескую да Бежицкую пятину, царь государь пожаловал» («Новгородские летописи», стр. 104—105).

² Д. Я. Самохвасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 50.

³ ПКМГ, ч. 2, отд. I, стр. 540, 550 и др.

⁴ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 176, 190.

⁵ «Новгородские писцовые книги», т. V, стб. 571.

⁶ Там же, стб. 508, ср. стб. 509, 512. О датировке книги см. А. А. Зимин, Земельная политика в годы опричнины, стр. 79.

Таким образом, в 1569—1571 гг. в опричнину были включены частично Белоозеро, вероятно Старица и две новгородские пятины. Это распространение опричных порядков на территории, которые в Москве рассматривали как основную базу возможных антиправительственных движений, сопровождалось выселением оттуда служилых людей, не облеченных доверием царя Ивана IV¹.

Еще С. Ф. Платонов утверждал, что «в центральных областях государства для опричнины были определены как раз те местности, где еще существовало на старых удельных территориях землевладение княжат»². Этот же тезис фактически повторил П. А. Садиков³. Однако он вызвал справедливые возражения Г. Н. Бибикова⁴ и С. Б. Веселовского⁵. Наблюдения С. Ф. Платонова и П. А. Садикова основывались на летописном изложении указа 1565 г., сбивчивых показаниях иностранцев и на разрозненных актовых материалах. Решающий же источник для изучения этого вопроса — писцовые книги — оставался до настоящего времени вне поля зрения исследователей. Уникальные казанские и свияжские, а также ярославские писцовые книги времен опричнины в сопоставлении с другими материалами позволяют внести существенные коррективы в схему С. Ф. Платонова и П. А. Садикова. Вывод об антикняжеской или антибоярской направленности земельной политики в годы опричнины не

¹ С. Б. Веселовский обратил внимание на то, что из новгородцев в синодиках больше всего упоминается помещиков Бежецкой пятины.

² С. Ф. Платонов, *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.*, стр. 109, 110. Платонов кроме ссылки на состав опричной территории приводит следующий текст Флетчера: царь, «овладев всем их (удельных князей.— А. З.) наследственным имением и землями... он дал им другая земли на праве поместном... которые находятся на весьма дальнем расстоянии и в других краях государства» (*Д. Флетчер, О государстве Русском*, изд. 3, стр. 32). Но Флетчер в данном случае говорит не о составе опричной территории, а о выселении потомков княжат из своих старинных вотчин. Это не одно и то же.

³ П. А. Садиков, *Очерки по истории опричнины*, стр. 50, 51.

⁴ Г. Н. Бибилов, К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного.— «Труды ГИМ», вып. XIV, 1941, стр. 13.

⁵ С. Б. Веселовский, Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году.— «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 88—91.

может быть признан верным. При создании опричной территории царь отнюдь не мыслил забрать к себе в государев удел земли, где было бы распространено княжеское землевладение. Наличие фонда черных, дворцовых и других земель, годных для обеспечения опричного корпуса, рассматривалось правительством в качестве основного условия для отбора их в опричнину. Конфискация вотчин многих ростовских, ярославских, стародубских и других княжат (проведенная главным образом весной 1565 г.) имела чисто политические цели. И хотя она приводила к серьезным экономическим последствиям для этих землевладельцев, она отнюдь не подорвала социально-экономические основы могущества феодальной аристократии. Число княжеско-боярских земельных владений в XVII в. было не меньше, чем в XVI в. Будучи направлена своим острием против удельных пережитков, опричнина в 1569—1571 гг. включила в свой состав основную территорию княжества Владимира Старицкого и часть земель Великого Новгорода, как бы подведя тем самым финальную черту под напряженную политическую борьбу опричных лет¹.

* *
*

Уже январский указ 1566 г. предусматривал создание опричной гвардии из «князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых»². Это войско должно было

¹ В недавно появившейся в печати статье Р. Г. Скрынников, имея в виду выселения в Поволжье, пишет, что «опричная земельная реформа, проведенная в самом начале опричнины, знаменовала собой подлинное крушение родового землевладения феодальной аристократии» (Р. Г. Скрынников, Опричная земельная реформа Грозного. 1565 г.— «Исторические записки», кн. 70, 1961, стр. 348). Это, конечно, преувеличение. Основная масса выселенцев ровно через год была амнистирована и получила старые или новые владения в центре Русского государства (в Казани, по данным самого Скрынникова, уже к осени 1566 г. осталось только 42 «новых жильца»).

² ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 395. В. Б. Кобрин не без основания предполагает, что ядро этого войска составил тот выбор «изо всех городов, которых приобрел государь быти

служить надежной опорой царя при искоренении крамолы.

Сразу же вслед за возвращением в столицу из Слободы и после первых опричных казней царь распорядился «выписать в Москву всех военных людей областей Суздаля, Вязьмы и Можайска»¹. Речь, следовательно, шла о том «переборе людшек» на опричной территории, который был предусмотрен указом 1565 г. Смотр производили наряду с царем опричный боярин Алексей Басманов, оружничий Афанасий Вяземский и думный дворянин Петр Зайцев. В опричину, по словам Таубе и Крузе, зачислялись те, против кого у царя «не было подозрения и кто не был дружен со знатными родами»². Опричник давал особую клятву верности царю (вероятно, по типу крестоцеловальных записей губных и земских старост и целовальников)³. Смотру подвергалось служилое население не только опричных, но и других районов Русского государства. Вероятно, на один из таких смотров (после 11 марта 1565 г.) направился вотчинник Костромского уезда Иван Ильин сын Матафтин («по государеве присылке к Москве, что велено быти детям боярским, служилым и неслужилым») ⁴.

Для того чтобы опричников по внешнему виду можно было отличить от земских, им предписывалось носить особую одежду: «Пехотинцы все должны ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем меху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху». Кроме того, во время езды опричники должны привязать собачьи головы на шею у лошади и шерсть на кнутовище. «Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметають все лишнее из страны». Из пехотинцев также царь

с ним» во время декабрьского выезда из Москвы 1564 г. (там же, стр. 391; В. Б. Кобрин, Социальный состав опричного двора. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1961, стр. 7).

¹ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 35.

² Там же.

³ Об этом пишет (кроме Таубе и Крузе) Г. Штаден: «Они целовали крест, что не будут заодно с земскими и дружбы водить с ними не будут» (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 86, ср. стр. 96).

⁴ П. А. Садиков, Из истории опричины XVI в., — «Исторический архив», 1940, кн. III, № 1, стр. 181.

создал «особую опричнину, особое братство», которое царь учредил для карательных экспедиций¹.

Ханжески показное смирение, заимствованное из быта осифлянских «общежительных монастырей», сочеталось в опричнине с безудержной жадностью стяжательства, с насилиями, оргиями и развратом. Иван Грозный создал в Александровой слободе своего рода монашеское братство (орден). Всех своих сподвижников он называл «братией», так же как и они именовали его не иначе как «брат». В этом «братстве» царь разыгрывал роль игумена, Афанасий Вяземский — келаря, Малюта Скуратов — пономаря. Вся «братия» должна была носить специальное оружие — заостренные монашеские посохи и длинные ножи, спрятанные под верхней одеждой².

Для понимания классовой сущности и политической направленности опричнины необходимо выяснить социальный состав опричного войска.

Некоторые иностранные очевидцы сообщают, что царь набирал опричников «из подонков»³, из дерзких и жестоких головорезов «очень низкого происхождения»⁴, подчас крестьянского рода»⁵. Им, как это ни странно,

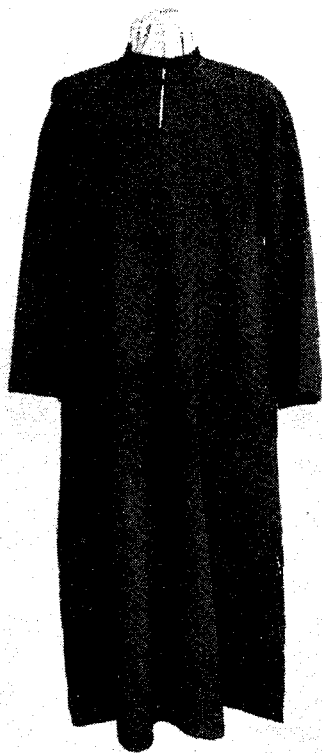
¹ *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 38—39. Автор Пискаревского летописца также пишет, что царь «ходиша и ездиха в черном и все люди опришники, а в саадаех помля» («Пискаревский летописец», стр. 76). Царь, по словам Шлихтинга, «надевает... черное и мрачное монашеское одеяние», которое «подбито козьими мехами». По его примеру и другие «старейшины» принуждены носить такое же платье (*А. Шлихтинг*, Указ. соч., стр. 27); «Опричные должны были носить черные кафтаны и шапки и у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к падке» (*Г. Шгаден*, Указ. соч., стр. 86). Ричард Джемс также говорит, что опричники «ходили в особом наряде» (*Б. А. Ларин*, Русско-английский словарь — дневник Ричарда Джемса (1618—1619), стр. 188—189). О вещественной символике опричнины см. *И. И. Полосин*, Социально-политическая история России XVI — начала XVII в., М., 1963, стр. 150—155.

² *А. Шлихтинг*, Указ. соч., стр. 27; *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 40.

³ *А. Шлихтинг*, Указ. соч., стр. 19. Царь, по Горсею, «оказывал покровительство всякому сброду, раслущенной военщине, какую только мог выкопать на поругание высшему дворянству» («Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея», стр. 26).

⁴ *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 39.

⁵ Там же, стр. 35.

Одежда опричника.

вторит и сам царь Иван, писавший в 1574 г. опричнику Василию Грязнову: «Мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды»¹. Но гораздо более правдоподобно известие Флетчера о том, что к опричным людям «принадлежали те из лиц высшего сословия и мелких дворян, коих царь взял себе на часть, чтобы защищать и охранять их, как верных своих подданных»². При этом, судя по Штадену, «князья и бояре, взятые в

¹ «Послания Ивана Грозного», стр. 193.

² Д. Флетчер, О государстве Русском, стр. 31.

опричнину, распределялись по степеням не по богатству, а по породе»¹.

В настоящее время у нас есть возможность проверить эти разноречивые показания иноземных наблюдателей. На основании тщательного обследования громадного количества сохранившихся источников В. Б. Кобрину удалось составить исключительный по своему значению список опричников. В нем насчитывается 277 человек, представляющих собой опричную верхушку².

По указу 1565 г. предположено было «учинити... в опришнине князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов»³. П. А. Садиков пишет, что это первоначальное количество с течением времени «было увеличено до многих тысяч»⁴. Так ли было на самом деле или нет, сказать трудно. Во всяком случае иностранцы считают, что опричников было значительно меньше. Таубе и Крузе называют две цифры. Сначала они говорят, что Грозный отобрал «зимой» (вероятно, в 1565/66 г.) 570 бояр только из Костромы, Ярославля, Переяславля и некоторых других районов русского государства⁵. Но не-

¹ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 86.

² В. Б. Кобрин, Состав опричного двора царя Ивана Грозного.— «Археологический ежегодник за 1959 год», стр. 16—91. По данным С. С. Печуро, основанным на материалах разрядных книг, в земщине насчитывалось минимум 350 лиц, не входивших в опричнину (С. С. Печуро, Земские служилые люди в годы опричнины.— «Труды МГИАИ», т. 15, М., 1961, стр. 600).

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 395.

⁴ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 22.

⁵ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 36. Н. М. Карамзин пишет, что царь увеличил опричный корпус с 1000 до 6000 человек (Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. IX, стб. 49). Этот вывод повторили В. О. Ключевский, И. А. Коротков, В. Б. Кобрин (В. О. Ключевский, Сочинения, т. II, стр. 174; И. А. Коротков, Иван Грозный. Военная деятельность, М., 1952, стр. 24; В. Б. Кобрин, Укрепление Русского централизованного государства во второй половине XVI в.— «Преподавание истории в школе», 1960, № 5, стр. 39). Эта ошибка — результат неверного прочтения рассказа Таубе и Крузе. Последние говорят, что к царю прибыло 6 тысяч воинов из Суздаля, Вязьмы и Можайска, из числа которых царь «взял... к себе тех, против кого у него не было подозрения и кто не был дружен со знатыми родами» (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 35). Следовательно, из 6 тысяч человек только какая-то часть попала в опричнину.

много ниже, характеризуя «особую опричнину» царя, они говорят о пятистах «молодых людях»¹. Такую же цифру называет и Штаден, говоря о том, что Мария Темрюковна «подала великому князю совет, чтобы отобрал он для себя из своего народа 500 стрелков»².

Если Штаден говорит о плане создания опричного корпуса, то Шлихтинг сообщает, что осенью 1570 г. царь уже содержал «около восьмисот» опричников³.

С другой стороны, нам доподлинно известно, что опричное войско состояло к 1567 г. из трех, а к 1569 г.— из пяти полков, т. е. его численность намного превосходила даже тысячу человек и, по данным В. Б. Кобрин, достигала 4500—5000 человек⁴. В чем же причины такого несоответствия показаниями иностранцев? Вероятнее всего, последние имеют в виду не всю опричную армию, а опричный двор Ивана IV. Но если так, то число опричных военачальников, выявленных В. Б. Кобриным, составит значительный процент этого двора, т. е. примерно его одну треть. Конечно, В. Б. Кобрин не удалось избежать отдельных промахов. Но они носят частный характер и не могут повлиять на общую картину. Так, В. Б. Кобрин отказался от помещения в список несомненных опричников, известных по писцовой книге Шелонской пятины 1571 г.⁵, и некоторых дру-

¹ *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 39.

² *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 85.

³ *А. Шлихтинг*, Указ. соч., стр. 61.

⁴ В. Б. Кобрин, Источники для изучения численности и истории формирования опричного двора.— «Археографический ежегодник за 1962 год», М., 1963, стр. 124—125.

⁵ Таковыми были Афанасий Жиборев, П. Г. Шулепников, братья Андрей и Степан Благие, Дементий, Михаил и Иван Семеновичи Лугвенева, Василий Хлопов, Андрей Тулуп («Новгородские писцовые книги», т. V, стб. 508, 509, 512, 517; В. Ф. Загорский, История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI веках.— «Журнал министерства юстиции», 1909, декабрь, стр. 196). До 27 января 1569 г. в опричнине помещен шелонский помещик Михаил Корешков сын Ильин (*Д. Я. Самоквасов*, Архивный материал, т. I, стр. 160), в это же время опричником стал новгородец Юрий Нелединский (*Д. Я. Самоквасов*, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 54). Вышел к 1567 г. в «удел», т. е., вероятно, в опричнину, И. А. Ергольский (РИБ, т. II, СПб., 1875, № 37; П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 69—70).

гих¹ на том основании, что наши сведения об этих лицах не дополняются разрядными данными.

В. Б. Кобрин недостаточное внимание уделил сообщению Генриха Штадена о казни «начальных людей из опричнины»². А этот рассказ позволяет пополнить его список рядом опричников: маршалк Булат — это Булат Дмитриевич Арцыбашев³ (которого считал опричным деятелем еще С. Б. Веселовский), князь Андрей (Федорович?) Овцын (у Кобрина есть И. Д. Овцын), стрелецкий голова Курака Уяковский, «Иван Зобатый» (? Чеботов) и дьяк Посник Суворов (поместный)⁴. О инициаторе опричнины боярине В. М. Юрьеве говорилось в главе III. Опричниками были воевода Михаил Белкин, упоминаемый в опричном разряде 1565 г.⁵, и князь Григорий Вяземский, производивший размежевание земель в опричном Поморье⁶. В опричнину несомненно входил уже в 1568—1569 гг. Образец Малыгин, получивший ярославские земли дьяка Никиты Мотовилова⁷. Известного четвертного дьяка Федора Рылова также следует включить в состав деятелей государева удела⁸. Посланных в Англию в 1569 г. дьяка Семена Савостьянова и подьячего Андрея Гри-

¹ Когда в опричнину были взяты земли у Долгих-Сабуровых, то они были розданы Скворцу и Соловью Борщовым, Василию Петровичу и Петру Ивановичу Марковым и Федору Малышкину (*Л. М. Сухогин, Земельные пожалования...—Чтения ОИДР*, 1911, кн. IV, стр. 3, 30). В данном случае речь могла идти об опричниках. Об опричниках Малыгинных из Ярославского уезда мы говорили выше.

² *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 96—97.

³ Последний упоминается также в весеннем разряде 1572 г. (ДРВ, ч. XIII, стр. 425) и в Новгороде летом 1572 г. («Новгородские летописи», стр. 121).

⁴ О нем см. «Сборник РИО», т. 71, стр. 754, 786; ДРВ, ч. XIII, стр. 89.

⁵ ДРК, стр. 268. Возможно, речь идет о дворовом сыне боярском Михаиле Замятине сыне Белкине (Козельск). В. Б. Кобрин (см. «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 51) предпочитает чтение позднейших списков разрядных книг — Михаил Безнин («Сибирский сборник», стр. 17).

⁶ *П. А. Садиков*, Очерки по истории опричнины, стр. 203, 462. В середине XVI в. было двое Григориев Вяземских (Тимофеевич и Иванович).

⁷ Там же, стр. 126.

⁸ Там же, стр. 314—316, 320.

горьева¹ следует считать опричными людьми, ибо именно Слобода ведала отношениями с Англией. Ездивший в 1568—1569 гг. в Швецию Василий Иванович Наумов (дворовый сын боярский по Коломне) также, очевидно, входил в опричный двор². Входил в опричину, очевидно, Дмитрий Андреевич Замыцкий; ему вместе с опричником Е. М. Пушкиным в июле 1572 г. царь послал в Старицу грамоту по военно-служилым вопросам³. Дьяк Никита Титов подписал грамоту 27 января 1569 г., присланную из опричины⁴. В. И. Корещкий считает опричником Федора Ошанина (опричником был В. Ф. Ошанин)⁵, который отвозил в 1570 г. из Новгорода в Москву опального архиепископа Пимена⁶. Наконец, нет в списке В. Б. Кобринна Михаила Тимофеевича Плещеева, одного из поручителей по опричнике З. И. Очине-Плещееве⁷.

Один источник совершенно выпал из поля зрения В. Б. Кобринна — это октябрьский свадебный разряд

¹ Ю. Толстой, Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. 1553—1593, № 20, стр. 68—69.

² «Сборник РИО», т. 129, стр. 137 и др. В посольских делах он назван «можайским дворецким», что указывает на связь Наумова с опричным Можайском. В опричину, кроме того, входило пять Наумовых.

³ «Временник ОИДР», М., 1852, кн. 14, стр. 87—88. В середине XVI в. двое Андреев Замыцких служили при государеве дворе по Вязьме.

⁴ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. I, стр. 160.

⁵ В. Б. Кобрин, Состав опричного двора царя Ивана Грозного. — «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 40.

⁶ ДиДГ, стр. 483.

⁷ О нем см. П. А. Садиков, Царь и опричник, стр. 50. О принадлежности некоторых лиц к опричине можно высказать лишь более или менее обоснованные предположения. Так, 12 февраля 1571 г. на суде опричного боярина В. П. Яковлева была выдана правая грамота за скрепою опричного дьяка Дружины Владимирова по делу о подьячем Улане Айгустове (РИБ, т. XXXII, № 246, стб. 505). На этом основании можно допустить, что Айгустов входил в опричину. Вероятно, опричниками были дворецкий Ю. Токмаков (во всяком случае около 1572 г.), кравчий Ф. И. Салтыков, постельничие Я. В. Волинский и С. С. Ярцев (об этом см. ниже). Возможно, в опричину входил сытник Постник Щекин, который получил земли в опричном Суздальском уезде, возвращенные, однако, Спасо-Ефимьеву монастырю уже в сентябре 1565 г. (АИ, т. 1, № 177, стр. 388).

Портрет опричника
Григория Ивановича Микулина.
Государственный Исторический музей.

√ 1571 г. Ивана Грозного¹. Свадьбы царя Ивана с Марфой Собакиной и его старшего сына с Евдокией Сабуровой (13 ноября) происходили, по всей вероятности, в Александровой слободе². На них присутствовало 26 видных опричников (в том числе Малюта Скуратов, Богдан

¹ ДРВ, ч. XIII, стр. 86—97.

² «Новгородские летописи», стр. 107—108. Здесь летом 1571 г. происходил выбор невест (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 55).

Бельский, трое Годуновых, И. С. Черемисинов и Ф. М. Трубецкой). Из состава земской знати мы находим только дьяков Шелкаловых (которые, впрочем, после июньских казней 1570 г. все время упоминаются среди приближенных к царю лиц) и боярина И. В. Шереметева (Меньшого). Другие участники свадебных пиршеств в составе земских людей не числятся. Это — около полутора десятков родичей опричников¹, примерно столько же малозначительных лиц² и детей боярских из свиты да-рицы³. Таким образом, перед нами несомненно опричный разряд. В нем, кстати, упоминается с десяток Собакиных (в том числе боярин В. С. Собакин, окольничий Г. С. Собакин, кравчий К. В. Собакин)⁴, которые, очевидно, также входили в состав опричнины.

Вероятно, опричниками стали и новые родичи-царевича Ивана Ивановича — Сабуровы. На свадьбе присутствовали Григорий Папин сын и Иван Васильев сын Борисова Сабуровы. О том, что З. И. Сабуров и Б. Ю. Сабуров были опричниками, писал еще С. Б. Веселовский⁵. Следует также принять гипотезу Л. М. Сухотина, считавшего, что опричником сделался В. Б. Сабуров, получивший осенью 1572 г. боярское звание⁶.

¹ Федор Велик, Иван и Пинай Кузминские, Савин Мокеев, Юрий Дмитриев сын Овцын, Федор Панин, князья Михаил и Владимир Андреевичи Трубецкие, Андрей Тулузов (по данным писцовых книг, опричник), Иван Унковский.

² Дьяк Афонасий Бехтеев, Иван Бибииков, Семен и Григорий Бечицы, Степан и Федор Волковы, Федор Ельчанинов, Андрей Игнатьев, Семен и Григорий Овчинины (? Овцыны), Суббота Осорьин, Никифор Ульянов.

³ Мельбеншия Губатов сын Бельский, Андрей Бокеев, Семен Тимофеев сын, Иван Иванов сын, Тархан Иванов сын Булгаковы, Иван Никифоров сын Коростелев, Афонасий Коровин, Андрей Мещеринов, Иван Семенов сын Овцын, Иван Дмитриев сын Сидоров, Максим Судимонтов, Кижман Танеев, Семен Якушин.

⁴ Упоминается также Василий Степанович (Меньшой), Иван и Никита Дмитриевичи, Парфений Иванов, Борис, Степан, Семен Васильевичи Собакины и Петр Собакин. К. В., В. С. и Г. С. Собакины упоминаются и в весеннем разряде 1572 г., о котором будет сказано ниже. См. также соображения Л. М. Сухотина в его работе «К пересмотру вопроса об опричнине», вып. II—VI, стр. 43—44.

⁵ Сведения о земской службе З. И. Сабурова относятся к более раннему периоду и не переходят за пределы 1569/70 г.

⁶ Л. М. Сухотин, Указ. соч., стр. 43—44.

Состав опричников, выявленный В. Б. Кобриним, несколько отличается от выкладок Л. М. Сухотина¹. Последний перечислил 288 опричников, причем 67 человек у Кобринина не встречаются. Однако 9 человек помещены Сухотиным в список по явному недоразумению². О принадлежности двух лиц нет никаких прямых данных³. Не вполне ясно отношение к опричнине татарского царевича Михаила Кайбулича. С одной стороны, он владел вошедшим в опричнину Юрьевом Повольским, а в зимнем разряде 1571/72 г. и весеннем 1572 г. в сопровождении царя он упоминался непосредственно перед боярами «из опричнины»⁴. Но с другой стороны, в 1571—1572 гг. Михаил Кайбулич возглавлял земскую Боярскую думу⁵. Опричником был боярин И. А. Бутурлин. ✓

Возможно, был опричником дьяк Василий Щербина, оставленный Иваном IV летом 1572 г. в Новгороде вместе с наместником князем С. Д. Пронским и дьяком Посником Суворовым⁶. Зато сомнительны связи с опричниной новгородца Осетра Субботы⁷.

Особенно следует остановиться на весеннем разряде 1572 г.⁸. Около 33 человек из участников этого похода Л. М. Сухотин включает в число опричников, а В. Б. Кобрин нет⁹. Речь идет о непосредственном окружении царя,

¹ Л. М. Сухотин, Список опричников Грозного.— «Новик», Нью-Йорк, 1940, вып. 3 (27), стр. 19—25.

² Протасий Михайлов (это — П. В. Юрьев), Ф. Мишурин, С. Ф. Шжуриин, С. Ф. Мишин (вместо последних трех надо — С. Ф. Мишуриин), Д. М. Пупкеев (это — Д. М. Купкеев), С. Б. Пупечников (это — С. В. Совин), П. И. Телятевский (умер в 1565 г.), И. М. Хворостинин (последний раз упом. в 1563 г.), В. Хузин (это — В. Г. Зюзин).

³ Это — Р. Волынский (см. Д. Самохвасов, Архивный материал, т. II, стр. 48—50), И. Дубенской (в 1565—1566 гг. казенный дьяк).

⁴ «Сибирский сборник», стр. 31, 32.

⁵ «Сборник РИО», т. 129, стр. 219, 221, 224, 226.

⁶ «Новгородские летописи», стр. 121.

⁷ Там же, стр. 107.

⁸ ДРВ, ч. XIII, стр. 425—428.

⁹ Алексей и Федор Кауровы дети, Матвей Лобанов сын, Утеш Никитин дети Болотниковы, Леонтий Дмитриев сын Бутурлин, Иван Борисов сын, Иван Звягин сын и Федор Васильев сын Воейковы, князь Иван Михайлович Глинский, дворовый дьяк Алабыш Дюрбенева, Иван Григорьев Зюзин, Александр Константинов сын,

аналогичном опричному окружению осенью 1570 г. и зимнего похода 1571/72 г.¹ Однако весной 1572 г. были явны признаки постепенного смешения опричных и земских служилых людей. Поэтому необходим анализ разряда по существу. В нем прежде всего бросается в глаза «засилье» опричников. До 40 человек мы находим в списке В. Б. Кобрина. Из числа отсутствующих 39 человек четверо нами относятся к опричникам по другим основаниям, а родичи девяти или 12 (если считать Осорьиных) несомненно служили в государеве уделе. Причем только двое ранее упоминались в земских разрядах: И. Г. Зюзин (до 1566 г.) и А. Г. Колтовский². Впрочем, четверо Колтовских, скорее всего, были опричниками уже весной 1572 г., когда царь Иван вступил в четвертый брак с Анной Колтовской. Словом, явно земских людей в весеннем разряде 1572 г. не обнаруживается³. Все это позволяет рассматривать этот разряд как опричный.

Один источник по истории личного состава опричников вызывает сильные сомнения. Это список фамилий опричников, который приводит в своих «Мемуарах» князь П. В. Долгоруков, полученный им от П. Ф. Карабанова⁴.

Григорий Алексеев сын, Петр Афонасьевич и Данила Григорьевич Колтовские, Меркул Утешев сын Микулин, Андрей и Владимир Рудаковы и Федор Васильев дети Мирославские, дьяк Иван Михайлов, Афонасий и Иван Ивановы дети и Тимофей Субботин сын Осорьины, Темир Федоров сын Черного-Панов, дворовый дьяк Игнатий Рязанцев, князь Тимофей Трубецкой, Иван Гаврилов сын, Михаил и Семен Елизарьевы дети Хитрово и упоминавшиеся в другой связи Михаил Кайбулич, дьяк Посник Суворов, Г. С., В. С. и К. В. Собакины. Л. М. Сухотин указывает еще Б. Г. Совина, но мы его в разряде не обнаружили.

¹ ДРВ, ч. XIII, стр. 407—411, 421, 422.

² В 1571 г. («Синбирский сборник», стр. 28).

³ Кроме дьяков Щелкаловых, о которых мы писали выше, касаясь свадебного разряда 1571 г.

⁴ Алеевы, Бегичевы, Бердяевы, Бехтеевы, Битяговские, Благово, Бобынины, Вередагины, Верховские, Вечесловы, Витовтовы, Глотовы, Гневашевы, Головачевы, Дедевины, Деденевы, Дирины, Желтухины, Жихаревы, Звягины, Зилловы, Ивашевы, Извековы, Камышины, Катянины, Колударовы, Кривцовы, Лужины, Лызловы, Мертваго, Норовы, Олсуфьевы, Опочинины, Павтелеевы, Папютины, Плюсковы, Постельниковы, Потаповы, Похвисневые, Пустошкины, Радицевы, Руины, Русиновы, Рылевы, Ря-

Наличие в списке многих фамилий явно более позднего происхождения заставляет воздержаться пока от использования его при изучении состава опричников.

Наличие специальной работы В. Б. Кобринина избавляет нас от необходимости всесторонне характеризовать социальный состав опричнины и позволяет ограничиться лишь важными моментами или вопросами, требующими еще дополнительного исследования.

Основу опричной гвардии составляет государев двор. Именно поэтому больше половины лиц, занесенных В. Б. Кобриным в список опричников в середине XVI в., входили в число дворовых детей боярских. Двор уже накануне опричнины постепенно становился наиболее надежной опорой царской власти. В февральском разряде 1563 г. особенно отмечены «дворовые бояре и воеводы» П. И. Горенский и дьяк Андрей Васильев¹. Дворовые воеводы И. П. Яковлев, П. И. Горенский возглавляли государев полк под Полоцком в 1563 г.² П. И. Горенского и А. Васильева мы находим в составе регентского совета 1562 г. Осенью 1564 г. «двор», т. е. дворовое войско, находился под командованием И. П. Яковлева, князя Андрея Хованского, князя Антона Ромодановского, И. П. Федорова, князя И. М. Хворостинина, Д. Г. Плещеева, А. А. и В. А. Бутурлиных, князя Ивана Канбарова, князя И. А. Шуйского³. Впрочем, опричный двор должен был строиться на других основаниях, чем старый: тщательный отбор лиц в его состав и государева воля являлись неперемennым дополнением к старым родословно-служебным основаниям. Именно в этой связи, очевидно, около 1561 г. прекращено ведение старой Дворовой тетради, не удовлетворившей новым запросам правительства Ивана IV⁴.

бинины, Свищовы, Свизевы, Сколковы, Скуратовы, Тимашевы, Тулубеевы, Тутолмины, Фофоновы, Цвиллиневы, Шамшевы («Memoires du prince Pierre Dolgorukow», t. I, Genève, 1867 p. 132).

¹ Э, л. 297 об.

² А. П. Сапунов, Разряд Полоцкого похода 1562/63 г.— «Витебская старина», т. IV, ч. 1, Витебск, 1885, стр. 50.

³ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 388; Э, л. 315—315 об.; ДРК, стр. 251.

⁴ Последние пометы в тетради о смерти В. М. Глинского и С. И. Микулинского датируются 7068 г. (см. «Тысячная книга

Создавая себе опричнину и персонально отбирая наиболее преданных ему лиц из господствующего класса, Иван Грозный смело выдвигал новых людей из числа городского дворянства, ранее не игравших никакой заметной роли в армии и государственном аппарате. Но это явление нельзя сколько-нибудь переоценивать. В опричнину входили также представители большинства знатных княжеских и боярских фамилий: тут были князья Барятинские, Барбашины, Вяземские, Засекины, Одоевские, Ростовские, Провские, Телятевские, Трубедкие, Хворостинины, Щербатовы, а также многие лица из старомосковских боярских фамилий: Бутурлины, Воронцовы, Годуновы, Колычевы, Плещеевы, Салтыковы, Юрьевы, Яковлевы.

Впрочем, и факт меньшей «аристократичности» опричников еще сам по себе ничего не означает: ведь и удельный князь не мог похвастаться таким обилием аристократических фамилий, которые входили в двор Ивана III или Василия III. К тому же и княжата были разные и по своему служилому и земельному положению.

В. Б. Кобрин считает возможным принять гипотезу Н. П. Павлова-Сильванского о том, что некоторых княжат Грозный брал в опричнину как бы в превентивных целях: чтобы держать рядом с собой неблагонадежных лиц¹. Это допущение противоречит основной цели создания опричного корпуса как наиболее преданного царю войска. Уничтожая подозреваемого в измене Филиппа Колычева, Иван IV продолжал держать в приближении Василия и Федора Умных-Колычевых потому, что оба названных деятеля проявили себя как верные сподвижники царя по борьбе с его политическими противниками². То же было и в других случаях.

1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», л. 102 об., 150 об., а также список ГИМ, Музейное собр., № 3417. Но в списке бояр последними помещены М. И. Волынский (боярином стал не позднее февраля 1561 г.), Ф. И. Умный-Колычев (первые сведения о его боярстве относятся к концу 1561 г.), а в списке окольничих — А. А. Бутурлин (окольничим был уже в феврале 1561 г.).

¹ Н. П. Павлов-Сильванский, Государевы служилые люди..., стр. 61; В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 67, впрочем, на стр. 83 иное.

² Подробнее см. гл. IV.

Уже Г. Н. Бибииков¹, а за ним В. Б. Кобрин ставили перед собой задачу выяснения территориальных связей опричников. Наблюдения обоих авторов продвинули вперед решение этой задачи, но не исчерпали ее целиком. Дело в том, что первый исследователь не имел в своем распоряжении полного текста Дворовой тетради 50-х годов XVI в. и в основном руководствовался данными Тысячной книги 1550 г., т. е. не знал материалов по значительной части государева двора и не учитывал более поздних перемещений служилых лиц. В. Б. Кобрин слишком широко привлек позднейший материал писцовых книг главным образом за послеопричные годы. Это лишило его возможности определить, из каких же уездов служилые люди попали в опричнину, ибо данные 70-х годов вследствие опричной мобилизации земель не могут достаточно четко показывать служило-земельное положение дворянства до 1565 г.² Ниже мы приводим таблицу, характеризующую служилые и земельные связи опричников и основанную на данных Дворовой тетради, пополненных недостающими в ней сведениями Тысячной книги. При этом мы берем лишь данные о тех уездах, по которым тот или иной опричник (или его ближайшие родичи — отец, братья) служил (см. табл. 4).

Итак, в командный состав опричнины входили 157 человек из 33 городов страны, причем из военно-служилых корпораций пяти опричных (для 1565 г.) городов вышло

¹ Г. Н. Бибииков, К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного.— «Труды ГИМ», вып. XIV, стр. 10 и след.

² В. Б. Кобрин также зачисляет одного человека как по уезду, где у него были основные владения, так и по его служилой корпорации. Это осложняет без особой надобности и без того пеструю картину (В. Б. Кобрин, Социальный состав опричного двора. Автореферат кандидатской диссертации, стр. 7—8). Владения опричников были разбросаны по всем основным территориям Русского государства, а не ограничивались государевым уделом. Так, во вполне земском Рязском уезде вотчины или поместья были у опричников С. А. Черкасского, Г. Д. Ловчинова (ранее — вотчина князя Ивана Звенигородского), В. П. Яковлева, Я. Ф. Волинского, О. М. и Д. М. Щербатых и Д. Б. Салтыкова (ЦГАДА, ф. 1209, № 426, л. 16 об., 40—41, 81—82, 135, 188—190, 234 об.).

Т а б л и ц а 4

СЛУЖИЛЫЕ И ЗЕМЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ ОПРИЧНИКОВ

Уезды	Количество опричников	Номера по списку В. Б. Кобрин ¹
Бежецкий Верх	5	164—168
Белая	6	10—12, 142, 248, 251
Боровск	4	119, 130, 175, 176
Вязьма	14	50, 52, 53, 120, 122, 127, 132, 195, 196, 210, 211, 252—254
Дмитров	1	32
Зубцов	3	93, 94, 139
Калуга	4	57, 146, 188, 258
Кашин	6	19, 95, 96, 144, 145, 147
Кашира	5	4, 5, 131, 161, 230
Козельск	7	15—17, 149—152
Коломна	9	9, 59, 61, 123, 124, 249, 250, 255, 277
Кострома	7	42, 43, 68, 98, 99, 170, 173
Медынь	4	204—207
Можайск	3	135, 136, 138
Москва	6	64, 113, 114, 121, 208, 209
Муром	3	104—106
Новгород	1	8
Переяславль-Залесский	14	22, 23, 38—40, 77, 128, 162, 163, 169, 199, 200, 216, 257
Ржева	2	35, 48
Ростов	7	87, 89, 90, 117, 118, 238, 239
Руза	2	171, 172
Стародуб	1	246
Суздаль	5	3, 81, 259, 260, 261
Таруса	1	111
Тверь	2	72, 126
Торжок	5	55, 56, 102, 180, 232
Тула	1	34
Углич	1	101
Юрьев-Польский	2	185, 186
Ярославль	15	14, 63, 75, 157—159, 199, 200, 212—215, 233—235
Служилые князя (Трубецкие, Одоевские, Оболенские)	6	143, 244, 245, 271—273
Татарские и черкасские князя	5	262—265, 268

¹ В. Б. Кобрин, Состав опричного двора царя Ивана Грозного. — «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 16—91.

всего 33 человека¹. Подавляющее большинство опричников, следовательно, происходило из земских уездов, а не из опричных (как думал Г. Н. Бибииков²). Сходная картина обнаруживается и при анализе служилых людей из земщины. По наблюдениям С. С. Печуро, из 186 человек 29 служили по городам, взятым в опричину в 1565 г., а 4 — по Костроме³. Создавая свой опричный корпус, Иван IV руководствовался не служилой и земельной связью того или иного сына боярского с опричными уездами, а совершенно другими мотивами. Становясь опричником, служилый человек часто не переходил в состав землевладельцев опричных уездов, сохраняя свои старые земельные и служилые связи⁴. Пожалование в опричном уезде в таком случае являлось лишь дополнением к основным владениям служилого человека.

В составе опричнины преобладают землевладельцы замосковского центра, издавна являвшиеся опорой самодержавной власти. Вязьмичи и Можайчи наиболее заинтересованы были в безопасности западных рубежей Русского государства и должны были быть наиболее активными участниками Ливонской войны⁵. Вместе с тем, как обратил внимание В. Б. Кобрин, царь Иван охотно брал в опричники людей, слабо связанных с коренным населением России, — татарских и черкасских мурз, немцев, выходцев из Литвы (из «литвы дворовой» происходили князья Вяземские, Д. А. Друцкий, А. Д. Заборовский, Пивовы)⁶. Зато новгородцы и псковичи, все время находившиеся у царя под подозрением, начисто отсутствуют в составе государева двора.

¹ Если сюда добавить костромичей, попавших в опричину позднее, то все равно общая картина существенно не изменится.

² Г. Н. Бибииков, Указ. соч., стр. 12.

³ С. С. Печуро, Земские служилые люди в годы опричнины. — «Труды МГИИИ», т. 16, стр. 463—474.

⁴ См. В. Б. Кобрин, Указ. соч., № 38, 39, 72, 123, 271—272, 277 и др.

⁵ В Можайске и Вязме были поселены на место выведенной отсюда «литвы» выходцы из центральных областей России. Всем им в случае перехода порубежных территорий под литовскую власть грозила неминуемая потеря земель.

⁶ В. Б. Кобрин, Социальный состав опричного двора, Автореферат, стр. 12.

Опричники явились верной опорой царя Ивана IV в борьбе с его политическими противниками. За 1565—1569 гг. ни один видный деятель из состава государева удела не был казнен. Только в 1570—1572 гг. казнили, постригли в монахи и отправили в ссылку 14 видных опричников¹. В это время, как это установил В. Б. Кобрин, на смену старомосковскому боярству, возглавлявшему опричнину, пришли новые лица².

Для понимания сущности опричной политики важно установить черты, роднившие и отличавшие опричников и земских служилых людей. В. Б. Кобрин приходит к выводу, что «состав опричного двора был несколько «худороднее» доопричного и, главное, современного ему земского»³. Это предположение нуждается в некоторых ограничениях. В распоряжении автора крайне незначительный цифровой материал, да и процентное расхождение получается минимальное. К тому же В. Б. Кобрин при

Т а б л и ц а 5

ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РАЗРЯДАХ

	По С. С. Печуро	По В. Б. Кобрину	
	земские служилые люди	земские служилые люди	опричники
Упоминания впервые 1547 г.	5,6%	13%	10,3%
Упоминания впервые в годы правления Избранной рады и подготовки опричнины (1548—1564 гг.)	51,1%	52,1%	50,5%
Упоминания впервые в годы опричнины (1565—1572 гг.)	42,1%	34,9%	39,2%

¹ См. В. Б. Кобрин. Состав опричного двора царя Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 год», № 38, 42, 68, 77, 101, 115, 162—165, 208, 257, 262, 277. Девять опричников погибли уже после 1572 г. (см. № 19, 22, 37, 102, 131, 196, 197, 246, 275).

² В. Б. Кобрин, Социальный состав опричного двора. Автореферат, стр. 13.

³ Там же, стр. 11.

подсчетах земских людей использует сокращенный текст разрядов («Синбирский сборник»), оставляя в стороне пространную редакцию, в которой, конечно, менее знатных земщиков гораздо больше.

С. С. Печуро, привлекая к исследованию все разрядные книги, сделала несколько иные выводы (см. табл. 5 и 6¹).

Т а б л и ц а 6

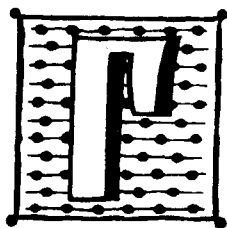
СЛУЖБА ПРИ ДВОРЕ

	По С. С. Печуро	По В. Б. Кобрину	
	земские служилые люди	земские служилые люди	опричники
Тысячники . . .	36,5%	42,3%	32,3%
Дворовые служилые люди, записанные только в Дворовые тетради . . .	34,9%	34,5%	37,4%

Приведенные таблицы показывают, во-первых, что процент дворовых служилых людей в опричнине был больше, чем в земщине. Больше опричников начало свою службу в годы боярского правления, а земских служилых людей — в годы опричнины. Все это в общем понятно: отбор в состав государевой гвардии был тщательным; служилую годность и воинский опыт учитывали, конечно, в первую очередь. Впрочем, различия в социальном составе опричников и земских людей не столь велики. Перед нами в основном те же круги класса феодалов, которые выдвинулись уже в середине XVI в.

¹ Таблицы составлены по данным автореферата В. Б. Кобринна «Социальный состав опричного двора» (стр. 10) и дипломной работы С. С. Печуро об источниках по истории земского двора Ивана Грозного, защищенной в Московском государственном историко-архивном институте в 1961 г.

Глава VIII
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА
В ГОДЫ ОПРИЧНИНЫ

оды опричнины отмечены возросшим могуществом самодержавной власти московского монарха. Важнейшие внешне- и внутривполитические дела решались непосредственно государем всея Руси Иваном Васильевичем и его ближайшим окружением. Грозным царем была введена сама опричнина, им же проводились репрессии против непокорных феодалов. Он непосредственно вел сношения с теми странами, в которых рассчитывал найти поддержку в своей сложной дипломатической игре. Особенно интимный, если так можно выразиться, характер носили его переговоры с Англией. Грозный в конечном счете сам (после консультации с Боярской думой) принимал решения о войне и мире, о походах и строительстве крепостей. В его канцелярии составлялись распоряжения по военным вопросам, по земельным и финансовым делам, по борьбе с эпидемиями. В ближайшем окружении царя (а может быть, и при его личном участии) создавалась официальная версия деяний московского государя и редактировались старые летописные своды с целью дискредитации противников, а когда-то единомышленников царя Ивана IV.

Несмотря на то что в январе 1565 г. царь обещал передать все каждодневное государственное делопроизвод-

ство думе и образующимся приказам, на самом деле он не думал целиком отказаться от прерогатив главы исполнительной власти. Царь продолжал оставаться последней судебной инстанцией в поземельных спорах¹. Много внимания он уделял и местническим делам². В 1593 г. князь Андрей Елецкий оспаривал перед князем И. М. Вяземским значение опричного разряда 1568 г. Он заявлял: «А хоти будет таков розряд и был, и та была государева воля, в опричнине, в том государь волен»³. Воля государя в опричные годы ломала традиционные местнические отношения.

В условиях роста самодержавия на многие правительственные мероприятия накладывала отпечаток незаурядная личность московского государя Ивана Васильевича Грозного. Царь Иван IV сумел по-своему почувствовать историческую неизбежность ликвидации последних столпов феодальной раздробленности на Руси и возглавить борьбу за укрепление централизованной государственности. Конечную цель своей деятельности он видел в безграничном подчинении всех подданных его монаршему своеволию. К этой цели упорно шел этот жестокий правитель через потоки крови, не считаясь с гибелью тысяч безвинных людей из среды крестьян и горожан, из дворян и бояр. Этот путь не был прямым. Выбранные Иваном IV формы и методы усиления самодержавия превращали власть монарха в самовластие деспота. Ярко нарисовал противоречивый облик Ивана IV В. Д. Корюков: «Царь — тиран и палач, мстительный и злобный, холодно предававшийся разврату и носивший всегда отвратительную личину смиренного и покаянного грешника, ханжа и фарисей, царь-юродивый — таков жестокий характер этого вместе с тем выдающегося государственного деятеля»⁴.

¹ См. правую грамоту 28 мая 1568 г. (ГИМ, Симоновское собр., кн. 58, Москва, № 66).

² См. местнические грамоты 1567—1569 гг. (Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования, стр. 108—115; Э, л. 351, 351 об.).

³ «Дела по местничеству». — «Русский исторический сборник», под ред. М. П. Погодина, т. II, М., 1838, стр. 116.

⁴ См. М. Д. Курмачева, Об оценке деятельности Ивана Грозного. — «Вопросы истории», 1956, № 9, стр. 202.

Царь Иван Васильевич Грозный. Гравюра XVI в.

После казни Владимира Старицкого и разгрома Новгорода в России были в основном ликвидированы уделы — важнейший пережиток политической раздробленности. В этом следует усмотреть основной положительный результат опричных преобразований. Те остатки удельной обособленности, которые имелись ко времени ликвидации опричнины, не представляли никакой политической опасности для самодержавной власти. Небольшим уделом

на юге страны владел М. И. Воротынский, небольшие полусамостоятельные владения были у Н. Р. Одоевского (также на юге) и у И. Ф. Мстиславского (Юхотская волость в Ярославском уезде). Полууделом, полукормлением являлись Звенигород, находившийся за татарскими царевичами, сначала за Симеоном Касаевичем¹, а потом за Михаилом Кайбуlichem (в 1572 г.)², и Сурожики, владение царевича Ибака. После 1566 г. царь Иван пожаловал ногайским мурзам Романов. В Касимове властвовал к началу 70-х годов XVI в. казанский царевич Саин-Булат, будущий «государь всея Руси» Симеон Бекбулатович³. Некоторое время (во всяком случае в ноябре 1568 г.) владел на удельных правах Гороховцем князь Михаил Темрюкович Черкасский⁴. «До живота» была пожалована городами Кременеском и Устюжной Железопольской вдова князя Юрия Васильевича⁵. Впрочем, это владение было чисто номинальным. Дело ограничивалось тем, что

¹ Во всяком случае в 1558/59 г. (ПКМГ, т. 1, отд. I, стр. 660; о дате см. С. Б. Веселовский, Сошное письмо, т. II, стр. 595). Умер Симеон в августе 1565 г. (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 398), а еще в марте Звенигород был променен царем Иваном Владимиру Старицкому.

² В 1570 г. за Михаилом Кайбуlichem был еще г. Юрьев Повольский, который получил в 1552 г. при выезде на Русь его отец астраханский царевич Кайбула («Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», стр. 77; ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 476; И. Масса, Краткое известие о Московии в начале XVII в., М., 1937, стр. 24).

³ ДидГ, № 104, стр. 426. В Царском архиве хранились «шертная грамота и списки, как государь царь и велики князь пожаловал Сеин-Булата царевича — учинил на Касимове городке царем» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 39; см. также «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», стр. 77). Сводку данных о нем см. Н. В. Лилеев, Симеон Бекбулатович хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской. 1567—1616 гг. (Исторический очерк), Тверь, 1891, стр. 1—123; также С. Б. Веселовский, Последние уделы в Северо-Восточной Руси.—«Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 113—127.

⁴ А. А. Зимин, Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря (1506—1612 гг.).—«Археологический ежегодник за 1962 год», М., 1963, под № 177. Гороховец неоднократно представлял собой полудельное владение и в XVII в. (см. Ю. В. Готье, Замосковский край в XVII веке, изд. 2, стр. 378).

⁵ ДидГ, № 104, стр. 441.

княгине шел с посада оброк «за ямские и за приметные» и за полоняничные деньги¹. Все эти и некоторые другие удельные последыши будут в скором времени окончательно ликвидированы.

Накануне учреждения опричнины Боярская дума насчитывала 33 боярина и 9 окольных². С начала 1565 г. единая дума раскололась на земскую и опричную. В опричную сразу же вошли А. Д. Басманов и В. М. Юрьев. В 1565 г. из земской думы выбыли еще шесть бояр: двое из них были казнены (А. Б. Горбатый, П. М. Щенятев), двое пострижены в монахи (И. А. Куракин, Д. И. Немой), один заключен в темницу (В. В. Морозов) и один умер (Ф. И. Сукин). Казнен был и окольный П. П. Головин. Все эти репрессии направлены были главным образом против сторонников Владимира Старицкого.

С 1570 г. начинается постепенный спад опричнины. Наряду с казнью земского боярина П. С. Серебряного и насильственным пострижением в монахи И. В. Шереметева Большого знаменательна была гибель опричных бояр А. Д. Басманова и З. И. Очина-Плещеева, окольного В. И. Вяземского и пострижение в монахи боярина И. Я. Чеботова.

В 1571 г. во время майского пожара погибли земские бояре И. Д. Бельский и М. И. Вороной-Волынский, но казнены были опричные бояре В. И. Темкин, Л. А. Салтыков, В. П. Яковлев и земские родичи последнего И. П. и С. В. Яковлевы. Из земской думы выбыло также трое окольных: М. М. Лыков и умершие А. А. Бутурлин и Д. Ф. Карпов. В опричную думу вошли новые бояре Н. Р. Одоевский, С. Д. Пронский и окольные О. М. Щербатый и В. Ф. Ошанин³, а также, вероятно, боярин

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1669, № 214.

² Подробнее о составе думы в опричные годы см. А. А. Зимин, Преобразование центрального государственного аппарата в годы опричнины.—«Исторические науки», 1961, № 4, стр. 120—124.

³ В марте 1569 г. опричным боярином был И. А. Бутурлин («Летопись занятий Археографической комиссии», вып. III, СПб., 1865, стр. 24—25), по Шереметевскому списку—окольный с 1562/63 г., боярин—с 1566/67 г. Так как определенных сведений об его окольности у нас нет, то при подсчетах учитываем только его боярство с 1569 г.

В. С. Собакин Большой и окольничие В. С. Собакин Меньшой и Г. С. Собакин (в связи с жепитьбой царя на Марфе Собакиной), а также окольничий Д. Г. Колтовский.

В 1572 г. наблюдается расширение числа думцев; в земскую думу вошли бояре И. П. Шуйский, В. Б. Сабуров, В. А. Глинский, в опричную — бояре П. Т. Шейдяков и Ф. М. Трубецкой¹.

Выбыли из думы в 1572 г. опальные В. С. Собакин Большой, В. С. Собакин Меньшой, Г. С. Собакин, Д. Г. Колтовский. На войне погиб боярин И. А. Шуйский, некоторое время перед этим побывавший в опричной думе².

Таким образом, к концу 1572 г. в земской думе числилось 13 бояр³, окольничих совсем не было, в опричной — восемь бояр и шесть окольничих⁴. Если состав окольничих в Боярской думе остался примерно тот же, что и накануне введения опричнины, то бояр стало значительно меньше. При этом из 20 бояр только восемь имели свои звания до 1565 г., а окольничих таковых вовсе не было. Подавляющее большинство бояр выбыло из думы из-за опал. Разницы тут между опричной и земской думами не было. Из восьми опричных бояр 1569 г. к концу 1571 г. в думе остались всего двое, на места остальных назначены были новые лица (см. табл. 7).

Уменьшение состава Боярской думы не дает оснований для вывода о падении ее роли в политической жизни страны: в годы малолетства Ивана IV, когда дума была всеильна, ее численность была невелика, а расширение состава бояр и окольничих во время Избранной рады привело к уменьшению значения феодальной аристократии в центральном аппарате. Княжеская прослойка в думе

¹ В. Б. Кобрин, Состав., стр. 78.

² Он именуется боярином «ис опричнины» весной 1572 г. (Э, л. 458).

³ И. Ф. Мстиславский, П. В. Морозов, А. И. Ногтев, П. А. Куракин, М. Я. Морозов, И. В. Шереметев Меньшой, Я. А. Салтыков, В. Ю. Траханиот, Н. Р. Юрьев, М. И. Воротынский, В. А. Глинский, В. Б. Сабуров, И. А. Шуйский.

⁴ Бояре: Ф. М. Трубецкой, С. Д. Пронский, П. Т. Шейдяков, П. Д. Пронский, Н. Р. Одоевский, Ф. И. Умный-Колычев, И. А. Бутурлин, В. А. Сицкий. Окольничие: Н. В. Борисов-Бороздин, В. И. Умный-Колычев, Д. И. Хворостинин, Д. А. Бутурлин, В. Ф. Ошанин, О. М. Щербатый.

1565—1572 гг. почти не уменьшилась. В конце 1564 г. из 42 думцев было 24 князя, т. е. 57%, а к концу 1572 г. на 27 членов думы приходилось 14 князей (52%). При этом опричная дума была не менее аристократичной, чем земская (среди восьми опричных бояр к концу 1572 г. только двое не носили княжеского титула). Правда, В. Б. Кобрин приходит к противоположному выводу¹. Но он, на наш взгляд, непомерно расширяет состав опричной думы. Кроме бояр и окольников он туда включает шесть думных дворян, одного кравчего, одного оружничего и М. Т. Черкасского, который боярином не был. Если мы не будем учитывать этих девяти лиц (из 28 опричников, упомянутых Кобриным) и ограничимся только боярами и окольниками, то о меньшей аристократичности опричной думы говорить у нас никаких оснований не будет.

Т а б л и ц а 7

БОЯРСКАЯ ДУМА В ОПРИЧНЫЕ ГОДЫ

	Земская дума						Опричная дума					
	Бояре			Окольничие			Бояре			Окольничие		
	убы- ло	при- было	все- го к кон- цу года	убы- ло	при- было	все- го к кон- цу года	убы- ло	при- было	все- го к кон- цу года	убы- ло	при- было	все- го к кон- цу года
1565	8	2	27	2	2	9	—	2	2	—	—	—
1566	2	2	27	2	2	9	—	2	4	—	—	—
1567	1	—	26	3	—	6	1	1	4	—	3	3
1568	5	1	22	1	—	5	—	—	4	—	—	3
1569	4	—	18	1	1	5	—	4	8	—	1	4
1570	3	—	15	2	—	3	3	2	7	2	2	4
1571	4	—	11	3	—	3	3	3	7	—	5	9
1572	1	3	13	—	—	0	1	2	8	3	—	6

Усиление экономической и политической роли дворянства привело к сложению новых думных чинов —

¹ В. Б. Кобрин, Социальный состав опричного двора. Автореферат, стр. 11.

«думных дворян» и «думных дьяков». Их оформление относится ко второй половине XVI в., однако зарождались эти чины еще с конца XV в. В марте 1564 г. думными дворянами («дворяне, которые в думе живут») были князь А. П. Телятевский, князь П. И. Горенский, П. В. Зайцев, И. С. Черемисинов, Ш. Кобяков.

В мае 1570 г. думными дворянами впервые были опричники Петр Васильевич Зайцев, Иван Семенович Черемисинов, Малюта Лукьянович Скуратов-Бельский, Василий Григорьевич Грязной и Иван Федорович Воронцов. Возможно, к концу 1570 г. были думными дворянами также князь С. Черкасский, В. Ф. Ошанин и Василий Михайлович Пивов. Уже зимой 1571 г. думным дворянином был опричный печатник Роман Васильевич Алферьев. В отличие от бояр и окольных думные дворяне происходили из состава неродовитого дворянства и были обязаны повышению своей выслугой.

Судьба всех этих лиц была разная. Некоторые из них заплатились жизнью. Так, П. И. Горенский попал в опалу и был казнен в период создания опричнины (в начале марта 1565 г.). Казнен был опричник И. Ф. Воронцов. В связи с «новгородским изменным делом» 1570 г. постигла казнь и П. В. Зайцева. Но что более характерно — это близость думных дворян к опричному двору Ивана Грозного. Не случайно в их числе были видные опричники Малюта Скуратов и Василий Грязной. Именно из состава опричников и формировались думные дворяне 1566—1572 гг.

По январскому указу 1565 г. Иван Грозный передавал Боярской думе во главе с И. Д. Бельским и И. Ф. Мстиславским все текущее управление страной на территории земщины¹. И действительно, А. Шлихтинг писал, что царь «держит в своей милости князя Бельского и графа Мстиславского... говоря так: «Я и эти двое составляем три Московские столпа. На нас троих стоит вся держава»².

¹ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 395.

² А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 23. Это свидетельство подтверждается не только записью указа 1565 г., но и Посольскими делами, где в 1568—1570 гг. мы находим формулу: «Писал (царь) к бояром, ко князю Ивану Дмитриевичу Бельскому да ко князю Ивану Федоровичу Мстиславскому» («Сборник РГО».

По указу 1565 г. бояре должны были докладываться царю и решать вместе с ним только «ратные» или «земские великие дела». Уже в этом заложено было то основное противоречие в организации управления, которое опричнина не смогла преодолеть. Направленная против остатков политической раздробленности, опричнина приводила к росту самодержавной власти московского государя. Вместе с тем она укрепляла и позиции феодальной аристократии в стране, ибо вручала в руки ее основного органа — Боярской думы все повседневное управление и суд.

Правда, деятельное участие в посольских делах земской Боярской думы сочеталось с непосредственной и очень активной ролью в дипломатической жизни самого Ивана Грозного и его опричного окружения. Решающее слово по всем вопросам мира и войны принадлежало «государю всея Руси». В опричнине ведались сношения с теми странами, с которыми Иван IV заинтересован был в установлении прочных мирных отношений. В 1571 г. в награду за длительную дипломатическую службу зачислены в опричнину русские послы в Крыму А. Ф. Нагой и Ф. А. Писемский¹. Крымские послы, как обратил внимание В. Б. Кобрин, принимались обычно в Слободе. Здесь же и на Вологде предпочитал царь вести тайные переговоры с английскими дипломатическими агентами.

Наиболее ответственная часть дипломатических сношений с другими странами (непосредственные переговоры с иностранными представителями) иногда находилась в руках опричников. Так, в 1566 г. переговоры с польскими послами вели В. М. Юрьев, А. И. Вяземский и П. В. Зайцев, а в 1567 г. посольство в Польшу возглавлял Ф. И. Умный-Колычев. Но это было отнюдь не всегда. В Швецию в 1568 г. был послан земский боярин И. М. Воронцов, правда в сопровождении опричника В. И. Наумова, а в 1570 г. переговоры в Москве с польским посольством вели земские бояре М. Я. Морозов и Н. Р. Юрьев.

т. 71, стр. 609, ср. стр. 571—572). В других случаях царь писал к Бельскому, Мстиславскому, Воротыньскому и «ко всем боярам» (там же, стр. 586, 587, 604; В. Савва, О Посольском приказе в XVI в., вып. 1, стр. 102); а от них грамоты направлялись дарю (АИ, т. I, № 179).

¹ П. А. Садилов, Очерки по истории опричнины, стр. 139.

В мае 1570 г. уже появляется первый признак грядущего слияния земской и опричной частей Боярской думы: думцы подписали совместный приговор по внешнеполитическим делам, хотя служба думных людей в опричнине и земщине четко разграничивалась¹.

Внимательное изучение В. И. Саввой организации посольской службы в XVI в. показало, что земская Боярская дума в опричные годы принимала самое деятельное участие в решении важнейших внешнеполитических задач, стоявших перед страной². Сношения с Крымом³ и ногаями, вопросы войны и мира с Польшей обсуждались в думе, которая принимала важнейшие решения, санкционированные царем. Бояре (правда, под контролем царя) непосредственно переписывались с литовскими панями равными. В посольские книги уже с 1564 г. начинают вноситься приговоры Боярской думы по внешнеполитическим делам с поименным перечнем участников этих решений.

Земская дума высказывала свое мнение и о плане военных действий. Уже в апреле 1565 г. царь «приговорил з бояры» по вопросу об организации обороны от нападения крымских войск⁴.

На заседании Боярской думы в ноябре 1567 г. принято было решение прекратить поход, возглавлявшийся самим царем⁵. Бояре в мае 1570 г. обсуждали вопрос о походе царя против крымских татар⁶. На заседаниях думы выносились «приговоры» о строительстве оборонительных городов-крепостей (например, Толшебора на Колыванской дороге)⁷, об организации засечной службы⁸.

¹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 666. В январе 1572 г. опричник С. Д. Пронский и земский боярин М. Я. Морозов совместно решали местническое дело (В. Б. Кобрин, Из истории местничества XVI века.— «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 217—218).

² «Из Посольских книг не видно, чтобы опричнина умалила роль Боярской думы в Посольском деле» (В. Савва, О Посольском приказе в XVI в., вып. I, стр. 190).

³ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 13, л. 64, 66, 69, 82, 83 об.

⁴ «Синбирский сборник», стр. 16.

⁵ Э, л. 341.

⁶ «Сборник РИО», т. 71, стр. 660.

⁷ Э, л. 357 об.

⁸ «Акты Московского государства», т. I, № 3, 5.

Комиссии Боярской думы разбирали местнические дела¹, земельные споры, дела «о бесчестьи»² и возглавляли приказное управление. Штаден говорил, что бояре «в своих руках... держали все управление. В каждом судебном приказе и во всех других приказах сидел тот или иной князь или боярин, и, что приказывал он дьяку писать, тот так и писал»³.

В годы опричнины пострадали многие представители феодальной аристократии. Но опричная гроза миновала крупнейшие княжеско-боярские фамилии Мстиславских, Воротынских, Бельских, Шуйских, Глинских, Одоевских, Романовых-Юрьевых. А они-то и составляли цвет Боярской думы, роль которой в этот период фактически возросла. Именно поэтому сразу же после смерти Ивана Грозного все управление страной перешло в руки боярского совета. В. И. Ленин подчеркивал, что в XVII в. Россия была самодержавной монархией «с боярской Думой и боярской аристократией»⁴. Эту важнейшую черту, характеризующую политический строй Русского государства XVII в., можно понять только исходя из того факта, что во второй половине XVI в. Боярская дума не только сохранила, но и упрочила свои политические позиции.

Опричная дума осуществляла верховное управление и суд на территории государева удела⁵. Суд «боярина вве-

¹ В. В. Кобрин, Из истории местничества XVI в.— «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 214—219.

² П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 51, стр. 256—257. В феврале 1571 г. боярин В. П. Яковлев «с товарищи» приговорили конфисковать вотчину подьячего Улана Айгустова за клевету на дьяка В. Щелкалова. Грамоту скрепил опричный дьяк Дружина Владимиров (РИБ, т. XXXII, № 246, стб. 505—507). Вероятно, перед нами памятник суда опричных бояр.

³ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 79.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, стр. 346.

⁵ В грамоте 1567 г. Симонову монастырю говорилось: «А кому будет чего искати на самом архимандрите и на стардех и на их прикащике, ино их сужу яз, царь или великий князь, или наши бояре в опришнине» (П. А. Садиков, Указ. соч., № 19, стр. 211). В грамоте 1566 г. Симонову и в грамоте 1571 г. Махрищскому монастырям встречаем формулу: «Сужю яз царь... или мой боярин введеный в опришнине» (П. А. Садиков, Указ. соч., № 20, стр. 214; Леонид, Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга.— «Чтения ОИДР», 1878, кн. III, стр. 33).

Пир в Александровой слободе.
Гравюра из книги Я. Ульфельда. XVI в.

денного» в опричнине (вместо суда дворецкого) означал воскрешение архаических форм судопроизводства, характерных для удельных времен.

Особенно важную роль в формировании опричного аппарата сыграл государев дворец. Уже по указу 1565 г. предписывалось ««на дворцех», на Сытном, и на Кормовом, и на Хлебном, учинити ключников, и подключников, и сытников, и поваров, и хлебников, да и всяких мастеров, и конюхов, и псарей, и всяких дворовых людей на всякой обиход»¹. И действительно, в списке дворовых людей от марта 1573 г. мы находим людей Кормового, Хлебного и Сытного дворцов среди лиц, входивших, по всей вероятности, в опричнину². Виднейшие деятели дворцо-

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 394. В Царском архиве хранились «сыски родства ключников и подключников, и сытников, и поваров, и хлебников, и помясов, и всяких дворовых людей» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 39), проведенные, вероятно, в связи с зачислением этих людей в опричнину.

² Д. Н. Альшиц, Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г.— «Исторический архив», кн. IV, 1949, стр. 52, 55, 59 и др.

вого аппарата А. Вяземский, Ф. Басманов, Л. Салтыков, Ф. Умный¹ сделали руководителями опричнины, а один из ее инициаторов, В. М. Юрьев, уже давно был тверским дворецким (с февраля 1546 по 1552 г.). Родич В. М. Юрьева боярин Никита Романович Юрьев после смерти своего брата Данилы (ноябрь 1564 г.) сделался главой Большого дворца². Возможно, что некоторое время он также исполнял обязанности тверского дворецкого³. Штаден называет дворец приказом «подклетных сел», разъясняя, что в нем ведались те села, «которые служили для содержания дворца»⁴.

Кто возглавлял опричный дворец в первые годы после его учреждения, сказать трудно. Во всяком случае в январе 1570 г. дворецким именуется опричный боярин Лев Андреевич Салтыков⁵. По А. Шлихтингу, Таубе и Крузе, некоторое время (около 1570 — 1571 гг.) должность гофмаршала (или начальника двора) занимал князь Иван

¹ Еще в декабре 1557 г. последний был подчинен по дворцовому ведомству Л. А. Салтыкову (ПРП, вып. IV, стр. 547); с 1558 по 1564 г. им «приказывались» грамоты по Перми и другим районам (ДАИ, т. I, № 117; ГИМ, Симоновское собр., кн. 58, Москва, № 66, л. 597—599 об.; АФЗиХ, ч. I, № 223; ГКЭ, Владимир, № 37/1814; «Продолжение Древней Российской Вивлиофики», ч. X, стр. 217). В Царском архиве хранились «списки верстальные постельных истошников, верстанья боярина Федора Ивановича Умного с товарищи» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 41).

² Н. Р. Юрьев упоминается как дворецкий уже в мае 1565 г. (ДРК, стр. 261). В январе 1567 г. он пишет грамоту в Переяславль о присылке оброков «на Большой земский дворец». Дьяком (дворцовым) был в это время Василий Андреев (*С. Шумаков*, Обзор., вып. IV, № 1455, стр. 526, ср. *С. М. Каштанов*, Хронологический перечень, № 860, 908). В конце 1568 г. Н. Р. Юрьев как дворецкий должен был выдать на дорогу «рыбы и медов красных» польским послам («Сборник РИО», 71, стр. 580). «Боярином и дворецким и наместником тферским» именуется он во время переговоров с польскими послами в 1570 г. (там же, стр. 643). У Н. Р. Юрьева также были вотчины в Тверском уезде (*Д. Цветаев*, Избрание Михаила Федоровича на царство, М., 1913, стр. 53).

³ См. грамоту от июля 1566 г., где упоминается «Приказ Тверского дворца» (ГБЛ, Собр. Беляева, № 131).

⁴ *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 79.

⁵ «Новгородские летописи», стр. 399. Как боярин упоминается в середине 1570 г. («Сибирский сборник», стр. 26). Вероятно, погиб в 1571 г. (*И. Таубе* и *Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 54).

Федорович Гвоздев-Ростовский, погибший во время казней опричников в 1571 г.¹ В 1572 г. опричным дворецким, вероятно, был князь Юрий Иванович Токмаков-Звенигородский, разбиравший в этом году дело Суздальского Покровского монастыря².

Впрочем, опричный дворцовый аппарат начал действовать, вероятно, уже с момента разделения территории страны на две части. Делопроизводственная работа в нем велась под руководством дьяка Петра Григорьева (Совина)³. До нас дошли главным образом акты, характеризующие его распоряжения по земельным вопросам. Еще 18 февраля «ис опричнины» за приписью Григорьева выдали жалованную тарханную грамоту Симонову монастырю на село Дикое опричного Вышгородского уезда⁴. В сентябре тот же дьяк подписал аналогичную грамоту Шаровкиной пустыни на владения в Перемышльском и Белевском уездах⁵. Ровно через год Григорьевым была выдана сходная грамота Симонову монастырю в опричном Можайском уезде⁶. Когда Симонов монастырь сделался опричным, то он выдает симоновским старцам грамоту на владение селом Кувезино в неопричном Стародубском уезде⁷. В феврале 1568 г. из Слободы с доклада Петра Григорьева были направлены две грамоты: одна — в связи с пожалованием Кириллову монастырю владений вместо

¹ *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 54. Шлихтинг пишет, что он «скончался от моровой язвы» после отъезда польских послов летом 1570 г. (*А. Шлихтинг*, Указ. соч., стр. 42); см. о нем *В. Б. Кобрин*, Состав опричного двора Ивана Грозного.— «Археологический ежегодник за 1959 год», стр. 65.

² *И. М. Катаев и А. К. Кабанов*, Описание актов собрания гр. А. С. Уварова, М., 1905, отд. I, № 45; *П. А. Садиков*, Очерки по истории опричнины, стр. 82.

³ См. об этом *П. А. Садиков*, Указ. соч., стр. 81—82. Веселовский весьма правдоподобно отождествляет его с опричным дьяком П. Г. Совиным (Петрок Меньшой в 50-х годах был дворовым сыном боярским по Воротынску, а Петрок Большой — по Мещовску). Заметим, что в биографии дьяка П. Г. Совина проблемы относятся как раз к тем годам, когда нам известен дьяк Петр Григорьев.

⁴ *П. А. Садиков*, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 6, стр. 188.

⁵ Там же, № 7, стр. 195.

⁶ Там же, № 20, стр. 215.

⁷ Там же, № 34, ср. № 33, стр. 233.

отобранных царем деревень в Чаронде на Белоозере; другая — по поводу обмена кирилловских сел Капинского уезда на село Яргомыш Белоозерского уезда¹. Помету Петра Григорьева, наконец, мы находим на грамоте 24 июня 1571 г., выданной опричному Махрищскому монастырю² на владения в Великой слободе (рядом с Александровой слободой). Земельными делами ведали в опричнине дьяки Т. Нардуков (1567)³, О. Ильин⁴ (1569), П. Суворов (1569)⁵ и др.

Центральной правительственной канцелярией во второй половине XVI в. продолжала оставаться казна. Казначейми в земщине были Хозяин Тютин (погибший в 1568 г.) и Н. А. Фуников-Курцев, а печатником — И. М. Висковатый (последние двое казнены в 1570 г.). После них уже в декабре 1570 г. казначеем сделался князь Василий Васильевич Мосальский⁶, а печатником — Борис Иванович Сукин⁷. Как обратил внимание В. В. Кобрин, назначение князя Мосальского казначеем — случай беспрецедентный для России XVI в. Но вряд ли он связан с опалой князя Василия⁸: после казни Фуникова царь не решился бы назначить на его место опального человека.

Трудно сказать, когда обособилась от земской опричная казна. Ее некоторое время возглавлял видный приказный делец, первый глава Большого прихода (с 1553 по 1561 г.) дьяк Угрим Львович Пивов. Единственное сведение о его службе в опричных казначеях относится к

¹ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 93—94.

² Леонид, Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга.— «Чтения ОИДР», 1878, кн. III, № 34.

³ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 19.

⁴ Там же, № 35.

⁵ Там же.

⁶ В. Савва, О Посольском приказе в XVI в., вып. I, стр. 277.

⁷ Характеризуя положение в Москве осенью 1570 г., Шлихтинг пишет: «Нынешние верховные правители в Москве следующие: князь Василий Масальский, казначей, и его товарищ Борис Сукин. Московский князь на все должности теперь назначает по два человека; одному он не доверяет» (А. Шлихтинг, Указ, соч., стр. 59). В русских источниках о Борисе Сукине упоминается под ноябрем — декабрем 1570 г. (С. А. Белокуров, О Посольском приказе, стр. 29; В. Савва, Указ, соч., стр. 396).

⁸ В. В. Кобрин, Из истории местничества XVI в.— «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 216.

12 июня 1569 г., когда к нему царь писал грамоту о землях Кирилло-Белозерского монастыря, приобретенных в Каргопольском уезде¹. Опричным печатником был, вероятно, уже с 1571 г. Роман Васильевич Алферьев (осень 1571 — весна 1572 г.)².

Среди дворцовых должностей только дворецкий, казначей и печатник были и в земщине, и в опричнине. Причем первые сведения об этих чинах относятся к концу 1569—1570 гг. Возможно, появление особого опричного дворцового, казначея и печатника связано с перестройкой аппарата в опричнине, происходившей именно в эти годы. Остальные дворцовые должности, очевидно, сразу же после января 1565 г. сделались опричными и не имели земских двойников.

Оружничими были опричник Афанасий Вяземский (до 1570 г.), а после его гибели князь Иван Тевекелев³. Во время войн 60—70-х годов ведомство оружничего приобрело большое значение. Уже в первой половине XVI в. оружничий распоряжался мастерами-оружейниками. Теперь же создается специальный Бронный приказ, находившийся в распоряжении опричного оружничего⁴. Кравчими в годы опричнины были Федор Басманов, Федор Игнатьевич Салтыков⁵ и Калист Васильевич Собакин (двоюродный брат жены царя Марфы Собакиной). Об опричных службах последних двух лиц у нас сведений нет. Но двоюродным братом Федора Игнатьевича был дворецкий боярин Лев Андреевич Салтыков, перешедший в опричнину около 1570 г. Общие судьбы этих родичей, погибших во второй половине 1571 г., говорят в пользу опричного

¹ П. А. Садилов, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 37, стр. 235—237.

² См. В. Б. Кобрин, Состав опричного двора царя Ивана Грозного.— «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 50—51.

³ Впервые упоминают «с шеломы и с доспехом» весной 1571 г. («Синбирский сборник», стр. 29), а также весной 1572 г. (там же, стр. 32); см. также В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 75.

⁴ Первое сведение об этом «приказе» датируется мартом 1573 г.; оно находится в документе, генетически связанном с опричниной (Д. Н. Альшиц, Указ. соч., стр. 40).

⁵ О заключении царем в опалу Федора Салтыкова, своего кравчего, сообщают Таубе и Крузе (М. Г. Рогинский, Указ. соч., стр. 54). О Федоре Салтыкове см. С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 440—441.

происхождения Федора Салтыкова. Возможно, был опричником и К. В. Собакин, ставший благодаря женьитьбе Грозного на Марфе царским свойственником. Вероятно, ввиду скорой опалы и казни около 1573 г. прямых свидетельств об его опричных службах не сохранилось.

Ловчим был опричник Г. Д. Ловчиков (казнен в 1570 г.), а сокольником — опричник И. И. Бобрищев-Пушкин. Из четырех постельничих (Я. В. Волынский, С. С. Ярцев, Д. И. Годунов и И. Д. Овцын)¹ последние двое были бесспорно опричниками. Родичи Волынского также входили в опричнину, но о самом Я. Я. Волынском, как и о С. С. Ярцеве, нет никаких определенных сведений.

После ликвидации звания конюшего ясельничему подчинялась вся государева конюшня и так называемый Конюшенный приказ с его дьяками². До 1562 г. ясельничим был близкий к царю Петр Васильевич Зайцев, сделавшийся позднее одним из виднейших опричников. В летних разрядах 1571 г. ясельничим именуется опричник Василий Федорович Ошанин³.

Словом, дворцовый аппарат, наиболее близкий к особе московского государя, дал не только образец для организации опричной администрации, но и вошел в него со всеми своими основными учреждениями, хотя номинально Большой дворец находился в земщине⁴. Архаичная (дворцово-вотчинная) система управления, пригодная для государева удела, не могла, конечно, в достаточной мере служить общегосударственным целям опричной политики.

¹ Подробнее о дворцовых чинах см. А. А. Зимин, Преобразование центрального государственного аппарата в годы опричнины.— «Исторические науки», 1961, № 4, стр. 128—129.

² О людях Конюшенного приказа см. в документе 1573 г. (Д. Н. Альшиц, Указ. соч., стр. 42 и след.). В пользу этого приказа собирались в 1561/62 г. некоторые подати с Устюжны Железнольской (ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1669, № 214).

³ «Синбирский сборник», стр. 27.

⁴ Московское правительство само в переписке с Великим княжеством Литовским отождествляло опричнину с «двором». В грамоте 20 июля 1567 г., написанной от имени М. И. Воротынского, говорилось: «У государя нашего опричнины и земского нет; вся его царьская держава в его царьской деснице... А ведь же и в вашей земле есть земское, и дворное, и кралевское, гетманы и подскарбии и иные чиновники» («Сборник РИО», т. 71 стр. 516).

Поэтому после отмены опричнины ее аппарат снова вернулся к исполнению своих чисто дворцовых функций.

Январским указом 1565 г. царь «конюшему и дворецкому и казначею и дьяком и всем приказным людям веле быти по своим приказом и управу чинити по старине»¹. Приказной аппарат, следовательно, в отличие от дворцового целиком оставался в земщине. В земщине продолжала функционировать Посольская изба² во главе с Андреем Васильевым (последнее известие — 28 августа 1570 г.), а позднее — с Андреем и Василием Щелкаловыми (первое сведение — ноябрь того же года). Разрядная изба с дьяками Иваном Тимофеевичем Клобуковым (май 1566 г.), возможно, Иваном Григорьевичем Выродковым (конец 60-х годов), Андреем Щелкаловым (март 1570 г.), Андреем Клобуковым (январь 1571 — январь 1572 г.) по-прежнему ведала военными службами дворянского войска. Поместная изба во главе с дьяком Семеном Путилой Михайловым сыном Нечаева и Василием Степановым (казнен в 1570 г.), а позднее Никитой Грековым (апрель 1571 г.) в опричные годы выполняла сложные задачи по обеспечению землями значительного числа служилых людей, вернувшихся из опальных ссылок и перемещенных из опричных территорий. Верховный надзор над делами «лихих людей» и над деятельностью губных учреждений осуществлял Разбойный приказ. Его возглавлял дьяк Григорий Шапкин (до лета 1570 г.), а позднее — Угрим Андреев сын Горсткин и Гаврило Михеев сын Станиславов (март 1571 г.)

Возросшая роль Москвы как политического и экономического центра страны, а также московского посада потребовала создания специального земского двора — полицейского ведомства, в обязанности которого входили надзор за порядком в столице и суд по делам посадского насе-

¹ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 395. Подробнее о составе земских приказов см. в указанном выше сочинении А. А. Зимина.

² Примерно 1564—1565 гг. датируется приказная выписка о посольских сношениях 2-й половины XV в.—1564 г. («Чтения ОИДР», 1902, кн. IV, стр. 9—12). В 1564 г. в источниках уже впервые говорится о Посольской избе (ранее — изба дьяка Висковатого). К этому времени мы и относим окончательное оформление этой канцелярии по внешнеполитическим делам России.

ния Москвы. Около 1571 г. на земском дворе сидели Иван Долгоруков и Иван Мятлев. Организацией почтовой службы в стране ведала Ямская изба, дьяком которой в феврале — октябре 1564 г. был Андрей Тишков, в феврале 1567 г. — Иван Мануйлов, в июне 1570 г. — Третьяк Ростовец, а около 1571 г. в ней находился Иван Тарасович Саймонов. Почти никаких сведений за годы опричнины не сохранилось о Холопьем суде¹ и Стрелецкой избе (первым в 1571/72 г. ведали Антон Ромодановский и Василий Александров сын Белого, второй — Г. Г. Колычев), а также о Челобитной избе.

Недавно В. А. Кучкин нашел сотную выпись на Муромский посад 1566 г., которая была сделана с писцовых книг, писанных «по наказу сыскаго приказу за подписью дьяка Самойла Михайлова». В. А. Кучкин не без основания полагает, что перед нами один из чрезвычайных органов, подобный сысчным приказам XVII в.

Областные дворцы в годы опричнины, как правило, исчезли. Это явилось следствием успеха централизаторской политики русского правительства, боровшегося с пережитками удельной раздробленности в стране. Сохранявшиеся Казанский и Нижегородский дворцы, а также Углицкий² и, возможно, Рязанский дворцы постепенно трансформировались в территориальные избы.

Центральным финансовым ведомством в годы опричнины был Большой приход, историю которого тщательно изучил П. А. Садиков. Там с 1563 г. сидели дьяки Меньшой Мелентьев (см. также сведение от февраля 1565 г.) и Иван Булгаков сын Корнев. «Товарищем» последнего в 1568 г. был Парфений Родионов. Корнев находился в Большом приходе еще в январе — апреле 1570 г. После его гибели летом 1570 г., возможно, это ведомство возглавлял Степан Михайлов, которого мы застаем там в 1573 г. Функции Большого прихода (ведавшего сбо-

¹ А. К. Леонтьев обособление приказа Холопьяго суда от казны относит к 50—70 годам XVI в., связывая этот процесс с развитием кабального холопства (см. А. К. Леонтьев, Образование приказной системы управления в Русском государстве, стр. 192).

² Углицкому дворцу, связанному с Большим дворцом, была подведомственна в 1566/67 г. Устюжна Железопольская (ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1669, № 214).

ром ямских, приметных денег, «за городовое дело» и таможенных налогов) распространялись только на земщину.

В опричнине финансовые дела находились в компетенции четвертного дьяка. Четверть была единственным из приказов (не считая дворцовых), перешедшим в опричнину. Уже в январском указе 1565 г. предусматривалось подчинение ей целого ряда волостей (главным образом черносозного севера) «кормленным окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход»¹. Сбор окупа «за наместнич доход» являлся основным занятием четвертных дьяков². После В. Б. Колзакова (1561 г.) уже в ноябре 1565 г. Четверть возглавлял дьяк Федор Рылов, происходивший из среды небогатых ярославских помещиков; он выдал «сотную грамоту» на некоторые волости опричной Важской земли, а в 1566/67 г.— «платежницу» по Каргопольским и Турчасовским писцовым книгам.

Финансовые функции Четверти были настолько велики, что уже в 1566 г. мы встречаем второго четвертного дьяка зятя Федора Рылова³ Дружину Владимирова (Лазарева), который подписывает грамоты, адресованные купцам Строгановым (с ними он вел ведомственную переписку и в марте 1568 г.). В апреле 1567 г. Дружина Владимиров подписывает грамоту о таможенных сборах в Чаронде⁴. Примерно в 1569 г. состав четвертных дьяков меняется. Дружина Владимиров (Лазарев), вероятно, становится дворцовым дьяком: в 1571 г. он подписывает правую грамоту, выданную с суда опричного боярина В. П. Яковлева⁵. После возвращения из ответственного посольства в Швецию (в июне 1569 г.) главою Четверти стал Иван Курган Васильев сын Лация (впервые упоминается в августе 1569 г.)⁶. Его помощником по Четверти в 1569—

¹ ПСРД, т. XIII, 2-я половина, стр. 395.

² Подробнее см. П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 299 и след.

³ ГКЭ, Суздаль, № 78/11857.

⁴ П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.—«Исторический архив», 1940, кн. III, № 18, стр. 210.

⁵ РИБ, т. XXXII, № 246, стб. 507.

⁶ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины. Документы, № 18, стр. 454.

1570 г. был дьяк Иван Савин. В 1572 г., возможно, четвертым дьяком сделался Кирей Горин¹.

Кроме Четверти и дворцовых ведомств, ни одна изба не перешла в опричнину. Существование двойного управления, когда земщиной с общегосударственными «избами» ведала Боярская дума, а опричниною с дворцовыми ведомствами — царь, осложняло и тормозило процесс централизации государственного аппарата, происходивший во время опричнины.

Примерно с середины 60-х годов XVI в. центральные правительственные ведомства — «избы» начинают именоваться «приказами»². То, что «приказом» впервые в 1566 г. называется Дворец (земский), показывает генетическую связь приказной системы с дворцовыми учреждениями.

Воскрешение этого архаичного термина отражает уже не раз отмечавшуюся особенность опричной терминологии. И в данном случае старое понятие используется для наименования новых явлений. Термин «приказ» по сравнению с «избой» давал большие возможности для увеличения личной ответственности его главы, подчеркивая персональную связь с московским государем.

Так, в горниле опричнины выплавлялись центральные правительственные учреждения, осуществлявшие волю и устремления господствующего класса феодалов. Дворянские по своему составу дворцовые и приказные ведомства помогли правительству Ивана Грозного справиться с пережитками удельной децентрализации и вести длительные войны. Но централизация управления происходила за счет нового усиления феодального гнета, ложившегося на плечи крестьянства и посадского населения. Русское государство

¹ В августе 1572 г. Кирей Горин подписал две грамоты: Строгановым как дьяк Казанского дворца (ДАИ, т. I, № 120, стр. 176) и Суздальскому Спасо-Ефимьеву монастырю на вотчину в Угличском уезде (АИ, т. I, № 182, стр. 345).

² А. А. Зимин, Реформы Ивана Грозного, стр. 456—457. Еще в 1565 г. Р. Барберини называл приказы по-старому «избами». Он писал: «В этой земле шестьдесят восемь домов, называемых у них избами (*stufe*), в которых держится суд и расправа по гражданской части края; поэтому каждый из этих домов и имеет в своем ведении столько же приписных городов и селений, которых жители прибегают к ним в своих нуждах» («Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г.» — «Сказания иностранцев о России в XVI—XVII вв.», стр. 21).

все более развивалось в сторону укрепления диктатуры помещиков-крепостников.

После января 1565 г. русская армия разделилась на две части. Из наиболее преданных царю Ивану представителей дворянства создан был специальный опричный корпус, остальные служилые люди составляли земское войско. Опричники особенно широко использовались для карательных экспедиций внутри страны. Опричные полки составляли ударную силу во время наиболее ответственных военных кампаний (например, во время осеннего похода царя в Ливонию в 1567 г.). Они отличились уже осенью 1565 г. под Болховом. Отдельные отряды опричников на правах самостоятельных воинских частей придавались земским войскам и выполняли наряду с чисто военными функциями полицейские обязанности, как бы страхуя тем от всяких неожиданных боярских измен на фронте. Сыграв значительную роль на первых этапах опричнины, гвардия царя Ивана IV, развращенная грабежами и насилиями, постепенно вырождалась в шайки мародеров и убийц. Это проявилось и во время неудачной осады Ревеля, и во время похода Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., не говоря уже о диком разгроме Новгорода.

В военное искусство Ливонская война внесла много нового. Широко стала применяться как на южных окраинах, так и на западе система оборонительных крепостей. Для рейдов по тылам противника Иван IV охотно использовал отряды татарских феодалов, наводившие ужас на противников. В Ливонии, стране крепостей, находила все большее применение артиллерия. Взятие Полоцка в 1563 г. было во многом обусловлено успешными действиями русского «наряда»¹. В ходе многочисленных войн совершенствовалось боевое мастерство русских войск². О крупнейших полководцах М. И. Воротынском, А. Д. Басманове, И. И. Турунтае-Пронском, П. С. Серебряном с уваже-

¹ См. *Л. Н. Кужелева*, О боевом использовании артиллерии в важнейших сражениях Ливонской войны 1558—1583 гг.— «Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея», вып. III, М., 1958, стр. 51—54.

² Подробнее см. *А. В. Чернов*, Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв., М., 1954, стр. 59—105; *И. А. Коротов*, Иван Грозный. Военная деятельность, М., 1952.

нием говорят многие русские и иностранные современники.

Если изучать судопроизводство и право только по официальным актовым материалам, то можно прийти к выводу о том, что в 60—70-х годах XVI в. никаких существенных изменений в этой области не произошло. Действительно, продолжали действовать нормы судебника 1550 г. и «дополнительных статей» 50-х годов XVI в., по старым формулярам составлялись судные списки, протоколы судебных заседаний, тот же был состав судебных органов. Но годы опричнины характерны не этими фактами, а полным судебным произволом, господством внесудебной расправы, расцветом средневековых методов розыска с применением мучительных пыток, казнями множества оклеветанных людей. Вымогательство посулов¹, оговор с целью поживиться имуществом осужденного были обычным явлением². Особенно бесчинствовали опричники³. Они не только могли обвинить любого земского в измене, их слова подчас было достаточно для того, чтобы взыскать любую названную ими сумму с должников. По словам Ричарда Джемса, «к ним не применялись никакие законы»⁴. Совершенно ясно, что такое положение не могло долго продолжаться, ибо оно противоречило интересам основной массы феодалов.

Серьезные изменения произошли в годы опричнины в организации местного управления. К 1556 г. в результате отмены системы кормлений в Русском государстве наместничье управление было заменено выборным земским и губным. Однако в эту реформу жизнь уже вскоре внесла свои коррективы.

¹ «Если обвиняемый давал деньги, то он выигрывал дело, даже если действительно был виноват» (*Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 81); «правый (нередко) проигрывал и неправый выигрывал, ибо неправый мог дать больше, чем правый» (там же, стр. 84).

² «Иного лихого человека подговаривали, чтобы он оговорил напрасно богатого купца или крестьянина в уезде: кривду все равно делали правдой. Так добывали эти ребята деньги» (*Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 81).

³ См. *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 37—38. «Из-за денег земских оговаривали все: и их слуги, работники и служанки, и простолюдин из опричнины» (*Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 96, ср. стр. 86).

⁴ *Б. А. Ларин*, Указ. соч., стр. 188—189.

Земские органы управления сохранились главным образом в черпосошных районах. В условиях Ливонской войны и татарских набегов на южные окраины страны необходимо было создать прочную военно-административную власть в южных, юго-западных и северо-западных районах страны. Такой властью и сделались наместники, все чаще и чаще бравшие на себя военные функции воевод.

У нас имеются сведения о наместниках в Новгороде, Орешке, Опочке, Красном, Болхове, Брянске, Мценске, Новгороде-Северском, Почепе, Пронске, Путивле, Рославле, Рыльске, Ряжске, Стародубе, Шацке¹. Наместники, как правило, ежегодно сменялись². Получение наместничества было сопряжено с сохранением кормленной системы. Это видно из дошедших до нас кормленной грамоты на г. Опочку и доходного списка на г. Ряжск³. Правительство вынуждено было сохранить наместничество в пограничных районах, ибо оно было заинтересовано в организации там сильной единоначальной власти.

Наряду с наместниками в ряде городов мы встречаем воевод в Васильсурске, Воронеже, Дедилове, Курмыше, Михайлове, Одоеве, Орле, Полоцке, Пронске, Рославле, Смоленске, Солове, Туле, Чернигове.

Как мы видим, состав городов с воеводами (конечно, далеко не полный) близок к составу городов с наместниками. Иногда то или иное лицо прямо совмещало должность наместника и воеводы (так, например, было в Рыльске, Рославле и Новгороде-Северском)⁴. Иногда в городе наряду с воеводой был и наместник (например, в Мцен-

¹ «Синбирский сборник», стр. 8—20, 24—25, 28, 34; «Сборник РИО», т. 129, стр. 225; ДРК, стр. 265; «Акты Юшкова», № 194, 200.

² «Синбирский сборник», стр. 30, 33; *Р. Гейденштейн*, Записки о Московской войне (1578—1582), стр. 30, 33; *Д. Флетчер*, О государстве Русском, изд. 3, стр. 38.

³ «Акты Юшкова», № 192, 200. См. также краткие данные о наместничьих поборах в псковских городках Выборе, Гдове, Дубкове и Острове (*С. Рождественский*, Следы уставных грамот в писцовых книгах псковских пригородов.— «Записки русского археологического общества», т. IX, вып. 1—2. Новая серия, СПб., 1897, стр. 309—312).

⁴ «Синбирский сборник», стр. 34.

ске¹, Орешке, в Рязске). Воеводы исполняли часто уже чисто наместничьи функции².

В Псков в 1567 г. двум воеводам придали специально князя Ивана Звенигородского к городскому строению для суда³.

В Новгороде с 1562 г. наместников не существовало⁴. Власть там находилась в руках воеводы⁵ и царских дьяков⁶. Впрочем, функции воеводы фактически совпадали

¹ «Синбирский сборник», стр. 22, 24, 28.

² Так, воеводам в Васильсурск и Курмыш в 1570 г. направлено было распоряжение выслать в Москву росписи городских денежных и дворцовых запасов («Акты Юшкова», № 198, 199).

³ «Синбирский сборник», стр. 19.

⁴ А. П. *Пронштейн*, Великий Новгород в XVI веке, стр. 214.

⁵ С июля 1561 г. и во всяком случае в 1564—1565 гг. там был сначала наместником, а потом просто воеводой боярин Ф. А. Булгаков («Синбирский сборник», стр. 8; «Сборник РИО», т. 129, стр. 84), затем окольный И. И. Чулков («Синбирский сборник», стр. 9), а в июне 1569 г. П. Д. Пронский («Сборник РИО», т. 129, стр. 123). По данным списка новгородских наместников, в Новгороде в 7070—7078 гг. «бояр и воевод... не было» (ГБЛ, Троицкое собр. II, № 15, л. 62—62 об.). Ф. А. Булгаков как новгородский наместник упоминается еще 21 июня 1562 г. («Сборник РИО», т. 129, стр. 112), т. е. временная ликвидация наместничества, очевидно, происходила в июле — августе этого года.

⁶ В апреле 1566 г. дьяком в Новгороде был Василий Степанович (Угримов), находившийся там еще в начале 1562 г. (*Д. Я. Самоквасов*, Архивный материал, т. I, отд. II, № 74, 96). В июне 1567 г. там мы застаем Плохого Семенова Цвиллиева, сведенного в июле того же года в Москву и казненного (РИБ, т. XVII, № 501, стб. 183; «Новгородские летописи», стр. 96; *С. Б. Веселовский*, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: *С. Б. Веселовский*, Исследования по истории опричнины, стр. 466). В сентябре в Новгороде дьяком был Андрей Васильевич Безсонов, который находился в Новгороде совместно с Кузьмой Васильевичем Румянцевым и в сентябре 1568—1569 гг. (*Д. Я. Самоквасов*, Архивный материал, т. I, отд. II, № 61; «Новгородские летописи», стр. 98—99; «Описи Царского архива XVI века...», стр. 44). Оба они были казнены (*С. Б. Веселовский*, Указ. соч., стр. 311, 332). Последний раз Кузьму Румянцева в Новгороде мы застаем в июне 1569 г. («Сборник РИО», т. 129, стр. 123—124). В июле 1569 — мае 1570 г. новгородскими дьяками были Никита Юрьевич Шелепин и Богдан Ростовцев (*Д. Я. Самоквасов*, Архивный материал, т. I, отд. I, стр. 129—134; «Сборник РИО», т. 129, стр. 174). Ростовцев был казнен (*С. Б. Веселовский*, Указ. соч., стр. 331). С июля 1570 г. в Новгороде находились наряду с Шелепиным дьяк Да-

с обязанностями наместника. Поэтому когда в январе 1572 г. царь Иван «наместникам велел жити по старине», то новгородский воевода П. Д. Пронский сделался опричным наместником¹. После перехода Торговой стороны Новгорода в опричину (февраль 1571 г.) этой частью города стали ведаць дьяк Алексей Михайлович Старого и Семен Федорович Мишуриин². В январе 1572 г. царь взял в Москву дьяков Н. Ю. Шелепина и А. М. Старого, а на место их назначил: в опричину — Василия Семеновича Нелюбова, в земщину — Ивана Дорофеевича Собакина³.

Среди городов с наместничьим и воеводским управлением мы не встречаем опричных. Правда, в посольских делах есть упоминания о том, что Ф. И. Умный-Кольчев был «наместником суздальским», В. М. Юрьев — «наместником ржевским», П. В. Зайцев — «наместником козельским», Афанасий Вяземский — «наместником вологодским», но скрывалось ли что-либо конкретное за этой пышной титулатурой, в связи с недостаточностью сохранившихся источников определить очень трудно. То же самое можно сказать и о трафаретных формулах жалованных грамот⁴.

В общем же наместничья система переживала те же явления, что и весь государственный аппарат в целом. И здесь наблюдается воскрешение старых форм управления, которые наполняются новым содержанием: укрепление личной власти наместников-воевод на окраинах

нии Микулин сын Бартенев, которого в сентябре 1571 г. царь приказал затравить медведями («Сборник РИО», т. 129, стр. 192, 207; Д. Я. Самоковасов, Архивный материал, т. I, отд. II, № 101, 112; т. II, ч. 2, стр. 37, 148; «Новгородские летописи», стр. 109).

¹ «Новгородские летописи», стр. 109.

² Там же, стр. 105; В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного. — «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 47, 48; ААЭ, т. I, № 282.

³ «Новгородские летописи», стр. 109; В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 52. Мишурина и Собакина мы встречаем в актах еще 1572 и 1573 гг. (Д. Я. Самоковасов, Архивный материал, т. I, отд. II, № 27, 28, 31).

⁴ Иван IV упоминает «наместника своего перемышльского и белевского» в жалованной грамоте 1566 г. Шаровкину монашью (П. А. Садиков, Из истории опричины XVI в. — «Исторический архив», 1940, кн. III, № 7), а «наместницы... ржевские» встречаются в грамоте 1567 г. (там же, № 19, стр. 211).

страны, которым все время грозила военная опасность, подготовляло введение воеводского управления, ставшего реальностью уже в XVII в.

В годы опричнины происходила проверка жизнеспособности органов местного управления, созданных в ходе реформ середины XVI в., и в первую очередь губных учреждений. Наряду с городскими приказчиками губные старосты, как показал Н. Е. Носов, принимали самое деятельное участие в осуществлении опричной земельной политики. Они приискивали вотчины и поместья для высленных из родовых гнезд земщиков, отмежевывали земли, по каким-либо причинам попадавшие на территорию государева удела, проводили обмен селами и т. п. С деятельностью губных органов мы встречаемся в Бежецком Верхе (1565—1566) и на Белоозере (1566—1568)¹, в Велиже (1571—1572)², в Верее (1567)³, во Владимире (1566—1571)⁴, Волоколамске (1564)⁵, в Костроме (1565) и Кашине (1564)⁶, в Мещере (1572)⁷, Переяславле-Залесском (1566)⁸, Рузе (1566/67)⁹, Устюжне Железнопольской (1567)¹⁰, Ярославле (до 1568/69 г.)¹¹.

Скудность сохранившегося материала не позволяет окончательно решить вопрос, в какой мере действовали губные учреждения на территории опричнины. До нас дошла лишь одна губная грамота, относящаяся к опричной территории,— Белозерская¹², но она датируется сравни-

¹ С. А. Шумаков, Сотницы, грамоты и записи, вып. 1, М., 1902, стр. 88—89. П. А. Садиков, Указ. соч., № 5; Д. Л. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 133—134; В. Б. Кобрин, Из истории земельной политики в годы опричнины.— «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 156—158.

² Э, л. 457 об.

³ ГБЛ, Троицкое собр., кн. 519, л. 10 об.—18 об.

⁴ П. А. Садиков, Указ. соч., № 8, 46.

⁵ АФЗиХ, ч. II, № 309.

⁶ С. А. Шумаков, Сотницы, грамоты и записи, вып. II, стр. 26 (в 1565 г. Кострома еще в опричнине не была); ГКЭ, Кашин, № 62/6757.

⁷ ГПБ, Собр. актов 1, № 169.

⁸ С. Шумаков, Обзор..., вып. IV, № 1467.

⁹ АФЗиХ, ч. II, № 318, 323, 331, 355.

¹⁰ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1669, № 214.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 488 об.

¹² ААЭ, т. I, № 281.

тельно поздним временем (1571 г.). В 1570 г. упоминаются губные старосты в Суздале¹, а в 1567 г.— на Вологде².

Сведений о деятельности губных старост в других опричных землях у нас нет. Суровый опричный режим не способствовал укреплению выборного дворянского управления на территориях государева удела.

Городовые приказчики в годы опричины продолжали вестись сбором налогов с местного населения (ямские и приметные деньги, ямчуга, деньги за городовое и засечное дело, посопный хлеб и т. п.). Им поручался сыск ратных людей, укрывавшихся от военной службы³. Городовые приказчики также принимали участие в «отказе» вотчин в монастыри из числа описанных на государя земель опальных княжат и бояр и в других поземельных делах⁴.

Фискальные функции они разделяли с земскими («выборными») старостами⁵. Городовые приказчики упоминаются главным образом в земских районах Русского государства: на Белоозере (1566—1568)⁶, во Владимире (1569)⁷, Костроме (1565)⁸, Рузе (1568/69—1571/72)⁹,

¹ ГИМ, Собр. Уварова, № 41/16, л. 13 об.—14.

² Архив ленинградского отделения Института истории АН СССР. Собр. Головина, № 78. См. *Н. Е. Носов*, Губные старосты как агенты правительства Ивана Грозного по земельным делам.— Сборник «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран», М., 1963, стр. 197.

³ «Акты Юшкова», № 197, стр. 180.

⁴ Об этом см. *Н. Е. Носов*, Указ. соч.

⁵ Возможно, земских старост начали именовать «выборными» ввиду того, что термин «земский» в годы опричины приобрел иной смысл (см. *П. А. Садиков*, Очерки по истории опричины. Документы, № 17; *его же*, Из истории опричины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 33; *С. Шумаков*, Обзор., вып. IV, № 1455, стр. 526; РИБ, т. II, № 37, стб. 41—45; «Труды Псковского Археологического Общества», вып. VI, Псков, 1910, стр. 42—43).

⁶ *П. А. Садиков*, Указ. соч., № 9; Архив ленинградского отделения Института истории АН СССР, Акты до 1613 г., № 289; ГИБ, IV, № 113-а, л. 1214—1217.

⁷ *П. А. Садиков*, Указ. соч., № 33, 34, 43.

⁸ *П. А. Садиков*, Очерки по истории опричины. Документы, № 15; АИ, т. I, № 176, стр. 336—337; *С. А. Шумаков*, Сотницы, грамоты и записи, вып. II, № VIII, с. 26.

⁹ АФЗиХ, ч. II, № 334, 355.

Рязани (1570)¹, Серпухове (1570)², Туле (1570)³, Ярославле (1567—1570)⁴. В опричных уездах городские приказчики не упоминаются⁵.

Продолжали свою деятельность ямские приказчики⁶, рыбные приказчики⁷, таможенники⁸ и другие финансово-административные агенты центрального правительства на местах.

Созданная в силу январского указа 1565 г. опричина представляла собой особую форму управления страной, подчиненную задачам борьбы с удельно-княжеской оппозицией, которая велась в интересах широких кругов класса феодалов. Пересмотр состава государева двора и учреждение опричного корпуса должны были создать прочную опору для проведения правительственных мероприятий. Широкое обеспечение поместьями и вотчинами опричников укрепляло их личную заинтересованность в осуществлении нового политического курса.

Однако опричина проводилась в феодальных условиях, когда экономические основы централизации не были еще прочными. Этим в конечном счете объясняется то, что формы опричной политики и управления сами были почерпнуты из стародавнего арсенала московской государственной практики времен феодальной раздробленности.

¹ РИБ, т. II, № 216, стб. 976—977.

² Л. Д. Воронцова, Два документа (XVI в.) из архива Серпуховского Высоцкого монастыря, стр. 172—175.

³ «Акты Юшкова», № 197, стр. 180.

⁴ В. Б. Кобрин, К вопросу о времени включения Ярославского уезда в опричину.— «Краеведческие записки Ярославско-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника», вып. IV, 1960, стр. 95; ГРЭ, Ярославль, № 24/14772.

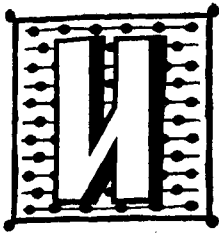
⁵ В. Б. Кобрин пишет (см. «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 50), что в 1565 г. в Суздале был городовым приказчиком Я. Г. Наумов. Действительно, Наумову была адресована грамота об отказе земель Спасо-Ефимьеву монастырю (АИ, т. I, № 177, стр. 338). Но в ее тексте не говорится, что Наумов был городовым приказчиком.

⁶ ГРЭ, Москва, № 20/7162.

⁷ РИБ, т. XXXII, № 228, стб. 457.

⁸ РИБ, т. XXXII, № 241. Тамгу откупные таможенники брали в Поместной избе (ЦГАДА, ф. 1209, № 426, л. 316).

Глава IX
УСИЛЕНИЕ
ФЕОДАЛЬНОГО ГНЕТА
В ОПРИЧНЫЕ ГОДЫ

скоренение очагов феодальной раздробленности, драматические страницы столкновения царя Ивана с его вчерашними сподвижниками не должны от нас скрывать главного: опричная дубина, ударяя по вельможному барину, другим концом еще сильнее била по русскому мужику. Тяжелые последствия для страны, которые принесла с собой опричнина, во многом объясняются тем обстоятельством, что опричный аппарат в силу его классовой сущности мог выполнять свою историческую задачу, лишь усиливая потоки слез и крови трудящихся масс страны. Недобрая память об опричниках царя Ивана, сохранившаяся в русском фольклоре, и отрывочные данные делопроизводственных документов наглядно и убедительно говорят о том, что стоял русскому крестьянину и горожанину обрушившийся на страну шквал опричных преобразований.

* *
*

✓ В годы опричнины для населения страны страшным бичом были эпидемии и голодовки.

Первая тревожная весть донеслась уже в начале 1563 г. из новоприсоединенного Полоцка, где начался мор,

вызванный последствиями ожесточенных боев за город¹. По данным исследователей, это был сыпной тиф². Эпидемия вспыхнула в Полоцке с новой силой осенью 1565 г., когда там умерло «много людей», в том числе даже местный архиепископ. В декабре того же года появились новые тревожные слухи о том, что «поветрие» обнаружилось в Колывани³. Весной 1566 г. мор распространился на Озерище, затем на Луки, Торопец, Смоленск и вообще «по многим местом»⁴. С августа по декабрь этого года эпидемия бушевала не только в городах Новгороде, Старой Русе, Полоцке, Озерище, Невеле, Торопце, но и по селам, «и не было кому и мертвых погребати». В сентябре 1566 г. смоленский воевода П. В. Морозов сообщал, «что по грехом явился в Смоленску на посаде и в Смоленском уезде божие посещение, поветрее на люди: люди умирали многие смертоносною язвою». В связи с этим «государь велел заповедь учинити, что из Смоленска и из Смоленского уезда в московские города пропускати никакова человека не велел»⁵. Летописец отмечает, что «лихое поветрие» появилось в Можайске 1 сентября 1566 г. и только благодаря крепким заставам «утишилось». Однако уже 10 сентября новгородский архиепископ сообщил в Москву, что «в Великом Новгороде появилось лихое поветрие на посаде на штинадцати улицах, многие люди умирают знаменем»⁶. С той же осени начали «мереть» люди и во Пскове⁷. Эпидемия 1566 г. была отзвуком общеевро-

¹ В Полоцке «много людей мерло и детей боярьских» (Пл, вып. II, стр. 244).

² К. Г. Васильев, А. Е. Сегал, История эпидемий в России (материалы и очерки), М., 1960, стр. 43.

³ «Русские акты Ревельского городского архива». — РИБ, т. XV, № 76, стб. 139.

⁴ Пл, вып. II, стр. 248.

⁵ «Сборник РИО», т. 71, стр. 431.

⁶ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 404. По сообщению Балтазара Рюссова, осенью 1565 г. мор начался в Ливонии и распространился в Ревеле весной 1566 г. («Прибалтийский сборник», кн. III, 1880, стр. 157).

⁷ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 404. «Мерло многое множество людей, мужей и жен и детей» (Пл, вып. II, стр. 249); в другом летописце под 1566/67 г. сообщается, что «в Великом Новгороде и во многих градах мор был» (М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники. — «Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 224; см. его же, Краткие заметки, стр. 160).

пейского бедствия, так называемой венгерской лихорадки, или огневой болезни, как на Руси называли вспышку сыпного тифа¹.

В 1567/68 г. моровое поветрие опять бушевало в Новгороде, где «много людей помроша, а которые люди побегоша из града, и тех людей, беглецов, имаша и жгоша»². В июне 1568 г. Иван IV писал польскому королю, что хотел идти в поход на него, но ему помешало «лихое поветрие»³.

К мору добавился и недород. Говоря о причинах голодовок, вспыхивавших то в одних, то в других частях Руси XIV—XV вв., Л. В. Черепнин справедливо замечает, что их следует видеть не только в природных явлениях (недород), рутинности сельскохозяйственной техники, но и «в общих условиях социально-экономического развития Руси». В частности, на крестьянском хозяйстве пагубно отражались многочисленные княжеские усобицы⁴. Сходные явления мы обнаруживаем и в 60-х — начале 70-х годов XVI в., когда опричные репрессии и правежи и бесконечные войны явились сильнейшим фактором, влиявшим на усиление крестьянской нищеты и голода.

¹ К. Г. Васильев, А. Е. Сегал, Указ. соч., стр. 44.

² «Новгородские летописи», стр. 336. На Волоке Ламском в этот год «был мор да не велик» (А. А. Зимин, Краткие летописцы XV—XVI вв.— «Исторический архив», кн. V, 1950, стр. 21). Весной 1568 г. боярин В. С. Серебряный писал из Полоцка, что «ево застрелило поветрием» (Э, л. 343). Вероятно, он от эпидемии и умер, ибо после этого в источниках его имя не упоминается.

³ «Сборник РИО», т. 71, стр. 569. В декабре 1568 г. Иван IV был в Слободе, а «в Москве было тогда лихое поветрие» (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 13, л. 140). Царь долго не принимал английского посла Томаса Рандольфа (прибыл в Москву лишь в конце сентября 1568 г.), ссылаясь на то, что «на Москве было сношение — моровая язва» (Ю. Толстой, Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593, № 33, стр. 135). О годе сообщили в Лондон Рандольф, в результате чего англичане послали на Двину «несколько кораблей, нагруженных хлебом» (С. Середонин, Известия англичан о России во второй половине XVI века.— «Чтения ОИДР», 1884, кн. IV, отд. III, стр. 84). К 20 февраля 1569 г. «мор», вероятно, утих, ибо тогда («по прекращении мора») царь принял Т. Рандольфа (Ю. Толстой, Указ. соч., № 33, стр. 135).

⁴ Л. В. Черепнин, Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., М., 1960, стр. 149, 150.

Поволжье осенью и зимой 1566 г. неожиданно подверглось нашествию грызунов, истребивших запасы хлеба и вызвавших вспышки голода¹. Это было предвестником больших бедствий.

Уже в 1567/68 г., по сообщению одного летописца, на Руси был «глад... велик, купили на Москве четверть ржи в полтора рубли»². В следующие годы голод принял угрожающие размеры. Весной 1569 г. в стране «недород был великой хлебного плоду: рожь обратилась травкою мялицею и бысть глад велий по всей вселенней»³. То же самое записывал и летописец Волоколамского монастыря⁴. Положение еще более ухудшилось в следующем, 1569/70 г., когда «мор был силен по всей Русской земли»⁵. В Морозовском летописце говорится, что «было в Москве и во

¹ «Того же лета приде на Казанские да на Свяжские да на Чебаксарские места мышь малая с лесов, что тучами великими, и поядоша на поле хлеб всякой и не оставиша ни единого колоса; да и не токмо по полям хлеб поядоша, но и в житницах и в закромах» (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 405).

² М. Н. Гихомиров, Малоизвестные летописные памятники.— «Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 224. В сентябре 1567 г. в русской крепости Суше за четверть жита платили один рубль («Archiwum Sanguszków», t. VII, N CLVII).

³ М. Н. Гихомиров, Указ. соч., стр. 89. Ср. ЦГАДА, ф. Оболенского, № 44, л. 15 об.; «Летописные заметки за 7030—7137 (1522—1629 гг.)».— «Чтения ОИДР», 1896, кн. IV, отд. IV, стр. 1.

⁴ «На Москве и по многим городом мор был велик» (А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 21). Автор Жития казанского архиепископа Гурия, будущий патриарх Гермоген, сообщал, что в ноябре 1569 г. «бе же тогда на Москве мор силен» (П. Любарский, Сборник древностей Казанской епархии..., стр. 16).

⁵ М. Н. Гихомиров, Указ. соч., стр. 92; «По всей Руськой земли бысть мор силен—многие грады и села запустели» (ЦГАДА, ф. Оболенского, № 44, л. 15 об.; «Летописные заметки за 7030—7137 (1522—1629) гг.».— «Чтения ОИДР», 1896, кн. IV, отд. IV, стр. 1). «В осьмом (т. е. 7078 г.) мор и глад»,— лаконично записывал автор Пискаревского летописца («Пискаревский летописец», стр. 80); «Того же году на Москве была меженина,—завосил в разрядную книгу приказной делец, не слонный обычно к таким отступлениям (Э, л. 360); ряд деревень запустели «от мору 78-го» в Ореховском присуде (Д. Я. Самохвасов, Архивный материал, т. II, стр. 316, 324, 325). О голоде и дороговизне в Москве в начале 1570 г. сообщает шведский посол епископ Павел (Ф. Адельунг, Критико-литературное обозрение путешественников по России.— «Чтения ОИДР», 1863, кн. I, отд. IV, стр. 157).

многих градех великое моровое поветрис. И такового поветрия не бысть, отнележе и царство Московское начася, поспеже невозможно и исписати мертвых множества ради»¹. Рисуя положение Русского государства осенью 1570 г., Шлихтинг обратил внимание на то, что «во многих московских городах» в это время был мор. Причем «мрут,— писал он,— сильно в 28 городах, в особенности же в Москве, где ежедневно гибнет 600 человек, а то и тысяча»². Особенно тяжело было положение зимой, когда «была меженина велика добре на Москве, и в Твери, и на Волоще, ржи четверть купили по полутора рубля и по штидесяти алтын. И людей много мерло з голоду»³.

В 1569—1571 гг. в различных районах России резко вскочили цены на хлеб и другие продукты сельского хозяйства⁴. В Махрищском монастыре цена ржи в 1569/70 г. доходила до одного рубля за четверть⁵. Таубе и Крузе голод 1570 г. связывали с Новгородским походом Ивана IV: «В общем, тяжело говорить о том бедствии и горе, которые мы видели своими глазами. Все посеы в полях, селлах, городах и дворах были сожжены и уничтожены, так что в стране начался такой голод, какого не было со времени разрушения Иерусалима»⁶. Но это, конечно, ошибка.

¹ ГПБ, Ф IV, № 228, л. 69 об.; см. аналогичные сведения в другом летописце: «Бысть поветрее на Москве и во иных во многих городех» (ГИМ, Собр. Уварова, № 593, л. 223).

² А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 59. Во время ссылки в Муром (сентябрь 1570 — ноябрь 1571 г.) из состава шведского посольства умерло от эпидемии 15 человек (Ф. Аделунг, Указ. соч., стр. 157).

³ Четь овса тогда на Волоке стоила полтину (А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 21—22). В ноябре 1570 г. турецкий посол задержан в Рязани, потому что «на Москве по грехом в ту пору было божье посещение поветрее» (ЦГАДА, Турецкие дела, кн. 2, л. 52 об.—53). Вероятно, к 1570 г. относится и рассказ Г. Штадена о том, что «был тогда великий голод: из-за кусочка хлеба человек убивал человека... Много тысяч людей умерло в стране от голода» (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 92).

⁴ А. Г. Маньков, Цены и их движение в Русском государстве XVI века, стр. 32—33, 106, 114—115.

⁵ Леонид, Махрищский монастырь. Синодик и вкладная книга.— «Чтения ОИДР», 1878, кн. III, стр. 7. «Бысть глад на Москве... люди людей ели. А ржи четверть купили на Москве в то время по 12 рублей. А четверть в весу 5 пудов» (М. Н. Тихомиров, Краткие заметки, стр. 45—46).

⁶ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 50.

Страшный голод свирепствовал в этом году не только в России, но и в Литве и Польше¹.

Особенно тяжелым для России был 1571 год, когда на страну почти одновременно обрушились эпидемия (сыпной тиф)², голод и нашествие Девлет-Гирея. Летописец сообщает, что с июля до декабря в Волоколамском монастыре «миряня, слугы, и дети, и мастера все вымерли, и села все пусты, отчасти ся что остало»³. Власти Суздальского Покровского монастыря жаловались, что к декабрю 1571 г. в результате поветрия монастырские люди и крестьяне «вымерли во всех деревнях их»⁴.

Примерно такая же картина была и на Устюге, где появилась моровая язва, от которой в городе погибло до 12 тыс. человек⁵. Дженкинсон в письме от 8 августа 1571 г. писал, что моровая язва «похитила тогда около трехсот тысяч человек, и около того же числа истреблено нашествием Девлет-Гирея»⁶. Чума в 1571 г. объявилась

¹ *M. Strykowski*, Указ. соч., т. II, стр. 419.

² Так думают последние исследователи вопроса (*К. Г. Васильев*, *А. Е. Сегал*, Указ. соч., стр. 44). Ранее считалось, что это была чума (*Ф. А. Дербек*, *История чумных эпидемий в России*, СПб., 1905, стр. 32). Мор начался с августа 1570 г., когда к тому же «хлеба не родилося» (*М. Н. Тихомиров*, *Краткие заметки*, стр. 113).

³ *А. А. Зимин*, Указ. соч., стр. 22. Ср. «Сборник князя Хилкова», СПб., 1879, № 591. В 7079 г. «на Москве был мор и по всем градом руским» («Пискаревский летописец», стр. 80). В январе 1572 г. «мор прекратился, проезды были открыты» (*С. Середонин*, *Известия англичан о России во второй половине XVI века.*—«Чтения ОИДР», 1884, кн. IV, отд. III, стр. 74).

⁴ Это некоторое преувеличение, ибо ниже сообщается, что «достальных (людей.—А. З.) вывезли силно» (*И. М. Катаев* и *А. К. Кабанов*, *Описание актов собрания гр. А. С. Уварова*, отд. I, № 45, стр. 51).

⁵ «Бысть мор на Устюге и в селех, а мерли прищем да железоу. А на Устюге на посаде померло, скажут, 12 000, опроче прихожих» («Устюжский летописный свод», под ред. К. Н. Сербинной, М.—Л., 1950, стр. 109; *А. А. Титов*, *Летопись Великоустюжская*, стр. 49), называется даже цифра 250 000 человек, погибших от моровой язвы («Акты ревельского городского архива 1450—1610 гг.» Сообщил А. Чумиков.—«Чтения ОИДР», 1898, кн. IV, отд. IV, № 12, стр. 19). В 1570/71 г. «поветрием вымерли» крестьяне многих деревень в районе Ладоги (*Д. Я. Самоквасов*, *Архивный материал*, т. II, ч. 2, № 21, стр. 329).

⁶ *И. Гамель*, *Англичане в России в XVI и XVII столетиях*, стр. 102.

лѣта 306 . сѣнтѣбрѣ . а . день .
Рожанскоу на добрѣнскогамоу . глн
ло сланхоу по пиѣ твѣ . оумиралиаудн
знаменемъ . и гдѣрьцрь великїи кнѣ

Моровое поветрие 1566 г.
Миниатюра из Лицевого свода XVI в.
Государственный Исторический музей.

не только в России, но и в соседних странах, в том числе в Польше¹. В Ревеле она бушевала с осени 1570 до весны 1571 г. и летом 1571 г.² «Мор велик» на Вологде заставил царя покинуть эту опричную резиденцию и вернуться в Москву³.

Бежавший в Крым Кудеяр Тишенков в конце 1571 г. говорил там, что «на Москве и во всех московских городех по два года была меженина великая и мор великой, служилые многие люди и чернь в городех на посадах и в уездах вымерли»⁴. «Великий голод и чума» в опричные годы отмечались и иностранными наблюдателями⁵.

Правительство Ивана IV принимало срочные меры по борьбе с эпидемиями. В конце сентября 1571 г. в опричную Кострому посланы были близкие к царю князь Михаил Федорович Гвоздев, Дмитрий и Данила Борисовичи Салтыковы на «заставу». Такие же заставы размещались в Унже и Галиче. Гвоздев «с товарищи» должны были сообщать в Москву о том, где и сколько умерло народу, при этом «какою болезнью умерли — знаменем ли или без знамяни». Малейшие проволочки вызывали строгие предупреждения из Москвы. Сам Иван Грозный писал Гвоздеву: «Ты для которова нашего дела послан, а то забываешь, большой бражничаешь, и ты то воруеть!» Царь велел «поветренныя места... крепить засеками и сторожами частыми» и смотреть, «чтобы из поветренных мест в неповетренные места не ездили ништо, никаков человек, некоторыми делы. Чтобы вам однолично из поветренных мест на здоровые места поветрея не навезти... А будет в вашем небрежении и рознью ис поветренных мест на здоровые места нанесет поветрия и вам быть от нас самим сожженными»⁶. К концу октября моровое поветрие в Костроме несколько затихло. Но М. Ф. Гвоздев с товарищами по-прежнему должны были сообщать о карантин-

¹ Е. Ф. Шмурло, Россия и Италия, т. 2, вып. 1, СПб., 1908, стр. 43.

² «Прибалтийский сборник», т. III, 1880, стр. 201, 207.

³ «Вологодский летописец», стр. 25.

⁴ ЦГАДА, Крымские дела, кп. 14, л. 25 об.

⁵ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 106.

⁶ Д. Н. Альшиц, Неизвестные послания Ивана Грозного.— «Труды ОДРЛ», т. XII, М.—Л., 1956, стр. 429.

ных мероприятиях, «чтобы однолишно поветрия не перепустить во здорвые места»¹.

Примерно ту же картину рисует и Штаден. По его словам, «все города в государстве, все монастыри, посады и деревни, все проселки и большие дороги были заняты заставами, чтобы ни один не мог пройти к другому. А если стража кого-нибудь хватала, его сейчас же тут же у заставы бросали в огонь со всем, что при нем было»².

Для населения пограничных районов страшным бедствием была война. Уже в начале 60-х годов от постоянных нападений литовских войск были «вывоеваны» Себеж, Невель, земли под Опочкой и другие псковские места. Летописец рассказывает, как осенью 1562 г. литовцы в псковских волостях «полону много взяша, скота, людей посекоша и церкви пожгоша и дворы боярския и земледелцов»³. Особенно опустошительными были крымские набеги. К октябрю 1571 г. во многих полодких землях «люди разбежались для войны литовских людей»⁴.

Во время нападения Девлет-Гирея в 1562 г. ему удалось захватить большой полон и разорить много посадов у Мценска, Одоева, Новосила, Болхова, Белева и Черни⁵. В 1563 г. татары приходили к Михайлову⁶. В 1564 г. Девлет-Гирей напал на Рязань. Многих беззащитных жителей рязанских мест татары взяли в полон⁷. В 1565 г. Девлет-Гирей появлялся под Болховом⁸. Ужасающие по своим размерам опустошения причинил Москве пожар 24 мая 1571 г.⁹

¹ В. Б. Кобрин, Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой.— «Труды ОДРЛ», т. XIV, 1958, стр. 267.

² Г. Штаден, Указ. соч., стр. 92; Дженкинсон также сообщает, что в начале 1571 г. из-за мора «езде закрыты были проходы» (С. Середонин, Указ. соч., стр. 74).

³ ПЛ, вып. II, стр. 243.

⁴ ПКМГ, ч. 1, отд. II, стр. 540.

⁵ «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского», т. I, № 143, 144, 151; А. А. Новосельский, Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, стр. 428.

⁶ «Книга посольская...», т. I, № 163; А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 428.

⁷ ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 389.

⁸ Подробнее см. А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 429.

⁹ См. об этом главу X.

Такова была та обстановка, в которой происходил процесс усиления крепостничества в России опричных лет.

* *
*

Ни расчетливо саркастические записи иноземных наблюдателей, ни пламенные обличения Андрея Курбского не могут дать такой трагической картины бездны народного горя, которую рисуют скупые на риторiku, но деловитые и скорбные сведения официальных земельных «обысков» 60—70-х годов¹.

Исследователь располагает главным образом материалами, относящимися к Новгородской земле, и притом к районам, испытавшим чрезвычайные бедствия: царский погром 1570 г., повседневные стычки на рубеже со шведскими войсками внесли в жизнь новгородского крестьянина и промышленного человека такие трудности, которых, может быть, не знало население других районов России. Но даже с учетом этих местных особенностей случайно дошедшие до нас остатки архива Новгородского дворца являются драгоценным памятником жизни трудящегося люда в опричные годы.

В литературе принято относить «хозяйственный кризис» только к 70—80-м годам XVI в. (Н. А. Рожков, И. И. Смирнов, Б. Д. Греков)². Это, конечно, ошибка, порожденная в какой-то мере состоянием источников³. 60-е годы очень слабо представлены писцовыми материалами. Однако изучение остатков писцовых книг за 50—60-е годы XVI в. и других источников позволяет датировать начало разорения страны не 70-ми годами, а более ранним временем. Этот процесс был неравномерным, он

¹ Статистические обыски 1571—1572 гг. обработаны Н. Яницким (*Н. Яницкий*, Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам), Киев, 1915, стр. 101—112).

² См. *Б. Д. Греков*, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. II, М., 1954, стр. 233 и след.

³ Подробнее об этом см. *А. А. Зимин*, «Хозяйственный кризис» 60—70-х годов XVI в. и русское крестьянство. В кн.: «Материалы по истории земледелия и крестьянства», сборник V, М., 1962, стр. 11—20.

сопровождался в 60-х годах эконо­мическим подъёмом южных и отдаленных северо-восточных районов, куда стекалось население, бежавшее из центра от расту­щих поборов¹. Запустение новгородских земель началось еще до введения опричнины. Летом 1564 г. в Бежед­кой и Вотской пятинах побывал выбо­рный голова сын боярский Постник Степанов сын Шаюсова, который имел задание выспро­сить, не завладел ли кто нена­роком без законных осно­ваний царевыми землями. На обысках «тутошные люди», между прочим, показали, что к тому времени в пого­стах было уже много пустых поместных деревень. Чаще всего причиной запустения являлись невыносимо тяжелые подати. К этому старожилы добавляли, что земли у них худые, а налоги не в меру велики. Голод («меженина») и эпидемии («мор») еще редко назывались в качестве при­чин запустения. Иногда старожилы сообщали лако­нично: «Крестьянин... збежал безвестно»². Некоторые деревни стояли пустыми уже более 30 лет, но значи­тельно чаще встречались сведения о том, что крестьяне их покинули до 10 лет тому назад, т. е. в 50-х — начале 60-х годов.

Начальные стадии запустения Новгородской земли хо­рошо показал Н. Яницкий. По его наблюдениям, если в 1551 г. в Бежед­кой пятине пустоши составляли всего 3,02% всех поселений, то к 1564 г. их процент уже уве­личился до 12. Итак, «1564 год уже несомненно год кри­зиса»³. В 107 случаях писцы отметили, что причиной запустения явились непомерные царевы подати и только в 28 — мор, голод и поветрие⁴. Есть указания, что деревни запустели «от помещикова воровства», «от помещичьих податей» и т. п.⁵

¹ По наблюдениям С. М. Каштанова, хозяйственное разоре­ние, начавшееся в 50-х годах XVI в. в северных районах стра­ны, в первой половине 60-х годов распространилось на Можай­ский и Волоколамский уезды в связи с голодным 1561 годом (С. М. Каштанов, К изучению опричнины Ивана Грозного.— «История СССР», 1963, № 2, стр. 114).

² Д. Я. Самоковасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 3, 4, 11, 20, 22, 23.

³ Н. Яницкий, Указ. соч., стр. 22, 26, 35.

⁴ А. М. Гневушев, Новгородские писцовые книги, т. VI; Кни­ги Бежед­кой пятины. (Рецензия),— ЖМНП, 1912, май, стр. 144.

⁵ НПК, т. VI, стб. 878, 879, 896, 903, 909 и др.

Запустение резко усилилось к 1571 г. В самом деле, Шелонская пятина уже в 1571 г. запустела на две трети¹. Писцовые книги Шелонской пятины за 1571 и 1576 гг., писал исследователь В. Ф. Загорский, «походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят еще живые люди»². Выразительная картина рисуется во время обыска поместных и черных земель Вотской пятины, который производился в январе — марте 1571 г. В Новгородском дворце собирали сведения о запустевших деревнях («сколь давна и от чего запустили тия деревни») и о вывезенных из-за помещиков крестьянах. Страшные последствия опричных лет выяснились во время мартовского обыска 1571 г. Кирьяжского погоста Корельского присуда Вотской пятины. И здесь чаще всего крестьяне бежали безвестно «от царевых податей». В 1569/70 г. в деревне Корбесали после смерти Дорофея Еремеева «дворишко распродали в царевы подати», а его дети «бесвесно збежали» от этих податей³. Случаи, когда дети бежали, «одолжав» после смерти родителей, в Кирьяжском погосте очень часты. Одной из причин запустения и здесь был голод. Так, из деревни Юрика-Ярви крестьянин Иванко Елисеев сбежал в 1566/67 г., «одолжав, хлеб морозом побело»⁴. Постоянные мобилизации местного населения на подсобные работы в армию несли с собой в погост запустение. Когда крестьянин деревни Сороли Давыдко Исачков пошел в «посоху» в Юрьев и там умер, то двор его в 1567/68 г. запустел⁵.

Особенно интенсивно проходил процесс запустения в 1566—1570 гг. Пограничные карельские районы подвергались постоянным набегам шведских войск. Еще в 50-х годах ряд деревень запустел «от немец»⁶. Это про-

¹ В. Ф. Загорский, История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI веках.— «Журнал министерства юстиции», 1909, декабрь, стр. 203.

² Там же, стр. 194.

³ Д. Я. Самовасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 63.

⁵ Там же, стр. 70.

⁶ Там же, стр. 61.

должалось и позднее¹. В 1570/71 г. «немцы» перебили жителей деревни Гиенкумбы, а их двор сожгли, в деревне Юрика-Ярви убили дворовладельца с детьми, сожгли также и «дворишко»².

Не меньше терпели крестьяне и от опричников. В 1569/70 г. в деревне Куполи умер крестьянин Степанко Савин, а его дети «опричников безвесно збежали». Опричники жестоко взыскивали подати с крестьян. Так, в деревне Кимбияли в 1565/66 г. крестьянина Митрошку Офремова «опричнина на правежи замучили, дети з голода примерли». Замучили опричники и крестьянина Артюшку Афанасова в 1569/70 г. из деревни Садалакши. В деревне Кюлакши в 1569/70 г. у крестьянина Игнатки Лутьянова «опричина живот пограбела, а скотину засекли, а сам умер, дети безвесно збежали». Там же «живот» был «пограблен» у Михика Пятелиева, Еремейки Афанасова (последний был к тому же убит) и Мелентия Игнатова, которому, однако, удалось «безвесно» сбежать³.

1569/70 г.— год новгородского погрома — тяжело отразился на карельской деревне. В деревне Тивроли крестьянина Ларюку Маркова «опричины замучили, живот пограбела, двор сожгли». Оттуда же сбежали дети крестьянина Иванки Емельянова, ибо «оприщина живот пограбили, двор сожгли». То же было и в деревне Калболи, где крестьянина Фомку Логинова «опричные замучили, живот пограбили, дети безвесно збежали». Подобные записи повторяются при описании многих деревень⁴.

Такую же картину можно наблюдать и в другом районе Вотской пятины — вблизи Ладоги и Орешка. Здесь, по данным обысков 1572 и 1573 гг., запустело много деревень. Дмитриевский Гдетский погост запустел почти целиком в 1568—1571 гг. «от глада, и от большие дороги, и от божья поветрея, от мору крестьяне вымерли, а иные безвестно розошлись; а как ратные люди тотарове шли,

¹ В 1567/68 г. в деревне Бярви был «немцами» убит Андрей Еремиев, а двор его сожжен (*Д. Я. Самоквасов*, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 63, ср. стр. 64, 67 и 91). То же было и в 1570/71 г. (там же, стр. 49).

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 80, 81, 94.

⁴ Там же, стр. 96, 101, 103, 110, 111.

ные деревни выжгли»¹. В этих районах мы видим, что к обычным несчастьям опричной поры добавлялись мор, недород и тяготы, связанные с «большой дорогой», по которой ездили воинские люди, останавливавшиеся на постои и бесчинствовавшие².

Деревни Масельщина и О니шево в Ладожском присуде запустели в 1567/68 г. «от мору и от государьского правежу». На следующий год запустели поместья Д. Ф. Сабурова (деревни Сушево и другие) «от мору и от злблых лет, от голоду». «Государьская посоха», «подводы» и иная «тягль», набеги «свиских немец», «государевы ратные люди» и «посланники» были основными причинами крестьянских побегов в этих местах. «Опричный правеж» 1569/70 г. вызывал и здесь те же последствия, что и в других районах пятины³.

Жестокий правеж коснулся и Поморья, взятого в государев удел еще при самом учреждении опричнины. Голландец Саллинген рассказывал, что в 1568 г. «жители Холмогор, принадлежавшие к опричнине великого князя, пожаловались великому князю на то, что жители Варзуги завладели их вотчиной». Тогда из Москвы направили Басаргу Федорова сына Леонтьева⁴, который наложил колоссальный штраф на варзужан и на жителей волостей Шуи, Кеми, Керети, Кандалакши и Умбы⁵.

Правеж Басарги можно уподобить налету саранчи. После появления опричников множество дворов в Поморье совершенно запустело. В выписи 1574/75 г. из писцовых книг на Кереть говорилось: «Запустели Керецкой волости

¹ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 326—327.

² В 1568/69 г. «от хлебного недороду и от дороги да от государьских податей» запустели деревни Кокола, Сюрья и Кулдосарь Ладожского присуда. Деревня Хотово в 1571/72 г. запустела «от ратных людей, от дороги» (там же, стр. 307), деревня Ручья Ильинского погоста в 1570/71 г. — «от поветрия, и ратные, в Орешек едучи, тотарове сожгли дворь» (там же, стр. 320).

³ Там же, стр. 307—309, 314, 316, 321, 338 и др.

⁴ О нем см. В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного. — «Археографический сборник за 1959 год», стр. 45—46.

⁵ А. М. Филиппов, Русские в Лапландии в XVI в. — «Литературный вестник», 1901, т. I, кн. 3, стр. 304—305. Об опустошении Шуи Карельской пишет также Штаден (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 64).

дворы, и места дворовые пустые, и тони, и варницы, и всякие угодья от лета 7076-го году от лихова повегр[и]я, и от голоду, и от Босоргина правежу, и от Двинского иску»¹. После этого отмежеванная в опричнину Варзужская волость «запустела от гладу, и от мору, и от Басаргина правежу»².

Для основных территорий Русского государства у нас сохранился менее выразительный, но тоже достаточно убедительный материал, показывающий запустение земель в 60—70-х годах XVI в. К концу 1563 г. от царевых даней и повинностей запустело более 300 вытей в вотчинах Волоколамского монастыря³. В 1569 г. в Рузском уезде у этого монастыря насчитывалось уже 28% пустых дворов⁴. Значительное число пустошей уже есть в Ярославском уезде в 1567—1569 гг., хотя еще большинство деревень там заселено крестьянами⁵.

К маю 1569 г. запустела значительная часть владений Успенского Старицкого монастыря (см. табл. 8)⁶.

Т а б л и ц а 8

Уезды	Количество деревень	
	«в живущем»	«в пусте»
Старицкий уезд . . .	69	68
Тверской . . . » . . .	53	23
Клинский . . . » . . .	2	—
Бельский . . . » . . .	3	2
Кашинский . . . » . . .	15	19

¹ «Сборник грамот Коллегии Экономии», т. II, Л., 1929, № 138, стб. 461, ср. стб. 453—454.

² П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины. Документы, № 20, стр. 462. Садиков подробно изучил «Басаргина правеж» (см. там же, стр. 191—211).

³ АФЭиХ, ч. II, № 302.

⁴ Там же, № 347.

⁵ ЦГАДА, ф. 1209, № 582, 7785.

⁶ ГКЭ, Симбирск, № 23/11663 (ср. С. М. Кашианов, Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. II.—«Археологический ежегодник за 1960 год», № 928).

Особенно широкие размеры запустение приобрело после татарских набегов. Уже в марте 1571 г. троицкие старцы писали, что у них «крестьяни от глада и от поветрея вымерли», во всей Троицкой «вотчине в селех и в деревнях стало божье посещение», не осталось даже крестьян «ни трицатаго жеребья»¹. В октябре того же года после набега Девлет-Гирея монастырские власти отмечали, что «за Москвою троицкие села в приход крымского царя выжжены и вывоеваны»². Усиленное взимание пошлин «с пуста» на оставшихся крестьянах приводило только к новому, все прогрессирувавшему запустению вотчин³. Насильственные свозы крестьян и моровое поветрие были дополнительными причинами, вызывавшими бегство населения⁴. К 70-м годам XVI в. запустение страны все нарастает. С. М. Каштанов приводит следующие данные по Антониеву Новгородскому монастырю⁵:

Годы	Количество запустевших обож
1557—1561	79,5
1562—1564	около 9
1566—1567	28,5
1568	свыше 2
1569—1571	143

¹ «Сборник князя Хилкова», № 59.

² П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 52; см. также А. А. Зимин, Хозяйственный кризис... В кн.: «Материалы по истории земледелия и крестьянства», Сборник V, М., 1962, стр. 11—20. Не менее сильными были опустошения, произведенные татарами в Рязанском уезде (А. Н. Пискарев, Древние грамоты и акты Рязанского края, СПб., 1854, стр. 36 и след.).

³ В грамоте 20 марта 1572 г., адресованной в Гороховец, отмечалось, что рассыльщики троицких крестьян «на правее мучат и с пуста на живущих крестьянех пососных людей и... всякие пошлыны правят, и оттого-де их достальные крестьянши-ка розбрелися» (П. А. Садиков, Указ. соч., № 59, стр. 266).

⁴ См., например, В. М. Катаев и А. К. Кабанов, Описание актов собрания гр. А. С. Уварова, № 45, стр. 50—54.

⁵ По кн.: Аверосий, История Российской иерархии, ч. III, М., 1811, стр. 151—152; С. М. Каштанов, К изучению опричнины Ивана Грозного.— «История СССР», 1963, № 2, стр. 114.

Запустение коснулось и небольшого Краснохолмского монастыря (Бежецкий Верх). К 1575 г. в его вотчине было 5740 пустых вытей, тогда как в 1564 г. их не было вовсе¹.

Когда проводился досмотр земель Волоколамского монастыря в Рузском уезде (в 1571—1572 гг. и в 1584 г.), то старожилы отмечали следующие причины запустения: 1) «лихое поветрие»; 2) «татарские войны» («воеваны... те села и деревни и выжжены, а крестьяня многие побиты от татар, а иные крестьяне з женами и з детми в полон поиманы»); 3) «хлебный недород» и «межещина»; 4) проезд «сильных и ратных людей»; 5) подмога «ямским охотником»; 6) уплата податей с пуста («крестьяншка изнемогают ото всяких государевых податей, по тому што платят з живущего и за пуста»)².

Некоторые летописцы прямо связывали запустение с опричниной³. В 1593 г. старец Никифор Морин писал в своем завещании, что его «сельцо Вашюриново и деревню Холмово опришники розвозили, и та земля лежала пуста лет з двадеть»⁴. Кудеяр Тишенков в конце 1571 г. сообщал, что «многих людей государь в своей опале побил»⁵.

Конечно, истребление Иваном Грозным его политических противников трудно сравнивать с войной или стихийными бедствиями 60 — начала 70-х годов. Но нельзя обойти молчанием и тот факт, что во время опричных расправ гибли многие тысячи ни в чем не повинных людей. В синодиках Ивана Грозного сохранились отрывочные, но страшные своей холодной деловитостью записи о казни простых людей: крестьян, холопов, горожан — во время карательных экспедиций. Так, в Спасо-Прилуцком синодике читаем: «По Малютинские ноугороцкие посылки отде-

¹ А. Г. Маньков, О положении крестьян в феодальной вотчине России второй половины XVI века.— «История СССР», 1959, № 4, стр. 143.

² АФЗиХ, ч. II, № 376, стр. 420—421.

³ «Царь учиниша опричнину... И оттого бысть запустение веле Русской земли» (ПЛ, вып. I, стр. 113).

⁴ АФЗиХ, ч. II, № 393. Речь идет о владениях Рузского уезда.

⁵ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 14, л. 25 об.

лено скончавшихся православных христиан тысяща четыреста девянтдесять человек да из пищалей пятнадцать человек, им же имена сам ты, господи, веси»¹. Кроме бояр и опальных деятелей истреблялись нещадно также многие из их людей. Так, «В Ивановском Большом: православных христиан семнадцати человек, за четырнадцать человек ручным усечением конец приша... В Ивановском Меншом: Исаковы жены людей Заборовского тринацати человек да семь человек рук отсечением скончавшихся». Перебита была челядь И. П. Федорова: «В Бежецком Верху: Ивановых людей шестьдесят пять человек да дванадесять человек скончавшихся ручным усечением»². Вероятно, И. П. Федорову принадлежали те «коломенские села» (село Кишкино-Челядино), где, по синодикам, было казнено 20 человек, а также Матвеевщина (казнено 87 человек), Губин Угол (казнено 39 человек), Салославль (на реке Медведенке, в 24 км от Звенигорода, казнено 17 человек)³.

Во время похода на Псков и Изборск, только по данным синодиком, заплатились жизнью несколько десятков человек, да на обратном пути царь Иван казнил 190 человек в селе Медне и около 30 человек в Торжке⁴.

В синодиках, кроме того, мы встречаем отдельные записи о гибели горожан: «В Клине каменщика Иоанна»⁵, «Улана серебряника»⁶, рыболовов, огородников и т. п. Всего в них отмечено 3 тысячи казненных⁷. Эти сведения

¹ «Тетрадь, а в ней имена писаны опальных при царе и великом князе Иоанне Васильевиче всеа России». — «Чтения ОИДР», 1859, кн. III, отд. V, стр. 94; в другом синодике — 1505 человек («Сказания князя Курбского», изд. 3, стр. 377).

² «Тетрадь...», стр. 92. Заборовские — дворовые дети боярские, служившие в середине XVI в. по Твери и Бежецкому Верху.

³ Там же, стр. 91, 92; «Сказания князя Курбского», изд. 3, стр. 375—377; С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 349—350.

⁴ «Сказания князя Курбского», изд. 3, стр. 383; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 350.

⁵ «Тетрадь...», стр. 95.

⁶ А. А. Титов, Синодики XVII века Переславского Иижитского монастыря, стр. 17.

⁷ В одном донесении 1578 г. говорится, что опричники убили до 4000 дворян («Чтения ОИДР», 1898, кн. IV, отд. IV, № 128, стр. 19).

подтверждаются и показанием Курбского¹ и иностранцев².

О причинах разорения 60—80-х годов истории много писали. Н. А. Рожков видел их по преимуществу в развитии поместного землевладения: хищничество помещиков заставляло массы крестьян покидать насиженные места и отправляться на поиски лучшей участи³. Для Н. Ф. Яницкого корень вопроса находился в росте крестьянских оброков и переводе натуральных оброков на деньги⁴. По И. И. Смирнову, причинами, вполне объясняющими кризис, являются «крестьянская политика опричнины в соединении с некоторыми событиями внешней истории»⁵. Б. Д. Греков считает причинами разорения «длительные и дорогостоящие войны Ивана Грозного», а также внутренние затруднения (борьба опричнины с земщиной)⁶.

Сведения писцовых книг и обысков основную причину запустения деревень и сел называют единодушно. Это — рост податей, т. е. усиление феодального гнета, осложненное насилием опричников, военными действиями и стихийными бедствиями (мор, голод и др.). Указаний на то, что главную причину бегства крестьян нужно искать в смене

¹ Иван Грозный «не токмо слуг его шляхетных мужей всеорядне погубил и различными муками помучил, но и места и села... все пожег» (РИБ, т. XXXI, стб. 295).

² «Великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу» (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 87); «такого рода жестокость проявил тиран при опустошении деревень и поместий Иоанна, воеводы Московского» (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 23). В. Б. Кобрин считает, что террор Ивана Грозного был направлен против феодальной гвардии (военных слуг) Федорова (В. Б. Кобрин, Из истории земельной политики в годы опричнины. — «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 153). Разгром федоровских владений коснулся, конечно, не только слуг, но и крестьян.

³ Н. А. Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., М., 1899, стр. 456—461.

⁴ Н. Ф. Яницкий, Экономический кризис в Новгородской области XVI в., стр. 131.

⁵ И. И. Смирнов, Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. — «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 68.

⁶ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. кн. II, стр. 245.

форм землевладения или в эволюции феодальной ренты, в источниках обычно мы не находим.

В свою очередь хозяйственный кризис ускорил решение правительства отказаться от продолжения опричной политики, во всяком случае в тех формах, в которых она осуществлялась в 1565—1572 гг.

* *
*

Годы опричнины были временем широкой раздачи черносошных и дворцовых земель в поместья и вотчины. Этот процесс интенсивно протекал как на опричных, так и на земских территориях. Расхищение крестьянских земель приводило к распространению крепостнического ига на новые слои крестьянства.

Опричным помещикам переходили земли дворцовых крестьян: опричник Игнатий Блудов отписал у дворцовых крестьян села Борисовского Владимирского уезда луг за рекой Нерлюю Спасскому монастырю и 80 десятин леса в Суздальский уезд в поместья. Только в 1585 г. крестьяне побили челом на это противозаконное действие Блудова. Ранее они молчали, «потому что Суздальский уезд был в опричнине, а... село Борисовское было в земском». О действиях писца крестьяне сообщают следующее: «А как Игнатей Блудов писал и отмежевал в опришнину, и ему тогда была воля, что хотел, то писал»¹.

Интересно, что крестьянам отказали в иске только потому, что они «о том лугу не бивали челом, а молчали 16 лет». О законности межевания Блудова теперь умолчали и игумен Спасского монастыря, и судья, тем самым дезавуировав задним числом его действия.

В опричных районах широко практиковалась раздача черных земель в поместья. Так, опричник Петр Таптыков (до июня 1567 г.) получил оброчную деревню Комарово Вологодского уезда, которую позднее удалось приобрести старцам Корнильева Комельского монастыря².

¹ АГР, т. I, № 83, стр. 232. Это было, вероятно, в 1569 г., ибо крестьяне жаловались, что спасский игумен владеет «сильно» спорным лугом уже 16 лет.

² В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 155—156.

Черными землями наделялись и служилые люди, выселенные из опричных районов. В сотной грамоте 1566/67 г. на Устюжну Железопольскую упоминались покосы, которые «по государеву наказу розданы в роздачу розным помещиком и вотчинником к их новым поместьям и к вотчинам в угодыя», а другие покосы даны «противу старых их поместей и вотчин, которые в розных городех взяты у них на государя в опришнину и к дворцовым селом»¹. Массовая раздача черных земель для испомещения лиц, возвращенных с казанского жительства, происходила в Ярославском уезде, как это можно судить по писцовой книге 1568/69 г.² В Кашинском уезде, по данным писцовых книг 1566/67 г., за счет черных земель устраивались опальные дети боярские Костромского и Суздальского уездов³. Князь Р. И. Гундоров, лишенный своих стародубских владений, получил во Владимирском уезде вольность Вешкирец. После того как ее отобрали в опришнину, князь был пожалован бывшими поместными землями И. Ф. Воронцова Московского уезда, составленными из трех черных деревень⁴.

Трем дворовым детям боярским Тихону, Ивану и Тарху Гавриловым детям Тыртова в 1567 г. розданы были в поместья черные земли Богаевской волости Владимирского уезда⁵. Во Владимирском и Московском уездах получили владения перяславцы Д. И. Засекин и А. П. Засекина-Заболоцкая⁶.

В апреле 1567 г. царь произвел обмен земель с Кирилловым монастырем, в результате чего деревни Фетинино и Ануфриево Белозерского уезда («что были те деревни

¹ ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1669, № 214.

² ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 27—192.

³ Л. М. Сузотин, Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610—1611 гг.— «Чтения ОИДР», 1911, кн. IV, стр. 12. В Калязин монастырь в 1569 г. дали четыре деревни Скобеевы и столько же П. Г. Кренев. Все они были выселены в свое время из Костромского уезда (С. В. Веселовский, Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в.— «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 108).

⁴ П. А. Садиков, Указ. соч., № 17, 45, 47.

⁵ В. И. Корецкий, Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю.— «Записки отдела рукописей ГВЛ», вып. 21, 1959, стр. 204.

⁶ П. А. Садиков, Указ. соч., № 40, 60.

черные Ворбозовския волости») стали монастырскими¹. Вообще же черные белозерские деревни Надпорожского стана широко давались в 1566/67 г. в поместья костромским и можайским переселенцам².

Трудно сказать, переселялись ли в Рязанскую землю опальные люди или там получали поместья те из них, которые позднее были помилованы. Во всяком случае в писцовых книгах 1594—1597 гг. мы встречаем многих из тех, чьи родители попадали в опалу в годы опричнины. Здесь владели землями многочисленными князья Засекины (Семен, Петр и Ларнон Борисовичи, Иван Федорович Жировой), Щеглины, Б. С. Бабичев, А. И. Гундоров, И. В. Гагарин, Б. П. Татев, А. Д. Приемков, Федор и Семен Михайловичи Лобановы-Ростовские, Житовы, Карамышевы, Писемские, Аргамаковы, Сатины³.

В ряде случаев мы, очевидно, имеем дело с выводом из опричных земель. Так, Асанчук Зачесломский служил по Галичу, его сына Ивана мы находим в Рязани⁴. Среди можаичей середины XVI в. мы находим Кропоткиных, Михайловых, Чулковых, Поливановых. Эти же фамилии встречаются и в Рязани⁵. Суздальские Секирины также нашли себе приют в рязанских просторах⁶.

Вероятно, нечто подобное было и в южнорусских областях. Так, вдова Г. И. Заболоцкого получила вместо дмитровского владения село Воскресенское с деревнями в далеком Новосильском уезде⁷.

¹ Д. Я. Самоковцов, Архивный материал, т. II, ч. 1, стр. 132—134. См. аналогичную мену 1570 г. с Волоколамским монастырем (АФЗиХ, ч. II, № 353).

² П. А. Садиков, Указ. соч., № 21—26, ср. квадраты З—7 и К—7 в карте землевладения Белозерского края середины XVI в., приложенной к книге А. И. Копанева «История землевладения Белозерского края XV—XVI вв.».

³ «Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв.», т. I, вып. 1, стр. 29, 30, 42, 48, 54, 62, 83, 112, 122, 123, 127, 197, 242, 245, 258. «Старое» поместье у Никиты Даниловича Засекина было в Туле (ШКМГ, ч. I, отд. II, стб. 1080).

⁴ «Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв.», т. I, стр. 159.

⁵ Там же, стр. 162, 171, 234.

⁶ Там же, стр. 175.

⁷ П. А. Садиков, Указ. соч., № 48.

Массовая раздача дворцовых и оброчных крестьянских земель в поместье происходила в Казанском и Свияжском уездах, где в 1565/66 г. испомещали ональных княжат и детей боярских. По данным Р. Г. Скрынникова, в одном Казанском уезде «новые жильцы» получили свыше 23 тысяч четвертей земли в поместье¹. В результате опричных ссылок в Казань, Свияжск, Лаишев и Чебоксары заложен был фундамент поместного землевладения русских феодалов в Среднем Поволжье. Выселенцами из опричных Бежецкой и Обонежской пятин в ноябре 1571 г. заселялись новоприсоединенные западные районы, запустошенные во время войны (Озерище и Усвят)².

Новые владельцы, как правило, не заботились о налаживании хозяйства в полученных ими поместьях и вотчинах. Одни рассчитывали на скорое возвращение их старинных владений, а поэтому продавали и отдавали «на помин души» полученные ими земли³. 1569—1572 годы были временем резкого подъема числа вкладов в монастыри. Немногим больше хозяйственной сметки проявляют новые господа из опричной среды, знавшие, что рано или поздно наступит конец их владычеству. Поэтому они стремились выжимать из крестьян как можно больше доходов. Хищническая эксплуатация поместий приводила часто к их разорению. Так, в Ярославской писцовой книге 1567—1569 гг. специально оговаривалось: «в Черемошской же волости, что были черные деревни в поместья за князьями и за детьми боярскими, и те поместья помещики опустошили и пометали»⁴. Правительство стремилось прекратить этот процесс путем строгих наставлений. В поместных грамотах часто специально оговаривалось, чтобы впредь эти владения «не пустошились»⁵.

Практика временного освобождения населения поместий (в «урочные льготные лета») от уплаты податей

¹ Р. Г. Скрынников, Опричная земельная реформа Грозного 1565 г.— «Исторические записки», кн. 70, 1961, стр. 230.

² ПКМГ, ч. I, отд. II, стр. 550—566.

³ С. В. Веселовский, Указ. соч., стр. 101, 107, 108.

⁴ ЦГАДА, ф. 1209, № 582, л. 488 об.

⁵ Д. Я. Самойлова, Архивный материал, т. I, стр. 195.

также должна была, по мысли правительства, содействовать экономическому восстановлению страны. Так, летом 1570 г. помещики Микула и Тимофей Симанские получили льготные грамоты на переданные им уже запустевшие деревни Шелонской пятины. В течение девяти льготных лет им вменялось в обязанность «в тех деревнях пашня розпахати и двory поставити и поля огородити; а в те им урочные лета приметных денег и ямских не давати и всяких податей государских с черными людьми не давати и ни платити ни во что». Если же Симанские «отсидят... свои урочные льготные лета», а дворов не поставят и пашню не распахнут, на них взыскивалась пеня¹.

Аналогичные меры принимались и в других уездах. Так, в 1563—1564 гг. Спасский Белевский монастырь получил льготу на несколько деревень, которые запустели «от Вишневецкого людей». Старцы получали право не платить четыре года никаких государевых податей, а за это время заселили деревни крестьянами, которые должны «дворы себе поставити и огородить и пашня розпахвати»². Пострадавшие от нашествия Девлет-Гирея в 1571 г. крестьяне Елифанского уезда в 1571/72 г. освободились от уплаты государевых податей на пять лет³.

Постепенное обезземеливание крестьян, переход черносочных земель в орбиту эксплуатации светскими и духовными феодалами сопровождалось в годы опричнины резким ростом податей, взимаемых государством, и земельной ренты в пользу светских и духовных землевладельцев.

В годы опричнины происходили серьезные сдвиги в формах феодальной ренты. Усилился процесс развития

¹ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. I, стр. 196. На четыре года освобождался от уплаты государевых податей переселенцы из Обонежской и Бежецкой пятин, испомещенные в 1571 г. в полоцких волостях (ПКМГ, ч. 1, отд. II, стр. 542 и след.).

² С. Шумаков, Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.).— «Чтения ОИДР», 1902, кн. II, № XII, стр. 81.

³ ПКМГ, ч. 1, отд. II, стр. 1585, 1586 и др. Этот же льготный срок установлен был в 1571/72 г. и для пострадавших крестьян серпуховской вотчины Высоцкого монастыря (Л. Д. Воронцова, Два документа (XVI в.) из архива Серпуховского Высоцкого монастыря, стр. 172—175).

барщины, наметившийся уже в середине XVI в. 50—60-е годы XVI в. были временем наибольшего расширения барской запашки в новгородском поместье. Это в свою очередь стимулировало развитие там барщины¹. О широком распространении барщины в 60-е годы свидетельствуют материалы небольшого Краснохолмского монастыря (в Бежецком Верхе). Здесь уже в 1564 г. доля барщины составляла не менее $\frac{2}{3}$ общего размера крестьянских повинностей².

Наблюдения И. И. Полосина и И. И. Смирнова раскрывают особенности развития крепостничества в Новгородской земле на материалах послушных грамот. Впервые И. И. Полосин обратил внимание на разницу в формулах, имеющуюся в ввозных и послушных грамотах Шелонской пятины XVI в. Этими грамотами устанавливались права помещика на землю и крестьян, а содержащаяся в них характеристика форм эксплуатации крестьянского труда позволила исследователю сделать вывод о развитии крестьянского закрепощения во второй половине XVI в. В частности, Полосин отметил разницу между грамотами 50-х и 60-х годов XVI в., указав на то, что с начала 70-х годов помещики приобретают почти повсеместно право произвольной переоброчки крестьян, что, возможно, связано с испомещением опричных³.

Наблюдения Полосина развил И. И. Смирнов. Он четко указал на существование трех групп «формул, определяющих права помещика по отношению к крестьянам». Первая (старая) формула: «доход бы есте денежный и хлебной и мелкой доход давали, по старине»; вторая (переходная) 60-х годов XVI в.: «пашню его пахали, где себе учинит, и оброк платили»; третья (новая) 70-х годов: «пашню его пахали и оброк платили, чим

¹ Р. Г. Скрынников, Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских поместных землях в 50—70-х гг. XVI в.— «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена», т. 188, Л., 1959, стр. 284.

² А. Г. Маньков, О положении крестьян в феодальной вотчине России второй половины XVI века.— «История СССР», 1959, № 4, стр. 140.

³ И. И. Полосин, Поместное право и крестьянская крепость. В кн.: И. И. Полосин, Социально-политическая история России XVI—начала XVII в., М., 1963, стр. 34 и след.

нас изоброчит». Последняя формула характеризует «освящение законом практики оирчинины», рост эксплуатации крестьян¹.

Отмеченные особенности формул в Северо-Восточной Руси, касающихся барской запашки и уплаты оброка, величина которого устанавливалась самим помещиком («чим вас изоброчит»), появились уже в 40—50-х годах XVI в.²

При анализе лапидарных клаузул послушных грамот также нельзя отвлекаться от изучения канцелярий, в которых они возникли. Наиболее раннюю форму крестьянских повинностей находим в новгородских грамотах за приписью Богдана Колупаева и Степана Калитина³.

В начале 60-х годов появляется в послушных грамотах специальное упоминание о барской запашке: «Пашню пахали и доход давали по старине»⁴. Крестьяне к барской запашке в Шелонской пятине, очевидно, только еще начинали привлекаться. В грамотах за приписью Шеверя Григорьева и Федора Фаева встречаем характерную оговорку: «Пашню его пахали, где собе учинит»⁵. Тогда же из послушных за приписью Ф. Фаева (одного и с товарищами) слова об уплате дохода по старине заменяются менее определенными словами: «Оброк его платили».

В подавляющем большинстве грамот 1563—1569 гг. находится переходная клаузула: «Пашню его пахали и оброк платили»⁶. Эта формула, конечно, предоставляла самые широкие возможности для повышения крестьянских оброков, ибо не ограничивала помещичий произвол «старинной». Изредка появлялась оговорка: «Оброк платили

¹ И. И. Смирнов, Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.— «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 67.

² А. А. Зимин, Реформы Ивана Грозного, стр. 91.

³ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. I, отд. II, № 80, 84, стр. 11, 13.

⁴ Там же, № 96 (1562), стр. 19—20.

⁵ Там же, № 117 (1562), стр. 31; 121 (1565), 128 (1564), а также в грамоте № 78 (1562) за приписью Н. Шестакова и Ф. Фаева.

⁶ Там же, стр. 158—159, а также № 62, 64, 65, 74, 77 и др. Клаузула встречается главным образом в грамотах с приписью Ф. Фаева, а также Н. Шестакова и Ф. Фаева (№ 83, 100) и Ф. Фаева и Ш. Григорьева (№ 92, 126, 129).

чем вас изоброчит» (в грамотах за приписью Нечая Шестакова и Федора Фаева) ¹.

В 1570 г. подьячий Михаил Парфеньев также предпочитал формулу: «Слушали и пашню на него пахали и доход ему хлебной платили чем вас... изоброчит» ². Вероятно, обе клаузулы на практике должны были означать одно и то же. Впрочем, последняя формула, как более четкая, получила распространение в 1571—1573 гг., особенно в грамотах за приписью Ивана Собакина и Петра Протасьева.

В годы опричнины барщина расширяется не только в Новгороде, но и в других районах Русского государства. А. Х. Горфункель приводит интересные данные, свидетельствующие о росте монастырской запашки и применении наемного труда («казаков») в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря к 1567/68 г. ³

По вычислениям В. И. Корецкого, с середины XVI в. по начало 80-х годов XVI в. государственные повинности волостных крестьян в центре России увеличились почти в 3 раза ⁴. Вместе с тем и резко возрастают реальные размеры денежных оброков, как это можно проследить на новгородских материалах. Так, если в 1564 г. оброк крестьян Шелонской пятины составлял 84 деньги (новгородок), то в 1576 г. они платили уже 200 денег ⁵. Если учесть, что за это время реальная стоимость рубля не уменьшилась ⁶, то можно констатировать огромный рост крестьянских повинностей. Это, впрочем, понятно. Запу-

¹ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. I, отд. II, № 68 (1563), 81 (1568).

² Там же, № 62 (1564), 64 (1564), 65 (1569), 74 (1568), 77 (1566) и др.

³ А. Х. Горфункель, Перестройка хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря в связи с развитием товарно-денежных отношений в XVI в.—«Ученые записки Карело-Финского педагогического института», т. II, вып. 1, серия общественных наук, Петрозаводск, 1956, стр. 96.

⁴ В. И. Корецкий, Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю.—«Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 24, 1959, стр. 196.

⁵ Н. Ф. Яницкий, Экономический кризис в Новгородской области XVI в., стр. 122.

⁶ Ср. А. Г. Маньков, Цены и их движение в Русском государстве XVI века, стр. 41.

стение поместий приводило к тому, что оставшееся население вынуждено было выносить на себе все усиливающиеся помещичьи поборы. По данным писцовых книг Вотской пятины 1568 г. (сравнительно с книгами 1539 г.), можно отметить постепенный рост доли денежного оброка в феодальной ренте (с 6,4 до 15,9%) и перевод мелкого дохода на деньги¹.

Деревни пустели не только из-за того, что война поглощала людские ресурсы страны. Псковский летописец, описывая осенний поход в Ливонию в 1560 г., со скорбью замечает: «Пскову и пригородам и селским людям, всей земли Псковьской проторы стало в посохи много, в розбеглой место посохи новгородской, посоху наимовав посылали с сохи по 22 человека, а на месяц давали человеку по 3 рубли, а иные по полчетверта рубли и с лошадьми и с телегами под наряд»².

Поход на Новгород и Псков в 1570 г. сопровождался не только истреблением тысяч ни в чем не повинных людей, конфискацией имущества и «правежом» выкупа, но и набором посохи для оборонительных и других работ в Ливонии³. «И от того налогу и правежу вси людие новгородды и псковичи обнищаша и в посоху поидоша сами, а давать стало нечего, и там зле скончашася нужно от глада и мраза и от мостов и от наряду». В Ливонскую землю отправлялись также русские люди из замосковных городов. «Запасы возили из дальних городов из замосковных, и наполни грады чюжие русскими людьми, а свои пусты сотвори»⁴.

Все это создавало невыносимые условия жизни для крестьян. Имелись, конечно, в стране и богатые крестьяне⁵, но гораздо больше было бедняков. Таубе и Крузе сообщают, что требования снарядить в поход непо-

¹ Н. А. Рожков, *Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.* М., 1899, стр. 235.

² ПЛ, вып. II, стр. 240—241.

³ «Еще же к сему повеле правити посоху под наряд и мосты мостити в Ливонскую землю и Вифлянскую, и зеленую руду збирати» (ПЛ, вып. II, стр. 261).

⁴ Там же, стр. 261—262.

⁵ Штаден рассказывает: «Теперь некоторые крестьяне страны имеют много денег, но этим отнюдь не хвастаются» (*Г. Штаден, Указ. соч.*, стр. 122).

Конный москвитин. Гравюра XVI в.

мерно большое число воинов (под угрозой казни или тюремного заключения) разоряли не только феодалов, но и их крестьян. Служилые люди «стали брать... с бедных крестьян, которые им были даны, все, что те имели; бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен платить в течение десяти лет. Огромные имущества были разрушены и расхищены так быстро, как будто бы прошел неприятель»¹. Даниил Принц в 1576 г.

¹ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 36.

также писал о тяжелом положении русских крестьян: «Положение крестьян самое жалкое: их принуждают платить по несколько денег каждую неделю великому князю и своим господам»¹.

Генрих Штаден считал, что для русского крестьянина единственное средство спасения было «заложиться» за крупного собственника — за царя, митрополита или еще кого-либо. «Если бы не это, то ни у одного крестьянина не осталось бы ни пфеннига в кармане, ни лошади с коровой в стойле... Крестьянин хочет ухорониться... чтобы ему не чинили несправедливости»².

Разорение крестьянства, обремененного двойным гнетом (феодала и государства), дополнялось усилением помещичьего произвола, что подготавливало окончательное торжество крепостного права. Таков был один из результатов опричнины. Это и понятно. «... «Реформы», проводимые крепостниками, — писал В. И. Ленин, — не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия»³.

Одной из широко распространенных форм крепостнического произвола было дозволение опричникам вывозить крестьян из владений земских. Штаден писал, «кто не хотел добром переходить от земских под опричных, тех вывозили насильством и не по сроку. Вместе с тем увозились или сжигались (и крестьянские) дворы»⁴. И здесь мы сталкиваемся с основной особенностью опричнины: старые формы удельных времен (свобода крестьянского выхода) используются для новых целей, т. е. для дальнейшего закрепощения.

Вероятно, речь шла только о вывозе крестьян у светских феодалов. Но так или иначе с начала 70-х годов XVI в. в жалованных монастырских грамотах и частных грамотах появляется настойчивое предписание: «Крестьян... без отказа и не по сроку... ни которым людям не

¹ Д. Прили, Начало и возвышение Московии.— «Чтения ОИДР», 1876, кн. IV, отд. IV, стр. 71.

² Г. Штаден, Указ. соч., стр. 122.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 172.

⁴ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 95. Цитируется без глосс издателя.

возити»¹. Длительное время в начале 70-х годов XVI в. тянулась тяжба в опричнине Суздальского уезда между Покровским монастырем и дворцовыми приказчиками, которые вывозили «сильно, не по сроку, без отказа и безпошлино» монастырских крестьян².

В годы опричнины закон о Юрьевом дне продолжал действовать. Некоторые крестьяне уходили к более приемчивым или удачливым помещикам, уплатив необходимые в таких случаях подати. Так, крестьяне села Пилоли Толдожского погоста после смерти весной 1576 г. помещика Григория Колягина вышли осенью этого же года «о сроце о Юрьеве дни, с отказом» к князю Василию Белосельскому и к И. И. Скобельцыну, уплатив «отказ и выход» приказчику Колягина³.

Однако обстановка опричнины с ее экономическими потрясениями и распрями среди самих феодалов отнюдь не содействовала утверждению начал законности в отношении крестьян и помещиков. Гораздо чаще энергичные хищники из новых «господ на час» свозили крестьян в приобретенные ими разными средствами пустоши. Так, ранней весной 1571 г. («в великое говение») Федор Яковлев сын Осокин вывез «сильно» крестьян деревни Щепы в свое усадище Шелонской пятины⁴.

Новгородский помещик Юрий Андреев сын Нелединский происходил из бежецких землевладельцев⁵. Когда в январе — марте 1571 г. в его поместьях Вотской пятины производился обыск, то выяснилось, что сам помещик в своем новгородском владении не бывал (там находился

¹ П. А. Садинов, Указ. соч., № 52, стр. 258.

² И. М. Катаев и А. К. Кабанов, Описание актов собрания гр. А. С. Уварова, № 45, стр. 50—54.

³ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 31—32.

⁴ Там же, стр. 42.

⁵ В середине XVI в. около 30 Нелединских числилось дворовыми детьми боярскими по Бежецкому Верху. В списке ГИМ, Музейное собр., № 3417, упоминаются: Иван Иванов сын Клушина. Андрей Васильев сын Безсонов. Сын его Гриша (вместо ошибочного: «Ондрей Васильев сын Клушина»).— «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», стр. 201). А. В. Бессонов, вероятно, отец Ю. А. Нелединского, ибо ниже мы находим Василия и Ташлыка Андреевых детей Бессопова-Нелединского (там же, стр. 203).

его приказчик), а проживал в Бежецком Верхе¹. Впрочем, Юрия царь взял в «опришнину»². Весной 1570 г. (на «великое говино», т. е. говенье) пришел указ, требовавший выселить опричных людей из земщины. Приказчик Нелединского покинул Вотскую пятину, причем «и помещиков доход весь сполна на крестьянх взял о Николени дни осенним»³. В результате обыска выяснилась картина постепенного запустения новгородских владений Нелединского, причем самоуправство опричников выступало совершенно отчетливо. Так, крестьянин деревни Перносарь Абрам Курыханов с детьми вышел в Юрьев день (26 ноября) 1569 г. за Русина Вольнского. Вероятно, при этом крестьянин «выхода» не уплатил, ибо подьячий Петр Григорьев хотел его вернуть прежнему господину. Однако весной 1570 г. «тих крестьян, приехав из оприщины, из Михайловского погоста... у Петра, и у старосты, и у цоловалников выбили и вывезли их в опришнину в Михайловской погост... без отказа и без пошлин»⁴.

Некоторые крестьяне сами выходили к опричным помещикам, рассчитывая укрыться за сильными людьми от полуофициального разбоя. Так, крестьянин деревни Омосова Иван Патрикеев «вышел из тое деревни в опришнину» осенью 1570 г. «без отказа и без выходу»⁵.

Правительство принимало меры против самовольных крестьянских выходов и вывозов. Так, когда два крестьянина деревни Горьки за неделю до Юрьева дня 1570 г. вышли в деревню Вяжицкого монастыря «без отказа и без выходу», то они были «вывезены опять назад»⁶. Монастыри не составляли исключения. Уполномоченный новгородских дворцовых дьяков Петр Григорьев «вывез опять назад в Юрьевской деревни» (Нелединского) тех «выхотцов крестьян», которые вышли за детей боярских «без отказа»⁷.

¹ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 50.

² Там же, стр. 48.

³ Там же, стр. 50, 57.

⁴ Там же, стр. 49, ср. стр. 55.

⁵ Там же, стр. 51, ср. стр. 56. Два крестьянина деревни Войбокола вышли за Д. Ф. Сабурова (там же, стр. 49).

⁶ Там же, стр. 58.

⁷ Там же, стр. 54.

Новгородский поход 1570 г. также использовался опричниками для вывоза крестьян. Так, во время обыска 1570 г. одного из запустевших поместий Шелонской пятины выяснилось, что оттуда «крестьян вывезли Демидовы люди Ивановича Черемисинова»¹. Опричник Д. И. Черемисин — один из участников разгрома Новгорода в 1570 г.²

Крепостническую практику в конце 60-х годов XVI в. показывает грамота Ивана IV о разделе белозерской вотчины И. П. Федорова 20 апреля 1568 г. Как отмечает В. Б. Кобрин, опубликовавший этот акт, усилением феодальной эксплуатации объясняются строгие наказания об описи крестьянского имущества и пашни: переписаны должны быть и «дворы и во дворах люди по имяном». Переписывать также «на крестьянах заемные деньги и хлеб по кабалам и бескобално, подлинно, порознь»³. Ясно, что такие меры еще прочнее прикрепляли крестьян к земле.

Весной 1570 г. в Вотскую пятину прислали «заповедную и высылную грамоту», согласно которой «велели опришних высылать из жемщины»⁴. «Заповедная грамота» до нас не дошла. Мы ее знаем по упоминанию о ней и о ее назначении можем только догадываться. Еще С. И. Тхоржевский считал, что в ней говорилось о временной отмене права крестьянского выхода, т. е. о первом опыте введения «заповедных лет»⁵. К его мнению присоединился И. И. Полосин⁶. Б. Д. Греков совершенно справедливо заметил, что «это распоряжение власти не касалось реформы крестьянских выходов». Сам же Греков считал, что «царь потребовал из земщины опрични-

¹ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 342.

² В. Б. Кобрин, Несколько документов из истории феодального землевладения XVI века в Юрьев-Польском уезде.— «Археологический ежегодник за 1957 год», стр. 468.

³ В. Б. Кобрин, Из истории земельной политики в годы опричнины.— «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 157—158.

⁴ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 50.

⁵ С. И. Тхоржевский, Поместье и крестьянская крепость.— «Архив истории труда в России», т. I, Л., 1924, стр. 85—86.

⁶ И. И. Полосин, Указ. соч., стр. 54. В последнее время эту точку зрения развивает Г. Вернадский (С. Verнадsky, Serfdom in Russia.— «Relazioni», vol. III, Firenze, 1955, p. 262).

ков, а их старые поместья «заповедал охранять»¹. Но и с этим толкованием трудно согласиться. «Заповедная и высельная грамота» (Б. Д. Греков прав, полагая, что речь идет об одной грамоте) касалась только выселки опричных людей из земщины. Говорилось ли в ней что-либо об их старых поместьях или нет, сказать совершенно невозможно.

Фактическое расширение прав феодала на подвластное ему население вотчин и поместий в годы опричнины еще не нашло законодательного оформления. Продолжали действовать закон судебников о Юрьеве дне и другие нормы права, восходящие к концу XV в. Но уже в повседневной юридической практике крестьяне начинают все более и более рассматриваться как «люди» господина, принадлежащие ему в силу прав феодала на землю. Этот процесс рождения нового правового взгляда на крестьян блестяще показал С. М. Каштанов на материале монастырских жалованных грамот². Уже с середины XVI в. в этих документах получает распространение формула: «Кто у них, (т. е. у феодалов.— А. З.) учнет жити... люди и крестьяне» (вместо «люди»), показывающая, что крестьяне все более начинают рассматриваться крепкими своим господам³. Это явление в первой половине 60-х годов XVI в. уже широко отмечается на территориях к югу и западу от Москвы⁴. Опричина несла крестьянам новое усиление крепостной зависимости от феодалов.

По С. М. Каштанову, в опричнину почти совершенно не вошли наиболее крепостнические районы центра — восточное Замосковье, тогда как менее закрепощенные районы запада и юго-запада стали опричными. Все это позволяло за счет усиления в этих районах крепостнического гнета улучшить положение опричного войска,

¹ Б. Д. Греков, *Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века*, кн. II, стр. 304. В. И. Корещкий считает, что «заповедь касалась временного запрещения крестьянских выходов и вывозов» (В. И. Корещкий, *Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в.*, М., 1957. Рукопись кандидатской диссертации, хранящаяся в ГБЛ, стр. 62).

² С. М. Каштанов, *К изучению опричнины Ивана Грозного.* — «История СССР», 1963, № 2, стр. 100 и след.

³ ПРЦ, вып. IV, стр. 143.

⁴ С. М. Каштанов, *Указ. соч.*, стр. 102.

основной опоры Ивана IV¹. Сердцевина наблюдений С. М. Каштанова верна: ее можно объяснить тем, что в опричнину попали главным образом земли, где светское землевладение вообще не было распространено и формы эксплуатации крестьян были архаичнее, чем на поместных землях основной территории Русского государства.

Для опричных территорий (Можайск, Вышгород, Ржева) в грамотах Симонова и других монастырей употребляли вместо ранее распространенной формулы «люди и крестьяне» старую — «люди», что как будто говорит о возврате к устаревшим представлениям о характере зависимости крестьян. С. М. Каштанов пытается объяснить это противоречие тем, что правительство стремилось ограничить закрепостительские поползновения монастырей в пользу помещиков². Но как мы увидим ниже, правительство, наоборот, всячески льготило своих «государевых богомольцев»³.

Среди земель, попавших в опричнину уже со времени ее утверждения, северные территории с такими торгово-ремесленными центрами, как Тотьма, Каргополь, Вологда, занимали большое место. Уже накануне опричнины правительство, выдавая в 1563 г. таможенные грамоты Орешку и Веси Егонской⁴, стремилось регламентировать поборы, взимаемые с торговых людей. Это, конечно, отвечало интересам торгово-ремесленного населения.

В годы опричнины положение изменилось. Правительство отходит от старой политики борьбы с тарханами, которая настойчиво проводилась Избранной радой. Как показал С. М. Каштанов, 1564—1569 годы отмечены выдачей щедрых податных льгот беломестцам из среды духовных феодалов⁵. Уже в августе 1565 г. Иван IV описывает от московского посада Симонову монастырю село

¹ С. М. Каштанов, Указ. соч., стр. 102.

² Там же, стр. 106.

³ Существование формулы «люди и крестьяне» для опричной Старицы С. М. Каштанов объясняет сложившейся там экономической обстановкой, но в чем она заключалась, остается неясным.

⁴ ДАИ, т. I, № 116; ААЭ, т. I, № 263, ср. № 269.

⁵ С. М. Каштанов, Указ. соч., стр. 112—113.

Коровничье, обеляя его от податей¹. Льготы на дворы и слободы получили паряду с Симоновым монастырем Кирилло-Белозерский и Старицкий Успенский монастыри на дворы в Ярославле, Турчасове и Старице. Зато привилегии городского патрициата решительно сокращались. Так, к 1571 г. Иван IV «отставил» жалованную грамоту, сохранившую льготы купцам-сурожанам². Все это показывает, что в годы опричнины сделан был значительный шаг назад в области посадской политики.

Вместе с тем Иван IV охотно давал льготы крупным промышленникам, и в их числе купцам Строгановым. Уже в 1566 г. по челобитью Строгановых опричными сделались их городки Канкар и Кергедан в Перми³. Льготы получили Строгановы и в 1568 г. на земли по реке Чусовой⁴. Широких торговых привилегий в 1567—1569 гг. добились английская Московская компания. Позднее, после того как начался некоторый спад опричной политики, объем льгот англичанам начинает сужаться⁵.

Города в опричную пору не менее страдали, чем деревни. До нас дошли описания Ладоги 1572—1573 гг. Многие посадские люди умерли с голоду и обнищали⁶. Некоторые горожане безвестно покинули насиженные места⁷. Губило жителей Ладоги и моровое поветрие. В 1569/70 г. Ладога, как и другие новгородские города, подверглась опричному разгрому, которым здесь руководил Петр Иванович Бярятинский⁸. Свирепствовал в городе в 1570/71 г. также праветчик Леонтий Кузьмин сын Понточин и позднее Данила Иванович Истленьев (первый правил «по кабалам», а второй — «государьскую обиход-

¹ ГИМ, Симоновское собр., кн. 58, Москва, № 66, л. 250—253 об.

² ААЭ, т. I, № 282.

³ ДАИ, т. I, № 118, стр. 172. О взаимоотношениях Строгановых с правительством Ивана Грозного см. А. А. Введенский, Дом Строгановых в XVI—XVII вв., М., 1962.

⁴ ДАИ, т. I, № 119, стр. 172—175.

⁵ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в.», стр. 276.

⁶ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 304, 305.

⁷ Тиша Калачник, Юшка Сапожник, Самсонко Плотник.

⁸ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 306.

ную рыбу и за рыбу деньги»). Многих посадских людей на правлении забили до смерти. А некоторые «жилцы на правежи стоячи, с правежю, с холоду и з голоду и при-мерли»¹. Множество посадских попросту сбежало от правежа². Некоторые из жителей города (Будиша, Третьяк плотник) выходили «в опритчину», рассчитывая так спастись от бесконечных поборов³.

Многочисленные свидетельства сохранились о разорении Новгорода во время похода Ивана IV⁴.

Но не все города постигла такая тяжелая участь, как Москву во время пожара 1571 г. или Новгород, Тверь и Торжок в 1570 г. Среднее Поволжье после присоединения Казани переживало хотя медленный, но несомненный экономический подъем. Судя по писцовым книгам конца 60-х годов XVI в. по Казани и Свияжску, обработанным Н. Д. Чечулиным, в этих городах развивалось ремесло и налаживались торговые связи как с другими русскими городами, так и со странами Востока. Всего в Казани было около 15 тысяч жителей, из них до 7 тысяч русских, в Свияжске — более 4 тысяч. Значительную часть городского населения составляли посадские люди (40%). В Казани среди русского населения до 40% было посадских, столько же стрельцов и служилых по прибору, 20% архиерейских и церковных людей⁵. Свообразную торговую аристократию образовала группа сведенцев из Искова, Вологды и Твери.

Годы опричнины явились новым этапом в истории антифеодальной борьбы крестьянства. В отличие от предшествующего времени ареной классовых битв были уже широко охвачены не отдельные села и деревни, а вся страна. Голос стихийного протеста слышался в каждом русском селении. В условиях опричного террора, роста государевых и владыческих податей и других совсем уже неожиданных бедствий (мор, голод) основной формой

¹ Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 305.

² Там же, стр. 328.

³ Там же, стр. 305, 328. В Ладозе и Орешке еще до 1568 г. не заметно было следов экономического упадка: пустые дворы в них почти отсутствовали (Н. Д. Чечулин, Города Московского государства в XVI веке., СПб., 1889, стр. 41).

⁴ Подробнее об этом см. в гл. V.

⁵ Н. Д. Чечулин, Указ. соч., стр. 200, 206, 208 и др.

борьбы сделалось массовое бегство крестьян и горожан, приводившее к запустению центральных районов страны¹. Конечно, эта форма крестьянского сопротивления феодалам еще носила пассивный характер, свидетельствовала о незрелости крестьянства, задавленного нуждой и невежеством. Но крестьянские побегии сыграли огромную и еще не вполне оцененную роль в дальнейшей истории России. Оседая на севере и за «камнем», в далекой Сибири, в Поволжье и на юге, беглые крестьяне, ремесленники и холопы своим героическим трудовым подвигом осваивали эти территории. Именно они, эти безвестные русские люди, обеспечили экономический подъем российских окраин и подготовили дальнейшее расширение территории Русского государства. Вместе с тем беглые крестьяне и холопы составляли основной контингент складывающегося донского, яицкого и запорожского казачества, которое сделалось в начале XVII в. наиболее организованной активной силой крестьянской войны.

Бегство было важнейшим, но не единственным ответом крестьян на усиление феодального гнета. В опричнине участились случаи уклонения от уплаты государственных налогов. Это вызывало жестокие опричные правежи (например, в 1570/71 г. в Ладого Л. К. Понточина², Басарги Леонтьева в Поморье³ и др.).

Но это, конечно, не помогало. Маркс в черновике письма к Вере Засулич писал: «Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям»⁴.

¹ В Поморье до настоящего времени сохранились предания о бегстве предков современных жителей из Новгорода на Печору во время Новгородского похода Ивана IV (В. К. Соколова, Русские исторические песни XVI—XVIII вв., стр. 51). О бегстве холопов говорят записи в новгородских книгах старых крепостей. Например, в грамотах 1564/65, 1565/66, 1569, 1571 гг. (РИБ, т. XVII, № 53, 240, 385, 449).

² Д. Я. Самоковасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 305—306.

³ Подробнее см. П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 191 и след.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 685.

В годы опричнины, как мы уже говорили, чрезвычайно расширились функции губных старост, основной задачей которых оставались борьба «с разбоем» и «татбой», т. е. в первую очередь с антифеодальными выступлениями. До нас дошел от этого времени только один губной наказ 12 марта 1571 г., адресованный на Белозеро¹. Наказ в целом по формуляру близок к типичному Медыньскому губному наказу 1555 г.² Были в нем и некоторые особенности, объяснявшиеся тем, что часть Белозерского уезда была взята в 1569/70 г. в опричнину³. В обеих частях были свои губные старосты. Сам наказ адресован был в земщину. Поэтому в нем говорилось, что если опричника «изымут» в земщине по подозрению в татбе или разбое, то следствие и суд по этим делам должны производить лишь опричники («ехати в опришнину к губным старостам да судити в опришнине»). В свою очередь обвиняемого земского человека судили в земщине.

Несмотря на развитие губной реформы, случаи открытого неповиновения крестьян, кончавшиеся убийством феодалов, хорошо известны для опричных лет. В 1561/62 г. рославльские крестьяне Петр и Кузьма Харлановы «убили до смерти» своего помещика Юрия Архимандрича. Когда же до них дошло сведение о посылке к ним нового землевладельца, то они «ис того поместья выбежали»⁴. Еще более драматические столкновения происходили позднее, в годы опричнины.

Штаден рассказывает, как он с отрядом опричников грабил население страны. Неподалеку от одного княжеского двора собралось около 300 вооруженных человек. Они «гнались за (какими-то) шестью всадниками... те шестеро были опричники, которых гнали земские. Они просили меня о помощи, и я пустился на земских»⁵. В другой раз Штаден «получил известие, что в одном месте

¹ ААЭ, т. I, № 281, стр. 316—320.

² ПРЦ, вып. IV, стр. 179—185.

³ П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 174—175, 190.

⁴ «Масловский архив», сообщ. Ф. И. Маслов, вып. 1.— «Чтения ОИДР», 1916, кн. II, № 16, стр. 25—26.

⁵ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 144.

демские побили отряд в 500 стрелков-опричников»¹. Конечно, в этих случаях антиопричные выступления крестьян персплетались с внутриклассовой борьбой в среде господствующего класса. Но вооруженное нападение «простого люда» на царских приближенных показывает остроту недовольства опричной политикой в самой толще народных масс.

В опричные годы не утих и пламень еретического вольномыслия. А. Шлихтинг сообщает о сожжении Грозным Федора Башкина². Возможно, в данном случае речь идет о казни известного «еретика» Матвея Башкина, долгое время находившегося в заключении в Волоколамском монастыре. Казнил Иван Грозный протестантов и еретиков (в том числе бежавших из Руси) и в Полоцке после его взятия в 1563 г.³

На северо-западе России получило широкое распространение радикальное «новое учение» Феодосия Косого, захватившее самые низы русского общества — крестьян и холопов. В 1565 и 1566 гг. один из ревнителей православия, Зиновий Отенский, вынужден был написать два специальных трактата (Слово о святом Никите и Истины показание), в которых обличал последователей Феодосия Косого и отстаивал основы православного вероучения. Зиновий с горечью признавался, что учение Феодосия «мнозими похваляемо и приемлемо и любимо от многих, и познаваемо, яко истинно есть новое учение; и глаголит: никто же от прежних учителей тако истину позна»⁴.

¹ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 145. Земские для Штадена — это «бояре и простой люд» (там же. стр. 93). Подробнее см. И. И. Смирнов, Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.— «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 62—64.

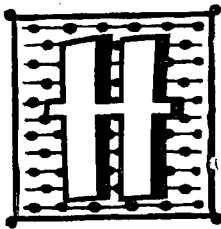
² «Знатный муж Федор Башкин был брошен в тюрьму за евангелие... Его велено было вывести из Кремля, посадить в деревянную клетку и сжечь» (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 42).

³ «Чтения ОИДР», 1847, кн. VIII, стр. 2—3.

⁴ «Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия», Казань, 1863, стр. 15. Подробнее см. В. И. Корецкий, К вопросу о социальной сущности «нового учения» Феодосия Косого.— «Вестник МГУ», Историко-филологическая серия, 1956, № 2, стр. 105—124; А. А. Зимин, И. С. Пересветов и его современники, стр. 182—214; А. И. Клибанов, Реформационные движения в России XIV — первой половине XVI в., М., 1960, стр. 265—302.

Таковы те скудные, но выразительные сведения, которые приподнимают завесу, скрывающую от нас разнообразные формы социального протеста народных масс в опричное время.

Направленная своим непосредственным острием против последних оплотов удельной раздробленности, опричнина в первую очередь мучительно отозвалась на русском крестьянине, которому пришлось на себе выносить и новый дорогостоящий военно-административный аппарат, и тягость бесконечных войн, и неожиданные повороты суровых репрессий Ивана IV, и непомерные аппетиты новых господ из царского окружения. Ответом на все это был новый подъем классовой борьбы, явившейся прологом первой крестьянской войны в России.

Новгородская трагедия нагляднее, чем любая другая страница русской истории 1565—1572 гг., показала противоречивую сущность, заложенную в опричнине еще при ее создании. Задачу завершения централизации государственного аппарата правительство Ивана Грозного хотело осуществить старыми методами, возвращаясь к формам дворцово-вотчинного управления. Ликвидировав удел князя Владимира Старицкого, покончив с остатками новгородских вольностей и добившись полного подчинения церкви государству, опричнина Ивана Грозного выполнила свои основные задачи. Дальнейшее ее существование было лишено уже всякого исторического смысла. К тому же в ходе новгородского погрома особенно ярко вскрылось опасное явление — опричное войско все более и более перерождалось в разнузданную гвардию янычар, живших грабежом и убийствами мирного населения. Казалось бы, сбылась мечта Ивана Семеновича Пересветова, видевшего в «янычарах» Магмета-Салтана, «гораздых стрелцов огненья стрелбы», тот образец нового войска, которое будет верной опорой царя в борьбе с внешними и внутренними врагами¹. Пересветов мечтал, чтобы «воиников»

¹ «Сочинения И. Пересветова», подготовил текст А. А. Зимин, М., 1956, стр. 157.

отбирали лишь на основании их личных качеств, в первую очередь храбрости и мудрости.

На практике получилось совсем иное. В опричном войске ценились не столько храбрость и мудрость, сколько жестокость и угодничество. Строгая дисциплина постепенно заменялась своеволием каждого опричника. Вместо «правого суда» воцарилось полное беззаконие. Истребление действительных врагов московского государя сочеталось с преследованием в своекорыстных целях множества людей, не причастных ни к каким заговорам и мятежам. Последний час опричнины пробил. Ее ликвидация оставалась только делом времени.

* *
*

Еще в то время как Грозный довершал свою кровавую расправу с новгородцами, к границам Московского государства приближалось польско-литовское посольство во главе с Яном Андреевичем Кротовским (из Кротошина). В Москву представители Сигизмунда-Августа прибыли 3 марта¹. В течение двух месяцев они тщетно ожидали начала переговоров. Только 4 мая Иван IV приехал из Слободы в Москву и принял Кротовского и его товарищей².

Во время затянувшихся переговоров в столицу начали приходить вести о появлении на южнорусских окраинах

¹ См. «Сборник РИО», т. 71, стр. 630; «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского», т. I, № 188—190; донесения польского посольства в извлечении см. *Е. Ф. Шмурло*, Россия и Италия, т. II, вып. 2, 1913, стр. 243 и след.; *В. Новодворский*, Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). Историко-критическое исследование, стр. 2—4.

² «Сборник РИО», т. 129, стр. 183; т. 71, стр. 639. Иван Грозный был в Новгороде еще 15 февраля и после псковской экспедиции — 9 марта («Сборник РИО», т. 71, стр. 628—629; *В. Савва*, О Посольском приказе в XVI веке, вып. 1, стр. 104). 15 марта он находится «у Троицы в селцах», 17 марта — в селе Богородицком, а 18 марта — в Слободы («Сборник РИО», т. 71, стр. 632; *В. Савва*, Указ. соч., стр. 106, 107).

«крымских людей». Первое такое известие сообщи-
 13 мая путивльский наместник. Поэтому уже 17 мая «на
 берег» были посланы воеводы как из земщины (М. И. Во-
 ротынский, П. Р. Одоевский и др.), так и из опричнины
 (И. Д. Плещеев, А. И. Хворостинин и Ф. М. Трубецкой)¹.
 22 мая пришло еще более тревожное сообщение о появ-
 лении татар на «Муравском шляху» и о том, что крымские
 люди (численностью чуть ли не в 50—60 тысяч человек)
 пришли на рязанские и каширские места². Дело не тер-
 пело промедления. В тот же день навстречу татарам с
 войсками выступил сам царь Иван IV. Страхи оказались
 напрасными. 24 мая Грозный получил от М. И. Воротын-
 ского грамоту, в которой сообщалось, что 21 мая воеводы
 Д. Хворостинин и Ф. Львов «крымских людей побили и
 языки многие поимали и полону много отполонили». Про-
 должение царского похода признано было нецелесообраз-
 ным, и Иван IV в тот же день вернулся в Москву, где его
 ожидала сложная дипломатическая игра. «На берегу» на
 случай всевозможных неожиданностей была оставлена
 крупная армия во главе с И. Д. Бельским, И. Ф. Мсти-
 славским и М. И. Воротынским³.

¹ Э, л. 356—356 об.; «Сибирский сборник», стр. 25.

² Э, л. 356 об.; «Сборник РИО», т. 71, стр. 660, 664, 665;
 А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 430. По донесению аббата
 Цира Максимилиана II, 26 июля татарское войско насчитывало
 40 тысяч человек (*Я. С. Лурье*, Донесения агента императора
 Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским
 в 1569 году (по материалам Венского архива).— «Археографиче-
 ский ежегодник за 1957 год», стр. 466). 18 мая, по сообщению
 польских послов, какой-то русский военачальник, отступивший
 перед татарами, был отдан на растерзание медведю (*Е. Ф. Шмур-
 ло*, Россия и Италия, т. II, вып. 2, стр. 245). Этот же эпизод есть
 у Шлихтинга и Гваньини (у последнего он прямо датирован
 1570 годом), которые говорят, что медведя на своего брата вы-
 пустил царский шут (*А. Шлихтинг*, Указ. соч., стр. 43, 56). Речь
 только идет не о братьях Гвоздевых, как полагает В. Б. Кобрин
 (см. «Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 65—66),
 а о Прозоровских (шут, по словам Шлихтинга, «велел называть
 себя Прозоровским»). Это согласуется с рассказом Курбского,
 который пишет, что царь заставил Никиту Прозоровского убить
 своего брата Василия (РИБ, т. XXXI, стб. 284—285, 349).

³ Э, л. 357; «Сибирский сборник», стр. 25. По донесению
 из Польши, этих трех воевод с войском в 50 тысяч человек на-
 правили против татар только 4 июля 1570 г.: («Historia Russia
 Monumenta» (далее — HRM), t. II, N CLIV).

Постоянная и все усиливавшаяся опасность, грозившая России с юга, а также внутриполитические осложнения заставили царя приложить максимум усилий для заключения перемирия.

Решительный поворот к установлению мирных отношений с Польшей был ускорен и другими обстоятельствами. Уже в начале 1569 г. до Москвы дошли слухи, что в связи с тяжелой болезнью бездетного польского короля «хотят взяти на Великое Княжество Литовское и на Польшу царевича Ивана»¹. В июне 1570 г. польские послы уже прямо говорили Ивану IV о возможности русской кандидатуры на польский престол после смерти Сигизмунда-Августа². Московское правительство, не обольщаясь этими посулами, учитывало возможность установления прочных мирных отношений с Литвой и Польшей³.

Была и более реальная перспектива, требовавшая замирения с Польшей. 10 июня 1570 г. в Москву прибыл для завершения переговоров с Иваном IV датский герцог Магнус, торжественно встреченный в русской столице⁴. Было договорено и о переходе под русский протекторат «Ливонского королевства», и о женитьбе Магнуса на дочери Владимира Андреевича⁵. После разработки плана осады Ревеля 25 июня Магнус с русскими войсками и «нарядом» отбыл из Москвы в Прибалтику, где он рассчитывал покрыть воинской славой свои знамена⁶.

¹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 593.

² Там же, стр. 676.

³ В. Д. Королюк, Ливонская война., стр. 77—78.

⁴ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 133; «Константинопольские акты, относящиеся к русской истории», вып. 2.—«Чтения ОИДР», 1916, кн. II, № 182, стр. 32; «Прибалтийский сборник», т. III, стр. 168—188; А. Шмидтинг, Указ. соч., стр. 59—61; РИБ, т. XVI, № 24; «Scriptores Rerum Livonicarum», Bd. II, 1848, str. 253—258.

⁵ Ее именуют обычно Ефимней, возможно имея в виду дочь Владимира Андреевича Евдокию, умершую 20 ноября 1570 г. (В. Б. Гириберг, Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы, ч. I. В кн.: «Нумизматика и эпиграфика». Сборник I, М., 1960, № 133, стр. 60—61). Позднее (12 апреля 1573 г.) Магнус женился на другой дочери Владимира Старицкого — Марии (Д. Цветаев, Мария Владимировна и Магнус Датский.— ЖМНП, 1878, № 3, стр. 57—85).

⁶ «Сибирский сборник», стр. 26.

Почти одновременно с этим в результате переговоров 20—22 июня был выработан приемлемый для польской и русской стороны проект трехлетнего перемирия, которое давало возможность подготовить почву для заключения прочного мира. Для ратификации перемирия польским королем русское правительство решило отправить в Польшу специальное посольство во главе с князем Иваном Магметовичем Канбаровым¹.

Курс на установление мирных отношений с Польшей и договор с Магнусом сочетались с разрывом переговоров со Швецией. Еще 14 ноября 1569 г. в Новгород прибыло от нового шведского короля Юхана III посольство во главе с епископом абовским Павлом для возобновления мирных переговоров, прерванных в Стокгольме в связи с изложением Эрика XIV². Оскорбленное тем приемом, который был оказан в Стокгольме И. М. Воронцову и его товарищам, московское правительство долгое время вообще отказывалось принять шведских представителей. 10 января шведских послов препроводили в Москву, а только 1 июня состоялась встреча епископа Павла в Кремле с И. М. Висковатым и А. Васильевым. Но в это время вопрос о договоре с Магнусом и походе на Ревель был фактически решен, что делало невозможным русско-шведское соглашение. Требуя в качестве неперемного условия установления мирных отношений выдачу Екатерины Ягеллонки, т. е. жены короля Юхана III, царь шел на явный разрыв со Швецией. 12 июня после прекращения переговоров шведских послов отправили в Муром, где они долгое время провели в ссылке³.

Разрыв со Швецией означал отказ московского правительства от плана тройственного русско-шведско-английского союза. К тому же и переговоры в Англии, завершившиеся в мае 1570 г., не дали ощутимых результатов: королева Елизавета не хотела открыто вмешиваться в

¹ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 59.

² «Сборник РИО», т. 129, стр. 175. Донесение Павла Юстела издано в кн.: Beiträge zur Kenntnis Russland und seiner Geschichte», hrsg. von Gustav Ewers und Moritz von Engelhardt. Dorpat, 1818, Bd. I. S. 143—184. Кратко изложено Аделунгом («Чтения ОИДР», 1863, кн. I, отд. IV, стр. 155—160).

³ «Сборник РИО», т. 129, стр. 183—185, 190; А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 61.

Ливонскую войну. Единственно, что она обещала царю — это убежище в Англии, если он «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде» будет вынужден покинуть Россию. Летом русские послы вернулись в Москву. Уклончивая позиция английского двора в условиях нового внешнеполитического курса России вызвала в Москве резкое недовольство. 24 октября 1570 г. Иван IV пишет негодующий ответ Елизавете, в котором резко порицает ее за политику, проводимую английским правительством в отношении России, в частности по вопросу о русско-английском союзе¹. Царь язвительно укоряет королеву и за то, что вместо нее («мимо тебя») Англией управляют «не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков»². В качестве ответной санкции русское правительство ликвидировало торговые привилегии Московской компании.

Во время пребывания в Москве польского посольства произошел один весьма любопытный эпизод. В свите Яна Кротовского (кстати сказать, убежденного протестанта) находился проповедник Ян Ракита, вышедший из среды моравских братьев. Между Ракитой и царем 10 мая состоялся диспут по богословским вопросам, о котором сохранились довольно подробные сведения как в западных (П. Одерборн, Ласицкий), так и в русских источниках. В качестве заключительного аккорда к диспуту 18 июня Яну Раките вручили письменный трактат царя, содержащий резкую критику протестантского вероучения³.

¹ «Послания Ивана Грозного», стр. 139—143.

² Там же, стр. 142.

³ «Древнерусские полемические сочинения против протестантов». — «Чтения ОИДР», 1879, кн. II, стр. 1—80; «Холмско-Варшавский Епархиальный вестник», 1878, № 8, 10; *И. Соколов*, Отношение протестантизма к России в XVI и XVII вв., М., 1880, стр. 60 и след.; *Д. Цветаев*, Протестанство и протестантизм в России до эпохи преобразований. М., 1890, стр. 544—570; *J. Bidlo*, Br. Jan Rokyta u cara Ivana Hrozneho. — «Casopis českého musea», t. IX, 1903; *J. Bidlo*. K rozmiuve br. Jana Rokyty s carem Ivanem Hroznyim (1570) «Casopis č.-sky historicki», t. XI, str. 430—432; *А. В. Флоровский*, Чехи и восточные славяне, т. I, Прага, 1935, стр. 376—381; *L. Müller*, Die Kritik die Protestantismus in der russischen Theologie vom 16 bis zum 18 Jahrhundert, Wisbaden, 1951, S. 23—31.

3 июля Ян Кротовский со своим посольством направился из Москвы в Польшу¹. Вскоре после отъезда польского посольства в Москве начались новые казни. Прежде всего был убит брат главы Посольского приказа Третьяк Висковатый². По сообщению Гваньини, он погиб потому, что оклеветал Владимира Старицкого. Эти сведения весьма вероятны, так как среди казненных летом 1570 г. был и повар, давший яд князю Владимиру. 20 июля (в Ильин день) та же участь постигла видного воеводу боярина Петра Семеновича Серебряного³ и дьяка Мясоеда Семеновича Вислого (жена последнего была повешена еще ранее)⁴. Затем перебито было более полтораста польских пленных. Серебряный еще недавно, в 1569 г., возглавлял русские войска, направленные под Астрахань. В Польше ходили упорные слухи, что он нанес решительное поражение туркам. Впрочем, это сведение русскими и турецкими источниками не подтверждается⁵. Поводом к его казни явилась какая-то служебная оплошность. Еще 22 мая 1570 г. его вместе с П. В. Морозовым назначают воеводами «на берег». Однако 25 мая составляется новый разряд, в котором имени Серебряного мы уже не находим. «На берег» отправляются воеводы И. А. Шуйский, П. В. Морозов, И. В. Шереметев Меньшой⁶.

Но все это было лишь прелюдией к еще более страшным событиям. 25 июля Москва стала свидетельницей массовых казней, совершенных царем «на Поганой луже»

¹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 745.

² А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 41, 56. С. Б. Веселовский ошибочно связывает казнь Т. Висковатого с отъездом польских послов 1569 г. (С. Б. Веселовский, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 366—367). Третьяк Висковатый в 1562 г. ездил со своим братом И. М. Висковатым в Швецию (ЦГАДА, Датские дела, кн. I, л. 346).

³ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 44; РИБ, т. XXXI, стб. 280; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 443.

⁴ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 37, 44, 56, 57. Шлихтинг пишет, что жена Вислого была казнена «год тому назад», т. е. еще в 1569 г. В 1567/68 г., когда М. С. Вислый составлял духовную, его жена (Марья) была жива (РИБ, т. XXXI, № 238, стб. 487—494).

⁵ «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», стр. 372.

⁶ «Сибирский сборник», стр. 25.

(«на рыночной площади») ¹. Возможно, что эта Поганая лужа находилась в районе позднейших Чистых прудов ². Здесь неподалеку в 1569 г. размещались литовские послы ³ и находился митрополичий загородный двор ⁴.

Много ужасов видала на своем веку русская столица. В 1504 г. в ней пылали костры, на которых сжигались «еретики». Не раз топор палача оканчивал жизненный путь непокорных вельмож. Уже давно среди горожан из уст в уста передавались были и небылицы о крутом нраве царя Ивана, о кровавых оргиях, совершавшихся в Слободе и Кремлевском дворце. Но то, что произошло в Москве 25 июля, по своей жестокости и садистской изощренности превосходило все случавшееся ранее и может быть объяснено только изуверским нравом и большим воображением Ивана Грозного.

На площади был сооружен бревенчатый помост и разведен костер, над которым в огромном котле кипела вода. На место казни Иван IV явился в полном вооружении, со всей опричной свитой и под охраной 1500 стрельцов. Сюда же привели 300 осужденных, подвергнутых уже до

¹ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 45—49; И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 51; «Пискаревский летописец», стр. 78—79. Дата — 25 июля — устанавливается на основании свидетельства Шлихтинга, что казнь происходила «в праздник св. Иакова» (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 45). С. А. Белокуров относит казнь к периоду сентябрь — ноябрь 1570 г. (см. С. А. Белокуров, О Посольском приказе, стр. 29), может быть, на том основании, что в православной церкви день св. Якова празднуется 9 октябрл. Однако Шлихтинг, конечно, имеет в виду католический праздник (N. Andreyev, Interpolations in the 16-th Century Muscovite Chronicles.— «The Slavonic and East European Review», vol. XXXIV, N 83, 1956, p. 105). Рюссов датирует московские казни летом 1570 г. («Прибалтийский сборник», т. III, стр. 186).

² По сведениям «списка изменного дела»: «Царь... и царевич Иван Иванович выезжали в Китай город на поле место сами и велели тем изменником вины их вычести перед собою и их казнити» (ДиДГ, № 104, стр. 481). «Поганая лужа» как место казней упоминается в некоторых записях песни о грое Грозного на сына («Исторические песни XIII—XVI вв.», № 201, 230). По Штадену, казни земских происходили на Красной площади (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 101). Там идет «Поганую лужу» и О. А. Яковлева («Пискаревский летописец», стр. 162).

³ С. А. Белокуров, О Посольском приказе, стр. 81.

⁴ «История Москвы», т. I. Период феодализма XII—XVII вв., М., 1952, стр. 459.

этого нечеловеческим пыткам. С ужасом следили жители столицы за происходившим перед их глазами. Сначала царь объявил свою монаршую «милость» — 184 человека из числа осужденных были отпущены на свободу. Зато всех остальных ждала лютая казнь¹. Сначала дьяк Василий Щелкалов перечислил всех осужденных на смерть. Первым среди них был назван П. М. Висковатый. Ему вменялись в вину изменническая переписка с польским королем² и предательские сношения с турецким султаном³ и крымским ханом⁴. Глава Посольского приказа держался стойко, решительно отрицая свою виновность. Тогда началась изощренная казнь: Висковатого приказано было «по суставам резати». Один за другим приближенные царя отрезали какую-либо часть его тела⁵. Вторым погиб казначей Никита Фуников, несмотря на то что он, так же как Висковатый, заявил о своей безвинности (его умертвили, обварив кипятком)⁶. Повар, который в свое время по приказу царя отравил его двоюродного брата, теперь был казнен якобы за то, что он собирался по наущению Владимира Старицкого «извести» Ивана Грозного. Дьяку Разбойного приказа Григорию Шапкину, как и его жене и

¹ По Шлихтингу, было казнено 116 человек (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 49), по Пискаревскому летописцу — 120 («Пискаревский летописец», стр. 79), по Рюссову — 109 («Прибалтийский сборник», т. III, стр. 186). Штаден пишет, что царь «умертил до 130 начальников, из которых каждый судил и рядил по стране» (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 92).

² «Он написал королю Польскому, обещая ему предать крепость Новгородскую и Псковскую» (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 47).

³ «Ты писал к царю Турецкому, увещевая его послать войска к Казани и Астрахани» (там же, стр. 47).

⁴ «Ты писал царю перекопскому или таврическому, чтобы он опустил огнем и мечом владения великого князя. Тот, учинив набег с войском, причинил большой урон жителям Московской земли» (там же). Не вполне ясно, о каком набеге в данном случае идет речь.

⁵ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 47, 48; И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 51; «Пискаревский летописец», стр. 79. Среди этих придворных были Малюта Скуратов и подьячий Иван Реутов (о последнем см. В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного. — «Археологический ежегодник за 1959 год», стр. 70).

⁶ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 48; И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 51; «Пискаревский летописец», стр. 79.

двум сыновьям, головы рубил опричник Василий Темкин, дьяку Большого прихода И. Булгакову и его жене — земский боярин И. П. Яковля. Казнены были также дьяк Поместного приказа Василий Степанов и многие другие приказные люди и дети боярские. Кроме упоминавшихся дьяков тогда же погибли встречающиеся в синодиках Кузьма Румянцев¹, Андрей Безносов², Второй Бунков, Андрей Батанов, Рахман Житкого³, Василий Захаров, Юрий Сидоров, Иван Юмин и др.⁴ Возможно, в июле 1570 г. погиб Иван Григорьевич Выродков, которого Штаден считает главой Разрядного приказа⁵. Они были привязаны к барберу, и царь вместе со своими сыновьями собственноручно убивали их, нанося удары пиками и саблями. «У многих приказал он вырезать из живой кожи ремни, а с других совсем снять кожу и каждому своему придворному определил он, когда тот должен умереть, и дья каждого назначил различный род смерти»⁶.

Примерно в то же время были пострижены в монахи земский боярин И. В. Шереметев Большой⁷ и опричный боярин И. Я. Чеботов. Последнего опала постигла, вероятно, в связи с близостью к старицкому дому: его

¹ В синодиках он помещен непосредственно после Н. Функова, И. Висковатого, В. Степанова и Г. Шапкина («Сказания князя Курбского», изд. 3, стр. 387). Об этом см. С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 437.

² Андрей Васильевич Безносов-Монастырев и Кузьма Васильевич Румянцев в сентябре 1568 г. были новгородскими дьяками («Новгородские летописи», стр. 98—99). Но Веселовский ошибается, полагая, что Безносов и в 1569/70 г. исполнял ту же должность (С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 359). Во всяком случае с июля 1569 г. в Новгороде находились дьяки Никита Шелепин и Богдан Ростовцев. См. об этом выше в главе VI.

³ В 1569/70 г. по его «душе» сделан вклад в Кириллов монастырь (С. Шумаков, Обзор..., вып. III, стр. 17).

⁴ О них см. С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 358, 363, 373, 444, 475. Дьяки Истома Кузьмин и Иван Юрьев погибли позднее: они упоминаются в декабрьском разряде 1571 г. (Э, л. 375 об.).

⁵ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 80; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 371. Впрочем, 12 июля 1570 г. в Разрядном приказе уже находился Андрей Щелкалов («Сборник РИО», т. 129, стр. 191).

⁶ И. Гаубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 51.

⁷ Последний раз заседал в думе в мае 1570 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 666). 12 июля 1571 г. упоминается уже в монашестве (Троицкая вкладная книга, л. 271).

родственница Марфа Жулебина была боярыней княгини Ефросиньи и казнена вместе с нею¹.

Все эти казни и опалы для москвичей явились полной неожиданностью. Еще недавно погибшие приказные люди были всемогущими правителями. Только 12 июля от имени печатника И. М. Висковатого и бояр посылалась грамота польско-литовским послам о полоцких рубежах². 24 июня он вел переговоры с Яном Кротовским³. За два дня до этого на очередной встрече с представителями Речи Посполитой кроме Висковатого присутствовал и дьяк Василий Степанов⁴. Фуников, Висковатый и Васильев вели в начале июня переговоры со шведскими послами⁵. Апрельем 1570 г. датируются последние грамоты, подписанные Василием Степановым и Иваном Булгаковым⁶.

Московскую трагедию лета 1570 г. помнило не одно поколение русских людей. В летописях, исторических песнях и повестях слышатся отзвуки страшных событий, происшедших на Поганой луже⁷. Недавно Д. Н. Альшиц нашел небольшую повесть о казни торгового человека Харитона Белоулина «на пожаре» в Москве, когда было «уготовлено 300 плах»⁸. Повесть, конечно, фольклорного происхождения. Возникла она не ранее начала XVII в. и содержит много анахронизмов. Казнь в ней датируется 1574 г. и связывается с гибелью царевича Ивана Ивано-

¹ Последний раз И. Я. Чеботов упоминается в мае 1570 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 666); Ср. В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 83—84; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 383, 467—468.

² «Сборник РИО», т. 71, стр. 747—748.

³ Там же, стр. 720.

⁴ Там же, стр. 718—719.

⁵ «Сборник РИО», т. 129, стр. 183—190.

⁶ О Висковатом, Булгакове, Степанове и Фуникове см. С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 362, 366—367, 404—405, 448—449.

⁷ В житии ростовского юродивого Третьяка Артемия рассказывается о том, как «по пророчеству его» пришла из Москвы весть, что Иван Грозный «бояр своих и ближних и дьяков казнил многими различными муками два ста человек» (ГИМ, Милютинские Четырнадцать миней, август, л. 1448 об.). С благодарностью вспоминаю покойного И. У. Будовница, обратившего наше внимание на этот факт.

⁸ Д. Н. Альшиц, Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и куцза Харитона Белоулина.— «Труды ОДРЛ», т. XVII, 1960, стр. 257,

Изображение опричных казней на немецкой гравюре XVI в. вича; ее место названо ошибочно. Но сама обстановка казней 1570 г. передана в повести очень выразительно.

Задумываясь о причинах июльских казней, исследователь невольно встает в тупик перед рядом трудностей. Современники говорили, что царь «тотчас по отъезде Магнуса обезглавил многих бояр, а многих задержал за то, что они составили заговор против его жизни»¹. Но это официальная версия, усложненная устной молвой.

¹ «Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории», вып. 2.— «Чтения ОИДР», 1916, кн. II, № 182, стр. 33.

Обычно историки, пишущие об июльских казнях, связывают их с Новгородским походом царя¹. Основанием для этого являлись упоминания описи Посольского приказа 1626 г. о хранившемся там списке «из изменного дела 78-го году на новгородского архиепискупа на Пимины, и на новгородских дьяков... как они ссылалися к Москве з бояры с Алексеем Басмановым, и с сыном его с Федором, и с казначеем с Микитою с Фуниковым, и с печатником с-Биваном Михайловым Висковатого, и с Семеном Васильевым сыном Яковля, да з дьяком с Васильем Степановым, да с Ондреем Васильевым, да со князем Офонасьем Вяземским о здаче Великого Новгорода и Пскова». Заговорщики хотели якобы царя «известить, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича»².

Не все, однако, из упомянутых лиц, пострадали в июле 1570 г. Так, боярин С. В. Яковля упоминается еще в марте 1571 г.³ 26 августа 1570 г. он посылал грамоту к литовским послам вместе с Андреем Васильевым⁴. Возможно, Яковлев и Васильев были в числе тех, кого царь «простил» во время казней на Поганой луже.

Иной была судьба видных опричников Басмановых и Вяземского. Боярин Алексей Данилович Басманов исчезает из разрядов фактически уже сразу после введения опричнины. По сведениям Курбского, его по приказу царя резал собственный сын Федор, которого также казнили⁵. По фамильным преданиям начала XVII в., Алексей Бас-

¹ П. А. Садилов, Очерки по истории опричнины, стр. 37—38.

² ДиДГ, № 104, стр. 480—481. В январе 1571 г. русским послам дана была инструкция объяснять казнь Висковатого и Фуникова и других дьяков и детей боярских тем, что они учинили измену, «ссылалися» с Курбским и литовскими властями («Сборник РИО», т. 71, стр. 787). О том, что царь подозревал бояр в сношениях с Польшей, пишут и иностранцы (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 34; Д. Флетчер, Указ. соч., стр. 31).

³ В июле 1568 — марте 1571 гг. С. В. Яковля был смоленским наместником («Сборник РИО», т. 71, стр. 570, 741; «Archiwum Sanguszków», t. VII, N CCXX). О нем см. РИБ, т. XXXI, стб. 297; С. В. Веселовский, Указ соч., стр. 476—477.

⁴ «Сборник РИО», т. 71, стр. 751.

⁵ РИБ, т. XXXI, стб. 305, 318, 349. Последний раз в разрядах Ф. А. Басманов упоминается в 1569 г. («Сибирский сборник», стр. 24). В 1570/71 г. царь сделал в Троицкий монастырь вклад на помин его души (С. В. Веселовский, Указ. соч., стр. 427—428).

манов был сослан на Белоозеро, где его и его сына «не стало в опале»¹. В. Б. Кобрин считает это сведение более правдоподобным, ибо Басмановы в синодиках не упоминаются².

По сообщению Шлихтинга, Афанасий Вяземский пострадал в результате доноса на него ловчего Григория Ловчикова о том, что он якобы предупредил новгородцев о январском царском походе³. Обвинение, вероятно, было ложным или во всяком случае недоказанным: князя Афанасия не казнили, а поставили на правож. Это было, очевидно, около марта — августа 1570 г.⁴ Штаден говорил, что Вяземский «умер в посаде Городецком в железных оковах»⁵. В синодиках также его имени нет.

Таким образом, сам Григорий Ловчиков не пережил Афанасия Вяземского. Этот заплочных дел мастер последний раз появляется в источниках 12 июля 1570 г., когда было «взято ко государю с Григорьем Ловчиковым» какое-то «дело Прокоша Цвиленева»⁶. В данном случае речь идет не об аресте Ловчикова, а о том, что он отвозил какие-то бумаги царю⁷. Однако в том же 1570 г., т. е. до сентября 1570 г., Ловчиков уже погиб, ибо 15-м августа этого года датируется вклад его детей Троицкому монастырю (сельцо Офросимово Московского уезда) на помин души отца и матери⁸. Возможно, что поездка

¹ АГР, т. I, № 94, стр. 266.

² В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 59. Впрочем, об убийстве Басманова сообщает такой осведомленный современник, как Штаден (Г. Штаден, Указ. соч., стр. 96).

³ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 32—33.

⁴ В марте Иван IV вернулся из Новгорода, в июле — августе 1570 г. казнен был доносчик Г. Ловчиков. Вяземский жив был еще осенью 1570 г., ибо Шлихтинг пишет, что он «до сих пор подвергается непрерывному избиению» (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 33).

⁵ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 96; см. также В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 32—33.

⁶ «Описи Царского архива XVI века...», стр. 44; см. также В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 46.

⁷ См. аналогичную помету о ящике 155: «взят ко государю в 83-м году», а также «книги Менли-Гиреевы взяты ко государю» о ящике 36 («Описи Царского архива XVI века...», стр. 22, 33).

⁸ ГБЛ, Троицкое собр., кн. 520, л. 69 об.—71 об.; «Троицкая вкладная книга», л. 482 об., ср. также С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 407—408.

в Слободу с материалами Цвилинева оказалась роковой для доносчика и палача Ловчикова.

Словом, непосредственно с делом о «новгородской измене» гибель Басмановых и Вяземского не связывается. Строго говоря, и сведения «розыскного дела» также не дают для этого нужных данных: в нем могло всего лишь говориться о том, что на следствии раздавались голоса о «ссылке», переговорах новгородцев с опричниками. По это могло быть такой же ложью, как и вымученные под пыткой обвинения в переговорах с крымским ханом И. Мстиславского, М. Воротынского и Шереметевых¹.

Июльские казни 1570 г. коснулись только земской приказной среды и прямого отношения к опричникам не имели. Примечательно, что многие из казенных принимали участие в посольских делах. Кроме Висковатого, Фуникова, Васильева, Степанова на приемах литовских послов присутствовали В. Захаров (в 1561 г.)², Г. Шапкин (в 1566 г.)³, М. Вислый (в 1570 г.)⁴; Владимир Желнинский в 1565—1566 гг. ездил с посольством в Литву⁵. Юрий Сидоров до января 1569 г. был псковским дьяком⁶.

Таким образом, посольская служба московского дьяческого аппарата могла дать основания для обвинений в измене. Но о некоторых из казенных можно сказать больше. Иван Михайлович Висковатый был выдающимся организатором русской дипломатической службы. Ливонский хронист Рюсов писал, что «его уму и искусству... очень удивлялись все иностранные послы»⁷. Висковатый смело высказывал свою точку зрения на многие вопросы внешней и внутренней политики, иногда расходившуюся со взглядами правительства. Уже в 50-е годы XVI в., когда Избранная рада выступала за «южный» вариант внешней политики, Висковатый был решительным сторонником войны за Прибалтику. Он приложил свои особые «речи»

¹ См. ниже, стр. 463—464.

² «Сборник РИО», т. 71, стр. 25, 45.

³ Там же, стр. 341, 425.

⁴ Там же, стр. 639.

⁵ С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 382—383.

⁶ «Сборник РИО», т. 71, стр. 584. Последний раз упоминается в мае 1569 г. (ГКЭ, Симбирск, № 23/11663).

⁷ «Прибалтийский сборник», т. III, стр. 186.

к приговору земского собора 1566 г. и не одобрял опричных репрессий¹.

Заявление Висковатым «особого мнения» на земском соборе 1566 г. дало повод А. К. Леонтьеву высказать предположение о том, что в середине 60-х годов между царем и главой Посольского приказа «наметились расхождения в оценке дальнейших внешнеполитических (и, возможно, внутривосточных) задач»². Но это надо считать заблуждением³. Мнение Висковатого, поданное им на земском соборе, находилось в русле основной линии внешней политики, проводившейся в то время царем Иваном IV. До самого 1570 г. Висковатый оставался одним из активнейших руководителей дипломатической службы Русского государства и пользовался исключительным доверием царя, который его любил «как самого себя»⁴. По поручению царя он переписывался с турецким султаном, что позднее и навлекло на него подозрения⁵. Эта «государская тайная грамота» весной 1569 г. была передана мурзе Касыму⁶, затем переслана султану. О содержании грамоты Висковатого мы, к сожалению, можем только догадываться⁷. Скорее всего, она представляла собой обыкновенный дипломатический зондаж. Ничего предосудительного в ней не было, ибо копия с нее оставалась в царском архиве. Было и еще обстоятельство, сыгравшее

¹ А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 62.

² А. К. Леонтьев, Образование приказной системы управления в Русском государстве, стр. 144.

³ Совершенно бездоказательно А. К. Леонтьев утверждает, что уже к середине 60-х годов Висковатый «начал сближаться с оппозиционными царю феодальными кругами» (А. К. Леонтьев, Указ. соч., стр. 145). Сведения Шлихтинга о выступлении Висковатого против опричных казней не имеет точной датировки и, конечно, ни о каком сближении с реакционными кругами Висковатого не говорит.

⁴ И. Гаубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 51.

⁵ В Царском архиве хранилась «грамота, по государьскому цареву и великого князя веленью, от Ивана Михайлова Висковатого в Кафу к санчюку Касыму, по астороханским вестем» («Описи Царского архива XVI века...», стр. 21). 27 января 1569 г. список с нее был «взят ко государю».

⁶ П. А. Садилов, Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.— «Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 154.

⁷ См. о ней «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», стр. 64, 71, 72, 96.

роковую роль в судьбах И. М. Висковатого и его брата Третьяка.

Висковатые уже давно зарекомендовали себя врагами старицкого князя. В 1553 г. И. М. Висковатый особенно настойчиво добивался отклонения кандидатуры Владимира Андреевича на московский престол. Он также резко выступал против креатуры князя Владимира протопопа Сильвестра.

Казнь Третьяка Висковатого и повара старицкого князя показывают, что летом 1570 г. царь лицемерно признавал Владимира Старицкого невинно пострадавшим¹. Речь шла только о старицком князе, а не об его окружении. В сыском деле 7078 г. указывалось, что архиепископ Пимен хотел с изменниками-боярами и приказными людьми «на государство посадити князя Володимера Андреевича», но о какой-либо вине самого старицкого князя ничего не говорилось. Словом, разыгрывалась та же инсценировка, что и в середине XVI в., когда «героем» выступал дядя царя Юрий. Тогда оказалось, что-де не сам дмитровский князь выступал против Ивана IV, а его хотел «на великое княжение подняти» Андрей Шуйский². Да и в смерти своих дядьев царь обвинял «бояр и вельмож»³. Не исключено, что и приближение в 1570 г. ко двору Ивана IV ряда бояр князя Владимира также связано с его посмертной реабилитацией. Такой резкий поворот в отношении к старицкому князю мог быть вызван и предполагавшимся браком его дочери с Магнусом: тесть ближайшего союзника русского царя не мог считаться изменником⁴.

¹ В повести о купце Харитоне Белоулине московские казни объяснялись тем, что царь «уразуме, яко сыну его даревичу Ивану Ивановичю учинилась смерть от злых изменников» (*Д. Альшиц, Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина*. — «Труды ОДРЛ», т. XVII, 1960, стр. 256). Возможно, это глухой отголосок рассказов о том, что в июле 1570 г. казнили тех, кому предъявляли обвинения в убийстве царского двоюродного брата.

² ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 78.

³ См. об этом А. А. Зимин, И. С. Пересветов и его современники, стр. 33.

⁴ Кстати, когда в 1573 г. за Магнуса была выдана замуж другая дочь князя Владимира, то Иван IV в 1573/74 г. передает Дмитровский удел ее брату князю Василию Владимировичу

Можно еще высказать некоторые соображения о причинах гибели дьяка Ивана Висковатого и его товарищей. Резкая перемена внешнеполитического курса летом 1570 г.— решение пойти на перемирие с Сигизмундом II, конечно, должна была одновременно вызвать у царя недовольство Иваном Висковатым и теми, кто все время последовательно выступал за продолжение войны с Великим княжеством Литовским. Серьезные финансовые затруднения в обстановке начавшегося экономического упадка вызвали у Ивана чувство раздражения против тех, кто был ответствен за своевременный сбор податей и пошлин, т. е. против казначеев (Н. Фуников)¹ и руководства приказа Большого прихода (Иван Булгаков). В ходе опричных переселений вскрывалась также неупорядоченность поместных дел, находившихся в ведении Василия Степанова. Штаден пишет, что «Висковатый был не прочь, чтобы

(М. Н. Тихомиров, Малоизвестные памятники XVI в.— «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 92). Пискаревский летописец относит этот эпизод к 1571/72 г. («Пискаревский летописец», стр. 81). Но в этом памятнике вообще даты сбивчивы.

¹ По роду деятельности в казне Н. Фуников был тесно связан с печатником Висковатым. Они, например, вместе давали на откуп таможенные пошлины (см. грамоту от 23 декабря 1569 г.— РИБ, т. XXXII, № 241, стб. 497). Женат был Фуников на сестре Афанасия Вяземского (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 57—58). Трудно сказать, когда погиб другой казначей, грек Хозяин (Хозя) Юрьевич Тютин (последний раз упоминается на земском соборе 1566 г.). О его гибели пишут Курбский (РИБ, т. XXXI, стб. 297) и Шлихтинг, ошибочно именуя Тютина «Дубровским», т. е. путая его с Казарином Дубровским (А. Шлихтинг, Указ. соч., стр. 23). Судьба Тютина не вполне ясна, ибо сведения о его казначействе обрываются февралем 1561 г. и снова появляются лишь летом 1566 г. («Сборник РИО»; т. 71, стр. 26, 348, 414; А. А. Зимин, О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв.— «Исторические записки», кн. 63, 1958, стр. 195). Создается впечатление о том, что Тютин в 1561—1565 гг. находился в опале. Если считать, что вместо Тютина казначеем назначен У. Львов, то гибель Тютина следует отнести примерно к 1568—1569 гг.; Львов упоминается как казначей впервые летом 1569 г. (П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, т. III, № 37, стр. 235—237). П. А. Садиков считает, что конкретным поводом убийства казначая Хозяина Юрьевича Тютина являлось попустительством варужанам, осмелившимся обратиться с жалобой на опричных двинян (П. А. Садиков, Очерки по истории опричнины, стр. 326).

крымский царь забрал Русскую землю, потому что он был расположен ко всем татарам и помогал им. К христианам же он был очень враждебен»¹. Эти карикатурные сведения о внешнеполитических симпатиях и антипатиях главы Посольского приказа и о его предательских намерениях почерпнуты Штаденом, конечно, из официозного источника и не внушают доверия.

Было еще одно обстоятельство, содействовавшее надеж- нию Висковатого. В среде московского дьячества намеча- лись две группировки, враждовавшие между собой. К про- тивникам дьяка Ивана Михайлова (как обычно звали Вис- коватого) принадлежали братья Щелкаловы и, вероятно, Андрей Клобуков, сделавшийся к началу 1571 г. главой Разрядного приказа. В грамоте 15 марта 1571 г. расска- зывается, что Василий Щелкалов в свое время предъявил иск Висковатому по делу о «бещестии». Судебный процесс Щелкалов выиграл и получил от посольского дьяка взамен штрафа (200 рублей) его вотчину². Позднее именно Ва- силий Щелкалов «вычитывал» вины Висковатого в день его казни 25 июля 1570 г.

Учреждение опричнины одним из последствий имело укрепление централизованного аппарата власти. Однако процесс централизации протекал не прямолинейно. Раз- деление территории страны на две части, выделение цар- ского удела неизбежно повлекло за собой обособление земщины, подчиненной Боярской думе и общегосударст- венным приказам. Это, конечно, был тревожный симптом, показывавший серьезные изъяны опричной реформы. Од- нако Грозный и в 1570 г. все еще продолжал упорно дер- жаться за сохранение государева удела. Поэтому он не на- шел никаких иных средств для полного подчинения зем- ского правительственного аппарата, как физическое истребление его руководящего состава. То, что произошло во время столкновения с главой русской церкви, во время уничтожения удела Владимира Андреевича и разгрома Великого Новгорода, повторилось и в июле 1570 г.

Однако смена руководства московских приказов могла только на время отсрочить кардинальное решение вопроса.

¹ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 84—85.

² АИ, т. I, № 180/1, стр. 341—342.

После выполнения основных задач по борьбе с пережитками политической раздробленности опричина явно изжила себя.

* *
*

Вторая половина 1570 — начало 1571 г. не внесли ничего существенно нового во внешнеполитическое положение России. Затянувшаяся осада Ревеля (с 21 августа 1570 г. до 16 марта 1571 г.)¹ не дала успешной реализации плана расширения территории Ливонского королевства Магнуса. В осаде принимали участие как земские войска во главе с боярином И. П. Яковлевым, так и опричные отряды окольничего В. И. Умного-Колычева. Не оправдались также надежды на прочный союз с Данией: 13 декабря 1570 г. Фредерик II заключил в Штеттине мир со Швецией, предоставив Ивану IV воевать один на один с Юханом III. Зато успешно завершились русско-польские переговоры. К Сигизмунду-Августу 10 января было направлено посольство во главе с князем Иваном Канбаровым (который по дороге в Польшу умер). 8 мая 1571 г. послы добились ратификации перемирия².

Подготовка и заключение перемирия России с Польско-Литовским государством и поход турок на Астрахань в 1569 г. породили в некоторых европейских странах надежду на то, что им удастся втянуть Ивана IV в анти-турецкую лигу.

¹ О ней см. *G. V. Hansen*, Taubes und Eilart Krauses Machinationen und die darauf durch «König Magnus» erfolgte Belagerung Revels 1570—1571.— «Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands», Bd. III. Hf. 3, Reval, 1886, S. 204—229; *А. Чумиков*, Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогом Магнусом королем Ливонским.— «Чтения ОИДР», 1891, кн. II, отд. IV, стр. 1—59; «Прибалтийский сборник», т. III, стр. 195—204; «Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории», вып. 2.— «Чтения ОИДР», 1916, кн. II, № 177, 178, 182 и др.; *Г. Форстен*, Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648), т. I, стр. 573—588.

² «Сборник РИО», т. 71, стр. 763 и след.; «Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского», т. I, № 191—192; *В. Новодворский*, Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). Историко-критическое исследование, стр. 6 и след.

Еще в ноябре 1569 г. (а позднее и весной 1570 г.) в беседах с габсбургским агентом в Польше аббатом Циром Курбский развивал мысль о том, что русский царь «охотно заключит союз и дружбу с цесарским величеством». А этот союз должен был повлечь за собой совместные военные действия против турок¹. В мае 1570 г. с призывом выступить против «неверных» к Ивану IV обратился венецианский дож². Изменившуюся внешнеполитическую обстановку попытался использовать и римский папа, который в своем бреве от 9 августа сообщает царю о решении послать в Москву своего нунция Портико для того, чтобы убедить его в необходимости совместной борьбы с турецкой опасностью. Портико, впрочем, в Москву не попал, ибо из-за сообщения Шлихтинга о положении в России поездка нунция признана была несвоевременной³.

Если на западе России удалось добиться неустойчивого равновесия сил, то гораздо более сложная обстановка складывалась на южных рубежах страны. Посольство Ивана Новосильцева в Турцию (январь — сентябрь 1570 г.) должно было восстановить дружеские русско-турецкие отношения. В качестве компенсации за отказ от претензий на Астрахань турецкий султан потребовал уничтожить русскую крепость на Тереке и открыть волжский путь для турецких купцов. 8 апреля 1571 г. в Стамбул из Москвы отправлен был новый посол Андрей Кузминский с царской грамотой, в которой выражалось согласие удовлетворить турецкие требования⁴. Тревожные вести о военных приготовлениях Крыма заставляли Ивана IV искать путей соглашения с Портой.

Уже в начале сентября 1570 г. в Москву пришли сведения о появлении под Новосилем (в районе Данкова) крымских татар численностью в шесть-семь тысяч чело-

¹ Я. С. Лурье, Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году (по материалам Венского архива).— «Археографический ежегодник за 1957 год», стр. 463—465.

² V. Lamansky, *Secrets d'Etat de Venise*, СПб., 1884, р. 79—80.

³ Е. Ф. Шмурло, Россия и Италия, т. II, вып. 2, стр. 227—235.

⁴ Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I, стр. 121—122.

век. Небольшие отряды (человек в 500) замечены были у Рыльска¹. 14 сентября пришло известие из Соловы, что Девлет-Гирей с царевичем идет на Тулу и Дедилов. Поэтому 16 сентября царь с опричным войском выехал из Слободы в Серпухов. Поскольку эти сведения оказались недостоверными, то царь решил осенью «на берег» самому не ездить. 22 сентября Иван IV из Серпухова направился в Каширу, затем в монастырь Николы Зарайского в Коломну и, наконец, в излюбленную им Слободу².

Непосредственная угроза миновала, но опасность новых татаро-турецких вторжений оставалась совершенно реальной. Для ее предотвращения решено было реорганизовать систему обороны на южных окраинах Русского государства. 1 января 1571 г. царь назначил виднейшего русского полководца М. И. Воротынского «ведать станицы и сторожи и всякие свои служба государева польские службы»³. Выбор на Воротынского пал не только потому, что он обладал незаурядным опытом военных действий и сторожевой службы на юге России, но и потому, что он, как удельный владетель Одоева, Новосилья и других порубежных земель, непосредственно был заинтересован в укреплении южного пограничья. 16 февраля Воротынский подписывает новый устав сторожевой и станичной службы. В приговоре основное внимание уделялось наблюдению за степью в целях своевременного обнаружения татарских «воинских людей». Оборонительная система на южных окраинах сочетала в себе подвижные (сторожи и станицы) и неподвижные (засечная черта) элементы при их глубинном построении⁴.

Стремясь не допустить создания на юге России прочной оборонительной системы, Девлет-Гирей собрал громадные силы и поспешил с новым походом на Русь. Одно-

¹ Э, л. 360 об., 358 об. Войска царевичей пересекли южные рубежи страны в июле 1570 г., направляясь на Данков, Дедилов, Тулу, Новосиль и Одоев. В тот же год царевичи с 7300 татарами приходили на Рязань и Каширу и на р. Плове «побили... наших» (М. Н. Тихомиров, Краткие заметки, стр. 73).

² Э, л. 361 об., 363 об.—364.

³ «Акты Московского государства», т. I, № 1.

⁴ С. Л. Марголин, Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века. В кн.: «Военно-исторический сборник», М., 1948, стр. 16 («Труды ГИМ», вып. XX).

временно с ним погайцы нападают на низовые города и доходят до Алатыря и Тетюшей (построенных в 1570 г.). Вероятно, в том же, 1571 г. в Казанской земле восстали горные и луговые мари (черемиса) ¹.

5 апреля, как сообщал русский посол в Крыму Афанасий Нагой, Девлет-Гирей пришел к Перекопу, «а с Перекопи-де идет на государя нашего украину» ². Перебежчики («галичанин» Ашуй Юрьев сын Сумароков и др.) доносили крымскому хану, что в Москве уже два года голод, казни, что Иван Грозный в Слободе, а армия в Ливонии, и совстовали хану идти «прямо к Москве» ³. То же самое повторили и другие изменники — «дети боярские белевцы Кудеяр Тишенков да Окул Семенов да калужане Ждан да Иван Васильевы дети Юдиновы да коширяне Сидор Лихарев, а прозвище Сотник, да серпуховитин Русин, а с ним десять человек их людей» ⁴. Кудеяр Тишенков сообщил также, что «государя-де чают в Серпухов с опришною, а людей-де с ним мало и стати-де ему против тебе некем. И ты-де, государь, поди прямо к Москве, а вождь-де, государь, тебе через Оку и до Москвы яз» ⁵. Предложенный хану проект похода на Москву вызвал возражения со стороны крымских военачальников. Но Кудеяр Тишенков настойчиво повторял: «Толко-де ти приход к Москве не учинишь, и ты-де меня на кол посади у Москвы. Стоять деи противу тебя некому». Потому-то, говорится в сообщении, хан и приходил к Москве ⁶.

Крымский хан появился под Тулой, сжег ее посады, затем разгромил под Серпуховом опричный отряд Я. Ф. Волинского и переправился через Оку ⁷. Флетчер, Горсей и анонимный автор-англичанин считают, что та-

¹ А. А. Новосельский, Указ. соч., стр. 29, 430.

² ЦГАДА, Крымские дела, кн. 14, л. 12.

³ Там же, л. 24. Среди тысячников в третьей статье мы находим галичанина Алексея Иванова сына Сумарокова.

⁴ Там же, л. 25—25 об. Семеро Лихаревых в середине XVI в. служили в государевом дворе по Кашире. Один из них бежал в Литву (см. главу II). Русин Истомин и Русин Никитин сын Шишкины служили по Серпухову. Как уже говорилось, Шишкины подвергались репрессиям еще на заре опричнины.

⁵ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 14, л. 26.

⁶ Там же, л. 28 об.

⁷ «Пискаревский летописец», т. III, стр. 79; ЦГАДА, Крымские дела, кн. 14, л. 28.

тарское войско насчитывало 200 тысяч человек. Эта цифра завышена. Рюссов, Таубе и Крузе говорят всего о 40 тысячах татар¹.

Прослышав о быстром движении Девлет-Гирея, Иван Грозный 16 мая направился с войском из Слободы «на берег» к Серпухову². Однако многие опричники в критический момент не вышли на государеву службу, и царь «тогда воротился из Серпухова, потому что с людьми собратца не поспел»³. По другому сведению, Иван Грозный вернулся из Серпухова из-за известий о том, «что крымский царь поворотил назад»⁴.

Через село Бронницы Коломенского уезда и Слободу, не заезжая в Москву, царь поехал к Ярославлю, но добрался, очевидно, только до Ростова, хотя, по некоторым сведениям, он побывал и в Кириллове монастыре⁵. Узнав о бегстве царя и обойдя заслон русских войск, расположившихся «на берегу», крымский хан 23 мая неожиданно

¹ «Прибалтийский сборник», т. III, 1880, стр. 204; *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 52. Ту же цифру называет и Иван Грозный (*А. Трачевский*, Польское бескорольеве по прекращении династии Ягеллонов, М., 1869, стр. 254). По Штадену, у хана было 30 тысяч ногайской конницы (*Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 62).

² Э, л. 367 об.

³ Там же, л. 369. Исправлено по Щукинскому списку. Ср. *В. Б. Кобрин*, Укрепление Русского централизованного государства во второй половине XVI в.— «Преподавание истории в школе», 1960, № 5, стр. 43.

⁴ ГПБ, FIV, № 726, л. 796 об.

⁵ Царь «пошел в Ярославль и дошел до Ростова» (ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 301; «Синбирский сборник», стр. 29; «Пискаревский летописец», стр. 79; *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 106. По донесению из Варшавы от 15 августа, царь бежал в Слободу (HRM, т. I, № 155). О том, что царь находился в Ярославле, сообщают Таубе и Крузе (*И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 52). По сведениям папского нунция Портико, царь находился на Белоозере (*Е. Ф. Шмурло*, Россия и Италия, т. II, вып. 2, стр. 231). Горсей говорит о бегстве царя в Троицкий монастырь («Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея», стр. 27). По разрядному летописцу, царь «пошел к Троице, а оттуда в Переяславль-Залесской, а оттуда в Ростов» (ГПБ, FIV, № 726, л. 796 об.). По вологодским преданиям, во время пожара Москвы царь находился на Вологде «и помышляше в поморския страны. И того ради строены лодьи и другие суда. И тогда были вологжаном великие налоги от строения градов и судов» («Вологодский летописец», стр. 74—75).

появился под стенами столицы¹. Одновременно с ним к стенам города в Москву прибыли воеводы, государевы бояре. Они расположились на улицах столицы. Большой полк во главе с И. Д. Бельским и М. Я. Морозовым находился на Большой улице (шедшей от Варварки к пристани, пересекая мост через Яузу); полк правой руки во главе с И. Ф. Мстиславским и И. В. Шереметевым Меньшим — на Якиманке (недалеко от стрелецких слобод); передовой полк во главе с М. И. Воротыньским и П. И. Татевым — на Таганском лугу. За Неглинной находился опричный полк В. И. Темкина-Ростовского².

Пожар был кратковременный, но катастрофический: «Крымской царь посады на Москве зжег, и от того огня грех ради наших оба города выгорели, не остались ни единые храмины, а горела всего три часа»³. Картину распространения пожара в Москве рисует один из летописцев,

¹ По сведению разрядного летописца, Девлет-Гирей «шол на Колугу, а Оку реку возился выше Калуги на усть реки Ячнки. И пришел под Москву канун Вознесеньева дни, и стал во государеве селе в Коломенском» (ГПБ, FIV, № 726, л. 796 об.).

² Э, л. 369 об.—370. Датировка похода Девлет-Гирея сбивчива. В одном летописце указывается 25 мая: «Обретение честныа главы в сред[у] 6 недели по пас[хе] канун Възнесениеву дни пришел царь крымской к Москве и села и Новой монастырь и Кру[ти]цы выжгли в чет[верто]к в Възнесениев день, и посады пожьгли на завтрее в пя[то]к, и прочь пошьли» (А. А. Зимин, Краткие летописцы XV—XVI вв.—«Исторический архив», кн. V, 1950, стр. 21—22, 39). По этому летописцу, Девлет-Гирей подошел к Москве в среду 23 мая (дата 25 мая — явная ошибка), сжег окрестности 24 мая, а 26 мая отступил от Москвы (ср. М. М. Щербатов, История Российская от древнейших времен, ч. 2, т. V, СПб., 1903, стб. 346—348). В Никоновской и Новгородской летописях поджог столичных посадов относится к 24 мая (ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина, стр. 300; «Новгородские летописи», стр. 105). Ту же дату находим и в других источниках (ГПБ, FIV, № 254, л. 32; № 726, л. 796 об. и др.).

³ «Пискаревский летописец», стр. 79. Это сведение подтверждается разрядным летописцем: «А погоре весь посад на Москве и в обеих городех в три чясы... Загорелось в трем чясу, а в девятом чясу люди по пожарищу почяли ходити» (ГПБ, FIV, № 726, л. 797). Пожар длился с 8 до 11 часов утра («Прибалтийский сборник», т. III, стр. 204), по данным Соловецкого летописца, татары «зажгли посады и город на пятом часу дни, а до 9 часу города и церкви и посады все выгорели» (М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники.—«Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 225).

близкий к Разрядному приказу: «Грех ради наших начяша татаровя к острогу приступати и разорваша острог за Неглинною от Ваганкова и зажыгоша посад. А начя посад горети не татарским зажегом, но гневом Божиим. Начяша буря велия, начяша с хором верхи с огнем носити по всем улицам. И оттоле начяша весь посад. И загоресе Петр Святы на Арбате и сорвало с него вер[х] и вбросило в город в Кремле. И в Кремле погоре все дворы и церкви деревянные, а у каменных церквей верхи погоре. И двор государев згорел. А с Пушешные избы верх сорвало и бросило в Китай город и от того погоре город Китай весь, и церкви богия и на обеих городех кровле грецкая згоре и многое множество людей погоре»¹. Воевода И. Д. Бельский «выезжал против крымского царя и крымских людей за Москву-реку, за болото на луг и дело с ними делал и приехал в город ранен»². Он задохнулся от дыма на своем поворье. В огне пожара погибли также боярин М. И. Вороний-Вольнский «и дворян много и народу безчисленно, а затхнулся от пожарного зноку»³. Сразу же после того как в Москве начался пожар, Девлет-Гирей покинул ее окрестности⁴. Вернувшись в столицу, царь повелел освободить город от мертвых тел⁵. Современники сообщают, что «от посадов и в Китае и в Старом городе дворы выгорели и людей безчисленно множество погорело и лошадей, смрад был велик, полны (даже.— А. З.) з городов посоху наря-

¹ ГПБ, FIV, № 726, л. 796 об.— 797.

² «Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 225; «Преставился з дымом и от великого пожару, а был ранен во многих местех от татар месяца мая в 24» (А. Ф. Бычков, Описание церковно-славянских и русских сборников, ч. 1, СПб., 1882, стр. 140).

³ Э, л. 370; «Сибирский сборник», стр. 29. По данным одного из синодиков, обнаруженного М. Е. Бычковой, в Москве горели также дворовые дети боярские Немятый Андреев сын Тишков (Дмитров), Б. М. Барятинский (Таруса), Л. Т. Клобуков (Переяславль), участник земского собора 1566 г. И. И. Ордынцев, 15 дьяков, 8 рязанцев, 9 смолян, 4 шуян. Кроме того, поименно перечислены «побитые» в Москве в приход Девлет-Гирея 215 человек (ГПБ, FIV, № 254, л. 33—45).

⁴ «А кой час посад загорелся, и царь побежал от Москвы прочь» (ГПБ, FIV, № 726, л. 797).

⁵ «И повеле град прятати и мертвых людей. И город прятали да Ильина дни» (т. е. до 20 июля). После этого «указал государь Новодевич монастырь строить» (Э, л. 370).

дли развозити их, и долго развозили, а на Москве некому было разво/з/ити»¹.

Другой летописец сообщает, что «Москва згорела вся: город и в городе государев двор и все дворы и посады все и за Московю: и людей погорело многое множество, им же не бе числа; и всякое богатство и все добро погоре». Дело дошло до того, что даже «хоронити некому» было².

Подробное описание московского пожара дали два английских современника, находившиеся в это время в Москве. Так, Ускомби в письме 5 августа 1571 г. сообщал, что «Москва сожжена крымцами 24-го дня прошлого мая дотла, с бесчисленным множеством народа». Многие русские «были уведены крымскими татарами... Крымцы возвратились восвоюси с чрезвычайной добычей и бесчисленным множеством пленных. С одной стороны, крымцы, а с другой — неистовость царя погубили много людей, так что народа уцелело мало»³. После пожара Москва долгое время не могла отстроиться⁴.

Другой англичанин писал, что татарам удалось 24 мая 1571 г. подойти к Москве и зажечь ее, потому что воеводы находились в других городах. В итоге «все деревянные строения, какие там находились, были обращены в пепел». Опустошение было огромно: «На расстоянии 20 миль в окружности погибло множество народа, бежавшего в город и кремль, и в пригороды, где все дома и улицы были так полны народа, что некуда было протесниться; и все они погибли от огня, за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами, и немногих других, которые искали спасения, через стены, в реке, где некоторые из них потонули, а другие были спасены. Большое число сгорело

¹ А. А. Зимин, Указ. соч., стр. 22.

² ПСРД, т. XIII, 1-я половина, стр. 301. В посольских делах отмечалось, что Девлет-Гирей «посад Московской зажег», в результате чего «оба города выгорели и люди многие в городах погорели. А пошел царь и царевичи со многими людьми от Москвы того же дни в вечеру» (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 13, л. 400).

³ Н. Стороженко, Материалы для истории России, извлеченные из рукописей Британского музея в Лондоне.— «Чтения ОИДР», 1870, кн. III, отд. IV, стр. III—IV.

⁴ П. Петрей де Эрлезунда, История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах., М., 1867, стр. 5.

в погребках и церквях». В ночь после пожара татары отошли от Москвы к Оке. Несколько преувеличивая степень разорения Подмосковья, англичанин писал, что «из окрестностей Москвы, на 60 миль и более, и 8-ми человекам не удалось спастись в городе. В два месяца едва будет возможно очистить от человеческих и лошадиных трупов город, в котором остались теперь одни стены да там и сям каменный дом, словно головки водосточной трубы»¹.

Подробный рассказ о московском пожаре поместил со слов очевидцев Д. Флетчер. Он сообщает, что деревянные здания города «сгорели с такою быстротою... что в четыре часа не стало большей части города... Зрелище было ужасное... люди горели и в домах и на улицах». Флетчер называет огромную цифру погибших — 800 тысяч человек². Это явное преувеличение: все население Москвы лишь немного превышало 100 тысяч³. Таубе и Крузе пишут, что в огне погибло более 120 тысяч жителей, «считая одних только именитых, без простых мужчин, женщин и детей». В плен татары захватили более 100 тысяч человек⁴. По известиям из Варшавы, полученным от крымского посла, татары убили всего около 60 тысяч человек и столько же взяли в плен⁵.

Близок к Флетчеру и Д. Горсей. Последний сообщает, что крымскому хану помогли предатели, сообщившие о расположении русских войск (переходы охранялись войском в 100 тысяч человек у Серпухова). Подойдя к Москве, «неприятель зажег высокую колокольню св. Ивана; в эту

¹ П. Петрей де Эрлезунда, Указ. соч., стр. 6—7. О том, что люди искали себе спасения в бегстве через москворецкий Живой мост, сообщает автор Пискаревского летописца («Пискаревский летописец», стр. 80).

² Д. Флетчер, О государстве Русском, изд. 3, стр. 75—76. По другим, также преувеличенным данным, во время пожара погибло 300 тысяч человек. («Акты Ревельского городского архива. 1450—1610 гг.». Сообщил Н. Чумиков.— «Чтения ОИДР», 1898, кн. IV, отд. IV, № 12, стр. 19).

³ По правдоподобному сообщению Рюссова, сгорело 40 тысяч дворов («Прибалтийский сборник», т. III, стр. 204). Эту цифру повторяет Геннинг, прибавляя, что от пожара погибло 20 тысяч человек («Scriptores Rerum Livonicarum», Bd. II, str. 239).

⁴ И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 53—54.

⁵ HRM, t. I, S. 221; С. М. Середонин, Сочинение Джильса Флетчера..., стр. 75—76.

минуту поднялась ужаснейшая буря, от которой заторелись все церкви, дома и палаты в городе и предместьях на 30 верстах в окружности... Все обратилось в пепел; в течение шести часов погибли несколько тысяч мужчин, женщин и детей». Долгое время после пожара город не могли привести в порядок: реку очистили целый год от утопленников и сгоревших трупов¹.

Дополнительные детали обстоятельств московского пожара дают Таубе и Крузе. Подойдя под Москву, хан остановился в Коломенском, а его сыновья в Воробьеве. (Это было, очевидно, 23 мая.) «На следующий день (т. е. 24 мая.— А. З.) он послал в окрестности Москвы 20 000 поджигать в разных местах». Пожар облегался из-за страшной бури. «И в три дня Москва так выгорела, что не осталось ничего деревянного, даже шеста или столба, к которому можно было бы привязать коня». Таубе и Крузе причиной поспешного отступления от Москвы хана считали получение им сведений о выступлении в поход Магнуса с пятнадцатитысячным войском². Это известие весьма сомнительно: оно совпадает с тем, что нам известно о походе хана в 1572 г.; вероятно, оба составителя «Послания» по ошибке отнесли слухи о причинах отступления хана в 1572 г. к походу 1571 г.

Матвей Стрыйковский говорит, что татары сожгли московские посады, нижний (земляной?) город, русским удалось защитить только Китай-город³.

Сходными чертами рисует пожар Москвы и Генрих Штаден. Москва, сообщает он, была подожжена на следующий день после сожжения Коломенского. «В живых не осталось и 300 боеспособных людей... Одним словом,— заканчивает Штаден,— беда, постигшая тогда Москву, была такова, что ни один человек в мире не смог бы того себе и представить». Девлет-Гирей «со многим множеством полоняников» и добра повернул обратно в Крым, опустошив по пути всю Рязанскую землю⁴. В посольских де-

¹ «Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея», стр. 27—28.

² *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 54.

³ *M. Strzykowski*, Указ. соч., т. II, стр. 419.

⁴ *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 106—107. Так, в 1571 г. татарскими воинами был сожжен Рождественский Епифанский мона-

лах отмечалось, что крымские люди, «видучи из земли многих городов, уезды вывоєвали, а иных городов и посады пожгли»¹.

Полная небоеспособность опричного войска, выяснившаяся во время похода Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., вочию показала необходимость ликвидации опричнины. Л. М. Сухотин «первый признак нового курса» относит к 1570 г. Его аргументы сводятся к следующим. Во-первых, около 1570 г. в связи с новгородским делом начались первые казни опричников (А. Д. и Ф. А. Басмановы, А. И. Вяземский и др.)². Во-вторых, в это время верхи опричного двора пополняются знатью (Ф. М. Трубецкой, Н. Р. Одоевский, Н. В. Борисов-Бороздин, В. И. Барбашин, А. П. Хованский)³. В-третьих, в майском заседании 1570 г. Боярской думы участвуют и опричные, и земские люди⁴. Наконец, опричным и земским воеводам предписывается в это время действовать совместно⁵. В этих наблюдениях есть известный резон: закат опричнины начался после июльских казней 1570 г. Но в 1570 — первой половине 1571 г. в думе опричники и земские люди еще очень четко различаются, а опричные полки не смешиваются с земскими. Так называемая совместная деятельность думцев и воевод не является каким-либо особенно специфическим явлением 1570 г., а обычным фактом военной и дипломатической жизни России опричных лет.

Решительный перелом в истории опричнины относится к лету 1571 г.⁶ Сразу же после сожжения Москвы Девлет-

стырь, «а старцов всех крымские люди побили, а иных в полон поймали» (ШКМГ, ч. 1, отд. II, стр. 1588). Весь город Каширу «сожгли татарове в 79 году». В деревнях Каширского уезда «дворы пожгли татарове в 79 году, а крестьяне померли в лихое поветрее, а иных поймали татарове в полон, а достальные люди розошлися» (там же, стр. 1299, 1304).

¹ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 13, л. 400.

² Л. М. Сухотин, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. I, стр. 11; вып. VII—VIII, стр. 169—171.

³ Л. М. Сухотин, Указ соч., вып. VII—VIII, стр. 166.

⁴ «Сборник РИО», т. 71, стр. 665—666.

⁵ Л. М. Сухотин, Указ соч., вып. VII—VIII, стр. 167—168.

⁶ См. С. Б. Веселовский, Духовное заведение Ивана Грозного как исторический источник.— «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. IV, № 6, 1947, стр. 508—510.

Гиреем был казнен главнокомандующий опричным войском, один из инициаторов опричнины, князь Михаил Черкасский¹. Но Штадену, в походе Девлет-Гирея принимал участие отец Михаила Черкасского князь Темрюк². Это известие вызывает законное сомнение исследователя, ибо кабардино-крымские отношения к 1571 г. отнюдь не были дружественными³. Так или иначе, по слухи об измене, гнездившейся среди московской знати, подогревались рассказами о роли Кудеяра Тишенкова в походе крымского хана на Москву⁴.

Впрочем, Михаил Темрюкович мог внушать подозрения царю вскоре после странной смерти его сестры царицы Марии. В начале 1571 г. он, возможно, уже не пользовался прежним доверием царя. Во всяком случае в феврале 1571 г. опричный суд приговорил конфисковать вотчину у подьячего Улана Айгустова за то, что он «доводил» на Василия Щелкалова «многие лихие дела... по науку князя Михайла Черкасского»⁵. Таубе и Крузе рассказывают о казни жены Михаила Темрюковича (дочери В. М. Юрьева) и ее малолетнего сына, которая произошла задолго до гибели самого князя Михаила⁶. Этой варварской мерой царь, вероятно, пытался обезопасить свой трон

¹ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 62, 97; И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 54; С. Б. Веселовский, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 467. Михаил Темрюкович Черкасский находился с царем после сожжения Москвы («Сибирский сборник», стр. 30), но уже в июне 1571 г. русскому гонцу приказано было говорить, что князь Михаил «в царев приход ехал из полку в полк и изгиб безвестно» («Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. I, М., 1957, стр. 34).

² Г. Штаден, Указ. соч., стр. 62, 116.

³ Е. Н. Кушева, Указ. соч., стр. 285; В. Б. Кобрин, Состав опричного двора Ивана Грозного.—«Археографический ежегодник за 1959 год», стр. 87.

⁴ Флетчер сообщает, что и царь «сомневался в своем дворянстве и военачальниках, будто бы замышлявших выдать его татарам» (Д. Флетчер, Указ. соч., стр. 75, ср. стр. 31, а также И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 34).

⁵ РИБ, т. XXXII, № 246, стб. 505.

⁶ Это сведение помещено после рассказа о казни П. Серебряного (1570), В. Курлятева (1568) и перед казнями 19 июля 1568 г. (И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 41).

от претендента, каким мог явиться племянник царской жены.

Словом, набег Девлет-Гирея дал царю лишь новый повод, чтобы он мог расправиться с давно внушавшим ему опасения свойственником.

Полетели головы и других близких сподвижников царя Ивана. Бессильный хоть что-нибудь изменить в том, что случилось в мае 1571 г., Грозный обратил свой гнев на истинных и мнимых виновников военных неудач. Так, был утоплен опричный боярин В. П. Темкин-Ростовский. Он неудачно оборонял опричный район Москвы во время набега крымского хана, а незадолго до гибели был отправлен вместе с Михаилом Темрюковичем в догонку за Девлет-Гиреем¹. Казни Темкина-Ростовского предшествовало охлаждение к нему царя. Так же как в свое время у Ивана Висковатого, у него отписано село (за «убитую голову» сына Никиты Оксентьева)². Это было в том же феврале 1571 г., когда поплатился своей вотчиной Улан Айгустов, якобы действовавший по наущению Михаила Темрюковича.

Третий опричный участник летнего похода 1571 г., боярин Василий Петрович Яковлев (гофмейстер царевича Ивана), был забит насмерть батогами вместе со своими земскими родичами боярами Иваном Петровичем и Семёном Васильевичем³. И. П. Яковлев вызвал царский гнев еще в начале 1571 г. неудачной осадой Ревеля (снятой 16 марта). В Москву пришли сведения о грабежах, убийствах и пожарах, совершавшихся земскими и опричными войсками, во главе которых стояли И. П. Яковлев и В. И. Умный-Колычев. «Когда царь узнал о таких воровских проделках воевод и опричников», то он приказал

¹ «Сибирский сборник», стр. 30; РИБ, т. XXXI, стб. 283; Г. Штаден, Указ. соч., стр. 97; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 435; В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 77.

² П. А. Садиков, Из истории опричнины XVI в.— «Исторический архив», 1940, кн. III, № 51, стр. 256—257.

³ «Сибирский сборник», стр. 30; РИБ, т. XXXI, стб. 297; И. Таубе и Э. Крузе, Указ. соч., стр. 54; С. Б. Веселовский, Указ. соч., стр. 477; В. Б. Кобрин, Указ. соч., стр. 89—90. Огромные вотчины В. П. и С. В. Яковлевых в Коломенском уезде были конфискованы (ПКМГ, ч. 1, отд. I, стр. 350—351, 363—364, 392, 482, 491).

«увесть... обоих воевод в окопах [и] удалил всех опричников»¹. С. В. Яковлев привлекался к ответственности еще по новгородскому делу². Летом же 1571 г. повесили опричного думного дворянина Петра Васильевича Зайцева³. Зайцев ходил против «крымского царя» в сентябре 1570 г., когда царя сопровождали казненные летом 1571 г. М. Т. Черкасский, В. И. Темкин, В. П. Яковлев, Л. А. Салтыков и попавший в опалу В. А. Сицкий⁴. Л. А. Салтыков был сначала пострижен в монахи, а позднее убит⁵. Вместе со Львом Андреевичем опала постигла и его родича кривого Федора Игнатьевича, который был заключен в тюрьму, а позднее, судя по синодикам, убит⁶. Царский лекарь Елисей Бомелий по приказанию царя отравил опричного дворецкого Ивана Федоровича Гвоздева-Ростовского, спальника Григория Борисовича Грязного и до ста других менее видных опричников⁷. Среди погибших в эти годы были Андрей Овцын, Булат Арцыбашев, П. Ф. Воронцов и др.⁸

Опричина была обезглавлена. «Новые люди», ставшие во главе государева двора, состояли из окружения старичьего князя (Н. Р. Одоевский, Пронские) и, конечно, не были заинтересованы в дальнейшем сохранении опричных

¹ А. Чумиков, *Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогом Магнусом королем Ливонским...*—«Чтепия ОИДР», 1891, кн. II, отд. IV, стр. 29.

² ДиДГ, приложение II, стр. 480.

³ Казнен между 18 июня—7 сентября 1571 г. («Троицкая вкладная книга», л. 335; С. В. Веселовский, *Указ. соч.*, стр. 384—385; Г. Штаден, *Указ. соч.*, стр. 97). Возможно, Зайцева имеют в виду Таубе и Крузе, когда говорят о казни Петра Santzen (И. Таубе и Э. Крузе, *Указ. соч.*, стр. 41).

⁴ «Сибирский сборник», стр. 26.

⁵ И. Таубе и Э. Крузе, *Указ. соч.*, стр. 54; РИБ, т. XXXI, стб. 303; С. В. Веселовский, *Указ. соч.*, стр. 441—442; В. В. Кобрин, *Указ. соч.*, стр. 71—72. Под 1571/72 г. в Троицком синодике помещено поминание инок Леонида Салтыкова (ГБЛ, Троицкое собр., № 41, л. 22).

⁶ И. Таубе и Э. Крузе, *Указ. соч.*, стр. 54; С. В. Веселовский, *Указ. соч.*, стр. 441.

⁷ И. Таубе и Э. Крузе, *Указ. соч.*, стр. 54. Правда, Шлихтинг сообщает, что Гвоздев умер «от моровой язвы» (А. Шлихтинг, *Указ. соч.*, стр. 42).

⁸ Г. Штаден, *Указ. соч.*, стр. 97; И. Таубе и Э. Крузе, *Указ. соч.*, стр. 54; С. В. Веселовский, *Указ. соч.*, стр. 357, 369.

порядков. На одних царских фаворитах (типа Малюты Скуратова) и кажинских князьках (вроде Сани-Булата-Семиона) строить опричный аппарат было невозможно. Отмена опричнины становилась делом ближайшего времени. Земские воеводы, виновники сожжения Москвы в 1571 г., фактически не пострадали, хотя Грозный позднее с горечью говорил польскому посланнику: «Мои [подданные] подвели меня под крымского, под татар. Тех было сорок тысяч, а у меня только шесть... И я о том не ведал: шестеро воевод, что шли передо мной с сильными отрядами, не дали мне знать. Правда, они не могли выиграть дело против такого многочисленного врага, но я поблагодарил бы их, если бы, погубив несколько тысяч своих, они принесли мне хоть татарский бич... И уже Москва была сожжена, а меня не уведомили о том. Пойми же, какова тут была измена мне от людей моих!»¹

Летом 1571 г. составлялись весьма странные поручные записи по И. Ф. Мстиславском. Князь в своей крестоделовальной грамоте торжественно объявлял, что он «государю... и всей Русской земле изменил, навел есми с моими товарищи безбожного крымскаго Девлет-Кирея царя». И обещался впредь «на все православное крестьянство варвар не наводити»². Из этой формулировки ясно, что Мстиславскому предъявлялись обвинения в измене. Но за этими страшными обвинениями не стояли никакие реальные предательские действия, ибо в противном случае князь Иван не избежал бы сурового наказания. Дело же ограничилось тем, что за Мстиславского поручились боярин Н. Р. Одоевский (опричник), боярин М. Я. Морозов (земский) и опричный окольничий А. П. Хованский (в 20 тысячах рублей), а у них «выручили» князя, около 300 княжат и детей боярских. Южные вотчины Мстиславского в районе Епифани и Венева были отписаны на государя³. Обвинял

¹ G. V. Hansen, Ivan IV im Gespräch mit einem polnisch — litauischen Abgeordneten.— «Beiträge zur Kunde Ehst,— Liv — und Kurlands», Bd. IV, Reval, 1894, S. 140.; А. Трачевский, Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов, стр. 254—255.

² СГГД, ч. 1, № 196, стр. 562. Грамоты датированы 7079 годом, т. е. составлены не позднее конца августа 1571 г. и не ранее 24 мая (сожжение Москвы Девлет-Гиресем).

³ ПКМГ, ч. 1, отд. II.

царь и Шереметевых, которые якобы посылали людей в Крым «бесерменство на христианство наводити»¹.

О том, что никакой боярской измены в 1571 г. не было, говорит и допрос царем Иваном Грозным в январе 1575 г. русских пленников, вышедших из Крыма. Некого Ермолку — человека князя Ивана Мстиславского — на допросе спросили, не был ли он послан в Крым его господином с каким-либо тайным поручением к хану. Тот ответил: «Князь Иван, государь, Мстиславской в Крым меня не посылавал и приказу от князя Ивана в Крым ни к кому не бывало... а того в Крыму не слыхал же, от кого с Москвы в Крым ко царю и к мурзам живет ссылка». Конечно, когда Ермолку «к огню придвинули и учили пытать, огнем жечи», он во всем повинился и сказал, что бояре изменяют. В частности, «как приходил царь к Москве и Москву жег, и Иван да Федор Шереметевы на Москве пушки заливали, норовя Крымскому царю, чтоб против царя стояти было нечем»².

Другой боярский человек, Костя, под угрозой пыток заявил, что даже «многие бояре государю... изменяют и неправду великую делати и зсылаются бояре с Москвы в Крым со царем». Среди этих бояр были И. Ф. Мстиславский, М. И. Воротынский и Шереметевы. Мстиславский и Федор Салтыков отпустили какого-то барымского царевича, «как царь приходил к Москве и Москву жег», наказали ему просить хана, чтобы тот снова вернулся к русской столице: «А толко придет к Москве, и Москва будет его»⁴.

Бессмысленность всех этих вымученных показаний ясна уже хотя бы из того, что в результате наветов Ермолки и Кости не пострадали ни Мстиславский, ни Шереметевы.

¹ «Послания Ивана Грозного», стр. 191.

² ЦГАДА, ф. 159, № 933; «Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма», опубл. С. К. Богоявленским. — «Чтения ОИДР», 1912, кн. II, стр. 1—7. Датируется упоминанием В. И. Умного-Колычева, как боярина: в феврале 1574 г. он еще просто дворовый воевода (Э, л. 491), а в 1575 г. — уже казнен.

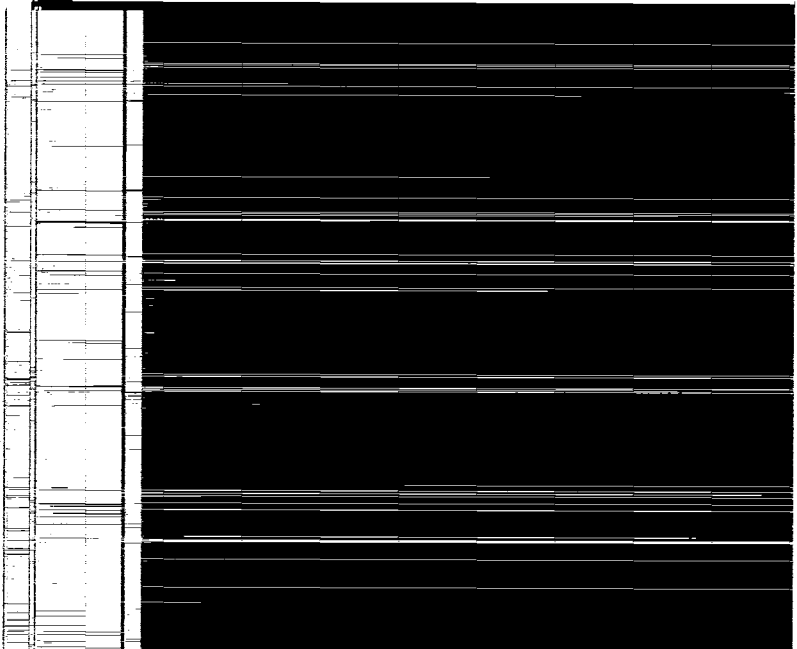
³ «Допрос...», стр. 4.

⁴ Там же, стр. 5—6.

* *
*

Сожжение Москвы Девлет-Гиреем заставило русское правительство внести существенные коррективы в свои внешнеполитические планы. Принимая крымских послов 15 июня 1571 г. в селе Братошине, царь готов был согласиться на создание в Астрахани полузависимого от России татарского княжества, с тем чтобы добиться мира с Девлет-Гиреем¹. Был ли это сложный дипломатический ход, с тем чтобы выиграть время, или Иван IV действительно хотел ценой временной потери Астрахани обеспечить безопасность южных окраин страны, сказать трудно. Ясно, что нападение крымского хана заставило Ивана IV быть куда уступчивее в его переговорах с иностранными дипломатическими представителями. Когда Елизавета направилась в Россию нового гонца Роберта Беста возобновить торговые привилегии английских купцов, то царь в своем послании от 24 января 1571 г. выразил ей свое согласие на это². Путешествие в Россию Дженкинсона, который еще раньше сумел завоевать доверие царя, содействовало новому русско-английскому сближению. 23 марта и 11 мая царь, давая аудиенции этому ловкому агенту английской

королевы, держал его в своем распоряжении у Елизаветы

Еще в 1570 г. Иван Грозный решил найти замену умершей Марии Темрюковне. К царской свадьбе готовились долго. Со всей страны в слободу свезли 2 тысячи девушек, и после тщательного отбора в июне 1571 г. царь выbral невесту для себя и для своего старшего сына¹. 28 октября Иван IV вступает в третий брак. На этот раз его женой стала Марфа Собакина, которая, впрочем, уже 13 ноября умерла². Еще со времен Карамзина бытует легенда, пу- щенная Таубе и Крузе, что Собакина — дочь новгородско- го кунца³. На самом деле ее отцом был коломенский сын боярский Василий Большой Степанович Собакин⁴. На царской свадьбе присутствовали «царицны дружки» Ма- люта Скуратов и его зять молодой опричник Борис Федо- рович Годунов, который позднее сыграет такую видную роль в истории России⁵. Там же был родич Малюты Бог- дан Яковлевич Бельский, впервые появившийся в разря- дах за год до этого⁶. Через неделю после свадьбы Ива- на IV состоялось новое брачное пиришество: 4 ноября был женат на Евдокии Сабуровой царевич Иван⁷.

Сразу же после окончания торжеств 10 ноября царь принял решение начать войну со Швецией («идти на не- послушника своего на свейского Ягана короля войною за

¹ *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 55.

² «Новгородские летописи», стр. 107—108; Э, л. 371 об.— 374 об.

³ *И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 55. Эта легенда в раз- вернутом виде содержится в летописи о браках Ивана Грозного, изготовленной А. И. Сулакадзиевым: «Поля царь деу ноугороц- кую гостню Марфу Васильеву Собакину» (ГПБ, QXVII, № 17, л. 156 об.). См. также *Н. М. Карамзин*, История государства Российского, т. IX, стр. 110; *Л. М. Сухогин*, К пересмотру во- проса об опричнине, вып. VII—VIII, стб. 177.

⁴ «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», стр. 158; *С. Б. Веселовский*, Указ. соч., стр. 338—339. Позднее, в 1572 г., Василий Большой Собакин был насильно по- стрижен в Кириллов монастырь, а его племянники Степан, Семен (дети Василия Меньшого), Калист (сын Василия Среднего) каз- нены якобы за то, что хотели царя «чародейством извести» («Послания Ивана Грозного», стр. 178).

⁵ Э, л. 372. Впервые Б. Ф. Годунов упоминается в опричном разряде 1567 г. («Сибирский сборник», стр. 27).

⁶ Э, л. 361; *В. Б. Кобрин*, Указ. соч., стр. 25.

⁷ «Новгородские летописи», стр. 108. По *И. Таубе и Э. Крузе*, свадьба состоялась в Михайлов день, т. е. 8 ноября (*И. Таубе и Э. Крузе*, Указ. соч., стр. 55).

его неисправленье») ¹. Начались приготовления к походу. 1 декабря в Казанскую землю посылаются В. В. Тюфякин и Г. Ф. Мещерский, которым царь велел «собрати в Казани казанских князей и тотар и черемису и мордву; а собрав, велел им государь за собою быть в Новгород Великой» ².

10 и 14 декабря митрополит Кирилл и царь отправляют грамоты в Кириллов монастырь, прося игумена и старцев молиться «о победе над врагом» ³.

В Новгородском походе царя участвовали как «земские», так «опричные» бояре и военачальники. В разрядах появляются четкие признаки стирания разницы между служилыми людьми двух частей Русского государства. Так, в сторожевой полк назначают наряду с земским князем И. Ф. Метиславским опричных — боярина князя Н. Р. Одоевского и окольного князя Д. И. Хворостина ⁴.

24 декабря царь прибыл в Новгород и на следующий день послал своих воевод из Орешка «воевать села Лебяжье и иных сел» ⁵. Впрочем, до большой войны на этот раз дело не дошло. 7 января Иван IV устроил официальный прием находившимся в заточении послам Юхана III епископу Павлу «с товарищи», которые просили, «чтоб государь пожаловал, гнев свой утолил и рати свои унял и войною на свейского Ягана короля и на Свейскую землю ныне еще не ходил» ⁶. Иван Грозный временно до Троицы (т. е. 25 мая) «поход свой на свидские немцы

¹ «Сборник РИО», т. 129, стр. 207.

² Э, л. 374 об.

³ ААЭ, т. I, № 283. 13 декабря царь прибыл в Клин (Ф. Аделунг, Указ. соч., стр. 158).

⁴ «Сибирский сборник», стр. 31.

⁵ «Новгородские летописи», стр. 108; «Сибирский сборник», стр. 31; «Сборник РИО», т. 129, стр. 221. В Новгороде царь расположился на Никитской улице на Торговой стороне (П. Шереметев, Дворы Грозного в Новгороде.— «Известия русского генеалогического общества», вып. IV, 1911, стр. 115). О расположении большого государева двора в Новгороде см. также А. И. Семенов, Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода.— «Новгородский исторический сборник», вып. 9, Новгород, 1959, стр. 64—65.

⁶ «Сборник РИО», т. 129, стр. 216; Ф. Аделунг, Указ. соч., стр. 159—160.

отложили»¹ и отправил епископа Павла со своей грамотой к шведскому королю. В послании он выражал готовность продолжать мирные переговоры, но только с тем условием, что Швеция передаст России Кольвань (Таллин) и все свои ливонские земли².

Трудно сказать, чем вызван неожиданный отказ царя от продолжения похода. Возможно, он связан с осложнением в Ливонии: 21 декабря 1571 г. в Дерпте (Юрьеве) царские эмиссары Таубе и Крузе неожиданно попытались поднять антирусский мятеж³. Их попытка окончилась неудачей, но изменникам удалось бежать под покровительство польского короля. Не устранена была также опасность вторжений крымских войск с юга.

18 января 1572 г. Иван IV отбыл из Новгорода в Слободу⁴. В начале февраля в селе Братошине он принял крымских гонцов⁵, причем в переговорах царя звучат уже новые нотки. Уклоняясь от прямого вопроса татарского гонца о судьбах Казани и Астрахани, Иван Грозный высказывает пожелание о присылке из Крыма посольства, которое имело бы полномочия для заключения мира с Россией. Только с этим посольством он согласен был вести переговоры об окончательных условиях мирного договора. Такая перемена в настроении царя Ивана объяснялась тем, что правительство провело уже значительные оборонные мероприятия и рассчитывало встретить новый набег войск татарского хана решительным отпором. 22 декабря царь отправил воевод «в Перемышль делать засеку»⁶. В конце зимы или ранней весной 1572 г. князю М. И. Воротыньскому отправляется специальный наказ об организации обороны от нападений крымских татар по реке Оке и

¹ Э, л. 376.

² «Сборник РИО», т. 129, стр. 221—223. Иван IV дважды перед этим посылал грамоты Юхану III: до 31 августа и в ноябре 1571 г. (*H. Hjärne, Ur brefvexlingen emellan Johan III och Ivan Vasilievitj.*—*Historiskt Bibliothek*, 1880, VII; «Послания Ивана Грозного», стр. 618).

³ «Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории», вып. 2.—«Чтения ОИДР», 1916, кн. II, № 224, стр. 93.

⁴ «Новгородские летописи», стр. 109.

⁵ ЦГАДА, Крымские дела, кн. 14, л. 64 и след.

⁶ Э, л. 374 об. См. описание засечной черты, данное Штадемом (*Г. Штаден, Указ. соч.*, стр. 110—111).

роспись «берегового войска»¹. Войска должны были собираться в Коломне и расположиться в следующем порядке: Большой полк во главе с М. И. Воротыньским и П. В. Шереметевым Меньшим — в Серпухове; полк правой руки во главе с опричным боярином П. Р. Одоевским и Ф. В. Шереметевым — в Тарусе; передовой полк, возглавленный опричными воеводами А. П. Хованским и Д. И. Хворостининым, — в Калуге; местоположением сторожевого полка во главе с П. П. Шуйским и с опричным окольным В. И. Умным-Кольчевым назначалась Кашира и, наконец, полку левой руки надлежало находиться на реке Донасне под началом князя А. В. Ренщина и опричника П. П. Хворостинина. Всего против татар должно быть выставлено 20 034 человека, не считая казаков Михаила Черкашенина. В разряде обращает на себя внимание уже полное отсутствие чисто опричных полков: опричные воеводы, как правило, находятся в одном полку с земскими. Да и командуют опричные воеводы часто земскими войсками, и наоборот. Под началом П. Р. Одоевского находились опричные «козличы», костромичи и помещики Бежецкой пятины, но вместе с тем и земские рязские помещики. Но из той же Бежецкой пятины служилые люди шли с воеводой Ф. В. Шереметевым. С воеводой А. П. Хованским выступали в поход только земские войска (рязанцы, смольняне, кашинцы), зато с Д. И. Хворостининым — опричные галичане, старичане, медышцы, служилые люди Малого Ярославца, по ему же были приданы помещики земской Деревской пятины, а также не вполне ясные алексинцы и верейчи. Под началом В. И. Умного-Кольчева находились опричные можаичи и совершенно земские волочане, брянчане, владимирцы и другие служилые люди. То же самое можно сказать и о полках остальных воевод. Строгое размежевание опричного и земского войска фактически уже перестало существовать к весне 1572 г.

¹ Эти документы впервые и с большими дефектами изданы С. М. Середонинным: «Наказ кн. М. И. Воротыньскому и роспись полкам 1572 г.» — «Записки Русского Археологического общества», т. VIII, вып. 1—2, новая серия, СПб., 1896, стр. 49—62. Вторичная публикация их осуществлена в наше время В. И. Бугановым под заглавием «Документы о сражении при Молодях в 1572 г.» — «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 166—183. Наказ составлен до 25 марта (Благовещенья).

Наказ Воротыньскому, как и устав сторожевой службы, уделял большое внимание организации разведывательной службы. На случай набега Девлет-Гирея предусматривались четыре варианта обороны (в соответствии с тем, где хан «переледет» Оку и в каком далее направлении пойдет на русские земли). Большое внимание было уделено постройке подвижной крепости — Гуллий-города¹.

В апреле в Коломне состоялся смотр «государевым людям... бояром и дворяном и детям боярским и дворовым и городочным конской и их даточным людям, хто что дал государю в полк людей». После смотра войска разместились «на берегу» в точном соответствии с царским наказом². В предвидении нападения Девлет-Гирея Иван IV отправил свою царскую казну на сохранение в Новгород. 9—10 февраля туда прибыло из Москвы 450 возов «государьской казны»³.

Весной 1572 г. для того, чтобы разрешить царю четвертый (неканонический) брак, специально созывается церковный собор во главе с новгородским архиепископом Леонидом⁴, в результате которого 29 апреля «благоверного царя... во всем простиша и разрешиша». Четвертая жена Грозного Мария Колтовская, как и третья, была дочерью коломенского дворового сына боярского: ее отец, Алексей Горяинов (Игнатъев) сын Колтовского, умер в 50-х годах XVI в. «в полону»⁵.

13 мая мы застаем Ивана Грозного уже в Старице — на пути из Слободы в Новгород⁶, куда он прибыл с царицей Марией 1 июня⁷.

¹ «Каждый должен был помогать при постройке Гуллий-города соответственно размеру своих поместий, равно как и при постройке укрепления по берегу реки Оки» (*Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 151).

² «Документы о сражении при Молодях в 1572 г.» — *Исторический архив*, 1959, № 4, стр. 178—179.

³ «Новгородские летописи», стр. 110.

⁴ ААЭ, т. I, № 284. Леонид сделался новгородским архиепископом 4 декабря 1571 г. Митрополита в Москве в это время не было, ибо Кирилл умер 8 февраля («Новгородские летописи», стр. 108, 112).

⁵ «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», стр. 159; «Родословная книга...», ч. 2, стр. 189.

⁶ *Ю. Толстой*, Указ. соч., № 34, стр. 143. 23 марта царь был еще в Слободу (там же, № 33, стр. 134).

⁷ «Новгородские летописи», стр. 114.

С приближением обычной поры крымских набегов царь впадал в состояние мрачной тревоги. Об этом совершенно определенно говорит его духовная грамота, написанная летом 1572 г.¹ Проект завещания, так и не дописанный до конца, представляет собой необычный документ. В отличие от аналогичных памятников он начинается с про странного публицистического введения. Чувство одиночества терзает царя. «Тело изнеможе, — пишет Грозный, — болезнует дух, струни телесна и душевна умножишася, и не сущу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мною поскорбит, и не бе, утешающих не обретох». И действительно, гвардия телохранителей-опричников уже была не та, что в 1565 г. «Монашеское братство» во главе с игуменом Иваном, келарем Афанасием (Вяземским) распалось. Царь считает себя изгнанным, принужденным скитаться по дальним «странам» из-за самовольства бояр, которое ниспослано на него богом за его собственные беззакония².

Царь Иван явно не удовлетворен итогами своей опричной политики («в разбойники впадох мысленный и чувственный... сего ради всеми ненавидим есмь»). Поэтому он оставляет саму опричнину на усмотрение своих сыновей³. В завещании почти не слышно гневного голоса грозного самодержца, обличавшего вот уже много лет изменников-бояр. Нотки всепрощения звучат совершенно отчетливо: «Се заповедаю вам, да любите друг друга, и бог мира да буди с вами». Даже на тех подданных, которые окажутся «лихими», следует опалы иметь «не вскоре, по разсужению, не яростью». Он всячески отговаривает детей, и особенно старшего — Ивана, от совершения тех поступков,

¹ ДиДГ, № 104, стр. 426. По убедительным соображениям С. Б. Веселовского, завещание составлено в Новгородe между началом июля и 6 августа (С. Б. Веселовский, Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник. В кн.: С. Б. Веселовский, Исследования по истории опричнины, стр. 304—305. Ср. также Л. М. Сухогин, К пересмотру вопроса об опричнице, вып. 1).

² ДиДГ, № 104, стр. 426—427: «По множеству беззаконий моих, божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достоинства, и скитаюся по странам».

³ «А что есьми учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов» (там же, стр. 444).

которые он делал сам. Царь считает, что всякое деление страны на какие-либо части пагубно. «Вы, — обращается царь к своим сыновьям, — ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодни служили, и земля бы заодни, и казна бы у вас заодни была, ино то нам прибыльнее». Он как бы вспоминает гибель Владимира Старицкого («Кашново убийство прешед»), настойчиво твердит, чтобы Иван «не подонскивал» удела царевича Федора, «а на него лиха ни с кем не сылался». Даже если тот «простоюнку какую учинит, и ты его понаказал и пожаловал, а до конца бы его не разорил, а ссоркам бы еси отнюдь не верил, занеже Кани Авеля убил, а сам не последовал же». Конечно, и Федор должен быть во всем с царевичем Иваном «заодни», а с «изменники и лиходеи» не «сылаться».

Все завещание царя проникнуто тревожным ожиданием всевозможных бедствий, которые могут с ним случиться вот уже в самое ближайшее время.

Пока царь хоронился в далеком Повгороде, русские войска во главе с Михаилом Воротыньским уже встали на защиту родной земли. В 1572 г., готовя второй поход в глубь России, крымский хан, вероятно, имел далеко идущие планы. Штаден сообщает, например, что хан «похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя уведет в Крым». Ходили даже упорные слухи, что «города и уезды Русской земли все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе»¹.

23 июля, сообщает разрядная запись, Девлет-Гирей с крымским и погайским войском появился на русских «украинах». 27 июля, на следующий день после первой стычки со сторожевым полком князя И. П. Шуйского у Сенкина брода (перевоза), крымский хан подошел к

¹ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 111—112. Этот же мотив встречаем и в тексте песни «Набег крымского хана», записанной Ричардом Джемсом в 1619—1620 гг. («Исторические песни XIII—XVI веков», № 272, стр. 467). «Пискаревский летописец» (стр. 80) также сообщает, что Девлет-Гирей пришел на Русь «с великими похвалами... росписав всю Рускую землю, комуждо что дати, как при Батые». В другом летописце говорится: «улицы на Москве росписал комуждо мурзе которая улица» (М. Н. Тихомиров, Краткие заметки, стр. 46).

Оке. Когда татары пачали стрельбу из пушек по русским войскам, М. И. Воротынский отдал приказ ответного огня не открывать. В ночь на 28 июля Девлет-Гирей переправил через реку прикрытые численностью в 2 тысячи человек¹. Передовой отряд ногайского мурзы Теребердей отправлен был на Москву. Битва началась с атаки передового полка А. Хованского и Д. Хворостинина, отбросивших сторожевой заслон крымских царевичей к лагерю Девлет-Гирея. Однако крымский хан придал им 12 тысяч ногайцев и крымских татар, которые оттеснили Хованского и Хворостинина по направлению к Серпухову, где находились основные русские силы — Большой полк во главе с М. И. Воротынским. Как только татары обошли справа подвижную крепость Гуляй-город, прикрывавшую оборону русских войск, Воротынский отдал приказ открыть огонь «изо всего наряду». Это принесло татарам сильный урон. Неудача постигла и самого Девлет-Гирея. Он прошел уже семь верст за рекой Пахрой и вынужден был остановиться «в болоте со всеми людьми». Во вторник, 29 июля, крымский хан, в тылу которого находились основные русские вооруженные силы, «воротился из-за Пахры назад»².

Решительная битва произошла 30 июля³ «на Молодех у Воскресенья» (в 45 км от Москвы). Русские войска расположились у Гуляй-города, в котором находился Большой полк. В ожесточенном столкновении ногайцы и татары Девлет-Гирея потерпели сокрушительное поражение. Мурза Теребердей был убит, а суздаец Темир Алалыкин (из сторожевого полка) взял в плен «крымского большого мурзу Дивея»⁴. В плен попал и какой-то астраханский

¹ В одном из летописцев говорится, что Девлет-Гирей «реку Оку в трех местах перелез со многим воинством» (*М. И. Гилемиров, Малоизвестные летописные памятники XVI в.* — «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 92).

² «Документы о сражении при Молодах в 1572 г.» — «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 180.

³ Там же. В Новгородской летописи говорится, что битва была «на Рожан на речкы, под Воскресеньем в Молодех, на Лопаст[н]е, в Хотинском уезде... от Москвы за пятьдесят верст» («Новгородские летописи», стр. 119). Речь идет, очевидно, о Хотунской волости.

⁴ «Документы о сражении при Молодах в 1572 г.» — «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 180; «Пискаревский летописец»,

царевич. Во время сражения Девлет-Гирей взял в плен гонца с грамотами, которого послал русским военачальникам московский наместник Юрий Токмаков. В грамотах сообщалось, чтобы воеводы «сидели (в Гуляй-городе. — *А. З.*) безстрашно: а идет рать наугородская многая»¹. Это произвело сильное впечатление на Девлет-Гирея, который уже начал подумывать о возвращении в свои края. К тому же 2 августа не увенчалась успехом и попытка татарских царевичей и ногайских татар освободить Дивей и взять штурмом Гуляй-город. Приказав открыть с Гуляй-города огонь из всех пушек и пищалей, Михаил Воротынский с Большим полком обошел татарское войско с тылу и неожиданно ударил по Девлет-Гирею, произведя панику среди татар и ногайцев. К вечеру того же дня под прикрытием 3 тысяч человек, расположенных на левом берегу Оки, Девлет-Гирей переправился через реку. Оставив на правом берегу заслон в 2 тысячи татар, крымский хан, предавая огню и мечу русские земли, бежал в степи («пошел в Крым сильно наснех»). Большая часть оставленных им «крымских людей» была перебита, потонула в Оке или взята в плен².

стр. 80; *Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 111. В середине XVI в. Яков Федорович Алаыкин служил дворовым сыном боярским по Костроме.

¹ «Инкаревский летописец», стр. 80. Штаден пишет, что Воротынскому «живую грамоту» послал из Новгорода Иван IV. В ней говорилось: «Пусть-де он держится крепко, великий князь хочет послать ему в помощь короля Магнуса и 40 тысяч конницы. Грамоту эту перехватил крымский царь, испугался и обробел и пошел назад в Крым» (*Г. Штаден*, Указ. соч., стр. 112).

² «Документы о сражении при Молодях в 1572 г.» — «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 180—181. Это сведение разрядных книг совпадает с рассказом Соловецкого летописца, где говорится, что «под гуляем городом сеча была великая» и 3 августа Девлет-Гирей побежал, «а оставил в болоте крымских татар тысячи с три резвых людей. Да на Оке царь оставил для береженья татар тысячи с две, и тех всех тотар побили» (*М. Н. Гихомиров*, Малозвестные летописные памятники. — «Исторический архив», кн. VII, 1951, стр. 226). Устюжский летописец сообщает: «И государевы воеводы сошли у Воскресения на Молодех и бился 5 дней» («Устюжский летописный свод», стр. 109). Сражение, следовательно, происходило с 30 июля по 3 августа. О нем см. *Г. Д. Бурдей*, Молодинская битва 1572 года. — «Ученые записки Института славяноведения», т. XXVI, М., 1963, стр. 48—79.

Победа была полная. Замыслы Девлет-Гирея вооруженной рукой покорить Русь или во всяком случае добиться отторжения от Русского государства Казани и Астрахани окончательно провалились.

Битва при Молодах вместе с тем показала, что опыт создания смешанных опрично-земских полков полностью себя оправдал. Опричнина, исчерпавшая себя как орудие внутриполитической борьбы, становилась препятствием и с чисто военной точки зрения. Штаден прямо связывает ликвидацию опричнины с набегами Девлет-Гирея: «С этим пришел опричнине конец, и никто не смел номинать опричнину... И все земские, кто (только) оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками»¹. О том, что опричнина продолжалась семь лет, т. е. окончилась в 1572 г., сообщает и Флетчер².

Известие о победе над Девлет-Гиреем 6 августа пришло в Новгород, где царь устроил по этому поводу пышные торжества³. Казалось, наступает время, когда можно будет решить наконец наболевший Ливонский вопрос. Уже 11 августа Иван IV отправляет грозное послание Юхану III, в котором заявляет, что поскольку от шведского короля до «Троицына дня» не пришли послы с мирными предложениями, царь собирается в декабре возглавить поход в «Свейскую землю»⁴. 17 августа Иван IV отбыл со всем своим двором в Москву. Вскоре туда же отравились и «государские лубы» с казною⁵.

В это время произошло и еще одно событие, резко улучшившее внешнеполитические позиции Русского госу-

¹ Г. Штаден, Указ. соч., стр. 110. Ниже Штаден после рассказа о разгроме Девлет-Гирея говорит, что, «когда эта игра была кончена, все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь долее не мог без них обходиться» (там же, стр. 152). С отменой опричнины В. Б. Кобрин связывает и торжественное возвращение в июле 1572 г. двух икон в Софийский собор, захваченных во время пожара 1570 г. («Новгородские летописи», стр. 117; В. Б. Кобрин, Социальный состав опричного двора. Рукопись кандидатской диссертации, хранящаяся в ГБЛ, стр. 26).

² Д. Флетчер, Указ. соч., стр. 31.

³ «Новгородские летописи», стр. 118—119.

⁴ «Послания Ивана Грозного», стр. 144—147.

⁵ «Новгородские летописи», стр. 121.

дарства. 7 июля 1572 г. умер король Сигизмунд-Август, и среди кандидатов на польский престол стали упорно называть Ивана Грозного и его сына Федора¹. В сентябре того же года царь в Москве принимал посольство Федора Воропая, сообщившего ему о событиях в Речи Посполитой. Воропай привез с собой грамоты, в которых опричник Юрий Токмаков назывался «боярином и наместником и воеводою московским», конечно, согласно инструкциям, полученным из Москвы. Но обстановка уже изменилась, опричнина фактически перестала существовать. Поэтому Воропаю на приеме у И. Ф. Мстиславского, М. Я. Морозова и Н. Р. Юрьева заметили, что «пишут князя Юрия паны рады боярином и наместником и воеводою московским не гораздо, и князь Юрий у государя не боярин и не наместник воевода»². Осенью же 1572 г. литовские вельможи решили послать в Москву Михаила Гарабурду (хорошо знакомого царю по предшествовавшим переговорам), который должен был выяснить, как отнесется Иван Грозный к выдвижению кандидатуры царевича Федора и к правам и вольностям Литвы. Ликвидация опричнины, вызвавшей за рубежом много нежелательных толков, облегчала царю Ивану переговоры с послами Речи Посполитой о польской короне.

21 сентября 1572 г. Иван Грозный во главе большого войска направился в Прибалтику, чтобы на этот раз покончить со шведским владычеством в Ливонии.

Разряд осенне-зимнего похода 1572—1573 гг. показывает, что к этому времени разделение служилых людей и полков на опричные и земские перестало существовать. В Большой полк, например, наряду с земским боярином В. Ю. Голицыным получили назначение опричники боярин П. Т. Шейдяков и окольный О. М. Щербатый. В полку правой руки находились земские бояре И. Ф. Мстиславский и М. Я. Морозов, в передовом полку — бояре И. А. Шуйский (опричник) и Н. Р. Юрьев (земский), в сторожевом полку — И. П. Шуйский (земский) и И. Д. Плещеев (оприч-

¹ Л. А. Дербов, К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576).— «Ученые записки Саратовского университета», т. XXXIX, 1954, стр. 176—217.

² В. Новодворский, Указ. соч., приложения, стр. 12—13.

ник), в полку левой руки — опричники С. Д. Пронский и Д. И. Хворостинин и т. п.¹ Новый Ливонский поход царя Ивана окончился частичным успехом: 1 января 1573 г. русские войска взяли крепость Пайду (Вайсенштейн); на главный оплот шведского владычества в Прибалтике — Ревель (Таллин) на этот раз царь не решился идти, «по-неже весна стала рано»². В битве под Пайдой погиб последний видный опричник Малюта Скуратов, имя которого на века осталось в народной памяти, как имя палача и душегуба.

Итак, опричнина к осени 1572 г. была ликвидирована.

Означало ли это полную реставрацию старых порядков (так думал С. Б. Веселовский), или только перемену фасада (так полагал П. А. Садиков), или распространение опричного устройства на всю территорию Русского государства (так казалось автору этих строк), покажут дальнейшие специальные исследования социально-политической истории России первых послеопричных лет. Но уже сейчас можно подвести некоторые итоги тем переменам, которые внесла опричнина в ход русского исторического процесса.

Основной смысл опричных преобразований сводился к завершающему удару, который был нанесен последним оплотам удельной раздробленности.

Следя за перипетиями длительной борьбы Ивана Грозного с крупнейшим удельным владыкой опричной поры — Владимиром Старицким, читатель мог убедиться, что эту борьбу нельзя объяснять чисто династическими причинами или болезненной мнительностью царя. Это была сознательно осуществлявшаяся политическая линия, имевшая целью сломить противника, который стал знаменем

¹ «Синбирский сборник», стр. 36; *Л. М. Сухотин*, К пересмотру вопроса об опричнине, вып. VII—VIII, стр. 183; *С. Б. Веселовский*, Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году.— «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 101.

² *М. Н. Тихомиров*, Малоизвестные летописные памятники XVI в.— «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 92.

антиправительственных сил. И то, что этим знаменем сделался человек сам по себе ничтожный, сути дела не меняло (царевич Алексей в начале XVIII в. не многим превосходил по своим данным слабовольного князя Владимира).

Отношение правительства Ивана IV к Старицкому княжеству было лишь наиболее ярким образцом антиудельной политики царя Ивана. Ту же судьбу, что и князь Владимир, испытали и другие «служилые» князья. Во время опалы 1571 г. потерял свои обширные вотчины в Епифани и Веневе князь И. Ф. Мстиславский. Тогда же в казну попали г. Лух с волостями, оказавшиеся выморочным владением после смерти И. Д. Бельского. М. И. Воротынский (владелец Новосильского удела) и Н. Р. Одоевский (владелец вотчин в Одоеве и Перемышле) погибли не в опричнину, а в 1573 г. Но судьба их владений не очень многим отличалась от истории Старицкого княжества: правительство неоднократно отнимало владения у опальных князей (в 1562 г. временно были забраны уделы И. Д. Бельского и М. И. Воротынского, последнему позднее на некоторое время был пожалован Стародуб), но возвращало их, прежде чем ликвидировать уделы этих виднейших членов Боярской думы. Только беспрекословное подчинение царской воле на некоторое время давало крупнейшим княжатам видимость гарантии от опалы и казни.

Проследивая эту в целом твердую линию политики Ивана IV, нужно, конечно, учесть, что правительство ее придерживалось не всегда последовательно. Уже выделение опричнины было созданием своеобразного удела. Иван Грозный охотно давал небольшие уделы своим близким сподвижникам, прежде всего из числа казанских и кавказских князей (уделы были у Михаила Темрюковича, Симеона Бекбулатовича и некоторых других). В 1572 г., составляя свое завещание в обстановке надвигавшегося похода Девлет-Гирея и грядущей отмены опричнины, царь Иван IV щедро наделял уделами своих родичей и сподвижников, как бы стремясь воскресить «старинные» порядки. Но победа на Молодях временно стабилизировала положение на южных границах Руси, а отмена опричнины была осуществлена без резкого поворота к «удельной

старине». Поэтому завещание царя никогда не было реализовано, а борьба с удельной децентрализацией продолжалась.

✓ Ликвидация удела Владимира Старицкого и разгром Новгорода подвели финальную черту под длительную борьбу за объединение русских земель под эгидой московского правительства в годы опричнины. Сильный удар нанесен был и по феодальной обособленности русской церкви, окончательное включение которой в централизованный аппарат власти после столкновения Ивана Грозного с митрополитом Филиппом было делом времени. Вызванная коренными интересами широких кругов господствующего класса феодалов, эта борьба в какой-то мере отвечала потребностям горожан и крестьянства, страдавших от бесконечных междоусобных распрей феодальной аристократии.

Вместе с тем опричина была очень сложным явлением. Новое и старое переплеталось в ней с удивительной причудливостью мозаичных узоров. Ее особенностью было то, что централизаторская политика проводилась в крайне архаичных формах, подчас под лозунгом возврата к старине. Так, ликвидации последних уделов правительство стремилось добиться путем создания нового государева удела — опричнины. Утверждая самодержавную власть монарха как непреложный закон государственной жизни, Иван Грозный в то же время передавал всю полноту исполнительной власти в земщине, т. е. основных территориях России, в руки Боярской думы и приказов, фактически усиливая удельный вес феодальной аристократии в политическом строе Русского государства.

Варварские, средневековые методы борьбы царя Ивана со своими политическими противниками, его безудержно жестокий характер накладывали на все мероприятия опричных лет зловещий отпечаток деспотизма и насилия.

Здание централизованного государства строилось на костях многих тысяч тружеников, плативших дорогой ценой за торжество самодержавия. Усиление феодально-крепостнического гнета в условиях растущего разорения страны было важнейшим условием, подготовившим окончательное закрепощение крестьян. Бегство на южные и

восточные рубежи государства, запустение центра страны были также ощутимыми итогами опричнины, которые свидетельствовали, что крестьяне и посадские люди не желали мириться с возросшими поборами и «правежами» недоимок. Борьба угнетенных со старыми и новыми господами из опричной среды постепенно и непрерывно усиливалась. Россия стояла в преддверии грандиозной крестьянской войны, разразившейся в начале XVII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже публикуются два новых документа по истории опричнины, обнаруженные и подготовленные к печати В. Д. Назаровым (с его же введением). Первый документ — указная грамота от 7 сентября 1569 г. боярина И. А. Бутурлина — содержит новые материалы, доказывающие факт раздачи (по-видимому, сравнительно широкой) земель различным монастырям, что указывает на стремление Ивана IV опереться на монастыри в борьбе с высшей церковной иерархией. Возможно, что это объясняется также особым положением Вологды (и уезда) в качестве одной из опричных резиденций Ивана Грозного. Вторым документ расширяет наши представления о территории опричнины. Исходя из него, можно заключить, что в состав опричнины еще до сентября 1569 г. входила какая-то часть Угличского уезда.

№ 1

1569 г. сентябрь 7.

*Указная грамота Ивана Андреевича Бутурлина
(по грамоте Ивана IV) земскому судье Третьяку
Иванову об отдаче властям Корнильева монастыря
12 пустошей в Обнорской волости Вологодского уезда.*

По царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамоте от боярина Ивана Андреевича Бутурлина, да ото государева царева и великого князя днака от Никиты Титова в Обнорскую волость, в остальные деревни, которые остались за помещною роздачею, земьскому судье Третьяку Иванову и всем крестьяном Обнорской волости. Государь царь и великий князь

Иван Васильевич всеа Русии пожаловал Корнильева монастыря игумена Нила з братьею, дал им в дом Пречистые на монастырской обиход в Обнорской волости смежи от монастырские земли пустошь Балуево, пустошь Желтиково, пустошь Розсадилиху, пустошь Берсениху, пустошь Наумиху, пустошь Дербинку, пустошь Обязиху, пустошь Мочалову, пустошь Красную, пустошь Лежанху, пустошь Марфину, пустошь галкинеких [?], что те пустоши были за литвином за Миткою за Семеновым, а те, дей, пустоши запустили лет с 30. И государь их пожаловал теми пустошами и санными оброки впрок, против того, что, дей, у них сее зимы Василий Непейцын монастырского лесу высек на две версты на государьской обиходной дворовой лес. И как к вам ся грамота придет — и вы б те пустоши, которые в сей грамоте имяны писаны, отказали Корнильева монастыря игумену Нилу з братьею, и вперед бы теми пустошами крестьяне остальных деревень не владели, и сен не косили, и на оброк не давали. А как те пустоши Корнильева монастыря игумену Нилу з братьею откажете — и вы б о том на Вологду к нам отписали, да и оброчные бы есте санные деньги за те пустоши на прошлой 77 год. и на 76 год привезли часа того. К сей грамоте боярин Иван Ондриевич Бутурлин печать свою приложил. Лета 7078, сентября в 7 день.

На обороте, по склейкам: «диака Гаврило Титов сын Родионов», Подлинник, Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ), собр. Головина, № 74.

№ 2

1569—1570 гг.

*Купчая властей Архангельского собора в Москве
у Андрея Яковлева сына Ракова и Василисы Раковой
с детьми на их вотчину в Боровском уезде
сельцо Нефедовское.*

Се яз Ондрей Яковлев сын Раков, да яз Василиса Михайлова жена Ракова с своими детьми с Васильем, да с Кузьмою с Михайловыми детьми Ракова, да яз Иван Богданов сын Ракова продали есмя свою вотчину в дом Михаилу Архангелу, что на Москве на площади в старом городе, архангельскому протопопу Григорью Иванову сыну з братьею впрок, без выкупа, в Боров-

ском уезде в Суходольском стану сельцо Нефедовское со всеми угодьями, куды ходила изстари соха, и коса, и топор, что нас пожаловал государь против наших старые Углетцкие вотчинны место сельца Кузнецова да деревни Савкина, да деревни Ракшинева Дубровы, да деревни Скородумовы, да деревни Черенина, да починка Тихонова, [да деревню Бедеслево(?)]* — и ту нашу вотчину государь взял в свою царскую светлость в опришнину. А нас против того государь пожаловал в Боровском уезде в Суходольском стану сельцом Нефедовским. А взяли есмь на той своей вотчине двадцать рублей и шесть рублей и двадцать алтын з гривною. А та у нас вотчина не продана никому, опричь архангельского протопопа Григорья з братьею, ни по душе не отдана, ни в кабалах в закладных не заложена, ни в записях, ни в каких крепостях. А у кого выйдет на ту нашу вотчину купчая, или кабала, или запись, или иная какая крепость ни буди — и нам та своя вотчина очищати, а протопопа Григорья з братьею в той своей вотчине не довести никоторого убытка. А что ся протопопу Григорью з братьею в той нашей** вотчине учинит убытка — и нам ему те убытки платити. И в книги нам та вотчина в Поместной избе записати. И вперед нам, и нашим детям, и нашим внучатом тое вотчины у Архангела не выкупати, а станем мы, или наши дети, или наши внучата тое вотчину у архангела вперед выкупати — ино на нас взяти архангельскому протопопу Григорью з братьею по сей записи пятьдесят рублей денег. А на то послухи — Богдан Посников сын Губина, да Иван Борисов сын Погожево, да Борис, да Лукьян Третьяковы дети Ракова. А купчую писал Степанец Олексеев сын Ондреева лета 7000 семдесят осмага.

На обороте: [К] сей купчей Борис Третьяков сын Раков з Ондреево место Яковлева сына Ракова руку приложил, и в Василиино место з детьми, и в Ывашков[о] место Раковых. Послух Богдан руку приложил, послух Иван руку приложил.

Подлинник, ЛОИИ, собр. Лихачева, опись № 2, картон № 61, № 2.

* Текст в квадратных скобках вписан над строкой.

** В тексте слово «нашей» — повторено.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Маркс К. 33, 426
Энгельс Ф. 33, 426

Ленин В. И. 32, 33, 38, 248,
370, 418

- Авалиани С. Л., историк 184
Адашев Алексей Федорович,
окольничий 8, 9, 67, 69—71,
81, 84, 89, 90, 97, 100—103,
110, 117, 120, 136, 145, 146,
162, 226, 239, 290, 323, 327
Адашев Даниил Федорович,
окольничий 81, 103, 113,
207
Адашев Тарх Данилович, сын
боярский 103
Адашевы 113, 116, 130
Аделунг Ф., историк 392, 393,
434, 467
*Адриано-Перетц Варвара
Павловна*, историк русской
литературы 8, 10
Айгустов Улан Мартьянов,
подьячий 348, 370, 460, 461
Акакий, епископ тверской 168,
244, 245, 250
Акинф Гаврилович, боярин 274
Аксаков К. С., публицист, сла-
вянофил 16, 17
Алалыкин Темир, суздалец 473
Алалыкин Яков Федорович,
сын боярский 474
Алеевы, дворянская фамилия
352
Алексей, игумен соловецкий
225
Алексей, основатель москов-
ской митрополии 112
Алексей Михайлович Романов,
царь 259, 277
Алексей Петрович, царевич 11,
478
Аленкин Андрей Федорович,
сын боярский 143
Алферьев Роман Васильевич,
печатник 201, 367, 375
Альшиц Даниил Натанович,
историк 64, 67—69, 71, 72,
217, 220, 371, 375, 376, 396, 440,
446
Амвросий, историк церкви 404
Аминев Давыд Ильин, поме-
щик 320
Анастасия Романовна, царица,
жена Ивана IV 10, 12, 45,
81, 122, 134, 228, 238, 290
Андреев Василий Ступа, боль-
шой дьяк 180, 372
Андреев Кузьма Михайлов,
псковский мастер 228
Андреев Матвей Михайлов,
псковский мастер 228
Андреев Михаил, псковский
мастер 228
Андреев Николай Ефремович.
См. Andreyev N. E.
Андреев Тимофей, псковский
мастер 228
Андрей, протопоп. См. Афана-
сий, митрополит
Андрей Иванович, внук бояри-
на Акинфа 274

- Андрей Иванович, князь старичский 82, 83, 122, 137, 138, 204, 205, 215—217, 225, 293, 332
- Андрей Кобыла, родоначальник Романовых-Юрьевых 214
- Андряшев А. М., историк 119
- Антокольский М. М., скульптор 3
- Аргамаковы, дети боярские 410
- Арсеньев С. В., историк 119
- Артемий, игумен Троице-Сергиева монастыря, публицист 117, 233, 239
- Артемий Третьяк, юридивый 440
- Архангельский Семейка Иванов, большой дьяк 180
- Архимандрит Юрий, помещик 427
- Арцыбашев Булат Дмитриевич, опричник 347, 462
- Арцыбашев Иван Афанасьев, сын боярский 108
- Арцыбашев Н. С., историк 13
- Афанасий, епископ суздальский 247
- Афанасий, митрополит 129, 130, 168, 239, 240, 243, 247
- Афанасий Палецкий, архиепископ полоцкий 258
- Афанасов Аксен, купец 183
- Афанасов Артюшка, крестьянин 401
- Афанасов Гридя, купец-сурожанин 183
- Афанасов Еремейка, крестьянин 401
- Афанасов Семен, купец 183
- Афанасьев Иван Иванов, купец 183, 184
- Афанасьевы, купцы 183
- Бабичев Борис Дмитриевич, князь 146
- Бабичев Борис Семенович, князь 410
- Бабичев Иван Дмитриевич, князь 146
- Багалай Д. И., историк 79
- Бантыш-Каменский И. Н., историк 224
- Барбашии Василий Иванович, князь, опричник 459
- Барбашины, князья 354
- Барберини Рафаэль, итальянский путешественник 79, 262, 380
- Барсуков А. П., историк 328
- Бартенева Даниил Микулин, дьяк новгородский 385
- Барятинские, князья 354
- Барятинский Борис Михайлович, князь 455
- Барятинский Петр Иванович, князь, опричник 201, 424
- Басманов Алексей Данилович, боярин, опричник 98, 126, 127, 134, 163, 197—199, 256, 342, 364, 381, 442, 459
- Басманов Федор Алексеевич, боярин, кравчий, опричник 14, 109, 126, 199, 372, 375, 442, 443, 459
- Басмановы-Плещеевы, боярский род 129, 442—444
- Батанов Андрей Никитич, большой дьяк 180, 439
- Баташев С. И. См. Засекина-Баташев Семен Иванович
- Баташевы, ярославские князья 142
- Батый, монгольский хан 472
- Бахрушин С. В., историк 39, 40, 42, 43, 45, 184
- Бахтеяров-Ростовский Василий Федорович, князь 140
- Бахтеяров-Ростовский Иван Федорович, князь 140
- Бахтеяров-Ростовский Михаил Федорович 140, 144
- Башкин Матвей Семенович, еретик 242, 243, 428
- Башкин Федор, еретик 428
- Бегичевы, дворянская фамилия 352
- Безнин Михаил Андреевич, думный дворянин 146, 347
- Безсопов Андрей Васильевич, дьяк 384, 439

- Безсонов Григорий Андреевич, сын боярский 419
- Беклемишев Борис Н., сын боярский 314
- Белинский В. Г. 18
- Белинг Михаил Замятнин, сын боярский 155, 195, 347
- Белов Е. А., историк 20—22, 62, 76
- Белокуров С. А., историк 88, 153, 374, 437
- Белосельский Василий, князь 419
- Белоулин Харитон, торговый человек 440, 446
- Белый Василий Александров, дьяк 378
- Бельские, князья 129, 370
- Бельский Богдан Яковлевич, князь, опричник 183, 349—350, 466
- Бельский Григорий, сын боярский 319
- Бельский Дмитрий Федорович, князь 59, 276
- Бельский Иван Дмитриевич, князь 61, 88, 90—92, 98, 100, 131, 151, 196, 267, 270, 271, 273, 364, 367, 432, 454, 455, 478
- Бельский Иван Федорович, князь 69, 156, 226, 295
- Бельский Мартин, польский хронист. См. Bielski Marcin
- Бельский Мельбеншин Губатов, сын боярский 350
- Бельский Семен Федорович, князь 122
- Бердяевы, дворянская фамилия 352
- Бессонов Андрей Васильев, сын боярский 419
- Бест Роберт, английский посол 465
- Бестужев Заметия Андреевич, сын боярский 146
- Бестужев-Рогатого Борис Образцов, сын боярский 320
- Бестужев-Рогатого Михаил Образцов, сын боярский 147, 320
- Бестужев-Рюмин К. Н., историк 20, 22, 26
- Бехтеев Афанасий, дьяк 350
- Бехтеевы, дворянская фамилия 352
- Бечин Григорий, сын боярский 350
- Бечин Семен, сын боярский 350
- Бибииков Г. Н., историк 35, 141, 196, 340, 355, 357
- Бибииков Иван, сын боярский 350
- Битяговские, дворянская фамилия 352
- Благово, дворянская фамилия 352
- Благой Андрей, опричник 346
- Благой Степан, опричник 346
- Блудов Игнатий, опричник 408
- Бобрищев-Пушкин. См. Пушкин-Бобрищев
- Бобынины, купцы 352
- Богословский М. М., историк 309
- Богоявленский С. К., историк 464
- Богусевич В. А., историк 228
- Боде-Кольчев М. Л., историк 218, 219, 224
- Божеев Андрей, сын боярский 350
- Болотников Алексей Кауров, сын боярский 351
- Болотников Иван Исаевич, руководитель крестьянского восстания 34
- Болотников Матвей Лобанов, сын боярский 351
- Болотников Федор Кауров, сын боярский 351
- Болотников Утеш Никитин, сын боярский 351
- Бомелий Елисей, английский лекарь, астролог 286, 462
- Борецкая Марфа, посадница 227
- Борис Васильевич, удельный князь Волоцкий, брат Ивана III 241
- Борисов-Бороздин Никита Васильевич, окольный, оп-

- ричник 142, 162, 199, 365, 459
- Бороздин Василий Никитич, сын боярский 147
- Боршов Скворец, опричник 347
- Боршов Соловей, опричник 347
- Браудо А. И., историк 77, 296
- Бродцын Михаил Кузьмин сын, помещик 177
- Буганов Виктор Иванович*, историк 60, 469
- Будаев Иван Васильевич, сын боярский 325, 326
- Будиша Третьяк, плотник 425
- Будовниц И. У., историк 440
- Буйносов-Хохолков Федор Иванович, князь 118
- Булгаков Иван Иванов, сын боярский 350
- Булгаков Семен Тимофеев, сын боярский 350
- Булгаков Тархан Иванов, сын боярский 350
- Булгаков-Голицын Василий Юрьевич, князь, боярин 476
- Булгаков-Корнев Иван Никифоров сын, дьяк 178, 378, 439, 440, 447
- Булгаков-Куракин Григорий Андреевич, князь 134, 135, 139, 198
- Булгаков-Куракин Дмитрий Андреевич, князь 139, 198, 284
- Булгаков-Куракин Иван Андреевич, князь 134, 135, 139, 198, 364
- Булгаков-Куракин Петр Андреевич, князь, боярин 135, 139, 140, 142, 198, 365
- Булгаков-Куракин Федор Андреевич, князь, боярин 139, 198, 384
- Булгаковы-Куракины, князья 70, 156, 198
- Бундов Басалай, помещик 207
- Бундов Крестьянин Степанович, тысячник 202, 203, 206, 207, 210, 331
- Бундов Михаил Степанов, помещик 207
- Бундов Степан Яковлевич, помещик 206
- Бундов Трофим Степанов, помещик 207
- Бундов Чудик Иванов сын, помещик 207
- Бундов Яков Степанов, тысячник 206, 207
- Бундовы, помещики 207
- Бунков Второй, дьяк 181, 439
- Бурдей Гершеч Давыдович*, историк 36, 288, 474
- Бурухин Андрей Иванович, сын боярский 335
- Бурцев Дорофей, инок 147
- Бурцев Рудак Неклюдов, сын боярский 147
- Бутурлин Афанасий Андреевич, окольный 110, 151, 199, 353, 354, 364
- Бутурлин Василий Андреевич, сын боярский 122, 353
- Бутурлин Дмитрий Андреевич, окольный 365
- Бутурлин Ефим Варгасов, сын боярский 118
- Бутурлин Иван Андреевич, боярин, опричник 110, 364, 365
- Бутурлин Леонтий Дмитриев, сын боярский 351
- Бутурлин Федор Иванович, сын боярский 110, 167
- Бутурлины, боярский род 118, 129, 354
- Бухарин-Паумов Иван Ишук, думный дьяк 178, 199
- Быкасов Бунда, сын боярский 206, 331
- Быкасов Герасим, конюх 331
- Быковский Юрий, литовский посланник 266
- Бычков А. Ф., историк 455
- Вавжинчик А. См. Wawrzyńczyk А.
- Валуев Хотен Андреев, сын боярский 118
- Варлаам, епископ суздальский 247, 251

- Варсонофий, епископ тверской 243, 250, 255, 258
- Василий, сын Владимира Андреевича Старицкого 292, 446
- Василий, протопоп Благовещенского собора 166
- Василий, царевич, сын Ивана IV 104, 107
- Василий II Васильевич Темный, великий князь 103, 104, 274, 275
- Василий III Иванович, великий князь 46, 52, 93, 111, 129, 166, 204—206, 224, 246, 274, 276, 354
- Васильев Андрей, большой дьяк 86, 88, 104, 163, 178, 353, 377, 434, 440, 442, 444
- Васильев К. Г., историк медицины 390, 391, 394
- Васильчиков Григорий Борисович, помещик 319
- Васнецов В. М., художник 3
- Вассиан, архимандрит Тверского Взмидского монастыря 65
- Вассиан Муромцев, старец Псковско-Печерского монастыря 36, 113, 114, 302, 303
- Вассиан Патрикеев, князь, публицист 238
- Вахромеев И. А., историк 56, 93, 150, 318
- Ваеденский Андрей Александрович*, историк 424
- Вельяминов Иван Васильевич, сын боярский 325, 326
- Вельяминов Иван Иванович, сын боярский 326
- Вельяминов Федор Васильевич, сын боярский 325, 326
- Вельяминов-Синцев Григорий Иванович, сын боярский 325, 326
- Вельяминова-Синцева Евдокия Ивановна 325, 326
- Вельяминовы, боярский род 326
- Верещагины, дворянская фамилия 352
- Вержбовский Ф., историк 79
- Вернадский Григорий. См Ver-nadsky G.
- Верховские, дворянская фамилия 352
- Веселовский С. Б., историк 4, 44, 45, 56, 62, 64—66, 71, 88, 91, 97—99, 102, 103, 106, 108, 109, 117, 118, 129, 135, 138, 139, 141, 143, 144, 146—148, 151, 155, 157, 181, 202, 207—209, 219, 220, 230, 235, 236, 245, 247, 256, 273, 279, 282, 284, 292, 299, 302, 307, 309, 312, 316, 317, 320, 322, 325, 326, 329—331, 335, 336, 338, 347, 363, 373, 375, 384, 406, 409, 411, 436, 439, 440, 442—444, 459, 460—462, 466, 471, 477
- Вечесловы, дворянская фамилия 352
- Вешняков Игнатий Михайлович, думный дворянин, постельничий 146
- Винтер Э. См. Winter E.
- Виппер Р. Ю., историк 37—39, 42, 43, 45
- Висковатый Иван Михайлович, дьяк, глава Посольского приказа 71, 72, 88, 110, 163, 178, 180, 190, 199, 209, 293, 374, 377, 434, 436, 438, 439, 440, 442, 444—448, 461
- Висковатый Третьяк Михайлович, дьяк 436, 446
- Вислово Марья, жена Мясоеда Вислово 436
- Вислово (Вислый) Мясоед (Константин) Семенович, дьяк, сын боярский 179, 324, 436, 444
- Вислоухов-Сабуров Василий Юрьев, сын боярский 177
- Витовтов Петр Третьяков, сын боярский 310
- Витовтовы, дворянская фамилия 352

- Вншпвецкий Дмитрий, князь 96
- Владимир Андреевич, князь старичский 11, 59, 67, 68, 72, 75, 82, 89, 97, 100, 103—106, 116, 119, 120, 122, 135, 137—141, 148, 151, 156, 157, 162, 198, 204, 205, 215, 216, 247, 248, 254, 257, 260, 265, 266, 269—271, 274, 279, 286, 288, 289, 290, 292, 293, 294, 313—315, 329, 331, 335, 336, 339—341, 362—364, 430, 433, 436, 438, 442, 446, 448, 472, 477—479
- Владимир Всеволодович Мономах, великий князь 103
- Владимиров Дружина (Лазарев), думный посольский дьяк 163, 200, 348, 370, 379
- Владимиров И. И. См. Засекин-Владимиров Иван Иванович
- Владимирский-Буданов М. Ф., историк права 184
- Владислав, польский король 55, 409
- Войков Иван Борисов, сын боярский 351
- Войков Иван Звягин, сын боярский 351
- Войков Федор Васильев, сын боярский 351
- Волков Степан, сын боярский 350
- Волков Федор, сын боярский 350
- Волынец Петр, новгородец 270, 294
- Волынские, князья 295, 376
- Волынский-Вороной Михаил Иванович, князь 180, 198, 266, 354, 364, 455
- Волынский Петр Иванович, князь 295
- Волынский Русин, помещик 351, 420
- Волынский Яков Васильевич, постельничий, опричник 348, 355, 376, 452
- Воронов Иван, сын боярский 119
- Воронов Федор, сын боярский 119
- Воронцов Василий Михайлович, князь 277, 280
- Воронцов Василий Федорович, сын боярский 320, 329
- Воронцов Иван Михайлович, боярин 61, 95, 196, 261, 286, 368, 434
- Воронцов Иван Федорович, думный дворянин 320, 324, 367, 409, 462
- Воронцов Федор Семенович, боярин 277
- Воронцова Л. Д., историк 388, 412
- Воронцовы, бояре 277, 354
- Воропай Федор, польский посол 476
- Воротынские, князья 97, 98, 104, 107, 109, 267, 370
- Воротынский Александр Иванович, князь 90, 97—99, 228
- Воротынский Владимир Иванович, князь 109, 293
- Воротынский Михаил Иванович, князь 60, 61, 97, 98, 149, 150, 156, 161, 162, 196, 209, 243, 247, 267, 279, 332, 363, 365, 376, 381, 432, 444, 451, 454, 464, 468—470, 472—474, 478
- Выродков Иван Григорьевич, разрядный дьяк 377, 439
- Вяземские, князья 354, 357
- Вяземский Афанасий Иванович, князь, оружничий 14, 127, 150, 162, 163, 197—199, 283, 309, 327, 342, 343, 365, 372, 375, 385, 442—444, 447, 459, 471
- Вяземский Василий Иванович, князь, окольничий 364
- Вяземский Григорий Иванович, князь 347
- Вяземский Григорий Тимофеевич, князь 309, 347
- Вяземский Дмитрий Иванович, князь, опричник 155, 195
- Вяземский Иван Михайлович, князь 361

- Вяземский Семел Иванович, князь, опричник 315
Вяземский Тимофей Иванович, князь, опричник 315
- Гавриловы-Полевы. См. Полевы-Гавриловы
- Гагарин Андрей Юрьевич, князь 145
Гагарин Владимир Иванович, князь 144
Гагарин Дмитрий Шемяка Юрьев сын, князь 145
Гагарин Иван Васильевич, князь 410
Гагарин Иван Семенович, князь 144
Гагарин Федор Семенович, князь 144
Гагарин Юрий Юрьевич, князь 144
- Галактион, епископ крутицкий 245, 251, 258
Гамель И. Х., историк 153, 286, 394
Ганс Георг, пфальцграф 78
Гарабурда Михаил, польский посол 101, 476
Гваньини, историк 12, 77, 78, 79, 113, 204, 269, 273, 284, 301, 302, 432, 436
Гвоздев Михаил Федорович, князь 396
Гвоздев-Ростовский И. Ф. См. Ростовский-Гвоздев Иван Федорович
Гвоздевы-Ростовские. См. Ростовские-Гвоздевы
Гейденштейн Р., историк 80, 161, 290, 294, 383
Геннадий Гонзов, архиепископ новгородский 111, 213
Геннинг (Henning), прибалтийский историк 79, 457
Герасим Фирсов, старец 221
Герман, епископ крутицкий 251, 258
Герман Полев, архиепископ казанский 240—245, 247, 250, 255, 256, 258
- Гермоген, патриарх 255, 256, 392
Герцен А. И. 18, 19
Гиршберг В. В., историк 289, 292, 433
Гладков Кирилл Дмитриев, купец 185
Глазев Юрий Борисович, купец 182
Глебов Б. См. Засеки-Глебов Борис
Глебов М. См. Засеки-Глебов Михаил
Глинская Елена, великая княгиня, мать Ивана IV 108, 205, 215, 276, 277
Глинские, князья 129, 277, 370
Глинский Василий Андреевич, боярин 365
Глинский Василий Михайлович, князь 90, 91, 100, 353
Глинский Иван Михайлович, князь 351
Глинский Юрий Васильевич, князь 276
Глотовы, дворянская фамилия 352
Глядков (Гладков) Иван, купец 185
Глядков (Гладков) Михаил, купец 185
Глядов Афанасий, купец 183, 185
Гневашевы, дворянская фамилия 352
Гневушев А. М., историк 300, 399
Годунов Борис Федорович, опричник, позднее царь 46, 47, 327, 466
Годунов Василий Федорович, опричник 327
Годунов Дмитрий Иванович, постельничий, опричник 325, 327, 376
Годунов Михаил Васильевич, опричник 201
Годунов Федор Иванович, опричник 327
Годуновы, боярский род 201, 350, 354

- Голицын В. Ю. См. Булгаков-Голицын
 Головачевы, дворянская фамилия 352
 Головин Иван Михайлов, сын боярский 147
 Головин Иван Петрович, казначей, окольный 136
 Головин Михаил Большой Петрович, казначей 136, 280, 283
 Головин Михаил Меньшой, сын боярский 136
 Головин Петр Иванович, казначей 135, 136
 Головин Петр Петрович, окольный 134—137, 139, 364
 Головины, боярский род 134, 136
 Головленков Иван Васильевич, опричник 335
 Голохвастов Д. П., историк 136
 Гонзалес, историк, См. Gonzalez
 Горбатые, князя 134
 Горбатый Александр Борисович, князь 134—136, 138, 139, 161, 364
 Горбатый Василий Васильевич, князь 136
 Горбатый Михаил Васильевич, князь 136
 Горбатый Петр Александрович, князь 134, 135
 Горенские, князя 138, 139
 Горенский-Оболенский Петр Иванович, князь, кравчий 86, 88, 137, 138, 353, 367
 Горенский-Оболенский Юрий Иванович, князь 119
 Горин Кирей, дьяк 380
 Горсей Джером, дипломат, автор «Записок» о России 80, 290, 294, 298, 300, 303, 343, 452, 453, 457
 Горский А. В., историк церкви 134
 Горсткин Угрим Андреев, дьяк 377
 Горфункель Александр Хаимович, историк 415
 Горышкин Тимофей Яковлев, большой дьяк 181
 Готье Ю. В., историк 363
 Гофф, автор намфлета 77, 292
 Грек Константин Юрьевич, торговый человек 325
 Греков Б. Д., историк 213, 398, 407, 421, 422
 Греков Никита, помещный дьяк 377
 Григорьев Андрей, подьячий 346, 347
 Григорьев Осип (Песня), большой дьяк 77, 180
 Григорьев (Совин) Петр, дворцовый дьяк 200, 373, 374, 420
 Григорьев Шевель, дьяк 414
 Грязной Василий Григорьевич, опричник 62, 253, 283, 344, 367, 462
 Грязной Иван Юрьев, сын боярский 329, 330
 Гундоров Андрей Иванович, князь 145, 155, 410
 Гундоров Василий Дмитриевич, князь 146
 Гундоров Давыд Васильевич, князь 331
 Гундоров Иван Васильевич, князь 145, 324, 331, 333
 Гундоров Иван Дмитриевич, князь 145
 Гундоров Никита Григорьевич, князь 331
 Гундоров Роман Иванович, князь 145, 324, 325, 331, 333, 409
 Гундоров Сила Григорьевич, князь 331
 Гундоров Федор, князь 333
 Гундоровы, князя 145, 323, 324, 331
 Гурий Руготин, архиепископ казанский 242, 243, 250, 255, 392
 Гусев П. Л., историк 301
 Гюленштерн Нильс, шведский посол 261

- Давыдов Григорий Федорович, боярин 274, 276
- Давыдовы, бояре 276
- Даниил фон Бухау, принц 79, 80, 417, 418
- Данилов Василий Дмитриевич, боярин 196, 209, 284
- Данилов Федор Услюмов, сын боярский 147
- Девет-Гирей, крымский хан 96, 97, 101, 124, 126, 129, 135, 151, 154, 156, 260, 282, 288, 381, 394, 397, 404, 412, 451—456, 458—461, 463, 465, 470, 472—474, 478
- Дедевщины, дворянская фамилия 352
- Деdeneвы, дворянская фамилия 352
- Демьянов Афанасий, опричный дьяк 320, 321
- Денисьев-Булгаков Федор Матвеевич, сын боярский, опричник 201, 282
- Дербек Ф. А., историк медицины 394
- Дербов Леонард Адамович*, историк 37, 476
- Джекинсон Антоний, английский дипломат 153, 261—263, 272, 394, 397, 465
- Джемс Ричард, английский путешественник 285, 343, 472
- Джерно, итальянский историк 79, 294, 300
- Дирины, дворянская фамилия 352
- Дмитрий Иванович, внук Ивана III, великий князь 241
- Дмитрий Иванович, сын Ивана IV, царевич 110, 149
- Добронравов В. Г., историк 149, 150, 289
- Довнар-Запольский М. В., историк 312
- Долгие-Сабуровы, дети боярские 347
- Долгово-Сабуров Иван Андреевич, сын боярский 317
- Долгоруков Иван, дьяк 378
- Долгоруков П. В., публицист 352
- Доннерт Э. См. Donnert E.
- Досифей, историк церкви 223, 225—227, 230, 233, 234, 238
- Друцкий Даниил Андреевич, князь, опричник 357
- Дубенский Иван Никифорович, дьяк, сын боярский 178, 179, 280, 351
- Дубровские, дети боярские 273
- Дубровский Казарин Юрьев, большой дьяк 64, 200, 272, 273, 447
- Дубровский Роман Казарин, сын боярский 273
- Дубровский Сергей Митрофанович*, историк 45, 46
- Дуров Никифор Васильевич, сын боярский 147
- Дуров Семен Васильевич, сын боярский 147
- Дуров Хабар Васильевич, сын боярский 147
- Дуровы, служилые люди 147
- Дюрбенева Алабыш, дворовый дьяк 351
- Дядин Василий Владимирович, дьяк 200
- Дятлов Андрей Васильевич, сын боярский 147
- Дятлов Григорий Васильевич, сын боярский 147
- Дятлов Меньшик Васильев, сын боярский 147
- Дятловы, служилые люди 147
- Евдокия, дочь Владимира Андреевича Старицкого 433
- Евстафий, протопоп благовещенский 249
- Екатерина Ягеллонка, королева шведская 261, 286, 434
- Елагин Ф., сын боярский 177
- Елеуферий, епископ суздальский 247, 251
- Елецкий Андрей Иванович, князь 361
- Елецкий Иван, князь 177

- Елизавета, королева английская 262, 263, 285, 286, 434, 435, 465
- Елисеев Г. З., историк 243, 250, 255
- Елисеев Иванко, крестьянин 400
- Ельчанинов Федор, сын боярский 350
- Ельяшевич В. Б., историк права 48, 51
- Емельянов Иванка, крестьянин 401
- Ергольский Иван Афанасьев, сын боярский 346
- Ергольский Нечай Васильев, сын боярский 335
- Ергольский Семей Васильев, сын боярский 335
- Еремеев Дорофей, помещик 400
- Еремиев Андрей, крестьянин 401
- Ермолай Еразм, протопоп, писатель-публицист 114
- Ермолка, крестьянин князя Мстиславского И. 464
- Еропкин Федор Васильевич, сын боярский 147
- Ефимиев Лука Васильевич, опричный дьяк 200
- Ефимий Турков, игумен Волоколамского монастыря 65
- Ефимия, дочь Владимира Старичьего 433
- Ефросинья, княгиня старицкая 68, 103, 104, 105, 292, 440
- Жданов И. Н., историк 268
- Желнинский Владимир Матвеевич, русский посланник в Литву 158, 444
- Желтухин Федор Григорьевич, сын боярский 314
- Желтухины, дворянская фамилия 352
- Жиборев Афанасий, опричник 346
- Жировой-Засекии. См. Засекии-Жировой
- Жировые-Засекины, ярославские князья 142
- Житков Рахман (Парфений) Иванов, большой дьяк 179, 280, 326, 439
- Житов Лука, сын боярский 336
- Житова Татьяна Ивановна, дочь Кашкарева И. П. 336
- Житовы, дети боярские 335, 410
- Жихаревы, дворянская фамилия 352
- Жулелина Марфа, помещица 440
- Забелин И. Е., историк 185, 314
- Заболодские, боярский род 116—118
- Заболоцкий Владимир Семенович, сын боярский 116
- Заболоцкий Гаврила Федоров, сын боярский 116
- Заболоцкий Григорий, сын боярский 177—178
- Заболоцкий Григорий Васильевич, дворецкий, боярин 116
- Заболоцкий Грицай Иванович, сын боярский 410
- Заболоцкий Данила Владимирович, сын боярский 116
- Заболоцкий Константин Григорьевич, окольный 116
- Заболоцкий Петр Григорьевич, окольный 116
- Заболоцкий Семен Константинович, окольный 116
- Заболоцкий Семен Петрович, сын боярский 116
- Заболоцкий Феодосий Терентьев, сын боярский 147
- Заборовские, дети боярские 406
- Заборовский Андрей Дмитриевич, опричник 357
- Заборовский Исак, сын боярский 406
- Загорский В. Ф., историк 346, 400

- Зайцев Петр Васильевич, думный дворянин 162, 163, 197—199, 310, 342, 367, 368, 376, 385, 462
 Замыцкий Дмитрий Андреевич, опричник 348
 Заозерский А. И., историк 184
 Засекин Борис Глебов сын, князь 143
 Засекин Данил Иванович, князь 177, 318, 330, 409
 Засекин Дмитрий Петрович, князь 142
 Засекин Иван Андреевич, князь 142
 Засекин Иван Владимирович, князь 318
 Засекин Иван Гундоров, князь 143
 Засекин Лев Иванович, князь 142
 Засекин Михаил Глебов, князь 143
 Засекин Михаил Иванович, князь 177
 Засекин Михаил Федорович, князь 142
 Засекин Никита Данилович, князь 410
 Засекин-Баташев Семен Иванович, князь 142, 143
 Засекин-Владимиров Иван Иванович, князь 142
 Засекин-Жировой Василий Дмитриевич, князь 143
 Засекин-Жировой Василий Федорович, князь 143
 Засекин-Жировой Иван Борисов, князь 143, 321
 Засекин-Жировой Иван Дмитриевич, князь 143
 Засекин-Жировой Ларион Борисович, князь 410
 Засекин-Жировой Петр Борисович, князь 410
 Засекин-Жировой Семен Борисович, князь 410
 Засекина Дарья, жена Ивана Владимировича Засекина 318
 Засекина-Заболоцкая А. П., княгиня 409
 Засекин-Ноздрюков Андрей Иванович, князь 142
 Засекин-Смелый Иван Юрьевич, князь 142
 Засекин-Солнцев Андрей Лобан Петрович, князь 143, 317
 Засекин-Солнцев Дмитрий Васильевич, князь 143, 317, 319
 Засекин-Сосупов Андрей Иванович, князь 140
 Засекин-Черный Андрей Иванович, князь 142
 Засекин-Черный Иван Иванович, князь 142
 Засекин-Черный Михаил Федорович, князь 317
 Засекины, ярославские князья 142, 317—319, 330, 354, 410
 Засулич Вера 426
 Захаров Василий, дьяк 439, 444
 Захарьины-Юрьевы, бояре 293
 Зачесломский Асанчук, сын боярский 410
 Зачесломский Иван Асанчук, сын боярский 410
 Звенигородский Иван Петрович, князь 92, 355, 384
 Звягины, дворянская фамилия 352
 Зенг Вейт, юрнбергский купец 264
 Зиловы, служилые люди 352
 Зимин Александр Александрович, историк 5, 29, 75, 76, 107, 134, 136, 172, 174, 180, 181, 186, 196, 198, 201, 206—209, 214, 233, 238, 240, 242, 243, 250, 296, 306, 307, 320, 331, 339, 363, 364, 376, 377, 380, 391, 392, 394, 398, 404, 414, 423, 430, 446, 447, 454
 Зиловый Отенский, церковный писатель 428
 Змеев Федор Семенов, сын боярский 147
 Зосима, митрополит 233, 238
 Зосима, монах соловецкий 256

- Зубатая-Аргамакова Мария, дочь Зубатого С. Т. 323
 Зубатый Алексей, сын боярский 322
 Зубатая Василиса Ивановна, жена Зубатого М. 322
 Зубатый Михаил, сын боярский 322
 Зубатый Степан Третьяк, сын боярский 322, 323
 Зутис Я. Я., историк 37, 85
 Зюзин Василий Григорьевич, окольничий, опричник 298, 351
 Зюзин Иван Григорьевич, сын боярский 351, 352
- Ибак, татарский царевич 155, 363
 Иван III Васильевич, великий князь 18, 37, 83, 103, 104, 111, 141, 246, 274, 275, 305, 354
 Иван IV Васильевич Грозный, царь. По всему тексту
 Иван Иванович, царевич, сын Ивана IV 86, 89, 266, 333, 433, 437, 440, 446, 466, 471, 472
 Иванов Савлук, дьяк 105
 Ивашевы, дворянская фамилия 352
 Игнатий Зайцев, старец 75
 Игнатов Мелентий, крестьянин 401
 Игнатьев Андрей, сын боярский 350
 Извековы, дворянская фамилия 352
 Измайлов Курбат Андреевич, сын боярский 327
 Изюмов А. Ф., историк 66
 Иловайский Д. И., историк 21, 22, 52
 Ильин Михаил Корешков, помещик 346
 Ильин Осип, дьяк 200, 327, 374
 Ильинский А. Г., историк 301, 302
 Иоанн, каменщик 296, 406
- Иоасаф, епископ вологодский 251
 Иоасаф Белобаев, старец Соловецкого монастыря 239
 Иосиф, епископ коломенский 247, 258
 Иосиф Волоцкий (Иван Санин), игумен, основатель Волоколамского монастыря 111, 212, 241
 Исачков Давыдко, крестьянин 400
 Исмаил, ногайский правитель 89
 Истленьев Данила Иванович, помещик 424
 Ищенин Андрей, дипломат 62
- Кабанов А. К., историк 373, 394, 404, 419
 Кавелин К. Д., историк права 15, 16, 18
 Кадигробов Федько, купец 184
Казакова Наталия Александровна, историк 238
 Казаковы, купцы 185
 Казанский П., историк 134
 Кайбула, астраханский царевич 155, 363
 Калачов Н. В., историк права 14
 Калитин Степан, дьяк 414
 Камынины, дворянская фамилия 352
 Канбаров Иван Магметович, князь, посол в Польшу 77, 178, 353, 434, 449
 Карабанов П. Ф., историк 352
 Карамзин Н. М., историк 12, 14, 21, 22, 52, 54, 75, 79, 238, 265, 268, 272, 278, 303, 345, 466
 Карамышев Василий Андреев, сын боярский 206
 Карамышев Иван Михайлович, сын боярский 202, 203, 206, 210
 Карамышев Никита Федоров, сын боярский 206

- Карамышев Яков, сын боярский 206
 Карамышевы, служилые люди 206, 410
 Карпов Долгат Федорович, околыничий 199, 288, 364
 Касим-паша 288
 Касым, мурза 445
 Катаев И. М., историк 373, 394, 404, 419
 Катырев-Ростовский А. И. См. Ростовский-Катырев Андрей Иванович
 Катырев-Ростовский И. М. См. Ростовский-Катырев Иван Михайлович
 Катянины, дворянская фамилия 352
 Качаловы, новгородцы 119
 Кашин В. Н., историк 135, 286
 Кашин Дмитрий Юрьевич, князь 170
 Кашин Иван Иванович Сухово, князь 134, 137
 Кашин Юрий Иванович, князь 92, 98, 108, 137
 Кашины, князья 129
 Кашкарев Азарий Федоров, сын боярский 147
 Кашкарев Андрей Федоров, сын боярский 117, 147
 Кашкарев Дмитрий, сын боярский 108, 117
 Кашкарев Иван Павлович, сын боярский 336
 Кашкарев Яков Федорович, сын боярский 147
 Кашкаревы, дети боярские 117, 119, 147, 336
Каштанов Сергей Михайлович, историк 34, 58, 106, 207, 226, 231, 245, 257, 318, 336, 372, 399, 403, 404, 422, 423
 Квашнин Василий Андреевич, сын боярский 118
 Квашнин Ивая Поярков, сын боярский 143
 Квашнин-Золотой (Севастьян) Григорьев, сын боярский 118
 Квашнины, дети боярские 118
 Кельх, автор ливонской хроники (конец XVII в.). См. Kelch Chr.
 Кемские, князья 317
 Кеттлер Г., магистр Ливонского ордена 77, 85, 296
 Кикин Дмитрий Овдеев, сын боярский 142
 Киреев Андрей Иванович, сын боярский 147
 Киреев Андрей Михайлович, сын боярский 147
 Киреев Мамай Иванович, сын боярский 147
 Киреевы, дети боярские 147
 Кирилл, архимандрит Троице-Сергиева монастыря, митрополит 256, 467, 470
 Кишкин Яков Молчанов, сын боярский 315, 338
 Клевнев, крестьянин 235
Клибанов Александр Ильич, историк 428
 Клобуков Андрей, разрядный дьяк 377, 448
 Клобуков Иван Тимофеевич, разрядный дьяк 178, 377
 Клобуков Л. Т., сын боярский 455
 Клушин Иван Иванов, сын боярский 419
 Ключевский В. О., историк 22—25, 29, 45, 51, 52, 169—171, 184, 185, 345
 Кобеко Д., историк 465
 Кобяцель Иоанн, посланник 79
Кобрин Владимир Борисович, историк 35, 55, 66, 88, 106, 129, 143, 144, 150, 152, 155, 162, 179, 194—196, 198—201, 204, 205, 207, 217, 220, 241, 244, 254, 257, 280, 292, 294, 295, 298, 310, 315, 317, 318, 321, 327, 328, 335, 338, 341—342, 345—348, 351, 353—359, 365, 366, 368—370, 373—375, 385, 386, 388, 397, 402, 407, 408, 421, 432, 438, 440, 443, 454, 460, 461, 466, 475

- Кобяков Шярий Васильев, думный дворянин 367
- Ковров Иван Андреевич, князь 145
- Ковров Иван Семенович, князь 145, 333
- Ковров Петр Андреевич, князь 145
- Ковровы, князья 145
- Козаков Михаил, купец 185
- Козлов И. П., слуга Воротынских 267, 268, 272
- Козьма, игумен Кирилловского монастыря 217
- Козаков Василий Борисов, большой дьяк 179, 379
- Колтовская Анна-Мария, жена Ивана IV 352, 470
- Колтовские, дворянская фамилия 352
- Колтовский Александр Константинович, сын боярский 351—352
- Колтовский Алексей Горяинов (Игнатъев), сын боярский 470
- Колтовский Григорий Алексеев, сын боярский 352
- Колтовский Данила Григорьевич, окольный 352, 365
- Колтовский Петр Афанасьевич, сын боярский 352
- Колударовы, дворянская фамилия 352
- Колупаев Богдан, дьяк 414
- Колыч Федор, родоначальник Колычевых 214, 215
- Колычев Алексей Григорьевич, сын боярский 219
- Колычев Алексей Никитич, сын боярский 221
- Колычев Андрей Владимирович, новгородский помещик 215, 218
- Колычев Андрей (Третьякова сын), сын боярский 220
- Колычев Афанасий Никитич, сын боярский 177
- Колычев Василий Андреевич, сын боярский 219
- Колычев Василий Жданов, сын боярский 221
- Колычев Василий Федоров, сын боярский 177, 218
- Колычев Венедикт Борисов, сын боярский 218, 220, 221
- Колычев Григорий Григорьевич, сын боярский 220, 221, 377
- Колычев Григорий Нос Алексеевич, сын боярский 219
- Колычев Иван Андреевич, сын боярский 223
- Колычев Иван Иванович, сын боярский 219
- Колычев Иван Лобан Андреевич, сын боярский 216, 219
- Колычев Иван Михайлович, сын боярский 219
- Колычев Иван Рудак Иванович, окольный 216
- Колычев Иван Семенович Хромой, сын боярский 216
- Колычев Иван Федорович, сын боярский 221
- Колычев Михаил Васильев, сын боярский 221
- Колычев Михаил Иванович, окольный 162, 209, 216, 218, 219, 283
- Колычев Михаил Лобанов Иванович, сын боярский 218, 219
- Колычев Осип Иванов, сын боярский 221
- Колычев Петр Борисов, сын боярский 218, 220
- Колычев Петр Иванович, сын боярский 219
- Колычев Степан Иванович Стенстур, сын боярский 223, 224
- Колычев Тимофей Данилович, сын боярский 218, 220
- Колычев Федор Корелка Иванович 219
- Колычев Федор Степанович. См. Филипп, митрополит
- Колычев-Лошаков Василий Федорович, сын боярский 219

- Колычев-Лошаков Матвей Третьяков, сын боярский 221
- Колычев-Лошаков Петр Андреевич, сын боярский 215
- Колычев-Лошаков Третьяк Дмитриевич, сын боярский 220
- Колычев-Немятый Афанасий Никитич, сын боярский 219
- Колычев-Немятый Иван Никитич, сын боярский 219, 220
- Колычев-Немятый Юрий Никитич, сын боярский 219
- Колычев-Пупков Гаврила Иванович, новгородский помещик 215
- Колычев-Умный Василий Иванович, боярин, опричник 199, 217, 218, 220, 221, 298, 354, 365, 449, 461, 464, 469
- Колычев-Умный Иван Иванович, околыничий 215, 216, 218, 225
- Колычев-Умный Федор Иванович, околыничий 86, 88, 89, 107, 154, 192, 198, 203, 206, 217, 220, 310, 354, 365, 368, 372, 385
- Колычев-Хлызнев Богдан Никитич, сын боярский 117
- Колычев-Хлызнев Владимир Иванович, сын боярский 216
- Колычев-Хлызнев Иван Борисович, сын боярский 215, 218, 219
- Колычев-Хлызнев Иван Иванович, сын боярский 215, 218
- Колычев-Хлызнев Никита Борисович, сын боярский 215, 221
- Колычевы, боярский род 205, 214—217, 218, 220, 221, 248, 354
- Колычевы-Лобановы, боярский род 216
- Колычевы-Хлызневые, боярский род 215, 216, 221
- Колягин Григорий, помещик 419
- Коланев Александр Ильич, историк 279, 410
- Корецкий Вадим Иванович, историк 308, 325, 348, 409, 415, 422, 428
- Корецкий, князь 138
- Корнев И. Б. См. Булгаков-Корнев Иван Никифоров
- Корнилий, архиепископ ростовский 247, 250, 259
- Кордили, игумен Псковско-Печерского монастыря 74, 154, 302
- Коровин Афанасий, сын боярский 350
- Королюк Владимир Дорофеевич, историк 37, 85, 101, 124, 164, 265, 287, 361, 433
- Коростелев Иван Никифоров, сын боярский 350
- Коротков Иван Алексеевич, историк военного искусства 345, 381
- Костомаров Н. И., историк 22, 23, 131
- Костромитин Иван Чудинов, купец 184
- Кострюк (Кострюк-Мастрюк), герой исторических песен 134
- Костя, боярский человек 464
- Котков Гавриил, купец 183
- Котков Дмитрий, купец 183
- Котков Иван, купец 183
- Котов Степан, купец 185
- Котовы, купцы 185
- Котошихин Григорий, подьячий 277
- Кошкарев Я. П., сын боярский 336
- Краснослеповы, дворянская фамилия 315
- Красулин Неждан, сын боярский 119
- Крашенинников М., историк 190
- Кривоборский Андрей Иванович, князь 94, 144, 331
- Кривоборский Василий Большой Иванович, князь 144

- Кривоборский Василий Меньшой Иванович, князь 144
Кривоборский Федор Иванович, князь 144
Кривоборские, князья 144
Кривоцовы, дворянская фамилия 352
Кропоткин Дмитрий, князь 177
Кропоткин Никита Иванович, князь 177
Кропоткины, князья 410
Кротовский Ян Андреевич, польский посол 431, 435, 436, 440
Крузе Элерт, ливонский дворянин 12, 76—78, 95, 127—129, 132, 134, 135, 248, 252, 255—258, 271, 282, 283, 287, 288, 290, 294, 296, 299, 300, 303, 309, 316, 317, 319, 321, 329, 334, 342, 343, 345, 349, 372, 373, 375, 393, 416, 417, 437—439, 442, 445, 453, 457, 458, 460, 462, 466, 468
Круус Ханс Хансович, историк 50
Крылов И., историк 243
Кубеский Иван Иванович, князь 277
Кужелева Л. Н., историк 381
Кузминский Андрей, сын боярский 450
Кузминский Иван, сын боярский 350
Кузминский Пинай, сын боярский 350
Кузминский Федор Велиц, сын боярский 350
Кузьмин Истома, дьяк 180, 439
Кунцевич Г. З., историк 75, 112
Купеев Д. М., сын боярский 351
Куракины, князья. См. Булгаковы-Куракины
Курбский Андрей Михайлович, князь 7—10, 12—14, 36, 49, 53, 55, 69, 72, 74—76, 95—97, 100, 103, 108, 110, 112—120, 122—124, 130, 135, 136, 138—140, 143, 146, 147, 155, 203, 208, 214, 218, 219, 239, 240, 244, 246, 255, 256, 258, 268, 271, 275, 278, 279, 281—284, 299, 300, 303, 306, 398, 406, 407, 432, 439, 442, 447, 450
Курлятев Василий Константинович, князь 100, 135, 460
Курлятев Владимир Константинович, князь 100, 282
Курлятев Дмитрий Иванович, князь 99, 100, 138
Курлятев Иван Дмитриевич, князь 100
Курлятев Иван Константинович, князь 100
Курлятев Константин Иванович, князь 100
Курлятев Роман Дмитриевич, князь 100
Курлятев Юрий Константинович, князь 100
Курлятевы, князья 100
Курмачева Майя Дмитриевна, историк 45, 361
Курыханов Абрам, крестьянин 420
Кучкин Владимир Андреевич, историк 56, 378
Кушева Екатерина Николаевна, историк 36, 37, 86, 287, 460
Лаврентий, архиепископ казанский 242
Лапин Иван Курган Васильев, дьяк 379
Лаппо И. И., историк 272
Ларин Б. А., языковед 285, 343
Ласицкий, историк 435
Левкий, архимандрит чудовский 131, 132
Лензей Арнольд, бельгийский врач 77
Леонид, архиепископ новгородский 470
Леонид, историк церкви 66, 136, 218, 219, 225, 233, 238, 239, 241, 259, 280, 370, 374, 393
Леонтович В. См. Leontovitch

- Леонтьев Алексей Константинович*, историк 278, 378, 445
- Леоптьев Басарга Федоров, дьяк 402, 403, 426
- Лидеев Н. В., историк 363
- Литвинов-Мосальский Михаил, князь 57
- Лихарев Сидор, сын боярский 452
- Лихачев Дмитрий Сергеевич*, историк литературы 8, 75
- Лихачев Н. П., историк 68, 118, 156, 181, 200, 223, 273, 275, 276, 320, 330, 361
- Лихачев Никита, каширский сын боярский 119
- Лобановы. См. Колычевы-Лобановы
- Лобановы-Ростовские. См. Ростовские-Лобановы
- Ловчиков Григорий Дмитриевич, ловчий, опричник 199, 355, 376, 443, 444
- Логинов Фома, крестьянин 401
- Лошаковы-Колычевы. См. Колычевы-Лошаковы
- Лошкин-Карпов Владимир Васильевич, сын боярский 110
- Лугвенов Дементий Семенович, опричник 346
- Лугвенов Иван Семенович, опричник 346
- Лугвенов Михаил Семенович, опричник 346
- Лужины, дворянская фамилия 352
- Лунин М. С., декабрист 13
- Лурье Яков Соломонович*, историк 8, 37, 61, 62, 75, 116, 261, 432, 450
- Лутьянов Игнатка, крестьянин 401
- Любавский М. К., историк 160, 161
- Любарский П., историк 255
- Любименко И. И., историк 262, 286
- Любич-Романович В., историк 79
- Лызловы, дворянская фамилия 352
- Лыков Андрей Васильевич, князь, боярин 138
- Лыков Иван, сын боярский 177
- Лыков Михаил Матвеевич, князь, окольныйчий 137, 177, 364
- Лыков Юрий Васильевич, князь, боярин 138
- Лыковы, князья 137
- Львов Угрим, большой дьяк 178, 447
- Львов Федор Васильев, сын боярский 432
- Лягин Невзор, сын боярский 296
- Магнус, датский принц 61, 77, 270, 287, 292, 433, 434, 441, 446, 449, 458, 462, 474
- Магомет II, турецкий султан 46, 430
- Макарий, епископ вологодский 251
- Макарий, историк церкви 255
- Макарий, митрополит 90, 111, 239
- Максим Грек, писатель-публицист 114, 238, 244
- Максимилиан II, император 116, 188, 190, 432, 450
- Малыгин Образец Третьяков, сын боярский 321, 347
- Малыгины, ярославский служилый род 321, 347
- Малышкин Федор, опричник 347
- Мальцев В., историк 328
- Мануйлов Иван, большой дьяк 179, 378
- Маньков Аркадий Георгиевич*, историк 58, 393, 405, 413, 415
- Марголин С. Л., историк 451
- Мария, княгиня, дочь Владимира Андреевича 292, 433
- Мария Темрюковна, царица, жена Ивана IV 86, 88, 90, 97, 104, 107, 127, 129, 134,

- 228, 261, 289, 290, 346, 460, 466
- Марков Василий Петрович, опричник 347
- Марков Ларюк, крестьянин 401
- Марков Петр Иванович, опричник 347
- Масленникова Наталия Николаевна*, историк 74
- Маслов Ф. И., историк 427
- Матафтин Иван Ильин, помещик 342
- Матафтина Феодосия Григорьевна 176
- Масса И., путешественник, автор «Записок» о России 363
- Мацнев Иван Семенов, большой дьяк 179
- Маясова Н. А., историк искусства 104
- Мезецкий Борис Иванович, князь 145
- Мезецкий Семен Иванович, князь 145, 331
- Мелентьев Меньшой, дьяк 378
- Мелов Василий, большой дьяк 178
- Мертваго, дворянская фамилия 352
- Мещеринов Андрей, сын боярский 350
- Мещерский Григорий Федоров, князь, посол в Польшу 77, 467
- Микифоров Павел, большой дьяк 178
- Микулин Григорий Иванович, опричник 349
- Микулин Меркул Утешев, сын боярский 352
- Микулинский Петр Иванович, князь 92
- Микулинский Семен Иванович, князь 353
- Милославский Андрей Рудаков, сын боярский 352
- Милославский Владимир Рудаков, сын боярский 352
- Милославский Федор Васильев, сын боярский 352
- Милюков П. Н., историк 60
- Михаил Андреевич, правнук боярина Акинфа 274
- Михаил Кайбулич, татарский царевич 157, 351, 352, 363, 465
- Михаил Темрюкович. См. Черкасский М. Т.
- Михайлов Самойла, дьяк 378
- Михайловский Н. К., историк 25, 26
- Михайловы, дети боярские 410
- Михнев Иван Елизаров, сын боярский 147
- Мишин С. Ф. См. Мишурин Семен Федорович
- Мишурин Семен Федорович, дьяк 339, 351, 385
- Мокеев Савин, сын боярский 350
- Молосков (Молодкий) Василий Андреевич, князь 147
- Монастыревы, дворянская фамилия 249
- Монастырев-Цыплятев Никита Неудачин, сын боярский 299
- Морин Григорий Игнатьев, володский вотчинник 242
- Морин Никифор, старец 405
- Морины, дети боярские 405
- Морозов Владимир Васильевич, боярин 92, 151, 283, 284, 364
- Морозов Иван Григорьевич, боярин 136
- Морозов Иван Михайлович, сын боярский 169
- Морозов Михаил Яковлевич, боярин 91, 109, 124, 154, 196, 209, 365, 368, 369, 454, 463, 476
- Морозов Петр Васильевич, боярин 177, 179, 198, 280, 288, 365, 390, 436
- Морткин Андрей Иванович, князь 321
- Морткин Василий Иванович, князь 144
- Морткин Иван, князь 144

- Морткин Лев Васильевич, князь 144
- Морткины, ярославские князья 144
- Мосальский Василий Васильевич, князь, казначей 374
- Мотовилов Никита, дьяк 181, 321, 347
- Мстиславские, князья 135, 370
- Мстиславский Иван Федорович, князь, боярин 56, 57, 61, 85, 86, 88, 90, 98, 131, 135, 162, 196, 265—267, 270—272, 274, 293, 363, 365, 367, 432, 444, 454, 463, 464, 467, 476, 478
- Мунехин Михаил Мисурь Григорьевич, дьяк 224
- Мятлев Иван, дьяк 378
- Мятлев Н. В., историк 135
- Нагаев Афанасий Андреевич, князь 144, 331, 332
- Нагой Афанасий Федорович, сын боярский 101, 110, 260, 368, 452
- Нагой Д. И., сын боярский 70
- Нагой Юрий Федорович, сын боярский 169
- Назаров Вадим Дмитриевич*, историк 296, 308, 310
- Накашндзе Н. Т., историк 37
- Нардуков Третьяк, опричный дьяк 200, 374
- Нармацкий Отай, сын боярский 147
- Нармацкий Семен Ярцев, сын боярский 147
- Насонов Арсений Николаевич*, историк 74, 153, 223
- Наумов Василий Иванович, сын боярский 110, 348, 368
- Наумов Яков Гаврилович, городской приказчик 388
- Наумовы, дети боярские 348
- Нащокин Дмитрий, сын боярский 177
- Нащокин Леонтий, сын боярский 119
- Нащокин Семен, новгородский сын боярский 118
- Нащокины-Мотякины, новгородские помещики 118
- Невежины, дети боярские 118
- Неклюдов-Путятин Григорий, князь 178
- Нелединский-Бессонов Василий Андреев, сын боярский 419
- Нелединский-Бессонов Ташлык Андреев, сын боярский 419
- Нелединский Юрий Андреев, новгородский помещик 346, 419, 420
- Нелюбов Василий Семенович, дьяк 385
- Немой Дмитрий Иванович, князь, боярин 98, 134, 137—139, 364
- Немятые-Колычевы. См. Колычевы-Немятые
- Непейцын Осмой Михайлов, сын боярский 118
- Непел Олиф (Осиф). См. Григорьев Осип
- Нечаев Семен Путила Михайлов, помещный дьяк 178, 377
- Нивенштедт, прибалтийский историк 79
- Никандр, архиепископ ростовский 245
- Никита, архиепископ новгородский 233
- Никодим, автор описания Богоявленского монастыря 166
- Никола, псковский юродивый 303
- Николай I Павлович, царь 19
- Никольский Н. К., историк 58, 221
- Никон, митрополит новгородский 259
- Никон, патриарх 259
- Нил Полев, монах 241
- Нил Сорский, основатель течения нестяжателей 239

- Новицкий Георгий Андреевич*, историк 37, 124
- Новодворский В., историк 77, 431, 449, 476
- Новосельский Алексей Андреевич*, историк 36, 96, 101, 124, 154, 261, 282, 288, 397, 432, 452
- Новосельцев Анатолий Петрович*, историк 288
- Новосильский Федор 295
- Новосильцев Иван Петров, сын боярский 62, 451
- Ногтев Андрей Иванович, князь, боярин 98, 198, 365
- Ноготков (Ногтев)-Оболенский Михаил Андреевич, князь 117
- Ноздруков А. И. См. Засекин-Ноздруков А. И.
- Ноздруковы, ярославские княжата 142
- Поровы, дворянская фамилия 352
- Носов Николай Евгеньевич*, историк 386, 387
- Оболенские, князья 100, 104, 109, 137—139, 145, 338, 356
- Оболенский Василий Андреевич, князь 139
- Оболенский Иван Андреевич, князь 137
- Оболенский Иван Борисович, князь 118, 119
- Оболенский Петр Федорович, князь 139
- Оболенский-Телепнев Овчинин Дмитрий Федорович, князь 108, 109, 110, 240
- Оболенский-Телепнев Иван Федорович, князь 108, 276
- Оболенский-Телепнев Федор Овчина Васильевич, князь 108, 137
- Оболенский Юрий Большой Андреевич, князь 138
- Оболенский Юрий Меньшой Андреевич, князь 137
- Образцов Григорий Романович, сын боярский 177
- Образцов Федор Романович, сын боярский 177
- Овчинин Д. Ф. См. Оболенский-Телепнев Дмитрий Федорович
- Овчина-Телепнев Ф. В. См. Оболенский-Телепнев Федор В.
- Овчинин (Овцын) Григорий, сын боярский 350
- Овчинин (Овцын) Семен, сын боярский 350
- Овцын Андрей (Федорович), князь 347, 462
- Овцын В. К., сын боярский 177
- Овцын Иван, сын боярский 178
- Овцын Иван Дмитриевич, сын боярский 347, 462
- Овцын Иван Семенов, сын боярский 350
- Овцын Юрий Дмитриев, сын боярский 350
- Огалины, дети боярские 118
- Огилин (Огалин) Семен, сын боярский 118
- Оглоблин Н. Н., историк 164
- Одерборн Павел, немецкий пастор 44, 78, 79, 128, 203, 204, 273, 284, 435
- Ододуров Мамыш, сын боярский 177
- Одоевские, князья 354, 356, 370
- Одоевский Никита Романович, князь 201, 338, 363—365, 432, 459, 462, 463, 467, 469, 478
- Окинфов Ратай Русинов, сын боярский 119
- Оксентьев Никита, сын боярский 461
- Олеуфьевы, дворянская фамилия 352
- Ольгов-Шишкин Василий Федорович, сын боярский 145
- Ольгов-Шишкин Десятый Федорович, сын боярский 145
- Ольгов-Шишкин Кисель Федорович, сын боярский 145

- Ольгов-Шишкин Константин Васильевич, сын боярский 145
- Ольгов-Шишкин Никита Федорович, сын боярский 145
- Ольгов-Шишкин Пятой Васильевич, сын боярский 145
- Ольгов-Шишкин Федор Васильевич, сын боярский 145
- Ольгов-Шишкин Федор Никифорович, сын боярский 145, 324
- Ольгов-Шишкин Федор Семенович, сын боярский 145
- Ольговы, костромские вотчинники 102, 145, 146, 323, 327
- Онисья, старица, княгиня Курлятева 100
- Опучины, дети боярские 146
- Ордынцев Инай Иванов, сын боярский 455
- Опочинины, дворянская фамилия 352
- Осокин Федор Яковлев, помещик 419
- Осорьин Афанасий Иванов, сын боярский 352
- Осорьин Иван Иванов, сын боярский 352
- Осорьин Иван Михайлов, дьяк 352
- Осорьин Суббота, сын боярский 350
- Осорьин Тимофей Субботин, сын боярский 352
- Осорьины, дети боярские 352
- Отлев Зубатый Иванов, сын боярский 177
- Офремов Митрошка, крестьянин 401
- Охлябинин Иван Петрович, князь 151, 155, 195, 196
- Охлябинин Роман Васильевич, князь 201
- Охлябинины, князья 201, 321
- Очин-Плещеев Захарья Иванович, окольничий 107, 108, 151, 155, 195, 196, 199, 348, 364
- Очин-Плещеев Иван Иванович, опричник, сын боярский 155
- Ошанин Василий Федорович, ясельничий 348, 364, 365, 367, 376
- Ошанин Федор, опричник 348
- Павел I, царь 18
- Павел Юстел, епископ, шведский посол 392, 434, 467, 468
- Павлов-Сильванский Н. П., историк 28, 29, 354
- Пансий, игумен соловецкий 255
- Пансий Умной, инок 220
- Палецкие, князья стародубские 247, 331, 332
- Палецкий Андрей Дмитриевич, князь 169, 332
- Палецкий Борис Дмитриевич, князь 169
- Палецкий Борис Иванович, князь 332
- Палецкий Василий Дмитриевич, князь 332
- Палецкий Дмитрий Федорович, князь 247, 331, 332
- Палецкий Семен Дмитриевич, князь 331, 332
- Палецкий Федор Дмитриевич, князь 331
- Пания Федор, сын боярский 350
- Пантелеевы, дворянская фамилия 352
- Панютины, дворянская фамилия 352
- Парфеньев Михаил, подьячий 415
- Патрикеев Иван, крестьянин 420
- Патрикеев Иван Юрьевич, князь 275
- Пафнутий, епископ суздальский 249, 251, 254, 255, 258
- Паховы, дети боярские 330, 331
- Паюсов Постник Степанов, сын боярский 399

- Пенков Иван Васильевич, князь 93
 Пенковы, князья ярославские 94
 Пенинские, князья 137, 138
 Пересветов Иван Семенович, публицист XVI в. 9, 82, 114, 122, 233, 238, 430, 446
 Переславец Андрей, купец 184
 Переславец Григорий, купец 184
 Першитейн Иоани, историк 79
 Петр, митрополит московский 112
 Петр I Алексеевич, царь 11, 15, 18, 33, 259
 Петрей Петр де Эрлезунда, шведский посол 79, 456, 457
Печуро Сусанна Соломоновна, историк 345, 357—359
 Пивов Василий Михайлович, думный дворянин 367
 Пивов Дмитрий Михайлов, опричный дьяк 181, 200, 254
 Пивов Роман Михайлович, опричник 201, 321
 Пивов Угрим Львович, дьяк 200, 374
 Пивовы, дети боярские 357
 Пильемов Григорий, сын боярский 57
 Пимен, архиепископ новгородский 111, 112, 131, 132, 150, 240, 245, 249, 250, 251, 258, 298, 299, 348, 442, 446
 Писемские, дворянская фамилия 410
 Писемский Сахар Константинович, помещик 322
 Писемский Федор Андреевич, сын боярский 327, 368
 Пискарев А. Н., историк 404
 Платон, митрополит 252
 Платонов С. Ф., историк 3, 26—28, 35, 45, 51—54, 312, 316, 317, 322, 328—330, 340
 Плещеев Дмитрий Григорьев, сын боярский 178, 353
 Плещеев Захарий. См. Очин-Плещеев З. П.
 Плещеев Иван Колодка Дмитриевич, сын боярский, опричник 432, 476
 Плещеев Михаил Тимофеевич, сын боярский 319, 348
 Плещеев Роман Григорьев, сын боярский 177
 Плещеев-Басманов. См. Басманов
 Плещеевы, боярский род 354
 Плюсковы, дворянская фамилия 352
 Погодин М. П., историк 14, 64
 Погорел Иван, купец 185
 Погорелов Матвей, купец 185
 Погорелов (Погорельй) Федор, купец 185, 262
 Погореловы, купцы 185
 Подушка Иван Владимирович, московский купец 182
 Подушкин Михаил Петрович, московский купец 182
 Пожарские, князья стародубские 145, 331
 Пожарский Дмитрий Михайлович, герой XVII в. 145
 Пожарский Иван Меньшой Иванович, князь 145
 Пожарский Михаил Борисович, князь 145, 331
 Пожарский Петр Борисович, князь 145, 331
 Пожарский Семен Борисович, князь 145, 331
 Пожарский Федор Иванович, князь 145
 Пожарский Федор Иванович (Третьяков), князь 145
 Покровский М. Н., историк 30, 31, 34
 Поле Александр Борисович, боярин 241
 Полев Василий Большой Федорович, сын боярский 241
 Полев Василий Меньшой Федорович, сын боярский 241
 Полев Герман (Григорий). См. Герман Полев

- Полев Григорий Осипович, сын боярский 241, 327
- Полев Иван Васильевич, сын боярский 234, 241, 242
- Полев Иван Иванович, сын боярский 241
- Полев Иван Осипович, сын боярский 241
- Полев Михаил Иванович, сын боярский 241
- Полев Пикифор Васильев. См. Нил Полев
- Полев Осип Владимирович, сын боярский 241
- Полев Федор, сын боярский 241
- Полевы, боярский род 241, 243
- Полев-Гаврилов Иван Хрестьянинов, сын боярский 242
- Полев-Гаврилов Федор Иванович (Садырь), вотчинник 242
- Полев-Гаврилов Хрестьянин, сын боярский 242
- Полевы-Гавриловы, дети боярские 242
- Поливанов Константин Дмитриевич, сын боярский, опричник 129
- Поливановы, дети боярские 410
- Полосин И. И., историк 4, 43, 44, 79, 104, 246, 264, 265, 307, 335, 338, 343, 413, 421
- Полубенский Александр, литовский гетман 124, 284
- Понточин Леонтий Кузьмин, сын боярский, опричник 424, 426
- Попов А. Н., историк 10, 183
- Портико, нунций папы римского 450, 453
- Поссевин Антоний, папский посол 278
- Постельниковы, дворянская фамилия 352
- Потаповы, дворянская фамилия 352
- Похвисневы, дворянская фамилия 352
- Пресняков А. Е., историк 67, 293
- Примков Александр Данилович, князь 410
- Примков Владимир Романович, князь 144
- Примков Даниил Борисович, князь 177
- Примков Дмитрий Михайлович, князь 144
- Примков Михаил Андреевич, князь 144
- Примков Роман Андреевич, князь 144
- Прицц Даниил. См. Даниил фон Бухау
- Прозоровские, князья ярославские 432
- Прозоровский Василий Иванович, князь 432
- Прозоровский Никита Федоров, князь 432
- Прокофьев Петр, дьяк 78
- Пронские, князья 205, 354, 462
- Пронский Андрей Константинович, князь 205, 339
- Пронский Андрей Сухорук Иванович, князь 204
- Пронский Василий Константинович, князь 205, 339
- Пронский Данила Дмитриевич, князь 204
- Пронский Иван Владимирович, князь 204
- Пронский Иван Нелюб Иванович, князь 204
- Пронский Иван Турунтай Иванович, князь 59, 72, 99, 151, 196, 204, 209, 265, 266, 283, 292, 381
- Пронский Иван Шемяка Иванович, князь 204
- Пронский Константин Федорович, князь 205
- Пронский Никита, князь 204
- Пронский Петр Давылович, князь, опричник 177, 198, 205, 206, 338, 365, 384, 385
- Пронский Семен Давылович, князь, опричник 205, 338, 351, 364, 365, 369, 477

- Пронский Федор Дмитриевич, князь 204
- Пронский Федор Иванович, князь 204
- Пронский Юрий Шемяка Яванович, князь 204
- Пронский Юрий Дмитриевич, внук Андрея Сухорука 204
- Пронский-Рыбиц Василий Федорович, князь 202—207, 210, 252, 292, 328, 339
- Пронштейн Александр Павлович*, историк 182, 183, 228, 273, 302, 384
- Протасий Михайлов. См. Юрьев Протасий Васильевич
- Протасьев Петр, дьяк 415
- Протопопов Иона, старец Богоявленского монастыря 166
- Пупков-Колычев. См. Колычев-Пупков
- Пустошкины, дворянская фамилия 352
- Путилов Авксентий, сын боярский 146
- Путилов Богдан Суворов, сын боярский 146
- Путилов Василий Семенов, сын боярский 146
- Путилов Иван Семенов, сын боярский 146
- Путилов Михаил Яковлев, сын боярский 146, 324
- Путилов Никита Семенович, опричный дьяк 200
- Путилов Остафий Захарьин, сын боярский 146
- Путилов Федор Захарьин, сын боярский 146
- Путилов Федор Семенов, сын боярский 146
- Путиловы, дети боярские 146, 323
- Путята Григорий, посол в Польше 77
- Путятин Постник, большой дьяк 178
- Пушечников С. Б., сын боярский 351
- Пушкарев С. Г., историк 52, 53
- Пушкин Данило, сын боярский 177
- Пушкин-Бобрищев Евстафий Михайлович, опричник 348
- Пушкин-Бобрищев Иван Иванович, сокольничий, опричник 376
- Пыжовы-Хвостовы. См. Хвостовы-Пыжовы
- Пянтеляев Михаил, крестьянин 401
- Рабинович Михаил Григорьевич*, историк 161
- Радищевы, дворянская фамилия 352
- Радзивилл Николай, литовский гетман 96, 107, 108, 113, 124, 264
- Разладин Василий Васильевич, новгородский тысячник 119, 177
- Разладин Петр, повгородский помещик 119
- Разладин Пятый Владимир, повгородский помещик 119
- Разладин Федор Владимиров, помещик 119
- Разладины, помещики 118
- Размысл (Herr Asmus) Петров, строитель вологодского кремля 153
- Раков Исак Иванов, сын боярский 325
- Раковы, дети боярские 308
- Рандольф Томас, английский посол 79, 285, 391
- Распутин Григорий 52
- Репин И. Е., художник 3
- Репин Андрей Васильевич, князь 137, 469
- Репин Михаил Петрович, князь 3, 92, 98, 108, 109, 137
- Реутов Иван, подьячий 438
- Ржевский Афанасий Дмитриевич, сын боярский 147
- Ржевский Воин Истомин, сын боярский 108

- Ржевский Елизарий Иванов, сын боярский 177
- Ржевский Иван, сын боярский 147
- Римский-Корсаков Н. А., композитор 3
- Рогатого. См. Бестужев-Рогатого
- Рогинский М. Г., историк 95, 197, 203, 375
- Родионов Парфений, дьяк 378
- Рождественский С. В., историк 319, 383
- Рожков Н. А., историк 29, 30, 398, 407, 416
- Размысл Петров. См. Размысл Романовы-Юрьевы, боярский род 82, 214, 277, 370
- Ромодановский Антон Михайлович, князь, дьяк 353, 378
- Ромодановский Иван Михайлович, князь 144, 331
- Ромодановский Михаил Богданович, князь 332
- Ромодановский Никита Иванович, князь 144
- Ростовские, князья 141, 277, 354
- Ростовский Василий Волк Васильевич, князь 144
- Ростовский Семен Васильевич, князь 106
- Ростовский-Бычков Андрей Матвеевич, князь 144
- Ростовский-Гвоздев Иван Федорович, князь 95, 373, 462
- Ростовские-Гвоздевы, князья 432
- Ростовский-Катырев Андрей Иванович, князь, боярин 10, 140, 141, 144
- Ростовский-Катырев Иван Михайлович, князь, писатель XVII в. 10
- Ростовские-Лобановы, князья 144
- Ростовский-Лобанов Иван Семенович, князь 141, 144
- Ростовский-Лобанов Семен Михайлович, князь 68, 70, 410
- Ростовский-Лобанов Федор Михайлович, князь 144, 410
- Ростовский-Лобанов Семен Васильевич Звяга, князь 140
- Ростовский-Темкин Василий Иванович, князь, опричник 144, 155, 254, 255, 364, 439, 454, 461, 462
- Ростовский-Темкин Дмитрий Юрьевич, князь 144
- Ростовский Темкин Иван Васильевич, князь, опричник 155
- Ростовский-Темкин Иван Григорьевич, князь 143
- Ростовский-Темкин Иван Юрьевич, князь 143
- Ростовский-Темкин Михаил Григорьевич, князь 143
- Ростовские-Темкины, князья 129, 144
- Ростовский-Хохолков Григорий Иванович, князь 118
- Ростовский-Хохолков Федор Иванович, князь 118
- Ростовский-Хохолков Иван Юрьевич, князь 140
- Ростовские-Хохолковы, князья 118
- Ростовский-Янов Никита Дмитриевич, князь 140, 144
- Ростовцев Богдан, новгородский дьяк 384, 439
- Ростовцев Третьяк, ямской дьяк 378
- Рудак-Колычев. См. Колычев-Рудак
- Руджиери Фулвий, папский нунций 79
- Румянцев Андрей Иванович, сын боярский 315
- Румянцев Кузьма Васильев, дьяк новгородский 181, 384, 439
- Рушны, дворянская фамилия 352
- Русиновы, дворянская фамилия 352
- Рюсов Балтазар, ливонский хронист 79, 390, 437, 438, 444, 453, 457

- Рыбин-Пронский В. Ф. См.
Пронский-Рыбин Василий
Федорович
- Рылеев К. Ф., декабрист 13
- Рылеевы, дворянская фамилия 352
- Рылов Федор, четвертной опричный дьяк 200, 347, 379
- Рябинины, дворянский род 353
- Рязанцев Андрей, сын боярский 135
- Рязанцев Иван, сын боярский 135
- Рязанцев Игнатий, дворовый дьяк 352
- Сабуров Богдан Юрьевич, боярин 350
- Сабуров Василий Борисович, боярин 350, 365
- Сабуров Василий Юрьевич, сын боярский 177
- Сабуров Григорий Папин, сын боярский 177, 350
- Сабуров Данила Федорович, новгородский помещик 402, 420
- Сабуров Захарий Иванович, сын боярский 118, 350
- Сабуров Иван Папин, сын боярский 177
- Сабуров-Борисов Иван Васильев, сын боярский 350
- Сабурова Евдокия, княгиня 349, 466
- Сабуровы, дети боярские 118, 319
- Савва, епископ Тверской 250
- Савва В. И., историк 273, 368, 369, 374, 431
- Савватий, основатель Соловецкого монастыря 227, 233, 238
- Савелов Л. М., историк 145, 332
- Савин Иван, дьяк 380
- Савин Степанка, крестьянин 401
- Савич А. А., историк 223, 225, 227, 230, 232—234
- Савостьянов Семен, дьяк 347
- Садиков П. А., историк 4, 36, 41, 42, 55, 62, 94, 103, 106, 138, 146, 155, 176, 178—181, 194, 200, 202, 203, 244, 246, 260, 288, 289, 295, 304, 308, 309, 310, 314—318, 321—331, 333—336, 338—340, 342, 345—348, 368, 370, 373—375, 378, 379, 385—387, 403, 404, 409, 410, 419, 426, 427, 442, 445, 447, 461, 477
- Саймонов Ивап Тарасович, дьяк ямской 378
- Салинген Симон, голландец, купец 185, 402
- Салманов Иван, помещик 322
- Салнук (Михаил), сын кабардинского князя Темрюка 86
- Салтыков Василий Глебович, сын боярский 170
- Салтыков Данила Борисович, опричник 355, 396
- Салтыков Дмитрий Борисович, опричник 396
- Салтыков Иван Львович, сын боярский 150
- Салтыков Лев Андреевич, боярин 107, 127, 128, 149, 150, 198, 205, 265, 266, 293, 298, 364, 372, 375, 462
- Салтыков Михаил Львович, сын боярский 127, 150
- Салтыков Федор Игнатьевич, сын боярский 110, 348, 375, 376, 462, 464
- Салтыков Яков Андреевич, боярин 110, 198, 365
- Салтыковы, боярский род 354
- Самоквасов Д. Я., историк 56, 201, 273, 295, 309, 319, 339, 346, 348, 351, 384, 385, 386, 392, 394, 399, 400—402, 410—412, 414, 415, 419—421, 424—426
- Самсонко, плотник 424
- Сандырвские, ярославские княжата 142
- Сапега Павел, литовский гетман 124

- Сапунов А. П., историк 353
- Сарыхозин Анисим, сподвижник А. Курбского 117, 284
- Сарыхозин Марк, новгородский тысячник 117, 284
- Сарыхозины, дети боярские 117
- Сатин Алексей Постников, тысячник 103
- Сатин Андрей Постников, сын боярский 103
- Сатин Федор Постников, сын боярский 103, 116
- Сатины, дворяне 103, 410
- Сахаров И. П., историк 65
- Свищовы, дворянская фамилия 353
- Свиязевы, дворянская фамилия 353
- Сегал А. Е., историк 390, 391, 394
- Секирины, дворянская фамилия 410
- Селицкий, ротмистр оршанский 282
- Семен Романович, ярославский князь 275
- Семенов А. И., историк 467
- Семенов Окул, сын боярский 452
- Семион (Едигер) Касаевич, казанский царь 157
- Серапион, архиепископ новгородский 111
- Сербина Ксения Николаевна*, историк 276, 394
- Серебряные, князья 107, 108, 137
- Серебряный, князь, литературный герой 3
- Серебряный Василий Семенович, князь, боярин 107, 107, 151, 154, 196, 391
- Серебряный Петр Семенович, князь, боярин 107, 138, 151, 155, 198, 266, 288, 364, 381, 436, 460
- Середовин С. М., историк 79, 80, 285, 289, 391, 394, 397, 457, 465, 469
- Сигизмунд II Август, польский король 61, 77, 81, 85, 86, 95, 101, 113, 118—120, 124, 160, 190, 192, 197, 262, 267—269, 271—273, 286, 287, 431, 433, 447, 449, 465, 476
- Сидоров Григорий Степанович, сын боярский 282
- Сидоров Иван Дмитриев, сын боярский 350
- Сидоров Юрий, большой дьяк 200, 336, 439, 444
- Сильвестр, епископ смоленский 251
- Сильвестр, протопоп Благовещенского собора, писатель-публицист 8, 9, 71, 81, 84, 97, 111, 120, 130, 136, 180, 213, 237, 238, 244, 290, 446
- Сильвестров Анфим, дьяк 137, 180
- Симанские, дворяне 412
- Симанский Микюла, помещик 412
- Симанский Тимофей, помещик 412
- Симеон Бекбулатович (Сани Булат), касимовский царевич 339, 363, 463, 478
- Симеон Касаевич, татарский царевич 363
- Симон, епископ смоленский 251
- Сицкий Василий Андреевич, князь, опричник 199, 321, 365, 462
- Сицкий Данило Юрьевич, князь 143
- Сицкий Юрий Иванович, князь 143
- Скобеевы, помещики 409
- Скобелыцын Иван Ильин сын, помещик 419
- Сколковы, дворянская фамилия 353
- Скрипичин Дмитрий, большой дьяк 178
- Скрипичков Руслан Григорьевич*, историк 35, 76, 103,

- 112, 113, 142, 146, 162, 319, 325, 341, 411, 413
- Скуратов-Бельский Малюта Лукьянович, опричник 14, 253, 256, 257, 283, 298, 343, 349, 367, 438, 463, 466, 477
- Скуратовы, дворянская фамилия 353
- Смелый. См. Засекип-Смелый
- Смирнов Иван Иванович, историк 34, 40—43, 45, 235, 398, 407, 413, 414, 428
- Смирнов Николай Александрович, историк 36, 288, 450
- Смирнов П. П., историк 161
- Смирнова Э. С., археолог 228
- Смывалов Тимофей, купец 184
- Снегаров И., историк 48
- Собакин Борис Васильевич, сын боярский 350
- Собакин Василий Большой Степанович, боярин 350, 365, 466
- Собакин Василий Меньшой Степанович, окольный 350, 352, 365, 466
- Собакин Василий Средний Степанович, сын боярский 466
- Собакин Григорий Степанович, окольный 350, 352, 365
- Собакин Иван Дмитриевич, сын боярский 350
- Собакин Иван Дорофеевич, дьяк 385, 415
- Собакин Калист Васильевич, кравчий 350, 352, 375, 376, 466
- Собакин Никита Дмитриевич, сын боярский 350
- Собакин Парфений Иванов, сын боярский 350
- Собакин Петр Васильевич, сын боярский 350
- Собакин Семен Васильевич, сын боярский 350, 466
- Собакин Степан Васильевич, сын боярский 350, 466
- Собакина Марфа Васильевна, жена Ивана IV 228, 349, 365, 375, 376, 466
- Собакины, дворянский род 350
- Совин Андрей Григорьевич, посол в Англию 286
- Совин Богдан Григорьевич, сын боярский 352
- Совин Петр Большой Григорьев, опричный дьяк 373
- Совин Петр Меньшой Григорьев, опричный дьяк 373
- Совин С. В. См. Пушечников С. В.
- Соколов И., историк 435
- Соколова Вера Константиновна, фольклорист 300, 426
- Соловьев С. М., историк 15, 16, 19, 20, 23
- Солнцева. См. Засекины
- Сотницкие, дети боярские 147, 323
- Сотницкий Борис Окинфов, сын боярский 148
- Сотницкий Василий Данилов, сын боярский 147
- Сотницкий Иван Никитин, сын боярский 147
- Сотницкий Несвита, сын боярский 148
- Сотницкий Третьяк Яковлев, сын боярский 148
- Сотницкий Федор Даников, сын боярский 147
- Сталин И. В. 4, 42, 46
- Станиславов Гаврило Михесв, дьяк 377
- Старицкие, князь 104
- Стародубская Ефросинья, княгиня, жена Семена Ивановича 333
- Стародубский Никита Михайлович, князь 140, 144, 331
- Стародубский Семен Иванович, князь 94, 333
- Старой-Милуков Алексей Михайлович, опричник, дьяк 177, 201, 339, 385
- Стен Стур Младший, шведский правитель 224
- Стен Стур Старший, шведский правитель 224
- Степанов Василий (Угримов), большой дьяк 179, 377, 384, 439, 440, 442, 444, 447

- Стороженко Н., историк 80, 456
- Стригин-Оболенский Андрей Иванович, князь 145, 332
- Строгановы, купцы 379, 380, 424
- Строев П. М., историк 250, 251, 258
- Стромиллов Н. С., историк 129
- Стромиллов Яков, сын боярский 147
- Стрыйковский Матвей, польский хронист. См. Strujkowski Maciej
- Ступишин Гордей Борисович, сын боярский 148
- Суббота Осетр, новгородец 351
- Субота Сидорка Степанов, крестьянин 225
- Суворов Н., историк 295
- Суворов Алексей Постник Григорьевич, дьяк 180, 347, 351, 352, 374
- Судимонтов Максим Федоров, сын боярский 350
- Сузин Василий, купец 182
- Сузин Федор Родионович, купец-сурожаин 182
- Сукин Борис Иванович, печатник 209, 374
- Сукин Григорий Никитин, сын боярский 56
- Сукин Федор Иванович, казначей, окольный 364
- Сулакадиев А. И., собиратель рукописей 466
- Сумароков Ашуй Юрьев, перебежчик 452
- Сухово-Кобылин Василий Федоров, сын боярский 177
- Сухотин Л. М., историк 48, 53—55, 76, 78, 97, 103, 127, 137, 151, 194, 203, 204, 220, 268, 269, 283, 308, 315, 317, 319, 322, 323, 330, 347, 350, 351, 409, 459, 466, 471, 477
- Суш (Сухово) Кашин И. И. См. Сухово-Кашин И. И.
- Сырков Алексей Дмитриевич, новгородский купец 299
- Сырков Федор Дмитриевич, новгородский купец и дьяк 228, 299
- Сыроечковский В. Е., историк 182, 183, 304
- Тапеев Кижман, сын боярский 350
- Таптыков Петр Игнатьевич, сын боярский, опричник 310, 408
- Тараканов Алексей, дьяк 183
- Тараканов Андрей Иванов, сын боярский 209
- Тараканов Василий, дьяк 183
- Тараканов Василий Никитич, московский купец 182
- Тараканов Владимир, купец 182
- Тараканов Григорий Федорович, московский купец 182, 183, 209
- Тараканов Матвей, таможник 182
- Тараканов Петр, большой дьяк 182
- Тараканов Федор, московский купец 183
- Тараканов Филат, купец 182
- Таракановы, купцы 182, 183
- Татев, князь 109
- Татев Андрей Иванович, князь 177
- Татев Борис Петрович, князь 410
- Татев Петр Иванович, князь 177, 454
- Татищев В. Н., историк 11
- Таубе Иоганн, ливонский дворянин 12, 76—78, 95, 107, 124, 127—129, 132, 134, 135, 138, 139, 149, 155, 197, 203, 204, 219, 248, 252, 255—258, 271, 282, 283, 286, 288, 290, 294, 296, 299, 300, 303, 309, 316, 317, 319, 321, 329, 334, 342, 343, 345, 349, 372, 375, 393, 416, 417, 437, 438, 439, 442, 445, 453, 457, 458, 460, 462, 466, 468

- Твердиков Григорий, купец 185
- Твердиков Игнатий, купец 185
- Твердиков Максим, купец 185
- Твердиков Степац, купец 185, 262
- Твердиковы, купцы 185
- Тевекелев Иван Мовкошеевич, князь, опричник 375
- Телепнев-Оболенский. См. Оболенский-Телепнев
- Телятевские, князья 321, 354
- Телятевский Андрей Петрович, князь 86, 88, 154, 195, 202, 204, 321, 367
- Телятевский Василий Иванович, князь, опричник 202, 204
- Телятевский Иван Петрович, князь, боярин, 204
- Телятевский Петр Иванович, князь, боярин 204, 351
- Темкины-Ростовские. См. Ростовские-Темкины
- Темрюк, кабардинский князь 86, 460
- Теребердей, нагайский мурза 473
- Терешкович О. Ф., историк 301
- Тетерин Василий Иевлев, сын боярский 146
- Тетерин Григорий Гундоров, сын боярский 146
- Тетерин Михаил Гундоров, сын боярский 146
- Тетерин Осиф Иванов, сын боярский 146
- Тетерин Семен, сын боярский 146
- Тетерин Тимофей (Тимка) Иванов, сын боярский 117, 146, 284
- Тетерин Ширяй Васильев, сын боярский 146
- Тетерины, дворянская фамилия 117, 119, 146
- Тимашевы, дворянская фамилия 353
- Тимофеев Иван, дьяк, публицист 10, 11
- Титов А. А., историк 65, 66, 75, 128, 155, 285, 296, 394, 406
- Титов Никита, дьяк 348
- Тихомиров Михаил Николаевич*, историк 47, 75, 76, 83, 111, 120, 137, 168, 174, 182, 184, 205, 216, 231, 232, 276, 289, 292, 293, 295, 298, 300, 305, 314, 390, 392—394, 447, 451, 454, 472—474, 477
- Тихомиров П. К., историк 251, 252
- Тихонов Юрий Александрович*, историк 57
- Тиша, калачник 424
- Тишенков Кудеяр, сын боярский 62, 396, 405, 452, 460
- Тишков Андрей, ямской дьяк 378
- Тишков Немятый Андрей, сын боярский 455
- Товарищев Иван Матвеев, помещик 320
- Товарищев Мансур Матвеев, сын боярский 148
- Товарищевы, дворянская фамилия 148
- Токмаков - Звенигородский Юрий Иванович, князь 122, 302, 348, 373, 474, 476
- Толстой Ю., историк 62, 262, 263, 272, 285, 286, 348, 391, 465, 470
- Траханиотов Василий Юрьевич, боярин 162, 179, 196, 365
- Трачевский А., историк 453, 463
- Третьяков Иван Иванович, казначей 136
- Трифон Ступишин, архиепископ полоцкий 245
- Трифонов Максим, подьячий 318, 319, 333
- Троекуров Иван Михайлович, князь 92
- Троекуров Михаил Михайлов, князь 177
- Троекуров Федор Иванов, князь 140

- Трубецкие, князья 354, 356
Трубецкой Владимир Андреевич, князь 350
Трубецкой Михаил Андреевич, князь 350
Трубецкой Тимофей Романович, князь 352
Трубецкой Федор Михайлович, князь, опричник 155, 350, 365, 432, 459
Трубицын Васюк Дмитриев, купец 185
Трубицын Федосий, купец 185
Трусов Григорий Еремеев, новгородский тысячник 245
Трусов Иван, новгородский помещик 245
Трусов Семен Ермилин, новгородский помещик 177, 245, 246
Тулубеевы, дворянская фамилия 353
Тулупов Андрей Васильевич, князь 299, 346, 350
Турков Ефимий. См. Ефимий Турков
Туров Василий Михайлович, сын боярский 146
Туров Петр Иванович, сын боярский 103, 113, 146
Туров Федор Михайлович, сын боярский 146
Туровы, дети боярские 323
Тутолмины, дворянская фамилия 353
Тучков Андрей Михайлович, князь 122
Тучков Михаил Васильевич, князь, боярин 69, 122
Тхоржевский С. И., историк 421
Тыртов Борис Злобин, сын боярский 146
Тыртов Василий Злобин, сын боярский 146
Тыртов Иван Гаврилов, сын боярский 325, 409
Тыртов Тарх Гаврилов, сын боярский 146, 325, 409
Тыртов Тихон Гаврилов, сын боярский 146, 325, 409
Тыртовы, дети боярские 223
Тютин Хозяин Юрьевич, казначей 183, 209, 283, 374, 447
Тюфякин Василий Борисович, сын боярский 145
Тюфякин Василий Васильевич, сын боярский 145, 467
Тюфякин Михаил Васильевич, сын боярский 145
Угличанин Поспей, купец 184
Улац, серебряник 406
Ульфельд Яков, датский посланник. Автор «Записок» о России 79, 296, 371
Ульянов Никифор, сын боярский 350
Унковский Иван, сын боярский 350
Унковский Курака, стрелецкий голова 347
Урбан VIII, папа 262
Ускомби, английский путешественник 456
Устрялов Н. Г., историк 14, 63
Ушаков Никон, новгородец 119
Ушатые, княжеский род 143
Ушатый Данила Чулок Васильевич, князь 140, 143
Ушатый Иван Васильевич, князь 143
Ушатый Семен Юрьевич, князь 143
Ушатый Федор Дапилович, князь 143
Фавев Федор, дьяк 414, 415
Федор Иванович, царь 47, 471, 472, 476
Федоров Челяднин Иван Петрович, боярин 55, 61, 88, 110, 126, 151, 162, 179, 196, 209, 219, 254, 267, 268, 270, 271, 273—280, 282—285, 335, 338, 353, 406, 407, 421
Федоров Федор Давыдович, боярин 274
Федотов Г. П., историк 48, 52, 218, 247

- Федотов-Чеховский А., историк права 94
- Федцов Алфер Васильев, сын боярский 108
- Федчищев Василий Петров, сын боярский 322
- Федчищевы-Зубатые, дети боярские 322
- Фейлина Софья Ароновна*, историк 50
- Феодорит, старец Соловецкого монастыря 239
- Феодосий, архиепископ новгородский 111
- Феодосий, архимандрит 254, 255
- Феодосий Косой, еретик 233, 428
- Феоктист, архимандрит Симона монастыря 333
- Феofil, епископ смоленский 251
- Фефилатьев Юрий Андреевич, сын боярский 148
- Филипп (Колычев Федор Степанович), митрополит 52, 59, 168, 202, 203, 205, 212, 214, 218—226, 228—235, 237—240, 242, 244—260, 283, 285, 298, 354, 479
- Филипп, король испанский 262
- Филиппов А. М., историк 402
- Филофей, инок Волоколамского монастыря 242
- Филофей, епископ рязанский 249, 250, 258
- Филофей, старец Елеазарова монастыря, писатель-публицист 303
- Флетчер Джильс, английский путешественник, автор «Записок» о России 80, 303, 340, 344, 383, 442, 452, 457, 460, 475
- Флоровский Антонин Васильевич*. См. *Florovskij A. V.*
- Флоря Борис Николаевич*, историк 240, 304, 331
- Фомин Василий Григорьевич, дьяк 56
- Фонвизин М. А., декабрист 13
- Форстен Г. В., историк 44, 61, 95, 101, 108, 124, 261, 265, 287, 449
- Фофановы, дворянская фамилия 353
- Фредерик II, король датский 449
- Фуников Василий Семенович, князь 102
- Фуников-Курцев Никита Афанасьевич, казначей 199, 209, 273, 374, 438, 439, 440, 442, 444, 447
- Фуниковы, князья 317
- Фюрстенберг Вильгельм, ливонский магистр 190, 264, 265
- Харламов Кузьма, крестьянин 427
- Харламов Петр, крестьянин 427
- Хворостинин Андрей Иванович, князь 155, 195, 432
- Хворостинин Дмитрий Иванович, князь, опричник 98, 155, 195, 365, 432, 467, 469, 473, 477
- Хворостинин Иван Михайлович, князь 107, 351, 353
- Хворостинин Петр Иванович, князь 469
- Хворостинины, князья 354
- Хвостов Бажен-Никита Никитич, сын боярский 315
- Хвостов Богдан-Петр Никитич, сын боярский 315, 321
- Хвостов Василий Дмитриев, сын боярский 148
- Хвостов Иван, сын боярский 315
- Хвостов Ширий Васильевич, сын боярский 148
- Хвостов Юрий Васильевич, сын боярский 148
- Хвостова Марья Ивановна 315
- Хвостовы, дети боярские 148, 315
- Хвостовы-Пыжовы, дети боярские 148, 315

- Хялков Дмитрий Иванович, князь 109, 151
- Хитрово Иван Гаврилов, сын боярский 352
- Хитрово Михаил Елизарьев, сын боярский 352
- Хитрово Семен Елизарьев, сын боярский 352
- Хлопов Василий, опричник 346
- Хлуднев (Хлуденев) Василий Шереметев, сын боярский 148
- Хлызнев-Кольчев Б. Н. См. Кольчев-Хлызнев Б. Н.
- Хованский Андрей Петрович, князь, опричник 338, 353, 459, 463, 469, 473
- Ховрины-Головины, боярский род 136
- Ходкевич Григорий, литовский гетман 108, 158, 264, 267, 274
- Ходкевич Юрий, посол 101, 162
- Ходкевич Ян, польский гетман 77
- Хозины, псковские купцы 182
- Хозников Алексей Алексеевич, купец 182
- Хозников Семен, купец 182
- Хомяков Т. Г., помещик 308
- Хорошкевич Анна Леонидовна*, историк 50, 184
- Хохолковы-Ростовские. См. Ростовские-Хохолковы
- Хромой Иван, правнук боярина Акинфа 274
- Хузин В. См. Зюзин Василий Григорьевич
- Цветаев Д., историк 372, 433, 435
- Цветной Тучка, новгородец 237
- Цвиллинев Плохой Семенов, большой дьяк 384
- Цвиллинев Прокофий, гость 209, 443, 444
- Цвиллиневы, купеческая фамилия 353
- Цир, аббат 77, 116, 432, 450
- Чеботов Иван («Зобатый»), сын боярский 128, 347
- Чеботов Иван Иванович, сын боярский 128
- Чеботов Иван Яковлевич, боярин, опричник 98, 127, 128, 196, 209, 364, 439, 440
- Чеглоков Михаил Борисович, торопецкий помещик 171, 177
- Чеглоков Невзор Злобин, торопецкий помещик 171
- Челяднин Андрей Федорович, сын боярский 275, 276
- Челяднин Василий Андреевич, боярин 276
- Челяднин Иван Андреевич, боярин 274, 276
- Челяднин Иван Иванович, боярин 276
- Челядниц-Бутурлин Петр Федорович, сын боярский 274—276
- Челяднин Федор Михайлович, боярин 274, 275
- Челяднина Аграфена, жена Ф. М. Челяднина 275
- Челяднина Марья 280
- Челяднины, бояре 129, 276, 277
- Черемисинов Демид Иванович, сын боярский, опричник 202, 421
- Черемисинов Иван Семенович, сын боярский, опричник 315, 350, 367
- Черемисинов Федор Семенов, сын боярский, опричник 140, 201
- Черемисиновы, дети боярские, опричники 55
- Черепнин Лев Владимирович*, историк 59, 93, 391
- Черкасов Николай Константинович*, киноактер 46
- Черкасский Михаил Темрюкович, князь, опричник 134, 197, 269, 314, 328, 363, 366, 460—462, 478
- Черкасский Семен Ардасович, опричник 355, 367
- Черкашенин Михаил 469

- Чернов Анатолий Васильевич, историк 381
- Черные, ярославские князья 142
- Черный. См. Засеки-Черный
- Черный-Оболенский Андрей Федорович, князь 139
- Черный-Оболенский Никита Федорович, князь 139
- Черный-Папов Темир Федорович, сын боярский 352
- Чернышевский Н. Г. 19
- Чесноков-Андомский Василий Григорьевич, князь 146
- Чечулин Н. Д., историк 425
- Чихарев Афанасий Васильев, сын боярский 108
- Чулков-Чеботов Иван Васильевич, сын боярский 128
- Чулков Иван Иванович, окольный 199, 283, 384
- Чулков Никита Иванович, сын боярский 110
- Чулков Федор Иванович, сын боярский 137
- Чулковы, дети боярские 410
- Чулков-Ивашкин Данила Григорьев, сын боярский 282
- Чумиков А., историк 61, 269, 394, 449, 457, 462
- Чуркин Борис, купец 185
- Шаим, сибирский царевич 182
- Шамбинаго С. К., историк литературы 290
- Шамшевы, дворяне 353
- Шапкин Григорий Федорович, дьяк 201, 377, 438, 439, 444
- Шахматов А. А., историк, филолог 224
- Шаховская Анна, княгиня 102
- Шаховской Василий Юрьевич, князь 102
- Шаховской Иван Меньшой Яковлев, сын Сомова, князь 102
- Шаховской Иван Федоров, князь 102
- Шаховской Иван Большой Яковлев, сын Сомова, князь 102
- Шаховской Иван Тимофеев, князь 102
- Шаховской-Ярославский Иван, князь 102
- Шевырев Дмитрий Андреевич, князь 135
- Шевырев Дмитрий Федорович, князь 134, 135, 137
- Шевырев Иван, сын боярский 135
- Шевяков Василий Николаевич, историк 46, 47
- Шенин Андрей Иванович, сын боярский 148, 283, 284
- Шенин Дмитрий Васильевич, сын боярский 136
- Шенин Михаил Юрьевич, сын боярский 148
- Шенины, боярский род 129
- Шейдяков Петр Туласевич, князь, боярин, опричник 365, 476
- Шелешин Никита Юрьевич, дьяк новгородский 384, 385, 439
- Шемякин Афанасий Васильевич, князь 119
- Шереметев Иван Большой Васильевич, боярин 95, 109, 110, 153, 156, 196, 209, 279, 364, 439, 465
- Шереметев Иван Меньшой Васильевич, боярин 110, 155, 156, 196, 266, 328, 350, 365, 436, 454, 469
- Шереметев Никита Васильевич, боярин 109, 110
- Шереметев П., историк 467
- Шереметев Федор Иванович, боярин 328, 464, 469
- Шереметевы, боярский род 328, 444, 464
- Шереметин Андрей Васильевич, опричный дьяк 181
- Шереметин Петр Иванов, сын боярский 181
- Шестаков Нечай, сын боярский 414, 415

- Шестаков-Романов Петр Иванович, сын боярский, дьяк 179, 326
- Шестов Петр Васильевич, сын боярский 148
- Шестунов Василий Шамахаев Андреевич, князь 118, 143
- Шестунов Дмитрий Дмитриевич, князь 143
- Шестунов Дмитрий Семенович, князь 143
- Шестунов Иван Дмитриевич, князь 143
- Шибанов Василий, слуга А. М. Курбского 3, 121
- Ширяев Иван Леонтьев, сын боярский 177
- Шитяков Захар Степанов, купец 185
- Шишкин Андрей, сын боярский 102
- Шишкин Петр, сын боярский 102
- Шишкин Русин Истомин, сын боярский 452
- Шишкин Русин Никитич, сын боярский 119, 452
- Шишкин-Ольгов Иван Федоров, сын боярский 102, 103
- Шишкины, дети боярские 323, 452
- Шкурин С. Ф. См. Мишурин
- Шлихтинг Альберт, автор «Записок» о России 76—78, 106, 107, 109, 110, 130, 138, 141, 151, 203, 240, 269—271, 273, 279, 280, 282, 284, 295, 299, 300—302, 343, 346, 367, 372—374, 393, 407, 428, 432—434, 436—438, 443, 445, 447, 450, 462
- Шмидт Сигурд Оттович*, историк 59, 176, 180, 275, 276
- Шмурло Е. Ф., историк 78, 80, 294, 396, 431, 432, 450, 453
- Штаден Генрих, автор «Записок» о России 43, 44, 49, 53, 77, 78, 117, 129, 130, 134, 154, 200, 248, 264, 265, 270, 276, 279, 280, 282, 285, 292, 295, 300, 303, 314, 335, 338, 339, 342—346, 347, 370, 372, 393, 396, 397, 402, 407, 416, 418, 427, 428, 433, 437—439, 443, 447, 448, 453, 458, 460—462, 468, 470, 472, 474, 475
- Шуйские, князья 69, 82, 83, 92, 122, 129, 136, 225, 226, 295, 370
- Шуйский Андрей Михайлович, князь 59, 446
- Шуйский Василий Васильевич, князь 91
- Шуйский Иван Андреевич, князь 153, 162, 265, 353, 365, 436, 476
- Шуйский Иван Губка Дмитриевич, князь 118
- Шуйский Иван Михайлович, князь 59, 72
- Шуйский Иван Петрович, князь 169, 270, 365, 469, 472, 476
- Шуйский Петр Иванович, князь 85, 107—109
- Шуйский Петр Петрович, князь 137
- Шуйский Федор Иванович, князь 137
- Шулепников Петр Гаврилов, сын боярский 339, 346
- Шумаков С. А., историк 100, 149, 150, 181, 280, 327, 372, 386, 387, 412, 439
- Шумилов Вениамин Николаевич*, историк 66
- Шушерин Елизар Романов, сын боярский 148
- Щекин Постник, сытник 348
- Щелкалов Андрей Яковлевич, большой дьяк 178, 377, 439
- Щелкалов Василий Яковлевич, большой дьяк 178, 179, 295, 370, 377, 438, 448, 460
- Щелкаловы, дьяки 178, 350, 448
- Щенятев Петр Михайлович, князь, боярин 70, 155, 156, 283, 364
- Щепин Петр Данилович, князь 155

- Щенина-Оболенская, Анна, княгиня 139
- Щербатов М. М., князь, историк 11, 12, 454
- Щербатовы, князья 354
- Щербатый Дмитрий Михайлович, князь, опричник 355
- Щербатый Иван Григорьевич, князь 177
- Щербатый Осип Михайлович, князь, опричник 355, 364, 365, 476
- Щербачев Ю., историк 95
- Щербина Василий, дьяк 351
- Щербинин Василий, сын боярский 177
- Щетинин Иван Григорьевич, князь 143
- Щетинин Семен Александрович, князь 143
- Щетинины, князья 410
- Эйзенштейн С. М., режиссер 3, 46
- Эпштейн Ф. См. Epstein F.
- Эрих XIV, шведский король 85, 286, 434
- Юдин Афанасий, купец 185
- Юдинков Ждан Васильев, сын боярский 452
- Юдинков Иван Васильев, сын боярский 452
- Юмин Иван, большой дьяк 181, 439
- Юрий Иванович, дмитровский князь 446
- Юрий Васильевич, князь, брат Ивана IV 103, 216, 217, 224, 228, 363
- Юрьев Василий Михайлович, боярин, дворецкий, опричник 86, 88, 91, 100, 134, 162, 163, 196, 197, 308, 347, 364, 368, 372, 385, 460
- Юрьев Даниил Романович, боярин, дворецкий 86, 88, 100, 238, 372
- Юрьев Иван, большой дьяк 178, 439
- Юрьев Никита Романович, боярин 135, 196, 199, 279, 308, 365, 368, 372, 476
- Юрьев Протасий Васильевич, сын боярский 198, 351
- Юрьевы, боярский род 354
- Юхан III, король шведский 261, 286, 434, 449, 467, 468, 475
- Юшка, сапожник 424
- Юшков А. И., историк 66
- Яковлев А. И., историк 161
- Яковлев Василий Петрович, окольный, опричник 199, 348, 355, 364, 370, 379, 461, 462
- Яковлев Иван Петрович, боярин 86, 88, 126, 145, 149—151, 156, 196, 209, 265, 266, 353, 364, 439, 449, 461
- Яковлев Семен Васильевич, боярин 196, 209, 364, 442, 461, 462
- Яковлева Ольга Алексеевна, историк 203, 289, 437
- Яковлевы, боярский род 354
- Якушин Семен, сын боярский 350
- Якушкин П. И., историк 303
- Ян Ракига, проповедник 435
- Яницкий Н., историк 398, 399, 407, 415
- Янов-Ростовский Н. Д. См. Ростовский-Янов Никита Дмитриевич
- Ярослав Владимирович, князь 187
- Ярцев Семен Степанович, постельничий 348, 376
- Ярый Андрей Иванович, сын боярский 116
- Ярый Иван Иванович, сын боярский 116
- Ясинский А. Н., историк 76, 113, 268
- Яхонтов Андрей Иванович, сын боярский 177

- Anderson M. S. 50
Andrejev N. E. 71, 72, 74, 76,
113, 437
Attmann A. 50
Bidlo J. 435
Bielski Marcin 79, 96, 101, 108,
Bodniak St. 272
113, 153, 268, 270, 271, 272
Bolsover G. H. 49
Busse K. H. 287
Ciocan R. 48
Conzalez Ruiz Nicolas 50, 52
Donnert E. 48
Eckardt H. 50
Epstein F. 78, 119, 153, 264
Florovskij A. V. 48, 435
Graham S. 50
Gvagnini A. V. 78
Hansen G. V. 449, 463
Hjärne H. 468
Hoffmann P. 48
Ilek Bohuslav 47
Jaresh Leo 49
Kelch Chr. 269, 272
Kirchner W. 50, 78, 95, 119, 153
Lamansky V. 450
Leontovitsch V. 51
Maczak A. 48
Menken J. 50
Merlys J. 50
Meyendorff A. 50
Mienicki R. 101, 164
Müller L. 435
Neubauer Helmut 49
Niekerken W. 78, 119, 153
Nørretranders B. 49
Oderborn P. 290
Olivier D. 49
Piwarski K. 96, 101, 108, 124,
271, 272, 284
Roslanowsku T. 48
Ruffmann K. H. 50
Schaffgotsch K. 50
Schütz Ioseph 49
Seeberg-Elverfeld R. 78
Skolova Hanna 47
Staden H. 49
Stählin K. 49
Strykowski Maciej 79, 95, 96,
101, 108, 124, 153, 269, 272,
284, 331, 332, 394, 458
Tennel I. L. 49
Wawrzyńczyk A. 48
Willan T. S. 50, 262, 285
Vallotton H. 50
Vernadsky G. 421
Winter E. 77, 107

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ¹

- Авдотьино, с. Волоцкого у. 241
 Азов, г. 288
 Алатырь, г. 452
 Александрова слобода (Слобода) 71, 104, 120, 127—130, 134, 153, 201, 240, 260, 288, 289, 290, 294, 297, 303, 308, 311, 343, 348, 349, 368, 371, 373, 374, 391, 431, 437, 444, 451, 452, 453, 468, 470
 Алексин, г. 157, 160
 Алешня, вол. Московского у. 308
 Алыст (Алуксне, Мариенбург), замок в Прибалтике 177, 246, 285
 Англия 62, 180, 185, 261—263, 347, 348, 360, 391, 434, 435
 Андреевское, с. Переяславль-Залесского у. 153
 Антверпен, г. 183, 184, 185, 262
 Ануфриево, д. Белозерского у. 409
 Аргуновская вол. Переяславль-Залесского у. 308
 Астрахань, г. 36, 262, 286—288, 290, 436, 438, 445, 449, 450, 465, 468, 475
- Балахна, г. 209, 308
 Балтийское море 33, 39
 Бахчисарай, г. 260
 Бежецкая пятина Новгородской земли 4, 11, 303, 339, 340, 469
 Бежецкий Верх 58, 144, 172, 175, 206, 227, 234, 332, 356, 386, 399, 405, 406, 413, 419, 420
 Бежецкий у. 275, 279, 280
 Белая, г. 172, 175, 176, 356
 Белгород, г. 309
 Белев, г. 99, 104, 155, 160, 172, 177, 194, 195, 310, 315, 397
 Белевский у. 373
 Белмеки, г. в Великом княжестве Литовском 164
 Белое море 233
 Белозерский (край), у. 94, 279, 280, 308, 334, 335, 374, 409, 410, 427
 Белоозеро, г. 93, 97, 102, 118, 128, 146, 162, 172, 179, 194, 199, 267, 274, 277, 292, 316, 322, 324, 326, 334, 335, 338, 340, 374, 386, 387, 427, 443, 453
 Белоруссия 37
 Бельский у. Смоленской земли 336, 403
 Березовец, г. в Новгородской земле 206

¹ Принятые сокращения: волость—вол.; город—г.; деревня—д.; река—р.; село—с.; сельцо—с-цо; уезд—у.

- Богаевская вол. Владимирско-го у. 325, 469
 Боганский ям (у Слободы) 289, 290
 Богородицкое, с., вотчина Троице-Сергиева монастыря 431
 Богоявленское, с. Стародубского у. 332
 Болгария 48
 Болхов, г. 154, 156, 160, 195, 381, 383, 397
 Борань, с. под Оршей 107
 Борисково, д. Московского у. 323
 Борисов, г. 267, 272
 Борисовское, с. Владимирского у. 408
 Борисоглебское, с. Бежецкого у. 280
 Борисоглебское, с. Костромского у. 328
 Боровск, г. 147, 157, 172, 248, 265, 356
 Братошино, с. 465, 468
 Брест, г. 163
 Бронницы, с. Коломенского у. 453
 Брянск, г. 383
 Буйгород (Буй), г. в Заволжье 309, 316
 Быково, с. Волоцкого у. 241
- Вага (Важская земля), вол. в Поморье 295, 304, 309, 379
 Вакулово, д. Ярославского у. 320
 Варзуга (Варзужская), вол. в Поморье 309, 402, 403
 Варшава, г. 453, 457
 Васильевское, с-цо Стародубского у. 333
 Васильсурск, г. 383, 384
 Вашуриново, с-цо Рузского у. 405
 Велиж, г. 95, 177, 386
 Великая, слобода 129, 374
 Великие Луки, г. 95, 102, 138, 171, 174, 175, 177, 191, 265—267, 272, 283, 390
- Великий Новгород. См. Новгород Великий, Новгород
 Великое княжество Литовское. См. Литва, Литовское государство
 Венев, г. 258, 463, 478
 Верей, г. 120, 157, 174, 310, 386
 Весь Егонская, с. в Заволжье 423
 Вешкирец, вол. Владимирского у. 324, 409
 Вильно, г. 85, 101, 103, 264, 268
 Вильян (Феллип), крепость в Прибалтике 154, 177, 285
 Виремская вол. в Поморье 230
 Витебск, г. 95, 163
 Вичуга, вол. в Кинешемском у. 91
 Владимир, г. 92, 148, 154, 172, 179, 308, 324, 325, 386, 387
 Владимирец (Вольмар), г. в Прибалтике 114, 124, 187
 Владимирский у. 318, 324, 408, 409
 Власьево, с-цо Рузского у. 241
 Влех-Мариенгаузен (Валга), г. в Прибалтике 164
 Войбокола, д. Вотской пятины 420
 Волозерская вол. Обонежской пятины 334
 Воже, оз. 334
 Волга, р. 91, 106, 261, 287, 288, 296, 309, 329
 Вологда, г. 148, 153, 198, 251, 260, 285, 289, 295, 309, 310, 316, 368, 387, 396, 423, 425, 453
 Вологодский у. 408
 Волоколамск (Волок), г. 172, 177, 206, 386, 391, 393, 394, 403
 Волоколамский (Волоцкий), у. 241, 242, 327, 336, 399, 410
 Волхов, р. 199, 300, 309
 Вольмар. См. Владимирец
 Вольнь 113, 116, 118
 Воробьево, с. Московского у. 458
 Воронеж, г. 383

- Воронеч, г. в Псковской земле 153
 Воротынский, г. 97, 99, 104, 162, 172, 174, 194, 373
 Воскресенское, с. Белозерского у. 280
 Воскресенское, с. Новосильского у. 333, 410
 Восток 37, 84, 183, 185, 224, 425
 Восточное Замосковье 422
 Вотская пятнина Новгородской земли 57, 119, 399, 400, 401, 416, 419—421
 Вохна, вол. Московского у. 314
 Вселук, оз. 308
 Вселуцкая вол. Ржевского у. 308
 Выбор (Выборг), г. 383
 Выг, р. 227
 Выгозерская вол. 225—227
 Вышгород, г. 106, 120, 310, 314, 423
 Вышгородский у. 310, 373
 Вышний Волочек, г. 296
 Вяземский у. 120
 Вязьма, г. 107, 118, 144, 171, 172, 175, 177, 178, 194, 265, 310, 315, 319, 327, 342, 345, 348, 356, 357
 Галицкий у. 322, 328
 Галич, г. 97, 102, 163, 172, 194, 309, 316, 327, 396, 410
 Гдов, г. 383
 Германская Демократическая Республика 48
 Гжель, вол. Московского у. 308
 Гиенкумба, д. Вотской пятины 401
 Говье, г. 177
 Гомель, г. 163
 Горка, д. Вотской пятины 420
 Городок, г. в Великом княжестве Литовском 267
 Гороховец, г. 328, 363, 404
 Гродно, г. 193, 268
 Губин Угол, с. Коломенского у. 406
 Гусь, вол. Владимирского у. 308
 Дания 88, 95, 287, 449
 Данков, г. 282, 450, 451
 Двина, край 180, 232, 295, 304, 309, 310, 391
 Двина, р. 163—164, 187, 188, 233
 Дедернино, д. Московского у. 331
 Деделов, г. 383, 451
 Демон, городок Новгородской земли 206
 Деревская пятнина Новгородской земли 117, 119, 223, 469
 Дерпт, г. См. Юрьев
 Дикое, с. Вышгородского у. 310, 373
 Динабург-Невгин (Даугавпилс), г. в Прибалтике 164
 Дмитриевский, Гдетский погост Вотской пятины 401
 Дмитров, г. 92, 119, 157, 173, 248, 328, 329, 356, 455
 Дмитровский у. 207, 308, 329, 446
 Днепр, р. 96
 Домодедовская, вол. Московского у. 308
 Дон, р. 282, 288
 Дорогобуж, г. 108, 148, 173, 175
 Дрысь, г. 164, 187
 Дубков, г. 383
 Дуброва, г. 95
 Европа 33
 Египет 224
 Едомская вол. Ярославского у. 56
 Езжина, вол. Ржевского у. 309
 Епифанский у. 412
 Епифань, г. 463, 478
 Заволочье, район Ржевского у. 154, 177
 Задвинье 164, 190
 Закавказье 36
 Залесье, с. Московского у. 331
 Замосковный край 104
 Запад 84, 161, 171, 184, 191, 271, 381

- Западная Двина, р. 101, 164, 284
 Западная Европа 28, 39, 164, 184
 Западная Россия 108
 Запорожская Сечь 96
 Заречье, пригород Полоцка 188
 Звенигород, г. 157, 173, 174, 194, 248, 363, 406
 Звенигородский у. 207
 Зубцов, г. 173, 356
 Зубцовский у. 241
- Ивангород, г. 178, 302
 Ивановское, с. Костромского у. 325, 326
 Игрище, вол. Ярославского у. 56
 Иерусалим, г. 393
 Изборск, пригород Пскова 284, 285, 406
 Израиль 8
 Иран. См. Персия
 Исаковское, с. Костромского у. 325
 Италия 78, 396, 433
- Кавказ 36, 153
 Казанский у. 57, 392, 411
 Казанская земля, земляца. См. Казань 467
 Казань, г. 17, 56, 57, 139, 140, 142—146, 148, 153, 180, 182, 215, 243, 253, 262, 284, 286, 318, 319, 320, 323, 324, 330, 331, 336, 341, 411, 425, 438, 452, 467, 468, 475
 Калболи, д. Вотской пятины 401
 Калуга, г. 99, 104, 110, 155, 173, 265, 288, 321, 356, 454, 469
 Каменец, г. Великого княжества Литовского 163
 Каменное, д. Стародубского у. 333
 Каңдалакша, вол. в Кольской земле 402
 Канкар, городок 424
- Карашельской погост в Поморье 309
 Каргополь, г. 99, 295, 304, 309, 334, 423
 Каргопольский у. 375
 Касимов, г. 363
 Каспийское море 37
 Касьянов, городок на Оболе 161
 Кафа, г. 182, 288, 445
 Кашин, г. 117, 146, 154, 173, 315, 316, 321, 323, 327, 356, 386
 Кашинский у. 309, 327, 336, 374, 403, 409
 Кашира, г. 92, 173, 356, 451, 452, 459, 469
 Каширский у. 459
 Кебское, вол. в Поморье 309
 Кемь, вол. в Поморье 402
 Кереть, вол. в Поморье 402
 Кергедац, городок 424
 Кесь, г. 187
 Киев, г. 163
 Кижи, селение на Онежском оз. 225
 Кижское оз. 225
 Кимбияли, д. Вотской пятины 401
 Кинешма, г. 91
 Кирьяжский погост Корельского присуда 400
 Китай-город в Москве 255, 437
 Кишкино-Челяднино, с. Коломенского у. 279, 406
 Клин, г. 143, 144, 147, 173, 194, 296, 406, 467
 Клинский Круг, вол. в Клинском у. 309
 Клинский у. 309, 310, 336, 403
 Кнутово, д. Белозерского у. 334
 Кобец, городок в Великом княжестве Литовском 164
 Козельск, г. 92, 99, 104, 160, 173, 194, 198, 310, 315, 347, 356
 Козлово, с-цо Переяславского у. 330
 Койданы, г. в Великом княжестве Литовском 272

- Кокола, д. Вотской пятины 402
 Коломжа, селение в Поморье 229
 Коломенский у. 57, 109, 153, 279, 308, 453, 461
 Коломенское, подмосковное с. 127, 128, 454, 458
 Коломна, г. 92, 151, 173, 199, 265, 282, 288, 348, 356, 451, 469, 470
 Колывань (Ревель, Таллин), г. См. Ревель
 Комарово, д. Вологодского у. 408
 Коппе, городок 161, 267, 271
 Копысь, г. в Великом княжестве Литовском 95
 Копытовская вол. в Клинском у. 310
 Корбесали, д. Вотской пятины 400
 Корела, г. 57
 Корельский присуд Вотской пятины 400
 Коровичье, с. Московского у. 424
 Кострома, г. 92, 102, 146—149, 154, 173, 205, 241, 290, 316, 321, 322, 323, 325—328, 332, 334, 345, 356, 357, 386, 387, 396, 474
 Костромской у. 323, 325—327, 328, 342, 409
 Красный городок Псковской земли 153, 161, 177, 267, 383
 Кременск, г. 363
 Кртошин, г. в Польше 431
 Крым 36, 81, 86, 101, 110, 118, 154, 182, 185, 260, 287, 368, 369, 396, 450, 452, 458, 464, 468, 472, 474
 Кувезино, с-цо Стародубского у. 94, 333, 373
 Кудиново, д. Белозерского у. 334
 Кудосарь, д. Вотской пятины 402
 Куполи, д. Вотской пятины 401
 Курская земля (Курляндия) 187
 Курмыш, г. 383, 384
 Кюлакши, д. Вотской пятины 401
 Ладога, г. 57, 394, 401, 424, 426
 Ладожский присуд Вотской пятины 402
 Ладожский порог, погост на р. Волхове 309
 Ладожское оз. 308
 Лапландия 402
 Лапшев, г. 57, 411
 Лебедев, г. в Великом княжестве Литовском 272
 Лебяжье, с. около г. Орешка 467
 Ленинград, г. 5
 Лепль, г. в Великом княжестве Литовском 164
 Лива, р. 163
 Ливония 17, 31, 33, 36, 77, 81, 83, 85, 95, 102, 113, 124, 158, 160, 163, 164, 185, 190, 237, 264—266, 267, 272, 286, 287, 381, 390, 416, 431, 449, 452, 468, 476
 Ливонская земля 416
 Литва, Великое княжество Литовское, Литовское государство 7, 36, 61, 86, 91, 95—97, 100, 107, 109, 110, 112—114, 117, 118, 120, 122, 124, 126, 130, 138, 143, 146, 154, 157—160, 162, 164, 170, 175, 176, 177, 184, 186, 188, 190—192, 194, 204, 215, 239, 260, 264—269, 271, 275, 284, 287, 298, 304, 305, 357, 376, 394, 397, 431, 433, 444, 447, 452, 476
 Лифляндия 154, 264, 295
 Лихвин, г. 310
 Лондон, г. 80, 262, 391
 Лопаково, пустошь Московского у. 325
 Лопасня, р. 308, 469, 473
 Лосидкий погост Шелонской пятины 339
 Луда, посад в Поморье 229
 Лудзень (Лужа), г. в Прибалтике 164, 266

- Луки, г. См. Великие Луки
 Лукомль, г. в Великом княжестве Литовском 107, 187, 267
 Лух, г. 91, 478
 Луцк, г. 163
 Любим, г. 265
 Любимово, с-цо Ярославского у. 317
 Любич, г. 163
 Львов, г. 163
- Малая Немьюшка, вол. в Поморье 309
 Малый Ярославец, г. 173, 310, 469
 Мариенбург, г. См. Алыст
 Масельщина, д. Вотской пятины 402
 Матвеевщина, с. Коломенского у. 406
 Медведенка, р. 406
 Медна, с. Новоторжского у. 266, 296, 303, 406
 Медынь, г. 173, 194, 310, 356
 Мезень, г. 309
 Меховицы, с-цо Стародубского у. 324, 333
 Мещера, г. 386
 Мещовск, г. 173, 373
 Минск, г. 107, 267
 Михайлов, г. 383, 397
 Михайловский погост Обонежской пятины 309, 420
 Могилев, г. 163
 Можайск, г. 92, 95, 96, 120, 146, 171, 173, 175, 177, 179, 194, 310, 314, 315, 342, 345, 348, 356, 357, 390, 423
 Можайский, у. 106, 120, 310, 338, 373, 399
 Молоди, с. 61, 469, 470, 473—475, 478
- М о н а с т ы р и:**
 Антониев-Сийский, новгородский 66, 117, 404
 Благовещенский Киржачский 64
- Богоявленский Костромской 64
 Богоявленский (Николы Старого), московский 64, 253, 255, 256
 Брянский Свенский Успенский 66
 Бневский 299, 300
 Воскресенский (на Белом озере) 105
 Вяжицкий 420
 Иосифо-Волоколамский (Волоколамский) 65, 136, 207, 241—243, 245, 392, 404, 428
 Ипатьев, костромской 325, 326
 Каргопольский (Челмский) 99
 Калязин 409
 Кирилло-Белозерский (Кириллов) 58, 65, 75, 81, 94, 104, 205, 207, 213, 217, 238, 245, 247, 258, 260, 280, 289, 308, 328, 330, 373, 375, 409, 415, 424, 439, 453, 466, 467
 Корнильев Комельский 408
 Краснохолмский (Бежецкий Верх) 405, 413
 Махрищский Стефанов 66, 251, 280, 370, 374, 393
 Нижегородский Печерский 64, 66, 168
 Никитский Переяславский 64, 120, 285, 296, 406
 Николаевский Антониев 58
 Николаевский Корельский 58, 185
 Николо-Зарайский 451
 Новодевичий (Москва) 100, 254, 280, 455
 Павлов Обнорский 58
 Пафнутьев Боровский 168
 Покровский, суздальский 126, 373, 394, 419
 Псковско-Печерский 36, 74, 76, 103, 113
 Рождественский Епифанский 458
 Ростовский Борисоглебский 66, 155
 Свяжский Богородицкий 64, 243
 Серпуховской Высоцкий 388, 412

- Симонов, московский 66, 94, 207, 310, 333, 370, 373, 423, 424
- Соловецкий 19, 75, 221, 223—235, 237—239, 244, 245, 253—255, 259
- Спасо-Ефимьев (Преображенский), суздальский 94, 168, 332, 333, 348, 363, 380, 388, 408
- Спасо-Каменный 94
- Спасо-Преображенский, казанский 250, 258
- Спасо-Прилуцкий 64, 168
- Спаский Белевский 412
- Тверской Вотмицкий 65
- Тверской Отрочь 256, 298
- Троице-Сергиев (Троицкий) 64, 65, 94, 103, 108, 120, 128, 129, 153, 168, 204, 206, 207, 251, 256, 260, 265, 279, 289, 308, 315, 325, 329, 330, 404, 409, 415, 442, 443, 453
- Успенский Старицкий 242, 244, 336, 337, 403, 424
- Ферапонтов 168
- Чудов 64, 106, 207, 239
- Шаровкина пустынь (Перемышльский у.) 310, 373, 385
- Юрьевский Новгородский 168
- Ярославский Спасский 56, 93, 120, 150, 168, 292
- Мосальск, г. 92, 173
- Москва, г. 5, 33, 38, 74, 77—79, 83, 85, 86, 90, 92, 95—97, 101, 102, 105, 108, 111, 113, 117, 119, 120, 126—129, 131, 132, 134, 136, 147, 148, 153, 155, 157, 158, 160, 162, 164, 168, 173, 175—177, 182—185, 188, 192, 195, 198, 223, 224, 238, 240, 243, 245, 246, 248, 252, 253—256, 259—262, 266—269, 272—274, 278—280, 282, 283, 285, 287, 289, 292, 294, 295, 303—305, 313, 316, 321, 338, 340, 342, 348, 356, 368, 372, 374, 377, 378, 381, 384, 385, 390—394, 396, 397, 402, 404, 422, 425, 431—437, 440, 442, 450—461, 463—465, 470, 473, 475, 476
- Московский у. 57, 308, 320, 323—325, 327, 330, 409
- Московское государство. См. Русское государство
- Мстиславль, г. 95, 122
- Муром, г. 56, 145, 173, 356, 378, 393, 434
- Муромский у. 315
- Муромское, с-цо 308
- Мценск, г. 96, 98, 103, 383, 397
- Надпорожский стап Белозерского у. 334, 335, 410
- Нарва (Ругодив), г. 154, 177, 286, 294, 302
- Неверово, с. Старицкого у. 220
- Невель, г. 96, 102, 113, 122, 177, 390, 396
- Нерль, р. 408
- Нешерда, крепость 161
- Нижний Новгород, г. 140, 141, 148, 154, 182, 288—290
- Никольское, с. в Пошехонье 329
- Никольское, с. Суздальского у. 332
- Новая Ерга, с. Белозерского у. 279
- Новгород Великий, Новгород 11, 19, 47, 59, 64, 74, 75, 82—84, 108, 111, 112, 118, 139, 171, 173, 175, 177, 178, 181—184, 187, 198, 206, 209, 213, 220, 223, 224, 226, 228, 232, 233, 245, 246, 257, 260, 265, 266, 270, 273, 275, 287, 292—300, 301—305, 309, 315, 328, 339, 341, 347, 348, 356, 362, 381, 383—385, 390, 391, 415, 416, 421, 425, 426, 431, 434, 439, 442, 443, 448, 467, 468, 470—472, 474, 475, 479
- Новгород-Северский, г. 383
- Новгородская земля 217, 231, 233, 303, 393, 399, 413

- Повленское, с. Ярославского у. 318
 Повогородок, г. в Великом княжестве Литовском 107
 Новосиль, г. 97, 397, 450, 451
 Новосильский у. 410, 478

 Обола, р. 161, 164
 Оболенск, г. 99, 100, 104, 173
 Обонежская пятина 225, 227, 303, 334, 339, 411, 412
 Одоев, г. 97, 99, 104, 173, 383, 397, 451, 478
 Озерцо, с. Московского у. 120
 Озерище, пограничная крепость 77, 122, 159, 161, 163, 166, 177, 187, 390, 411
 Озерицкий повет 191
 Ока, р. 126, 452, 454, 457, 468, 473, 474
 Олема, вол. в Поморье 309
 Олешня, вол. Можайского у. 120
 Ольявидово, с. Дмитровского у. 329
 Омосова, д. Вотской пятины 420
 Онежское оз. 225, 309
 Онишево, д. Вотской пятины 402
 Опаков, г. 309
 Опочка, пригород Пскова 95, 177, 383, 396
 Орел, г. 161, 383
 Ореховский присуд Вотской пятины 392
 Орешек, г. 57, 383, 384, 401, 402, 423, 467
 Орлецы, местность в Поморье 233
 Орловский у. 161
 Орша, г. 95, 107, 109, 163, 196, 204, 264, 276, 331
 Остров, г. 383
 Офросимово, с-цо Московского у. 443
 Ошта, погост в Поморье 309
 Ошта, р. 309

 Пайда (Вайсенштейн), крепость в Прибалтике 477
 Палех, с. в Стародубе Рязановском 331
 Нахра, р. 308, 473
 Перекоп, в Крыму 452
 Перемышь, г. 97, 99, 104, 310, 316, 468, 478
 Перемышльский у. 373
 Переяславль-Залесский (Переяславль), г. 76, 92, 116, 129, 147—149, 153, 173, 175, 296, 316, 317, 319, 320, 329, 330, 345, 356, 372, 386, 453, 455
 Переяславль-Залесский (Переяславский) у. 93, 119, 129, 308, 330
 Пермь, г. 144, 251, 372, 424
 Персия (Иран) 261, 262, 286, 287
 Пертозеро на Соловках 229
 Перносарь, д. Вотской пятины 420
 Петрово городище, с-цо Суздальского у. 315
 Пехорский стап, Московского у. 324
 Печора, р. 426
 Пилоли, с. Вотской пятины 419
 Пинега, вол. в Поморье 309
 Пирогово, д. Белозерского у. 334
 Писцово, с. Костромского у. 327
 Плес, г. 316
 Плесская вол. 309
 Плова, р. 451
 Поволжье 141, 148, 174, 392, 426. См. также Среднее Поволжье
 Подмосковье 457
 Полоцк, г. 88, 100—102, 106—108, 117, 124, 159, 161, 163, 164, 188, 190, 191, 198, 267, 269, 271, 272, 274, 280, 353, 383, 389, 390, 391, 428
 Полоцкий повет 164, 166, 187, 188, 191
 Полчев, г. в Прибалтике 85, 177
 Мольша, Речь Посполитая 36, 43, 48, 61, 68, 77, 86, 160,

- 188, 203, 287, 293, 368, 369,
394, 396, 432—434, 436, 442,
449, 450, 465, 476
- Поморье 174, 262, 309, 347, 402,
426
- Поповская, д. Ярославского у.
319
- Порхов, г. 264
- Пошехонье, г., волость 173, 194,
205, 328, 329
- Почеп, г. 383
- Прибалтика 37, 85, 96, 184, 260,
264, 286, 287, 433, 444, 476,
477
- Прикамье 174
- Пронск, г. 383
- Псков, г. 74, 108, 139, 148, 154,
171, 173, 175, 177, 187, 188,
200, 206, 276, 278, 284, 293,
294, 302, 303, 336, 384, 390,
406, 416, 425, 442
- Псковская земля, Псковщина
153, 303
- Пузырево, с. Бежецкого Верха
227, 234
- Путивль, г. 383
- Пярну (Пернов), г. 124
- Радощковичи, г. в Великом
княжестве Литовском 268,
269, 272, 273
- Ракобор (Раквере), г. в При-
балтике 177
- Раменейце, вол. Московского
у. 314
- Ревель (Таллин), г. 61, 381,
390, 396, 433, 434, 449, 461,
462, 477
- Резекне-Режица, г. в Прибал-
тике 164, 266
- Речь Посполитая. См. Польша
- Ржев (Ржева Владимирова),
г. 118, 143, 144, 173, 175,
177, 198, 206, 241, 356, 423
- Ржевский у. 154, 308
- Рига, г. 78, 107, 124, 164, 166,
187, 188, 189, 190, 263, 264
- Ровно, г. 163
- Родилово, с. 120
- Рокитна, р. 120
- Романов, г. 93, 106, 146, 173,
248, 363
- Ропница, р. 166
- Рославль, г. 383
- Российская империя. См. Рус-
ское государство
- Россия. См. Русское государ-
ство
- Ростов, г. 153, 173, 316, 328,
356, 453
- Ростовский, у. 275
- Ругодив, г. См. Нарва
- Руза, г. 173, 205, 356, 386, 387
- Рузский у. 57, 241, 355, 403—
405
- Румынская Народная Респуб-
лика 48
- Руса. См. Старая Руса
- Русское государство, Россия,
Российская империя, Рос-
сийское государство, Русь,
Московское государство
3—5, 7, 12, 13, 16—33, 36—
52, 54—58, 60—62, 66, 74,
76—81, 84, 86, 92, 94—96,
101, 102, 104, 111, 112, 114,
122, 128, 132, 134, 136, 137,
141, 153, 157—161, 163, 166,
168, 174, 180, 182—184, 187,
191, 192, 194, 210, 212, 214,
224, 231, 235, 244, 246, 252,
255, 259—268, 271, 272, 278,
279, 284—287, 292, 301, 304,
305, 307, 312, 334, 341, 342,
345, 355, 357, 360—363, 370,
374, 376—378, 380, 381, 383,
387, 390—394, 396, 398,
403—406, 413—415, 422,
423, 426, 428, 429, 431—433,
435, 438, 445, 447—451, 459,
463, 465—468, 472, 475, 476,
478—480
- Ручья, д. Вотской пятины 402
- Ршанский (Оршанский) ям 266
- Рыльск, г. 383, 451
- Рязск, г. 202, 383, 384
- Рязанская земля, край, уезд
57, 174, 213, 404, 410, 458
- Рязань, г. 92, 93, 124—126, 129,
135, 148, 173, 288, 388, 393,
397, 410, 451

- Салославль, с. Коломенского у. 406
- Сандалакши, д. Вотской пятины 401
- Свияжск, г. 56, 57, 140—144, 146, 253, 278, 318, 320, 323, 331, 411, 425
- Свияжский у. 392, 411
- Свияжский город. См. Свияжск
- Святое, оз. 230
- Себеж, пригород Пскова 95, 177, 397
- Себежшина. См. Себеж
- Север русский, Север 78, 310
- Северный Кавказ 36, 37, 86, 287
- Северо-Восточная Русь 45, 71, 91, 106, 414
- Селигер, оз. 308
- Сенкин брод 472
- Серая, р. 129
- Серпухов, г. 96—98, 173, 194, 265, 388, 451—453, 457, 469, 473
- Сибирь 426
- Ситна, крепость на Великолукской дороге 161
- Слобода. См. Александрова слобода
- Слободище, с. в Черемхе 56
- Слошино, с. 120
- Смоленск, г. 95, 109, 122, 154, 163, 174, 176, 180, 184, 191, 198, 251, 278, 315, 328, 383, 390
- Смоленская земля, Украина, у. 108, 174, 328, 390
- Собакино, с. Московского у. 156
- Сокол, крепость на Наровской дороге 161, 177
- Солова, г. 383, 451
- Соловки, остров 245
- Сологинская вол. в Клинском у. 310
- Солокурье в Поморье 229
- Соль Вычегодская, г. 309, 334
- Сорока, р. 227
- Сороли, д. Вотской пятины 400
- Спасский погост в Кижях 225
- Среднее Поволжье 36, 145, 148, 207, 327, 411, 452
- Стамбул, г. 450
- Старая Ерга, с. Белозерского у. 279
- Старая Руса, г. 308, 309, 390
- Старица, г. 104, 106, 118, 157, 173, 194, 205, 215, 216, 243, 256, 335, 336, 338—340, 348, 423, 424, 470
- Старицкий у. 82, 327, 335, 336, 338, 403
- Стародуб Ряполовский, г. 102, 157, 173, 177, 206, 248, 316, 331, 356, 383, 478
- Стародубский (Стародуб Ряполовский) у. 373
- Стокгольм, г. 286, 434
- Суздаль, г. 126, 147, 148, 173, 194, 198, 310, 315, 316, 342, 345, 356, 387, 388
- Суздальский у. 135, 310, 316, 328, 348, 408, 409, 419
- Сума, р. 227
- Сумская вол. 227, 230, 232, 235, 236
- Сурожек, вол. Московского у. 363
- Суша, крепость на Великолукской дороге 161
- Сушево, д. Вотской пятины 402
- Сюрья, д. Вотской пятины 402
- Таллин (Колывань), г. 124, 468
- Танище, с-цо Белозерского у. 94
- Тарваст, г. в Прибалтике 85, 96, 97, 285
- Таруса, г. 173, 204, 308, 356, 455, 469
- Татарово, с. в Стародубе Ряполовском 332
- Тверская губ. 243, 256
- Тверской у. 336, 372, 403
- Тверь, г. 47, 93, 144, 148, 173, 250, 265, 274, 296, 298, 321, 356, 393, 406, 425
- Тесмино, с-цо Старицкого у. 338
- Терек, р. 450
- Тетюши, г. 452

- Тивроль, д. Вотской пятины 401
Толдожский погост Вотской пятины 419
Толшебор, г. на Кольванской дороге 369
Торжок, г. 93, 117, 147, 173, 175, 266, 296, 315, 356, 406, 425
Торопец, г. 171, 173, 175, 177, 191, 199, 267, 390
Тотьма, г. 308, 423
Тула, г. 147, 156, 173, 282, 356, 383, 388, 410, 451, 452
Турция 36, 62, 86, 190, 287, 450
Турчасов, г. 304, 424
- Углич, г. 92, 148, 154, 173, 175, 356
Угличский у. 308, 380
Угра, р. 309
Удорский погост в Поморье 309
Узола, вол. 308
Ула, крепость 120, 161, 267, 271, 284
Ула, р. 108, 109, 159, 331
Умба, вол. 402
Унжа, вол. Галицкого у. 396
Упсала, г. 261
Усвят, крепость 161, 177, 411
Усвятская вол. 166, 187
Успенский собор в Москве 104, 128, 220, 252, 253, 259
Устюг, г. 148, 276, 309, 394
Устюжна Железопольская, г. 56, 363, 376, 378, 386, 409
Усть-Вашка, вол. 309
- Фатьяново, с-цо Костромского у. 322
Феллин, г. См. Вильян
Фетинино, д. Белозерского у. 409
Франция 69, 304
- Хлебникова, д. Ржевского у. 308
- Холмово, д. Рузского у. 405
Холмогоры, г. 153, 233, 310, 316, 402
Хотово, д. Вотской пятины 402
Хотунь, вол. Московского у. 308, 473
- Чаронда, дворцовое село Белозерского у. 308, 334, 374, 379
Чашники, г. 267
Чебоксары, г. 102, 140, 392, 411
Черемшская вол. (Черемха) на Волге 56, 179, 329, 411
Черингов, г. 124, 383
Чернь, г. 397
Чехословакия, Чехия 47, 48
Чихачев, г. 91
Чусовая, р. 424
- Щадц, г. 383
Швеция 61, 83, 119, 124, 153, 160, 224, 261, 275, 280, 287, 348, 368, 379, 434, 436, 449, 466, 468
Шелонская пятнина 57. 119, 299, 319, 339, 346, 400, 412—415, 419, 421
Шниженская вол. в Поморье 230
Шклов, г. 95
Шубино, с- Переславского у. 330
Шуя, вол. 310, 402
Штеттин, г. 449
- Щепа, д. Шелонской пятины 419
Щитная ул. в Новгороде 226
- Эвст, р. 164
Эзель, остров 287
Эстония 85, 287
- Югославия 53
Юрикаярви, д. Вотской пятины 400, 401

- Юрьев (Дерпт, Тарту), г. 8, 69, 78, 89, 103, 112, 113, 140, 147, 154, 177, 187, 188, 198, 262, 274, 278, 400, 468
- Юрьев Повольский, г. (Юрьевецкий у.) 309, 351, 363
- Юрьев-Польский, г. и у. 55, 173, 205, 206, 315, 356, 421
- Юхотская (Юхта) вол. Ярославского у. 56, 363, 478
- Яргомыш, с. Белозерского у. 374
- Ярославец Малый, г. См. Малый Ярославец
- Ярославский у. 56, 181, 207, 315, 317, 318, 320, 321, 336, 347, 363, 388, 403, 409
- Ярославль, г. 93, 122, 149, 153, 173, 177, 179, 207, 316—321, 324, 327, 345, 356, 386, 388, 424, 453
- Яуза, р. 454
- Ячишка, р. 454

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией Академии наук (Акты Археографической экспедиции).
- АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России.
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
- АФЭиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
- ГИМ — Государственный Исторический музей.
- ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии.
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
- ДиДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
- ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика.
- ДРК — П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции по 1565 г. М., 1901.
- ЖМНПр — Журнал Министерства народного просвещения.
- НПК — Новгородские писцовые книги.
- ПКМГ — Писцовые книги Московского государства.
- ПЛ — Псковские летописи.

- ПРП — Памятники русского права.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- Сборник РИО — Сборник Русского исторического общества.
- СГГид — Собрание государственных грамот и договоров.
- Труды ГИМ — Труды Государственного Исторического музея.
- Труды ГПБ — Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- Труды МГИАИ — Труды Московского государственного историко-архивного института.
- Труды ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
- Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- Э — Эрмитажное собрание ГПБ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
Глава I. Историография. Обзор источников	7
Глава II. Предгрозовые годы	81
Глава III. Введение опричнины	127
Глава IV. Земский собор 1566 г.	159
Глава V. Митрополит Филипп и опричнина	212
Глава VI. Конец удела Владимира Старицкого и разгром Новгорода	260
Глава VII. Землевладение и социальный строй оприч- нины	306
Глава VIII. Преобразование государственного аппарата в годы опричнины	360
Глава IX. Усиление феодального гнета в опричные годы	389
Глава X. Закат опричнины	430
Приложение	481
Именной указатель	484
Географический указатель	521
Список принятых сокращений	533

Зимин, Александр Александрович

ОПРИЧНИНА ИВАНА ГРОЗНОГО. М., «Мысль», 1964.

535 с.

9 (с) 13

Редактор *Л. Лазаревич*

Мл. редактор *Г. Пылаева*

Обложка художника *Б. Шварца*

Художественный редактор *Н. Илларионова*

Технический редактор *В. Корнилова*

Корректоры *Л. Чижина, О. Мельникова, Ч. Савельева*

Сдано в набор 13 сентября 1963 г. Подписано в печать 23 декабря 1963 г. Формат бумаги 84×108^{1/2}. Бумажных листов 8,58 (с вклейками). Печатных листов 28,14 (с вклейками). Учетно-издательских листов 30,55 (с вклейками). Тираж 7 000 экз.
А 09569. Цена 2 р. 03 к. Заказ № 868.
ТП—1964 г. № 62.

Издательство социально-экономической литературы

«Мысль»

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова

Главполиграфпрома Государственного комитета

Совета Министров СССР по печати.

Москва, Ж-54, Валовая, 28.

А

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В ГОДЫ ОПРИЧНИНЫ
(1565—1572 гг.)

- Границы опричных территорий
 - Опричные города
 - Приблизительное направление движения Девлет-Гирея
 - 1571 Поход Девлет-Гирея на Москву 1571 г.
 - 1572 Второй поход Девлет-Гирея на Москву 1572 г.
 - 1569 Поход Селима II 1569 г. на Астрахань
 - Земли, взятые в опричнину в 1565 г.
 - Земли, попавшие в опричнину в 1566—1568 гг.
 - Земли, вошедшие в опричнину в 1569—1571 гг.
- 100 0 100 200 300 км